

Д. М. Легкий

К 150-летию судебной реформы 1864 г. в России

**ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТАСОВ:
СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.
И ФОРМИРОВАНИЕ
ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

С.-ПЕТЕРБУРГ 2011

УДК 94
ББК 63.3(2)51
Л 38

Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. 424 с., ил.

ISBN 978-5-86007-656-3

В книге на примере жизни и деятельности Дмитрия Васильевича Стасова (1828—1918) — одного из авторов Судебных уставов 1864 г., первого председателя С.-Петербургского Совета присяжных поверенных, директора Русского музыкального общества и автора устава С.-Петербургской консерватории — раскрываются особенности участия присяжной адвокатуры в судебной и общественной жизни России. Как адвокат Д. В. Стасов выступал защитником авторских прав известных русских композиторов — М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского, редакторов «С.-Петербургских ведомостей» и «Петербургского вестника»; либеральных и революционных деятелей на крупных судебных процессах (тверских мировых посредников, Каракозова, политических фальшивомонетчиков, нечаевцев, 193-х, 17-ти). Книга является первым обобщающим исследованием биографии Д. В. Стасова (ставшего символом присяжной адвокатуры — от ее учреждения в 1866 г. до упразднения в 1917 г.). В Приложениях впервые публикуются редкие архивные материалы: письма о подготовке судебной реформы 1864 г., защитительные речи на известных судебных политических процессах.

ББК 63.3(2)51
УДК 94

ISBN 978-5-86007-656-3

© Д. М. Легкий, 2011
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011

*Посвящаю
НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ТРОИЦКОМУ —
моему Наставнику в науке, Учителю по жизни*

ПАМЯТИ Д. В. СТАСОВА

Дмитрий Васильевич из людей 60-х годов <...> когда настала так называемая «эпоха великих реформ». Особо привлекало Стасова судебное преобразование. На его задачи он откликнулся двояко: сообщив комиссии по составлению Судебных уставов целый ряд глубоко продуманных, извлеченных из опыта замечаний и предложений и образовав частный кружок выдающихся юристов, где при его деятельном участии практически готовились условия и приемы судебных прений в будущем обновленном суде. Принятый затем, в числе первых двадцати семи, в присяжные поверенные, он был избран председателем Совета Петербургской адвокатуры и неоднократно впоследствии носил это звание, содействуя словом и примером разработке и введению в жизнь основных начал адвокатской этики, и через 50 лет после введения Судебных уставов, на праздновании юбилея русской адвокатуры, ему поднесено звание «почетного ее старейшины». Он не ограничивался одной адвокатурой — и в истории первых шагов женского образования и в летописях Русского музыкального общества его имя займет почетное место.

Для подробной оценки всех видов его деятельности, конечно, еще наступит время...

А. Ф. Кони

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Часть 1. «Неизвестный отец» судебной реформы 1864 г. в России	39
1.1. Участие в общественной жизни России	41
1.1.1. Становление человека и гражданина	41
1.1.2. Культурно-просветительская деятельность Д. В. Стасова	61
1.1.3. Д. В. Стасов в российском освободительном движении	76
1.2. Подготовка судебной реформы 1864 г. в России	103
1.2.1. Дореформенный суд и «стасовский юридический кружок»	103
1.2.2. Забытый автор Судебных уставов 1864 г.	119
Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения (1866–1917)	135
2.1. Адвокатская деятельность Д. В. Стасова	137
2.1.1. Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных	137
2.1.2. Политический защитник в «эпоху великих реформ» и «период контрреформ»	160
2.1.3. Адвокатура на защите интересов деятелей культуры	186
2.2. Д. В. Стасов в общественно-политической жизни России	200
2.2.1. Меценат, литературный и земский деятель	200
2.2.2. Адвокат Русской революции	219
Заключение	239
Эпилог	244
Приложения (судебные документы, адвокатские речи, письма)	251
1. Дореформенный суд и подготовка судебной реформы 1864 г.	253
Тюремные письма-прошения Д. В. Стасова	253
Прошение на имя Великого князя Константина Николаевича	253
Письма-прошения на имя управляющего III Отделением, шефа жандармов П. А. Шувалова	254
«Как бы то ни было, но судебная реформа скоро явится на свет...»	256
Письма Д. В. Стасова председателю Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецову (1862–1866)	256
Дело тверских мировых посредников	270
Рукоприкладство Д. В. Стасова на имя Правительствующего Сената за тверских представителей дворянств Корчевского уезда Балкашина С. М., новоторжского мирового посредника Кудрявцева В. Н.	270
2. Судебные политические процессы в новом суде	274
Процесс «иштуинцев» (Дело Каракозова)	274
Речь Д. В. Стасова, защитника Федосеева, обвиняемого в отцеубийстве	274

Речь Д. В. Стасова, защитника Малинина, обвиняемого в попытке царевубийства	275
Процесс 193-х (Дело о революционной пропаганде в империи)	279
Заявление присяжного поверенного Стасова относительно неправильности допроса по делу о революционной пропаганде в империи	279
Речь в защиту кружка Лермонтова	281
Речь в защиту пензенского кружка	291
Речь в защиту самарского кружка	297
Заключительная речь к разъяснению подробностей, касающихся каждого из подсудимых	308
Процесс нечаевцев	311
Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России	311
Процесс И. М. Ковальского	328
Дело о вооруженном сопротивлении на Садовой улице в Одессе. Судебное заседание 22 июля 1878 г.	328
3. Музыкальные процессы, которые вел Д. В. Стасов	331
Дело Стелловского с Даргомыжским (1868–1870)	331
Дело Л. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским	338
4. Судебные процессы о «нарушении законов о печати»	344
Дело о Временном редакторе газеты «С.-Петербургские Ведомости», титулярном советнике Андрее Сомове и студенте императорского С.-Петербургского университета М. Стравинском, обвиняемых в нарушении постановлений о печати	344
Дело о редакторе газеты «С.-Петербургские ведомости» коллежском асессоре В. Корше и авторе помещенной в этой газете статьи «из Владимирской губернии», коллежском секретаре Михаиле Ранге	348
5. Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда	354
Дело о присвоении крестьянином Алексеем Антоновым найденного им бумажника с 600 руб.	354
Дело о крестьянах ярославской губернии Петре Бакулине, Иване Прялошникове и подпоручике Андрееве, обвиняемых в подделке документов	368
Дело о баварских поданных — докторе богословия Алоизе Пихлере и Кресценции Виммер по обвинению первого в краже книги из Императорской публичной библиотеки, а второй в укравательстве заведомо краденых книг	372
Вехи жизни Д. В. Стасова	378
Библиография	388
Условные сокращения	414
Указатель имен	415
Сведения об авторе	423

ВВЕДЕНИЕ

С приближением крупной юбилейной даты в истории судебных преобразований в России — 150-летия знаменитой судебной реформы 1864 г. — должен возобновиться интерес к ней в самых различных формах. В начале XXI в. юристы все больше обращают внимание на позитивные стороны Судебных уставов 1864 г., включая их «опыт для современной адвокатуры»,¹ а молодые историки небезосновательно пытаются поставить в один ряд историческую триаду: «великие реформы 60–70-х гг. XIX в. в России» — «массовый рост революционного движения» — «ряд публичных политических судебных процессов», правда, с явным обвинительным уклоном по адресу присяжной адвокатуры.²

При обсуждении вопроса о целесообразности расширения прав адвокатуры и введения правового института суда присяжных как в России, так и в странах СНГ оппоненты постоянно ссылаются на один из самых известных судебных процессов (после введения в Российской империи судебной реформы 1864 г.) — по «делу Веры Засулич». Тогда, как известно, суд присяжных, подаваемый как «суд толпы» (хотя среди них были весьма уважаемые люди столичного общества), вынес оправдательный приговор «террористке», покушавшейся на жизнь царя-батюшки. Но ведь с таким же успехом можно в качестве доказательства обратного привести примеры других (не менее скандальных) судебных разбирательств, в частности, процесса по «делу Нечаева», открытого для прессы и публики, когда за убийство простого студента аналогичный суд присяжных вынес прямо противоположный вердикт. Впрочем, в современных СМИ, смело рассуждающих на самые сложные политико-правовые темы, нередко случаются не только откровенные, заказные передергивания, но и явные заблуждения публицистов. К сожалению, они имеют почву и в солидных научных юридических изданиях, где некоторые авторы пытаются «обосновать» нахождение истоков современного терроризма в условиях российской действительности как накануне, так и после введения судебной реформы 1864 г.³

Подобное отношение к результатам судебных преобразований и введению института присяжных поверенных уже наблюдалось сто с лишним лет назад в Российской империи. В современных учебных пособиях стало модным цитировать образные выражения из книги известных представителей

¹ См.: *Геворгиз А. А.* Присяжная адвокатура по Судебным уставам 1864 года и ее опыт для современной адвокатуры: Дис. ... канд. юр. наук. М., 2008; *Крестьянников Е. А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009.

² *Грезнева А. А.* Революционное движение в России 1870-х — начала 1880-х гг. в оценках присяжных поверенных: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

³ См.: *Панов Н. Ю.* Терроризм и террор в России XIX—начала XX века: понятие и сущность // *История государства и права.* 2001. № 1. С. 4.

«молодой адвокатуры» начала XX столетия А. В. Бобрищева-Пушкина и Ф. А. Волькенштейна «Прения сторон в уголовном процессе» (изданной в 1903 г.). В предисловии отмечалось, что в то время как во Франции, Англии и Бельгии адвокатам ставят памятники, их речи издаются сборниками и брошюрами, им предоставляются депутатские кресла и вручаются министерские портфели, в Российской империи «на адвокатов, на профессиональную защиту <...> направлены главные и самые ядовитые нападки». ⁴ «Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправде», адвокаты — «камелии права, продающие едва не с аукциона свои убеждения и свой талант <...> так честят у нас и по сю пору молодую адвокатуру...» ⁵ — это были самые мягкие, корректные выражения в период деятельности присяжной адвокатуры в дореволюционной России.

Вместе с тем в настоящее время судебно-правовое статус-кво в России (по мнению абсолютного большинства ученых и юристов-практиков) требует существенного обновления судебной системы, всего массива законодательной базы, многое из которой или не действует, или вольно интерпретируется. При этом если на будущее правовой системы в России и странах СНГ и нет единства взглядов, то мнения сходятся в оценке необходимости обращения к опыту исторического прошлого, особенно к наследию «великой» судебной реформы 1864 г. в Российской империи, когда благодаря смелому введению суда присяжных и адвокатуры в государственной системе появилось качественно новое, демократическое начало.

Явным признаком этого является, в частности, возвращение правового института суда присяжных на постсоветском пространстве, принятие новых законов, регулирующих деятельность адвокатуры, в 1992–1993 гг.: «Про адвокатуру» на Украине, «Об адвокатуры» в Республике Беларусь, а затем, с 1996 г., аналогичных законов в Узбекистане, Республике Казахстан, Республике Армения, Азербайджанской Республике, Кыргызской Республике, Грузии, Республике Молдова. С принятием Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. законодательно подтвердилась особая роль института адвокатуры в становлении и развитии гражданского общества, что должно обеспечить защиту прав, свобод и интересов граждан и организаций. Необходимость построения истинно правового государства настоятельно побуждает обратиться к историческому опыту. ⁶

Таким образом, в настоящее время в странах СНГ происходит возвращение правового института суда присяжных, принимаются новые законы,

⁴ См.: Адвокатская деятельность: учеб.-практ. пособие / Под ред. канд. юр. наук В. Н. Бурбина. М., 2003.

⁵ Волькенштейн Ф. А., Бобрищев-Пушкин А. В. Прения сторон в уголовном процессе. СПб., 1903. С. 4.

⁶ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 7; Бойков А. Д., Капинус Н. И. Адвокатура России. М., 2000. С. 5; Немытина М. В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 1–15; Тыныбеков С. Адвокатура как общественно-правовой институт: состояние и проблемы // Правовая реформа в Казахстане. 2003. № 3. С. 123–124.

регулирующие деятельность адвокатуры, что не только вызывает оживленные дискуссии среди профессиональных юристов, но и определяет широкий интерес общественности. Интересно, что подобная ситуация уже складывалась в Российской империи — после 1861 г., в связи с отменой крепостного права и проведением политических, «буржуазных реформ». По Судебным уставам 1864 г. Россия уже имела такие неперенные атрибуты демократического общества, как институт суда присяжных и институт присяжных поверенных — адвокатов, существовавший вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Ученые-юристы отметили, что положения судебной реформы 1864 г. распространялись и на окраины Российской империи — от современной территории Украины до Казахстана, но происходило это достаточно медленно и с большими ограничениями.⁷ Нас интересуют истоки этих демократических судебных преобразований, которые связаны не столько с «перстом указующим» самодержцев, сколько с общественным порывом широкого слоя демократически настроенной интеллигенции.

Обращает на себя внимание справедливое указание современных историков судебной реформы 1864 г. в России, что, положив начало правовому развитию страны, эта тема «всегда была и будет благодатной почвой для исследований»,⁸ причем и в настоящее время «принципы судостроительства и процесса, заложенные в судебных уставах, отнюдь не канули в лету <...> здоровое и полезное для общества в них может быть использовано».⁹

Долгое время история дореволюционной адвокатуры в России представляла особую исследовательскую проблему с многочисленными «белыми пятнами», что вызвало пристальный интерес ученых, активно и плодотворно разрабатывающих эту проблему.¹⁰ Только в наши дни по достоинству оценен и подвергнут объективному научному анализу как юридический, так и политический феномен присяжной адвокатуры, особенно деятельность корифеев ее «первого призыва» — К. К. Арсеньева, П. А. Александрова, С. А. Андреевского, Г. В. Бардовского, Н. П. Карабчевского, Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасова,

⁷ Святоцкий О. Д., Медведчук В. В. Адвокатура. Історія і сучасність. Київ, 1997. С. 21; Жалыбин С. М. Правовое положение адвоката в уголовном судопроизводстве. Алматы, 1998. С. 27; см. также: Гаврилова А. В. Формирование и развитие института адвокатуры в Западной Сибири в период разработки и реализации судебной реформы 60-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. юр. наук. Омск, 2005; Коваль С. Г. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в Центральной России (на примере Владимирской и Ярославской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2006; Вишневский В. Г. Особенности судебной реформы в Восточной Сибири (1864–1896 г.): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2008; Сотников А. А. Особенности проведения судебной реформы 1864 года на территориях Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁸ Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX–начало XX вв. Саратов, 1999. С. 5–6.

⁹ Судебная реформа / Под ред. Б. В. Виленского, О. И. Чистякова // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 8. М., 1991. С. 6.

¹⁰ См.: Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1990; Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990; Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX–начало XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1999.

В. Д. Спасовича, А. М. Унковского, А. И. Урусова и других.¹¹ Многие из них, как справедливо указывают современные ученые, вошли «в золотой фонд российской адвокатуры» и, несомненно, «достойны того, чтобы о них сказать больше и лучше».¹²

В последнее время под руководством видного саратовского ученого Н. А. Троицкого, создателя нового направления в исторической науке — истории российской присяжной адвокатуры и судебных политических процессов в России, были защищены докторские и кандидатские диссертации (в жанре научной биографии), посвященные видным деятелям отечественной адвокатуры, классикам судебного красноречия.¹³

Личность Дмитрия Васильевича Стасова долгое время незаслуженно оставалась в тени в сравнении с популярными в литературе именами его отца, выдающегося архитектора В. П. Стасова, брата, видного деятеля культуры В. В. Стасова, и дочери, видной деятельницы партии большевиков Е. Д. Стасовой. Но в последние годы исследователи обратили внимание на заслуги первого председателя С.-Петербургского совета присяжных поверенных, и в ведущих юридических и исторических журналах появились специальные публикации, посвященные различным сторонам деятельности забытого «отца судебной реформы», корифея отечественной адвокатуры.¹⁴

Имя Д. В. Стасова, благодаря его активному участию юриста в подготовке и проведении прогрессивных судебных преобразований, во многих общественных начинаниях, в развитии передовой отечественной культуры и борьбе за демократизацию страны, было широко известно его современникам и в настоящее время должно занять достойное место в истории общественного движения и отечественной адвокатуры.

Исходя из этого, представляется возможным показать роль Д. В. Стасова в общественной жизни и развитии адвокатуры в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. в России, что и является целью исследования. Для этого необходимо:

¹¹ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 27–331.

¹² Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность в России. М.; Ростов н/Д, 2004. С. 27; Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984. С. 15.

¹³ См.: Степанова А. В. А. И. Урусов — юрист и судебный оратор: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; Легкий Д. М. Присяжная адвокатура в общественной жизни Российской империи (по материалам деятельности Д. В. Стасова): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005; Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев: научная биография: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

¹⁴ См.: Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова (Воспоминания К. К. Арсеньева) // АЕ за 1983 г. М., 1985; Викторов А. М. Д. В. Стасов — адвокат, общественный деятель (1828–1918) // Правоведение. 1990. № 6; Малев Е. В. Первый председатель Санкт-Петербургских присяжных поверенных // Правоведение. 1995. № 1; Легкий Д. М. 1) Д. В. Стасов — политический защитник // Государство и право. 2001. № 10; 2) Дмитрий Васильевич Стасов — забытый автор судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. 2002. № 3; 3) Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных // Правоведение. 2003. № 3; 4) Либеральная общественность Петербурга в 1860–1870 гг. (по материалам семейного архива Стасовых) // Отечественная история. 2003. № 3; 5) Дмитрий Васильевич Стасов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 7.

- выявить особенности формирования мировоззрения русской адвокатуры на основе политико-правовых взглядов Д. В. Стасова;
- раскрыть различные аспекты жизни активного поборника передовой отечественной культуры и ревнителя народного просвещения;
- оценить состояние судоустройства и судопроизводства, особенности функционирования института стряпчих, ходатаев по делам в старом дореформенном суде;
- определить его роль в подготовке Судебных уставов 1864 г.;
- показать значение вклада Петербургского Совета присяжных поверенных в проведение судебной реформы 1864 г. в России;
- осветить его адвокатскую деятельность по защите интересов деятелей культуры;
- раскрыть политический и юридический смысл выступлений адвоката по делам о государственных преступлениях;
- выяснить причины противостояния присяжной адвокатуры и царских властей в пореформенной России;
- проследить степень изменений в карательной политике самодержавия под воздействием общественно-политических факторов;
- доказать на фактах связи присяжной адвокатуры с освободительным движением в России.

Хронологические рамки работы охватывают период от подготовки преобразований в недрах старого дореформенного суда в 1850-е гг. и развития присяжной адвокатуры после введения судебной реформы 1864 г. вплоть до ее упразднения в 1917 г. Основной упор (в соответствии с наличием необходимых исторических источников) сделан на вторую половину XIX в., «эпоху великих реформ», то есть на период наиболее активной общественной и юридической деятельности Д. В. Стасова. Предшествующий этому период 1830-х — начала 1850-х гг. важен для характеристики формирования его мировоззрения, а освещение периода начала XX в. необходимо для подведения итогов по основным сторонам деятельности выдающегося юриста и общественного деятеля.

Говоря о методологической основе исследования, необходимо уточнить существенный момент теоретического характера. Долгое время в советской исторической науке существовало откровенно предвзятое (за редкими исключениями) отношение к «буржуазной адвокатуре» в России, вследствие того что она неизбежно как «интеллигентская сволочь часто паскудничает».¹⁵ По иронии судьбы, данное определение, некритично взятое на вооружение советскими историками, принадлежит одному из представителей этого сословия — В. И. Ульянову. Интересно, что мнение вождя партии большевиков отразилось в одном из его подпольных писем к Е. Д. Стасовой, дочери «патриарха присяжной адвокатуры» Д. В. Стасова (который к тому же лично уберег автора знаменитого впоследствии изречения от неминуемого ареста летом 1917 г.). Понятно, что методологической основой ленинское ругательство,

¹⁵ См.: Ленин В. И. Письмо Е. Д. Стасовой к товарищам в Московской тюрьме // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 171.

едва ли не канонизированное в советской историографии, служить не может, да изначально и не предназначалось для этого; сказанное в конкретной исторической обстановке начала революции 1905–1907 гг. в России, оно к тому же не относилось к корифеям присяжной адвокатуры «первого призыва». Таким же образом, когда бывший помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов говорил, что «юристы — самые реакционные люди»¹⁶ (здесь он был, впрочем, недалек от истины).

Он имел в виду именно царских судей и прокуроров в пореформенной России, пристрастность которых была отчетливо видна (за редким исключением) на политических судебных процессах.

Современные ученые справедливо высказывают сожаление, что наследие, оставленное дореволюционными исследователями пореформенного суда, было «надолго предано забвению», и отмечают при этом «превосходные труды»¹⁷ непосредственно самих русских адвокатов — К. К. Арсеньева, Е. В. Васьковского, М. М. Винавера, П. В. Макалинского, раскрывших основные принципы, устройство и процессуальное функционирование адвокатуры,¹⁸ что помогает в познании ее сути.

Поражает грандиозность замысла программы издания «Истории русской адвокатуры» (39 разделов исследований), и, несмотря на издание только первых томов, посвященных учреждению и статусу адвокатуры,¹⁹ этот перспективный план является «путеводной звездой» для современной науки. Конечно, позиции и взгляды видных представителей юридической науки конца XIX–начала XX в. сегодня могут представляться вовсе не бесспорными и не лишенными авторских пристрастий. Но и в настоящее время есть необходимость вернуться к достижениям научных теоретических изысканий буржуазных ученых-процессуалистов Н. С. Таганцева, С. И. Викторского, М. В. Духовского, Н. Н. Розина, И. Я. Фойницкого,²⁰ историков судебной реформы 1864 г. в России Д. Н. Бородина, Н. В. Давыдова, Г. А. Джаншиева, А. А. Жижиленко, А. Ф. Кони, Н. И. Полянского, М. А. Филиппова,²¹ юристов,

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Немытина М. В.* Суд в России... С. 11–20; *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. С. 10.

¹⁸ См.: *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–74 гг. Ч. 1–2. СПб., 1875; *Васьковский Е. В.* Организация адвокатуры // Адвокат в уголовном процессе / Сост. С. Н. Гаврилова; Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997; *Винавер М. М.* Очерки об адвокатуре. СПб., 1902; *Макалинский П. В.* С.-Петербургская присяжная адвокатура // Адвокат в уголовном процессе. М., 1997

¹⁹ См.: *История русской адвокатуры.* Т. 1. *Гессен И. В.* Адвокатура, общество и государство. М., 1914; ср.: 2-е изд. М., 1997; Т. 2–3. Сословная организация адвокатуры / Под ред. М. Н. Гернета. М., 1916.

²⁰ См.: *Таганцев Н. С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1–4. СПб., 1887–1892; *Фойницкий И. Я.* 1) Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1896; 2) Русская карательная система. СПб., [б. г.]; Хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. М., 1999.

²¹ См.: *Бородин Д. Н.* Исторический очерк русской адвокатуры 1864–1914. Ч. 1. Пг., 1915; *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1895; *Джаншиев Г. А.* 1) С. И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889; 2) Эпоха великих реформ. СПб., 1907; *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. К 50-летию Судебных Уставов. 1864–1914. М., 1914; *Судебная реформа* / Под ред.

исследователей судебного красноречия Б. Б. Глинского, Л. Д. Ляховецкого, П. Сергеича (П. С. Пороховщикова), А. Г. Тимофеева,²² осветивших принципиально важные положения для понимания предназначения адвокатуры, ее роли в служении общественным интересам по защите прав граждан, раскрывших связь между задачами и принципами организации судебной системы и публично-правовой ролью адвокатуры.²³ Целое столетие отделяет нас от времени издания их трудов, но, по справедливому мнению современных исследователей, их значимость «не только в познании ушедшего от нас прошлого», но и в том, «насколько актуальны многие проблемы, поставленные учеными-правоведами России в прошлом».²⁴

В современной методологической системе достаточно много различных вариантов выбора, и вполне справедливым является утверждение современных ученых, что на данном этапе развития исторической науки каждый историк может сам размышлять о путях достижения научных результатов, о границах применения тех или иных методов исследования.²⁵

Наиболее важным остается принцип историзма. Видные исследователи проблем современной адвокатуры неизменно отводят особую роль в познании адвокатуры исторической науке, которая позволяет уяснить, когда, где и как зарождалась адвокатура, что было ее прообразом, чем вызвано появление в обществе такого феномена, как восприняла появление адвокатуры официальная государственная власть. Поэтому исторический подход к явлению такого феномена, как присяжная адвокатура, действительно служит важной методологической основой познания ее сути, уроков прошлого, выявления прогрессивных принципов, выдержавших проверку временем, особенностей организации и функционирования.

Без использования метода конкретно-исторического изучения социального явления адвокатура, во всей ее полноте и сложности содержания, правильно понята быть не может. Более того, знание истории вопроса служит одним из надежных способов понимания проблем современной адвокатуры. Осмыслению ее состояния должны способствовать знания трансформации данного социального института. Таким же образом системный подход позволит изучить адвокатуру как правовой институт и одновременно как социальный процесс с выявлением изменения места адвокатуры в обществе.²⁶

Наряду с этим надо выделить частные и специальные методы в изучении истории судебных преобразований, этапов развития адвокатуры, как, например,

Н. В. Давыдова, Н. И. Полянского. Т. 1–2. М., 1915; *Филитов М. А. Судебная реформа в России. Т. 1–2.* СПб., 1871, 1875.

²² См.: *Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие.* СПб., 1897; *Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них.* СПб., 1897; *Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России: критические очерки.* СПб., 1890.

²³ См.: *Адвокат в уголовном процессе.* М., 1997. С. 3.

²⁴ *Хрестоматия по уголовному процессу России.* С. 8–9.

²⁵ См.: *Парфенов И. Д. Методология исторической науки.* Саратов, 2001. С. 17.

²⁶ См.: *Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России.* М., 2001. С. 18; *Галоганов А. П. Российская адвокатура: история и современность.* М., 2003. С. 7.

сравнительно-исторический и сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод. В работе сочетаются проблемный принцип исследования с хронологическим, что позволяет остановиться не только на освещении происхождения и статуса адвокатуры, но и последовательно, хронологически показать этапы ее формирования и развития на примере деятельности Д. В. Стасова. В целом, в соответствии с междисциплинарным подходом, настоящая работа написана на стыке как чисто исторических, так и юридических наук, что позволяет комплексно рассмотреть и решить поставленные задачи.

Во многих исследованиях, включая биографии исторических деятелей, в историографии вопроса хронологически выделяются досоветский и советский периоды. Иногда идут по другому пути, когда в хронологическом порядке рассматривают публикации источников и в то же время оценивают появившиеся на их основе научные труды,²⁷ что также вполне оправданно.

Заслуги Д. В. Стасова признавали многие его современники — дореволюционные историки, ученые-правоведы, и они высоко оцениваются исследователями в настоящее время. Для систематизации этих данных необходимо более подробно проанализировать многочисленную монографическую и научно-популярную литературу, за исключением литературы общего характера.

Нами сделана попытка использовать нетрадиционный принцип изложения. Это связано с тем, что в изучении данной темы просто невозможно четко разграничить периоды в историографии по идеологическому принципу — «до и после» 1917 г. Начиная со второй половины XIX в. и до конца 20-х гг. XX в. о жизни и деятельности Д. В. Стасова писали в одном и том же духе (за редким исключением) все его современники, что и стало первым периодом в изучении нашей темы. Затем, на втором этапе, только в послевоенное время начинают появляться публикации, касающиеся различных фактов из его биографии. Таким образом, в историографии данной темы выпадает целый пласт времени более чем в четверть века (1930–1950-е гг.), когда имя замечательного юриста, как и многих других видных общественных деятелей, было предано забвению.

Важным источником для изучения настоящей темы являются свидетельства представителей семьи Стасовых, которые оставили значительное литературное наследие, непосредственно касающееся истории «стасовского клана». Известному критику В. В. Стасову принадлежит книга о его сестре,²⁸ причем Дмитрий Васильевич и его жена Поликсена Степановна Стасовы не преминули составить целый ряд замечаний и поправок к исследованию своего именитого родственника, раскрывающих их собственную роль в развитии народного образования.²⁹ Не получившая одобрения цензуры книга была запрещена для продажи, поэтому автор передал ее в фонд Высших женских курсов.³⁰

²⁷ См.: *Итенберг Б. С. П. А. Лавров в русском революционном движении*. М., 1988. С. 4–32.

²⁸ См.: *Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова*. СПб., 1899.

²⁹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 435. Л. 1–9.

³⁰ *Бозословская Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в.* // *Революционная ситуация в России в 1859–61 годах*. Т. 6. М., 1974. С. 124.

Затем, уже в советский период, Варвара Дмитриевна Комарова, старшая дочь Д. В. Стасова (писавшая под псевдонимом Вл. Каренин), опубликовала двухтомную биографию своего именитого дяди Владимира Васильевича Стасова.³¹ В книге использован богатый фактический материал из стасовского архива, благодаря чему широко освещается система воспитания в их семье (повлиявшая на формирование мировоззрения ее отца) и приводятся интересные факты участия стасовского клана в общественной жизни страны. Здесь же воспроизводятся данные из напечатанного ранее предисловия В. Д. Комаровой к переписке Д. В. Стасова.³² Используя лишь материалы семейного архива, В. Д. Комарова показала активную общественную деятельность своего отца, включая негласное участие в разработке Судебных уставов 1864 г.

Продолжая изучать его биографию, она написала статью «Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель»,³³ которая до настоящего времени является единственной специальной работой, посвященной его музыкальной деятельности. Тематически публикацию дополняют подробные комментарии В. Д. Комаровой к переписке В. В. Стасова с Л. Н. Толстым, М. А. Балакиревым, материалам к биографии М. П. Мусоргского и его письмам к Д. В. Стасову, в которых приводятся документальные материалы, свидетельствующие об активном участии последнего в культурной жизни России.³⁴

В дореволюционной историографии имя Д. В. Стасова впервые появилось на страницах нелегальной литературы. Известный революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский в публицистической книге «Россия под властью царей», опубликованной в ряде стран Европы и Америки, оценил Д. В. Стасова как «известного петербургского адвоката», разоблачившего чудовищную ошибку царской юстиции в ходе процесса «193-х».³⁵ В российских легальных изданиях был поставлен вопрос об участии Д. В. Стасова в революционном движении, причем В. Я. Богучарский в своих книгах правомерно отвергал его причастность к деятельности «Народной воли».³⁶

Дореволюционные исследователи по достоинству оценили роль и значение деятельности Д. В. Стасова в культурной жизни России. На строго документальной основе написана книга редактора «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзена, который указал на роль Д. В. Стасова в создании Русского музыкального общества.³⁷ Профессора С.-Петербургской консерватории А. И. Пузыревский и Л. А. Саккетти составили очерки по истории музыкальных учреждений

³¹ См.: Каренин Вл. Владимир Стасов. Ч. 1–2. Л., 1927.

³² См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 272–281.

³³ См.: Музыка и революция. 1928. № 7–8. С. 33–36.

³⁴ См.: Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка / Под ред. В. Д. Комаровой. Л., 1929; Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / Под ред. В. Д. Комаровой. М., 1935; М. П. Мусоргский. Письма и документы / Под ред. В. Д. Комаровой. М., 1932.

³⁵ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 189.

³⁶ Богучарский В. Я. 1) Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX в. М., 1912. С. 339; 2) Революционная журналистика 70-х годов. СПб., 1907. С. 514.

³⁷ См.: Финдейзен Н. Ф. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества (1859–1909). СПб., 1909. С. 1–29.

в России, кратко упомянув о заслугах Дмитрия Васильевича в их создании.³⁸ Используя лишь официальные документы, они не могли знать все подробности.

Долгое время дореволюционные юристы незаслуженно обходили вниманием не только факт причастности Д. В. Стасова к созданию Судебных уставов 1864 г., но и его активное участие в качестве присяжного поверенного на многих крупных политических и уголовных процессах того времени. Авторы фундаментальных монографий о судебной реформе (Г. А. Джаншиев, М. А. Филиппов),³⁹ исследователи судебного красноречия в России (Б. Б. Глинский, Л. Д. Ляховецкий, А. Г. Тимофеев)⁴⁰ вообще не упоминают имени «старейшины отечественной адвокатуры», как, впрочем, и других корифеев присяжной адвокатуры «первого призыва».

Отмечая заслуги видного адвоката, историки указали, что мало кто смог «обойти его молчанием», но дело ограничивалось почетной публикацией фотографий Д. В. Стасова с краткими биографическими сведениями.⁴¹ Исключением является фундаментальная «История русской адвокатуры», где раскрывается его роль как одного из руководителей Петербургского Совета присяжных поверенных, но опять же без анализа его непосредственной адвокатской деятельности (что, впрочем, не входило в задачи автора первого тома книги).⁴²

Заслуги первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных были по достоинству оценены в знаменитой книге «Отцы и дети судебной реформы», где, наряду с характеристикой других видных судебных деятелей, был создан яркий «портрет Нестора русской адвокатуры — Дмитрия Васильевича Стасова». ⁴³ Узнав о его смерти, А. Ф. Кони посчитал своим долгом написать 1 мая 1918 г. некролог о товарище и единомышленнике.⁴⁴ На торжественном собрании, посвященном памяти Дмитрия Васильевича, он выступил с блестящей речью «Нравственный образ Стасова»,⁴⁵ которая частично была опубликована в печати, а затем вошла (в переработанном виде) в прижизненное собрание его сочинений.⁴⁶ Впрочем, четвертый том этого издания, вышедший за границу, стал библиографической редкостью. В восьми томах собрания сочинений А. Ф. Кони, изданного в советское время, этой статье уже не нашлось места, а имя Д. В. Стасова упоминается только один раз — в тексте речи А. Ф. Кони о деятельности юридических обществ в России.⁴⁷

³⁸ См.: Пузыревский А. И. Императорское Русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб., 1909; Пузыревский А. И., Саккетти Л. А. Очерки 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912.

³⁹ Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ; Филиппов М. А. Судебная реформа в России.

⁴⁰ См.: Глинский Б. Б. Русское судебное красноречие; Ляховецкий Л. Д. Характеристика известных русских судебных ораторов...; Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России.

⁴¹ См.: Бородин Д. Н. Исторический очерк русской адвокатуры 1864–1914.

⁴² См.: История русской адвокатуры. Т. 1.

⁴³ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. С. 283–284.

⁴⁴ См.: Вечерняя заря. 1918. 1 мая; Биржевые ведомости. 1918. 1 мая.

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 494. Л. 65; Оп. 4. Д. 604. Л. 111–115.

⁴⁶ См.: Кони А. Ф. 1) Памяти Д. В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13–14 мая; 2) На жизненном пути. Т. 4. Ревель; Берлин, 1923. С. 417–420.

⁴⁷ Кони А. Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 296.

После свержения самодержавия на деятельность Д. В. Стасова обратили внимание такие видные исследователи освободительного движения, как В. Е. Чешихин-Ветринский и М. К. Лемке. У первого известный адвокат представлен как один «из защитников каракозовцев»,⁴⁸ а второй привел сведения о его причастности к революционному движению в ряде сносок и примечаний в издании собрания сочинений А. И. Герцена. М. К. Лемке впервые ввел в научный оборот документы из секретного архива III Отделения, проливающие свет на дело о содержании Д. В. Стасова под арестом в 1861 г. и учреждении за ним полицейского надзора.⁴⁹ В эти же годы П. Е. Щеголев отмечал участие адвоката на Каракозовском процессе и активно использовал его воспоминания об этом деле как важный исторический источник.⁵⁰

С конца 1920-х по начало 1950-х гг. о каком-либо внимании к деятельности «буржуазной адвокатуры» говорить не приходится. Только после длительного перерыва Д. В. Стасову стало уделяться все большее внимание в самых различных трудах советских ученых: в цикле книг о жизни его именитых родственников приводятся краткие биографические сведения; в ряде исследований по истории первой революционной ситуации в России показывается его причастность к освободительному движению; в работах о карательной политике царизма и судебных преобразованиях освещается адвокатская деятельность; в публикациях о жизни и деятельности выдающихся представителей литературы и искусства имеются многочисленные упоминания об его участии в культурной жизни России.

Целый ряд отдельных исследований, публицистических книг, посвященных его отцу, брату и дочери, можно условно назвать стасоведением.⁵¹ Многие из этих работ являются научно-художественными биографиями, вследствие чего нередко сочетают в себе собственно научные методы и художественную интуицию. Такой жанр допускает использование элементов домысла как формы научной гипотезы,⁵² но в данном случае иногда приводит к субъективности в оценке Д. В. Стасова, в частности к преувеличению его революционных заслуг, что отчасти можно объяснить идеологической направленностью исторической науки в то время.

⁴⁸ Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923. С. 175.

⁴⁹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. XI. Пг., 1919. С. 312–313; Т. XV. Пг., 1920. С. 107; Т. XX. Пг., 1923. С. 113.

⁵⁰ См.: Щеголев П. Е. 1) Каракозов в Алексеевском равелине // Музей революции. Сб. 1. Пг., 1923; 2) Алексеевский равелин. М., 1989.

⁵¹ См.: Петров А. П. Архитектор Василий Петрович Стасов. Л., 1950; Пилявский В. И. Стасов-архитектор. Л., 1962; Суворова Е. И. В. В. Стасов и русская передовая общественная мысль. Л., 1956; Салита Е. Г., Суворова Е. И. Стасов в Петербурге. Л., 1971; Левидова С. М., Салита Е. Г. Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969; Маркевич А. П. Стасов. Гражданин. Критик. Демократ. Киев, 1969; Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. М., 1976; Подляшук П. И. Богатырская симфония. М., 1982; Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. Л., 1982; Липилин В. Г. Абсолют. Л., 1990; Тыжненко Т. Е. Василий Стасов. Л., 1990; Голубева О. Д. В. В. Стасов. СПб., 1995.

⁵² Павлова Т. А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 41.

Особо выделяется своей фундаментальностью монография А. К. Лебедева и А. В. Солодовникова, созданная на основе глубокого изучения литературы и широкого круга источников с привлечением ряда интересных архивных материалов, в том числе о преследовании царским правительством семьи Стасовых.⁵³ Надо отдать должное и большой исследовательской работе, которую проделал Е. Г. Салита, обработавший важные документы из стасовского фонда,⁵⁴ но отсутствие научно-справочного аппарата в его книгах значительно затрудняет анализ приведенного им материала.

Ряд видных специалистов по истории революционного движения в России — З. П. Базилева, И. Е. Баренбаум, Л. П. Богословская, А. А. Демченко, Б. П. Козьмин, Ю. Н. Коротков, Н. Н. Новикова, Э. А. Павлюченко, И. В. Порох, Н. А. Троицкий, Н. Я. Эйдельман — уделил большое внимание революционным заслугам Д. В. Стасова. В их трудах освещается его причастность к лондонским переговорам Герцена и Чернышевского в 1859 г. (причем эта роль трактуется с полярных точек зрения)⁵⁵ и наиболее важные факты участия в общественной жизни России, преследования со стороны царских властей.⁵⁶ Многие известные историки революционного движения (Б. П. Козьмин, Э. С. Виленская, Р. В. Филиппов, Н. Я. Эйдельман) обращали внимание на вклад Д. В. Стасова в судебные преобразования, неизменно включая его в число «королей адвокатуры» или просто называя «известным впоследствии адвокатом».⁵⁷

⁵³ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 71.

⁵⁴ См.: Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде.

⁵⁵ См.: Козьмин Б. П. 1) Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом // Литература и история. М., 1982; 2) К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959; Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963; Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 г.). // Прометей. 1971. № 8; Новикова Н. Н. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского с редакторами «Колокола» и ее значение для борьбы за единство революционных сил в России // Проблемы истории общественного движения в историографии. М., 1971; Демченко А. А. Из истории поездки Чернышевского к А. И. Герцену // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975; Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979; Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979; Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова; Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981.

⁵⁶ См.: Базилева З. П. 1) К истории первых артелей разночинцев // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; 2) Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965; Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60–70-х годов XIX века // Книга. Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965; Новикова Н. Н. Революционеры 1861 г. М., 1968; Богословская Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в.; Шлемин П. И. Дневник К. К. Арсеньева // Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978; Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979; Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.

⁵⁷ См.: Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон... С. 43; Виленская Э. С. Революционное подполье в России. М., 1965. С. 9, 425; Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 145; Филиппов Р. В. Революционная народническая организация Н. А. Иштутина — И. А. Худякова (1863–1866). Петрозаводск, 1964. С. 88.

Во всей этой массе публикаций сконцентрирован разнообразный ценный материал, раскрывающий активное участие Д. В. Стасова в общественном движении. Вместе с тем некоторые историки, не сумев критически или хотя бы внимательно подойти к используемым источникам, допустили ряд фактических ошибок и неверных утверждений, порой даже сознательно натянутых, а другие исследователи принимают их на веру и повторяют в своих работах. Так, Н. Н. Новикова провела кропотливую работу, изучив массу документальных материалов о деятельности Д. В. Стасова (здесь надо отдать ей должное), но эти данные зачастую, под видом научных гипотез и предположений, подгоняются под заранее разработанную схематическую концепцию. Это приводит не только к идеализации революционных заслуг Д. В. Стасова, что еще можно понять, но и к искажению исторических фактов, что уже оправдать трудно.⁵⁸

Казалось бы, все недоразумения в освещении юридической деятельности Д. В. Стасова должны быть сняты в трудах по истории русской адвокатуры и судебных преобразований, но исследователи здесь допускают ряд досадных неточностей. В первой же советской монографии, посвященной формированию и развитию присяжной адвокатуры в России, вообще умалчивается о заслугах Стасова как первого председателя Петербургского совета присяжных поверенных, в качестве которого здесь ошибочно назван К. К. Арсеньев,⁵⁹ позднее занявший этот пост.

Другой современный юрист-исследователь совершенно справедливо отметил значимость адвокатской деятельности Д. В. Стасова,⁶⁰ но, указав на отмеченную выше очевидную ошибку Н. В. Черкасовой, сам допускает вовсе не научные методы работы. Широко используя в работе неопубликованный доклад видного историка судебной реформы 1864 г. в России А. А. Жижиленко на аналогичную тему,⁶¹ современный «правовед» не указывает имя действительного автора. Для пущей убедительности дважды сославшись на архив при цитировании не им обнаруженных документов, А. М. Викторов без стеснения позаимствовал чужой текст, приводя ссылки на редкие дореволюционные издания из научного труда дореволюционного юриста как свои собственные. Для сравнения отметим, что в этом же солидном юридическом журнале член петербургской коллегии адвокатов Е. В. Малев в специальной статье о Д. В. Стасове (используя в основном опубликованные материалы из дореволюционных и советских изданий), в лаконичной форме, ярко и образно доказал значимость деятельности первого главы петербургских присяжных поверенных.⁶²

⁵⁸ См.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 65–68.

⁵⁹ Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX в. М., 1987. С. 115.

⁶⁰ Викторов А. М. Д. В. Стасов — адвокат, общественный деятель (1828–1918 гг.) // Правоведение. Изв. вузов. 1990. № 6. С. 56–61.

⁶¹ См.: Жижиленко А. А. Д. В. Стасов как юрист и общественный деятель // РО РНБ. Ф. 283. Оп. 218. Д. 4. Л. 1–34.

⁶² См.: Малев Е. В. Первый председатель Санкт-Петербургских присяжных поверенных. С. 95–101.

Впервые роль присяжной адвокатуры в общественно-политической жизни страны с самым подробным освещением деятельности наиболее видных ее представителей (в том числе Д. В. Стасова) была раскрыта Н. А. Троицким в трудах по истории политических судебных процессов в России, что стало принципиально новым направлением (как для советской, так и современной отечественной исторической науки). Подвергнув тщательному анализу огромную массу судебно-следственных материалов, документов официального делопроизводства, широкий круг источников, он постепенно, шаг за шагом, раскрывает историю адвокатуры в России как в отдельных научных публикациях,⁶³ так и в фундаментальных исследованиях.⁶⁴ Особо хотелось бы отметить вклад исследователя в изучение персоналий корифеев русской присяжной адвокатуры,⁶⁵ в число которых он включает Д. В. Стасова.

Всестороннее изучение проблемы позволило Н. А. Троицкому показать в тесном взаимодействии борьбу революционного лагеря, позицию либеральных адвокатов и внутреннюю политику царизма, подробно проанализировав при этом царское судопроизводство. Бесспорно справедлива его мысль, что сословие присяжных поверенных, благодаря своим смелым публичным выступлениям, стало самой активной выразительницей общественного мнения. Н. А. Троицкий впервые сумел раскрыть на богатом фактическом материале участие присяжной адвокатуры в освободительном движении, в борьбе с самодержавием и остатками крепостничества в России, о чем долгое время избегали говорить как дореволюционные, так и современные историки. Видный историк по достоинству оценил заслуги классиков судебного красноречия, впервые в исторической науке полномасштабно представив совершенно новый юридический и политический феномен в лице самоуправляющейся демократической корпорации присяжных поверенных.⁶⁶

⁶³ См.: Троицкий Н. А. 1) Процесс «193-х» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965; 2) Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1890) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968; 3) Дело «нечаевцев» // Освободительное движение в России. 1975. № 4; 4) Процесс «17-ти» // Советское государство и право. 1983. № 6; 5) Адвокатура в России и политические процессы 1866–1914 гг. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996.

⁶⁴ См.: Троицкий Н. А. 1) Царские суды против революционной России. Саратов, 1976; 2) «Народная Воля» перед царским судом. Саратов, 1983; 2) Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882. М., 1978; 3) Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895. М., 1979; 4) Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.

⁶⁵ См.: Троицкий Н. А. 1) К биографии Д. В. Стасова // АЕ за 1983 год. М., 1985; 2) Корифеи русской адвокатуры первого призыва // Сов. гос. и право. 1985. № 2, 9; 3) Один из самых преданных (судьба адвоката Г. В. Бардовского) // Освободительное движение в России. Саратов, 1986; 4) Корифей отечественной адвокатуры (жизнь и судьба Н. П. Карабчевского) // Вопросы истории. 1993. № 6; 5) В. А. Маклаков — адвокат и политик // Политические партии. История. Современность. Орел, 1994; 6) Федор Никифорович Плевако // Вопросы истории. 2001. № 4; 7) Судьбы российских адвокатов. Саратов, 2003.

⁶⁶ См.: Троицкий Н. А. 1) Адвокатура в России как юридический и политический феномен (история темы) // Исторический опыт русского народа и современность.

Известные ученые-юристы В. И. Смолярчук и Е. А. Скрипилев, плодотворно работающие над изучением биографий и юридического наследия выдающихся судебных деятелей,⁶⁷ также относят Д. В. Стасова к «классикам судебного красноречия». ⁶⁸ Современные исследователи истории адвокатуры, касаясь личности ее видного представителя, неизменно отмечают (с оправданной долей пафоса), что «вся его адвокатская, творческая и общественная деятельность наполнена идеями гуманизма, патриотизма и свободы творчества». ⁶⁹

Значительная роль Д. В. Стасова в культурной жизни России широко отражена в предисловиях, многочисленных примечаниях известных юристов-исследователей Е. Гордеевой, А. Зориной, Ю. Келдыша, А. Ляпуновой, М. Пекелиса, А. Розанова к различным публикациям писем, документов и воспоминаний выдающихся деятелей культуры,⁷⁰ справочных изданиях по истории музыкального искусства и жизни и деятельности великих композиторов.⁷¹ Музыкальная деятельность Д. В. Стасова освещается как в популярных биографиях выдающихся русских композиторов,⁷² так и в научных исследованиях по истории русской музыки.⁷³ С другой стороны, о его значительной роли в культурной жизни России, признанной многими искусствоведами, нет ни одной отдельной, обобщающей работы.

Предстоит по достоинству оценить двадцатилетнюю плодотворную культурно-просветительскую деятельность Д. В. Стасова на рубеже XIX–XX вв., когда бывший «шестидесятник» стал активным участником земского либерального движения, что признает современная академическая наука. Так, Н. Г. Королева сумела внести существенный вклад в рассмотрение проблемы «революция и общество» на примере деятельности земских учреждений, в том

Мавродинские чтения. СПб., 1994; 2) Адвокатура и общество в России (XIX–нач. XX вв.). // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994; 3) Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг.

⁶⁷ См.: Смолярчук В. И. 1) Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX–начала XX века). М., 1984; 2) Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989; 3) Анатолий Федорович Кони. М., 1989; 4) В. Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Сов. гос. и право. 1982. № 10; 5) Н. П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель // Сов. гос. и право. 1983. № 8; Скрипилев Е. А. 1) Российская присяжная адвокатура в пореформенной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж, 1988; 2) В. Д. Спасович — король русской адвокатуры. М., 1999.

⁶⁸ Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова. С. 14; Скрипилев Е. А. В. Д. Спасович — король русской адвокатуры. С. 10.

⁶⁹ Яшин А. Н. Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века // Вестник МГТУ. Т. 11. № 4. 2008. С. 713–718.

⁷⁰ См.: Глинка М. И. Записки. М., 1988; Пекелис М. А. С. Даргомыжский и его окружение. Т. 3. М., 1983; Кунин И. Милий Алексеевич Балакирев (жизнь и творчество в письмах и документах). М., 1967; А. П. Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985; М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников. М., 1989.

⁷¹ См.: Музыкальная энциклопедия. Т. 4, 5. М., 1978; Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М. Кто писал о музыке. Т. 3. М., 1979; Летопись жизни и творчества М. А. Балакирева. М., 1957; Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. Т. 1. М., 1978; Орлова А. А. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963; Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова. Летопись жизни и творчества. Вып. 1–4. Л., 1969–1973.

⁷² См.: Полевая М. И. Римский-Корсаков в Петербурге. Л., 1989. С. 27, 81.

⁷³ См.: История русской музыки: В 10 т. Т. 6. М., 1989.

числе оппозиционно настроенного Новгородского губернского земства, где он был длительное время председателем подготовительной комиссии.⁷⁴

Такой авторитетный юрист, историк судебной реформы 1864 г. в России как А. Ф. Кони еще в 1919 г., отдавая дань памяти «старейшине отечественной адвокатуры», выразил надежду, что «для подробной оценки всех видов его деятельности, конечно, еще наступит время».⁷⁵ Но и в советской исторической литературе длительное время констатировался факт, что «специальных исследований о жизни и деятельности Д. В. Стасова обобщающего характера до сих пор нет», с указанием на «трудность полного раскрытия личности <...> при недостатке мемуаров о нем, ограниченности и невыявленности его литературного наследия».⁷⁶

Вместе с тем видные историки не только показали большую значимость избранной нами темы, но и помогли определить структуру работы, когда отмечали необходимость создания «исследования, которое бы дало точное представление о степени активности Д. В. Стасова в революционном подъеме тех лет и восстановило бы его подлинную общественную биографию», а по мнению других, даже отдельно взятая «адвокатская работа Д. В. Стасова столь содержательна, что заслуживает специального монографического исследования».⁷⁷ Они также справедливо отмечают, что «далеко не все стороны благородной деятельности этого замечательного человека исследованы и описаны».⁷⁸

Основополагающее для такого исследования значение имеют опубликованные в разное время письменные источники (судебно-следственные документы, воспоминания, материалы дореволюционной печати, переписка современников), позволяющие раскрыть многогранную деятельность Д. В. Стасова. Для характеристики его профессиональной сферы жизни очень важны судебно-следственные материалы: стенографические отчеты о процессах, судебные речи и заявления. Отчеты о трех крупных политических процессах, в которых Д. В. Стасов выступил защитником народников, опубликованы: достаточно полно и объективно — по делу ишутинцев (отдельной книгой),⁷⁹ а по делу «нечаевцев» и И. М. Ковальского — с соответствующими цензурными купюрами в правительственной печати того времени.⁸⁰ Представляют несомненный интерес стенографические газетные отчеты о судебных процессах в защиту авторских прав известных русских композиторов, как, например, в деле Ф. Т. Стелловского — А. С. Даргомыжского, где речи адвокатов, ввиду их важности, печатались полностью.⁸¹

⁷⁴ См.: Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995.

⁷⁵ Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13–14 мая.

⁷⁶ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 321; Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 195.

⁷⁷ Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 195; Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 75.

⁷⁸ См.: Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 321; ср.: Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 71.

⁷⁹ См.: Покушение Каракозова: В 2 т. М., 1928, 1930.

⁸⁰ См.: Правительственный вестник. 1871. № 176–200; Ведомости Одесского градоначальника. 1878. № 155–158; Новое время. 1878. № 882–888.

⁸¹ См.: С.-Петербургские ведомости. 1869. № 343–344; 1867. № 135; Голос. 1867. № 136; Судебный вестник. 1867. № 108.

Документы внесудебного официального делопроизводства (жандармские циркуляры, доклады, межведомственные справки, агентурные сообщения) подтверждают, что Д. В. Стасов, подобно своим подзащитным, неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских властей и находился под секретным политическим надзором. Некоторые документы из фонда III Отделения были опубликованы в изданиях М. К. Лемке и архиве «Народной воли».⁸²

Составители биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» А. А. Шилов и М. Г. Карнаухов, используя в статье о Д. В. Стасове судебно-следственные документы, отметили не столько «активное его участие в революционном движении», что служило «основным критерием для помещения в Биобиблиографический справочник», сколько «понесенное им наказание (<...> высылка, арест, надзор)».⁸³ Наряду с этим выясняется, что некоторые факты необходимо сопоставлять и перепроверять по другим, последующим документам.

Из мемуарных источников труды членов семьи Стасовых имеют первостепенный интерес. Из литературного наследия Д. В. Стасова наиболее высоко оцениваются исследователями воспоминания о Каракозовском процессе и музыкальной жизни России.⁸⁴ Менее известен рассказ о его связях с зарубежными музыкантами и композиторами,⁸⁵ и вовсе выпало из поля зрения историков интересное свидетельство Д. В. Стасова о складывании мировоззрения под воздействием «господствующего литературного направления его молодости».⁸⁶

О культурно-просветительской деятельности Стасовых опубликован небольшой отрывок из обширных воспоминаний его жены П. С. Стасовой.⁸⁷ Частично опубликованы отрывки из рукописных воспоминаний В. Д. Комаровой (старшей дочери Д. В. и П. С. Стасовых), касающихся только связи их семьи с выдающимися русскими композиторами.⁸⁸ Их младшая дочь, известная революционерка Е. Д. Стасова в воспоминаниях необоснованно считает своего отца «одним из основателей Общества помощи литераторам и ученым», называет его защитником на всех крупных политических процессах, в том числе и там, где он не участвовал, как, например, на процессе «50-ти».⁸⁹

⁸² Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. С. 312–313; Т. XX. Пг., 1923. С. 113; Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». М., 1932. С. 177.

⁸³ См.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1928. Т. 1, ч. 2. С. 390.

⁸⁴ См.: Стасов Д. В. 1) Каракозовский процесс // Былое. 1906. № 4; 2) Музыка 40–60-х годов XIX в. // Русская музыкальная газета. 1909. № 11–15.

⁸⁵ Клара Шуман в России (Воспоминания Д. В. Стасова) // Музыкальная летопись. Пг., 1922.

⁸⁶ Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб., 1895. «Воспоминания Д. В. Стасова», как назвал их автор-составитель М. М. Ледерле, напечатаны почти полностью, но в разных частях книги. См. подлинник: РО РНБ. Ф. 426. Д. 42. Л. 1–4.

⁸⁷ См.: Воспоминания П. С. Стасовой // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 2. Пг., 1915. С. 11–20.

⁸⁸ Комарова В. Д. Из детских воспоминаний о великих людях // Музыкальное наследство. М., 1970. Т. 3. С. 257.

⁸⁹ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 12.

Говоря об оценке жизни и деятельности Д. В. Стасова его современниками, приходится учитывать, что на протяжении своей долгой богатой событиями жизни он был тесно знаком со многими выдающимися государственными и политическими деятелями, корифеями науки и культуры, которые в своем литературном наследии касались его многогранной деятельности. Чаще всего это краткие и даже беглые высказывания об его участии в том или ином историческом событии, но из этих отдельных мнений складывается общая картина его активного участия в общественно-политической и культурной жизни страны.

Характеристика юридической деятельности Д. В. Стасова нашла отражение в опубликованных воспоминаниях и речах таких выдающихся адвокатов-публицистов и ученых-юристов, как К. К. Арсеньев, И. В. Гессен, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Н. П. Карабчевский.

Наиболее глубокие по содержанию обширные воспоминания и статьи о своем близком друге написали К. К. Арсеньев и А. Ф. Кони, крупные публицисты и виднейшие представители судебного мира. Академик К. К. Арсеньев оставил яркие «Воспоминания о времени введения судебных уставов» и отрывки «Из воспоминаний»,⁹⁰ в центре которых находится «кружок молодых юристов, вызванный мыслью о предстоящей реформе», во главе с «его первым руководителем» Д. В. Стасовым.⁹¹ В дальнейшем им были опубликованы отрывки «Из далеких воспоминаний»,⁹² в которых автор отмечает ведущую роль руководителя «стасовского юридического кружка» в «собрании подписей» в замышляемой петиции на имя императора Александра II в защиту арестованных студентов осенью 1861 г.

Современные историки обратили внимание на воспоминания К. К. Арсеньева о своем близком друге,⁹³ отметив, что они представляют ценность «главным образом для биографии Д. В. Стасова». ⁹⁴ К тому же это была последняя по времени написания работа выдающегося публициста, которая не была опубликована: Б. Л. Модзалевский указал на полях подготовленной к печати ее машинописной копии, что это была «последняя статья К. К. Арсеньева, присланная им в редакцию “Вестника Европы”,⁹⁵ журнала, закрытого большевистскими властями в апреле 1918 г. и полученная там (по словам М. С. Корилицкого) за день до смерти Константина Константиновича». Документ датирован приблизительно, а его точная дата устанавливается по записи в дневнике Арсеньева — 4–5 июня 1918 г.⁹⁶ После этого, 8 июня, этот доклад был прочитан им на торжественном вечере, посвященном памяти Д. В. Стасова.⁹⁷

⁹⁰ См.: Право. 1899. № 48. Л. 2278–2283; 1902. № 3. Л. 115–123; Голос минувшего. 1915. № 1. С. 117–120.

⁹¹ Право. 1899. № 48. Л. 2278.

⁹² См.: Голос минувшего. 1913. № 1. С. 161–170. К. К. Арсеньев подарил их «дорогому Дмитрию Васильевичу Стасову на память о давно минувших днях».

⁹³ См.: Базилева З. П. Архив семьи Стасовых. С. 436, 437.

⁹⁴ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 321.

⁹⁵ Об этом сделала свою пометку В. Д. Комарова. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 18.

⁹⁶ РГА.ЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 143.

⁹⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 6–29, 36; Д. 494. Л. 64.

Вероятнее всего, Арсеньеву принадлежит и неподписанная статья с краткими биографическими данными о Стасове в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Там впервые приводятся данные о его сотрудничестве (в основном анонимном) в ряде столичных журналов,⁹⁸ о чем мог знать только такой близкий человек, как Арсеньев, нередко оказывавший ему протекцию в этом деле.

В связи с тем, что Д. В. Стасов принимал длительное время самое активное участие в культурной жизни России, его имя неоднократно встречается в мемуарных записках его современников с 40-х гг. XIX в. до начала XX в.

С большой симпатией и благодарностью вспоминали о нем многие выдающиеся композиторы. Его заслуги в музыкальной жизни России упоминаются в воспоминаниях самих композиторов (М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Рубинштейна) и представителей столичной общественности (Л. И. Шестаковой, В. В. Ястребцева, С. В. Фортунато и др.)⁹⁹

Определенное внимание уделили ему в своих воспоминаниях и дневниках многие деятели литературы и искусства двух эпох: А. В. Никитенко, П. Д. Боборыкин, И. Я. Гинцбург, С. Я. Маршак, А. В. Гаук и др.¹⁰⁰ Большинство из них были самого высокого мнения о деятельности Д. В. Стасова. Так, скульптор И. Я. Гинцбург включал его в «старую гвардию эпохи прогрессивного либерализма в России»,¹⁰¹ а дирижер А. В. Гаук считал его одним «из лучших представителей интеллигенции того времени».¹⁰²

Немало свидетелей оставили люди, непосредственно причастные к революционному движению в России. Вполне можно доверять видному ученому и писателю В. В. Берви-Флеровскому, который, вспоминая попытку «подать всеподданнейшее прошение о помиловании студентов» в период волнений 1861 г., сообщал, что он вместе с Д. В. Стасовым собирал подписи и оба за такие действия подвергались арестам и преследованиям.¹⁰³

Непосредственные участники народнического движения — Н. А. Виташевский, С. Л. Чудновский, О. К. Буланова-Трубникова, Г. Ф. Чернявская-Бохановская — с благодарностью вспоминали умелую защиту и мужественное поведение «известного присяжного поверенного» на громких политических процессах 1870–1880-х гг.¹⁰⁴ Позднее и социал-демократы высоко оценили революционные

⁹⁸ См.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Т. XXXI. М., 1900. С. 468. К. К. Арсеньев был редактором этого тома.

⁹⁹ Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 139; Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1982; Рубинштейн А. Г. Автобиографические рассказы // Литературное наследие. М., 1983; Воспоминания В. В. Ястребцева: В 2 т. Л., 1953. См.: А. П. Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985; М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников.

¹⁰⁰ См.: Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 383; Боборыкин П. Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1965. С. 304–310; Гаук А. В. По страницам воспоминаний дирижера // А. В. Гаук. М., 1975. С. 36–37; Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний // Гинцбург И. Я. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1969. С. 137–139.

¹⁰¹ Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний. С. 137.

¹⁰² Гаук А. В. По страницам воспоминаний дирижера. С. 36.

¹⁰³ См.: Голос минувшего. 1915. № 4. С. 154–161.

¹⁰⁴ Чудновский С. Л. Из давних лет. М., 1934. С. 137; Деятели СССР и революционного движения России. Энцикл. словарь Гранат. М., 1989. С. 28, 94, 309; Виташевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Былое. 1906. № 2. С. 239.

заслуги Д. В. Стасова, когда он открыто протестовал против действий царских жандармов и не только сочувствовал, но и помогал, чем мог, подпольщикам.¹⁰⁵

В изучении общественной деятельности семьи Стасовых немало «белых пятен», которые устраняются только с привлечением первоисточников различного характера. Немалую роль в этом должна сыграть огромная по объему и длительности переписка «стасовского клана» с широким кругом современников.

Дочери Д. В. Стасова опубликовали наиболее важное, по их мнению, из переписки Стасовых. Так, В. Д. Комарова впервые опубликовала письма своему отцу выдающихся деятелей эпохи 1860-х гг.: А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, В. А. Соллогуба, В. П. Боткина, К. П. Победоносцева.¹⁰⁶ Благодаря усилиям Е. Д. Стасовой, было издано фундаментальное собрание писем ее именитого дяди В. В. Стасова к родным. Основное место в нем занимают вопросы искусства во всех его видах и проявлениях, что, по словам редакторов издания, «легко определяется по его письмам к Д. В. Стасову»¹⁰⁷ как наиболее близкому по духу и интересам.

В советский период были опубликованы многие сохранившиеся письма к нему выдающихся деятелей российской культуры: писателей и публицистов А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского; композиторов М. А. Балакирева, А. П. Бородина, М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Рубинштейна, А. Н. Серова; художников В. В. Верещагина, И. Е. Репина.¹⁰⁸ Частично опубликованы и некоторые письма В. П. Боткина, М. Ф. Грачевского, К. П. Победоносцева, Ф. Рассели, В. А. Соллогуба, В. Н. Фигнер, К. Шуман¹⁰⁹ и др. В опубликованной переписке известных художников, композиторов, писателей, ученых часто по самым разным поводам упоминается имя Д. В. Стасова.¹¹⁰

Ввиду своей профессиональной принадлежности Д. В. Стасов был широко известен, и оценка его юридической деятельности вызывает первостепенный

¹⁰⁵ См.: Искра. 1901. № 3. Апр. Вып. 1. С. 56; Правда. 1918. 12 мая; Деятели СССР и революционного движения России. С. 419, 700–701; Буренин И. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1967. С. 31–37; Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 138–139.

¹⁰⁶ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 272–281.

¹⁰⁷ Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1, ч. 1. М., 1953. С. 11.

¹⁰⁸ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива; Мусоргский М. П. Письма к Д. В. Стасову // Радуга. Пг., 1922; Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка; Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым; Письма А. П. Бородина: В 4 т. М., 1927–1948; Глинка М. И. Литературное наследие: В 2 т. М., 1952; Кюи Ц. А. Избр. письма. Л., 1955; Репин И. Е. Избр. письма: В 2 т. М., 1969; Музыкальное наследие. Т. 3. М., 1970; Рубинштейн А. Г. Литературное наследие. Т. 1–3. М., 1983, 1984, 1986.

¹⁰⁹ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива; Клара Шуман в России // Музыкальная летопись. Пг., 1922; Троицкий Н. А. Письмо М. Ф. Грачевского к Д. В. Стасову // Советские архивы. 1979. № 5. С. 70–71.

¹¹⁰ См.: Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб., 1912; Репин И. Е. и В. В. Стасов. Письма: В 3 т. М.; Л., 1948–1950; Балакирев М. А. Переписка с нотоиздателем П. Юргенсона. М., 1958; Балакирев М. А. и В. В. Стасов. Переписка: В 2 т. М., 1970–1971; Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова: В 2 т. М., 1959; Рубинштейн А. Г. Избр. письма. М., 1954; К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон (Из неопубликованных писем А. Н. Пыпина) // Литературное наследие. Т. 67. М., 1959.

интерес, что нашло широкое освещение в периодической печати того времени. Весьма знаменателен тот факт, что впервые имя Д. В. Стасова (сведения об его арестах и высылке) стало известно широким кругам общественности на страницах изданий Вольной русской печати, вначале в «Колоколе»,¹¹¹ а затем и в двух изданиях партии «Народная воля».¹¹² Данный факт нашел отражение и во французской прессе того времени.¹¹³ В начале XX в. в либеральных газетах¹¹⁴ и социал-демократических органах печати была отмечена его причастность к революционным событиям того времени.¹¹⁵

Наиболее полно в печати отражалась музыкальная деятельность Д. В. Стасова,¹¹⁶ сыгравшего, как отмечалось на страницах дореволюционных газет, «выдающуюся роль в истории русской музыки».¹¹⁷ Так, «Русская музыкальная газета» опубликовала его ценные музыкальные воспоминания,¹¹⁸ а позднее там же появилась публикация о роли адвоката в известном судебном процессе в защиту авторских прав П. И. Чайковского.¹¹⁹ По справедливой оценке литературоведа В. Д. Комаровой, статья «очень симпатичная <...> содержит, однако <...> ряд неверных указаний — просто в силу того, что автору ее были неизвестны многие документы и фактические данные».¹²⁰ В отличие от этой публикации, на чисто лживых утверждениях построена брошюра адвоката И. П. Бочарова, противника Д. В. Стасова на другом подобном же музыкальном процессе.¹²¹

В мае 1918 г. газеты различных политических направлений (от большевистской «Правды» до либерально-буржуазных журналов «Огонек» и «Всевидашее Ок») посчитали своим долгом опубликовать некрологи о кончине Д. В. Стасова.

Вместе с тем немалая часть источников остается неопубликованной, и архивные материалы дают возможность выявить ряд малоизвестных, но важных документов, осветить многие «белые пятна» не только в биографии «патриарха отечественной адвокатуры», но и в изучении общественного движения и культурной жизни России, истории подготовки судебной реформы 1864 г. и судебных процессов общественно-политического характера.

В целом, при написании работы были привлечены фонды 6 архивохранилищ — РО ИРЛИ, ГАРФ, РГАЛИ, РГИА, РО РНБ, ГИА СПб. Большое количество документов было сдано в свое время на вечное хранение в архивные хранилища самых различных государственных инстанций: высших

¹¹¹ Колокол. Вып. 4. М., 1962. С. 935.

¹¹² См.: Литература партии «Народная Воля». М., 1930. С. 64, 81.

¹¹³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 412. Л. 1 (в деле имеется вырезка из французской газеты).

¹¹⁴ См.: Страна. 1906. 17 февр. С. 1.

¹¹⁵ См.: Искра. 1901. № 3. Апр. Вып. 1. С. 56; Правда. 1918. 12 мая.

¹¹⁶ См.: Петербургская газета. 1912. 7 мая. Л. 3; Солнце России. 1912. № 150–151. Л. 1–2; Русская музыкальная газета. 1918. № 11–12.

¹¹⁷ Утро Петрограда. 1918. 13 мая. № 6.

¹¹⁸ См.: Стасов Д. В. Музыка 40–60-х гг. XIX в.

¹¹⁹ См.: Русская музыкальная газета. 1903. 5 окт.; Смоленский Ст. О Литургии ор. 41 соч. Чайковского (из литературно-юридических воспоминаний). СПб., 1903.

¹²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 1.

¹²¹ См.: Дело Ф. Стелловского с Л. Шестаковой о музыкальных сочинениях М. И. Глинки, изложенное И. П. Бочаровым. СПб., 1867.

государственных учреждений (III Отделение и Верховную распорядительную комиссию), административно-политических (Департамент полиции, канцелярию МВД, канцелярии петербургского градоначальника, генерал-губернатора и временного генерал-губернатора), полицейских и жандармских (петроградское охранное и жандармское управление, в том числе в фонд «Священной дружины»).

В фондах Верховного уголовного суда и ОППС (Особого присутствия Правительствующего Сената) имеются полные стенографические отчеты, в том числе неопубликованные речи известного адвоката по делу Д. В. Каракозова (в защиту Малинина, которому предъявили обвинение в попытке цареубийства, и Федосеева, обвинявшегося в отцеубийстве) и процесса «193-х» (в защиту кружка Ф. Н. Лермонтова, пензенского, самарского кружков). Но если в первом отчете защитительные речи Д. В. Стасова даются в стенографическом изложении, то во втором представлены их автографы.

Из фонда вещественных доказательств Министерства юстиции использован нелегально гектографированный краткий отчет по делу «17» (его полного изложения не обнаружено). В фондах III Отделения, ОППС и стасовском фонде обнаружены тюремные письма-прошения не только подзащитных адвоката, но и его самого, как обвиняемого, к шефу жандармов, П. А. Шувалову и великому князю Константину Николаевичу.

Культурно-просветительскую деятельность семьи Стасовых позволяют широко осветить различные документы биографического характера, протоколы собраний и отчеты ряда общественных организаций, журналы заседаний Русского музыкального общества и Литературного фонда, коллекция формулярных списков деятелей искусств, а также материалы личных фондов.

Из всех перечисленных архивных фондов следует особо выделить громадный (3147 единиц хранения) семейный архив Стасовых,¹²² который «поступил в П-ушкинский» Д<ом> в июне 1918 г. <...> после смерти Д. В. Стасова <...> от Поликсены Степановны Стасовой, через В. Д. Комарову».¹²³ На протяжении жизни трех поколений, с конца XVIII до начала XX в., Стасовы тщательно собирали и сохраняли все материалы, касающиеся истории их семьи и той эпохи: биографические документы, различные бумаги правового характера, документы официальных ведомств, статьи и судебные речи видных адвокатов, делопроизводство ряда юридических, издательских, благотворительных обществ, в которых принимал участие Д. В. Стасов.

В стасовском фонде сохранились материалы ряда судебных процессов — как копии редких официальных документов, так и черновики, записи юридических и судебных речей, допросов и прений в суде. Из них в настоящем издании впервые вводятся в научный оборот «Рукоприкладство на имя Правительствующего Сената за тверских представителей дворянства», «Заметки по делу о сбыте поддельных фальшивых билетов с политической целью», «Речь, произнесенная в Общем собрании присяжных поверенных в апреле 1891 г. по случаю 25-летия судебных уставов». В том же фонде находятся документы, свидетельствующие об участии Д. В. Стасова в составлении Судебных уставов 1864 г. («Изменения,

¹²² См.: Личные фонды рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 246–248.

¹²³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 153. Л. 3.

сделанные на полях Проекта Устава гражданского судопроизводства», «Замечания к Проекту положения о судоустройстве») и составлении устава первой в России консерватории («Высочайше утвержденный Устав музыкального училища при Русском музыкальном обществе»). Благодаря Стасовым, сохранились произведения многих известных композиторов, писателей, поэтов и художников — нотные записи, рисунки, альбомы с их автографами и фотографиями и многое другое. Историческую ценность этого уникального семейного архива исследователи оценивают самым высоким образом.¹²⁴

Подробная информация, уникальные свидетельства обнаруживаются при работе над такой группой источников, как воспоминания, дневники, заметки современников. Здесь в первую очередь следует выделить литературное наследие (в том числе подготовительные материалы, черновые варианты статей и книг) семьи Стасовых — Д. В., В. В., П. С., Н. В. Стасовых, В. Д. Комаровой.

Большую ценность представляют заграничный дневник, заметки, черновики готовившихся к печати очерков Д. В. Стасова, которые таят в себе немало важных свидетельств и требуют тщательного изучения. Так, например, его путевой журнал, привлечший внимание исследователей, помог выявить важные факты из истории лондонских переговоров Герцена и Чернышевского в 1859 г., которым он содействовал.¹²⁵ Подлинник заграничного дневника, как заметил Ю. Н. Коротков, «почти на пятьдесят лет стал недоступен исследователям и обнаружить его удалось с большим трудом <...> считалось, что документ пропал».¹²⁶ Советские историки столько же лет не знали о существовании машинописной копии «путевого журнала» Д. В. Стасова¹²⁷ (обнаруженного автором в подготовительных материалах В. Д. Комаровой). Эта находка освобождает исследователей от необходимости расшифровывать «беглые карандашные записи» в подлиннике дневника, и не приходится сожалеть, что «почерк не слишком разборчивый, множество сокращений, недописанных слов».¹²⁸ Дочь Д. В. Стасова тщательно изучила и разобрала все записи о зарубежных поездках своего отца, сделала машинописную копию (слова на английском языке аккуратно вписаны чернилами в печатный текст) и прокомментировала документ.¹²⁹

Советские исследователи в основном используют опубликованные статьи В. Д. Комаровой, но не обратили внимания, что она долгое время работала над фундаментальной книгой о жизни и деятельности Д. В. Стасова, подобной уже названной биографии В. В. Стасова. «Сегодня, 30 августа 1932 г., — указывала она в черновике, — начинаю писать эту книгу о моем отце».¹³⁰ В семейном архиве Стасовых хранятся несколько подготовительных вариантов работы, названных ею «Биография Дмитрия Васильевича Стасова» или «Д. В. Стасов. Биографический

¹²⁴ См.: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых.

¹²⁵ См.: *Коротков Ю. Н.* Господин, который был в субботу в Фулеме.

¹²⁶ Там же. С. 167, 184. Введенный Ю. Н. Коротковым в научный оборот документ также находится в стасовском фонде. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 530.

¹²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 128–166.

¹²⁸ *Коротков Ю. Н.* Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 167.

¹²⁹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 287–290.

¹³⁰ Там же. Л. 188.

очерк». ¹³¹ Задуманная книга не была завершена, но черновые материалы к ней, состоящие из рукописных и машинописных копий различных документов, воспоминаний, переписки, дневников, представляют несомненную научную ценность.

Отдельные главы будущей книги (готовые и черновые) освещают историю рода Стасовых, систему воспитания в их семье, обучение Д. В. Стасова в Училище правоведения, его активное участие в музыкальной жизни страны, публицистическую деятельность и его роль в подготовке судебной реформы. Особое внимание уделяется описанию репрессий царской администрации в отношении семьи Стасовых. Но здесь почти не рассматривается его адвокатская деятельность, а в отдельных упоминаниях политических процессов допущена путаница (например, между делами «нечаевцев» и самого С. Г. Нечаева). К большому сожалению, все варианты книги остались незавершенными, и если события до начала 60-х гг. XIX в. излагаются хоть в какой-то последовательности, то 1870–1880-е гг. представлены только отдельными фрагментами. Указанные недостатки ни в коем случае не умаляют значения той подготовительной исследовательской работы, которую проделала В. Д. Комарова. Можно сказать, что она была личным биографом своего отца, длительное время работала над книгой о его жизни и деятельности, многое сделала, но так и не успела ее завершить. ¹³²

Такой результат можно объяснить многими причинами, но, думаю, немаловажным было то, что биография Д. В. Стасова писалась в такое время, когда невозможно было говорить не только о достижениях «дворянско-буржуазной культуры» и жизни либеральных деятелей, но даже о борьбе народных против царской деспотии. Подтверждение этого можно найти в переписке Комаровой с В. Д. Бонч-Бруевичем ¹³³ с 1931 по 1941 г., когда тот занимался книгоиздательским делом.

В отличие от младшей сестры, она так и не отказалась от «традиционно-либерального подхода к явлениям жизни» (на это издателями предусмотрительно указано в предисловии к книге В. Д. Комаровой 1927 г. о семье Стасовых, где отмечалось ее «стремление найти какое-то личное благородство у Александра III и своеобразное уважение к родственнику царя К. К. Романову» ¹³⁴). Неудивительно, что Е. Д. Стасова обвиняла свою старшую сестру-монархистку в уничтожении документов о революционных заслугах их отца, указывая, «что многочисленные вычеркивания имени Чернышевского из воспоминаний ее матери, уничтожение тех материалов семейного архива, которые вскрывали истинные политические убеждения Д. В. Стасова, изъятие целого ряда страниц были сделаны ее старшей сестрой Варварой». ¹³⁵

¹³¹ Там же. Д. 314, 321–323.

¹³² В. Д. Комарова не пережила блокаду Ленинграда в годы войны, но ее личный архив был сохранен и в 1948 г. передан в Пушкинский Дом. Материалы и черновики из личного архива, по ее словам, она ранее передавала «по частям <...> в Гос. Лит. музей», но их там рассредоточили по разным фондам «люди, не разбирающиеся в архивном деле». См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 153. Л. 3.

¹³³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 684.

¹³⁴ Каренин Вл. Владимир Стасов. С. 3.

¹³⁵ Цит по: Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом. С. 195.

Таким образом, большая часть литературного наследия В. Д. Комаровой, раскрывающего деятельность ее отца, остается известной только узкому кругу специалистов, так как находится в рукописях, имеющих важное значение как в историографическом, так и источниковедческом плане. Несомненный интерес представляет ее доклад «Музыкальные процессы, которые вел Д. В. Стасов».¹³⁶ В. Д. Комарова рассказала о долгой и упорной борьбе Дмитрия Васильевича как адвоката, «о которой мало известно и которая сыграла важную роль в судьбах русской музыки и русских композиторов»,¹³⁷ за авторские и наследственные права М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского и П. И. Чайковского.

Незавершенными также остались интересные воспоминания В. Д. Комаровой,¹³⁸ где бурные 1860–1880-е гг. представлены глазами человека, который в 30-е гг. XX в. приходит к выводу: «... между мною и “политическими” пропасть непреодолимая, и я от всех насильников сторонюсь, на какой бы теории или стороне они ни стояли».¹³⁹ В это же время ее родная сестра Е. Д. Стасова, член Центральной комиссии по чистке партии, неистово восхваляет «революционное насилие».¹⁴⁰ «Я хочу только правдиво и часто во вред себе <...>, — с горечью замечает на страницах своих воспоминаний В. Д. Комарова, — говорить о том, что видела и что чувствовала».¹⁴¹ Эти рукописи также оказались вне поля зрения историков.

Большую ценность в изучении биографии Д. В. Стасова имеют неопубликованные воспоминания его жены, видной деятельницы женского движения в России П. С. Стасовой, на свидетельства которой неоднократно ссылается ее дочь В. Д. Комарова: «... моя мама прекрасно и подробно описывала все это в своих воспоминаниях».¹⁴² Значительные по объему мемуары П. С. Стасовой, написанные в форме повести, охватывают период с 1855 по 1915 г. и занимают восемь дел в архиве Пушкинского Дома («Мои Воспоминания», «Из прошлого», «Аресты Дм<итрия> Васильевича», «Мемуары»)¹⁴³ Все рукописи были отредактированы Д. В. Стасовым, что видно по его пометкам и исправлениям на полях.¹⁴⁴ Воспоминания его жены показывают активное участие «стасовского клана» в общественном движении и культурной жизни страны. Советские историки (З. П. Базилева, И. Е. Баренбаум, Л. П. Богословская, Н. Н. Новикова, Э. А. Павлюченко) широко использовали и высоко оценивали материалы этого важного источника. Известный музыковед Е. М. Гордеева справедливо заметила, что эти «интереснейшие мемуары <...> до сих пор не опубликованы».¹⁴⁵ Из всего сказанного вполне очевидно, что литературное наследие представителей

¹³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 1–9. Значимость этого доклада отметил известный музыковед М. С. Пекелис. См.: А. С. Даргомыжский и его окружение. М., 1983. Т. 3. С. 123.

¹³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 1.

¹³⁸ См.: Там же. Д. 313, 314.

¹³⁹ Там же. Д. 314. Л. 48.

¹⁴⁰ *Исбах А. А.* Товарищ Абсолют. М., 1973. С. 73.

¹⁴¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 314. Л. 48.

¹⁴² Там же. Д. 321. Л. 13.

¹⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 411–418.

¹⁴⁴ Там же. Д. 414. Л. 64, 84, 89, 97.

¹⁴⁵ М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников. С. 245.

семьи Стасовых, большей частью находящееся в их семейном архиве, имеет первостепенную значимость в источниковедческом плане для раскрытия темы настоящего исследования.

В стасовском фонде также сохранились различные записи мемуарного характера ближайших друзей Д. В. Стасова. Так, например, выписки из автобиографии К. К. Арсеньева рассказывают о его отношениях с другом юности и об их совместной деятельности.¹⁴⁶ Исследователи заметили, что дневник К. К. Арсеньева иногда не совпадает с его опубликованными воспоминаниями, в том числе об их участии в составлении «прошения на имя Государя» осенью 1861 г.¹⁴⁷ Однако этот подробнейший дневник позволяет буквально по дням проследить фактологическую сторону деятельности стасовского юридического кружка и его роль в подготовке и проведении судебной реформы 1864 г. Только при этом надо учитывать, что сам К. К. Арсеньев отмечал трудность использования в работе своих записей: «Мои дневники очень плохое пособие, в данном случае, даже для меня самого; другому они не дали бы решительно ничего, потому что в них только короткие голые записи фактов, — отмечает он 28 января 1914 г. в письме к Д. В. Стасову. — Во мне иногда одно слово может возбудить много воспоминаний».¹⁴⁸

В отдельную группу источников следует выделить речи мемуарного характера, доклады с элементами исследования (сохранившиеся как в машинописных копиях, так и рукописных оригиналах). В первое послереволюционное десятилетие устраивались различные общественные мероприятия в память о главе присяжной адвокатуры. Тексты выступлений ряда видных дореволюционных судебных и общественных деятелей (А. Ф. Кони, Н. С. Таганцева, А. С. Зарудного, Д. В. Кузьмина-Караваева, Г. Н. Тимофеева) на торжественном собрании бывших присяжных поверенных 8 июня 1918 г. памяти Дмитрия Васильевича Стасова (представляющие несомненную ценность в изучении его биографии) были аккуратно собраны в отдельную папку¹⁴⁹ и готовились для публикации. Конечно, в этих речах немало патетики и эмоций, но в них присутствуют не только страницы воспоминаний, но и сугубо исследовательский элемент. Так, например, А. С. Зарудный на основе семейного архива своего отца впервые публично сказал о причастности Д. В. Стасова к работе к составлению проектов уставов судебной реформы 1864 г. в России.¹⁵⁰

В 1928 г. на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня его рождения, профессор А. А. Жижиленко сделал обстоятельный научный доклад (увы, не лишенный фактических ошибок) «Д. В. Стасов как юрист и общественный деятель».¹⁵¹ Известный русский скульптор И. Я. Гинцбург посвятил свою речь анализу идейно-художественных взглядов своего товарища и его вкладу

¹⁴⁶ К. К. Арсеньев выслал эти материалы 5 ноября 1917 г. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 57. Л. 50.

¹⁴⁷ Шлемин П. И. Дневник К. К. Арсеньева // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 315.

¹⁴⁸ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 57. Л. 11.

¹⁴⁹ См.: Там же. Д. 604.

¹⁵⁰ Там же. Л. 106–110; РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–5.

¹⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 47–83; Ср.: РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 1–35.

в развитие русской культуры,¹⁵² а В. Д. Комарова рассказывала о многогранной деятельности отца на общественном поприще.¹⁵³ Из всех названных докладов 1918 и 1928 гг. были опубликованы в разное время только речи А. Ф. Кони, И. Я. Гинцбурга и К. К. Арсеньева.¹⁵⁴ В то время, когда традиции старой судебной эпохи были отвергнуты новой революционной властью, видные буржуазные адвокаты-публицисты и ученые-юристы успели публично, хотя и в устной форме, заявить о славной странице в биографии Д. В. Стасова, но их доклады надолго оказались покрыты архивной пылью.

В конечном счете, в опубликованных работах дореволюционных историков и юристов-эмигрантов его юридическая деятельность не могла быть раскрыта в полной мере как по объективным, так и по субъективным причинам. В некоторой степени это объясняется тем, что многие важные документы были неизвестны исследователям, а по мнению дочери Д. В. Стасова, «вследствие своей необычайной скромности, Д<митрий> В<асильевич> всегда столь же тщательно умалчивал о своей деятельности и замалчивал свои самые плодотворные и важные труды и начинания, как другие кричат о своих деяниях и рекламируют себя».¹⁵⁵ К этому можно добавить слабую научную разработку в целом в то время истории присяжной адвокатуры в России.

Большой интерес представляет переписка Дмитрия Васильевича с многочисленными своими корреспондентами, родными и близкими, насчитывающая более трех тысяч писем в 113 архивных делах только в одном стасовском фонде. Это связано с тем, что Стасовы аккуратно сохраняли и собирали буквально всю свою корреспонденцию на протяжении трех поколений в XIX–начале XX в.

В такой уникальной эпистолярной коллекции для нас представляют интерес письма к Д. В. Стасову создателей судебной реформы 1864 г. в России С. И. Зарудного, Н. И. Стояновского, К. П. Победоносцева; адвокатов К. К. Арсеньева, В. Д. Спасовича, С. А. Андреевского, В. Н. Герарда, А. А. Герке, А. Я. Пассовера, П. А. Потехина, В. И. Танеева, Б. И. Утина, А. И. Урусова; ученых-историков, видных публицистов А. Ф. Кони, К. Д. Кавелина, П. В. Павлова, А. А. Кизеветтера; редакторов журналов и газет Г. Е. Благовосветлова, М. М. Стасюлевича, Н. Ф. Финдейзена; представителей литературы и искусства Д. В. Григоровича, И. Я. Гинцбурга, К. Е. Маковского, В. М. Жемчужникова; музыкальных деятелей П. Виардо, Л. И. Шестаковой, В. Ф. Одоевского, В. П. Энгельгардта, М. И. Чайковского; революционеров-народников В. Н. Фигнер, Н. А. Виташевского, М. Ф. Грачевского, С. В. Мокиевского-Зубка и др. В личных фондах многих названных лиц, к которым надо добавить архивы А. С. Суворина и П. Н. Юргенсона (издателя музыкальной литературы), сохранилось немало интересных писем Д. В. Стасова. Во многих случаях переписка с корреспондентами, представлявшими цвет российской интеллигенции того

¹⁵² Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний // Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964. С. 247, 137–139.

¹⁵³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 325. Л. 1–9.

¹⁵⁴ См.: Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 4; Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний; Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова.

¹⁵⁵ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 272.

времени, позволяет раскрыть ряд интересных общественных явлений (что из-за своей конфиденциальности не находило отражения в других источниках).

Особое внимание обращает на себя его переписка с женой — Поликсеной Степановной Стасовой и ее братом Андреем Степановичем Кузнецовым, председателем уголовной судебной палаты в Екатеринославе.¹⁵⁶ Письма Д. В. Стасова фактически представляют еженедельные дневниковые записи, в которых по свежим следам, из самых авторитетных источников, описывались наиболее важные события в культурной и политической жизни (в частности, буквально по дням фиксировалась подготовка и проведение судебной реформы). Кроме того, там же давалась меткая, хлесткая, не рассчитанная на широкую огласку характеристика ряда царских министров, высших сановников, деятелей культуры. К сожалению, некоторая часть писем исчезла при жандармских обысках 1861 и 1879 гг. Всемогущее III Отделение, видимо, не считало себя «чужим» в личной жизни российских подданных, постоянно занимаясь перлюстрацией их переписки, о чем свидетельствуют названия дел в его секретном архиве: «Выписки из писем <...> Кузнецова Жемчужникову В. М. и Стасову Д. В. о недовольствии автора письма...» или «Выписки из писем Стасова <...> Каткову М. Н. в Москву о злоупотреблениях <...> с приложением сведений о Стасовых».¹⁵⁷ Заметив пропажу некоторых писем (причину чего выяснили историки), Стасовы стали тщательно нумеровать все письма, и жандармам пришлось не просто изымать корреспонденцию неудобных лиц, а делать «выписки» с соответствующими комментариями.

Характерно, что, даже не зная о столь внимательном отношении к их письмам со стороны полицейских органов, Стасовы и их близкие родственники хорошо осознавали историческую значимость своей переписки. Так, А. С. Кузнецов, получив ряд интересных писем от Д. В. Стасова, обратился 9 декабря 1861 г. к нему с предложением: «Не худо бы вести мемуары, но на них времени нет, но вот зато можно написать подробные письма (как ты и хотел)». Здесь же он делает вывод, что «подобное описание пригодилось бы и для потомства: со временем, в грядущие времена, твои письма можно будет напечатать».¹⁵⁸ Таким образом, достаточно широкий круг различных источников, документальных материалов позволяет при раскрытии темы достичь поставленной цели.

Учитывая авторитетное мнение современных ученых, что «о русских юристах-либералах крайне мало материала»,¹⁵⁹ следует обратить внимание, что автором разысканы и впервые вводятся в научный оборот документы, извлеченные из шести архивных хранилищ (ГАРФ, РО ИРЛИ, РГИА, РО РНБ, РГАЛИ, ГИА СПб):

- архивные рукописи исследовательского характера известных дореволюционных историков судебной реформы 1864 г., правоведов (А. А. Жижиленко, А. С. Зарудного, А. Ф. Кони, Н. С. Таганцева);

¹⁵⁶ Переписка состоит из 54 ед. хр., 1577 писем. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 3–36. 396; Оп. 6. Д. 180–197; Оп. 8. Д. 141; РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 431.

¹⁵⁷ См.: ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 2. Д. 209, 1817, 2089, 2201.

¹⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 192. Л. 27.

¹⁵⁹ Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова. С. 15.

- переписка творцов судебных преобразований (С. И. Зарудного, А. Ф. Кони, К. П. Победоносцева, Д. В. Стасова, Н. И. Стояновского), видных деятелей культуры (М. А. Балакирева, Г. Е. Благовестлова, К. Д. Кавелина, С. М. Ляпунова, К. Е. Маковского, В. В. Стасова, М. М. Стасюлевича);

- воспоминания, дневники юристов, адвокатов (С. А. Андреевского, К. К. Арсеньева, Б. Б. Дорна, А. Я. Пассовера, Н. С. Таганцева) и общественных деятелей (В. Д. Комаровой, Д. В. Кузьмина-Караваева, П. С. Стасовой, Г. Н. Тимофеева);

- биографические материалы из личных фондов известных российских адвокатов и юристов (К. К. Арсеньева, А. А. Жижиленко, А. Ф. Кони, А. Я. Пассовера, Д. В. Стасова);

- стенографические отчеты, рукописи неопубликованных защитительных речей адвокатов на крупных политических процессах тверских мировых посредников, Д. Каракозова, «политических фальшивомонетчиков», «193-х»;

- юридические речи Д. В. Стасова, в том числе к 25-летию Судебных уставов 1864 г.;

- документы в фондах государственных учреждений (Верховного уголовного суда, Верховной распорядительной комиссии, III Отделения, Департамента полиции, Канцелярий петербургского генерал-губернатора и градоначальника, Канцелярии Министерства юстиции, Штаба отдельного корпуса жандармов, ОППС, Училища правоведения) и различных общественных организаций («Священной дружины», Русского музыкального общества, Литературного фонда).

На основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов автором выдвинут ряд новых положений.

В результате реконструирования «Воспоминаний Д. В. Стасова», как назвал их издатель, — «свода мнений о выборе чтения <...> людьми выдающимися нашей Родины»,¹⁶⁰ анализа многолетней переписки и воспоминаний Стасовых впервые раскрыто формирование мировоззрения будущего знаменитого адвоката.

В связи со вновь открывшимися фактами (в том числе с обнаружением в архиве расшифрованного «Заграничного дневника» Д. В. Стасова) сделан окончательный вывод о роли Д. В. Стасова в лондонских переговорах А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского летом 1859 г., что в научной литературе оценивалось с полярных точек зрения.

Критический подход к данным Департамента юстиции и III Отделения (на которые опирались советские историки) и сопоставление с другими архивными данными позволили опровергнуть мнение советских историков о подготовке «конституционного адреса» в период известной студенческой истории осенью 1861 г. в столице, что было лишь сбором Д. В. Стасовым подписей для ходатайства о помиловании («Прощения на имя Государя»), хотя уже и это требовало немало гражданского мужества.

В развитие отдельных упоминаний известных дореволюционных юристов о причастности первого председателя С.-Петербургского Совета присяжных

¹⁶⁰ См.: Мнения русских людей о лучших книгах для чтения.

поверенных к судебным преобразованиям в Российской империи (его участие в разработке судебных проектов, секретных для того времени, оставалось неизвестным) в работе приводятся веские доказательства участия в составлении Судебных уставов 1864 г. Д. В. Стасова — незаслуженно забытого «отца судебной реформы».

Кроме того, в работе освещаются малоизвестные страницы в истории подготовки судебной реформы 1864 г., в том числе роль «кружка молодых юристов» во главе с Д. В. Стасовым в обсуждении судебных проектов, выясняются мотивы, которыми руководствовались «отцы и дети судебной реформы», прослеживается ход составления и обсуждения проектов реформы в различных судебных и государственных органах, показан накал борьбы различных направлений в правительственных кругах.

Впервые в историографии рассматривается как таковое «дело тверских мировых посредников» 1862 г. в старом Сенате, которое неоднократно упоминается в литературе без представления самого хода судебного процесса, включая анализ «рукоприкладства» (единственной формы защиты в дореформенном суде), состав защиты, характеристику обвиняемых тверских дворян.

Также работа впервые включает в перечень политических судебных процессов так называемое «дело о политических фальшивомонетчиках» 1870 г., рассмотренное «при закрытых дверях» и отраженное ранее только в скупых объявлениях правительственной печати. Этот процесс остался вне поля зрения историков, поскольку все его материалы сгорели вместе с архивом Петербургской судебной палаты в период Февральской революции 1917 г., но документы по этому делу были обнаружены автором в семейном архиве одного из адвокатов на этом процессе — Д. В. Стасова.

Впервые в историографии подвергнуты анализу крупные судебные процессы, где он выступил защитником интересов великих русских композиторов — М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского (решения суда были приняты за основу в законе об авторском праве музыкантов и композиторов 1882 г.), и «процессы о печати» 1869 г., где он был адвокатом в суде по делу редакторов «С.-Петербургских ведомостей» А. И. Сомова и В. Ф. Корша.

Проделанная скрупулезная работа по выявлению литературного наследия Д. В. Стасова на новых фактах показывает его вклад в развитие публицистики. Опора на рассказ (в обнаруженных нами письмах) Д. В. Стасова о его встрече 1 мая 1881 г., в период ссылки в Туле, с И. С. Тургеневым (буквально накануне визита того к А. Н. Толстому в Ясную Поляну) позволила раскрыть тематику будущих переговоров двух великих писателей, проанализировать суждения Тургенева о своем последнем крупном произведении — первом в отечественной литературе романе о революционном движении «Новь» и реакции на него общества.

В конечном счете, автором впервые предпринята попытка создания специального исследования обобщающего характера, раскрывающего на широком историческом фоне многогранную деятельность Д. В. Стасова. В данной работе он представлен как высокообразованный правовед и один из авторов Судебных уставов 1864 г., как выдающийся адвокат, политический защитник,

прославившийся на громких судебных процессах, и первый председатель Петербургского Совета присяжных поверенных, и одновременно как активный деятель отечественной культуры и освободительного движения, автор устава первой в России консерватории и защитник интересов выдающихся русских композиторов, художников, писателей и публицистов. При этом подчеркнута, что именно он одним из первых (17 апреля 1866 г.) вступил в ряды присяжной адвокатуры и отстаивал ее интересы вплоть до упразднения 22 ноября 1917 г.

Публикация данной книги имеет еще одну причину. Авторы многих современных учебных пособий по такому предмету, как «Адвокатура в России» (даже в случае выделения отдельной главы «История русской дореволюционной адвокатуры»), посвящают этому важному вопросу буквально две-три страницы.¹⁶¹ Другие, наоборот, подробно анализируют принципы деятельности адвокатуры, но вместе с тем не упоминают ни одного имени председателей Советов присяжных поверенных или знаменитых русских адвокатов,¹⁶² хотя могут одновременно выделить заслуги «отцов судебной реформы».¹⁶³ К сожалению, и в фундаментальных учебниках нередко с ошибками указывают фамилии руководителей судебной реформы 1864 г. и ее исследователей.¹⁶⁴

В течение десяти лет материалы исследования представлялись на десяти международных научных конференциях в России (в Институте российской истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского) с публикацией тезисов и докладов.¹⁶⁵ Кроме того, результаты исследования отражены в 50 публикациях автора, в том числе в 15 научных журналах России и стран СНГ: исторических и общественно-политических изданиях («Вопросы истории», «Историографический сборник», «Исторический архив», «Мысль», «Освободительное движение в России», «Отечественная история»), юридических журналах («Государство и право», «Евразийское сообщество», «Закон и время», «Правоведение. Известия вузов», «Основы государства и права», «Правовая реформа в Казахстане»,

¹⁶¹ См., например: *Бойков А. Д., Капинус Н. И.* Адвокатура России. С. 13–15.

¹⁶² См.: Адвокатская деятельность / Под ред. В. Н. Буробина. М., 2003. С. 34–59.

¹⁶³ См.: *Кучерена А. Г.* Адвокатура. М., 2004. С. 82–96.

¹⁶⁴ Так, начальник II Отделения граф Д. Н. Блудов стал Н. Д. Будаловым, причем во главе какой-то мифической «Имперской канцелярии», а в сносках Н. В. Черкасова стала Черкасовым, то есть налицо элементарные опечатки. См.: *Лубшев Ю. Ф.* Адвокатура в России. С. 79–81.

¹⁶⁵ См., например: *Легкий Д. М.* 1) К истории лондонских переговоров А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского летом 1859 г. // История России. Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 186–197; 2) Д. В. Стасов в культурной жизни России // Россия и Запад: диалог культур. 2-я междунар. конф. М., 1995. С. 45; 3) Д. В. Стасов как меценат и музыкальный деятель России // Россия и Запад: диалог культур. 3-я междунар. конф. М., 1996. С. 36; 4) Д. В. Стасов как публицист и литературный деятель // Россия и Запад: диалог культур. 4-я междунар. конф. М., 1998. С. 48; 5) Просветительская деятельность Д. В. Стасова в «эпоху великих реформ» // Россия и Запад: диалог культур. 5-я междунар. конф. М., 1998. С. 30; 6) Присяжная адвокатура в культурной жизни Российской империи // Россия и Запад: диалог культур. 10-я, юбилейная междунар. конф. М., 2003. С. 55; 7) Д. В. Стасов в эпоху русских революций // Россия в XX веке. Реформы и революции / Под ред. Г. Н. Севостьянова; Сост. С. М. Исхаков): В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 229–233.

«Право и политика. Международный научный журнал», «Наука», «Присяжный поверенный»).

Структура работы представлена следующим образом. Во Введении дается подробный историографический обзор, что позволило более обстоятельно и убедительно охарактеризовать практически все используемые источники и исследования, кроме литературы общего характера.

Непосредственно сама работа разделена на две части в соответствии со спецификой изучаемой проблемы. В первой части раскрывается роль Д. В. Стасова в общественном движении и в подготовке судебной реформы 1864 г. в России. Здесь же, в первой главе, посвященной его участию в общественной жизни, освещается, с разделением на соответствующие параграфы, его культурно-просветительская деятельность и, отдельно, причастность к революционному движению. Во второй главе раскрывается его юридическая деятельность, причем в первом параграфе — как обер-секретаря Сената, стряпчего в дореформенном суде, создателя и руководителя юридического кружка, а во втором — как автора Судебных уставов 1864 г. Вторая часть посвящена роли присяжной адвокатуры в общественно-политической жизни страны после введения судебной реформы 1864 г. Здесь в первой главе показана роль Петербургского Совета присяжных поверенных в судебных преобразованиях на примере деятельности его первого председателя и, одновременно, как присяжного поверенного на крупных судебных процессах, имеющих важное общественное значение. Во второй, заключительной главе в отдельных параграфах освещается его участие в культурной и общественно-политической жизни России.

После соответствующего Заключения и Библиографии приводятся обширные Приложения, состоящие из архивных материалов (освещающих юридическую деятельность Д. В. Стасова), впервые вводимых в научный оборот (письма о перипетиях подготовки судебной реформы 1864 г., адвокатские речи на знаменитых судебных политических процессах).

**ЧАСТЬ 1.
«НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЦ»
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. В РОССИИ**

1.1. УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

1.1.1. Становление человека и гражданина

Современные историки и философы вновь подняли проблему соотношения понятий: общественная жизнь — общественное движение, общественная мысль — общественная жизнь и роль личности человека (его мировоззрения, общественной деятельности) в этом процессе. Что же касается термина «общественная жизнь», то в представлении ученых это выражение может иметь лишь такое наиболее общее и наименее определенное толкование, как «относящееся к обществу».¹

Видимо, здесь правы те исследователи, которые не ставят «знак равенства между общественной жизнью и общественным движением», так как «последнее, безусловно, лишь часть общественной жизни, ее крайняя (или наиболее организованная и практически нацеленная) форма». В свою очередь, общественная мысль является не только отражением общественной жизни, но и интеллектуальным выражением «общественных интересов». Необходимо согласиться с мнением Б. М. Шахматова, что общественная мысль не только придает общественной жизни «публичный характер», но и инициирует ее.²

Многие аспекты культурно-просветительской, музыкальной, земской и политической деятельности Д. В. Стасова, его «народничество», сочувствие чаяниям народа, в том числе причастность к российскому освободительному движению, настолько взаимосвязанны и переплетены, что будет вполне уместным рассматривать все это в общих рамках его участия в общественной жизни России.

Как и многие его коллеги, Д. В. Стасов и на судебном поприще не стал замыкаться на чисто профессиональном узком уровне. Практически вся его юридическая деятельность (негласное участие на общественных началах в подготовке судебной реформы 1864 г., адвокатская поддержка общественных организаций, бескорыстная принципиальная защита политических подсудимых, авторских прав русских композиторов, прав религиозных меньшинств) оказалась самым тесным образом связана с общественно-политической жизнью России.

По справедливой оценке современных ученых, вплоть до крушения монархии интеллигенция оставалась «непримиримым врагом традиционной власти», причем ее социальные и культурные качества наложили «неизгладимый

¹Роцинский С. Б. Мысль предполагает мыслителя // Общественная мысль в России: мат-лы дискуссии. М., 1998. С. 53.

²См.: Шахматов Б. М. Общественная жизнь — общественная мысль: история в России. Методологические подходы // Там же. С. 21–25.

отпечаток» на политическую мысль дореволюционной России.³ Действительно, в период расцвета «золотого века» русской культуры формирование мировоззрения демократически настроенной интеллигенции в условиях самодержавно-бюрократического строя привело в конечном счете к трагическому противостоянию с государственной властью.

Судьба одного из видных общественных деятелей весьма поучительна в этом плане. Что же повлияло на становление характера и мировоззрения такой неординарной личности как Д. В. Стасов? В первую очередь — моральная атмосфера в семье и внешняя обстановка, в которой он рос и воспитывался.

Его отец — выдающийся архитектор Василий Петрович Стасов (1769–1848), по словам потомков, «6 апреля 1817 г. уже почти сорока восьми лет <...> женился по страстной любви на молодой красавице, Марии Абрамовне Сучковой (1796–1831), которой он долго не решался признаться в любви и даже намекнуть на свои чувства». Их семьи «были через браки в родстве и свойстве» с дворянскими фамилиями Рылеевых, Голицыных, Томашевских, Сербиных, Дьяковых и др.

По семейному преданию, род Стасовых был очень старинный, «уже с 1380 г. у них были владения в Каширском, Коломенском и Серпуховском уездах», причем «предок их вышел из Пруссии и в день Куликовской битвы от зари до зари оберегал утомленного сражением и уснувшего под деревом Дмитрия Донского». Трудно судить о достоверности этого факта, но, по крайней мере, изображение герба Стасовых весьма символично: «сова, рука с мечом, выходящая из облаков, восходящее солнце и якорь — символ надежды и верности».⁴

В браке Василия Петровича и Марии Абрамовны (умершей в тридцать пять лет от холеры) родились три дочери: Софья (1820–1858), Надежда (1822–1895), Ольга, умершая в младенчестве (1826); и пятеро сыновей: Николай (1818–1879), Александр (1819–1904), Владимир (1824–1906), Дмитрий (1828–1918) и Борис (1830–1841). Дмитрий Васильевич, родившийся 20 января 1828 г., был предпоследним, седьмым ребенком, а после смерти Бориса стал и самым младшим братом в семье.

Василий Петрович Стасов, «не отказывая детям ни в чем, что могло способствовать их образованию и развивать их умственные и духовные силы», «сам вел образ жизни трудовой, крайне скромный, и дети росли в обстановке простой, патриархальной». По рассказам Д. В. Стасова своей старшей дочери, «жили тогда не по-теперешнему, а гораздо скромнее и проще, без претензий». После смерти жены, имея семерых детей на руках, глава стасовского рода, «человек очень образованный», постарался дать своим детям «наилучшее домашнее воспитание и образование, какое было только возможно в то время».

Домашними учителями были приглашены А. Ф. Тихомандрицкий, «впоследствии знаменитый профессор математики», академик А. А. Васильев,

³ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. В. С. Парсамова. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 88.

⁴ Каренин Вл. Владимир Стасов. Ч. 1–2. Л., 1927. С. 40, 75. Под этим псевдонимом публиковалась В. Д. Комарова, старшая дочь Д. В. Стасова.

«хороший портретист», М. И. Скотти, «впоследствии сам профессор академии и учитель Перова», А. А. Герке, «тогдашний лучший и солиднейший фортепианный учитель в Петербурге», пению обучались «у разных итальянцев и итальянок», причем «маленький Дмитрий из обезьянничанья, как он потом рассказывал, распевал с сестрами разные сопрановые сольфеджио, арии Беллини и Донидзетти», а иностранные языки преподавали гувернеры немцы и французы.⁵

Неудивительно, что братья Стасовы были определены в привилегированные учебные заведения: Царскосельский лицей, Императорское Училище правоведения, Кадетский корпус. Д. В. Стасов всегда был в числе первых учеников. При поступлении в Училище правоведения он сразу был зачислен не в 7-й (начальный), а в 5-й класс. В журнале Совета училища у него значатся высокие оценки (по 12-балльной системе): русская словесность — 12, латинский язык — 10, французский — 11, английский — 12, немецкий — 9, алгебра — 11, физика — 9 и т. д. В выпускном классе он был вторым по списку.⁶ В итоге, Д. В. Стасов «по окончании курса наук в Императорском Училище правоведения выпущен с оного с чином титулярного советника».⁷ Дальнейшая карьера с «выходом в свет» регламентировалась буквально во всем, о чем говорит «Список одежды, который надо сделать (по выходе из Училища правоведения)».⁸ Прочитируем: «Мундир с брюками, белый жилет и галстук. Вице-мундир с брюками и жилетом. Черный фрак и черный жилет. Черный сюртук. Летнее пальто. Осеннее пальто. Шинель. Двое летн. брюк. Два летн. жилета. Два шарфа и два галстука. Шляпа. Две пары сапог и ботинки. Домашний сюртук и брюки. Рубашки, панталоны, платки, полотенца, одеяло, наволочка». Как говорится, «положение обязывало». Правда, в этом списке (рукой самого Дмитрия Стасова) все элементы одежды, значимые в двух экземплярах, были скромно заменены на «один, одни», а «ботинки» были вообще вычеркнуты. Жизнь только начиналась.

Несмотря на то что училище было закрытым учебным заведением, оно все-таки не было в то время обычным рутинным учреждением, так как имело немало умелых педагогов, не чуждых прогрессивным веяниям. В числе выпускников училища были не только выдающиеся государственные деятели — К. К. Арсеньев, Д. А. Оболенский, К. П. Победоносцев, Д. А. Ровинский, Н. И. Стояновский, но и видные представители культуры — И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, В. В. Стасов, А. Н. Серов, П. И. Чайковский и многие другие.

Для статского советника, обер-секретаря Сената, активного участника подготовки судебных преобразований открывалась прямая дорога к высоким государственным постам. В период службы в «старом Сенате» молодой, успешно продвигающийся по служебной лестнице юрист, весьма перспективный жених, пользуется успехом у женщин. Не иначе как «Идоллом» называли

⁵ См.: Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 3–29; Каренин Вл. Владимир Стасов. С. 92–95.

⁶ ГИА СПб. Ф. 365. Оп. 1. Д. 4200. Л. 10.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1925. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 407. Л. 1.

в письмах тогда «Дм. Вас. Стасова, подтрунивая над тем, что в него одновременно были влюблены 4 знакомых дамы, возбуждая этим некоторую зависть и ревность». Не было большим секретом среди «членов дружеского маленького кружка Стасовых», что у Дмитрия была внебрачная дочь, «Оленька Шестакова, любимая племянница Глинки», которая «родилась в 1852 г. и скончалась от дифтерита в 1863 г.». Сестра композитора М. И. Глинки Людмила Ивановна Шестакова, которая была на двенадцать лет старше Д. В. Стасова, «от причин чисто романтического свойства» нередко переживала «бедствия». У сестры композитора А. Н. Серова Софьи Николаевны Дютур возникла «вражда к В. В. и Д. В. Стасовым», хотя она питала «поочередно очень нежные чувства к обоим братьям».⁹

В конечном счете личная жизнь Д. В. Стасова складывается благополучно. В возрасте 33 лет он женится на 22-летней Поликсене Степановне Кузнецовой, из обедневшего дворянского рода, по словам которой, в 1853 г. в их семье «умерла сестра Варя от холеры, а весной скончался и отец в чине Тайного Советника, служил он в Морском Министерстве». Затем, когда в 1857 г. «мама умерла в 46 лет, не утратив еще красоты своей», Полина осталась на попечении брата Андрея Степановича Кузнецова (члена стасовского кружка молодых юристов), который «по требованию врача был вынужден уехать из Петербурга служить председателем уголовного суда в Екатеринбург», где через несколько лет умер после продолжительной болезни.¹⁰ Испытывая глубокое любовное чувство, Д. В. Стасов женился на круглой сироте, счастливо дожив с ней до золотой свадьбы.

Старшие братья Дмитрия Васильевича — бау-адъютант Зимнего дворца, инженер-капитан Николай Васильевич Стасов; директор акционерного общества «Кавказ — Меркурий» Александр Васильевич Стасов; знаменитый русский критик, идеолог «передвижников», крестный отец «Могущей кучки» Владимир Васильевич Стасов, привлекавшиеся в свое время к следствию по делу петрашевцев, активно участвовали в общественной жизни столицы. Используя «довольно порядочное состояние» своего отца, они имели достаточно высокий вес в столичном обществе.

Сестра Д. В. Стасова — создательница первых «воскресных школ» в начале 1860-х гг., а впоследствии одна из учредителей и распорядительница Высших женских курсов (Бестужевских) в Петербурге Надежда Васильевна Стасова и его супруга — основательница детских учреждений (приютов, детских садов), многолетний председатель фонда «Детская помощь» Поликсена Степановна Стасова выступили организаторами женского движения в России, особенно в области высшего женского образования.

Такое обилие «нераздельного стасовского клана», как они сами себя называли, приводило в замешательство даже их современников. Так, публицист, критик П. В. Анненков невольно восклицал по этому поводу: «Я совершенно

⁹ См.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / Ред. В. Д. Комарова. М., 1935. С. 9, 16, 24, 39.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 25.

растерялся, столько мужских и женских Стасовых, что не знаешь, который и которая из них голос подал или подала». ¹¹

Наиболее важным источником, позволяющим судить о том, как под воздействием лучших произведений русской и зарубежной литературы складывалось мировоззрение молодого человека в 1830–1840-е гг., можно считать «Воспоминания Д. В. Стасова», как назвал их издатель — «свода мнений о выборе чтения <...> людьми выдающимися нашей Родины». Там он писал: «Лет с 5–6 я постоянно читал Евангелие, и можно сказать, что это было самое сильное из всех впечатлений, которые на меня действовали и тогда (в особенности лет до 17 и затем позднее) <...> Скорее затем начал я читать (лет 13–14) критические статьи Белинского и вот кто имел самое большое влияние и значение на всю мою жизнь). Наряду с ним влияли на меня сочинения Ж. Занд, а позднее лет в 18, “Герой нашего времени”, Гоголь и еще позднее “Кто виноват?” и др. сочинения Герцена и “О свободе” Милля, и вся вообще литература 40-х годов (т. е. Тургенев, Григорович и пр.). Между 14–18 годами начал я читать и Шекспира, и не переставал его читать с тех пор всю жизнь, так же, как и Илиаду. Одновременно с тем я зачитывался “Хижинкой дяди Тома” Бичер Стоу и драмами В. Гюго». Выделяя полюбившиеся ему «романы В. Скотта, Купера и повести (немецкие) Цизонна и Э. Гофмана», Стасов отмечает, что «никогда не читал <...> в переделках, а всегда в оригиналах или верных переводах». ¹²

Подводя итог, он в письме к М. М. Ледерле от 5 августа 1891 г. пишет: «По части художественной литературы самые сильные <...> писатели — Ж. Занд, Белинский, Лермонтов, Мюссе, В. Гюго, Тургенев, Григорович и Милль». ¹³

Когда в 1840-е гг. наибольшую роль в формировании своего мировоззрения Д. В. Стасов отводил Белинскому, надо учесть, что, несмотря на все споры литераторов, сравнивающих взгляды «раннего» и «позднего» критика, тот, безусловно, оставался приверженцем социалистического идеала, что в то же время не отменяло его веры в освобождение крестьян сверху. ¹⁴ «Я помню, — писал К. К. Арсеньев о литературных увлечениях Д. В. Стасова в 1850-е гг., — какие горячие дебаты происходили в его кружке по поводу “Грозы”, “Обломова”, “Накануне”». ¹⁵

В это время он активно посещает литературно-музыкальные собрания столичной интеллигенции, как, например, салон известной в то время певицы А. И. Гирс (рожд. Буниной), где «нередко собиралось очень интересное и избранное общество», включая таких видных деятелей, как И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. А. Фет. В одной из записок А. И. Гирс приглашает

¹¹ Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. Т. 3. СПб., 1912. С. 413.

¹² Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб., 1895. С. 48–50.

¹³ РО РНБ. Ф. 426. Д. 42. Л. 3.

¹⁴ См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 116–119.

¹⁵ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова (Воспоминания К. К. Арсеньева) // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 322.

Д. В. Стасова приехать к ним в субботу, так как «будет читать» Тургенев.¹⁶ который, как правило, представлял на суд слушателей свои новые, готовившиеся к печати произведения. Постоянно анализируя в своей переписке «исключительно разные политические новости», Д. В. Стасов пишет однажды: «Но что же делать, когда для меня это самая гласная сторона жизни...». Знаменательно, что во всех политических преобразованиях его «интересует <...> более общечеловеческая дорога, т. е. будущее торжество правды».¹⁷

В начале 1860-х гг. он проявляет интерес к наиболее жгучим проблемам современности. В дневнике К. К. Арсеньева за 11 февраля 1862 г., в описании одного из вечеров, выделяется «разговор и спор Кавелина с Д. Стасовым об общинном землевладении, по поводу статьи Кавелина, написанной по этому поводу в Англии 1859 году».¹⁸

После отмены крепостного права Стасов хорошо осознавал, что «вопрос крестьянский не скоро разрешится». При этом он возлагал большие надежды на подъем общественного движения, считая, «что мирно дело не обойдется и что наше море расколется так, что не скоро уляжется потом». «Я бы к этим мерам желал не прибегать, но с другой стороны, — откровенно написал он 22 февраля 1862 г. одному из участников юридического кружка, — как не пожелаешь, чтобы произошло что-нибудь и заставило протереть глаза». 10 июня 1862 г. он уже прямо заявляет, «что мы живем в революционное время, что ни неделя, что ни шаг, то мы натываемся на какое-нибудь движение, на какую-нибудь вспышку».¹⁹ В данном случае отдельное субъективное мнение передает мироощущение демократически настроенной интеллигенции в период революционной ситуации на рубеже 1850–1860-х гг.²⁰

В «эпоху прокламаций» Д. В. Стасов приходит к мнению, что «ими формируются партии, соответственно масти», поэтому 2 июня 1862 г. он решительно осуждает «яро-красный, нападающий на всех и на все» листок «Молодая Россия», где «предлагалась резня»,²¹ имея в виду прокламацию, автор которой, студент Московского университета, сын помещика Орловской губернии Петр Заичневский, остался неизвестен властям в то время. Действительно, крайне радикально настроенные круги выдвигали лозунг «В топоры», призывая к кровавой и неумолимой революции, к уничтожению «императорской фамилии, т. е. какой-нибудь сотни, другой людей», а к «императорской партии» они причисляли помещиков, чиновников, купцов и всех имущих. Революционеры обещали быть последовательнее не только «жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года», то есть пролить больше крови, чем это

¹⁶ Комарова В. Д. Незданная записка Тургенева // А. Ф. Кони. Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 190.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 182. Л. 54 (5 июля 1862 г.); Д. 186. Л. 26 (30 сентября 1864 г.).

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 21, 50. Курсив мой. — Д. Л.

²⁰ См.: Троицкий Н. А. Революционные ситуации в России как историографический феномен (к постановке вопроса) // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20. С. 250. С. 218–226.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 183. Л. 18.

сделали якобинцы во время Французской революции XVIII в. Уничтожение института брака и семьи как отживших установлений было само собой разумеющимся. Другие, вполне демократические программные требования (лозунг «социальной и демократической земли Русской» в виде федераций областей с предоставлением независимости Польше и Литве, наделение каждого землей) оказались на втором плане. Одновременно все остальные прокламации обвинялись в «либеральничанье», Герцена осуждали за его «отвращение от кровавых действий, от крайних мер», позицию умеренной прокламации «Великорус» считали ошибочной и отсталой.²² Все это вместе взятое не могло найти поддержки в широких кругах демократически настроенной интеллигенции.

Солидаризуясь с мнением Д. В. Стасова, его корреспондент, председатель Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецов, замечает, что «Великорус и Молодая Россия — огромная разница».²³

Первый номер «Великоруса» вышел в июне 1861 г. (раньше других прокламаций тех лет), о его содержании знали не только в столице, но и на окраинах империи, как, в данном случае, в Екатеринославе. «Великорус» также выступал за радикальное решение крестьянского и национального (польского) вопроса, призывал создавать на местах «комитеты, которые руководили бы партиями», отвергал надежды на царствующую династию, но одновременно его авторы отстаивали идею согласованных действий радикалов-республиканцев и «умеренной партии» (конституционалистов). В целях «политического воспитания нации» предлагалось начать с адреса царю о созыве представителей русской нации для выработки конституции.²⁴ Интересно, что через четыре месяца, в октябре 1861 г., именно Д. В. Стасов будет арестован с обвинением в собирании подписей в аналогичном адресе на имя императора Александра II.

Содержание этих прокламаций А. С. Кузнецов хорошо знал от Д. В. Стасова, который в своих письмах нередко доверительно сообщал шурина все подробности общественной жизни в столице, показывая, в том числе, свою осведомленность о реакции на прокламацию «Молодая Россия» своих лондонских друзей. «Герцен положительно писал против нее, и я знаю из некоторых источников, что он был очень огорчен и этой прокламацией и главное, что не мог довольно энергически писать против нее, поэтому что Огарев и Бакунин стояли за эту прокламацию; и Бакунин (который, говорят, совершенно выжил из ума) вполне с нею соглашается, — писал 21 июня 1862 г. Д. В. Стасов. — Что было делать Герцену?»²⁵ Такие подробности он, вероятно, мог узнать от своего брата В. В. Стасова, в присутствии которого 24 июня 1862 г. Герцен читал свою статью «Молодая и старая Россия».²⁶

²² См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е. Л. Рудницкой; Сост. Е. Л. Рудницкая, О. В. Будницкий. М., 1997. С. 14, 50.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 193. Л. 130 (письмо от 21 июня 1862 г.).

²⁴ См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 40.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 182. Л. 69.

²⁶ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Т. 3. М., 1983. С. 335.

Зато с большим одобрением в переписке Д. В. Стасова характеризуются разосланные весной 1863 г. прокламации от комитета «Земля и воля», которые, по его словам, «написаны весьма недурно, спокойно, разумно». ²⁷ Датировка и содержание этого письма свидетельствует, что первая прокламация, выпущенная организацией «Земля и воля» под названием «Свобода», вышла не в феврале 1863 г. (как считалось ранее), ²⁸ а была напечатана в апреле 1863 г., что подтверждает мнение современных исследователей. ²⁹ В данной прокламации целью провозглашалось разрушение самодержавия и торжество народных интересов. Задачей созданного тайного общества «Земля и воля» и его «Народного комитета» (поставленного «во главе русского революционного движения») становилось проведение свободных выборов в будущее «Народное собрание». В свою очередь, «императорское самодержавие» признавалось врагом русского народа, провозглашалось, что «революция в России неизбежна», и высказывалось предупреждение, что при «тупоумии правительства она может получить исполинские размеры кровавой драмы». Таким образом, здесь не было революционного призыва «В топоры», наоборот, образованным людям предлагали встать на сторону народа и предотвратить или хотя бы ослабить кровавую драму назревающей революции. ³⁰ Видимо, именно эта позиция и находила поддержку у Д. В. Стасова и его окружения.

С обсуждения прокламаций регулярно начинались в то время все его письма, и, например, он, не таясь, сообщал, что «на днях снова разослана новая прокламация под названием “Свобода”». ³¹ Обилие революционных изданий давало богатую пищу для размышлений. «Эти и подобные прокламации, хотя сами собою, разумеется, не могут произвести решительных результатов, тем не менее важны, как и “Колокол”, как и все запрещенные издания, потому что не позволяют установиться торжеству силы, царству обыденности и пошлости, — пишет Д. В. Стасов 14 апреля 1863 г. — Они действительно мать правды: соли или перца вкушать, без этого и другого только сделалось чрезвычайно приторно». По завершении этого письма Д. В. Стасов приходит к выводу, «что тайные общества <...> посредственно (имеется в виду «опосредованно». — Д. А.) оказывали и оказывают всегда пользу». ³²

Вместе с тем он прекрасно осознавал реальную значимость подпольных организаций с их нелегальными изданиями и степенью влияния на общество. «По моему мнению, все прокламации, вышедшие в последние два года, грешат тем, что много пускают пыли в глаза другим, что много придают значения себе, — прямо заявлял Д. В. Стасов в письме к своему корреспонденту из Екатеринослава 2 мая 1864 г. — Тайные общества в России не <1 нрзб.>, т. е. народ не сочувствует им, особенно в провинции, которая не думает о революции». ³³

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 183. Л. 18 (письмо от 14 апреля 1863 г.).

²⁸ См.: Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 136.

²⁹ См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 172.

³⁰ Там же. С. 46, 169–171.

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 183. Л. 18.

³² Там же.

³³ Там же. Оп. 4. Д. 194. Л. 95.

Несмотря на это, говоря об идейном восприятии программно-тактических установок прокламаций и их влиянии на умонастроения общества в целом, делать сегодня вывод, что «оно было ничтожным»,³⁴ все-таки неправомерно. По крайней мере на формирование мировоззрения российской интеллигенции они оказывали непосредственное влияние.

Прекрасно понимая, что «из-за тупоумия этих придерживающих власть <...> навсегда расстроены: жизнь и будущность», Д. В. Стасов при всем его «миролюбивом характере» выражает свое возмущение и оправдывает «тех, кто не находит в душе сил терпеть и выносить их долго». «Если это делается только <...> из молодости, от бушевания сил, — уточняет он свою позицию, — мои симпатии не за них, я их могу извинять, но не встану за ними, но когда к этому приходят вследствие выстрадавших убеждений или испытаний, то я и ненависть и мщение оправдываю и не брошу в них камня с высот олимпийского величия или <...> равнодушия». ³⁵ Выступая через двадцать лет с речью на одном из юридических собраний, Стасов отметил, что «негласная писаная <...> литература эта сослужила в свое время хорошую службу, и все-таки она не может же вполне заменить печатную гласность».³⁶

В начале 1860-х гг. властителями дум семьи Стасовых становятся Герцен и Чернышевский с явным преобладанием социально-политического аспекта в их творчестве. По словам П. С. Стасовой, побывавший у них в гостях в ноябре 1861 г. К. П. Победоносцев (в то время он частенько заходил к ним в гости) все идеи круга «Современника» с откровенной злобой «назвал чернышевщиной, которая бьет направо и налево, и сама не знает, чего не хочет».³⁷

Весьма характерны размышления этого будущего идеолога самодержавия, в которых К. П. Победоносцев, уже отбрасывая либеральную фразеологию, излагает свою позицию. «Пушай остается шарлатанство и отвратительное глумление Современника с Компанией, а серьезное слово не должно слышаться, — писал Д. В. Стасову он 12 апреля 1861 г. — Что делать? Приходит, видно, “их година и власть темная”. Вообще трудно рассказать, до чего с каждым днем обескураживает это Вавилонское смешение нелепостей, царствующее повсюду».³⁸ П. С. Стасова резко возражала «другу семьи», что это «неправда и трижды неправда».³⁹

В 1863 г. Д. В. Стасов отчетливо представлял, что «Чернышевский придерживается учения Фурье и других социалистов».⁴⁰ «Ведь если Роберт Оуэн или Искандер говорят, что история народа в руках самого народа, — высказывала свое мнение П. С. Стасова, — я этому взгляду вполне сочувствую».⁴¹

³⁴ Абакумов О. Ю. III отделение и политические преступления рубежа 1850–1860-х гг. // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н. А. Троицкого. Вып. 20. Саратов, 2001. С. 144.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 49 (письмо от 20 мая 1862 г.).

³⁶ Там же. Д. 389. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 180 (письмо от 18 ноября 1861 г.).

³⁸ Там же. Оп. 4. Д. 222 (письмо от 12 апреля 1861 г.).

³⁹ Там же. Оп. 6. Д. 180 (письмо от 18 ноября 1861 г.).

⁴⁰ Там же. Д. 184 (письмо от 2 июня 1863 г.).

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1 (письмо от 2 января 1862 г.).

В то время идеи утопического социализма не оставляли равнодушными представителей демократически настроенной интеллигенции. Неоднократно бывая за границей, Д. В. Стасов с восторгом отзывался о деятельности французских рабочих-социалистов. «У нас бы кто-нибудь сказал, что я социалист, да ведь за одно слово уже упрятали бы в тартарары, не разобравшись, в чем замок же социализма его», — с горькой иронией писал он жене из Парижа.⁴²

Представляет интерес его оценка романа Чернышевского «Что делать?», о котором 7 апреля 1863 г. Стасов писал, что «если смотреть на него как на роман, то о нем не стоит говорить, но если говорить как о притче или рассуждении, то надо сказать, что это прекрасная вещь». Он сразу понял, что «Чернышевский и не претендовал на художественное издание, а придал своим рассуждениям эту форму».⁴³

П. С. Стасова, рассуждая о влиянии творчества известного писателя, также указывала, что «его мысли, действия, интересы были моими, и обратно, все мое было и его, полное общение дум», выражала мнение всей своей семьи. «Бранят, бранят роман Чернышевского, — писала она 10 апреля 1863 г. брату А. С. Кузнецову, — бранят как слишком пропитанный личностью автора с нахально демократическим тоном, но это в высшей степени умная вещь; и очень хороший тип современной молодежи дает он нам с лица Лопухина, тип, которому так и хочется протянуть руку».⁴⁴ «Мне все время казалось, — пишет сам Д. В. Стасов, чутко уловив суть разворачивающейся борьбы на литературном поприще, — что вещь эта написана как противодействие или критика на разглагольствования, порожденные в прошедшем году “Отцами и детьми”».⁴⁵

Долгое время сторонники, а ныне неистовые критики Чернышевского все пытаются найти в его утопии призывы к «безудержному насилию».⁴⁶ Здесь правы современные исследователи, которые опровергают легенды о том, что идеолог народничества непременно является автором или вдохновителем призыва «К топору зовите Русь» (опубликованного 1 марта 1861 г. в «Колоколе» Герцена), не отрицая происхождения этого воззвания из круга «Современника» и теоретической разработки Чернышевским идеи крестьянской революции.⁴⁷ Интересно, что в это время Д. В. Стасов, уже лично знакомый с Герценом и Чернышевским, так же мучился разрешением вопроса: пойдет ли Россия путем реформ «сверху», или она вынуждена будет пережить свой «1789-й год»?

Из переписки Д. В. Стасова с единомышленниками видно, что он не мог спокойно ждать, пока в России все «не кончится какой-нибудь большой катастрофой», и не раз задавался вопросом, «можно ли предотвратить все это брожение и всей вспышки дарованием большей свободы». Через год после отмены крепостного права он сам же отвечал утвердительно, «что да: если дать

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 82 (письмо от 13 октября 1878 г.).

⁴³ Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 82 (письмо от 7 апреля 1863 г.).

⁴⁴ Там же. Д. 183. Л. 24.

⁴⁵ Там же. Д. 15. Л. 82 (письмо от 7 апреля 1863 г.).

⁴⁶ См.: Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 278.

⁴⁷ См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. С. 156, 180.

больше работы, т. е. самостоятельности каждому», а не безропотно надеяться, что «за всех думает и действует отечественное правительство». «Открой оно клапан, — убежден Стасов, — сколько выйдет спертого воздуха разных сил, которые пойдут прямой разумной дорогой».⁴⁸

Когда он задумывается, «каким же образом приобретается свобода, должна ли она завоевываться или приходиться сверху», то приходит к выводу, что нельзя «всегда ожидать все только сверху, а самим ничего не делать».

Но когда в начале марта 1862 г. был арестован профессор русской истории П. В. Павлов за «дерзкий», по мнению властей, характер публичной речи о 1000-летию России,⁴⁹ Стасов откровенно заявил: «Несмотря на мое полное сочувствие Павлову, я нахожу, что он бросился на нож правительства, это, должно быть, был в нем момент либерального фанатизма, лишь бы высказаться».⁵⁰ Это было не случайное впечатление, так как они были хорошо знакомы по работе в воскресных школах. Когда П. В. Павлова выслали в Ветлугу, Д. В. Стасов (до этого сам уволенный из Сената за поддержку арестованных студентов осенью 1861 г.) переписывался с ним и принял участие в организации денежной «подписки» в поддержку опального профессора.

Проявление в это время в обществе «либеральничествующих порывов» было для Д. В. Стасова «не больше как пена, происшедшая от слишком скорого появления одних перемен за другими», тем более что очень скоро «все впали в совершенную безучастность, потому что бояться». «Поляки в этом отношении почестнее, — заметил он 14 января 1863 г., — они, по крайней мере, чего захотели, того добивались не на жизнь, а на смерть».⁵¹

В начале польского восстания он признавал (в отличие от большинства либеральных деятелей), что повстанцам «для уничтожения врага все средства позволительны <...> что же делать слабому, против сильного?». Хотя в то же время замечал, что «не пошел бы за них драться против русских», критикуя, таким образом, вышедшую в «Колоколе» «декламацию Огарева»,⁵² где содержался призыв поддержать восставших поляков. В одном и том же письме Д. В. Стасов мог выразить понимание и сочувствие борьбе поляков и свое несогласие с их тактикой борьбы. «Один мой знакомый, офицер Генерального штаба, Сераковский перешел на сторону своих соотечественников, предводительствовал <...> и убит, — писал Д. В. Стасов в самый разгар восстания весной 1863 г. об одном из видных лидеров восставших Сигизмунде Сераковском. — Это был замечательный человек и по личному характеру, по своей горячности, уму, образованности». Вместе с тем Д. В. Стасов в этом же письме вынес свой вердикт: «Я виню не его — он поляк, а русских офицеров, которые переходят в польский лагерь и дерутся против русских».⁵³

⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 47 (письмо от 17 мая 1862 г.).

⁴⁹ См.: Российские либералы / Под ред. Б. С. Итенберга, В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 210.

⁵⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 40 (письмо от 8 марта 1862 г.).

⁵¹ Там же. Д. 183. Л. 3.

⁵² Там же. Д. 184. Л. 4 (2 июня 1863 г.); Д. 183. Л. 20.

⁵³ Там же. Д. 183. Л. 3.

В разгар «польского бунта» либеральное общество резко осудило позицию недавнего своего кумира Герцена и перешло на сторону правительства. Д. В. Стасов в это время твердо заявил о сохранении своей собственной позиции в таком сложном вопросе. «Я по-прежнему вполне сочувствую полякам за борьбу их за независимость собственно Польши, — писал он 24 мая 1863 г. А. С. Кузнецову, — но нельзя не осуждать их за террористические средства, к которым они прибегают». Его корреспондента тогда «очень покоробил катехизис польский».⁵⁴

Следуя во многом линии «Колокола» и не раз признавая, что «заслуги Герцена несомненны», в польском вопросе Д. В. Стасов не мог встать на сторону революционных демократов, но и позиция пассивного сопротивления демократически настроенного патриота (зачем же «драться против русских» — «выходи в отставку») вполне заслуживает уважения и понимания. Находясь в гуще общественной жизни столицы, реалистично мыслящий юрист с изменением политической ситуации имел право заявить 2 мая 1863 г.: «Колокол смешон тем, что вместо оппозиции, возможной и теперь, держит язык революции, вероятно, не подозревая, что это одна фанфаронада».⁵⁵

Извлекая опыт из революционных событий начала 1860-х гг, Стасов обращается с нападением, со своеобразным предостережением к тем, кто пытается возглавить и претворить в жизнь «дело освобождения народа». «Революционная партия, — пишет он своему единомышленнику 24 мая 1863 г., — как еще только вступающая в жизнь должна рассчитывать единственно на сочувствие народа, а не действовать на него страхом, последний образ действий противоречит самому существу революции, которая преступна, когда она хочет насильно заставить кого-нибудь действовать с ней заодно; революция свята и законна только тогда, когда народ без принуждения по собственному побуждению пристает к ней».⁵⁶

Такие твердые демократические убеждения честного, порядочного человека, отстаивающего их в силу своих возможностей, неизбежно приводят к оппозиции существующему абсолютистско-самодержавному строю, но это же убедительно свидетельствует, что вовсе не обязательно было прогрессивно настроенным людям уходить в подполье и «звать Русь к топору».⁵⁷

Либеральная интеллигенция все свои помыслы направляла на демократическое реформирование общества. 3 февраля 1862 г. Д. В. Стасов выражает горячее сочувствие адресам тверского и московского дворянства, где «не упоминается слово конституция, но высказано все то, что существует только при конституции». Незадолго до этого он обсуждает с профессором истории Н. И. Костомаровым «федеративное начало» и восторгается статьей

⁵⁴ РО ИРЛИ, ф. 294. Оп. 6. Д. 194. Л. 111–112.

⁵⁵ Там же. Л. 95.

⁵⁶ Там же. Л. 111.

⁵⁷ См.: *Легкий Д. М.* Присяжная адвокатура пореформенной России: истоки формирования мировоззрения (по материалам о Д. В. Стасове) // *Освободительное движение*. Вып. 18. Саратов, 2000. С. 118–123.

А. П. Шапова «о существовании самоуправления <...> собора земского» в России до XVII в.⁵⁸

29 апреля 1863 г. Д. В. Стасов с оптимизмом говорит, что «вопрос о Земском Собрании <...> в верхних регионах считается только вопросом времени, не больше».⁵⁹ Такие сведения были близки к истине, так как записки и проекты П. А. Валуева имели хождение в верхах, но император их решительно отверг в декабре 1863 г., испугавшись самого куцега общегосударственного представительства.⁶⁰

Власти были вынуждены ввести представительные учреждения, но только на губернском уровне, предоставив «кусочек конституции» по городской и земской реформе, в отношении которых Стасов пришел к «невольному заключению, что эти законы для того, чтобы не было возможности их применить на деле, или для того, чтобы показать, что земство само по себе, без согласия свыше — ничего не может и не значит».⁶¹

Когда он поинтересовался у председателя Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецова, как «смотрят земские собрания» в его городе на подобные вещи, тот резко ответил, что «земские учреждения засохнут в самом начале <...> русский ум по-прежнему бьется в клетке». Такие крамольные мысли видного судебного чиновника незамедлительно стали известны III Отделению.⁶²

В конечном счете, в то время в России были отвергнуты все «конституционные проекты» (Валуева, Лорис-Меликова, великого князя Константина Николаевича), существенно урезано все наиболее передовое в реформах, в результате чего стала открыта дорога эпохе контрреформ и безвозвратно утрачена возможность «революции сверху».⁶³

Таким же негативным образом оценивал Стасов и реформу печати. «Она началась с того, — с возмущением писал он своему единомышленнику, юристу А. С. Кузнецову, — что уничтожены все журналы или столько сослано и уничтожено писателей, что некому и нечего думать писать <...> Хороша свобода печати, нечего сказать! Вероятно, что и прочие свободы будут иметь в непродолжительном времени ту же участь. Ожидать можно всего».⁶⁴

Обвинять Д. В. Стасова в огульном охаивании всех «великих реформ» нет никаких оснований, так как в этом же письме он с явным удовлетворением констатирует, что «судебная реформа идет помаленьку, и идет хорошо»,⁶⁵ она и действительно оказалась наиболее прогрессивной, отвечающей духу времени. Просто он как типичный представитель демократически настроенной

⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 12.

⁵⁹ Там же. Д. 183. Л. 22.

⁶⁰ См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 40.

⁶¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 12. Л. 8–9 (20 января 1862 г.); Д. 190. Л. 1 (22 января 1867 г.).

⁶² ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 3. Д. 220. Л. 1 («Выписки из письма Кузнецова А. от 2 октября 1866 г. к Дмитрию Васильевичу Стасову в С.-Петербург»).

⁶³ См.: Литвак Б. Г. Реформы и революции в России // История СССР. 1991. № 2.

⁶⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 190. Л. 1.

⁶⁵ Там же.

интеллигенции имел дар реально оценивать и «порельефнее» (его выражение) описывать суть происходящих событий.

Когда дореволюционный историк судебной реформы 1864 г. в России А. А. Жижиленко тщательно проанализировал сохранившиеся в семейном архиве Стасовых статьи, принадлежавшие перу Дмитрия Васильевича (как опубликованные в официальной печати, так и подготовительные материалы к ним), то пришел к справедливому заключению, что его «взгляды окрашены неизменно прогрессивным духом, и их пропаганда способствовала созданию благоприятной атмосферы для воспитания новых идей, постепенно проводившихся в законодательстве этой эпохи».⁶⁶

Особое внимание он обращает на сделанный Стасовым перевод статьи «О необходимости равенства прав обвинителя и обвиняемого» гейдельбергского профессора К. Миттермайера, который в то время пользовался исключительным авторитетом как выдающийся ученый и либеральный общественный деятель, в частности как решительный противник смертной казни.⁶⁷

Этот перевод, опубликованный в официальном «Журнале Министерства юстиции», отражал явно выраженные либеральные политические взгляды В. Стасова и самой редакции. Издание было основано в 1859 г., в период подготовки судебной реформы, когда отчетливо осознавалась потребность в специальном научно-практическом печатном органе для судебного ведомства, где находилось бы место выражению прогрессивных настроений теоретиков и юристов-практиков, что противоречило устремлениям правительства.⁶⁸

Публикация вышла сразу после провозглашения отмены крепостного права, когда до введения новых судебных уставов оставалось еще долгих пять лет. Будущий глава присяжной адвокатуры лично от себя особо подчеркнул следующее обстоятельство: «Известно, что исход дела зависит от того общего впечатления, которое получают судьи и присяжные во время прений, так как очевидна опасность, угрожающая обвиняемому, в особенности же в тех *политических процессах*, когда известно, что правительство стоит за спиной публичного обвинителя и желает вынесения обвинительного приговора, то <...> необходимо, чтобы *защитник* имел возможность всеми силами *противодействовать* неблагоприятному впечатлению, которое обвинитель мог произвести на суде».⁶⁹ Впоследствии переводчику суждено было стать одним из видных политических защитников на крупнейших судебных процессах.

Современные исследователи также отметили смелые рассуждения переводчика, так как в русских, даже специальных юридических, изданиях никогда не шла речь о политических процессах, а тем более о равенстве процессуальных прав обвинителя и обвиняемого, по поручению которого выступает адвокат. К тому же в России до принятия судебной реформы обсуждаемый в статье вопрос решался либо в административном порядке, либо царь

⁶⁶ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–30.

⁶⁷ См.: Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 11. С. 1–24.

⁶⁸ *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX–начало XX вв. Саратов, 1999. С. 44.

⁶⁹ Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 11. С. 1. Курсив мой. — *Д. Л.*

назначал специальный суд из высших сановников, который «келейно вершил расправу».⁷⁰

В идеях прогрессивного немецкого ученого, по мнению В. Д. Комаровой-Стасовой, ее отец нашел «выражение всех тех идеалов, юридических, общественных и политических, которым служил всю свою последующую жизнь, в частности он с юных лет сделался убежденным противником смертной казни».⁷¹

В немалой степени общественно-политические взгляды Д. В. Стасова раскрывают его острые, образные, не рассчитанные, естественно, на широкую огласку, высказывания о некоторых видных царских сановниках, как, например, о двух министрах, представлявших различные направления в правительственном лагере, — П. А. Валуеве и Д. А. Милютине и популярных в разное время правителях — А. А. Суворове и М. Т. Лорис-Меликове.

Министру внутренних дел П. А. Валуеву он дает весьма не лестную, но достаточно объективную характеристику. «Вообще говорят, что Валуев — одна из самых больших и вместе с тем вредных собак, существующих у нас, — писал Д. В. Стасов 23 сентября 1862 г. А. С. Кузнецову. — Не говоря о том, что он придерживается самых узких, ретроградских начал и видит во всем пожар и революцию, он вреден в особенности, что говорит хорошо, обладая при этом известною долею ума; хорош собою, ловок и хитер. Теперь он главнейшее правительство».⁷²

Стасов верно подметил основные черты ловкого царедворца как человека и политика и не ошибся в своих опасениях: именно на совести Валуева в дальнейшем будет сворачивание им же задуманных земской и цензурной реформ, что в конечном счете вылилось в гонения на печать. Как ни старался П. А. Валуев стать «министром на европейский лад», либеральная общественность неадекватно воспринимала результаты его реформаторской деятельности.⁷³

Как бы в противовес такой фигуре ловкого царедворца Стасов показывает человеческие качества генерал-губернатора А. А. Суворова, бывшего декабриста, члена «Союза благоденствия». Критикуя его неспособность к настоящей государственной деятельности, чему, впрочем, не способствовали существующие порядки, Д. В. Стасов прямо высказывается о противоречивых поступках этой неординарной личности.

«Суворов вообще престранный человек — человеколюбив, добр и много в нем рыцарски-благородного, а при этом неуважение и не использование законов, произвол, самоуправие, кто первый пришел попросить его, тот и прав, — писал Стасов 18 марта 1862 г. — Потом, как слышно, он не может распознавать людей и вокруг него бывшие послуживцы (большей частью

⁷⁰ См.: *Салита Е. Г.* Стасовы в Петербурге-Петрограде. Л., 1982. С. 80.

⁷¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 323. Л. 98

⁷² Там же. Оп. 6. Д. 182. Л. 76–77.

⁷³ См.: *Секиринский С. С.* Петр Александрович Валуев // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 137–189; ср.: *Гетманский А. Э.* Российский министр европейского типа. Тула, 2001. С. 198.

мошенники) <...> Мне очень важно, что Суворов порядочный человек <...> можно к нему обращаться. Но если он захочет, он может все испортить. Когда-то все это исправится. Если бы было <...> публичное судопроизводство с порядочною системою судов». ⁷⁴

Интересно, что действия либерального военного министра Д. А. Милютин не вызывали у Стасова какого-либо одобрения. «О Милютине я слышал следующие вещи, что он постоянно почти согласен и соглашается со всеми либералами насчет разных реформ по своему ведомству, но когда приходится решать <...> он оставляет в прежнем положении, ничего не сделает, — описывал Д. В. Стасов 1 января 1862 г. первый период деятельности военного реформатора. — Друзья его, в том числе Кавелин, который должен бы, кажется, поддерживать в хорошем настроении и придавать ему энергии для деятельности, напротив, оправдывает всячески его нерешительность и объясняет это тем, что он не оперился и не окрылился, а я так это объясняю иначе: разнородностью убеждений тех лиц, которые добились чего-нибудь, чего добивались и чего желали, хотя бы это было что-либо весьма хорошее и важное». ⁷⁵

Думая о причинах отказа либерального министра взять его к себе на службу после увольнения из Сената за вольнодумство, Стасов добавляет: «Почему этот *soi-visant* ⁷⁶ либерал не хочет взять меня, почему я кажусь ему опасным — не знаю; дело все-таки в том, что я нахожу постоянно подтверждение моему всегдашнему мнению: что все добивающиеся мест <...> либеральны до тех пор, пока не получают их, а получив, идут тою же дорогою дворянских угодений, заискивания и проч.». ⁷⁷

Будучи представителем либерально-демократической интеллигенции, одним из образованнейших людей своего времени, Д. В. Стасов с воодушевлением воспринял в молодости идеи Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. В период отмены крепостного права он поддерживал требования демократического лагеря, а в дальнейшем был близок к программе революционной демократии, но полностью на ее позиции так и не встал, особенно когда народники, разуверившись в мирной пропаганде, перешли к тактике индивидуального террора.

Вместе с тем, в отличие от многих либеральных деятелей, Д. В. Стасов навсегда остался верен прогрессивным идеалам 1860-х гг. и не изменил своих демократических убеждений, о чем свидетельствуют многочисленные материалы его семейного архива.

Он тщательно коллекционировал, распределяя тематически разнообразные вырезки из газет и журналов, документы и воспоминания не только о развитии культуры и народного образования, но и по общественно-политическим, религиозным и юридическим вопросам, о декабристах и политических процессах; причем нелегальные брошюры, революционные

⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 182. Л. 76.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Так называемый, мнимый (*фр.*).

⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 182. Л. 76–77.

прокламации и воззвания различных политических партий размещались в семейном архиве отдельно.⁷⁸

В семье Стасовых хранились эмигрантские издания Вольной русской печати с 1854 г. под редакцией А. Герцена, Л. Тихомирова, М. Элпидина, В. Бурцева, П. Струве, В. Черткова.⁷⁹ В их числе были многие запрещенные издания: воззвание Ем. Пугачева «Честному казачеству и всему люду русскому» (1854), речь Герцена о декабристах в редкой брошюре «Народный сход в память переворота 1848 г. в Лондоне» (1855), «Листок освобождения», «Накануне», «Листки свободного слова». Кроме того, сохранились многочисленные портреты и фотографии «декабристов, А. Герцена, В. Фигнер, С. Перовской, В. Засулич, Д. Гарибальди, парижских коммунаров», революционеров-народников — подзащитных Дмитрия Васильевича.⁸⁰

Другие источники свидетельствуют о том, что в 1860-е гг. он располагал полным комплектом «Полярной звезды» и «Колокола», имел «записки» Кавелина, «сочинения» С. Сераковского, «переписку Кавелина и Тургенева с Герценом», адреса московского и тверского дворянства, различные конституционные проекты и подпольные прокламации («Великорус», «Свобода», «Молодая Россия», «прокламации от комитета “Земля и Воля”»), причем все это активно обсуждалось и имело широкое хождение в окружении Стасовых.⁸¹

В стасовской библиотеке, содержание которой говорит само за себя, были (по словам его дочери и жены) собрания сочинений Добролюбова, Писарева, Тургенева, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, «почти все сочинения» Чернышевского и Герцена, книги Ф. Лассала, Ф. Меринга, Р. Оуэна, В. Флеровского, В. Бурцева, «многие воспоминания декабристов, книги по истории революционного движения» и т. д. (немалая их часть была запрещена цензурой).⁸²

Д. В. Стасов постоянно проявлял большой интерес к нелегальной литературе, особенно к подпольным революционным изданиям, о чем свидетельствуют результаты обысков при его дальнейших арестах. Так, судя по рапорту начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал-майора А. В. Комарова, «при обыске у Стасова найдены: №№ “Колокола” за 1857–1859 и 1860 годы в количестве 59 экземпляров, “Стрела” № 1, три объявления книгопродавца Трюбнера, восемь № “Под суд” <...> “Государственность и анархия”, “Задачи революционера”, “Русской молодежи”, журнал “Вперед”, “Турки внутренние и внешние” и семь номеров “Община” <...> № 1, 2, 4 газеты “Земля и Воля”». ⁸³

⁷⁸ См.: Там же. Оп. 4. Д. 388, 507, 606–627.

⁷⁹ См.: Там же. Д. 610.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Все это отражалось в переписке Д. В. Стасова, в том числе перлюстрированной в III Отделении. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 6; ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 3. Д. 209, 1817, 2089, 220; а также: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 13, 32 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁸² Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 15, 25; РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 19; Д. 414. Л. 13 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁸³ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 34.

Фактически Стасов располагал основными землевольческими изданиями, книгами и журналами теоретиков и руководителей народнического движения — А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, что говорит не только о политических симпатиях, но и о широком доступе известного адвоката к каналу распространения нелегальной литературы. На вопросы следствия Стасов прямо ответил, что «приобретал и читал запрещенные издания с целью познакомиться с теми идеями, которые волнуют молодежь, а главным образом для того, что, защищая политических преступников, ему необходимо было ознакомиться с их убеждениями».⁸⁴

Мировоззрение Д. В. Стасова, отличающееся явным демократизмом, раскрывается также в его понимании сущности и задач развития русской культуры. Советские исследователи пришли к закономерному в то время выводу, что «Дмитрий Васильевич, как и Владимир Васильевич, воспитанный в традициях эстетики великих русских революционных демократов, был горячим сторонником прогрессивного, реалистического, глубоко народного искусства, взращенного на почве русского освободительного движения».⁸⁵ Хотя в действительности в художественных интересах Д. В. Стасова отчетливо было видно в первую очередь его тяготение ко всему передовому и к творческому началу в искусстве, а откровенное сочувствие освободительному движению России проявлялось уже в других формах и действиях.

Братья Стасовы как видные деятели культуры оказывали друг на друга взаимное влияние, о чем красноречиво свидетельствует их обширная переписка. Издатели писем В. В. Стасова к родным указывают, что «больше всего писем адресовано Д. В. Стасову, его самому большому другу и единомышленнику»,⁸⁶ который во многом имел собственную позицию, в том числе в вопросах развития культуры. По этому поводу литературовед В. Д. Комарова (дочь Д. В. Стасова и племянница В. В. Стасова) писала, «что Дм<итрий> Вас<ильевич> хотя почти всегда разделял вкусы и взгляды Вл<адимира> Вас<ильевича> на художественные явления, но во многих случаях был менее нетерпим или, вернее сказать, любил и ценил многое, что тот не признавал или гораздо менее ценил».⁸⁷

Д. В. Стасов ценил в русских композиторах не только музыкальный талант, но и широту кругозора, разнообразие интересов. «Из всех русских композиторов Мусоргский особенно отличался любознательностью, начитанностью и живым интересом ко всем отраслям знания, — с чувством глубокого восхищения рассказывал Стасов о наиболее близком ему композиторе, — читал и по истории, и по естественным наукам, и по астрономии, по литературам иностранным, не говоря о русской, и потому беседы с ним были необыкновенно интересны и содержательны, при крайней своеобразности его собственных мыслей и оригинальности отношения к прочитанному и ко всем

⁸⁴ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 35.

⁸⁵ Лебедев А. К. Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. М., 1976. С. 79.

⁸⁶ См.: Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1, ч. 1. М., 1953. С. 23. Письма к публикации готовила Е. Д. Стасова, племянница В. В. Стасова.

⁸⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 323. Л. 37.

явлениям жизни». ⁸⁸ Современные исследователи, приводя это обширное высказывание об оригинальности взглядов русского композитора, подчеркивают, что оценка Д. В. Стасова «вполне серьезна и объективна». ⁸⁹

Он был также хорошо знаком с западной культурой во всех ее проявлениях не понаслышке, а осваивая ее во время своих частных зарубежных путешествий. При этом главной целью Д. В. Стасов ставил посещение музыкальных фестивалей, знаменитых музеев, библиотек, картинных галерей и выставок в Италии, Франции, Англии, Германии, досконально изучая в подлинниках лучшие образцы искусства, что находило широкое отражение в его путевом дневнике. ⁹⁰

В отличие от своего именитого брата с его излишним критицизмом, Дмитрий Стасов умел ценить положительное в западной музыкальной культуре и ее представителей в России — деятелей так называемой немецкой школы. При возникновении между братьями спора в оценке произведений искусства знаменитый музыкальный критик В. В. Стасов был не всегда прав, что признают известные музыковеды. По их мнению, Дмитрий Стасов совершенно справедливо подчеркивал высокую ценность моцартовского «Реквиема» «в одном музыкальном отношении», а Владимир Стасов, явно недооценивая этот гениальный памятник классической музыки, резко возражал, что в нем «кроме красоты <...> почти ничего нет». ⁹¹ Деятели культуры неизменно отмечали духовную близость братьев Стасовых. «Как и брат его Владимир Васильевич, Дмитрий Васильевич был в искусстве “националистом”, — писал о сходстве их взглядов на творчество русских художников известный скульптор И. Я. Гинцбург. — “Национализм” он понимал как “свободное проявление народного творчества” в противовес взглядам Академии, которая понимала задачи искусства в “проявлении духа классицизма и старинных традиций”, игнорируя задачи современности и народности». ⁹²

«Признаться сказать, — отмечал В. В. Стасов в одном из писем к брату в июне 1859 г., — может быть, ты один самый предприимчивый из всех нас и скорей остальных бросаешься вперед на новое...». ⁹³ Правда, Е. Д. Стасова, подготовив к печати эту переписку, решила почему-то вовсе исключить из ее текста важную для нас характеристику своего отца, в том числе и процитированное письмо, опубликованное ранее ее младшей сестрой Комаровой-Стасовой.

⁸⁸ Мусоргский М. П. Письма и документы / Под. ред. А. Н. Римского-Корсакова. М., 1932. С. 234.

⁸⁹ Сабина М. Д. М. П. Мусоргский // История русской музыки: В 10 т. Т. 7, ч. 1. М., 1994. С. 218.

⁹⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 530; Оп. 8. Д. 321.

⁹¹ Аркин Д., Келдыш Ю. В. В. Стасов в письмах к родным // Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1, ч. 1. С. 13.

⁹² Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний // Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964. С. 137.

⁹³ Комарова В. Д. Из стасовского архива // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 273.

* * *

Д. В. Стасов был тесно связан с такими видными деятелями либерального лагеря, как К. Д. Кавелин, А. М. Унковский, С. И. Зарудный, П. В. Павлов, его друзьями были также известные юристы, адвокаты — К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, Г. В. Бардовский, С. А. Андреевский, А. Ф. Кони. Хотя одновременно он мог поддерживать дружеские отношения с представителями различных политических воззрений — с А. И. Герценом и М. М. Стасюлевичем, А. С. Сувориным и С. Сераковским, Н. Г. Чернышевским и И. С. Тургеневым. Идеиные разногласия в среде сторонников демократических реформ для Дмитрия Васильевича не были камнем преткновения, сохраняя свою позицию, он умел находить общие точки соприкосновения.

А. Ф. Кони, называя Д. В. Стасова «служителем долга в самом широком смысле», справедливо отмечал, что, «кроме сознания общественного долга, у него было сознание долга по отношению к себе, который состоит в твердости и неуклонности убеждений».⁹⁴

Разоблачая пороки самодержавно-бюрократического строя и сочувствуя идейным исканиям 1860-х гг. (связанным с именами Герцена, Чернышевского, Добролюбова), он в годы подготовки крестьянской реформы примыкал к демократическому лагерю, допуская, в крайнем случае, применение насильственных средств для устранения крепостнических порядков. Здесь вполне правомерен вывод современных ученых, что в эти годы сложился не революционно-демократический, а демократический лагерь, объединенный в первую очередь идеями борьбы за демократизацию страны,⁹⁵ типичным представителем которого и стал Д. В. Стасов (со своими колебаниями в способе достижения цели).

В период польского восстания 1863–1864 гг., сочувствуя борьбе за свободу и независимость Польши, он осудил призывы герценовского «Колокола» к русским офицерам переходить на сторону повстанцев, занимая позицию демократа-патриота.

Фактически в середине 1860-х гг. Д. В. Стасов, как и ряд видных деятелей русского освободительного движения (Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. А. Мордвинов, А. М. Унковский), стоял на порубежье революционного и либерального демократизма, о чем исследователи давно и совершенно справедливо заметили, что «был и такой демократизм».⁹⁶

Оценивая политические взгляды Д. В. Стасова, некоторые советские историки неправомерно пытались определить, «сколь близок он к ленинскому пониманию главного вопроса русского революционного движения».⁹⁷ В этом отношении совершенно справедливо замечание современных исследователей,

⁹⁴ Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 4. Ревель; Берлин, 1923. С. 417.

⁹⁵ См.: Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности? // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 11–12.

⁹⁶ Порох И. В. История в человеке. Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40–80-х годов XIX в. Саратов, 1971. С. 110.

⁹⁷ См.: Липилин В. Г. Абсолют. Л., 1990. С. 26, 55.

что по крайней мере до 1870-х гг. «социализм был скорее отражением формы общественной мысли, чем фактом практической деятельности»⁹⁸ и увлечение идеями социализма, социальной справедливости не могло стать искомой перспективой для большинства демократически настроенной интеллигенции в России, которая упорно боролась против «косности и мещанства, против эксплуатации и социального неравенства, против политического произвола и невежества».⁹⁹

В конечном счете, в «эпоху великих реформ» Д. В. Стасов, отдавая предпочтение мирному, конституционному пути развития, стал ярким представителем либерально-демократического крыла в освободительном движении России.

1.1.2. Культурно-просветительская деятельность Д. В. Стасова

В советской историографии бытовало мнение, что «семья Стасовых внесла неоценимый вклад в русское освободительное движение» благодаря широкой культурно-просветительской деятельности, включая создание различных обществ взаимопомощи, производственных артелей, бытовых коммун.¹⁰⁰ Хотя фактически их просветительская, литературная и тем более музыкальная и филантропическая деятельность представляла собой вовсе не «борьбу против царизма», особенно на первых порах, а не более чем активное участие в общественной, культурной жизни России. К тому же так поступали многие представители русской интеллигенции, заинтересованные в поступательном развитии страны.

В период подготовки отмены крепостного права в России наступала эпоха общественного подъема, более связанного не с развитием революционного движения как такового (хотя отрицать его влияния конечно нельзя), а с мощным всплеском культурно-просветительской деятельности широкого слоя российского общества. «В 1860-х годах, вслед за освобождением крестьян..., — вспоминал Д. В. Стасов, — возникло в обществе то движение, которое выразилось чрезвычайно разнообразно: в устройстве кружков для взаимной помощи и поддержания друг друга по доставлению средств для образования, в складчинах для устройства библиотек, частных курсов, школ, чтений в частных домах, в распространении образования и в низших классах, устройстве типографий, печатания брошюр, книг, распространения их в народе».¹⁰¹

Вместе со своим родным братом, видным деятелем культуры В. В. Стасовым, он отдал немало сил и времени служению делу народного просвещения (причем на общественных началах), развитию высшего женского образования, оказывая огромное содействие руководительницам женского движения, своей жене — П. С. Стасовой и сестре — Н. В. Стасовой.

⁹⁸ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. С. 205.

⁹⁹ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция... С. 88.

¹⁰⁰ См.: Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 92. Ср.: Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 127.

¹⁰¹ Стасов Д. В. Каракозовский процесс // Былое. 1906. № 4. С. 247.

Одни исследователи считают, что с осени 1859 г., в целях содействия народному просвещению, к юридическому кружку Д. В. Стасова «примыкает кружок, сложившийся вокруг М. В. Трубниковой, уделявшей большое внимание организации воскресных школ»; другие полагают, что это в ее кружок «влились Надежда Васильевна Стасова с братьями Владимиром и Дмитрием».¹⁰²

На самом деле в то время в деятельности кружков различной направленности — Д. В. Стасова и М. В. Трубниковой, П. В. Павлова и П. Л. Лаврова — имелось много точек соприкосновения, а их участники нередко входили в состав нескольких обществ, координируя, таким образом, совместную деятельность. «Время это ярко врезано в память моей души, — отметила П. С. Стасова, — как время сильной умственной работы, пробуждения всяких общественных вопросов и задач, споров, самоуглубления для каждого из нас».¹⁰³

При организации воскресных школ Стасовых больше всего сокрушало «отсутствие книг для чтения наших учениц». «Было много книжек духовного содержания, но ими одними довольствоваться было нельзя», — указала П. С. Стасова в своей «Записке».¹⁰⁴ Устранить эту проблему помогал Д. В. Стасов, который имел тогда многие издания Вольной русской печати, в том числе «Колокол» Герцена, и охотно давал их работникам воскресных школ, а те заботливо следили за надежной передачей и своевременным возвращением этих книг.¹⁰⁵ В первое время часть нелегальной литературы Д. В. Стасов сам привозил из заграничных путешествий, но в период с 1861 по 1867 г., когда он не мог выезжать за пределы России (находясь под политическим надзором), его регулярно снабжали нелегальными печатными изданиями Е. А. и М. А. Шакеевы, близкие к революционному подполью. Так, 3 августа 1861 г. М. А. Шакеева просит П. С. Стасова передать, что для «Дмитрия Васильевича <...> Евгений доставил “Полярную звезду”, иначе мне совестно будет посмотреть ему в глаза <...> задержка, впрочем, по лично моей воле». В этом же году она сообщает, что ее брат «писал из Одессы и просит денег», и впоследствии такие короткие записки оканчиваются одной фразой: «... книги пришли к Вам в город».¹⁰⁶ Связанный с революционным подпольем Е. А. Шакеев ездил в Одессу, которая была перевалочным пунктом для доставки нелегальной литературы из Лондона.

Показательная реакция властей на деятельность демократически настроенной интеллигенции. Не случайно в июне 1862 г. министр внутренних дел П. А. Валуев создал особую комиссию по воскресным школам, так как в них «преподается учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности

¹⁰² См.: *Базилева З. П.* К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 205. Ср.: *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. С. 104.

¹⁰³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 435. Л. 6.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См.: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 437.

¹⁰⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 278 а. Л. 1–28.

и к возмущению против правительства». ¹⁰⁷ Все это в конечном счете и привело в то время к закрытию неудобных властям воскресных школ.

Значительную помощь молодежи в общественных начинаниях Д. В. Стасов оказывал в качестве юриста, будучи составителем уставов артелей, необходимых для их легализации, и как постоянный советчик в вопросах юридических и хозяйственных. Как сотрудник «Журнала для акционеров» и частый гость в доме его издателя К. В. Трубникова, увлеченного новыми перспективами капиталистической деятельности, Дмитрий Васильевич был в курсе «акционерной горячки». ¹⁰⁸

Такое содействие оказалось весьма необходимым, когда с участием Н. В. и П. С. Стасовых (при поддержке Д. В. Стасова) стали создаваться «Общество женского труда, общество акционерное, с выдачей дивиденда», «Общество дешевых квартир», «Издательская женская артель», «Детская помощь» и, наконец, Высшие женские (Бестужевские) курсы. ¹⁰⁹ В этом общественном порыве закономерны стали связи с революционными кругами. Так, автором устава общества «Женский труд», по свидетельству М. А. Шакеевой, был идейный вождь революционеров-народников П. Л. Лавров, ¹¹⁰ а устав «Женского общества издательниц» составил Д. В. Стасов. Руководителями этого «общества переводчиц», как оно называлось в начале 1863 г., были его сестра Н. В. Стасова и жена П. С. Стасова.

В первоначальном варианте устава указывалось, что «дела общества будут состоять преимущественно в издании учебных и детских книг переводных и оригинальных». В дальнейшем цель издательского общества была сформулирована значительно шире: «Издание книг в видах доставления более выгодной и огражденной от эксплуатации работы своим членам, а также в видах выгодного помещения их сбережений». Более того, на первый план выдвигалась уже социальная задача — укрепление положения женщины в обществе, издание книг выступало теперь лишь как средство к осуществлению этой основной задачи. Первый пункт устава был сформулирован следующим образом: «Женское издательское общество имеет целью улучшить и обеспечить материальное положение женщин, существующих литературным трудом, переводами, корректурой и пр.». Для достижения этой цели, как гласил следующий пункт устава, «Общество предпринимает издание книг в видах доставления работы своим членам и образует для них кассу ссуд из запасного капитала <...> а по мере увеличения средств может также устроить свои переплетные, книжные лавки и типографию». ¹¹¹ Видимо, поэтому утверждение устава правительством надолго затянулось, но общество продолжало существовать и даже предполагалось издание журнала.

¹⁰⁷ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. 1861–1876: В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 387.

¹⁰⁸ См.: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых... С. 437.

¹⁰⁹ См. архивы этих обществ: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 300–392, 420, 661–712.

¹¹⁰ См.: *Новикова Н. Н., Клосс Б. М.* Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981. С. 75.

¹¹¹ Цит. по: *Баренбаум И. Е.* Из истории русских прогрессивных издательств 60–70-х гг. XIX века: (Женская издательская артель М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965. С. 227.

Для артели переводчиц один из руководителей общества иштуинцев И. А. Худяков написал «Рассказы о свободных людях» (о чем свидетельствует расписка в получении гонораров в сумме 150 р.).¹¹² П. С. Стасова писала в то время, что «не все книги одинаково расходились, не все приносили хорошие результаты переводчицам». Так, «Рассказы о временах Меровингов» О. Тьери расходились чрезвычайно медленно, причем Министерство народного просвещения не одобрило их «для означенного употребления». Это связано было с тем, что в издании, по рецензии журнала «Книжный вестник», царствующие особы изображались в весьма мрачных красках, и это пришлось не по вкусу официальным блюстителям нравственности.

Главным складом всех этих изданий стал книжный магазин Н. А. Серно-Соловьевича на Невском проспекте, сохранивший эту функцию и после перехода его в руки А. А. Черкезова.¹¹³ Эта артель, по словам П. С. Стасовой, прекратила свою деятельность, «когда 3000 руб. ухнули при крахе магазина Черкезова»,¹¹⁴ что говорит о тесной взаимосвязи двух обществ.

В 1865 г. «Женское общество издательниц» насчитывало 54 члена, а его консультантами и рецензентами выступали выдающиеся русские педагоги, ученые, литераторы: А. М. Бутлеров, В. В. Стасов, И. М. Сеченов, М. Е. Салтыков-Щедрин. Это был апогей деятельности артели, но после покушения Дмитрия Каракозова на императора Александра II ряд членов покинул общество и книги стали выходить под маркой «Трубникова и Стасова».¹¹⁵

Многосторонней деятельности Д. В. Стасова способствовало его увлечение литературой, достигшей во второй половине XIX в. пышного расцвета. По воспоминаниям П. С. Стасовой, вместе с друзьями их семьи был составлен «маленький литературный кружок <...> каждый из членов его должен был прочитать известного автора <...> разобрать и составить доклад».¹¹⁶

Д. В. Стасов внимательно следил за новыми произведениями Тургенева, с нетерпением ожидая их выхода. Будучи в заграничном путешествии летом 1859 г., он сообщил брату А. В. Стасову: «Кстати, о Русском вестнике, Катков мне говорил, что <...> скоро там будет помещена большая повесть Тургенева, который с ним сошелся снова».¹¹⁷ По словам литературоведа В. Д. Комаровой-Стасовой, Дмитрий Васильевич «часто виделся в те годы и с Тургеневым, когда тот приезжал в Россию»,¹¹⁸ о чем говорит единственная сохранившаяся записка известного писателя на имя Д. В. Стасова от 3 (15) марта 1859 г.¹¹⁹

В литературной сфере Д. В. Стасов проявил себя деятельным участником «Общества помощи литераторам и ученым». Символично, что именно знаменитые писатели И. С. Тургенев и Н. Г. Чернышевский (по рекомендации не менее известного общественного деятеля К. Д. Кавелина) на заседании

¹¹² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 349. Л. 1.

¹¹³ Книга в России. 1861–1881 / Под ред. И. И. Фроловой. Т. 1. М., 1988. С. 134.

¹¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 435. Л. 11.

¹¹⁵ Книга в России... Т. 1. С. 135.

¹¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 19, 94–95.

¹¹⁷ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 276.

¹¹⁸ Там же. С. 272.

¹¹⁹ См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. Т. 4. М., 1987. С. 22.

Комитета Литературного фонда 8 января 1860 г. принимали Д. В. Стасова в ряды этого влиятельного общества.¹²⁰ Фактически он стал как бы связующим звеном между музыкальными и литературными кругами столицы. Не случайно В. В. Стасов в письме к М. А. Балакиреву 9 января 1860 г. ссылался на слова К. Д. Кавелина, что «Митю выбрали членом их Общества помощи бедным литераторам в особенности с целью устроить им концерт».¹²¹

Говоря о вкладе Д. В. Стасова в развитие русской литературы, нельзя не затронуть, как отметила литературовед В. Д. Комарова, «мало кому известный факт о его причастности к литературе, особенно к журналистике». Опираясь на беседы с отцом и материалы семейного архива, она доказывает, что «Д. В. принимал живое участие в тогдашней журналистике, особенно по юридическим и политико-экономическим вопросам». В ее неопубликованных воспоминаниях находим следующее важное свидетельство: «Однажды, когда я его спросила, в каких изданиях он помещал свои статьи, он мне продиктовал следующее: в 50-х годах напечатал в "Русском вестнике" статью о "Концерте князя Ю. Н. Голицына", затем писал в "Журнале для акционеров" К. В. Трубникова, в "Журнале экономистов" («Экономический указатель». — Д. Л.), издававшемся проф. Вернадским (с 1857 по 1860 г.). В "Журнале Министерства юстиции" (с 1859 по 1863 г.) при редакторстве М. М. Троицкого вел хронику иностранных судов и процессов и помещал переводы с английского, французского и немецкого языков».¹²²

К этому можно добавить и то, что Д. В. Стасова приглашали сотрудничать и в других популярных журналах, о чем свидетельствует обращение к нему известного публициста, редактора Г. Е. Благосветлова. «Я получил от К. К. Арсеньева извещение, — писал он Д. В. Стасову 9 ноября 1861 г., — что редакция "Русского слова" могла бы обратиться к Вам с предложением составить для нашего журнала статью о мировых посредниках. Мне было бы очень приятно воспользоваться указанием К. К. Арсеньева, и если Вы располагаете свободным временем для такой статьи, то позвольте надеяться на Ваше участие в Русском слове».¹²³ Интересно, что редактор известного демократического журнала незадолго до начала самого судебного процесса «по делу тверских мировых посредников» сделал Д. В. Стасову предложение написать статью о мировых посредниках в целом именно как знатоку этой проблемы, так как об участии того в суде еще не было известно. Но буквально через два месяца Стасову придется как ходатаю по делам выступить в защиту арестованных тверских мировых посредников, о чем он действительно начал писать статью, но так и не смог ее завершить.¹²⁴

¹²⁰ РО РНБ. Ф. 438. Т. 1. Л. 22.

¹²¹ М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка: В 2 т. / Под ред. А. С. Ляпунова. Т. 1. М., 1970. С. 97.

¹²² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 323. Л. 94–95. Ср.: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 273.

¹²³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 73. Л. 1.

¹²⁴ Там же. Д. 361. Л. 1.

Занятие публицистикой для статского советника давало возможность не только выражать свое мнение в период общественного подъема, но и находить альтернативу государственной службе. Так, после увольнения из Сената за вольнодумие Стасов, находясь в тюремной камере, писал графу П. А. Шувалову, что раньше он довольствовался «жалованьем и еще несколько литературными трудами».¹²⁵

В это же время, 9 октября 1861 г., бывший обер-секретарь Сената пишет великому князю Константину Николаевичу: «У меня отнимаются средства к существованию, так как я жил только службою и некоторыми письменными трудами, нельзя рассчитывать, впрочем, иметь их постоянно»,¹²⁶ хотя именно после арестов и отлучения от государственной службы Стасову пришлось интенсивно заниматься публицистикой. Так, уже 16 октября 1861 г. он напишет родственникам, что принялся за «несколько работ и статей и процессов, пока есть время и нужно зарабатывать деньги».¹²⁷

К сожалению, выявление литературного наследия Д. В. Стасова затруднительно, так как, по словам его дочери В. Д. Комаровой, «все статьи были подписаны лишь буквами — С., Д. С., С. С. (Д. В. был тогда статским советником), либо на английский лад вовсе не подписывал».¹²⁸ Известный профессор-юрист А. А. Жижиленко также отмечал, что «в молодые годы Д. В. Стасов много работал в сфере юридической журналистики, но ни одна его печатная работа не подписана его полным именем — имя Стасова в юридической литературе поэтому неизвестно».¹²⁹

Знакома читателям с судопроизводственными порядками передовых стран в хронике иностранных судов и процессов «Журнала Министерства юстиции», Стасов страстно пропагандирует «суд посредством судьи и присяжных», когда, по его мнению, «судья и присяжные действуют для взаимной помощи, так сказать пополняют друг друга». Наряду с этим он особо обращает внимание на то, что «суд с присяжными в Англии является действительно юридическим учреждением, а не политическим».¹³⁰ В это время идея суда присяжных только пробивала себе дорогу в России, и у нее было много влиятельных противников. В своих заметках 1861 г. он неизменно проводит мысль, что «законодательство должно <...> закрепить законом то, что уже утверждено жизнью, оно <...> должно только облегчать, содействовать развитию жизни, а не задерживать или стеснять ее».¹³¹

Статьи Д. В. Стасова, отличающиеся для того времени явным демократизмом и свободомыслием, не раз подвергались цензурным гонениям. Так, по поводу одной из них, судя по цензурным пометкам, имеющимся на архивном оттиске, возникла целая переписка между различными цензурными

¹²⁵ Цит. по: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых... С. 442.

¹²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 12. Л. 6–7.

¹²⁷ Там же. Оп. 6. Д. 180. Л. 10–11.

¹²⁸ Там же. Оп. 8. Д. 323. Л. 95; Оп. 4. Д. 605. Л. 47.

¹²⁹ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–30 (доклад 1928 г.).

¹³⁰ Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. 5. С. 509.

¹³¹ Там же. 1861. Т. 8. С. 170 (Д. С. Случай из гражданской практики).

ведомствами, так как она подвергалась как общей цензуре, так и специальной, двух ведомств — Морского и Военного. В результате его статья так и не была допущена к напечатанию, потому что, как с возмущением писал морской цензор вице-адмирал В. А. Матюшкин, «в ней опорочивается введенный законом в России порядок судопроизводства». Испуганный военный цензор генерал-майор Штюрмер, в свою очередь, 11 сентября 1860 г. поспешил присовокупить, что «статья эта <...> не может быть дозволена к напечатанию».¹³²

Объяснительная записка к уголовному судопроизводству и судоустройству предназначалась для такого либерального в то время органа печати, как «Морской сборник», в ответ на помещенную там статью одного из видных чиновников, П. Н. Глебова. Ближайшим поводом для признания работы Д. В. Стасова не подлежащей напечатанию, по верному замечанию А. А. Жижиленко, послужило его утверждение, что «военнослужащий за преступные действия, совершенные им вне службы, должен подлежать общему уголовному суду». Убеждая своего противника П. Н. Глебова (с которым он находился в дружеских отношениях), Стасов писал, что «человек, посвятивший себя военной или морской службе, не лишен через это своих общих гражданских прав, а потому за преступления невоенные должен подлежать ведомству общих судов».¹³³

В ответ на рассуждения Глебова, что «общих судов ввести нельзя, потому что могут встретиться противодействия», Стасов высказывает смелую мысль: «...чтобы прийти к лучшему, надо уничтожить (цензор профессионально заменил на «устранить». — Д. Л.) повод к этому противодействию, подчинив всех общему суду <...> когда бы придерживаться этого правила, то не следовало бы приступать ни к каким важным преобразованиям».¹³⁴

Завершая разговор о публицистической деятельности Д. В. Стасова, необходимо отметить тот факт, что исследователи, как правило, определяли его вклад в литературу только по наличию опубликованных воспоминаний о музыкальной жизни России и процессе Д. В. Каракозова и некоторых статей в официальной печати. Лишь в настоящее время, благодаря научным изысканиям Ю. Н. Короткова, установлено, что Д. В. Стасов, по словам К. Д. Кавелина, был «один из деятельнейших корреспондентов» Герцена.¹³⁵

Что же конкретно принадлежит перу Д. В. Стасова в изданиях Вольной русской типографии, до сих пор не раскрыто. По всей видимости, в «Колоколе», в разделе «Смесь», помещались его заметки, посвященные разоблачению неблагоприятных действий руководителей Сената, Министерства юстиции (например, М. И. Топильского). Д. В. Стасов как один из деятельных помощников создателя, «отца судебной реформы» 1864 г. С. И. Зарудного, также мог передавать необходимую информацию Герцену о ходе подготовки судебной

¹³² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 350. Л. 1–2.

¹³³ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4.

¹³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 350. Л. 542.

¹³⁵ См.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 г.) // Прометей. 1971. № 8. С. 167.

реформы, имея в своем распоряжении ее первоначальные проекты, о чем упоминает Кавелин в письме Герцену.

Косвенным свидетельством этого может служить перлюстрированное III Отделением в 1860 г. «письмо Стасова от 27 июня из Санкт-Петербурга, к Михаилу Никифоровичу Каткову в Москву <...> о злоупотреблениях акционером и самодурстве в Главном обществе Русских железных дорог». ¹³⁶ Автор письма (аккуратно переписанного в жандармском ведомстве, но без указания инициалов) обращается с просьбой опубликовать подготовленную статью об этом в «Русском вестнике», с важным для нас примечанием: «Само собой разумеется, что “Колоколу” придется карать всю эту ватагу мошенников и воров, но ведь не вся же Россия читает “Колокол”». ¹³⁷

Кто же из братьев Стасовых был так хорошо осведомлен о появлении в Вольной русской печати корреспонденции на эту тему? В. В. Стасов познакомился с Герценом только летом 1862 г., и, по мнению Чешихина-Ветринского, «сотрудничество его в “Колоколе” не состоялось». ¹³⁸ Что касается Дмитрия Васильевича, то он не только был корреспондентом «Колокола», но и как адвокат занимался делами своих клиентов против «Общества железных дорог», о чем говорит его письмо к Б. И. Утину с воспоминаниями об этом деле. ¹³⁹ Так что автором письма к редактору «Русского вестника» был именно Дмитрий Васильевич Стасов.

Отличаясь необычайной широтой интересов и разнообразными талантами, Д. В. Стасов внес значительный вклад в развитие передовой отечественной культуры. Наиболее известна его роль в музыкальной жизни России, хотя он не был профессиональным музыкантом, как многие его знакомые композиторы, или музыкальным критиком, подобно своему брату В. В. Стасову. Видные музыкальные критики обратили внимание на тот примечательный факт в биографии Д. В. Стасова, «что все выдающиеся музыкальные деятели его времени были ему известны не по имени только, не по многократным встречам, но по сношению со многими из них в их творческой деятельности, со многими из них он находился в живой и постоянной переписке». ¹⁴⁰

Осенью 1851 г. через своего товарища по Училищу правоведения В. П. Энгельгардта он стал активным участником, а затем и организатором музыкальных собраний в доме М. И. Глинки. Великий композитор остался весьма доволен своим знакомством с «Дмитрием Васильевичем Стасовым, очень образованным молодым человеком и хорошим музыкантом». ¹⁴¹ В 1854–1856 гг. «играние в 4 руки» процветало на этих постоянных музыкальных вечерах, где исполнителями произведений Баха, Бетховена, Глинки

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх). Оп. 3. Д. 1817. Л. 2.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Чешихин-Ветринский В. Е. А. И. Герцен и В. В. Стасов // Странички Герцена. Н. Новгород, 1912. С. 16.

¹³⁹ РГАЛИ. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 (письмо от 7 февраля 1872 г.).

¹⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 142 (Тимофеев Г. Н. Значение Стасова в истории русской музыки).

¹⁴¹ Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 139.

выступали обычно Д. В. Стасов, А. Н. Серов, К. П. Вильбоа, М. Л. Сантис.¹⁴² Данный факт был запечатлен в альбоме М. И. Глинки, в шуточной акварели Н. А. Степанова — «Истязания Мученика Бетховена»,¹⁴³ где композитор важно прохаживается рядом с выбивающимися из сил музыкантами.

Опираясь на рассказы отца, В. Д. Комарова сообщает, что, сблизившись с Дмитрием Васильевичем, Глинка нашел в нем заботливого и любящего человека. Более того, композитор стал поручать ему все свои дела, не принимая ничего без совета своего преданного молодого друга.¹⁴⁴ Об этом убедительно свидетельствует многочисленная переписка Д. В. Стасова с великим композитором. Не случайно современные исследователи творчества М. И. Глинки А. С. Ляпунова и А. С. Розанов при издании его литературного наследия заметили, что «больше всего писем, содержащих разнообразные поручения, адресовано Д. В. Стасову», который «в 1851–57 гг. неоднократно давал Глинке деловые советы и исполнял его поручения».¹⁴⁵

По настоянию Д. В. Стасова композитор стал собирать и приводить в порядок все свои сочинения, разбросанные по разным местам и издателям. Приведенные в порядок сочинения Глинка передал Дмитрию Васильевичу, которому, как справедливо считает В. Д. Комарова, «мы обязаны тем, что они уцелели и впоследствии могли быть изданы». По ее словам, именно «по инициативе Д. В. была списана с оркестровых голосов партитура “Руслана”, которую Глинка сам просмотрел и исправил, что тем более важно, так как автограф рукописи сгорел при пожаре театра и полной ее партитуры не существовало». Наконец, по плану Д. В. Стасова Глинка стал писать свои знаменитые «Записки», отданные ему же на хранение.¹⁴⁶ Это подтверждается самим композитором в письме к Д. В. Стасову от 12 июня 1854 г.: «Спешу сообщить вам, что завтра приступаю к собственной биографии, на основании программы вашей, по приказанию сестры Людмилы».¹⁴⁷ 5 июля 1856 г. Глинка из Берлина пишет Н. В. Кукольнику о судьбе своих записок: «...отправляю их в Питер, в верные руки, сиречь моему Factotum¹⁴⁸ Д. В. Стасову, у которого уже обретаются все мои сочинения».¹⁴⁹

Много лет спустя, став известным общественным деятелем, Д. В. Стасов с благоговением рассказывал о своей былой «близости к родоначальнику русского музыкального искусства», часто повторяя внимательным слушателям: «Это я играл с Михаилом Ивановичем в четыре руки» или «Это М<ихаил> И<ванович> пел вот так».¹⁵⁰ Вместе с тем он всегда выступал против

¹⁴² Там же. С. 191.

¹⁴³ См.: Глинка М. И. Записки / Под ред. А. Н. Римского-Корсакова. М., 1930. С. 353.

¹⁴⁴ Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель // Музыка и революция. 1928. № 7–8. С. 34.

¹⁴⁵ См.: Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. Т. 1. М., 1975. С. 13; Т. 2-Б. М., 1977. С. 375.

¹⁴⁶ См.: Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель. С. 34.

¹⁴⁷ Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. Т. 2-Б. С. 29.

¹⁴⁸ Доверенному лицу (лат.).

¹⁴⁹ Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. Т. 2-Б. С. 138.

¹⁵⁰ Гаук А. В. По страницам воспоминаний дирижера // А. В. Гаук. М., 1975. С. 37.

излишнего возвеличивания своей роли в жизни великого композитора, что еще раз указывает на его принципиальность и скромность. «Я чрезвычайно удивлен, что я назван “другом” Глинки! — писал Д. В. Стасов по поводу одной восхваляющей его статьи редактору «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейну. — Это такая огромная была бы для меня честь, но как я мог бы себе позволить так называть себя? Разумеется, я никогда этого не сделал бы и никогда <...> я себя так не называл и потому очень удивлен, кто мог так назвать. Я бесконечно любил и уважал Михаила Ивановича, и он был ко мне расположен, что видно из писем его ко мне, но называться другом М<ихаила> И<вановича> — я бы себе не позволил».¹⁵¹

По мнению редактора-издателя «Музыкального современника» А. Н. Римского-Корсакова, с именем Д. В. Стасова связан «один из мостков, перекинутых между крутом М. И. Глинки последних лет его петербургской жизни и крутом М. А. Балакирева начала его общественной деятельности».¹⁵² Как считала В. Д. Комарова, ее отец будет известен как «друг Глинки и всей русской музыки, друг и помощник А. Рубинштейна, а потому — и всей западной музыкальной культуры в России».¹⁵³ По словам С. В. Фортунатто (дочери В. В. Стасова), «конец 50-х и 60-е годы были расцветом для России, и во всех культурных начинаниях почти все собирающиеся в нашей семье принимали живое участие в этом обновлении <...> как В<ладимир> В<асильевич>, так и его братья, а в особенности Дмитрий Васильевич, были цветом живого культурного общества тех времен».¹⁵⁴

В итоге Д. В. Стасов стал авторитетным музыкальным деятелем не только в России, но и в Европе, по праву заслужив признательность отечественных и зарубежных композиторов и музыкантов. Современные исследователи считают, что, когда в 1860-е гг. в России состоялись гастроли выдающихся западноевропейских музыкантов и композиторов, особенно заметными событиями стали приезды Клары Шуман и Гектора Берлиоза.¹⁵⁵ И к организации концертов двух музыкальных знаменитостей Д. В. Стасов имел самое непосредственное отношение.

Летом 1859 г. Д. В. Стасов вместе с А. Г. Рубинштейном специально посетил Генделевский фестиваль в Лондоне, где «познакомился со знаменитым исследователем и знатоком Генделя — Кризандером».¹⁵⁶ «В это самое время была в Лондоне и Клара Шуман, — рассказывал Д. В. Стасов, — и я с ней познакомился, был с визитом, а потом был у нее несколько раз, и один, и с Рубинштейном, и с Венявским, и с Иоахимом, познакомился у нее и со Штокгаузеном». По завершении фестиваля он «очень уговаривал ее вновь

¹⁵¹ РО РНБ. Ф. 816. Оп. 2. Д. 1880. Л. 46 (письмо от 13 апреля 1909 г.).

¹⁵² Римский-Корсаков А. Н. Музыкальные сокровища рукописного отделения РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1938. С. 74.

¹⁵³ Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель. С. 36.

¹⁵⁴ Комарова В. Д. Из детских воспоминаний о великих людях. А. П. Бородин // Музыкальное наследие. Т. 3. М., 1970. С. 259.

¹⁵⁵ История русской музыки. Т. 6. М., 1989. С. 220.

¹⁵⁶ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 277.

приехать концерттировать в Россию и выступить в собраниях нового нашего общества, и она обещала исполнить эту просьбу». ¹⁵⁷

Клара Шуман сдержала свое слово и провела концертный сезон 1863/64 г. в Петербурге, во время которого, в частности, как вспоминал Д. В. Стасов, «24 марта, выспавшись после обеда у Полины на кровати, в нашей спальней, потом много играла и оставалась весь вечер». Здесь же он заметил, что «и Берлиоз тоже, после обеда, спал у меня в кабинете, на диване <...> когда он был у нас в 1867 году». ¹⁵⁸ Жена Д. В. Стасова в своих неопубликованных мемуарах также отметила, что «самым выдающимся в нашей жизни, как в 1865 г. приезд к нам Клары Шуман, так тут был приезд Берлиоза, автора чудных произведений». «Мы его чествовали обедом, — вспоминала П. С. Стасова, — гостями были Балакирев, Влад<имир> Васильевич, член Совета консерватории Балашев, секретарь той же консерватории Шустов. Гость был любезен и общителен, разговор происходил по-французски». ¹⁵⁹

Как сообщает В. Д. Комарова, во время концертных представлений в России в 1864 г. «Клара Шуман подарила Д. В. Стасову на память автограф Роберта Шумана со своим автографом, свой портрет и написанную ее рукой предлагаемую программу музыкального утра», а в 1867 г. «Берлиоз подарил моему отцу портрет со своей автографической надписью, с тех пор всегда висевший у него в кабинете». ¹⁶⁰

Сам хороший пианист, обучавшийся в детстве пению, Д. В. Стасов с середины 1850-х гг. был знаком «со многими знаменитыми итальянскими певцами: Ангри, Лаблашем и др., и не раз аккомпанировал им», ¹⁶¹ также долгое время поддерживал дружеские отношения с выдающейся французской певицей Полиной Виардо, о чем свидетельствуют ее письма к Д. В. Стасову. ¹⁶²

Несмотря на все это, отношения Дмитрия Васильевича с музыкальными корифеями не всегда складывались безоблачно, хотя и не доходили до полного разрыва, как у его брата. Наиболее сложные отношения у братьев Стасовых сложились с другом их юности А. Н. Серовым, которому ничего не стоило 23 ноября 1859 г. в запальчивости бросить «несколько словечек на прощание». Так, известный композитор, считая, например, что игнорирование его заслуг при выборе директоров Русского музыкального общества (в число которых был избран Д. В. Стасов) есть не что иное, как «прямая подлость», лишь с иронией признавал своего друга за «что-то вроде “мецената” музыкального в Петербурге». ¹⁶³ Новоиспеченный директор был вынужден ответить А. Н. Серову, что требование того «смешно и нелепо», так как «самого себя назначить в почетные члены довольно трудно». ¹⁶⁴ Случилось

¹⁵⁷ Воспоминания Д. В. Стасова и письма к нему Клары Шуман // Музыкальная летопись. Пг., 1922. С. 90–91.

¹⁵⁸ Там же. С. 93.

¹⁵⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 36 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

¹⁶⁰ Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. С. 211, 246.

¹⁶¹ Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель. С. 34.

¹⁶² См.: РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 144. Л. 768.

¹⁶³ Музыкальное наследство. Т. 3. М., 1979. С. 187.

¹⁶⁴ Там же. С. 206.

и так, что даже многим обязанный Д. В. Стасову другой знаменитый русский композитор, М. А. Балакирев 1 августа 1861 г. написал В. В. Стасову такое письмо, которое тот оценил, как «всякую дрянь», как «старание огаживать мне Митю»¹⁶⁵ (то есть Д. В. Стасова). В чем суть данного конфликта, осталось загадкой. Несмотря на все это, он до конца жизни своих друзей-композиторов всегда оказывал им всестороннюю поддержку.

Будучи особенно близок музыкальным кругам столицы, Д. В. Стасов, по словам его старшей дочери, на рубеже 1850–1860-х гг. принимал деятельное участие и во всех концертных предприятиях Петербурга; был участником и инициатором целого ряда музыкальных объединений и предприятий. Он стал ближайшим помощником А. Ф. Львова по организации концертов и составлению программ так называемого концертного общества, а так как два ежегодных концерта Филармонического общества были мало доступны для широких кругов, Д. В. Стасов вложил много энергии и труда в деятельность Университетских концертов и Квартетов компании конногвардейских офицеров.¹⁶⁶

На квартетных собраниях, как, например, в 1856 г. в доме А. И. Фицтума фон Экстедта (одного из организаторов Университетских концертов), происходили знакомства и встречи выдающихся композиторов — М. А. Балакирева, А. С. Даргомыжского, А. Н. Серова, Ц. А. Кюи. По мнению современных музыковедов, в частности, для молодого, начинающего композитора Ц. А. Кюи «действенным стимулом к музыкальному творчеству послужило и сближение с братьями В. и Д. Стасовыми, юным Мусоргским <...> передовыми представителями творческой интеллигенции».¹⁶⁷

Сближение Д. В. Стасова с А. Г. Рубинштейном и В. А. Кологривовым привело к организации планомерной концертной деятельности Русского музыкального общества и открытию первой в России Петербургской консерватории, причем опытный юрист стал автором уставов обоих музыкальных учреждений.¹⁶⁸ Создание Императорского Русского музыкального общества стало событием, оказавшим существенное влияние на судьбы музыкальной культуры страны. Так как добиться учреждения нового общества было делом чрезвычайно сложным, решили фиктивно воссоздать прекратившее существование Симфоническое общество.¹⁶⁹ 27 января 1859 г. на собрании части его бывших членов (что отмечено в журнале заседания этого общества) были «выбраны по большинству голосов в директора: гр. Виельгорский (11 голосов), Кологривов (11 голосов), Рубинштейн (10 голосов), Каншин (9 голосов), Стасов (6 голосов)».¹⁷⁰

¹⁶⁵ М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. М., 1971. С. 169 (из письма В. В. Стасова к М. А. Балакиреву от 12 августа 1861).

¹⁶⁶ См.: Колмарова В. Д. Из стасовского архива. С. 275; Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель. С. 35.

¹⁶⁷ История русской музыки. Т. 7, ч. 1. С. 175.

¹⁶⁸ См.: Каренин Вл. Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель. С. 35. Данные факты подтверждаются в письмах П. С. Стасовой. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 35.

¹⁶⁹ См.: История русской музыки. Т. 6. С. 202.

¹⁷⁰ ГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

Д. В. Стасов вспоминал, что «главную целью было предоставить Обществу право давать концерты без всякого ограничения времени, в течение всего года, не испрашивая на то постоянно разрешений, вызывать и привлекать соотечественников к деятельности сочинительской и исполнительской». ¹⁷¹ Под видом усовершенствования уже утвержденного устава там же было решено изменить его, «вернее сказать — написать совершенно новый и переименовать Общество в Русское музыкальное». ¹⁷² В конечном счете, по свидетельству дореволюционных музыковедов, «пересмотр устава и переработка его были поручены Д. В. Стасову, а также вся “письменная часть”, в том числе и журнал заседаний, который он собственноручно вел в течение первых трех сезонов (1859–62)». ¹⁷³

Известный музыковед Н. Ф. Финдейзин (в неопубликованных воспоминаниях) прямо восхвалял Д. В. Стасова как одного «из деятельнейших учредителей Общества». ¹⁷⁴ Вместе с тем профессора консерватории, говоря о «первом печатном отчете Русского Музыкального Общества» ¹⁷⁵ и широко используя этот скрупулезный аналитический обзор, тем не менее не указывали составителя отчета, так как в изданной брошюре он не назван. ¹⁷⁶ Авторство Д. В. Стасова устанавливается только по материалам его семейного архива. ¹⁷⁷

Просветительский характер деятельности РМО выражался в словах Д. В. Стасова: «Сделать хорошую музыку доступной большим массам публики». ¹⁷⁸ В печатном отчете музыкального общества, составленном им лично, указывалось, что с этой же целью были «открыты, на первое время, бесплатные уроки пения для лиц, не имеющих достаточных средств <...> (именно дам 63 и мужчин 36) <...> сверх того, имея в виду, что между желающими воспользоваться этими уроками пения находятся многие, не имеющие первоначальных сведений в музыке, общество сочло нужным открыть на свой счет бесплатный класс для элементарного преподавания музыки (27 дам и 17 мужчин)». ¹⁷⁹

Деятельное участие он также принял в подготовительной работе по созданию Музыкального училища, будущей С.-Петербургской консерватории, окончательную редакцию проекта устава дирекция общества в начале 1861 г. поручила составить именно Д. В. Стасову. ¹⁸⁰ Впоследствии он скромно заметил по этому поводу, что «Устав консерватории <...> окончательно отредактирован мною как юристом». ¹⁸¹

¹⁷¹ Стасов Д. В. Музыка 40–60-х годов XIX века // Русская музыкальная газета. 1909. № 13. С. 365.

¹⁷² Пузыревский А. И., Саккетти Л. А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. СПб., 1912. С. 9.

¹⁷³ Финдейзин Н. Ф. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества. (1859–1909). СПб., 1909. С. 12–17.

¹⁷⁴ РО РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 397. Л. 5 а.

¹⁷⁵ Пузыревский А. И. Императорское Русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб., 1909. С. 7.

¹⁷⁶ См.: Отчет Русского музыкального общества за 1859–60 гг. СПб., 1860.

¹⁷⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 3. Д. 342.

¹⁷⁸ Музыкальная энциклопедия. Т. 5. С. 263.

¹⁷⁹ Отчет Русского музыкального общества... С. 5.

¹⁸⁰ См.: Финдейзин Н. Ф. Очерк деятельности... С. 29.

¹⁸¹ Солнце России. Консерваторский номер. 1912. Дек. № 150–151. С. 1.

Создателям этого устава, как отметили профессора консерватории А. И. Пузыревский и Л. А. Саккетти, удалось осуществить заветную мечту — «установить определенные гражданские права лиц музыкальной профессии, сопряженные со званием свободного художника». ¹⁸² Сам автор этого устава с гордостью вспоминал, что по его проекту «в Музыкальном училище русские и бедные, и богатые, люди всевозможных классов и состояний и народностей, могли приготавливаться для поступления в оркестры и театры, не надо было выписывать для оркестров иностранцев». ¹⁸³

Комитет директоров в составе А. Г. Рубинштейна, Д. В. Стасова, М. Ю. Виельгорского, Д. В. Каншина, В. А. Кологривова объявил сбор средств по подписке на учреждение консерватории. В сентябре 1862 г. была официально открыта первая русская консерватория, именуемая по-прежнему музыкальным училищем (название было изменено только в 1866 г.). ¹⁸⁴

Д. В. Стасов как «один из деятельнейших учредителей Общества» ¹⁸⁵ с самого начала стал добиваться, чтобы в репертуаре концертов предоставлялось «место отечественному русскому элементу». ¹⁸⁶ «В собраниях Комитета было условлено или постановлено, чтобы в каждом концерте исполнялось непременно хоть одно произведение русского автора, а выбирать было не из чего: Глинка и Даргомыжский, и опять Даргомыжский и Глинка! — скромно заметил Д. В. Стасов о своей роли в своих «музыкальных воспоминаниях». — В первом же году существования Общества в его концертах впервые появились на афишах имена новых русских композиторов: Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргского <...> и в тот же год исполнена в 1-й раз в России (!) целиком интродукция из 1 действия “Руслана и Людмилы” с обеими песнями Бояна, которые никогда и нигде — даже в императорских театрах — не были исполнены вследствие “купюр”, которые рекомендовали сделать в свое время руководители музыкальных дел». ¹⁸⁷

Концерты РМО сразу же привлекли широкое внимание, но его успешной деятельности в целом мешали (по справедливому мнению современных историков) моменты субъективные, «связанные с личными симпатиями и разногласиями, принадлежностью разным кружкам и кругам, вообще с неизбежным драматизмом социально-художественной деятельности». ¹⁸⁸ Так, В. В. Стасов, в отличие от своего младшего брата, выступал с резкими нападками, не всегда справедливыми, на деятельность этого общества; во враждебных отношениях с РМО были руководители Бесплатной музыкальной школы — Г. Я. Ломакин и М. А. Балакирев и представители знаменитой «Могучей кучки». Несмотря на это, Д. В. Стасов, ревностно работая на пользу РМО, в то же время сочувствовал и всячески помогал становлению новой русской музыкальной школы. Как никто другой он умел ладить с разными людьми

¹⁸² Пузыревский А. И., Саккетти Л. А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. С. 16.

¹⁸³ Стасов Д. В. Музыка 40–60-х годов XIX века. С. 370.

¹⁸⁴ Полевая М. И. Римский-Корсаков в Петербурге. Л., 1989. С. 81.

¹⁸⁵ РО РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 397. Л. 5 (Финдейзен Н. Ф. Воспоминания о Д. В. Стасове).

¹⁸⁶ Отчет Русского музыкального общества... С. 4.

¹⁸⁷ Стасов Д. В. Музыка 40–60-х гг. XIX века. С. 366–367.

¹⁸⁸ См.: История русской музыки. Т. 6. С. 205.

и мог, по оценке дореволюционного музыкального критика Г. Н. Тимофеева, «ценить художественное и историческое значение всякой серьезной и честной деятельности». ¹⁸⁹

Интересно, что главы обоих враждующих направлений с пониманием относились к позиции Дмитрия Васильевича и тепло отзывались о нем. А. Г. Рубинштейн 24 ноября 1861 г. писал В. А. Кологривову, что «Стасов теперь еще милее прежнего», и здесь же пророчески добавлял: «И как-то удивительно судьба нас свела, отбудь кто-нибудь из нас — и большая потеря». ¹⁹⁰ Вскоре РМО, по разным причинам, лишилось своих главных действующих лиц. «Если он так долго держался в консерватории, — писал о Д. В. Стасове в декабре 1865 г. М. А. Балакирев в письме к В. М. Жемчужникову, — то ради того, чтобы влиять на программы концертов, которые, действительно, были в прошлые годы превосходны благодаря его влиянию. Для нас он может быть золотым человеком <...> у него есть опытность в составлении устава и по многому другому». ¹⁹¹

Свой выход из состава директоров РМО Д. В. Стасов впоследствии деликатно объяснял (в интервью репортерам и воспоминаниях, опубликованных в 1912 г.) своей большой загруженностью в адвокатской деятельности. ¹⁹² Но в доверительном письме к редактору «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдезейну он раскрыл истинную причину своего ухода. «Я вовсе не защитник РМО и вышел из состава его дирекции потому, что не находил никакой необходимости, ни пользы оставаться в этом учреждении, где я не мог действовать согласно своим убеждениям, — писал Д. В. Стасов 3 марта 1895 г. — Я совершенно согласен, что РМО не делает и не делало того, что должно было бы делать: исполняет сочинения разных авторов, <1 нрзб.> и К, и нет совсем исполнения Мусоргского и др., мне слишком нудно за них». ¹⁹³

Известный музыкальный критик Г. Н. Тимофеев, выступая на вечере памяти Д. В. Стасова в 1918 г., так оценивал его роль в деятельности РМО: «Не одними активными, очень крупными деятелями, как Рубинштейн, обеспечиваются широко задуманные общественные дела, мало инициативы, мало высказывания мысли, давания советов, но нужна еще техническая деятельность в таком новом, таком сложном и деликатном деле, как организация музыкальной просветительской деятельности в России, которой занялось тогда возросшее Русское музыкальное общество — и Дмитрий Васильевич был таким энергичным деятелем». ¹⁹⁴

Современные авторы многотомной «Истории русской музыки» сделали вывод, что «Дмитрий Васильевич был широко образованным юристом, музыкально-общественным деятелем — одним из учредителей РМО и основателей

¹⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 142.

¹⁹⁰ Рубинштейн А. Г. Литературное наследие. Т. 2. М., 1984. С. 116.

¹⁹¹ Балакирев М. А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 110.

¹⁹² См.: Солнце России. 1912. Декабрь. № 150–151. С. 2; Стасов Д. В. Музыка 40–60-х гг. XIX века. С. 369.

¹⁹³ РО РНБ. Ф. 816. Оп. 2. Д. 1880. Л. 3.

¹⁹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 142.

Петербургской консерватории». ¹⁹⁵ Советские исследователи жизни и творчества В. В. Стасова справедливо указывали что «Дмитрий Васильевич, как и Владимир Васильевич, также был выдающимся русским общественным деятелем». ¹⁹⁶

* * *

Своей активной общественной деятельностью с конца 1840-х до середины 1860-х гг. Д. В. Стасов внес значительный вклад в развитие отечественной культуры как большой знаток и покровитель русской литературы и искусства. Будучи опытным юристом и умелым практиком-организатором, он стал соавтором уставов и одним из директоров Русского музыкального общества и первой в России С.-Петербургской консерватории, постоянно оказывал помощь разночинной молодежи в ее общественных начинаниях, особенно при составлении уставов артелей, частных школ и курсов, необходимых для их легализации. Одновременно он принимал активное участие в деятельности Литературного фонда, Шахматного клуба и вошел в число членов-учредителей ряда различных благотворительных организаций.

На рубеже 1850–1860-х гг. общественная поддержка распространению образования и культуры в широких народных массах, борьба за женскую эмансипацию носила ярко выраженный демократический характер, что нередко воспринималось как проявление оппозиционности к официально установленному порядку вещей. К сожалению, подобную активную общественную деятельность, даже в рамках просветительских и филантропических организаций, царские власти недальновидно считали прямым содействием революционной пропаганде, что вовсе не было целью широкого слоя демократически настроенной столичной интеллигенции. Недопонимание государственных органов и русского общества в конечном счете приведет наиболее активных, стремящихся к прогрессивным преобразованиям судебных и общественных деятелей, к каким относился Д. В. Стасов, к участию в российском освободительном движении.

1.1.3. Д. В. Стасов в российском освободительном движении

Своеобразие деятельности тайных обществ в Российской империи на рубеже 1850–1860-х гг. в конечном счете крайне сузило круг печатных и письменных источников по этому вопросу, но публичная деятельность широкого слоя либеральной столичной интеллигенции, наряду с откровенной поддержкой ею (моральной и материальной) революционного подполья, подробно рассматривается в различных источниках, в которых отражается и деятельность Д. В. Стасова.

¹⁹⁵ История русской музыки. Т. 7, ч. 1. С. 218.

¹⁹⁶ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 71.

В исторической литературе наиболее широкое освещение получило участие Д. В. Стасова в переговорах Герцена и Чернышевского летом 1859 г., причем его роль получила противоречивые оценки.¹⁹⁷

Это связано с тем, что в советской историографии существовали полярные точки зрения о проблеме взаимоотношений руководителей двух революционных изданий — легально издававшегося «Современника» и запрещенного, нелегального «Колокола». По мнению академика М. В. Нечкиной и ее последователей, на лондонской встрече Чернышевского и Герцена был все-таки положительно решен вопрос о создании революционной организации в России, вплоть до установления «единой линии и предполагаемого революционном взрыве».¹⁹⁸ С другой стороны, видные советские историки обратили внимание, что конфликт редакторов «Современника» с издателями «Колокола» во время встречи Чернышевского и Герцена в 1859 г. не только не был разрешен, но и при обсуждении различных точек зрения между ними произошло столкновение, получившее оттенок личной неприязни.¹⁹⁹ Так, у Чернышевского возникла личная неудовлетворенность от встречи с Герценом в Лондоне. Хотя он, с одной стороны, вспоминал, как он «ломал» Герцена, с другой стороны, заявлял: «Разумеется, я ездил не зря». Герцен, в свою очередь, находил собеседника «неискренним», «себе на уме».²⁰⁰

По оценке современных исследователей, поездка Чернышевского в Лондон явилась не чем иным, как «подтверждением явного кризиса в демократическом лагере». Он возник постепенно, когда в конце 1850-х гг. обострилась полемика Чернышевского и Добролюбова с либералами, что, в свою очередь, вызывало протест издателей «Колокола». Ярким примером этого служит полемический ответ Герцена «Very dangerous!!!» («Крайне опасно!») на критическую статью Добролюбова «Литературные публикации прошлого года», опубликованную на страницах «Современника» в 1859 г. По справедливому мнению Е. Г. Плимака и И. К. Пантина, поводом для столкновения двух органов российской демократии послужили не столько «перехлесты» Добролюбова, сколько то, что руководителей «Современника» не удовлетворяла «недостаточность» программных установок «Колокола».²⁰¹

В данном случае нас интересует роль Д. В. Стасова в лондонских переговорах Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. Известный литературовед

¹⁹⁷ См.: Легкий Д. М. К истории лондонских переговоров А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского летом 1859 г. // История России. Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 186–197.

¹⁹⁸ Нечкина М. В. Встреча двух поколений. М., 1980. С. 80, 180.

¹⁹⁹ См.: Порох И. В. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963. С. 88–94; Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом (Дарственная надпись на книге «Эстетические отношения к действительности») // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Чернышевский и его эпоха / Отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1979. С. 110–118; Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом // Литература и история. М., 1982. С. 42–43.

²⁰⁰ Цит. по: Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом. С. 110.

²⁰¹ См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. С. 151.

М. К. Лемке (уже в советское время), приводя «Канву биографии А. И. Герцена», ошибочно считал, что упомянутый в переписке Герцена «Стасов — это не кто иной, как знаменитый критик В. В. Стасов». ²⁰² Из этого следует, что в июле 1859 г. на встрече Герцена и Чернышевского присутствовал не Д. В. Стасов, а его именитый брат, хотя еще за три года до издания указанного тома сочинений (он вышел в 1925 г.) В. Д. Комарова привела факт присутствия именно своего отца Д. В. Стасова на лондонских переговорах. ²⁰³

Вначале исследователи считали, что он просто «встречался у издателя “Колокола” с Чернышевским» ²⁰⁴ или «присутствовал» на их встрече, ²⁰⁵ затем стали более высоко оценивать роль Д. В. Стасова как посредника ²⁰⁶ и даже «как одного из мастеров конспирации, скромно и честно организовавшего и прикрывшего важнейшую революционную акцию». ²⁰⁷ Истина, как это часто бывает, находится между этими точками зрения.

Случайным гостем и тем более посторонним в доме Герцена, конечно, Д. В. Стасов быть не мог, так как заранее поставил себе цель непременно посетить дом Герцена, имея авторитетные рекомендации В. П. Боткина, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова. Когда писатель и критик Боткин узнал от Каткова о поездке Д. В. Стасова в Лондон, то поспешил 17 мая 1859 г. в письме к Дмитрию Васильевичу «набросать несколько слов приятелю», ²⁰⁸ немецкому эмигранту Г. Мюллеру-Стрибингу, близкому знакомому Герцена.

Вместе с Д. В. Стасовым 21 мая в путешествие отправилась целая «компания профессоров» — К. Д. Кавелин, В. Д. Спасович, Б. Ф. Калиновский, Н. И. Витт и редактор «Русского вестника» М. Н. Катков. Кроме этих лиц с ним поочередно путешествовали по Европе литературовед А. Н. Пыпин, писатели В. А. Соллогуб и М. А. Вилинская-Маркович (Марко Вовчок), композитор А. Г. Рубинштейн.

В Лондон Д. В. Стасов собирался ехать вместе с Кавелиным, но тот задержался на лечении в Теплице, снабдив своего друга рекомендательным письмом к Герцену. «Письмо это, — писал Кавелин в июне 1859 г. Герцену, — передаст тебе очень надежный и прекрасный человек, вполне заслуживающий, чтобы принял его хорошо <...> Прибавлю, что господин, который передаст это

²⁰² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XXII. Пг., 1925. С. 47, 300.

²⁰³ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 276, 280–283. Издатели не обратили внимания на эту публикацию, а М. К. Лемке в то время уже не было в живых.

²⁰⁴ См.: Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон... С. 43.

²⁰⁵ См.: Порох И. В. Герцен и Чернышевский. С. 13.

²⁰⁶ См.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 168; Демченко А. А. Из истории поездки Чернышевского к А. И. Герцену // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 169; Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 321; Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом... С. 110.

²⁰⁷ Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 156. См. также: Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979. С. 197–198.

²⁰⁸ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 281.

письмо, один из твоих деятельнейших корреспондентов. Ты сам оценишь, какой это милейший господин». ²⁰⁹

Катков остался лечиться у своего доктора в Берлине, попросив Дмитрия Васильевича «доставить в “Колокол” <...> какую-то собственноручную корреспонденцию». ²¹⁰ Несколько надумано выглядят утверждения советских исследователей, что Кавелин «сделал — все, чтобы оторваться от всех знакомых (Стасова, Каткова, Спасовича), попасть в Лондон после Чернышевского одному». ²¹¹ Как раз наоборот, Д. В. Стасова, судя по его письму к родным 11 июня 1959 г., «очень <...> упрасивал Кавелин, еще два господина» ²¹² не отрываться от них.

В Дрездене Д. В. Стасов познакомился с М. К. Рейхель, которая, видимо, писала о своем госте Герцену, так как тот уже 29 июня 1859 г. в ответном письме отметил, что «сам Стасов» хвалит ее мужа. ²¹³ Так что рекомендаций у Дмитрия Васильевича было вполне достаточно и тем более от хороших знакомых Герцена — В. П. Боткина, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова. Все они в июле–августе 1859 г., сразу после отъезда Д. В. Стасова и Н. Г. Чернышевского из Лондона, часто посещали дом Герцена.

Судя по записям в путевом дневнике Д. В. Стасова, он пробыл в Лондоне с 21/9 июня по 15/3 июля 1859 г., а переговоры Чернышевского с издателями «Колокола» проходили с 6 июля/24 июня по 12 июля/30 июня. За это время он пять раз посетил Герцена и Огарева (23, 25, 28 июня и 6, 11 июля), имел три встречи с Чернышевским (6, 9, 11 июля), из них один раз в доме Герцена, перед отъездом дважды заходил к С. Тхоржевскому. ²¹⁴ В дневнике ежедневно скрупулезно отмечались все встречи и знакомства; имена всех, с кем встречался, он называет в открытую, хотя и с некоторыми сокращениями. Единственное исключение, по понятным причинам, делалось для издателей «Колокола», чьи имена заменялись названием пригорода Фулем, где был дом Герцена и Огарева. ²¹⁵

На третий день пребывания в Лондоне Д. В. Стасов, «попав в известный книжный магазин Трюбнера, где продавались издания Герцена, и узнав у него адрес Герцена, попал к нему прямо в Фулем». ²¹⁶ Там его уже, видимо, ожидали, так как это было в середине рабочего дня, когда обычно гостей не принимали, приглашая прийти в гости вечером и не всегда в тот же день.

²⁰⁹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 1. Доказательства Ю. Н. Короткова о факте доставки этого письма весьма убедительны. См.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 184.

²¹⁰ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 276.

²¹¹ См.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 61.

²¹² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 1.

²¹³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXVI. М., 1962. С. 279.

²¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 288.

²¹⁵ См.: Там же. Оп. 4. Д. 530. Нами также используется неизвестный исследователям, расшифрованный В. Д. Комаровой вариант дневника. См.: Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 128–166.

²¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 228 (Комарова В. Д. К биографии Д. В. Стасова).

Далее возникает ряд спорных моментов, на которых нельзя не остановиться, так как вокруг них среди историков дважды возникала острая полемика. Что касается сущности самих переговоров Герцена и Чернышевского летом 1859 г., то здесь очевидна историческая правота идей Б. П. Козьмина и его последователей,²¹⁷ но нас в первую очередь интересует вопрос о роли Д. В. Стасова в этой истории, который далеко еще не разрешен.

Это вопрос о том, когда и каким образом Чернышевский лично познакомился с Герценом. Одни считают, что Чернышевского привел Б. И. Утин, которого Пыпин 5 июля 1859 г. просил дать Чернышевскому «какие-нибудь указания, которые ему могут понадобиться».²¹⁸ Другие настойчиво подчеркивают «вероятность такого же письма А. Н. Пыпина к Д. В. Стасову в Лондон» и к нему же письма Н. Г. Чернышевского, который якобы еще 23 июня 1859 г. оповестил, «возможно, уже знакомого ему Д. В. Стасова о своем возможном приезде и, очевидно, просил известить об этом Герцена».²¹⁹ Это привело историков к предположению, что Чернышевского привел к Герцену Д. В. Стасов, «возможно, знакомый с ним по Петербургу».²²⁰

Для идеализации нашего героя гипотезы и благие пожелания советских историков были бы очень соблазнительны, но, к сожалению, они построены на сплошных предположениях, типа «очевидно, вероятно», не подтвержденных документально или откровенно подогнанных под определенную схему, хотя многие факты ей противоречат. Рассмотрим некоторые из них.

Д. В. Стасов впервые повстречался с Чернышевским только в Лондоне. Во время этого заграничного путешествия состоялось его знакомство с такими писателями, как Марко Вовчок и В. А. Соллогуб.²²¹ «У Герцена Д. В. был несколько раз и познакомился с Б. И. Утиным и Чернышевским», — отмечала В. Д. Комарова, основываясь не только на собственном анализе путевого дневника отца, но и на его рассказах о пребывании у Герцена.²²²

Следуя своей концепции, советские исследователи находят в дневнике Д. В. Стасова запись от 23/11 июня 1859 г. (как раз за неделю до отъезда Чернышевского в Лондон): «На почту, письмо от Н. Ч.». По их мнению, оно было от «Николая Чернышевского», хотя вторую букву в инициалах почти невозможно разобрать. Следом делается скоропалительный вывод, что, «посетив почту и получив письмо от “Н. Ч.”», Д. В. Стасов побывал у издателя «Колокола», конечно же, для того, чтобы «известить об этом Герцена» и в будущем «обеспечить разговоры с Чернышевским наедине».²²³ Впрочем, здесь просто

²¹⁷ См.: Твардовская В. А., Итенберг Б. С. За изучением революционного движения // Революционеры и либералы в России. М., 1990. С. 14–17.

²¹⁸ Козьмин Б. П. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон... С. 126; ср.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 169.

²¹⁹ Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 52.

²²⁰ Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 197.

²²¹ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 179–180.

²²² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 289 (Комарова В. Д. К биографии Д. В. Стасова).

²²³ Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 52.

повторяются предположения других историков²²⁴ о том, что в дневнике имя Чернышевского, вероятно, обозначается начальными буквами «Н. Ч.». При внимательном прочтении не только архивного подлинника дневника, но и его копии с расшифровкой дочери Д. В. Стасова (обнаруженной автором этой книги) выясняется, что там нет такого обозначения — «Н. Ч.», есть более конкретные — «Черны.»», «Чернышевск.», что делает излишним какую-то конспирацию его имени.²²⁵

В этом случае «неясную запись» с таким же успехом можно было бы (подавшись искушению) расшифровать не как «Н. Ч.», но и как «Н. А.» или «Н. Н.» — и тогда письмо будет от Н. А. Некрасова, а если «Н. А.» или «Н. Д.», то тогда уже от Н. А. Добролюбова, которые и организовали поездку Чернышевского в Лондон. Но как Д. В. Стасов мог получить письмо от «Н. Ч.» или «Н. А.» уже 23/11 июня, если Некрасов и Добролюбов только 17/5 июня узнали о статье Герцена, которая послужила причиной поездки представителя «Современника» в Лондон? Такой серьезный вопрос не мог решиться в один вечер, и Чернышевский выехал только 29/17 июня 1859 г. К тому же откуда они могли знать местопребывание Д. В. Стасова в тот момент (он путешествовал по Европе почти полгода) и прислать ему письмо 23/11 июня, если тот получил «1-е письмо от наших», то есть своих родных, с которыми регулярно переписывался, только 28/16 июня?²²⁶

В. Д. Комарова расшифровала магическую запись с инициалами в дневнике отца как «Н. Ив.» (там действительно в отчестве две буквы),²²⁷ что больше соответствует реальности, так как это вполне мог быть профессор Н. Ив. Витг, о совместном путешествии с которым Стасов писал своим родным.²²⁸

К тому же Д. В. Стасов сохранил письма, визитную карточку издателей «Колокола», а в России две записки Чернышевского, но у него не было переписки с окружением «Современника», в том числе с А. Н. Пыпиным. Таким же образом можно долго объяснять, почему А. Н. Пыпину было удобней написать письмо (с просьбой Чернышевскому) именно Б. И. Утину, с которым он вместе посещал Герцена и поддерживал переписку, а не Д. В. Стасову, которого он впервые увидел уже после лондонских переговоров.

Фактически стасовский заграничный дневник помог исследователям установить дату первой встречи Герцена и Чернышевского. Запись в нем за среду, 6 июля/24 июня, содержит информацию о том, что Д. В. Стасов ездил «вечер.<ом> в Ф.<улеме>, где б.<ыли> У.<тин> и Ч.<ернышевский>».²²⁹ Они могли прийти вместе или врозь, но раньше Стасова.

Выясняется, что Утин и Чернышевский в первый раз пришли явно без приглашения, Д. В. Стасову же оно было сделано еще 5 июля, когда Герцен,

²²⁴ См.: Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 196.

²²⁵ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 530; ср. копию дневника: Там же. Оп. 8. Д. 321.

²²⁶ Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 131.

²²⁷ Там же. Л. 130.

²²⁸ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 276.

²²⁹ См.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 168. Ср.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 133.

не застав его гостинице, оставил записку: «Мы все это время были в хлопотах и потому не успели побывать у вас. Если Вы свободны, не приедете ли завтра, то есть в среду вечером к нам. Я еду с Огар.<евым> в четверг дня на два <...> искать приморскую квартиру». ²³⁰ Издатели «Колокола» не стали бы приглашать Д. В. Стасова в среду 6 июля, ожидая нелегкую встречу с руководителем журнала «Современник», и если бы это уже был не первый день переговоров между ними, как предполагают советские историки. ²³¹ К тому же планировать свой отъезд из города на два дня, зная о приезде Чернышевского, они вряд ли могли в этот день (то есть 6 июля). Таким образом, Д. В. Стасов мог только присутствовать на первой встрече руководителей Вольной русской типографии с ведущим сотрудником «Современника», где и состоялось его знакомство с Чернышевским.

Все советские исследователи правомерно считали, что задачей Чернышевского с первого дня встречи было вовсе не ссориться с Герценом, а «искать линии наибольшего сближения». Эти «мирные намерения» Чернышевского проявились в первой из лондонских встреч, когда, 6 июля, при первом знакомстве, был вручен подарок — его книга «Эстетические отношения...», надписанная незадолго до встречи, скорее всего в гостинице. Характер надписи (по мнению Н. Я. Эйдельмана) отражал признание великой роли Герцена лидерами «Современника» и его огромного значения для мыслящей России того времени. Обращение («благоговейно подносит») подчеркивало уважение и признание «детьми», новым революционным поколением, исторической заслуги «отцов» (Герцен старше Чернышевского на 16 лет, Добролюбова на 24 года). Конечно, надпись была связана и со стремлением Чернышевского к преодолению конфликта. Поднесение книги было как бы «первым элементом первого дня переговоров: тогда, 6 июля, в присутствии Утина и Стасова Чернышевский не делал упора на недавний конфликт». Н. Я. Эйдельман уверенно называет Б. И. Утина и Д. В. Стасова теми близкими к Герцену и к «Современнику» людьми, «позиции которых Чернышевский учитывал, объясняясь с Герценом». ²³²

Посредником в переговорах стал именно Д. В. Стасов, что и произошло 9 июля. Вернемся к запискам в его дневнике: «9 июля (27 июня). Суббота. Утром б.<ыл> у Черны.<шевского>». Как убедительно доказал Ю. Н. Коротков, вечером этого дня состоялась еще одна встреча Герцена с Чернышевским, но уже без свидетелей. ²³³

Советские историки с сожалением констатировали факт, что вторая встреча, 9 июля, двух лидеров революционного лагеря была «более напряженная» и «окончилась охлаждением друг к другу». По мнению Н. Я. Эйдельмана, именно противоречие двух этапов разговора — «более мирного и менее

²³⁰ Герцен А. И. Собр. соч. Т. XXVI. С. 281.

²³¹ См.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 59.

²³² См.: Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом ... С. 110–115.

²³³ См.: Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 168–169.

мирного — вызвало известную реплику Герцена о “неискренности” Чернышевского». ²³⁴

11 июля Герцен оставляет у Стасова записку с просьбой пригласить к нему Чернышевского: «Господина, который был в субботу в Фулеме, очень просят прийти снова завтра, во вторник, между 3 и 10 часами». ²³⁵ Герцен опять не смог застать Стасова, так как тот 10 июля, в воскресенье, уехал «отдыхать на о. Уайт» и только 11 июля в «понедельник в 3 часа б.<ыл> в Лондоне», где в 4 часа уже слушал речи парламентариев в Палате общин. Записи за этот день оканчиваются важной информацией: «Обедал с Утин.<ым> и Чернышевск.<им> у Симеса, вечером в Фульгам». ²³⁶ В этом случае Д. В. Стасов мог выполнить поручение Герцена в тот же день или на следующий, 12 июля, если верить записке Чернышевского к А. В. Стасову, что он виделся с его братом во вторник. ²³⁷ Он мог вообще не успеть передать приглашение, если верна датировка письма Д. В. к А. В. Стасову — «11 июля. 3 часа ночи», ²³⁸ которое отдал бы 11 июля Чернышевскому во время обеда. Ю. Н. Коротков считает, что Стасов ошибся, поставив «на письме вчерашнюю дату», ²³⁹ а разве не мог ошибиться по рассеянности на один день Чернышевский, который дневника не вел? К тому же за 12 июля Стасов сделал большое количество дневниковых записей. День оказался очень загруженным, в том числе встречей с Тхоржевским, но о Чернышевском нет ни слова.

При таком ходе событий (как вполне резонно замечает Л. П. Богословская в споре с Ю. Н. Коротковым) «отказ Чернышевского еще раз встретиться с Герценом вообще не имел места», ²⁴⁰ а если Стасов успел передать приглашение (по предположению А. А. Демченко), то последняя встреча Чернышевского с Герценом могла быть не 9, а 12 июля. ²⁴¹

Кроме посредничества в переговорах Стасов оказывал другие немалые услуги Н. Г. Чернышевскому, А. Н. Пыпину и издателям «Колокола». Так, Н. П. Огарев дал ему поручение напечатать в русских газетах объявление об аннулировании доверенности, выданной им некому господину Гжегелевскому. Через Чернышевского Стасов передал это объявление с сопроводительным письмом брату А. В. Стасову, с предостережением, что «лучше не говорить своей фамилии при выдаче квитанции» и письма отправлять «без подписи». ²⁴² Получив от брата уже во Флоренции 21/9 июля и 15/3 августа

²³⁴ См.: Эйдельман Н. Я. К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом... С. 115–118.

²³⁵ Герцен А. И. Собр. соч. Т. XXVI. С. 282.

²³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 134; Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 168.

²³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 14. М., 1949. С. 168.

²³⁸ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 283.

²³⁹ Коротков Ю. Н. Господин, который был в субботу в Фулеме. С. 169.

²⁴⁰ Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 198. Ср: Демченко А. А. Из истории поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 7. Саратов, 1975. С. 169.

²⁴¹ Демченко А. А. Из истории поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену. С. 59.

²⁴² Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 282; РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 280 (Комарова В. Д. Биография Д. В. Стасова).

1859 г. два письма о трудностях в выполнении поручения,²⁴³ Д. В. Стасов написал об этом в Лондон. Это подтверждает ответ Огарева от 4 сентября этого же года, посланный в Рим до востребования: «Много и много благодарю вас за письмо <...> Мы живы и здоровы и помним и искренне вас уважаем; я к вам напишу в Берлин».²⁴⁴

Кроме этого, Д. В. Стасов помог издателям «Колокола» и в другом важном деле. Перед визитом к Герцену 23/11 июня он заходил в книжную лавку Трюбнера и накануне отъезда, 8 и 12 июля с утра побывал у Тхоржевского, занимавшегося распространением изданий Вольной русской печати. 19/7 июля, будучи в Париже, Стасов отметил в дневнике: «2-е письмо от Володи, и т.<ак> ж.<е> от А. В. <...> и от Тхор.<жевского>».²⁴⁵ Письма от братьев сохранились, а от Тхоржевского, к сожалению, нет. Но из переписки с друзьями, знакомыми и результатов жандармских обысков явствует, что Д. В. Стасов доставил в Россию большое количество запрещенных изданий.

Ровно через 20 лет, во время обыска, полиция обнаружила у него ком-плекты «Полярной звезды» и «Колокола» за 1857–1859 гг.²⁴⁶

Уехав 15/3 июля из Лондона, Стасов уже через день вновь встречается с Б. Ф. Калиновским (сотрудничавшим в «Современнике») и В. Д. Спасовичем, а затем и А. Н. Пыпиным,²⁴⁷ с которыми делится впечатлениями о лондонской встрече Герцена и Чернышевского. В первую очередь этого рассказа ждал Пыпин, который сделал свой вывод. «...Ваши известия о Чернышевском, к моему сожалению, подтверждаются тем, что я узнал еще от Стасова, — писал он 27/15 июля 1859 г. в ответ по этому вопросу Б. И. Утину. — Сам он писал мне из Штетина в весьма разочарованном духе. Очень жаль, если дело с знакомыми кончилось неопределенно и осталось между ними недоразумение».²⁴⁸ Письмо из Штетина написал Н. Г. Чернышевский, но общий пессимистический вывод сделан не столько из его слов (писатель знал дружескую расположенность двоюродного брата к Герцену), сколько из сообщения Б. И. Утина и рассказов Д. В. Стасова.

Судя по письму А. Н. Пыпина уже после встречи с Д. В. Стасовым, тот, как непосредственный свидетель переговоров издателей «Современника» и «Колокола», нарисовал далеко не радужную картину увиденного им в Лондоне летом 1859 г. Действительно, Пыпин настойчиво искал «Спасовича или Стасова, чтобы узнать от них что-нибудь о Кавелине»,²⁴⁹ но встречается с Д. В. Стасовым только в Италии, где посещают вместе несколько городов. В сентябре 1859 г. А. Н. Пыпин записывает в дневнике, что при расставании «отдал ему пизанскую алебастровую собачку отвезти О. С.», то есть Ольге Сократовне, жене Чернышевского. Советские историки отметили, что именно в это время

²⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 254.

²⁴⁴ Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 285.

²⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 134–137; Оп. 4. Д. Л. 14–19.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 34–35.

²⁴⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 135–147; Оп. 4. Д. 530. Л. 16–23.

²⁴⁸ Козьмин Б. П. К истории поездки Чернышевского... С. 126.

²⁴⁹ Там же. С. 127 (письмо от 29/17 июля 1859 г.).

«они встретились после Лондона, долго беседовали» о лондонских переговорах Герцена и Чернышевского и их последствиях.²⁵⁰ Между тем эту тему они обсудили сразу же «после Лондона» (еще в июле 1859 г.), когда Д. В. Стасов «обедал часто вместе с А. Н. Пыпиным» в Париже.²⁵¹ После этого заграничного путешествия Д. В. Стасов долгое время поддерживал дружеские отношения с Чернышевским и его семьей, оказывая ей материальную помощь после того, как Николай Гаврилович был арестован и отправлен в ссылку.

По воспоминаниям современников, когда Н. Г. Чернышевский уже был в ссылке, он рассказал о своей встрече с издателем «Колокола». ²⁵² Прочитируем: «Я напал на Герцена за чисто обличительный характер “Колокола”. Если бы, говорю ему, наше правительство было чуточку поумнее, оно бы благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в узде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, не в агентах. Вам следовало бы выставлять определенную политическую программу, — скажем, конституционную, или республиканскую, или социалистическую; и затем всякое обличение являлось бы утверждением основных требований вашей программы; вы неустанно повторяли бы свое *ceterum censeo Carthaginem delendam esse*».²⁵³

По мнению современных исследователей, Чернышевский в лондонских переговорах, настаивая на правоте линии «Современника», буквально «толкал Герцена и Огарева на путь радикальной борьбы с абсолютистско-самодержавным строем». Определенным результатом переговоров было то, что 1 августа 1859 г. все-таки появилось своеобразное извинение Искандера насчет неудачной «иронической» формы статьи «Very dangerous!!!» с одновременным пожеланием, чтоб «наш совет обратил на себя внимание». ²⁵⁴ Фактически Герцен извинялся за неудачную форму изложения, но не по существу статьи, то есть настаивал на своей правоте, не подвергая сомнению политическую линию «Колокола» в его споре с издателями «Современника».

* * *

Подводя краткий итог в освещении роли Д. В. Стасова в истории лондонских переговоров Герцена и Чернышевского летом 1859 г., можно с уверенностью сказать, что она была весьма значительной. В течение 25 дней пребывания в Лондоне, с 21 июня по 15 июля 1859 г., Д. В. Стасов пять раз посетил издателей «Колокола», причем три раза был вместе с Чернышевским.

²⁵⁰ Цит. по: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 64

²⁵¹ См.: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 279.

²⁵² См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. Саратов, 1959. С. 90–91.

²⁵³ «Кроме того, я думаю, что Карфаген необходимо разрушить» (лат.).

²⁵⁴ Цит. по: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. С. 152.

Таким образом, присутствуя на вечере у Герцена в первый день приезда Чернышевского, он выступил затем посредником последующих встреч издателей «Современника» и «Колокола». При этом Д. В. Стасов не остался простым созерцателем и, тем более, не мог быть там посторонним, приняв с самого начала в судьбе этих переговоров самое деятельное участие. Конечно, Д. В. Стасов не был организатором заранее запланированных переговоров руководителей «двух революционных центров», но после их первой встречи (где решались весьма острые проблемы, и не только «революционной борьбы») он смог стать действенным «переговорщиком».

За короткое время он сумел завоевать уважение и доверие всех участников встречи: Герцена и Огарева, Чернышевского и Утина, о чем свидетельствует их переписка, в том числе письма и записки к Д. В. Стасову, визитная карточка Герцена, а главное, их обращение за содействием именно к нему в самых деликатных и непростых делах, как в это время, так и в дальнейшем. Вместе с тем Д. В. Стасов оказывал всевозможные услуги не только непосредственным участникам переговоров, но и их ближайшему окружению. В самом начале своего визита он передал корреспонденцию Каткова в «Колокол» и письмо Герцену от Кавелина, что помогло им восстановить отношения. Перед отъездом он взялся выполнить поручение Огарева с улаживанием его финансовых дел в России. В Лондоне Стасов имел контакты, а затем вел переписку с С. Тхоржевским, отвечавшим за распространение изданий Вольной русской печати, в чем он мог оказать определенную помощь.

Будучи деятельным корреспондентом «Колокола» еще до знакомства с Герценом и Огаревым, Стасов в дальнейшем смог укрепить эти связи, особенно раскрывая на страницах нелегального журнала ход подготовки судебной реформы 1864 г. к которой сам имел непосредственное отношение. Как очевидец и посредник во встречах Герцена и Чернышевского, он являлся важным источником информации для А. Н. Пыпина, К. Д. Кавелина, В. В. Стасова, В. Д. Комаровой, В. Д. Спасовича, Б. Ф. Калиновского и других заинтересованных лиц, которые высоко ценили его мнение.

Для современных исследователей переписка и беспристрастные записки Дмитрия Васильевича в «Путевом журнале» стали весьма ценным источником о лондонских переговорах Герцена и Чернышевского. Участием в такой важной встрече двух лидеров демократического лагеря Д. В. Стасов заслужил видное место в истории освободительного движения, но эта веха в его биографии стала только началом активного участия в общественной жизни России.

* * *

Через два года после завершения истории с лондонскими переговорами издателей «Современника» и «Колокола» Герцену пришлось, получив письмо от неизвестного корреспондента, взывать к русской общественности в поддержку Д. В. Стасова. «...В чиновничьем мире собрались писать адрес к государю об открытии университета; адрес не состоялся, а Стасова, служащего в Сенате, арестовали за собрание подписей (говорили, было собрано

до 500), — сообщалось на страницах «Колокола» 8 ноября 1861 г. — Далее пишут, что Стасов выпущен, но исключен из службы». ²⁵⁵

История студенческих волнений осенью 1861 г. в столице непосредственно отразилась на судьбе Д. В. Стасова. Это неординарное для того времени событие получило широкое отражение как в дореволюционной, так и в советской историографии не только с подробным описанием «бестактности и жестокости властей», но и с неперенным упоминанием, что в это время «собирались подписи под протестом против действий властей», так как «противоборство студенчества и правительства произвело на современников большое впечатление». ²⁵⁶

Действительно, с началом эпохи великих реформ 1860–1870-х гг. общественное мнение как никогда оказалось единодушным в выражении своего сочувствия студенческому движению, принявшему радикальные формы. Причем довольно смелой по тем временам стала попытка организовать массовую подписку «адреса на имя Государя». К тому же этим событиям предшествовало (на что обратили внимание советские исследователи) появление прокламаций «К молодому поколению», «Великорус», что усиливало растерянность властей, которым мерещилась тесная взаимосвязь того и другого. ²⁵⁷

В сентябре 1861 г. в столице возникли студенческие беспорядки, вылившиеся вначале в сходку, которая переросла в шествие, фактически в демонстрацию в Колокольном переулке, что стало невиданным ранее событием. Интересно, что даже название места протеста говорило само за себя, ведь герценовский «Колокол» тогда читало все просвещенное общество.

Причина волнений, по мнению современных ученых, была, на первый взгляд, простая, но их последствия были весьма существенны для дальнейшего развития высшего образования в России. Студенты протестовали против новых университетских правил, изложенных в студенческих книжках-матрикулах, которые были восприняты как покушение на автономию университетов. Дело едва не дошло до атаки солдат и жандармов на студентов, но возможная трагедия обернулась фарсом. Студенты ответили дружным смехом и криками «браво». Начальник штаба жандармов и он же управляющий всемогущим III Отделением П. А. Шувалов в докладе императору Александру II явно нагнетал напряженность. «Все здесь происходившее производило сильное впечатление на публику, а особенно на офицеров, — писал он в злобешем тоне, — сочувствие толпы выражалось криками “браво!”, “ура!” и аплодисментами, некоторые офицеры даже ругали товарищей, находящихся во фронте, позорными словами». ²⁵⁸

²⁵⁵ Колокол. Петербургские письма от 8 ноября 1861 г. Л. III.

²⁵⁶ См.: Тун А. История революционных движений в России. М., 1905. С. 14–15; Гесен С. Студенческое движение в начале 60-х годов. М., 1932; Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 178; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 302; Филиппова Т. А. Петр Андреевич Шувалов // Российские консерваторы. М., 1997. С. 194–195.

²⁵⁷ См.: Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: 60-е годы XIX века. М., 1993. С. 300–302.

²⁵⁸ Цит. по: Филиппова Т. А. Петр Андреевич Шувалов. С. 194–195.

Данное событие, весьма поучительное для понимания настроения и поведения либерального общества, получило противоречивые оценки в научной литературе и современников этой истории.²⁵⁹ Истинную подоплеку позволяют открыть документы из семейного архива Дмитрия Васильевича Стасова, невольно ставшего ключевой фигурой этой широко известной акции.

Стасовых глубоко волновала и заботила судьба учащейся молодежи. Когда осенью 1861 г. начались студенческие волнения, Д. В. Стасов, в числе передовых представителей столичной интеллигенции, выступил инициатором акции в защиту арестованных студентов, хотя, по воспоминаниям профессора В. Д. Спасовича, в «группах петербургского общества, претендующих на известную культуру, сочувствие к студентам было весьма умеренное, боязливое и, так сказать, платоническое».²⁶⁰

«30 августа 1861 г. я вышла замуж за Д. В. Стасова, а в сентябре произошла известная университетская история в Петербурге, — вспоминала о том времени Поликсена Степановна. — В кружке наших друзей явилась мысль подать на Высочайшее Имя прошение о помиловании студентов».²⁶¹ В ранних вариантах мемуаров она указывала, что данный кружок «состоял из Дмитрия и меня, Мари и Евгения Шакеевых, Платона Васильевича Павлова, Сергея Ольхина и Григория Григорьевича Перетца». В 1918 г. она не назвала в этом числе Г. Г. Перетца,²⁶² поскольку, видимо, уже знала о его службе в III Отделении.²⁶³ «Собирались у Ольхина, кроме Мари и меня, и составили адрес, потом собрались у нас, чтобы общими силами проредактировать, — читаем в ее воспоминаниях. — Павлов стоял за очень просительный тон, мы за тон просьбы без умиления и без раскаяния. Это было 28 сентября, а на следующий день Д. В. Стасов начал собирать подписи у себя в Сенате».²⁶⁴

Академик К. К. Арсеньев также отмечал впоследствии, что «среди сенатской молодежи возникла мысль о коллективном ходатайстве за арестованных», причем одним из инициаторов «подачи прошения царю явился Д. В., перенесший агитацию из Сената в Департамент Министерства юстиции».²⁶⁵ 29 сентября 1861 г. обер-секретарь Сената Д. В. Стасов уже в Большом театре спрашивает у своих друзей и знакомых согласие «подписать адрес или просьбу о помиловании <...> студентов».²⁶⁶

²⁵⁹ См.: *Легкий Д. М.* Студенческое «Прошение на имя государя» осенью 1861 г. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 144–150.

²⁶⁰ *Спасович В. Д.* 50-летие Петербургского университета // Сочинения В. Д. Спасовича. Т. IV. СПб., 1891. С. 48.

²⁶¹ Воспоминания П. С. Стасовой // Сб. памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Т. 2. Пг., 1915. С. 12.

²⁶² См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 413. Л. 3; Д. 414. Л. 3; Д. 415. Л. 13.

²⁶³ Он был «одним из первых агентов политической полиции», внедренных в ряды радикальной оппозиции. См.: *Абакумов О. Ю.* «Добровольно вызвался служить отечеству» (штрихи к биографии Г. Г. Перетца) // Освободительное движение в России. Вып. 20. С. 158–161.

²⁶⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 4 (*Стасова П. С.* Из прошлого).

²⁶⁵ *Троицкий Н. А.* К биографии Д. В. Стасова. С. 323.

²⁶⁶ *Арсеньев К. К.* Из далеких воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 161.

В письме к своему другу он так излагал события этого дня: «В пятницу, когда стали в Сенате подписывать и стали бегать с листом, я сейчас же сказал, что <...> все обрушится на меня <...> потому что адреса еще не было написано, а все стали подписываться <...> но было уже поздно, подписей набрано уже много, на другой день подписка продолжалась в Министерстве...». ²⁶⁷ 30 сентября 1861 г. в письме к шурина А. С. Кузнецову он отмечал, что «здесь составляется адрес на имя Государя о прощении всех студентов, собирается подписка для адреса <...> разными лицами, в том числе одним человеком, который тебя крепко любит». ²⁶⁸

Записи в дневнике К. К. Арсеньева за субботу 30 сентября содержат сведения о том, что он «с 6 до 8» был у Стасова, видел там «многих членов юридического кружка и «весьма недолго Шакеевых». ²⁶⁹ В этот вечер было вовсе не юридическое собрание (что он всегда аккуратно отмечал), но суть его не раскрыл, хотя оно явно было связано с подготовкой адреса. 1 октября Арсеньев записывает: «Утром у меня был Стасов, Бер и потом Половцов». ²⁷⁰

Только через столетия К. К. Арсеньев и В. В. Берви-Флеровский открыто заявили, что помогали Стасову «собирать подписи среди сослуживцев». ²⁷¹ Сам инициатор этой акции писал 13 мая 1862 г., что «во время студенческой истории Берви (столоничальник в М.<инистерстве> Ю.<стиции>) вместе с Арсеньевым помогли мне в собирании подписей по М-ву». ²⁷²

Рассказывая «о совещании у Кавелина 30 сентября 1861 г. в воскресенье», историки непременно приводят свидетельства жены Д. В. Стасова: «Вечером Дмитрий поехал к Кавелину, у которого должны были собраться профессора университета и рассуждать о том же: об участии студентов и о способе действия. Там были Утин, Стасюевич, Пыпин, Спасович, из не профессоров Чернышевский, Дмитрий и еще некоторые лица. Вернулся оттуда за мной Дмитрий поздно». ²⁷³ Но это воскресное совещание было 1 октября, а по возвращении Стасовых домой, уже 2 октября «в 5 часов утра <...> двор был загружен городскими, жандармами и еще какими-то личностями в штатской форме». ²⁷⁴

Когда 5 октября на квартире сотрудника «Отечественных записок» Н. В. Альбертини состоялось подобное совещание литераторов с представителями студентов, то был арестован сам хозяин и 18 студентов, участников

²⁶⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 180. Л. 8 (письмо от 2 октября 1861 г.).

²⁶⁸ Там же. Л. 5.

²⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 220.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ См.: Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний С. 162–165; Берви В. В. Воспоминания // Голос минувшего 1915. № 4. С. 155–160.

²⁷² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 46.

²⁷³ См.: Базилева З. П. К истории первых артелей разночинцев... С. 210; Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 198; Новикова Н. Н. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского с редактором «Колокола» // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 179.

²⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 5 (Стасова П. С. Из прошлого).

совещания.²⁷⁵ Арест же Д. В. Стасова был связан с доносом директора департамента М. И. Топильского, что «Обер-Секретарь Стасов ходил 29 сентября по Канцеляриям С.-Петербургского Департамента Сената, приглашал к подписке и отбирал подписку от желающих на предмет ходатайства пред Государем Императором об облегчении участи студентов».²⁷⁶

Обыск производили весьма корректно, что сейчас может показаться даже несколько странным: «ходили, шуршали бумагами, но, кроме кабинета, не входили обыскивать»,²⁷⁷ по завершении чего в протоколе записали, что «ничего предсудительного не нашли».²⁷⁸ П. С. Стасова скромно заметила о предмете жандармских поисков: «Адрес за студентов был у меня под подушкой».²⁷⁹ По ее словам, через день после ареста Стасова К. К. Арсеньев «из предосторожности посоветовал мне все издания Герцена, которые были у Дмитрия, — “Колокол”, “Былое и думы” и проч., отослать в библиотеку к Влад<имиру> Вас<ильевичу> (Стасову. — Д. Л.), и сам взялся их отвезти».²⁸⁰ Интересно, что полиция в это время, в отличие от поведения при арестах Дмитрия Стасова в 1879–1880 гг., не обратила особого внимания на запрещенные издания Вольной русской печати.

Ввиду отсутствия императора судьба опального обер-секретаря Сената решалась на совещании у великого князя Михаила Николаевича, где 3 октября замещающий министра юстиции Д. Н. Замятнин «положительно заявил, что Стасов — человек образа мыслей вредного <...> он распространитель означенной подписки...».²⁸¹ «Шувалов, передавая это мне, — отметил Д. В. Стасов в записке из тюрьмы к своим родным, — смеялся и говорил, что, разумеется, это такого рода вещь, которой доказывать нельзя и что он выпустил бы меня сейчас».²⁸² Но дни шли, а Стасов все еще находился в заключении. Тогда 7 октября он пишет пространное письмо управляющему III Отделением графу П. А. Шувалову.²⁸³ В этот же день Шувалов передал через следователя, что Комитет постановил исключить Д. В. Стасова «из службы, сослать на жительство в одну из отдаленных губерний (Вологду, Вятку, Архангельск, Пермь)». При этом арестант с возмущением писал об очередной любезности управляющего III Отделением, который «спрашивал, какой я город выбираю».²⁸⁴

Такие варианты Д. В. Стасова явно не устраивали, и он прибегает к другому способу, обычному в то время. «Надо вот что делать, — пишет он жене в тайной записке из тюрьмы, — напустить Лопатина и кого еще можно

²⁷⁵ См.: Снытко Т. Г. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х гг. и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х г. М., 1960. С. 236.

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 1.

²⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 7 (Стасова П. С. Из прошлого).

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 4.

²⁷⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 7 (Стасова П. С. Из прошлого).

²⁸⁰ Там же. Л. 13.

²⁸¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XI. Пг., 1919. С. 313.

²⁸² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 11. Л. 4.

²⁸³ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 12–13. Письмо Д. В. Стасова привлекло внимание исследователей и частично опубликовано. См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 313; Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. С. 93–94.

²⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 11. Л. 4.

на Игнатьева (генерал-губернатора столицы. — *Д. Л.*) <...> С. И. Зарудного или Стояновского на Блудова (председателя Государственного совета. — *Д. Л.*), если Константин Николаевич (великий князь. — *Д. Л.*) здесь, то просить Глебова». ²⁸⁵ П. С. Стасова со своей стороны обратилась к дяде К. Я. Никитскому, протоиерею, духовнику Шувалова и Александра II. ²⁸⁶

Позднее барон М. А. Корф передавал отзыв императора о Д. В. Стасове, что «если он поступил не совсем осторожно, то вообще-то человек чрезвычайно доброжелательный». ²⁸⁷ Сразу после освобождения, 2 октября 1861 г., бывший арестант с благодарностью отмечал, что «сам Вел.<ий> Кн.<язь> постоянно раз 13 говорил за меня в этом комитете <...> много сделал Шувалов». ²⁸⁸ В окончательном решении по делу Д. В. Стасова так было и записано: «По ходатайству графа Шувалова Совет признает возможным ограничить взыскание увольнением от службы и учредить за ним надзор». ²⁸⁹

Как впоследствии стало известно, подписные листы распространялись не только и не столько в государственных учреждениях, что видно из письма известного публициста В. Д. Скарятин к Д. В. Стасову. «Сидя в кабинете Петра Лавровича Лаврова, на Фурштатской ул., я получил из рук почтенного Хвостова, для подписи, петицию на Высочайшее имя об освобождении студентов, арестованных в то время, — писал он 17 апреля 1916 г. — На ней была печать с изображением коня, взвившегося на дыбы, энергично скакавшего вперед, и затем, первое Ваща подпись». ²⁹⁰ На рубеже 1850–1860-х гг. будущий идеолог революционных народников П. Л. Лавров и Д. В. Стасов проживали на одной улице и были знакомы через Е. А. Штакеншнейдер. ²⁹¹ Как выяснили советские ученые, кружок Лаврова также принял деятельное участие в «университетской истории» и через Литфонд материально поддержал арестованных. ²⁹²

Причастная к этому делу Е. А. Штакеншнейдер описала в своем дневнике итоги нашумевшей истории с подготовкой петиции: «...некоторые лица из общества захотели заявить себя, заявить обществу, написали адрес государю и стали собирать подписи, — отметила она 4 ноября 1861 г. — Адрес этот проникал, размножался в копиях, но подписи? История с подписями просто прелесть! И смех, и слезы! Пятьсот человек подписались! На четыреста тысяч жителей — пятьсот! Да как еще? Подпишут сегодня, а завтра придут просить, нельзя ли вычеркнуть. Так и заявило себя общество! Адрес оставалось сжечь, так и сделали. Не подавать же государю общественное мнение в пятьсот голосов». ²⁹³ По мнению В. Д. Спасовича, «на подписных листах к проектируемому

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. Оп. 5. Д. 414. Л. 25–26 (*Стасова П. С. Из прошлого*).

²⁸⁷ Там же. Оп. 6. Д. 181. Л. 4 (письмо П. С. Стасовой к брату А. С. Кузнецову от 6 января 1862 г.).

²⁸⁸ Там же. Д. 180. Л. 9.

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. II.

²⁹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 602. Л. 52 (письмо от 17 апреля 1916 г.).

²⁹¹ Там же. Оп. 8. Д. 365. Л. I (*Комарова В. Д. Письма Лаврова к Стасову*).

²⁹² См.: *Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении*. М., 1988. С. 66–73.

²⁹³ См.: *Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886)*. М., 1934. С. 342.

адресу собрано около тысячи подписей, больше охотников не нашлось»,²⁹⁴ из числа которых, как записал 3 октября К. К. Арсеньев в дневнике, «всего в Министерстве подписалось 16 человек (в Сенате более 55)».²⁹⁵

Оппозиционные настроения все-таки получали распространение в обществе, хотя и в робкой форме, недаром министр внутренних дел П. А. Валуев в один из этих дней, 15 октября 1861 г., записывает в дневнике, «что из каждых десяти чиновников можно, безусловно, надеяться только на одного».²⁹⁶ В разгар студенческих волнений государственный секретарь В. П. Бутков, будучи в апогее своих либеральных увлечений, убеждал шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии В. А. Долгорукова (в письме от 21 сентября 1861 г.), «что студентами управляет и руководит составленное из них, или из лиц посторонних, тайное общество». На существование общества «Невония» (по названию реки Невы) указывал в своей записке и с.-петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев: «Общество сие первою целию имеет перемену в России образа правления».²⁹⁷ Современные исследователи приводят эти данные в качестве примера, в каком «нервном состоянии» находились власти и особенно ведомство тайной полиции в конце 1861–начале 1862 г.

В конце года на вечере у Дмитрия Васильевича его брат В. В. Стасов, известный свои аполитизмом), убеждал профессора Б. И. Утина, «что вся эта студенческая история принесла огромную пользу обществу, показав, что уже не подчиняются, как бывало прежде, приказаниям от начальства <...> все эти гонения, ссылки, аресты, все это к лучшему, все это возбуждало общество к деятельности и подстегивало его».²⁹⁸ Близкая к революционным кругам Мария Шакеева заметила по этому поводу, «что это не терроризм, а трусизм правительства».²⁹⁹

На этом можно было бы поставить точку, но ряд исследователей, вопреки очевидным фактам, не верит в то, «что за такой сравнительно невинный <...> поступок мог быть арестован довольно крупный государственный чиновник», и делают вывод «об участии Д. В. Стасова в подготовке конституционного адреса “Великоруса”», считая, что «на собрании, в котором участвовал Чернышевский <...> Стасову <...> было поручено позаботиться о распространении нового документа».³⁰⁰

Аргументом для такого ответственного утверждения служит в основном вопрос, который ставит в своих воспоминаниях П. С. Стасова. «Но что же был за мотив ареста Дмитрия в действительности? Навет Топильского — директора

²⁹⁴ Стасович В. Д. 50-летие Петербургского университета. С. 48.

²⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 221. Ср.: Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний. С. 162.

²⁹⁶ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 120–121.

²⁹⁷ Абакумов О. Ю. III отделение и политические преступления... С. 145.

²⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 180 а. Л. 54–56 (письмо П. С. Стасовой к А. С. Кузнецову 13 декабря 1861 г.).

²⁹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 414. Л. 31 (Стасова П. С. Из прошлого).

³⁰⁰ См.: Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 199; Новикова Н. Н. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского... С. 182; Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. С. 91; Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 72.

в деп<артаменте> Министерстве юстиции, — цитирует ее воспоминания советский историк. — Он пустил в ход обвинения Дмитрия в собрании подписей для конституционного адреса, долженствовавшего изменить государственный строй.³⁰¹ Но почему-то опускается примечание именно к этим словам и на этой же странице (только в другом, более полном варианте воспоминаний): «Как легко было бы это фантастическое обвинение опровергнуть, показав таким адрес, спрятанный мною в печке, который был нечаянно сожжен нашим слугой».³⁰²

К тому же «навет Топильского» говорит только о ходатайстве Д. В. Стасова «об облегчении участи студентов»,³⁰³ да и вообще в многочисленных справках, донесениях по этому делу в III Отделении, Министерстве юстиции вообще не упоминается что-либо о конституционном адресе,³⁰⁴ хотя там любили пофантазировать и вряд ли упустили бы возможность показать значимость своего учреждения и выслужиться.

Советские историки все-таки настаивали, что «главное, не объявленное формально обвинение в отношении Д. В. Стасова» заключалось в подготовке им конституционного адреса, причем это было «выяснено» с помощью члена стасовского кружка Г. Г. Перетца, который «с 1862 г. уже, несомненно, был агентом III отделения».³⁰⁵ Если бы Г. Г. Перетц узнал что-либо об акции «Великоруса», то независимо от того, когда он стал тайным агентом, до 1861 г. или после, непременно донес бы начальству о деятельности так и не раскрытой до сих пор революционной организации.

Сам Д. В. Стасов в разговорах с женой до ареста только упоминал, что «ходит слух о сборе подписей будто бы для конституционного адреса»,³⁰⁶ а после ареста писал шурина, что в Сенате «врали всякую чушь <...> хотел будто бы всех надуть и подшил бы все эти подписи к адресу о конституции», а в городе вообще «говорили, что я обвиняюсь в участии составления “Великоруса”, в переписке с Герц.<енем>, и Бог знает что!». Но даже III Отделение, не отличавшееся шепетильностью, не стало предъявлять Стасову «формально обвинение», основываясь лишь на городских слухах, и тем более «повторять всех мерзостей и подлостей», которые «возводила и врала»³⁰⁷ компания недоброжелателей Дмитрия Васильевича в Сенате и Министерстве юстиции.

Еще один участник этих событий, К. К. Арсеньев, по горячим следам 3 октября 1861 г. записал в дневнике: «Подписка на адрес <...> собиралась, к сожалению, на белом листе: самый адрес еще не был составлен, это послужило поводом к обвинению распространителей подписки в том, что

³⁰¹ Новикова Н. Н. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского... С. 180. На ее аргументы опираются и другие историки.

³⁰² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 34 (Стасова П. С. Из прошлого).

³⁰³ ГАРФ. Ф. 109. I экз. III Отд. Оп. 1861 г. Ед. хр. 289. Л. 1.

³⁰⁴ Там же. Л. 1–17; ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Ед. хр. 81.

³⁰⁵ Новикова Н. Н. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского... С. 180.

³⁰⁶ Там же. С. 179.

³⁰⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 180. Л. 9–10 (письма А. С. Кузнецову от 11 и 16 октября 1861 г.).

они обманывали других и хотели пришить подписку к адресу о конституции». ³⁰⁸

Непосредственно причастные к данной истории общественные деятели — К. К. Арсеньев, В. В. Берви-Флеровский, В. Д. Спасович — как в конце века, так и накануне Февральской революции 1917 г. отвергали любую «вероятность, что под видом ходатайства о помиловании собираются подписи к адресу о конституции». ³⁰⁹ Данным фактом в революционные дни можно было открыто гордиться, но никто не стал поддаваться конъюнктурным политическим соображениям.

Нельзя забывать, что выступать публично в начале 1860-х гг. в защиту арестованных студентов или деятелей науки и культуры даже в безобидной форме ходатайства о помиловании уже требовало немалого гражданского мужества. Последующий демонстративный выход из университета ведущих профессоров А. Н. Пыпина, Б. И. Утина, В. Д. Спасовича, М. М. Стасюлевича, К. Д. Кавелина деятели революционного движения восприняли как «гражданский подвиг». ³¹⁰

Современные исследователи считают, что маститые ученые, преподаватели С.-Петербургского университета фактически развернули «оппозиционную деятельность», правда, с оговоркой, что она была «двойной», когда Кавелин считал нужным противостоять не только правительственной реакции, но и стихийности студенческого движения, то есть натиску и «справа» и «слева». ³¹¹

К. К. Арсеньев и В. В. Берви-Флеровский, мечтавшие об университетской кафедре, навсегда лишились этой возможности, а Д. В. Стасова уволили с важного поста в Сенате. Зная такую репутацию протестанта, его отказывались принимать на государственную службу, несмотря на протекции влиятельных друзей. «Милютин решительно отказал Философову взять меня в свое военное М-во, и признаться, я сначала очень надеялся на это место..., — писал он 3 января 1862 г. А. С. Кузнецову, — попробую теперь попасть во II отделение к барону Корфу, по законодательству тоже, если это не удастся, тогда в Мин-во финансов». ³¹² Но все усилия были тщетны. Дело было в том, что увольнение по так называемому «3-му пункту» практически лишало его права поступать на государственную службу, и, кроме того, Д. В. Стасов в дальнейшем «по обвинению в преступных деяниях против правительства» был подвергнут «без срока строгому политическому надзору». ³¹³

Надо признать, что обвинения жандармского ведомства по адресу Д. В. Стасова все-таки не были беспочвенными. Во время его повторного ареста (почти через двадцать лет, в апреле 1879 г.) начальник Санкт-Петербургского жандармского управления генерал Комаров выложил перед П. С. Стасовой «целую

³⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 221. Данные записи с трудом, но поддаются расшифровке.

³⁰⁹ См.: Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний С. 165; Берви В. В. Воспоминания. С. 157; Спасович В. Д. 50-летие Петербургского университета. С. 48.

³¹⁰ См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. А. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 154.

³¹¹ Кочукова О. В. К. Д. Кавелин и освободительное движение 1850–1860-х гг. // Освободительное движение в России. Вып. 20. С. 250.

³¹² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 1–2.

³¹³ ГИА СПб. Ф. 569. Оп. 6. Д. 254. Л. 7.

кипу приложений к Колоколу Под суд, взятых при обыске у Дмитрия, и книгу Бакунина Анархизм и сказал: “а зачем у вашего супруга вот эти издания?”.³¹⁴

Семья Стасовых располагала многими подпольными листовками и воззваниями, запрещенными цензурой литературными изданиями. Сохранился ряд коротких записок характерного содержания, доставленных с нарочным от А. С. Кузнецова: «Возвращаю Вам “Колокол” <...> как хороши статьи Искандера о Польше», «если у тебя еще есть записка Кавелина <...> то пришли мне ее», «как хороша 4 глава записки с 5 главою», «я передал записки Спасовичу», «“Великорус” и “Молодая Россия” — огромная разница».³¹⁵

От родственников и ближайшего окружения Стасовых нередко поступали просьбы передать что-либо из нелегальной литературы. Так, А. В. Стасов запросто спрашивал у своего брата Д. В. Стасова: «Нет ли у тебя переписки Кавелина и Тургенева с Герценом?». ³¹⁶ О. А. Шакеева, правда, не столь откровенно, запрашивала не просто почитать, а повторно передать ей лишний экземпляр подпольной прокламации. «Еще просьба, — обращалась она к П. С. Стасовой, — нет ли у Д<митрия> В<асильевича> еще экземпляра В. Р. («Великоруса». — Д. Л.) 1-го и 2-го № <...> мне очень нужно».³¹⁷

Здесь, видимо, необходимо оспорить мнение некоторых современных исследователей, что даже наиболее реалистичная для того времени прокламация «Великорус» оставалась для современников «лишь любопытной запретной диковинкой». Ведь одновременно признается, что «неспособность тайной полиции» остановить распространение листовок не только подрывала представление о всемогуществе правительства и могуществе охранителей, но и «свидетельствовала о росте сил радикальной оппозиции».³¹⁸

О наличии тесных контактов семьи Стасовых с Н. Г. Чернышевским говорит записка последнего к Д. В. Стасову от 5 декабря 1859 г.: «Дмитрий Васильевич. Если вы намерены не отказывать в просьбах нуждающимся, то будьте добры: посетите меня в воскресенье вечером, тем более что это день Святителя Николая Чудотворца Мирликийского, которому мы помолимся вместе. Ваш Н. Чернышевский».³¹⁹ Несмотря на шуточный тон обращения с приглашением на празднование именин, содержание записки свидетельствует о возможности обсуждения и других вопросов, так как в то время лично Чернышевский «нуждающимся» в чем-либо не был.

Осенью 1861 г., во время студенческих волнений, они вместе присутствовали на заседании профессоров университета на квартире К. Д. Кавелина. Сам Д. В. Стасов был деятельным участником Литературного фонда (куда его принимал Н. Г. Чернышевский), который выделил арестованным студентам

³¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 53 (Стасова П. С. Из прошлого). «Под суд!» — приложение к газете «Колокол», издававшееся в 1859–1862 гг. Вольной русской типографией А. И. Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне

³¹⁵ Там же. Оп. 6. Д. 192 (записки карандашом от 22 апреля, 23 августа, 26 мая, 8 июня, 21 июня 1861 г.).

³¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 2. Д. 129. Л. 37 (дата неизвестна).

³¹⁷ Там же. Оп. 5. Д. 124 (записка от 11 февраля).

³¹⁸ См.: Абакумов О. Ю. III отделение и политические преступления... С. 145.

³¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1949.

1,5 тыс. р.,³²⁰ а также Шахматного клуба, где обсуждался вопрос о подаче петиции царю в защиту арестованных студентов. В тайных списках П. Л. Лаврова братья Стасовы значатся в одной пятерке с Н. В. Альбертини, арестованным почти одновременно с Д. В. Стасовым в октябре 1861 г. за поддержку студентов, с Д. Е. Кожанчиковым и братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами.³²¹

Вызывает определенный интерес предположение историков, что в конце 1861 г. Д. В. Стасов мог содействовать через своих друзей в Сенате ликвидации единственной прямой улики против Н. Г. Чернышевского и П. И. Бокова в деле «Великоруса», когда печать на конверте с их письмами к В. А. Обручеву «была таинственно размята».³²² Возможность таких действий знакомых Дмитрия Васильевича в Сенате косвенно подтверждается деликатной просьбой к нему 15 января 1866 г. председателя Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецова, которую не преминуло засвидетельствовать бдительное око службы перлюстрации III Отделения: «...прошу тебя следить в Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел, не поступят ли на нас доносы, против которых нужно своевременно принять меры».³²³

Вместе с тем, в октябре–декабре 1861 г., когда Д. В. Стасов подвергся аресту, был уволен из Сената (с угрозой высылки из столицы), он вряд ли мог предпринять что-либо существенное в этом деле. Поэтому можно с большой вероятностью предположить, что улики против Чернышевского могли уничтожить и без всякой подсказки В. В. Берви-Флеровский, оставшийся в Сенате, или столоначальник уголовного отделения, лицейский товарищ А. А. Серно-Соловьевича И. И. Шамшин, также подписавший петицию в защиту студентов.³²⁴

Когда правительство прибегло к репрессиям против наиболее видных представителей освободительного движения в России, Д. В. Стасов констатировал явный факт полного безучастия и равнодушия столичного общества. «Когда Чернышевский, Серно-Соловьевич и др. сидели в крепости более полугодя, очень немногие уже интересуются их участью, — с горечью заметил он 14 января 1863 г. — Отчего же вдруг такое безучастие?».³²⁵

Сам он не мог оставаться безучастным, но только через столетие его младшая дочь сможет открыто сказать, «что Д. В. Стасов оказывал Чернышевскому материальную поддержку».³²⁶ Когда в апреле 1879 г. граф М. Т. Лорис-Меликов в частном разговоре обвинил Дмитрия Васильевича в том, что «он собирал деньги для нелегальных людей», его жена была вынуждена промолчать, записав в воспоминаниях, «что Дмитрий действительно собирал и посылал деньги

³²⁰ См.: *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском революционном движении. С. 72.

³²¹ См.: *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 г. М., 1968. С. 216.

³²² См.: Там же. С. 140; *Богословская Л. П.* «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. 6. М., 1974. С. 131.

³²³ ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 3. Д. 209. Л. 1.

³²⁴ См. о нем: Деятели революционного движения в России. Т. 1, ч. 2. С. 460; *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 г. С. 73.

³²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 183.

³²⁶ *Стасова Е. Д.* 1) Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 18; 2) Воспоминания. С. 14.

сосланным». ³²⁷ Некоторые исследователи заметили, что на полях напротив этого предложения вставлено — «Чернышевскому». ³²⁸ Но при этом они не обратили внимания, что примечание сделано рукой Дмитрия Васильевича, который отредактировал воспоминания своей жены.

Таких свидетельств о связях семьи Стасовых с Чернышевским, вероятно, было больше, если верить рассказу Е. Д. Стасовой о том, «что многочисленные вычеркивания имени Чернышевского из воспоминаний ее матери и изъятие целого ряда страниц были сделаны ее старшей сестрой Варварой» ³²⁹ (В. Д. Комаровой — основной хранительницей стасовского фонда после смерти родителей). Своеобразная полемика родных сестер, дочерей Д. В. Стасова, связана была с тем, что они оказались на совершенно разных политических позициях в начале XX столетия.

Оказание материальной поддержки Чернышевскому и другим репрессированным общественным деятелям в начале 1860-х гг. было обычным явлением, как писал Д. В. Стасов: «Теперь вообще такая масса подписок с подобною целью <...> на каждом шагу теперь идут пожертвования в пользу разных дел». ³³⁰ Подобная общественная поддержка либеральным обществом деятелей революционного движения резко пойдет на убыль только в разгар польского восстания 1863–1864 гг.

Как советские, так и современные исследователи заметили, что если «элементы реакции» в правительственных верхах в 1861 г. были малозаметны, то в 1862 г. они резко усилились. Это было связано с открытой кампанией против «лондонских пропагандистов» (Герцена и Огарева), а затем самых настоящих репрессий против демократического лагеря. Об этом говорят результаты первых политических судебных процессов — «дело В. А. Обручева», «дело Н. Г. Чернышевского», «дело 32-х» ³³¹ (добавим к этому перечню и «дело тверских мировых посредников», еще в старом, дореформенном суде).

Все эти события не просто проходили на глазах Д. В. Стасова, он принимал в них самое непосредственное участие. «Вчера был устроен литературно-музыкальный вечер под фирмой “в пользу литературного фонда”, но собственно в пользу Михайлова и Обручева, — рассказывает он 4 марта 1862 г. А. С. Кузнецову об одном таком деле, ставшем известным на всю Россию. — Сбор был великолепный <...> Фурор был произведен Павловым <...> “Тысячелетие России” — как говорят, замаскированный и страстный перефраз Великоруса». На этом же вечере Некрасов «прочитал что-то свое, а потом объявил, что прочел стихотворение одного приятеля, причем какую превосходную вещь, вызвав и громы рукоплесканий, а когда все смолкло, кто-то <...> замечает: Михайлов». ³³²

³²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 59 (Стасова П. С. Из прошлого).

³²⁸ См.: Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. С. 215.

³²⁹ См.: Богословская Л. П. «Что делать?» Чернышевского... С. 124.

³³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 21, 25.

³³¹ См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 349–357; Гросул В. Я. В эпоху реформы 1861 г. (1856–1866). // Русский консерватизм XIX столетия / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 192–276.

³³² Там же. Л. 25.

Незадолго до отправки М. Л. Михайлова в ссылку (как вспоминает Н. В. Шелгунов) «в разных кружках пошла подписка». ³³³ Д. В. Стасов писал по горячим следам, что опальному поэту «собрали по слухам до 600 рублей, из них в руки ему дали 100 рублей, несколько отдали в руки жандарму <...> а остальное отправили прямо в Тобольск». «Сверх того, — добавляет он в этом же письме, — до 1500 рублей осталось здесь у Шелгуновых на будущее время». ³³⁴

Д. В. Стасов был не просто хорошо осведомленным современником, а непосредственным участником этой акции, что вскоре подтверждается в письме его шурина А. С. Кузнецова 7 декабря 1861 г.: «Благодарю тебя очень, Дмитрий, за то, что ты дал за меня 3 р. 60 к. в пользу Михайлова». ³³⁵ При этом А. С. Кузнецов, высокопоставленный судебный чиновник, выражал солидарность с подсудимым, считая, что его воззвание «К Молодому» направлено не против личности государя, а против установившегося образа правления». ³³⁶ 26 апреля 1862 г. Стасов высылает ему «новый портрет Герцена, он был сделан, как говорят, в большом виде для Михайлова». ³³⁷

Весной 1862 г. Д. В. Стасов принимал деятельное участие в кампании по сбору средств для арестованных и сосланных по политическим мотивам. Так, в феврале в стасовском окружении «в пользу Бакунина объявлена подписка», ³³⁸ а уже в марте после великолепного сбора «в пользу Михайлова и Обручева» там же было предложено «устроить концерт и литературный вечер в пользу изгнанников <...> русских и поляков». ³³⁹ Когда же профессора П. В. Павлова за шумевшую речь выслали в Ветлугу, в его защиту «адрес подписали до 500 человек» и «тут же произошла денежная подписка в пользу его». ³⁴⁰

В мае на заседании юридического кружка в доме Дмитрия Васильевича принимается решение «сделать снова полезную складчину (по примеру прошлых дней) в пользу Берви (В. В. Флеровского. — Д. Л.)». ³⁴¹ При сообщении о подобных мероприятиях в письмах к А. С. Кузнецову Д. В. Стасов нередко добавляет: «Я и за тебя и за себя подписался». ³⁴²

Активную общественно-политическую деятельность Д. В. Стасова не могли оставить без внимания различные органы политического сыска. Как только он был «уволен от службы» за участие «в приглашении к подписке <...> об облегчении участи студентов», начальник штаба корпуса жандармов П. В. Шувалов 12 октября 1861 г. делает «распоряжение к учреждению за ст<атским> сов<етником> Стасовым со стороны полиции секретного

³³³ См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. С. 162.

³³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 33.

³³⁵ Там же. Д. 192. Л. 99 (письмо № 26).

³³⁶ Там же (письмо от 16 декабря 1861 г. № 29).

³³⁷ Там же. Д. 181. Л. 42.

³³⁸ Там же. Л. 21 (письмо от 13 мая 1862 г.).

³³⁹ Там же. Л. 25 (письмо от 4 марта 1862 г.).

³⁴⁰ Там же. Л. 27 (письмо от 11 марта 1862 г.).

³⁴¹ Там же. Л. 46 (письмо от 13 мая 1862 г.).

³⁴² Там же. Л. 27 (письмо от 11 марта 1862 г.).

надзора». ³⁴³ Стасовы не подозревали, что в руках политической полиции имеются компрометирующие их документы, добытые «негласным путем». В 1860-е гг. на стол министра внутренних дел время от времени ложились «Выписки из писем <...> Кузнецова Жемчужникову В. М. и Стасову Д. В. <...> о неудовольствии автора», «Выписки из писем Стасова <...> Каткову М. Н. в Москву <...> с приложением сведений о Стасовых» и ряд других. ³⁴⁴ По свидетельству руководителей жандармского ведомства, «данные перлюстрации служили только для розыска <...> и использованию на дознаниях не подвергались». ³⁴⁵

Вместе с тем личное знакомство с некоторыми видными руководителями революционно-демократического движения — Герценом и Огаревым, Чернышевским и Лавровым, Н. Серно-Соловьевичем и С. Сераковским — еще не доказывает причастности Д. В. Стасова к подготовке «Великоруса» и деятельности революционных обществ, с которыми связывают его имя, когда говорят «о кружке молодых правоведов». ³⁴⁶ То, что Стасов широко интересовался программными установками антиправительственных организаций и знал об участии в них своих знакомых, далеко не соответствует утверждению, что «сам факт существования стасовского кружка создавал одно из условий для выработки начал конспирации <...> необходимой при создании тайного революционного общества “Земля и Воля” 60-х гг.». ³⁴⁷ Хотя, действительно, в кружке молодых юристов, с которым связывают имя Д. В. Стасова, продолжительное время на рубеже 1850–1860-х гг. активно обсуждали издания Вольной русской печати, в том числе различные подпольные прокламации, но главной целью этого общества стала разработка различных проектов судебной реформы с критическим анализом пороков дореформенного суда. Интересно, что к деятельности этого кружка был причастен и молодой К. П. Победоносцев, один из творцов судебных преобразований, статья которого с разоблачением министра юстиции В. Н. Панина заняла тогда всю VII книжку «Голосов из России» лондонского издания Герцена и Огарева.

Военный министр Д. А. Милютин записал в воспоминаниях, что в начале 1860-х гг. «революционные воззвания, обращенные то к “Молодому поколению”, то “К офицерам”, или под заглавием “Великорус”, “Земля и Воля”» рассылались по почте, разбрасывались в общественных местах, в школах, в казармах, даже совались в карманы и в руки проходящим по улицам», и сам же признает, что многие их обладатели «подвергались преследованию, большей частью незаслуженному». ³⁴⁸

Заманчивым выглядело указание советских исследователей на то, что в тайном списке членов Шахматного клуба, составленном П. Л. Лавровым, братья

³⁴³ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 15.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 3. Д. 209, 1817, 2089, 2201.

³⁴⁵ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 61.

³⁴⁶ Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 81.

³⁴⁷ Базилева З. П. Архив семьи Стасовых... С. 443.

³⁴⁸ Цит. по: Процесс Чернышевского и общественность России // Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 8.

Д. В., А. В., В. В. Стасовы были сведены в один десяток с участниками революционного подполья Н. А., А. А. Серно-Соловьевичами и Н. В. Альбертини, что предполагало наличие каких-то совместных действий. Правда, такая догадка опровергается тем, что в переписке Дмитрия Васильевича упоминается о его знакомстве только с Н. А. Серно-Соловьевичем. Так, 24 февраля 1863 г., освещая ход процесса «32-х», он укажет: «Подзащитных я знаю — Н. Серно-Соловьевич, Ветошников <...> других фамилий не знаю <...> А. Серно-Соловьевич, Кельсиев».³⁴⁹

В определении роли Д. В. Стасова в русском освободительном движении имеются некоторые трудности, и возникает ряд вопросов. Приходится только сожалеть о таком немаловажном факте, приведенном Е. Д. Стасовой, «как уничтожение ее старшей сестрой В. Д. Комаровой тех материалов семейного архива, которые вскрывали истинные политические убеждения Д. В. Стасова».³⁵⁰ Тем не менее сегодня можно утверждать, что он был активным участником передового общественного движения, оказывая прямое содействие революционному подполью на разных этапах своей жизни. Вместе с тем, будучи близок к идеям русской революционной демократии на рубеже 1850–1860-х гг., Д. В. Стасов все-таки прямого участия в деятельности каких-либо антиправительственных организаций не принимал. Несмотря на это, почти всю жизнь на нем стояло клеймо политически неблагонадежного. Царское правительство своей недальновидной политикой, карательными мерами против инакомыслящей интеллигенции фактически отлучало ее лучшие умы от служения Родине, отталкивая от активного участия в государственной и общественно-политической жизни. Все это невольно ставило людей, подобных Д. В. Стасову, в оппозицию к самодержавию и приобщало новых адептов к революционному движению. Фактически сторонники кардинальных буржуазных реформ вольно или невольно исполняли «роль попутчиков революционного движения».³⁵¹

Оправданием такой вынужденной государственной политики, по мнению современных исследователей, является тот юридический казус, что III Отделение вынуждено было идти на репрессивные меры, поскольку «законодательная база была уже устаревшей». Слишком многие явления общественной жизни в стране стали типичными, повседневыми, но они попадали под разряд государственных преступлений. Например, по «Уложению о наказаниях 1845 г.» следует, что «виновные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений с целью возбудить неуважение к верховной власти» подвергались «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепость». Действительно, под это определение можно было подвести и поголовно отправлять в Сибирь как любопытных читателей прокламаций, журнала «Колокола», так и сочинителей вольнолюбивых стихов. Естественно, что массовом порядке

³⁴⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 183. Л. 11.

³⁵⁰ Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи... С. 197. Видимо, речь идет об уничтожении некоторых документов в семейном архиве Стасовых.

³⁵¹ Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С. 235.

применять законы в таких случаях было невозможно, а вот жандармерия стояла именно на страже законов и была обязана преследовать тех, кто их нарушал.³⁵²

Вследствие преследования карательными органами, начиная с ареста в 1861 г. и увольнения с государственной службы, Д. В. Стасова причисляют к организаторам революционного подполья (к деятельности которого он был только причастен), но его основной вклад в русское освободительное движение заключался совершенно в другом и был более значительным. Здесь необходимо выделить следующее: он был посредником на лондонских переговорах А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского летом 1859 г. и в дальнейшем оказывал им различное содействие и материальную поддержку; тайно сотрудничал в это время в герценовском «Колоколе»; содействовал распространению подпольных изданий в «эпоху прокламаций» начала 1860-х гг.; выступил организатором сбора подписей под «адресом на имя Государя» в защиту арестованных студентов осенью 1861 г. в столице; в рамках Литературного фонда и Шахматного клуба активно участвовал в петиционных кампаниях, сборе денежных средств в пользу репрессированных деятелей литературы и науки — М. А. Бакунина, В. В. Берви-Флеровского, М. И. Михайлова, П. В. Павлова, Н. Г. Чернышевского и многих других.

По признанию советских историков, ими был только «поставлен вопрос о прямой связи с революционной борьбой того времени и о значительной роли в ней Дмитрия Стасова»,³⁵³ который стал «известен как крупный юрист прогрессивных взглядов, связанный с представителями революционных кругов и оказывавший им немалые услуги».³⁵⁴

Современные исследователи, несмотря на многочисленные печатные попытки дискредитации революционного фактора, правомерно продолжают изучение «взаимодействия либеральной и радикально-демократической составляющих общественного движения», с признанием термина «освободительное движение» как реального феномена общественной жизни «в борьбе прогрессивных сил <...> с реакцией за освобождение личности и общества».³⁵⁵

* * *

Таким образом, видная роль Д. В. Стасова в общественном движении России выразилась двояко: будучи непосредственно причастным к борьбе против самодержавно-крепостнических порядков и всей своей активной общественно-политической деятельностью внося существенный вклад в российское освободительное движение, он одновременно принимал самое живое участие в культурной жизни страны, причем многие аспекты такой разносторонней деятельности находились в тесной взаимосвязи и переплетении.

³⁵² Цит. по: *Абакумов О. Ю.* III отделение и политические преступления... С. 145.

³⁵³ Революционная ситуация в России в середине XIX века. С. 290.

³⁵⁴ *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. С. 109.

³⁵⁵ *Кочукова О. В. К. Д. Кавелин и освободительное движение 1850–1860-х гг.* С. 247.

Современники Д. В. Стасова непременно отмечали, что «до конца жизни он сохранил горячий интерес к миру искусства и к политической жизни». ³⁵⁶

С отменой крепостного права (с которой и началась «эпоха великих реформ») в оппозиции к самодержавию окажется юридически подкованное либеральное дворянство (вспомним «дело тверских мировых посредников»), а затем и подавляющая часть нарождающейся «буржуазной адвокатуры», взгляды которой сформировались в отрицании средневековых постулатов старого дореформенного суда в России. Необходимо признать правоту современных ученых, что в ходе ускоренной модернизации в России этот процесс сопровождался, к сожалению, не установлением *сотрудничества администрации с просвещенной общественной средой*, совершенно необходимого для успеха государственных преобразований, а острой борьбой, «сопряженной с *взаимной дискредитацией*». ³⁵⁷

Либеральное общество, поддерживая в середине XIX столетия реформистские устремления российской монархии, так и не смогло стать ее союзником в борьбе с нарастающим революционным движением. Более того, как либералы, так и радикалы-революционеры, в ходе подготовки и начала проведения буржуазных реформ оказались заинтересованы друг в друге. Это выразалось если не в создании союза демократических сил (такие попытки оказались мало результативными) и тем более не в синтезе либеральной и социалистической мысли (что было теоретически невозможно), то в закономерной координации совместных действий против остатков крепостничества, вплоть до признания некоторой частью демократически настроенной интеллигенции террористических форм борьбы с самодержавной формой правления.

³⁵⁶ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 324.

³⁵⁷ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция... С. 88. Курсив мой. — Д. Л.

1.2. ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г. В РОССИИ

1.2.1. Дореформенный суд и «стасовский юридический кружок»

Русское общество после поражения в Крымской войне, по описанию дореволюционного историка судебной реформы 1864 г. в России А. А. Жижиленко, «пробудилось, ожидая реформ» в разных областях государственной и общественной жизни, «являлось твердое сознание, что прежний суд, суд продажный и несправедливый, должен быть уничтожен и заменен новым». ³⁵⁸

Такие надежды, по словам другого историка-юриста, автора знаменитой книги «Отцы и дети судебной реформы», появились в последние годы «эпохи народного бесправия и общественного бессудия, когда одному из китов, на котором стояла эта эпоха, — крепостному праву — стало грозить вымирание, когда с особой силой и очевидностью сказались недостатки мертвого и вредного механизма старого суда». ³⁵⁹ Видные историки вкладывают обычно в уста представителей дореформенного суда известные слова Фигаро: «Я надеюсь на вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудия». ³⁶⁰

Одним из таких интересных, уникальных свидетельств являются личные воспоминания о дореформенном суде бывшего обер-секретаря старого Сената Д. В. Стасова в «речи на общем собрании петербургских присяжных поверенных по поводу 25-летия судебных уставов». Мнение одного из авторов Судебных уставов 1864 г., где категорично отвергаются многие устои дореформенного суда, является важным историческим источником: «Вы с трудом можете себе представить, что это было за нагромождение, наслоение судебных инстанций, одной на другой, что это было за судопроизводство, тянувшееся годами, десятилетиями, даже столетиями, и что это было за правосудие, точнее кривосудие, — обращался Д. В. Стасов к коллегам в своей юридической речи в 1889 г. — Что ни сословие, то свой суд был, и уездный Суд и Магистрат, и Надворный суд и Палаты и Сенат. Каждое дело проходило не по два, как теперь, а несколько (судебных заседаний. — Д. Л.), да прежде еще, нежели быть разрешенным по существу в 1-ой, во 2-ой или 3-ей инстанции, сколько возникло частных производств, которые тянули гораздо даже тяжелее самое дело по существу. Перепутывались частные вопросы с вопросами по существу, часто, когда подпирал разрешенный вопрос частный — тогда образуется вопрос по существу или даже такой вопрос, который никак не возбуждается или о котором только случайно, вскользь упоминается в деле. Дойдет, бывало, дело, подпиравшее уже по существу, рассмотренное

³⁵⁸ РО РНБ. Ф. 283 (А. А. Жижиленко). Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

³⁵⁹ Кони А. Ф. На жизненном пути. С. 417.

³⁶⁰ Там же.

в Палате, а она возьмет и оттянет его до доследования или потребует справки по производству. Это было одним из главных больших зол, которыми изобиловали и гражданские и уголовные дела. Немудрено, что дела тянулись бесчисленное число лет».³⁶¹

В качестве яркого примера он подробно рассказал о перипетиях одного такого судебного разбирательства, о котором «докладывал в качестве обер-секретаря Сената». «Это было дело по иску одного помещика на людей кн. Гагарина <...> дело началось в 1727 или 28 году и кончилось уже при мне в Сенате (1860 г.), — констатировал много повидавший на своем веку опытный юрист. — Это было в гражданском порядке, тянулось все вяло, тихо. Подавались бумаги, которые по десятку раз переписывались в протоколы, журналы, определения, прочитывались самими судьями, а преимущественно секретарями судей, заправлявшими и ходом, и направлениями, и решением дел; сами же тяжущиеся, кроме подачи бумаг лично, не могли объяснить суду или перед судом того, что им требовалось. Все это тянулось бесцветно, мертво, безжизненно. Каково же было положение обвиняемых, подсудимых, заключенных; их судьба, состояние, свобода, жизнь точно так же зависели от тех же секретарей, спящих и незнающих судей; живое слово не допускалось, нельзя было действовать непосредственно на всю коллегия судей, надо было искать знакомства, протекции того или другого влиятельного члена, конечно, не для того, чтобы дело было правильно решено, а чтобы только получить дело, пустить его вперед. Люди сидели годами в острогах, тюрьмах, ожидая решения их участи. Я говорю это о конце сороковых и начале шестидесятых годов».³⁶²

Таков был дореформенный суд в описании Д. В. Стасова, близко его знавшего и на себе испытывавшего тяготы следствия. Понятно было поэтому общее стремление изменить господствовавшие в то время порядки. «Разумеется, состояние судов и недостатки их, — продолжал он, — сознавались и ощущались всеми, сознание о необходимости их улучшения, изменения старых порядков было общим; его жаждали просто так, как, находясь в спертой атмосфере, жаждут чистого воздуха; убеждение, что так продолжаться больше не может, было общим. Каждый сознавал, что в тех порядках, которые существовали, и он повинен, что зло, разлившееся во всем и повсюду, существует отчасти и по его вине. Чувствовалось, что нельзя же ожидать всего от других, а самому не делать, не ударить палец о палец для того, чтобы выйти из этого ужасного, угнетенного, отвратительного положения, в котором все находились».³⁶³

Это описание настроений, охвативших накануне «эпохи великих реформ» всех мыслящих русских людей, очень ярко рисует те чувства, с которыми приступил Д. В. Стасов к своей судебной деятельности.³⁶⁴ Причины такого острого переживания раскрываются в судьбе автора речи, действительно испытывавшего

³⁶¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 389. Л. 1.

³⁶² Там же. Л. 2.

³⁶³ Там же. Л. 3–4.

³⁶⁴ См.: *Легкий Д. М.* Судопроизводство накануне судебной реформы 1864 г. в России // *Право и политика.* 2002. № 2. С. 103–111.

на себе все пороки старого суда, пройдя тернистый путь от герольда до обер-секретаря Сената, и вновь, после увольнения по политическим мотивам, от стряпчего до первого председателя Петербургского Совета присяжной адвокатуры. Не случайно Стасова современники называли «Нестором отечественной адвокатуры, ее совестью и опорой».

Средоточием его интересов всегда оставался юридический мир, с которым он был связан школой и службой. Училище правоведения, в котором он учился в 1842–1847 гг., как отметил К. К. Арсеньев, другой его выпускник, «внесло и продолжало вносить в судебное ведомство свежую струю, подготавливавшую и облегчавшую коренное преобразование русского суда».³⁶⁵

По окончании привилегированного учебного заведения перед Стасовым открывалась блестящая перспектива служебной карьеры, начальные ступени которой отразились в его формулярном списке: «1847 г. — определен на службу в Герольдию Правительственного Сената; 1850 г. — произведен в отличия (так в документе. — *Д. Л.*) в коллежские асессоры со старшинством; 1851 г. — причислен к департаменту Министерства юстиции; 1854 г. — произведен в надворные советники».³⁶⁶ В 1856 г. ему была оказана честь участвовать «в качестве Герольда во время священнейшего коронования Государя Императора», после чего Александр II пожаловал ему «бриллиантовый перстень с рубином». Еще через год он был «награжден орденом Святого Станислава второй степени и назначен Обер-секретарем 20-го (Гражданского) Департамента Правительственного Сената».³⁶⁷ По словам академика К. К. Арсеньева, такие, как Д. В. Стасов, молодые секретари и обер-секретари, а затем и молодые обер-прокуроры, между которыми с каждым годом увеличивалось число бывших правоведа, не только положили конец господству «благодарностей» и взяток: они изменили отношение к делу, вывели «на первый план истинные задачи правосудия».³⁶⁸

На судебном поприще Д. В. Стасов проявил себя не только высокообразованным правоведа и умелым организатором, что было для него только одной из форм общественного служения. Главным профессиональным занятием Дмитрия Васильевича стала другая сторона его юридической деятельности. По словам присяжного поверенного М. В. Беренштама, «все же раньше всего и больше всего Д. В. был адвокатом», к тому же «среди всех адвокатов он был один, который олицетворял собою весь трудный путь, пройденный русской адвокатурой».³⁶⁹

Начинать этот путь ему пришлось еще в те времена, когда, по свидетельству современников, «свободной адвокатуры не было, занимались делами ходатаи», но где Стасов начал применять «такие приемы, которые были совершенно чужды дореформенному суду».³⁷⁰ Только увольнение со службы за подо-

³⁶⁵ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 323.

³⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 1925. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

³⁶⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 413. Л. 519.

³⁶⁸ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 323.

³⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 46–47.

³⁷⁰ Беренштам В. В. Д. В. Стасов // Биржевые ведомости. 1916. 17 апр. С. 3.

зрение в содействии революционному движению и нежелание расставаться с деятельностью юриста заставило Д. В. Стасова в конце 1861 г. согласиться с «предложением одного из стряпчих (члена юридического кружка) стать его заместителем в коммерческом суде». ³⁷¹ Накануне судебной реформы 1864 г. он в это время (с 9 апреля по 2 июля) был вынужден служить юрисконсультom в Правлении Общества С.-Петербургских водопроводов. ³⁷² Дослужившись до поста обер-секретаря в старом Сенате, затем пойти в «стряпчие, имевшие хождение по делам», стать простым юрисконсультom было для него вынужденным, непростым шагом.

Чтобы понять значение сделанного им выбора, надо вспомнить, что представляло собой ходатайство по делам в дореформенном суде. Об этом образно рассказал Д. В. Стасов на собрании присяжных поверенных в 1889 г.: «Ходатайством по делам мелким занимались большею частью темные личности или сами служащие в тех судах, секретари судебных мест, в коих производились дела, а в высших учреждениях, в Сенате, занимались опять только тоже секретари и Обер-секретари и очень немногие личности, обыкновенно занимавшие довольно видные служебные места, и брались за какие-нибудь громкие дела или очень ценные дела, и которые брались за ходатайство не вследствие своих знаний и опытности, но вследствие своих связей и знакомств. Так, например, один из самых известных ходатаев по крупным делам был тогдашний Управляющий Театральной конторой и Театральной балетной школой, имевший вследствие этого значительные связи в разных влиятельных сферах». ³⁷³

Аналогичную, довольно нелицеприятную оценку давали как юристы-практики, так и видные ученые, писатели, историки того времени. Как замечал профессор А. А. Жижиленко, «вся работа ходатая фактически сводилась к тому, как бы затянуть дело, запутать и затемнить его или же воздействовать теми или иными нелегальными средствами на всесильную канцелярию суда». ³⁷⁴

«Вполне заслуженное предубеждение против ходатаев было в ту пору настолько велико, — писал другой видный юрист И. В. Гессен, — что в своих замечаниях на проект об адвокатуре некоторые юристы указывали, что “ни в коем случае нельзя допускать в число присяжных поверенных нынешних ходатаев”». ³⁷⁵ Но и на поприще ходатая, по словам присяжного поверенного М. В. Беренштама, «когда в Петербурге не было еще адвокатуры, Дмитрий Васильевич был уже адвокатом», ³⁷⁶ постепенно приобретая известность. «В последнее время Дмитрию столько похвал, — писала его жена П. С. Стасова 30 октября 1865 г. (за полгода до введения новых судебных положений), — сенаторы вдрут объявляют секретарям и обер-секретарям, что когда Стасов должен

³⁷¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 16 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

³⁷² ГИА СПб. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

³⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 389. Л. 5.

³⁷⁴ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

³⁷⁵ История русской адвокатуры. Т. 1. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство. М., 1914; 2-е изд. М., 1997. С. 54.

³⁷⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 46.

защищать дело, то чтобы им немедленно давали прочитывать дела, а то ведь с ним беда <...> Лестной он пользуется репутацией». ³⁷⁷

Знаменитый историк судебной реформы 1864 г. в России А. Ф. Кони со своим обычным художественным мастерством оценивал вынужденную перемену в жизни Дмитрия Васильевича. «Говорят, что люди и драгоценные камни обнаруживают свою истинную стоимость, когда их вынимают из оправы, — писал он в своих мемуарах. — Вынутый из служебной оправы — богатой в смысле дальнейшей карьеры — Стасов отдался практической подготовке к служению правосудию в качестве адвоката, внося в эту подготовительную стадию чистоту своих приемов и благородство своих взглядов». ³⁷⁸ Академик К. К. Арсеньев также отметил, что Стасов «доказал на деле высокую ценность честной и правильной, хотя и стесненной законом, юридической помощи», к тому же «его пример нашел подражателей <...> выдающихся поверенных, достаточно назвать В. П. Гаевского и П. А. Потехина». ³⁷⁹

Интересно отметить, что П. А. Потехин впоследствии решительно отрекся от родства с дореформенными адвокатами, хотя сам же из них вышел. «Мы народились не из них, — заявлял он, — мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди; ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться». ³⁸⁰

Историческое родство и вправду трудно найти, но, говоря словами А. Ф. Кони, «подготовительную стадию» перехода в присяжные поверенные совсем отрицать негоже. ³⁸¹ В. Д. Спасович также отвергал «любую связь» с ходатаями по делам, ³⁸² но в качестве такового сам выступил в свое время вместе с Д. В. Стасовым, когда их объединила защита тверских мировых посредников в дореформенном Сенате.

Выступление тверских мировых посредников зимой 1861/62 г., когда либерально настроенное дворянство подвергло довольно резкой критике условия проведения крестьянской реформы, получило широкое освещение в исторической литературе. ³⁸³ Вместе с тем как таковое «дело тверских дворян» (то есть ход судебного процесса) ³⁸⁴ не нашло отражения в опубликованных источниках и исследованиях, хотя неоднократно и упоминается.

Это известное дело, политическое по своей сути, является классическим примером ведения судопроизводства в дореформенном суде, к тому же оно

³⁷⁷ Там же. Оп. 6. Д. 188. Л. 70.

³⁷⁸ Кони А. Ф. На жизненном пути. С. 418.

³⁷⁹ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 324.

³⁸⁰ Потехин П. А. Орывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. № 47. С. 2220.

³⁸¹ Кони А. Ф. На жизненном пути. С. 418.

³⁸² Спасович В. Д. Застольные речи (1873–1901). Лейпциг, 1903. С. 85.

³⁸³ См.: Корнилов А. А. 1) Общественное движение при Александре II. М., 1909; 2) Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 241–243; Попов И. П. Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974; Чернышев В. Д. Унковский. Жизнь и судьба тверского реформатора. Тверь, 1998. С. 149–152.

³⁸⁴ См.: Легкий Д. М. «Дело тверских мировых посредников» в дореформенном суде // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 95–98.

рассматривалось в его высшей инстанции — Сенате, поэтому стоит остановиться на нем подробней.

Участвовать в этом деле Стасову пришлось менее чем через полгода после отставки в Сенате, что стало, по оценке его близких, первой «интересной и важной для Д<митрия> В<асильевича>»³⁸⁵ защитой в начале его адвокатской карьеры. Дело тверских мировых посредников рассматривалось в дореформенном Сенате со всеми присущими ему атрибутами старого законодательства.

Тогда, по описанию дореволюционного историка судебной реформы А. А. Жижилко, единственной формой защиты могло быть только рукоприкладство, «которое состояло в прочтении записки по делу, в поверке ее с подлинным делом и в письменном изложении в конце ее замечаний на нее с обозначением какой-либо неполноты или неясности (Свод законов. Т. XV. Кн. 2. Ст. 353, 384, 388, 445)».³⁸⁶

Все началось с того, что 12 декабря 1861 г. на губернском съезде мировых посредников в Твери были подвергнуты критике условия проведения крестьянской реформы. Местные власти не отреагировали на этот акт, и тогда на дворянском собрании 1–3 февраля 1862 г. был принят «Всепогоднейший адрес Александру II по поводу положения 19 февраля 1861 г.».³⁸⁷ Важнейшей частью адреса было требование созыва Земского собора выборных всей России, тем самым был фактически поставлен вопрос о создании в стране представительной власти. Александр II не только отклонил адрес тверских дворян, но и отправил на их усмирение генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова.³⁸⁸

Уже через две недели, 15 февраля 1862 г., Стасов известил шурина А. С. Кузнецова (председателя Уголовной судебной палаты в Екатеринославе), что «из Твери прислан адрес, очень хороший и смелый <...> адрес подписан 112 чел.», причем, по его сведениям, сразу же «в Тверь отправлено 10 жандармских полковников с приличным количеством солдат, обер-прокурор Семенов, обер-секретарь Сальков».³⁸⁹

Эти сведения Стасов получил из первых рук, так как решение об этом было принято 13 февраля на совещании у царя, а печатные сообщения о тверских мировых посредниках появились только 21 февраля в «Северной почте».³⁹⁰ «Впрочем, не думаю, — добавил он в этом же письме, — что бы могли арестовать 112 помещиков. Ведь это не то, что 250 студентов <...> хотя, впрочем, бывали примеры, что и не 112 человек бывали арестованы, как, например, 14 декабря».³⁹¹

Опасения Стасова были не напрасны. Когда «5 февраля посредники (из числа бывших на общем собрании съезде дворян) 13 человек вкратце

³⁸⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 26–27 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

³⁸⁶ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

³⁸⁷ Подробнее см.: Корнилов А. А. 1) Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 181–182; 2) Общественное движение при Александре II. С. 113–117; Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 447–449.

³⁸⁸ См.: Чернышев В. Д. Унковский. С. 150–151.

³⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 17 (письмо № 8).

³⁹⁰ См.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 146–147.

³⁹¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 17.

повторили то же, что уже сказано было дворянством 1–3 февраля»,³⁹² правительство велело арестовать именно этих выделявшихся дворян. Власти решили наказать главных, по их разумению, зачинщиков, хотя в заявлении 13 мировых посредников ссылались на решение съезда, подписанное 112 дворянами. «Тверское дворянство в чрезвычайном собрании 1–3 февраля прошением Государю Императору заявлено, — кратко сформулировали мировые посредники: — 1). Несостоятельность закона 19 февраля; 2). Необходимость предоставить крестьянам землю в собственность; 3). Несостоятельность сословных привилегий и 4). Несостоятельность правительства удовлетворить общественным потребностям и указать единственный, неизбежный поэтому путь: Собрание представителей от всего народа без различия сословий».³⁹³

Стасову суждено было принять в этих событиях непосредственное участие, и его знания и умения юриста весьма пригодились в защите либеральных тверских посредников, смелое выступление которых получило широкую известность и общественную поддержку. 22 марта 1862 г. он принимает решение «взять на себя в числе прочих рукоприкладство в Сенате по делу о Тверских мировых посредниках». «Я сначала отказался невольным образом, — сознается защитник в одном из писем А. С. Кузнецову, — потому как знать, пожалуй, за это вышлют из Петербурга <...> при малейшей оппозиции “не в пример другим” — заключат в крепость или сошлют». Влиятельные лица советовали ему «лучше не делать рукоприкладства». «Даже Самарский, — пишет Д. В. Стасов о близком друге, известном впоследствии адвокату, — и тот смотрит на мое рукоприкладство как-то боязливо, чуть ли не останавливает меня».

В конце концов он понял, «что тут умысел другой, — именно желание, чтобы не было вовсе рукоприкладства сделано». Этим самым правительство хотело морально подавить подсудимых и лишить их хоть какой-то общественной поддержки. Рискуя навлечь на себя новые неприятности, в том числе вторичную потерю служебного места, Стасов не поступился совестью и заявил: «Что ж, пускай, займусь чем-нибудь другим <...> я не поддамся под угрозы».³⁹⁴ Корреспондент Стасова, отмечая «равнодушие юридической компании к делу посредников», твердо заявит 6 мая 1862 г.: «Тверское дело меня чрезвычайно интересует, вопрос идет о торжестве законного права».³⁹⁵ Когда арестованные тверские дворяне официально «изъявили желание избрать доверителей Владимира Спасовича, Константина Арсеньева, Дмитрия Стасова, Виктора Гаевского»,³⁹⁶ то ни один из будущих корифеев присяжной адвокатуры не отказался выполнить свой долг.

Общественное мнение было таково, что в данном случае «защита обвиняемых есть как бы обвинение правительства», которое «арестовало мировых

³⁹² Там же (письмо от 31 мая 1862 г.).

³⁹³ Цит. по: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XV. Пг., 1919. С. 73–74.

³⁹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 16–24.

³⁹⁵ Там же. Д. 193 (письмо № 68).

³⁹⁶ РО РНБ. Ф. 727 (коменданта Петропавловской крепости). Д. 47. Л. 1.

посредников как политических преступников». ³⁹⁷ «Но шаг уже сделан, и мы четверо — первые политические защитники в России», ³⁹⁸ — с гордостью заявил 3 июня 1862 г. будущий глава российской адвокатуры Д. В. Стасов. Позднее он так и написал «по поводу записок Шелгунова о студенческой истории», ³⁹⁹ что «первый политический процесс был не Михайлова, а процесс посредников тверских». ⁴⁰⁰ Действительно, по «делу 13 тверских мировых посредников» с обвинением подсудимых в политическом преступлении впервые была допущена защита (в дореформенном суде), хоть и в такой доморощенной форме. «Панин <...> дал знать коменданту, — отвечал Стасов по этому поводу, — что мы допускаемся к рукоприкладству потому, что в Высочайшем указе об отдаче 13 лиц под суд не сказано, что бы им было запрещено рукоприкладство». Министр использовал такую формулировку вместо того, чтобы сказать: «закон позволяет, и потому они допускаются». Возмущенный защитник невольно отозвался о поведении Панина: он «либо дурак, либо подлец». ⁴⁰¹

Сообщая о ходе судебного дела, Стасов писал, что «Сенат хотел уже освободить, написать благоприятный доклад государю, но Панин задержал». ⁴⁰² Заодно с реакционным министром юстиции действовал и министр внутренних дел П. А. Валуев, который сразу предлагал «арестовать главных зачинщиков, доставить их в С.-Петербургскую крепость и предать суду Сената». ⁴⁰³ Так и было сделано в обход закона, несмотря на звания и высокое положение дворянских аристократических фамилий. «Их схватили, посадили в крепость и держат до сих пор по особому Высочайшему повелению — где же тут законность?», ⁴⁰⁴ — писал Д. В. Стасов.

В обвинительном приговоре мировые посредники прямо обвинялись в «составлении и распространении заявления, заключавшего в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства с нарушением судебного порядка». ⁴⁰⁵ Кроме этого, защитникам необходимо было опровергнуть ряд суровых обвинений. В своей записке-рукоприкладстве Д. В. Стасов (по оценке одного из историков судебной реформы профессора А. А. Жижиленко) «дал прекрасный разбор тех статей уложения о наказаниях, по которым привлечены мировые посредники, доказывая, что состава преступления, указанного в этих статьях, в их действиях усмотреть нельзя». ⁴⁰⁶ «Рукоприкладство Д. В. Стасова на имя Правительственного Сената за тверских представителей дворянства Корчевского уезда Балкашина С. М.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Там же. Д. 181 (письмо от 3 июня 1862 г.).

³⁹⁹ См.: Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Русская мысль. 1885. № 10, 11; 1886. № 1.

⁴⁰⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 360. Л. 1. Стасов начал писать воспоминания об этом деле.

⁴⁰¹ Там же. Д. 181 (письмо от 3 июня 1862 г.).

⁴⁰² Там же (письмо от 31 мая 1862 г.).

⁴⁰³ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 146.

⁴⁰⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 181 (письмо от 31 марта 1862 г.).

⁴⁰⁵ РО РНБ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

⁴⁰⁶ Там же.

и Новоторжского мирового посредника Кудрявцева В. Н.»⁴⁰⁷ было подано 11 августа 1862 г., на чем необходимо остановиться подробнее.

В ответ на, казалось бы, тягчайшее обвинение в «составлении и распространении заявления, заключающего в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства...» защитник в начале своего рукоприкладства заметил с долей иронии, что «за неимением в деле вполне сформулированного обвинения» придется рассмотреть заявления мировых посредников и обстоятельства их принятия. «Заявление убеждения и то не во всеобщее сведение..., — тонко подмечает уязвимые места приговора сам пострадавший за общественную деятельность и лишившийся места обер-секретаря Сената Д. В. Стасов, — не есть нарушение служебной обязанности», ибо «само правительство объявило о необходимости иметь для мировых учреждений <...> людей, имеющих собственное убеждение, следовательно, и высказывающих его».⁴⁰⁸

Намного труднее было не столько защитить, сколько попытаться объяснить вывод мировых посредников о «несостоятельности закона 19 февраля», «несостоятельности правительства», о необходимости созыва «Собрания представителей от всего народа без различия сословий». Ему пришлось немало потрудиться, чтобы доказать отсутствие «преступных замыслов» в действиях подзащитных.

«Вероятно, сжатость выражений была причиной, что за него не вполне ясно представлялась суть дела, — рассуждает он далее. — Выражением “несостоятельность” законоположения 19 февраля было желание выразить его неудобоприменимость, невозможность прийти к желательным результатам — конечному освобождению крестьян. Точно так условно и выражение “несостоятельность правительства” получает свой настоящий смысл и значение только в связи со всем, что высказано в протоколе 1–3 февраля и всеподданнейшем прошении.⁴⁰⁹ Сначала тверское дворянство, а потом мировые посредники высказали, что при всей готовности правительства произвести реформы ему невозможно действовать одному, одно оно сделать этого не в состоянии». Завершая свои умозаключения, Стасов здесь же смело добавляет, что «высказана мысль весьма обыкновенная и повсюду распространенная, сознаваемая у нас и правительственными лицами».⁴¹⁰

Кроме сухих протокольных обвинений против подзащитных Стасова имелись и другие веские улики, услужливо предоставленные жандармским штаб-офицером Симановским, что следствие предпочитало не афишировать. В его частном донесении «О чрезвычайном собрании дворянства Тверской губернии» (с пометкой — «доложено его величеству 13 февраля») сообщалось:

⁴⁰⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 374. Л. 1–9. Этот важный документ оказался вне поля зрения историков. Другие материалы по этому делу были опубликованы А. И. Герценом, М. К. Лемке, П. Б. Струве. См.: Освобождение / Ред. П. Струве. Кн. 1. Штутгарт, 1903; Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. XV. Пг., 1919. С. 73–74.

⁴⁰⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 374. Л. 1.

⁴⁰⁹ Имеется в виду документ, который подписали 9 уездных предводителей и 103 депутата во главе с губернскими предводителями дворянства.

⁴¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 374. Л. 2.

«...Кудрявцев в сильной своей речи сказал, между прочим, что он знает, что каждое его слово завтра же будет известно в Петербурге, но не только не боится, а желает этого; ему же приписывают упрек правительству, будто бы оно наказывает розгами, а потом берет подписку хранить это в тайне». «Балкашину, — говорится далее в доносе, — относят предложение: вместе с отправлением всеподданнейшего прошения распространить его в народе и присовокупить об этом в самом прошении». ⁴¹¹ Это намерение не было осуществлено, но стало одним из пунктов судебного обвинения, легко опровергнутого Стасовым ввиду отсутствия факта распространения воззвания.

Досконально рассмотрев все варианты «в обвинении их в чем-либо противозаконном», автор рукоприкладства постепенно и весьма умело подводит сенаторов к тому, что «когда не доказано ни факта преступления, ни самого умысла совершить оное, то разрушается и самое обвинение». «Смею надеяться, — смело заявлял в рукоприкладстве защитник, — что и Кудрявцев и Балкашин <...> будут освобождены от суда и признаны вполне невинными». ⁴¹²

К такому выводу Стасов пришел в результате не только дотошной канцелярской работы, но и длительных бесед «с разрешения Суворова <...> в крепости у коменданта на квартире» со своими подзащитными. Интересно, что в период подготовки защиты с 22 марта по 30 мая защитник их «не знал и не видал», но до вынесения приговора в августе 1862 г. близко сошелся с арестованными тверскими дворянами и остался о них самого высокого мнения.

В письмах за время суда Д. В. Стасов дал своим подзащитным весьма лестную характеристику: «Один из них человек моих лет: Балкашин (предводитель Корчевского уезда), другой, старик Кудрявцев, — посредник Новоторжский. Оба умные люди, особенно последний, — пишет он 31 мая 1862 г. своему коллеге А. С. Кузнецову. — Хорошо говорит, знает отлично положения 19 февраля и вообще законы прямо наизусть статьями. Человек весьма решительный и энергичный, но в пределах законности». ⁴¹³ Находясь пять месяцев в тюремной крепости для государственных преступников, они, по свидетельству защитника, вели себя самым достойным образом: «Оба, и Балкашин, и Кудрявцев, совершенно спокойны, но возмущены внутренне, сдержанно, как люди невинные и бесправно заключенные». ⁴¹⁴

Министр внутренних дел П. А. Валуев, который сразу предлагал «арестовать главных зачинщиков и предать суду Сената», отметил в своем дневнике, что «Бакунин и другие, решившись на сделанный ими шаг, вероятно, приготовились и к последствиям оно». ⁴¹⁵ Стасов не менее восторженно отзывался как о братьях А. А. и Н. А. Бакуниных, привлеченных по тверскому делу, так и ранее о М. А. Бакуanine (брате тверских посредников, будущем идеологе анархизма), сосланном в Сибирь. «Одного из них я знаю (это брат сослан-

⁴¹¹ Цит. по: *Попов И. П.* Тверское выступление 1862 г. ... С. 258–259.

⁴¹² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 374. Л. 3.

⁴¹³ Там же. Оп. 6. Д. 181 (письмо А. С. Кузнецову от 31 мая 1862 г.).

⁴¹⁴ Там же (письмо от 3 июня 1862 г.).

⁴¹⁵ *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 146.

ного), — пишет он своему единомышленнику, — это один из умнейших и образованнейших русских людей. Все братья получили философское образование, какого я ни в ком из русских до сих пор не встречал: это еще остатки 30-х годов». ⁴¹⁶

Другие защитники тверских посредников так же тепло отзывались о подсудимых. К. К. Арсеньев в дневнике так описал одного из них — А. Неведомского: «Очень приятное и умное лицо, судя по ответам его, он один из умнейших между подсудимыми». ⁴¹⁷ Надо отметить, что прогрессивно настроенное тверское дворянство, нередко выступавшее в оппозиции к самодержавию, дало в то время России ряд видных государственных и общественных деятелей.

В отношении своих подзащитных Д. В. Стасов полагал, «что они совершенно невинны и правы», потому как «вся их деятельность клонится к тому, чтобы крестьяне были с землей». В то время он был почти уверен: «их не выпустят даром, а присудят, пожалуй, к чему-нибудь, судя по тому, что делается вообще у нас в области правосудия». ⁴¹⁸ Прекрасно зная всю подноготную старого суда и настроение в высших кругах, он был недалек от истины.

После пятимесячного заключения в Петропавловской крепости мировые посредники Тверской губернии были приговорены Сенатом к заключению в смирительном доме на сроки от двух и более лет и к лишению некоторых прав, в том числе участия в выборах. Только благодаря заступничеству петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова им не пришлось находиться в смирительном доме, но в правах некоторые из них (братья Бакунины) так и не были восстановлены до самой смерти. ⁴¹⁹

У современников все же осталось впечатление, что защита сделала все возможное для благополучного исхода дела. Так, по истечении многих лет жена адвоката П. С. Стасова в своих воспоминаниях сделала восторженный вывод, что в тверском деле «защита кончилась блистательно полным оправданием этих представителей интересов крестьянства». ⁴²⁰

Результаты тверского дела не вызвали большого общественного резонанса. Только герценовский «Колокол» с болью и гневом отозвался об аресте мировых посредников и тверское дворянство последовательно выступило с очередным обращением, «что заключены люди достойные всякого уважения». ⁴²¹ Титанические усилия героев-одиночек, таких как В. В. Берви-Флеровский, который рассылал протесты, начиная с предводителей дворянства в губерниях, английского посланника и вплоть до «Колокола» Герцена, ⁴²² были гласом вопиющего в пустыне, к тому же предельно наказуемым.

⁴¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181 (письмо от 22 февраля 1862 г.).

⁴¹⁷ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20. Л. 38. К сожалению, его записки за 1861–1864 гг. в ряде мест оказались вымараны или вырезаны.

⁴¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181 (письмо от 3 июня 1862 г.).

⁴¹⁹ См.: Корнилов А. А. 1) Общественное движение при Александре II. С. 117–118; 2) Курс истории России XIX века. С. 243.

⁴²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 23.

⁴²¹ РО РНБ. Ф. 727. Д. 46. Л. 1.

⁴²² См.: Колокол. Т. 5. М., 1962. Л. 130 (22 апреля 1864 г.).

Роль мировых посредников после провозглашения Манифеста 19 февраля 1861 г. была довольно значительной, что интересовало русское общество и должно было найти отражение не только в Вольной русской печати. Об этом свидетельствует обращение к Д. В. Стасову 9 ноября 1861 г. от имени редакции журнала «Русское слово» известного публициста, редактора Г. Е. Благосветлова «с предложением составить для журнала статью о мировых посредниках». ⁴²³ Интересно, что буквально через два месяца Стасову придется как ходатаю по делам выступить в защиту арестованных тверских мировых посредников, о чем начал писать затем статью-воспоминание, ⁴²⁴ но так и не закончил.

На личном опыте познав, какое «это было правосудие, точнее кривосудие», Стасов пришел к «убеждению, что так продолжаться не может», поэтому бывший обер-секретарь Сената приложил «все нравственные и умственные силы» ⁴²⁵ для подготовки и претворения в жизнь судебной реформы. Некоторые подробности в описании состояния дореформенного судопроизводства, деятельности старого Сената (особенно в «Деле тверских мировых посредников»), обличение пороков «неправедного суда» в юридической журналистике позволяют более отчетливо увидеть преимущества нового гласного суда, когда на смену безмолвным и бесправным стряпчим, ходатаям по делам, пришло «свободное, самоуправляющееся сословие адвокатов». ⁴²⁶

Участие Д. В. Стасова в судебных преобразованиях в России оказалось весьма плодотворным на протяжении целой эпохи, что выразилось в самых разнообразных формах. Во время первого заграничного путешествия он непосредственно ознакомился с постановкой и ведением судебного дела в Германии, Франции, Италии (здесь ему пригодилось знание четырех иностранных языков). Во время длительной поездки по европейским городам (с июня по октябрь 1859 г.) он активно посещал вместе с К. Д. Кавелиным, М. Н. Катковым, В. Д. Спасовичем суды различных инстанций (особо его интересовали судебные политические процессы), знакомился с видными зарубежными юристами, и все это находило отражение в его заграничном дневнике и письмах к родным.

Ознакомившись с европейским опытом, Д. В. Стасов, по возвращении в Россию, принимает деятельное участие в подготовке предстоящей судебной реформы, начав с организации правоведческого общества. Волна общественного подъема в конце 1850-х гг. привела к созданию молодыми юристами ряда правоведческих обществ. До начала царствования Александра II юридические общества в России, по словам А. Ф. Кони, были немислимы. Но когда на очередь встал вопрос обновления российского суда, то «еще недавно не нужные юридические собрания сделались вполне понятными и возможными». С целью теоретического и практического изучения правовых вопросов в Петербурге образуется ряд юридических кружков, один из которых «группируется

⁴²³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 73. Л. 1.

⁴²⁴ См.: Там же. Д. 360.

⁴²⁵ Там же. Д. 389. Л. 3.

⁴²⁶ *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. С. 15.

благодаря энергии Д. В. Стасова». ⁴²⁷ Непосредственный участник этого общества К. К. Арсеньев в ответ на статьи А. Ф. Кони уточнил, что гораздо раньше всех, еще в ноябре 1859 г., «образовался первый кружок молодых юристов <...> послуживший исходной точкой для позднейших однородных организаций». ⁴²⁸

Некоторые советские историки, встретив в источниках название «колокольные собрания», увидели в этом отсылку к герценовскому журналу «Колокол» и в стасовский кружок молодых юристов включили создателя судебной реформы С. И. Зарудного (к тому же инициалы видного юриста привели неточно). ⁴²⁹ На самом же деле, по свидетельству современников, заседания этого общества назывались «в насмешку колокольными собраниями, так как председатель звонил во время прений, как это всегда делается». ⁴³⁰ «Д<митрий> В<асильевич> звонил в колокольчик, — вспоминает его жена о собраниях юридического кружка, — и мы, т. е. я, две мои подруги сестры Мария и Ольга Шакеевы, прозвали эти собрания колокольными». ⁴³¹

«Устроился этот кружок, — отмечал в одной из своих юридических речей Стасов, — именно с целью приготовления будущих деятелей на новом судебном поприще, тогда же некоторые из нас задавались целью поступить кто на прокурорское, кто на адвокатское, кто на судейское поприще». ⁴³²

По словам К. К. Арсеньева, их организатор «соединял в себе все условия для правильной постановки и успешного ведения нового дела, он не только взял на себя инициативу устройства этого кружка, но и сумел сплотить его участников в одно целое, всем внушая одинаковое расположение и доверие». ⁴³³ Именно по воспоминаниям, дневнику, автобиографии К. К. Арсеньева и по его письмам к Д. В. Стасову можно узнать подробности о зарождении этого общества юристов, о содержании его деятельности.

Кроме Д. В. Стасова и К. К. Арсеньева в первоначальный состав кружка вошли будущие сенаторы Д. Б. Бер, П. О. Тизенгаузен и видный впоследствии адвокат В. В. Самарский-Быховец, на квартире которого 10 ноября 1859 г. и состоялось первое собрание кружка. Этот день стал для его членов исторической датой, торжественно отмечаемой каждый год.

В апреле 1860 г. состоялось юридическое собрание, на котором Арсеньев «сделал характеристику общества, то есть с распределением по месту службы». «Оказалось, — записал он в дневнике, — что из Сената у нас только 6 человек: 3 обер-секретаря, Стасов, Самарский и Миллер, и 3 секретаря: Дешп, Кузнецов и Рытоков, с консультации 3: старший юрист-консульт

⁴²⁷ Кони А. Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 296.

⁴²⁸ Арсеньев К. К. 1) Воспоминания о времени введения Судебных уставов // Право. 1899. № 48. С. 2278; 2) Из воспоминаний // Право. 1902. № 3. С. 115.

⁴²⁹ См.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. С. 65–68.

⁴³⁰ См.: Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / Под ред. В. Каренина (В. Д. Комаровой). С. 274.

⁴³¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 7 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁴³² Там же. Оп. 4. Д. 389. Л. 4.

⁴³³ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 323.

Дервиз, юрист-консульт Бер и помощник Книрим, из Департамента министерства один редактор я и 5 столоначальников: Мордвинов, Юренев, Раевский, Шамшин и Сабуров». ⁴³⁴

Постепенно в «кружок из приятелей-юристов» (как назвал его Д. В. Стасов) начали входить другие молодые служащие, чиновники, которые впоследствии заняли видные места на судебной и государственной службе: А. А. Половцов стал государственным секретарем, А. А. Сабуров — министром просвещения, Н. Е. Андреевский — костромским губернатором, А. С. Кузнецов — председателем Екатеринославской судебной палаты, А. А. Книрим — председателем петербургского коммерческого суда, И. И. Шамшин — сенатором, членом «Верховной распорядительной комиссии», А. М. Троицкий — первым редактором «Журнала Министерства юстиции» и т. д. За время десятилетнего существования стасовского кружка в нем «перебывало не менее 45 человек». ⁴³⁵ Известные профессора-юристы В. Д. Спасович, К. Д. Кавелин, Б. И. Утин и создатель судебной реформы С. И. Зарудный, формально не входившие в состав этого общества, нередко посещали его заседания.

Чем же стасовский кружок с 1859 г. привлекал славные впоследствии судебные имена? «Для меня да и для других постоянных участников кружка он имел очень большое значение, — вспоминал К. К. Арсеньев много лет спустя, — не только развивая навыки в высшей степени важные для будущих судебных деятелей, но возбуждая, поддерживая интерес к целой области знаний». ⁴³⁶

Другой активный его участник, А. С. Кузнецов, писал 10 октября 1861 г. Д. В. Стасову: «Наш юридический кружок, если и не достигнет своей цели дать несколько хороших адвокатов, уж тем хорош, что он кружок умных, а главное благородных людей». ⁴³⁷ Неудивительно, что именно члены этого общества не побоялись первыми поставить свои подписи в петиции царю в защиту арестованных студентов осенью 1861 г.

Из сохранившихся в стасовском фонде протоколов юридического кружка, относящихся к 1860–1864 г. ⁴³⁸ (другая их часть из архива К. К. Арсеньева безвозвратно утеряна), отчетливо видно, чем и как он занимался. На их основе профессор А. А. Жижиленко, работая над историей судебной реформы 1864 г., тщательно проследил деятельность стасовского кружка.

Судя по этим протоколам, каждое заседание кружка посвящалось сначала разбору какого-нибудь законопроекта, а затем ставились практические вопросы о применении отдельных частей уголовных или гражданских законов к тем или иным случаям жизни. В протоколах подробно указаны все мнения, высказанные отдельными членами кружка по тем или иным вопросам. Для Стасова здесь характерно то, что на страницах, писанных его рукою, мнения, им высказанные, излагаются обычно очень кратко, тогда как в протоколах, которые вели другие участники, его суждения приводятся значительно подробнее.

⁴³⁴ РГАЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 389. Л. 3.

⁴³⁵ Арсеньев К. К. Из воспоминаний. С. 117–118.

⁴³⁶ Там же. С. 115.

⁴³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 192. Л. 65.

⁴³⁸ См.: Там же. Д. 352.

Ему постоянно принадлежала инициатива возбуждения целого ряда важных вопросов (например, о роли земств и особенно адвокатуры), которые затем разрешались всеми присутствующими.⁴³⁹ «Невозможно было не поднять вопрос об адвокатуре, — говорил Д. В. Стасов, — никакой правильный суд невозможен без адвокатов, вопрос этот напрашивался сам собою, сделался неизбежен...».⁴⁴⁰

Большая группа молодых юристов, втянутых в сферу влияния Дмитрия Васильевича, с восторгом отзывались о его роли в кружке. «Как он умеет всех воодушевить, пробудить мысль, навести на объяснение делового факта, осветить его новым светом...»,⁴⁴¹ — говорил А. С. Кузнецов своей сестре — невесте Д. В. Стасова.

Другие члены кружка, как тот же Арсеньев, признавали, что Стасов во всех занятиях играл самую деятельную роль, обладая всеми качествами выдающегося дебатера — быстротою сообщения, находчивостью, умением отличать существенное от несущественного, раскрывать противоречия, переходить от обороны к наступлению, твердо и всесторонне обосновать окончательный вывод. Причем, помогая другим, «он вырабатывал в себе те свойства, которые выдвинули его в первые ряды будущей адвокатуры».⁴⁴² Будучи уже членом Государственного совета, академиком, К. К. Арсеньев, посылая Стасову автобиографию, признавал: «В области общественной никто в мои молодые годы не оказал на меня большего влияния, чем Вы».⁴⁴³

В дневнике К. К. Арсеньева почти еженедельно встречаются такие записи: «1869 г. 28.04. Был у Стасова, у которого с 7 до 1 проходило 20-е юридическое собрание под строгим председательством Бера. Докладывали Стасов и Книрим. Заседание было одним из самых интересных, особенно диспут...».⁴⁴⁴

П. С. Стасова также в своих воспоминаниях пишет, что ее муж «назначал еженедельные у себя собрания для разбора и доклада разных юридических дел и вопросов» и чаще всех, по ее мнению, председательствовал на этих собраниях.⁴⁴⁵ Арсеньев в одном из писем к нему уточняет: «Председательствовали мы сначала по очереди, потом стали ежегодно выбирать председателей (сколько помнится, 4 или 5)».⁴⁴⁶

По воспоминаниям почетного академика, заседания кружка вообще отличались большой оживленностью, его членам представлялась широкая возможность «учиться судопроизведению, устраивая правильные дебаты по юридическим вопросам или по делам, извлеченным из русской или иностранной судебной практики».⁴⁴⁷ В примерных процессах обычно два члена кружка выступали в качестве соперничающих сторон по какому-нибудь граждан-

⁴³⁹ См.: РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 3 11.

⁴⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 389. Л. 4.

⁴⁴¹ Цит. по: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых... С. 438.

⁴⁴² *Троицкий Н. А.* К биографии Д. В. Стасова. С. 323.

⁴⁴³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 57. Л. 50.

⁴⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.

⁴⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 7.

⁴⁴⁶ Там же. Оп. 4. Д. 56. Л. 22 (письмо от 12 октября 1915 г.).

⁴⁴⁷ *Арсеньев К. К.* Воспоминания о времени введения Судебных уставов. С. 2278.

скому или уголовному делу, третий резюмировал прения и ставил вопросы, в возбуждении и разрешении которых участвовали все остальные.⁴⁴⁸ В итоге работа кружка получалась очень продуктивной.

Так, в начале 1860 г. по аналогии с заседанием в одном из французских провинциальных судов «по делу г-жи Жефосс, благодаря защитительной речи Беррье», в юридическом кружке обвинителем выступил К. К. Арсеньев, а «защитником ее явился Д. В. Стасов, и русское жюри последовало примеру французского, т. е. склонилось к оправданию обвиняемой». В фундаментальной «Истории русской адвокатуры» впоследствии было приведено мнение участников стасовского юридического общества, которое раскрывает его главную задачу: «Не подлежит никакому сомнению, что все эти фиктивные обвинения, защиты, председательские резюме сослужили немалую службу тем из нас, которым суждено было приложить руку в той или иной роли к осуществлению судебной реформы».⁴⁴⁹

* * *

Автор книги «Отцы и дети судебной реформы» А. Ф. Кони, говоря о роли Д. В. Стасова, не случайно указал, что «в этом кружке при его деятельном руководстве еще за несколько лет до введения судебных уставов разрабатывались вопросы об условиях, задачах и приемах отправления правосудия в будущем».⁴⁵⁰ К. П. Победоносцев, принимавший тогда участие в подготовке судебной реформы, с восторгом писал Д. В. Стасову в 1860 г. по поводу деятельности кружка: «...поистине, это такое доброе семя, из которого великое дерево может вырасти <...> радуешься, когда распознаешь что-нибудь дельное, положительное среди диких фантазмагорий».⁴⁵¹

Профессор А. А. Жижиленко (уже в советское время) дал стасовскому обществу самую высокую оценку. «В истории нашей судебной реформы, — указывал он в своем докладе 1928 г., — несомненно, этот кружок, созданный по инициативе Д. В. Стасова и главным образом им руководимый, сыграл крупную роль, дав практическую и теоретическую подготовку нашим видным судебным деятелям».⁴⁵²

Советские историки впоследствии так же справедливо отметили деятельность кружка молодых чиновников-юристов, которые «в условиях глубокого кризиса крепостничества и коррупции по собственной инициативе стали разрабатывать и обсуждать проекты решительного изменения существующей судебно-правовой системы».⁴⁵³

Об этой важной роли данного юридического общества скромно сообщает сам Д. В. Стасов. По его словам, «стоя в близких сношениях с людьми,

⁴⁴⁸ Арсеньев К. К. Из воспоминаний. С. 116.

⁴⁴⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 116.

⁴⁵⁰ Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова // Биржевые ведомости. 1918. 14 мая.

⁴⁵¹ Цит. по: Комарова В. Д. Из стасовского архива. С. 275.

⁴⁵² РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 18. Ср.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 59.

⁴⁵³ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 72.

заправлявшими и направлявшими судебную реформу в своем кружке, по мере сил, разрабатывали разные вопросы и передавали и сообщали частным образом тем, которые вели дело в официальных сферах». ⁴⁵⁴ Уже одним этим заседания кружка молодых юристов оказывали немалое влияние на составление судебных проектов. Вспоминая о роли подобных обществ уже будучи академиком, К. К. Арсеньев сделал многозначительный вывод, что «они исполнили свою задачу и могут занять по праву небольшое местечко в летописях судебной реформы». ⁴⁵⁵

1.2.2. Забытый автор Судебных уставов 1864 г.

В 1914–1916 гг. в России, несмотря на самые трудные времена, связанные с участием в мировой войне, не забыли о юбилее судебной реформы 1864 г., отметив заслуги ее «отцов и детей». ⁴⁵⁶

Рассматривая различные проекты Судебных уставов и роль «Государственной Канцелярии и прикомандированных к ней юристов», маститые судебные деятели отмечали, что «все эти труды были выполнены под главным руководством Государственного секретаря В. П. Буткова и его ближайшего сотрудника С. И. Зарудного, при участии Н. А. Буцковского, А. Н. Вилинбахова <...> К. П. Победоносцева, Д. А. Ровинского, Н. И. Стояновского и С. П. Шубина». ⁴⁵⁷ Неприметное многоточие дореволюционного ученого указывает и на других участников судебных преобразований. Современные исследователи проблем суда в пореформенной России авторитетно замечают, что «как опубликованные, так и содержащиеся в архивных хранилищах источники <...> позволяют установить авторов-разработчиков каждого законопроекта». ⁴⁵⁸

Степень и форма участия в законотворчестве каждого из них была разной, тот же К. П. Победоносцев, по мнению дореволюционных юристов, «не был приглашен к непосредственному участию в работах по преобразованию судебной части, а лишь давал свои отзывы на вырабатываемые проекты». ⁴⁵⁹ Тем не менее справедливо было бы указать не только на его превращение в яростного противника суда присяжных и адвокатуры в России, так как в «эпоху великих реформ» он все-таки признавал их необходимость. Оценивая «преобразовательное движение», получившее широкое развитие в XIX в. «как во многих отношениях благодетельное», идеолог самодержавия в то же время рекомендовал не смешивать каждое преобразование со словом «улучшение». ⁴⁶⁰

⁴⁵⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 389. Л. 5.

⁴⁵⁵ Арсеньев К. К. Из воспоминаний. С. 123.

⁴⁵⁶ См.: Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. К 50-летию Судебных уставов. 1864–1914. М., 1914.

⁴⁵⁷ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. Цит. по: Хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. М., 1999. С. 38.

⁴⁵⁸ Немытина М. В. Суд в России... С. 44.

⁴⁵⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 37.

⁴⁶⁰ Цит. по: Степанов Ю. Г. Ober-прокурор и его противники // Освободительное движение в России. Вып. 20. С. 167.

В настоящее время выясняется, что, наряду с широко известными «отцами судебной реформы», ее создателем, по крайней мере одним из авторов Судебных уставов 1864 г., был не кто иной, как Дмитрий Васильевич Стасов, обер-секретарь старого Сената, а затем стряпчий, «ходатай, имевший хождение по делам» в дореформенном суде. Его участие в разработке судебных проектов, секретных для того времени, осталось неизвестным как в «эпоху великих реформ», так и в годы современных судебных преобразований.⁴⁶¹

После смерти Д. В. Стасова в мае 1918 г. в семейном архиве, переданном его женой П. С. Стасовой в Пушкинский Дом, были обнаружены его замечания к «Проекту положения о судостроительстве», изменения, сделанные на полях «Проекта Устава гражданского судопроизводства», письма к нему творца судебных преобразований в России С. И. Зарудного. Кроме этого, историки и юристы располагали в то время утраченными впоследствии томами «Материалов судебной реформы» с пометками на полях руководителя судебной реформы, указывающих на авторство еще одного, неизвестного ее создателя.

Сведения об этих важных открытиях прозвучали на торжественных собраниях, посвященных памяти Д. В. Стасова в 1918 и 1928 гг., в речах бывшего министра юстиции Временного правительства, руководителя Комиссии по пересмотру Судебных уставов 1864 г. А. С. Зарудного, дореволюционного историка судебной реформы А. А. Жижиленко, отразились в дневнике видного судебного деятеля, публициста К. К. Арсеньева. В конечном счете как сами документы, так и их оценка видными дореволюционными юристами и учеными были преданы гласности, оценены по достоинству, но так и не были опубликованы и оказались вне поля зрения историков.

На основании всех этих материалов можно выяснить мотивы, которыми руководствовались «отцы и дети судебной реформы», осветить неизвестные страницы в ее подготовке, выявив, в том числе, имена забытых авторов Судебных уставов 1864 г.; проследить ход составления и обсуждения проектов судебных уставов, показать накал борьбы различных направлений в высших сферах государственной власти вокруг этого вопроса.

Благодаря серьезной подготовительной работе в юридическом кружке Д. В. Стасов смог, по словам его дочери В. Д. Комаровой, «принять самое деятельное участие в обсуждении и редактировании первоначального проекта уставов». При этом она с горечью добавляла, что данный «факт <...> до сих пор совершенно почти никому неизвестный или даже тщательно замалчиваемый писавшими о деятелях судебных реформ»,⁴⁶² доказуем материалами стасовского фонда.

Руководитель Комиссии по пересмотру Судебных уставов 1864 г. А. С. Зарудный закономерно считал, что создание судебных уставов на первом этапе производилось исключительно бюрократическим путем. Уступая общественному движению, высшая власть решила внести некоторые изменения и улучшения в судебное дело, но изменения эти были чрезвычайно скромными,

⁴⁶¹ См.: *Легкий Д. М.* Дмитрий Васильевич Стасов — забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // *Правоведение. Известия вузов.* 2002. № 3. С. 201–217.

⁴⁶² *Комарова В. Д.* Из стасовского архива. С. 274.

они только несколько улучшили чисто внешним техническим образом старый суд. Серьезной угрозой было, как указывал А. С. Зарудный, что «судебная реформа пройдет в таком несовершенном виде, но в это время общество, в том числе кружок Дмитрия Васильевича, стало предъявлять требования коренным образом изменить и реформировать суд».⁴⁶³

Отправным моментом для подготовки судебной реформы современная академическая наука считает лето 1857 г., когда император повелел представить в Государственный совет проект Устава гражданского судопроизводства с объяснительной запиской от 8 июня начальника II Отделения графа Д. Н. Блудова. Тогда обсуждение затянулось на два года, и данный проект был отклонен, что означало победу либеральных настроений в верхах.⁴⁶⁴ При этом целый ряд замечаний и предложений к проекту Устава гражданского судопроизводства сделал лично Д. В. Стасов по просьбе С. И. Зарудного.

По мнению авторитетных ученых (как современных, так и дореволюционных), это произошло в связи с отстранением в октябре 1861 г. графа Д. Н. Блудова от подготовки судебной реформы, когда ее разработка была передана в Государственную канцелярию, что означало победу сторонников коренного изменения правосудия в России с отказом от «исторических начал».⁴⁶⁵ Во вновь созданную комиссию по подготовке судебной реформы «привлечены были лучшие юридические силы, начиная от сенатора и профессоров и кончая присяжными стряпчими», которые «были не только крупными правоведами, но и широко образованными людьми».⁴⁶⁶

По особому повелению императора рассмотрение проекта было приостановлено и образована комиссия из молодых юристов, которая заново проделала всю работу. По авторитетному мнению Г. А. Джаншиева, с передачей в 1862 г. руководства судебной реформой государственному секретарю В. П. Буткову и его главному помощнику С. И. Зарудному происходит «разительная перемена».⁴⁶⁷ В состав новой комиссии вошли виднейшие юристы: исполняющие должность статс-секретарей Государственного совета С. И. Зарудный (который фактически и возглавлял всю работу) и Н. И. Стояновский, сотрудник Государственной канцелярии А. П. Плавский, обер-секретарь общего собрания московских департаментов Сената К. П. Победоносцев, московский губернский прокурор Д. А. Ровинский.⁴⁶⁸

Д. В. Стасов был в курсе всех подробностей подготовки судебной реформы непосредственно от членов этой комиссии — С. И. Зарудного, К. П. Победоносцева, Д. А. Ровинского, Д. А. Оболенского, Н. И. Стояновского, с которыми он был в дружеских отношениях. На их рассказы о ходе судебной реформы Стасов

⁴⁶³ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2.

⁴⁶⁴ Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 8 / Под ред. Б. В. Виленского. М., 1991. С. 9.

⁴⁶⁵ Коротких М. Г. Социальная сущность судебной реформы 1864 г. в России // Сов. гос. и право. 1985. № 5. С. 131.

⁴⁶⁶ Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. М., 1891. С. 53; Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 5. М., 1968. С. 6.

⁴⁶⁷ Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. М., 1892. С. 218.

⁴⁶⁸ См.: Судебная реформа. С. 11.

постоянно ссылается в своих письмах: «Победоносцев говорит мне», «я писал тебе на основании слов Зарудного», «Стояновский говорил мне на днях», «Оболенский уже несколько времени тому назад говорил мне». ⁴⁶⁹

Влиятельный князь Д. А. Оболенский, за которым стоял великий князь Константин Николаевич, известен своими записками с замечаниями на проекты судебной реформы, когда в 1857 г., после «Высочайшего повеления воспрещалось касаться <...> вопроса об адвокатуре», он настаивал на ведении суда в России «через п о в е р е н н ы х». ⁴⁷⁰

Жаркие дебаты вокруг судебных проектов не только в верхах, но и в обществе подтверждает дневник К. К. Арсеньева, в котором нередко можно встретить такие записи: «1860 г. 8 марта. У Стасова. Только что мы хотели открыть собрание, пришел С. И. Зарудный и остался до 10¾ <...> 11 апреля. Вечером с 9¼ по 1½ был у С. И. Зарудного, где еще были Стояновский, Шубин, Стасов, Бер, Книрим, Дервиз, Хвостов <...> мы все с 10½ до самого конца (не останавливаясь даже за ужином) вели горячий спор о докладе дел. С. И. оказался крайне плох: его поддерживал, и только отчасти, один только Шубин». ⁴⁷¹

Судя по составу участников вечера, здесь происходило как бы объединенное заседание комиссии по подготовке судебной реформы и стасовского кружка юристов. Характерно, что члены не только кружка, но и комиссии занимали более радикальные позиции, чем ее председатель С. И. Зарудный.

После таких дискуссионных вечеров с творцами судебной реформы Стасов в письмах к своему шурину А. С. Кузнецову сообщал подробности подготовки судебных преобразований, в том числе затрагивая интересующий современных исследователей «существенный вопрос борьбы групп и направлений за содержание и форму судебной реформы». ⁴⁷²

Деятельность комиссии по подготовке реформы проходила в очень сложных условиях. В письмах Д. В. Стасова «на основании слов С. И. Зарудного» подробно описывается начальный этап ее работы. «Комиссия (Победоносцев, Ровинский, Буцковский, Зарудный, Стояновский и Плавский) не могла действовать самостоятельно, не могла написать даже критерий записки с разбором мнений и оснований, — пишет 13 января 1862 г. уже бывший обер-секретарь Сената. — Она должна была ограничиться составлением краткой записки из проектов судостроительства и судопроизводства к подтверждению их мнений, разрешили печатать одну записку Буцковского, а других записок не позволяют еще печатать». ⁴⁷³

Несмотря на то что в комиссии были собраны крупнейшие юристы, внесшие большой личный вклад в разработку различных сторон судебных преобразований, принятие окончательных решений затягивалось вследствие

⁴⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181–191. Его корреспондентом был председатель Екатеринбургской судебной палаты А. С. Кузнецов.

⁴⁷⁰ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 38–39.

⁴⁷¹ РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 185.

⁴⁷² См.: Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 7.

⁴⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 4.

неопределенной, уклончивой позиции ее членов. «Бутков (Государственный секретарь. — Д. Л.) не высказывает взгляды определенно, — сообщает Стасов в том же письме от 13 января 1862 г., — не хочет сам высказывать и комиссии не позволяет определенно высказываться. Это факт: Победоносцев один день говорит мне за принятие, а через два дня против, говоря, что сначала согласился для того, чтобы не спорить с Ровинским, потом еще несколько раз переменялся; и другие вовсе не имеют мнений, например Стояновский, Плавский. Так что в настоящее время никак нельзя знать, что из всего этого выйдет: может быть недурно, может быть скверно».⁴⁷⁴

Такая же история повторилась через два года при обсуждении отдельных законопроектов в Государственном совете, о чем с большой досадой пишет Д. В. Стасов 10 мая 1864 г.: «Хороши наши министры: гр. Панин отказался от обсуждения проектов судопроизводства за множеством других занятий! Замятнин в Государственном совете молчит, потому что ничего не понимает и не знает, так что весь проект обсуждался кн. Гагариным — который почти ничего не знает, а Бахтин, который, говорят, очень умен и знает хорошо дело, но часто соглашается с противными мнениями, чтобы не производить разногласия!». Стасов неоднократно отмечал, что «в Государственном совете портят многое из того, что сделала комиссия».⁴⁷⁵

В основном это было связано с тем, что в яростной борьбе за сущность реформы (по авторитетному мнению современного ученого) столкнулись даже не два, а три направления. Первое олицетворял ярый реакционер-крепостник, министр юстиции граф В. Н. Панин, скрытно выступавший против каких-либо изменений. Глава II Отделения С. Е. И. В. канцелярии граф Д. Н. Блудов с многочисленными сторонниками хотел лишь исправить одиночные недостатки старого суда. Выразителем третьего направления стал директор департамента Морского министерства князь Д. А. Оболенский, за которым стоял великий князь Константин Николаевич.⁴⁷⁶

Сторонники двух последних направлений, между которыми и разгорелась основная борьба, все-таки добились того, что «Панин, кажется, окончательно выходит вон». «Это устроилось, — по сведениям Стасова, — вследствие того, что кн. Гагарин и Бутков постоянно твердили теперь государю, что нельзя же иметь во главе Министерства юстиции <...> такого человека, который противник весьма хороших нововведений. Все эти дни шла большая переписка между ним и государем. <...> На его место прочтат многих: Буткова, Замятнина, Оболенского, Философова, Глебова <...> вероятнее всего, будет из двух первых».⁴⁷⁷

Граф Панин, конечно, не исчез с политической арены и в дальнейшем всячески мешал проведению в жизнь судебной реформы, «благодаря глупости и ничтожности министра юстиции», которым, оправдав прогноз Стасова, стал Д. Н. Замятнин. Так, например, Судебные уставы, поступив в 1865 г. «во II Отделение к Панину, там и лежат, потому что Замятнин не хочет напоминать,

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ Там же. Д. 185. Л. 18 (письмо № 114).

⁴⁷⁶ Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа... С. 158.

⁴⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 84 (письмо от 21 октября 1862 г.).

а Панин будет, пожалуй, еще более тянуть, чтоб и доказать, что судебная реформа не нужна!». ⁴⁷⁸ «Страшно и жаль только то, — писал Д. В. Стасов 25 марта 1862 г., — что мы никогда не можем сказать, что вот мы взойшли на прямую дорогу: сегодня так, но однажды завтра Панин». ⁴⁷⁹

Стасов редко ошибался в своих характеристиках и не занимался обывательской худой. Весьма критично, а подчас зло и едко отзываясь о многих царедворцах, министрах, он в то же время высоко оценивал деятельность не только своих близких знакомых — создателей судебной реформы Зарудного, Ровинского, Стояновского, Оболенского, но и царских сановников, если они того заслуживали. «Бутков много делает полезного для этой реформы, — отмечал Стасов, — не будь его, пожалуй, она не пошла бы так хорошо, так же много сделал и князь Гагарин <...> Он убеждал государя об уничтожении Сената и прочее». ⁴⁸⁰

Несмотря на постепенное продвижение в подготовке реформы, ее судьба долгое время оставалась неопределенной и зависела от многих факторов, в том числе от перемещения на высших государственных постах. «У нас опять рождаются надежды на что-нибудь путное, по части судопроизводства и проч., и вот почему, — пишет Стасов 25 марта 1862 г. — Граф Блудов так болен, что <...> теперь на время назначен председателем Государственного совета вел.<икий> князь Константин. Этим воспользовались, и почти все записки уже внесены или вносятся на днях в Совет, а Константин Николаевич, как говорят, так подготовлен, что будет требовать, чтобы была объявлена редакционная комиссия, подобная крестьянской <...> При спорах тут может выйти только хорошее. Разумеется, не будет запрещено спорить по всем предметам печатно (что было запрещено по крестьянскому делу одно время), а тогда мнения Панина погибли. Оболенский уже несколько времени тому назад говорил мне». ⁴⁸¹

Очередные победы реформаторов «константиновской партии» не могли снять у Д. В. Стасова чувства тревоги за судьбу реформы. Так, 13 января 1862 г. он с досадой и одновременно с надеждой восклицал: «Ужасная вещь, все ожидать от случая! Авось и выйдет что хорошее, с помощью русского Бога». ⁴⁸²

Подобные критические оценки пессимистического характера непосредственного очевидца событий подтверждаются серьезными научными изысканиями современных историков общественного движения и судебной реформы 1864 г. в России. По их мнению, таким же образом лавировали многие высшие сановники, как, например, государственный секретарь В. П. Бутков, который прежде чем активно действовать, всегда стремился «узнать, кто самый сильный в настоящем случае, то есть чье мнение разделяет государь, дабы действовать в пользу оного». ⁴⁸³ Видные исследователи справедливо опровергают монолитность правящего «реакционного лагеря» и стали уделять больше

⁴⁷⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 188. Л. 28 (письмо от 4 ноября 1865 г.).

⁴⁷⁹ Там же. Д. 181. Л. 32.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 84 (письмо от 21 октября 1862 г.).

⁴⁸¹ Там же. Л. 32.

⁴⁸² Там же. Л. 4 (письмо от 13 января 1862 г.).

⁴⁸³ Цит. по: *Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа... С. 93.

внимания «полной противоречий борьбе внутри этого лагеря», обусловившей колебания и зигзаги правительственного курса». ⁴⁸⁴

На деле все решалось «божественной» волей русского царя, от мнения которого или даже сиюминутного желания зависели не только исход всех прений в высших эшелонах власти, но и поведение крупных государственных деятелей (и не одних откровенных марионеток). Д. В. Стасов был очень удивлен, когда «главные начала, в том числе — присяжные», против которых выступали многие влиятельные лица, были приняты «при содействии — Панина». Но ларчик открывался просто. «Сначала Панин высказывался против, теперь же находит, что Ровинский предлагает очень разумные меры, — записывает с изрядной долей сарказма Стасов 17 мая 1862 г. — Эта перемена произошла, как говорят, потому, что Государь будто бы высказался за присяжных». ⁴⁸⁵ Это связано с тем, что при возникновении разногласий в Государственном совете император в ряде случаев утверждал даже мнение меньшинства, политическая окраска которого не играла для Александра II особой роли, лишь бы окончательное решение соответствовало его понятию. Он так и писал в сентябре 1862 г. великому князю Константину: «Поступлю, как всегда, по совести и по лучшему моему разумению». ⁴⁸⁶

Здесь вполне можно согласиться с авторитетным мнением М. Г. Коротких о том, что неправомерно отдавать все лавры «могучей кучке юристов», являвшихся лишь талантливыми исполнителями политических решений, принимаемых в высших сферах. Другое дело, что «взгляды деятелей судебной реформы (да и самого Александра II) существенно эволюционизировали в процессе подготовки судебных преобразований», ⁴⁸⁷ в чем немалая заслуга юристов-практиков, подобных Д. В. Стасову и членам его юридического кружка.

Проанализированная нами переписка (с 1861 по 1866 г.) членов «кружка молодых юристов», послужившая основой для освещения истории «кулуарной подготовки» судебной реформы, попала в свое время в поле зрения III Отделения с первых же писем за слишком откровенные мысли. Прочитируем «крамольные мысли» собеседника Д. В. Стасова председателя Екатеринбургской судебной палаты А. С. Кузнецова из письма, испещренного красными чернилами ретивыми чиновниками во время перлюстрации. «Правильное устройство суда я ставлю наравне со свободой печати, свободой совести, и потому несколько не ниже крестьянского вопроса, — писал А. С. Кузнецов. — Но я думаю, что полная форма суда, то есть полное признание свободы личности, свободы индивидуальной, ограждение этой свободы гарантиями, равно как и всякая другая реформа, заключающаяся в признании человеческих прав, неосуществима до тех пор, пока образованный класс не соединится с народом. Мы еще можем ожидать и в настоящее время сносного уголовного и гражданского судопроизводства, суда равного для всех сословий, но разве

⁴⁸⁴ Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 5.

⁴⁸⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 48.

⁴⁸⁶ Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа... С. 129.

⁴⁸⁷ Там же. С. 137.

можно надеяться на уничтожение всяких специальных судов (например, III отделения) <...> на уничтожение административных распоряжений, по которым человек без доказательств, без улик, “за опасный образ мыслей”, может быть сослан в глушь”.⁴⁸⁸

Оценка таких свобододолюбивых мыслей государственных чиновников (председателя Екатеринославской судебной палаты и статского советника, обер-секретаря Правительствующего Сената), видимо, поступила по назначению, так как именно в это время в отношении Стасова на самом высоком уровне решено было «ограничить взыскание увольнением со службы», но одновременно «учредить за ним надзор». ⁴⁸⁹

Видимо, в запрещении Д. В. Стасову когда-либо поступать на государственную службу наиболее веским аргументом было то, что «Стасовы навлекают на себя основательное подозрение в политической неблагонадежности». ⁴⁹⁰

Д. В. Стасов внес существенный вклад в подготовку судебных преобразований не только «на литературном поприще и в организованном им кружке молодых юристов», что признавал в своей книге о творцах судебной реформы А. Ф. Кони в 1914 г., ⁴⁹¹ но и в проведение законодательной работы, особенно по составлению Судебных уставов 1864 г.

Только после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. бывший руководитель Комиссии по пересмотру Судебных уставов 1864 г. А. С. Зарудный, основываясь на записях своего отца, создателя судебной реформы С. И. Зарудного, в июне 1918 г. публично заявил в докладе о негласном участии Д. В. Стасова в составлении первоначальных проектов этой реформы. «Я знал всегда, что он был прикосновенен к этой работе, — говорил А. С. Зарудный, — но я не знал, что оно было до такой степени велико, как оказалось по этим случайным данным». ⁴⁹²

Эту малоизвестную, но весьма важную страницу в истории судебных преобразований А. С. Зарудный предал гласности только после смерти Д. В. Стасова, уже утратив статус министра юстиции Временного правительства. Тем не менее его авторитетное мнение имело свой вес, когда он открыто заявил, «что целый ряд замечаний, которые легли в основу судебной реформы 1864 г., были внесены по инициативе Дмитрия Васильевича Стасова». ⁴⁹³ В качестве «документальных доказательств» он использовал «один из томов дела судебной реформы». По словам А. С. Зарудного, «благодаря случайно сохранившимся на нем отметкам», сделанным рукою его отца, С. И. Зарудного, была открыта новая страница в летописи судебных преобразований в России. ⁴⁹⁴

⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 3. Д. 2089. Л. 6 (перехваченное письмо было написано 14 ноября 1861 г.).

⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 11.

⁴⁹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 640. Л. 10. Этот вывод будет сделан ровно через двадцать лет Верховной распорядительной комиссией, уже после ликвидации III Отделения, о чем мечтали корреспонденты Стасова в переписке 1861 г.

⁴⁹¹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. С. 284.

⁴⁹² РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁴⁹³ Там же. Л. 2.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 1–5.

Для современных исследователей сведения, приведенные А. С. Зарудным, представляют несомненный интерес, так как из переданного им в 1925 г. в ГПБ личного комплекта «Дела о преобразовании судебной части в России» (с записями на полях С. И. Зарудного) сохранилось, к большому сожалению, только 16 томов. Ученые, специалисты по истории судебной реформы обратили внимание на эту проблему,⁴⁹⁵ а сотрудники библиотеки, сделавшие все возможное для восстановления «Материалов по судебной реформе 1864 г. в России», лишь констатировали тот факт, что «трудно установить причину, по которой от комплекта остались только разрозненные тома».⁴⁹⁶

Утерян в том числе интересующий нас «Свод замечаний на проекты судебных преобразований» с записями С. И. Зарудного об авторстве Д. В. Стасова, на что ссылались в своих рукописях 1920-х гг. А. А. Жижиленко и В. Д. Комарова.⁴⁹⁷ Сохранились только короткие «выписки из экземпляра Замечаний на проект Устава Гражданского судопроизводства и судоустройства»,⁴⁹⁸ принадлежавшего С. И. Зарудному, что подтверждает существование недостающего тома в советский (довоенный) период.

В связи с тем что наиболее важные для нас материалы из коллекции руководителя судебной реформы 1864 г. к настоящему времени утрачены, воспользуемся аргументами А. С. Зарудного, продолжившего дело своего отца. Видимо, не случайно, скорее символично было его назначение в 1917 г. руководителем Комиссии Временного правительства по пересмотру Судебных уставов 1864 г. в России.⁴⁹⁹

В своем глубоко научном докладе он приводит достаточно веские доказательства участия Д. В. Стасова в работе по составлению проектов судебных уставов. Как юрист А. С. Зарудный в первую очередь стал анализировать конкретные замечания и предложения Стасова на различные проекты в ходе подготовки судебной реформы. Так, например, старый проект предполагал, что в каждой губернии будет свой губернский суд, а в каждом уезде — уездный суд. Стасов указал на то, отметил А. С. Зарудный, что «нужно соединить

⁴⁹⁵ См.: *Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа... С. 161; *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 61; *Немытина М. В.* Суд в России. С. 44.

⁴⁹⁶ См.: *Чиряпкина Л. Н., Штейман А. А.* О некоторых итогах работы по воссозданию коллекции материалов по судебной работе 1864 г. в России (в фондах РНБ) // Комплектование и использование книжных фондов крупных универсальных библиотек. Л., 1978. Надо отдать им должное за работу по восстановлению комплекта из различных фондов и библиотек, который был в 1953 г. передан, так и не обработанный, в РЗФ, откуда вернули только часть материалов.

⁴⁹⁷ Сохранившиеся тома из коллекции С. И. Зарудного с массой поправок и предложений на полях руководителя судебной реформы долгое время находились в открытом фонде библиотеки, хотя им место в рукописном отделе РНБ, на что нами было обращено внимание ее руководства.

⁴⁹⁸ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 355. Это подтверждает и подробная опись ставского фонда, составленная дочерью Д. В. Стасова В. Д. Комаровой, сотрудницей Пушкинского Дома в 1920–1930 гг. См.: Там же. Т. 2. С. 40.

⁴⁹⁹ См.: *Варфоломеев Ю. В.* 1) А. С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002; 2) Закон и трепет: Очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006.

несколько губерний и создать одну судебную палату и несколько уездов для создания окружного суда, и слово “судный” заменить на “судебный”». ⁵⁰⁰

Как обратил внимание докладчик, некоторые замечания шли еще дальше. Так, Стасов требовал, чтобы «суд был общий для всех, т. е. то, что только теперь вводится в действие». Бывший обер-секретарь старого Сената также указывал «на невозможность сохранения тогдашнего состава сенаторов, так как большинство не имели юридического образования» и здесь же советовал «создать кассационный суд из просвещенных юристов». Автор речи также отметил «любопытное замечание, которое не было осуществлено на практике»: Стасов считал полезным переход членов Палаты из одного департамента в другой «для поддержания энергии путем разнообразной деятельности». ⁵⁰¹

В прежнем проекте, продолжал А. С. Зарудный, предполагалось, что в департаменте Палаты будут заседатели по выборам: дворянства, городских и сельских обывателей. Здесь Стасов делал категоричный вывод: «Сословные выборы должны быть общими и произведены без различий сословий». Бывший министр юстиции Временного правительства не преминул отметить, что «это замечание Стасова надлежало бы принять нашим законодателям к сведению». Некоторые дела предполагалось оставить подсудными административной власти, например защиту художественной собственности, напоминал А. С. Зарудный, а Стасов требовал, чтобы «эти дела были подсудны судебным учреждениям». ⁵⁰²

Когда в проекте появилось курьезное предложение, «что в летнее время дела судебные будут приостанавливаться», то и здесь ему вполне серьезно приходилось настаивать, что «суд должен работать и летом, не прерывая своей работы». Проект также предполагал, что «высшим кассационным судом будет общий соединенный департамент», так как якобы «большинство департаментов не соответствовали общественному строю судебных учреждений». По напоминанию А. С. Зарудного, именно «следуя идее Стасова, был образован специальный кассационный суд и отвергнуто предложение в проекте об общем соединенном департаменте». ⁵⁰³

В конечном счете из речи бывшего руководителя Комиссии по пересмотру Судебных уставов 1864 г. стало видно, по его же словам, «до какой степени указания Стасова оказались важными, до какой степени они соответствовали тем основным началам судопроизводства и судоустройства, которые вызывались потребностями времени». ⁵⁰⁴ Отметим, что при подготовке к докладу А. С. Зарудный не знал о существовании писем его отца к Д. В. Стасову и собственноручных замечаний последнего на полях проекта судебных уставов, на которые тогда же в своем докладе обратила внимание литературовед В. Д. Комарова, передавшая уже после собрания 1918 г. семейный архив своего отца в Пушкинский Дом.

⁵⁰⁰ РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

⁵⁰¹ Там же. Л. 3.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Там же. Л. 3–4.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 4.

Если А. С. Зарудный только отчасти использовал материалы доставшегося ему по наследству «Дела о преобразовании судебной части в России», то через десять лет профессор А. А. Жижиленко продолжил исследование «по отметкам, сделанным рукою С. И. Зарудного на принадлежавшем ему экземпляре Свода замечаний на проекты судебных преобразований, ныне находящемся в Публичной библиотеке». ⁵⁰⁵ Кроме этого, им тщательно были проанализированы документы личного архива Д. В. Стасова, что позволило в совокупности использовать источниковую базу по рассматриваемому вопросу. Его мнение весьма авторитетно, так как, будучи видным теоретиком-юристом, историком судебной реформы 1864 г. в России, он входил в число авторов незавершенного пятитомного издания об этой реформе. ⁵⁰⁶

Выступая на «торжественном заседании Коллегии защитников 2 и 5 марта 1928 г., посвященном 100-летию со дня рождения Д. В. Стасова», докладчик довольно подробно осветил творческий и жизненный путь главы отечественной адвокатуры. Он выделил заслугу А. С. Зарудного, «впервые отметившего в своей речи, посвященной памяти Д. В. Стасова — негласное участие его в рассмотрении первоначальных проектов судебной реформы». После этого А. А. Жижиленко, так и не отказавшись от традиций дореволюционной исторической школы, дал обстоятельный анализ роли Д. В. Стасова «в той законодательной работе по составлению нового судопроизводства и судопроизводства, которая началась у нас с конца 50-х годов и завершилась изданием Судебных уставов 1864 г.». ⁵⁰⁷

Обращает на себя внимание объективный, взвешенный подход «буржуазного специалиста», публично выступавшего в 1928 г. (накануне сталинского «великого перелома»), к предложениям Д. В. Стасова по совершенствованию Судебных уставов 1864 г. в Российской империи.

Особенно много замечаний, по мнению А. А. Жижиленко, сделано Д. В. Стасовым на проект Устава гражданского судопроизводства по таким пунктам, как «вопрос о доказательствах, об отмене окончательных решений, о жалобах на неправильные действия лиц, к судебному ведомству принадлежащих, и о порядке исполнения решений». Все статьи проекта, отметил профессор, рассмотрены Д. В. Стасовым «очень тщательно и обсуждены с точки зрения как правильности содержащейся в них общей юридической конструкции того или иного процессуального института, так и их жизнеспособности». Действительно, в своих замечаниях Стасов приводит мысль, которая была для него лейтмотивом при оценке всякой законодательной реформы: «Если нужно действительно преобразовывать, то о большей или меньшей

⁵⁰⁵ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 17. Это свидетельствует о существовании к 1928 г. в библиотеке (ныне РНБ) утраченных впоследствии томов из личной коллекции С. И. Зарудного.

⁵⁰⁶ См.: Судебная реформа. Т. 1–2 / Ред. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдов, А. А. Жижиленко, Н. И. Полянский. М., 1915; Жижиленко А. А. Ф. Кони как криминалист // Анатолий Федорович Кони. 1844–1924. Юбилейный сборник. Л., 1925. Данный научный доклад высоко оценен современными историками. См.: Смоллярчук В. И. А. Ф. Кони и его окружение. М., 1990. С. 363–367.

⁵⁰⁷ См.: РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 1–34.

трудности нельзя говорить, а нужно видеть, возможно ли только преобразование». ⁵⁰⁸

В докладе также отмечалось, что из отдельных замечаний будущего главы присяжной адвокатуры, представляющих интерес с точки зрения его общего отношения к судебной реформе, заслуживают внимания следующие его замечания на проект Положения о судоустройстве. Так, Стасов решительно высказывается против сословного характера суда, который «по первоначальному положению все еще не искоренялся из законодательства». В особенности он нападал на сохранение сельских расправ для суда над крестьянами (ст. 8 проекта). «Суд должен быть общим для всех, — указывал Стасов. — Избранный всеми сословиями мировой судья, без всякого сомнения, заслуживает не меньшего доверия, нежели сельские расправы. Чем меньше в законодательстве исключений, ни на чем не основанных, тем лучше». ⁵⁰⁹

Равным образом, продолжал А. А. Жижиленко, автор поправок высказывался принципиально «против заседателей при департаменте палаты, которые по проекту (ст. 12) должны были быть избираемы дворянством, городскими или сельскими обывателями» и представлялись ему излишними, так как «они играют в суде весьма жалкую роль». Отстаивая начало единогласного суда, он также находит, что «если все же заседатели по выборам будут сохранены, то эти выборы должны быть общими без различия сословий с тем, чтобы избираемые лица удовлетворяли известным условиям — окончили курс юридических наук или прослужили известное число лет по судебной части». Наконец, для выборов мировых судей, которые по проекту (ст. 286) должны были избираться дворянством, «Д. В. Стасов требует всесословности, высказываясь при этом за двухстепенность выборов и определенный ценз». ⁵¹⁰

Из других его замечаний интересны, по мнению докладчика, те, которые касаются организации Сената. Как решительный противник сохранения тогдашнего его состава Д. В. Стасов считал необходимым установление для сенаторов ценза. «Каким же образом требовать суда правильного и справедливого от лиц, кои никогда не занимались судебной частью и под конец своего поприща призваны решать дела, — хорошо зная их представителей, отмечал он с большой долей сарказма. — На всех других поприщах требуются специальные сведения и приготовления, в высшем же судебном трибунале, где разрешаются важнейшие дела, касающиеся жизни, чести, состояния — от судей никаких качеств не требуется». ⁵¹¹

В связи с этим он высказывается против «имевшегося в проекте (ст. 122) предположения сделать высшим кассационным судом общее собрание департаментов», находя это «совершенно недопустимым при сохранении старых департаментов Сената». Поэтому, вопреки общепринятому мнению, Стасов стоял «не за назначение, как это предполагалось (ст. 125) и как это было осуществлено в законе (ст. 118 Учр. суд. установ.), а за выбор

⁵⁰⁸ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 17.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 18.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же.

первоприсутствующего сенатора самими членами кассационного суда ежегодно».⁵¹²

Следует также выделить, по мнению профессора, решительную критику Д. В. Стасовым «предполагавшегося (ст. 208) установления должности главного губернского судьи, который должен был иметь надзор за всеми уездными и мировыми судьями». «Одна из причин неудовлетворительности наших судов заключается в том, что ни судьи не самостоятельны и постоянно видят над собой начальствующее лицо, либо высшую инстанцию, которая постановляет исполнять свои постановления, не справляясь, можно ли и полезно ли в известном суде их исполнение, — писал в своих замечаниях Д. В. Стасов. — Суд не есть бюрократическое учреждение, в котором установление ничего не может предпринять без толчка или направления, данного свыше».⁵¹³

В итоге дореволюционный исследователь судебной реформы 1864 г. в России, рассуждая, «насколько взгляды, высказанные Д. В. Стасовым, оказали непосредственное влияние при составлении Судебных уставов», подчеркивает, что «многие из них нашли осуществление в судебных уставах», причем, по его мнению, «важно отметить тот общий прогрессивный дух, которым проникнуты все его замечания».⁵¹⁴

К подробному, тщательному и объективному анализу вклада Д. В. Стасова в разработку Судебных уставов 1864 г., проведенному выдающимися дореволюционными юристами, историками судебной реформы (особенно А. С. Зарудным и А. А. Жижиленко), в настоящее время трудно добавить что-либо новое, существенное.

Можно только отметить, что из 937 статей проекта Гражданского судопроизводства, хранящегося в стасовском фонде, более чем половина статей имеет пометки, сделанные рукой Д. В. Стасова на полях, при этом он не стеснялся подвергать статьи резкой критике. Нередко встречаются не очень-то лестные выражения, как, например: «Совершенно лишняя статья, не заключающая в себе ничего», «Это правило совершенно неосновательно», «повторение в 500 раз одного и того же», «вся эта статья фраза» и т. д. Когда в статье (775) говорилось, что судебное решение «приводится в исполнение на точном основании постановлений», Стасов с иронией замечал: «Значит, в других случаях можно “приводить в исполнение” не на точном основании?». В другом случае, при требовании к крестьянам иметь расписки под угрозой штрафа (ст. 217), он напоминал теоретикам-юристам, что «довольно трудно неграмотным мужикам требовать расписок, которых они прочесть не в состоянии».⁵¹⁵

Как человек с демократическими взглядами, он с изрядной долей сарказма раскритиковал статью (781), по которой «пристав обязан приглашать к сему, по крайней мере, двух, заслуживающих доверия, свидетелей». «Как можно определить, кто это “заслуживающие доверия”? — вопрошал Стасов. — Не лучше постановить <...> чтобы свидетели обязаны быть по очереди все без

⁵¹² Там же. Л. 18–19.

⁵¹³ Там же. Л. 19.

⁵¹⁴ Там же. С. 27.

⁵¹⁵ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 354. Л. 172–195.

различия сословий, и тогда не придется выбирать, а будет это общею личною повинностью. Это значительно упростит порядок производства свидетелей и освободит закон и суд от бесконечного множества формальностей и бестолковых перепонок, а вместе с этим введено помаленьку создание гражданских обязанностей”». ⁵¹⁶

Д. В. Стасов не только внимательно изучил материалы судебной реформы, сделав множество замечаний и изменений, но и написал, по крайней мере, четыре пространные записки с предложениями по отдельным законопроектам — «О присяжных» и т. д. ⁵¹⁷

Кроме того, на указанных рукописях имеются пометки рукой С. И. Зарудного, по поводу одной из которых В. Д. Комарова высказала предположение о том, что «по-видимому, эта записка была им использована при редактировании Устава гражданского судопроизводства». ⁵¹⁸ По крайней мере на подготовительных материалах судебной реформы имеются надписи: «Для Д. В. Стасова от автора». ⁵¹⁹

Судя по коротким, наспех написанным запискам С. И. Зарудного к Д. В. Стасову, особо плодотворно они сотрудничали в 1860–1862 гг., когда вместе делали срочную работу по подготовке законопроектов. Об этом говорят обращения «отца судебной реформы» к Стасову: «Напишите, что у Вас есть из проектов и чего нет?», «пришлите мой, пожалуйста, проект гражданского судопроизводства» с замечаниями Победоносцева», «был ли у Вас в виду мой первоначальный проект <...>» ⁵²⁰ и т. д.

С. И. Зарудный высоко оценивал предложения Д. В. Стасова и непременно включал их в печатные замечания на проекты судебных преобразований, ⁵²¹ отмечая авторство только в своем экземпляре материалов судебной реформы (напомним, что из этой коллекции сохранилось только 16 томов). «От души благодарю Вас за Ваши дополнения к законопроектам, — писал он Стасову. — Замечания об отводах и пр. <окурорском> надзоре уже в печати». 18 апреля 1860 г. Зарудный опять настаивает: «Доставьте мне Ваши замечания на все эти работы, я их напечатаю».

Вся деятельность Д. В. Стасова в подготовке судебной реформы имела для С. И. Зарудного большое значение еще и потому, что они в процессе работы стали единомышленниками. «По крайней мере, из замечаний Ваших вижу, — писал он Стасову 3 марта 1860 г., — что мы во многом сходимся». ⁵²² Они сохранили дружбу на всю свою жизнь. Как в 1860-е, так и в 1880-е гг. Заруд-

⁵¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 354. Л. 196–227.

⁵¹⁷ См.: Там же. Д. 353.

⁵¹⁸ Там же. Т. 2. С. 26 (опись стасовского фонда).

⁵¹⁹ См.: Там же. Д. 354.

⁵²⁰ Там же. Д. 140. Л. 1–3.

⁵²¹ См.: Материалы по судебной реформе в России. Т. 1–74. СПб., 1857–1866. Правда, по справедливому замечанию современных историков, «материалы “Дела” отбирались С. И. Зарудным сообразно известным только ему критериям». См.: *Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа...* С. 161.

⁵²² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 140. Л. 6.

ный приглашал посетить своего «старого знакомого <...> в одну из нечетных суббот».⁵²³

Возникает вопрос, почему же Д. В. Стасов не заявил о своих заслугах? По мнению А. С. Зарудного, сына создателя реформы С. И. Зарудного, «это объясняется скромностью Дмитрия Васильевича, которая в данном случае имела вредные последствия, и только благодаря случайно сохранившимся письменным документам можно было восстановить этот факт».⁵²⁴

Такое объяснение подтверждается характеристикой и выводом близко знавших его людей. Вот что говорит В. Д. Комарова в подготовительных материалах к биографии своего отца: «Следует отметить, что сам Д. В. никогда, решительно никогда ни слова не говорил об этой своей работе и не только никогда в печати или официально не сказал о ней ни слова, но даже у себя дома, за обеденным столом, когда А. Ф. Кони красноречиво и красиво рассказывал о времени введения “великой реформы” и прославлял ее главных участников или рассказывал о собственных своих первых шагах в деле ее применения на практике — Д. В., повторяю, никогда даже не заикнулся о своей большой работе в разработке этих уставов».⁵²⁵ В конечном счете она сделала упрек историкам судебной реформы, что «Джаншиев и Кони почему-то сочли нужным совершенно умолчать об этой деятельности Д. В.».⁵²⁶

Вместе с тем именно создатель знаменитой книги «Отцы и дети судебной реформы» признал в 1914 г., что Д. В. Стасов как «неизменно верный служитель Судебных уставов <...> является одним из очень немногих деятелей, жизнь которых была неразрывно связана в течение пятидесяти лет с этими уставами».⁵²⁷ В юбилейных статьях к 50-летию введения Судебных уставов освещалась многогранная деятельность Д. В. Стасова и публиковались приветствия, начиная с письма министра юстиции А. А. Макарова 18 апреля 1916 г. с признанием Д. В. Стасова одним «из первых деятелей великой судебной реформы».⁵²⁸

В 1918 г., уже после смерти Дмитрия Васильевича, А. Ф. Кони отметил его роль «в посильной подготовке судебной реформы путем статей и личных объяснений с ее авторами»,⁵²⁹ а еще через год, после знакомства со вновь открывшимися документами, указал, что тот сообщил «комиссии по составлению судебных уставов целый ряд глубоко продуманных, извлеченных из опыта, замечаний».⁵³⁰

Высокая оценка С. И. Зарудным роли Д. В. Стасова в истории судебной реформы не была известна в «эпоху великих реформ». Много лет спустя руководитель Комиссии Временного правительства по пересмотру Судебных уставов 1864 г. А. С. Зарудный сделал (в некоторой степени и за отца)

⁵²³ Там же. Л. 7.

⁵²⁴ РГИА. Ф. 857. Оп. 4. Д. 140. Л. 4.

⁵²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 328. Л. 102.

⁵²⁶ Там же. Л. 1.

⁵²⁷ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. С. 283–284.

⁵²⁸ Русское слово. 1916. 18 апр. С. 2.

⁵²⁹ Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова // Биржевые ведомости. 1918. 14 мая; Вечерняя заря. 1918. 14 мая.

⁵³⁰ Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13–14 мая.

значительный, справедливый вывод: «Будучи создателем нового суда, будучи одним из отцов его, Дмитрий Васильевич Стасов <...> был одним из главных авторов судебных уставов, он был одним из создателей этой реформы». ⁵³¹ Впрочем, это признание прозвучало публично только в июне 1918 г., на торжественном собрании присяжных поверенных, посвященном памяти Д. В. Стасова.

* * *

В фундаментальных трудах современных ученых отмечается значение гражданского процессуального кодекса, в разработке которого Д. В. Стасов принял самое деятельное участие, когда «впервые в истории российского права» был введен принцип диспозитивности, дававший спорящим сторонам возможность самим определять сроки, ход и другие моменты судебного разбирательства. Тогда же гражданское судопроизводство впервые было отделено от уголовного и приспособлено к новой судебной системе, а все подданные империи сравнялись перед лицом суда. Знаменательно, что за все 50 лет существования новых судов не было отмечено ни одного прокурорского протеста в гражданских делах, а роль самого прокурора в гражданском процессе свелась к минимуму. ⁵³²

Из четырех томов, составлявших Судебные уставы в первоначальной редакции 1864 г., первый том содержал Устав гражданского судопроизводства, призванный обеспечить поступательное движение экономики России, развитие гражданского оборота, защиту прав личности, умерить столкновение прав и интересов частных лиц по вопросам собственности и обязательств. ⁵³³ В итоге Устав гражданского судопроизводства стал первым в истории российского законодательства гражданским процессуальным кодексом. ⁵³⁴

Таким образом, как высокообразованный правовед Д. В. Стасов стоял у истоков судебных преобразований, был одним из авторов Судебных уставов 1864 г., многое сделал для практической подготовки судебной реформы в созданном им «кружке молодых юристов», предварившем создание юридических обществ. Будучи опытным, грамотным юристом, Д. В. Стасов стал известен в судебном мире задолго до начала коренного реформирования дореформенного суда, где он прошел путь от перспективного поста обер-секретаря старого Сената до мало престижной, высмеиваемой современниками должности стряпчего, ходатая по делам. В период провозглашения «эпохи великих реформ» он решительно отстаивал наиболее демократические, отвечающие духу времени положения судебной реформы, особенно касающиеся утверждения в России института профессиональной адвокатуры.

⁵³¹ РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39. Л. 1, 4. Курсив мой. — *Д. Л.*

⁵³² См.: Миронов Б. Н. Социальная история России: В 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 54–55.

⁵³³ Немытина М. В. Суд в России. С. 55.

⁵³⁴ См.: Васильев А. В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / Под ред. С. А. Комарова. СПб., 2004. С. 159.

ЧАСТЬ 2.
«СТАРЕЙШИНА ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ»:
ОТ УЧРЕЖДЕНИЯ ДО УПРАЗДНЕНИЯ
(1866–1917)

2.1. АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. В. СТАСОВА

2.1.1. Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных

В Российской империи присяжная (профессиональная) адвокатура как полноценный юридический институт конституировалась только в рамках судебной реформы 1864 г., что определило ее правовой «буржуазный статус».¹ Поэтому в советской литературе присяжную адвокатуру называли не иначе как «буржуазная адвокатура». При изначальном планировании адвокатура создавалась как самоуправляющаяся организация, что фактически означало ее известную независимость. В немалой мере это было вынужденное решение, так как введение суда присяжных и состязательность судебного процесса не могли состояться без профессиональной адвокатуры.² Кроме того, появление адвокатуры как гарантии права на защиту позволяло личности противостоять произволу со стороны государства.³

При употреблении словосочетания «присяжная адвокатура» надо уточнить, что хотя в России термин «адвокат» как таковой впервые был употреблен еще в 1716 г. в Воинских уставах Петра I,⁴ но, имея широкое хождение в юридической терминологии после судебной реформы 1864 г., он все-таки в нормативных актах не употреблялся вплоть до упразднения «буржуазной адвокатуры» в 1917 г.⁵

По Судебным уставам 1864 г., адвокаты объединялись в самоуправляющуюся корпорацию, сословие присяжных поверенных,⁶ что в первую очередь нас и интересует, так как существовали и другие формы адвокатуры, не входящие в состав присяжной, как, например, частные поверенные и даже «подпольная адвокатура».⁷ Деятельность присяжной адвокатуры распространялась и на окраины Российской империи, от современной территории Украины до Казахстана, но происходило это достаточно медленно и с большими ограничениями.⁸

¹ Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 33.

² Дубишев Ю. Ф. Адвокатура в России. М., 2001. С. 102.

³ Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX–начало XX вв. Саратов, 1999. С. 67.

⁴ Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность в России. М., 2004. С. 22.

⁵ Барцевский М. Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. М., 2000. С. 7.

⁶ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 27–61.

⁷ См.: Гаврилов С. Н. Адвокатура в Российской Федерации. М., 2000. С. 35–51.

⁸ См.: Жальбин С. М. Правовое положение адвоката в уголовном судопроизводстве. Алматы, 1998. С. 27; Святоцкий О. Д., Михеенко М. М. Адвокатура Украины. Київ, 1997. С. 21.

Д. В. Стасов стоял у истоков судебных преобразований, выступил одним из создателей Судебных уставов 1864 г., многое сделал в своем юридическом кружке для практической подготовки одной из самых прогрессивных буржуазных реформ. В период подготовки судебной реформы 1864 г. он прошел путь от заместителя стряпчего в коммерческом суде, ходатая по делам, что было предтечей русской адвокатуры, до избрания первым председателем первого в России (Петербургского) Совета присяжной адвокатуры, приложив все свои силы и способности для становления и укрепления института присяжной адвокатуры.⁹

К сожалению, современники Д. В. Стасова иногда допускали досадные ошибки в освещении его роли в проведении судебной реформы. Так, в ноябре 1914 г., когда праздновался «полувековой юбилей судебной реформы», многие газеты, признавая заслуги «патриарха», «Нестора» отечественной адвокатуры, опубликовали ряд хвалебных заметок по его адресу. Но первым председателем Совета присяжных поверенных округа петроградской судебной палаты был назван К. К. Арсеньев, а не Д. В. Стасов, фотографию которого по ошибке поместили в числе первых мировых судей (наряду с Н. А. Неклюдовым).¹⁰

Оценивая подготовленность Д. В. Стасова к юридической деятельности в обновляющемся суде, один из дореволюционных историков судебной реформы 1864 г., профессор А. А. Жижиленко, сделал вывод: «Практический опыт, приобретенный Стасовым на службе в Сенате и во время занятия ходатайством по делам, теоретическая подготовка в области права, полученная при изучении юридической литературы, и наконец, прекрасное знание законодательства, образовавшееся у него в особенности благодаря детальному изучению и обсуждению проектов судебной реформы и сопоставлению их с действующим правом, — все это способствовало тому, что из Д. В. Стасова выработался видный судебный деятель, опытный и юридически образованный практик и превосходный законовед».¹¹

Приняв участие в теоретической разработке различных судебных уставов и последующих законоположений, он с большим воодушевлением включился в проведение долгожданной судебной реформы. Главным и решающим в этом деле стало учреждение в России института присяжной адвокатуры, с чем ему невольно пришлось связать всю свою последующую жизнь.

Как выпускнику привилегированного учебного заведения, дослужившемуся до должности обер-секретаря старого Сената, активному участнику подготовки и реализации «великой реформы», к тому же награжденному правительственными наградами, ему открывалась прямая дорога к высоким государственным постам. Однако, возмущенный произволом властей, он, по словам А. Ф. Кони, «составил протест в виде петиции» в защиту арестованных студентов осенью 1861 г. «и лишился службы, обещавшей блестящую

⁹ См.: Легкий Д. М. Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных // Правоведение. Известия вузов. 2003. № 3. С. 5–19.

¹⁰ Петербургский курьер. 1914. 20 нояб. № 297. С. 1. В фонде К. К. Арсеньева имеется вырезка из этой газеты, видимо, он обнаружил ошибку. См.: РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 160.

¹¹ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 2.

карьеру». ¹² В результате вместо того, чтобы рано или поздно занять почетное место члена Государственного совета или хотя бы кресло сенатора (к чему пришли многие его коллеги), ему выпало взойти на адвокатскую трибуну, стать адвокатом, «самое имя которого наводило на представителей старого порядка некоторый суеверный ужас». ¹³

Идея введения в России института адвокатуры долго пробивала себе дорогу, и в первую очередь ее боялись по соображениям политического характера. Классическими стали слова императора Николая I князю Голицыну: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, проживем и без них». ¹⁴ При обсуждении судебной реформы в 1857 г. уже Александр II, царь-реформатор, своим высочайшим повелением запретил касаться вопросов адвокатуры и суда присяжных. Когда же необходимость судебных преобразований стала очевидной, министр юстиции Д. Н. Замятнин поспешил заявить, «что эти реформы крайнее слово в науке», ¹⁵ и действительно, по меркам российской действительности, судебная реформа была наиболее радикальной и отвечающей духу времени из всех реформ.

После семилетней подготовки Судебные уставы 1864 г. провозгласили адвокатуру как самоуправляющуюся организацию, хотя они вступили в действие только 17 апреля 1866 г., что фактически и считается днем рождения адвокатуры в России, ¹⁶ при этом были жестко ограничены ее процессуальные права. Независимость создаваемой в результате реформы адвокатуры была достаточно относительной, а самоуправление осуществлялось в пределах, контролируемых судом, так как деятельность Советов присяжных поверенных была поднадзорна Судебной палате, в результате чего «русская буржуазная адвокатура», в отличие от западной, не имела должной свободы слова и дела. ¹⁷

Более того, Советы как органы профессиональной адвокатуры вначале были образованы только в трех городах огромной Российской империи — С.-Петербурге (2 мая 1866 г.), Москве (16 сентября 1866 г.) и Харькове (6 мая 1874 г.). ¹⁸ Это позволило современным адвокатам заявлять, что когда говорят о «дореволюционной адвокатуре», многие представители которой были «рыцарями живого слова», то имеются в виду присяжные поверенные именно этих трех крупных городов, ¹⁹ что недалеко от истины. Хотя по замыслу «отцов судебной реформы» Советы присяжных поверенных предполагалось открыть во всех округах судебных палат.

¹² Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова // Жизнь искусства. 1919. 13 мая. № 135.

¹³ Кони А. Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества // Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 300.

¹⁴ Старый суд. Очерки и воспоминания М. Н. Колмакова // Русская старина. 1886. № 12. С. 536.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Л. 13 (из письма Д. В. Стасова к А. С. Кузнецову от 30 мая 1862 г.).

¹⁶ Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 31.

¹⁷ См.: Бойков А. Д., Капинус Н. И. Адвокатура России. М., 2000. С. 14–15; Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 27–61.

¹⁸ См.: Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX. М., 1987. С. 90–116.

¹⁹ Барщевский М. Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. С. 8.

Д. В. Стасов 3 апреля 1866 г. со смешанным чувством сообщал председателю Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецову об открытии новых судов как долгожданном предстоящем событии: «Вчера мне удалось быть в новых судебных местах, чтобы осмотреть, как они устроены. Помещение очень хорошее, просторное — в особенности канцелярий; а самое курьезное впечатление производит зала с присяжными. В Петербурге видишь такое же <1 нрзб.> как и во Франции и в Англии. Ложа для подсудимых, особые места для адвокатов-защитников, скамейки для присяжных, помещения для публики, отделение для свидетелей, особая комната для совещания присяжных и для судей и т. д. Но как все это пойдет? Чем ближе время к началу, тем больше мне представляется трудным, чтобы эта машина пошла с пуском...».²⁰

Вполне понятно, что Д. В. Стасов, освоившийся в течение предыдущих четырех с половиной лет со своей деятельностью ходатая по делам, соответствовавшей его призванию бороться за право, устремился во вновь возникшую адвокатуру. Он один из первых подал 21 марта прошение поступить в число присяжных поверенных, а 11 апреля 1866 г., за неделю до открытия в Петербурге новых судебных учреждений, был утвержден в этом звании.²¹ Интересно, что в то время поступило 68 прошений, но 12 лицам «по формальным и неформальным причинам» было отказано, а 27 человек были представлены для утверждения министру юстиции, которых он и утвердил 11 апреля 1866 г. Это и были первые в истории России присяжные поверенные, остальные подавшие прошение были представлены 22 апреля.²²

Современные исследователи обратили внимание на то, что из всех переданных комитетом первых прошений в образовавшийся Совет присяжных поверенных одно было от доктора юридических наук (Владимира Спасовича) и одно — от стряпчего (Дмитрия Стасова). Фактически первоначально адвокатское сословие «состояло сплошь из отставных чиновников». Несмотря на это, официальный орган Министерства юстиции «Судебный вестник» написал тогда, что «сословие присяжных поверенных успело выставить несколько талантливых представителей, которых теперь уже бесспорно можно назвать замечательными адвокатами».²³

По словам известного юриста-историка И. В. Гессена, «адвокатура привлекла к себе лучшие силы, особенно в Петрограде <...> и отставной надворный советник К. К. Арсеньев, и надворный советник Владимир Спасович, и опальный уже статский советник Дмитрий Стасов»,²⁴ а видный присяжный поверенный Н. П. Карабчевский отметил, что «в адвокатуру из магистратуры устремлялось <...> все живое, честное, независимое».²⁵

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181. Д. 189. Л. 9 (письмо № 160).

²¹ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 13; РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 68.

²² История русской адвокатуры. Т. 1. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство. М., 1914; 2-е изд. М., 1997. С. 111.

²³ Цит. по: Галоганов А. П. Российская адвокатура: история и современность. М., 2003. С. 27–28.

²⁴ Гессен И. В. Адвокатура // Право. 1914. № 47. С. 3220.

²⁵ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Т. 2. Берлин, 1921. С. 15.

Другой известный адвокат, В. О. Люстиг, так объяснял этот общественный порыв людей, по разным причинам не нашедших достойного применения своих сил на «государевой службе»: «Все первые члены Совета, как и весь первоначальный состав сословия присяжных» поверенных, получил практическую подготовку <...> на государственной службе, — размышлял он много лет спустя. — Всем им предстояла блестящая судебная карьера. Что же заставило их пренебречь ею, порвать с прошлым и энергично взяться за совершенно новое, еще неизведанное дело? Водворение справедливой законности во всех сферах частной и общественной жизни было идеалом того времени. Среди судебных деятелей адвокатам в этом отношении принадлежало первенствующее место».²⁶

Очень многое зависело от первого Совета петербургской адвокатуры, ее своеобразного штаба, куда, по мнению его будущего председателя, должны были быть «избраны люди честные, в которых можно вполне быть уверенными и которые поставили бы хорошо <...> это учреждение, чтобы оно пользовалось и у нас тем же уважением и значением, как за границей, чтобы оно было расадником сведений и знаний».²⁷

Признав необходимость корпоративного устройства адвокатуры, составители Уставов 1864 г. предусмотрели в качестве органов самоуправления ее общие собрания и советы, избираемые ежегодно.²⁸ В соответствии с новым законом, присяжные поверенные каждого округа Судебной палаты ежегодно избирали из своего состава Совет присяжных поверенных (от 5 до 15 членов), председателя Совета и его заместителя («товарища»)²⁹

В результате выборов 2 мая 1866 г. первым председателем первого (Петербургского) Совета присяжных поверенных в России стал Д. В. Стасов, пользовавшийся высоким авторитетом в юридических кругах. «И вместе с семью членами ему поручено было составить в течение четырех дней устав, — описывает эти события его жена П. С. Стасова. — Живо закипела работа, два вечера и три утра собирались они, толковали и писали и к четвертому вечером был готов устав. Зато с четверга на пятницу ночь Дмитрий спал только один час. Писарь, который должен был прийти переписывать устав в 4 часа ночи, не пришел, Дмитрий <...> принялся переписывать сам, и спал потом только от 8 до 9-ти часов утра. Ну, зато и хорош же он был на следующий день...».³⁰

В состав первого в России Совета присяжных поверенных были избраны также К. К. Арсеньев, В. П. Гаевский, А. Н. Турчанинов, В. В. Самарский-Быховец, Г. Г. Принтц.³¹ Как написал в своих воспоминаниях академик К. К. Арсеньев, им «предстояла задача, до тех пор беспрецедентная: создание без всяких внешних указаний и понуждений корпоративной организации,

²⁶ Цит. по: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 120.

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 189. Л. 13 (письмо № 161 от 24 апреля 1866 г.).

²⁸ См. подробнее: Немьтина М. В. Суд в России... С. 125–133.

²⁹ См.: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 226–249.

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 189. Л. 21 (приписка к предыдущему письму).

³¹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 113.

142 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения выработка правил адвокатской этики». ³² По мнению дореволюционного историка судебной реформы 1864 г. А. А. Жижиленко, «задача была трудная, так как никаких тенденций не имелось, никакого фундамента не существовало, в выработке норм адвокатской этики огромная заслуга Д. В. Стасова и первого состава совета». ³³

Важную роль Стасова в установлении нравственных начал, которыми в те годы руководствовалась адвокатура, особенно подчеркивал горячий сторонник идей этических начал в общественной жизни А. Ф. Кони. Он называл Стасова и его друга К. К. Арсеньева представителями «этического направления в адвокатуре». ³⁴

Дореволюционные историки отметили, что первые Советы приступили к своей деятельности в условиях, «далеко не благоприятных для правильной и спокойной работы». Причиной этому служило то, что «все нужно было создавать заново, никаких традиций накоплено не было, никакого фундамента не существовало, не на чем поэтому было укрепиться в первое время». Именно поэтому первому в России Петербургскому Совету «необходимы были серьезные усилия, чтобы взять твердый и определенный курс». ³⁵

В первом отчете Петербургского Совета присяжных поверенных за 1866 г. его составители под руководством своего председателя Д. В. Стасова, говоря о предназначении адвокатского сословия, заявили: «Ходатайство по делам не было до сих пор у нас в России ни правильной профессией, ни уважаемым занятием. Ходатаи по делам были большей частью лишены необходимого приговорительного образования, действовали без всякого контроля, без всякой ответственности. <...> Вновь организующемуся сословию присяжных поверенных предстоит не только действовать наперекор этим преданиям, но и изгладить их из памяти общества, поставить себя на один уровень с новыми судебными учреждениями». ³⁶

Совет присяжных поверенных, возглавляемый Д. В. Стасовым, долгое время успешно отстаивал интересы адвокатского сословия, тщательно заботясь о его чистоте. В. Д. Спасович ставил в заслугу столичной корпорации адвокатов «самые строгие требования по части морали». ³⁷ Все нападки на адвокатуру никогда не затрагивали ее руководства, поэтому у него сложилась репутация строгого и безупречного судьи. Та высота, на которую стал Совет присяжных, объясняется прежде всего личными качествами его членов.

Видный профессор-юрист Н. С. Таганцев, вспоминая (в своей речи 1918 г.) о той травле адвокатуры, которая началась против нее после судебной реформы 1864 г. (включая Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина), считал необходимым сказать: «Многие из адвокатов, высоко ценимых нами,

³² Арсеньев К. К. Воспоминания о времени введения Судебных Уставов // Право. 1899. № 48. С. 2279.

³³ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 22.

³⁴ Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 4. Берлин; Ревель, 1921. С. 283.

³⁵ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 141.

³⁶ Цит. по: Там же. С. 141.

³⁷ Застольные речи В. Д. Спасовича. 1873–1901. Лейпциг, 1903. С. 43.

попали в эту словесную перепалку, но в этой перестрелке ни разу не было упомянуто ни одним из самых ревностных преследователей адвокатуры имя Д. В. Стасова, потому что кристального Стасова нельзя никоим образом было подтянуть под те мрачные образы, которые рисовались по отношению к адвокатуре».³⁸

С первых дней существования Совета, как заметили буржуазные ученые, он обратил внимание на необходимость легализации деятельности помощников присяжных поверенных. Их положение оставалось неопределенным длительное время, вследствие того что в Судебных уставах только «указывалось на необходимость урегулировать положение помощников». В одном из первых заседаний, 2 июня 1866 г., Совет обязал присяжных поверенных сообщать о времени поступления к ним помощников «для обеспечения правильности исчисления пятилетнего стажа», так как в их число вначале записывались самые разнообразные элементы, вплоть до лекарей и студентов. После долгих споров Совет постановил, что «помощниками могут быть только лица с высшим юридическим образованием и что вообще они должны удовлетворять тем же требованиям, какие ставятся законом для присяжных поверенных (за исключением пятилетнего стажа)».³⁹

Там, где успели создать советы присяжных поверенных, как, например, в Петербурге и Москве, положение помощников было лучше, они делились на группы, проводились собрания, были разработаны правила занятия, ответственности, приема в сословие. По справедливому мнению современных исследователей дореволюционного суда, «это всецело заслуга советов, а не законодателя», что лишний раз подчеркивало, какой ущерб был причинен делу правосудия приостановлением дальнейшего распространения советов в России.⁴⁰ Адвокатская корпорация столицы показывала здесь достойный пример, но реакция судебных властей зачастую была далеко не адекватной.

Когда же Совет выработал «проект правил, подлежащих утверждению в законодательном порядке», и представил их на рассмотрение Судебной палаты, а та в свою очередь в Министерство юстиции, то «ни малейшего отклика представление не встретило». Таким же образом, когда в первый же год своей деятельности Совет столкнулся с вопросом «об обязанности ведения дел по бедности», то был выработан соответствующий проект (его разработку провел В. Д. Спасович), представленный в Судебную палату, но опять, как констатировал летописец, «не произошло никакой перемены».⁴¹

Такую же оценку получила поучительная история «взимания 10 % сбора с гонорара, получаемого присяжными поверенными». Совет за недельный срок в мае 1866 г. составил соответствующий проект, но затем началась бесконечная бюрократическая переписка. Только через девять лет, в 1875 г., вышел окончательный «циркуляр министра юстиции, перенесший на окружные суды обязанность взимать сбор». После этого решения московский Совет отказался

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 133.

³⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 151.

⁴⁰ Немытина М. В. Суд в России... С. 130. Курсив мой. — Д. Л.

⁴¹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 135.

144 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения от 10 % сбора с гонорара, а петербургский решил его оставить. Но когда собираемые Советами деньги передавались в Казначейство, то обратно они возвращались, «пролежав там два-три года», причем немалая сумма из них отчислялась потом на вознаграждение самим же адвокатам «за защиту по назначению». Все перечисленные перипетии дореволюционные историки назвали не иначе, как «истощением законодательного творчества».⁴²

Действительно, такое неизменное отношение судебных властей к приведенным «ходатайствам» петербургской адвокатуры, имевшим важное значение для всего сословия в целом, стало определенной системой, когда все труднее обе стороны достигали взаимопонимания.

Свою деятельность в качестве присяжного поверенного по новым Судебным уставам 1864 г., что стало основным в его юридической деятельности, Стасов начал только к 40 годам жизни. При этом на первых же судебных процессах он выступал в ранге председателя Петербургского Совета присяжных поверенных, что накладывало на него дополнительную ответственность.

В литературе того времени, где нередко можно было встретить карикатуры и выпады против известных адвокатов, имя Стасова ни разу не упоминалось в негативном плане. На страницах ведущих газет отмечалось, что он «всегда являлся образцом для своих товарищей».⁴³ «По преимуществу цивилист, — указывал К. К. Арсеньев в своих воспоминаниях, — Д. В. никогда не отказывался от уголовных защит <...> по назначению суда или по просьбе обвиняемых в политических преступлениях».⁴⁴

Профессор Н. С. Таганцев считал Стасова «адвокатом человеколюбия», всегда выступавшим за «необходимую разумную снисходительность».⁴⁵ Его жена и дочь также отмечали, что он «отыскивал смягчающие обстоятельства, но никогда в черном не искал белого, правда и справедливость всегда стояли у него на первом плане».⁴⁶ Наряду с этим он отстаивал право адвоката отказаться от ведения дела, явно противоречащего его нравственным принципам. В. Д. Комарова с гордостью говорила, что ее отец «на сделку с совестью был неспособен».⁴⁷

Конечно, он, как и многие адвокаты, будучи личным доверенным весьма состоятельных людей, имел немалые дивиденды, но это было обычное дело для практикующих адвокатов. Так, в одном из договоров было записано, что «барон Г. О. Гинцбург продал в полную его, Д. В. Стасова, собственность 20 тысячных паев алтайского золотопромышленного дела всего на 16 тыс. рубл.».⁴⁸

В своей адвокатской деятельности глава присяжных поверенных не искал популярности. По словам К. К. Арсеньева, она сама собой досталась ему позднее, но уважение он приобрел сразу, даже среди тех, кому не нравилась его

⁴² История русской адвокатуры. Т. 1. С. 136–137.

⁴³ Биржевые ведомости. 1916. 17 апр. С. 3.

⁴⁴ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова (Воспоминания К. К. Арсеньева) // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 324.

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 137.

⁴⁶ Там же. Оп. 5. Д. 15. Л. 66.

⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 223.

⁴⁸ Там же. Оп. 4. Д. 366. Л. 7.

непреклонная твердость.⁴⁹ Вместе с тем Стасов не любил гнаться за внешними эффектами, он никогда не смотрел на адвокатуру как на «торговлю словом», чем грешили некоторые беспринципные краснобаи даже в медовый месяц судебной реформы. «Так, например, Серебряный защищал одно дело..., — описывает Стасов выступление одного из них, — говорил полчаса остроты и смешные вещи — но для дела вовсе не относящиеся и нисколько не годились для разъяснения дела». Здесь же он делает вывод для себя: «Публика была наверно за него, я же положительно недоволен его речью и никогда не позволю себе говорить так как он».⁵⁰

В скором времени строгий надзор, который осуществлял Совет присяжных поверенных во главе с Д. В. Стасовым, и дисциплинарная ответственность за всякое отступление от выработывавшейся адвокатской этики привели к тому, что из состава столичный адвокатуры «после дисциплинарного о нем производства вышел известный в то время присяжный поверенный Я. М. Серебряный».⁵¹

Немалый интерес вызывает развернутая самооценка Д. В. Стасовым своих ораторских способностей в суде. «Сличая себя с тем из наших теперешних адвокатов, которым уже случалось говорить теперь публично, — пишет он 23 января 1866 г. А. С. Кузнецову, — я нахожу, что говорю не хуже других, говорю я не много, но дельно, хотя и не красноречиво; заминок у меня не бывает, возражения находились, и говорил я гладко <...> красноречивым и увлекательным я никогда не буду, но гражданские дела часто защищаю хорошо — это я сам чувствую, и признаю тебе и Полине в этом без хвастовства».⁵² Здесь надо учесть, что Стасов отличался необычайной скромностью и такие откровения у него встречаются редко.

Профессор А. А. Жижиленко как бы подтверждает самооценку Стасова, что тот «не обладал тем особым даром захватывающего красноречия, каким наделены были некоторые из его товарищей, но его адвокатские речи отличались деловитостью, простотой и логичностью».⁵³ Такой выдающийся знаток художественного слова, каким был А. Ф. Кони, делает подобный же вывод: «В блеске дарований и искусстве могучего воздействия словом Стасов, конечно, уступал таким из своих соратников, как Спасович и Арсеньев, но речи его всегда были полны содержания и безукоризненны по форме».⁵⁴

Современные исследователи истории адвокатуры в России неизменно относят Д. В. Стасова к «классикам судебного красноречия».⁵⁵ Наиболее точно характеризует его ораторские способности видный специалист по истории присяжной адвокатуры Н. А. Троицкий: «Как оратор Стасов уступал Спасо-

⁴⁹ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 324.

⁵⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 189. Л. 2–3.

⁵¹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 124.

⁵² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 189. Л. 2.

⁵³ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 17.

⁵⁴ Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова. С. 1.

⁵⁵ См.: Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX–начала XX века). М., 1984. С. 9; Скрипильев Е. А. В. Д. Спасович — король русской адвокатуры. М., 1999. С. 10.

146 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения вичу и другим корифеям русской адвокатуры. Мало сказать, что его ораторская манера была лишена внешних эффектов, — ей недоставало и масштабности, и образности, и эмоциональности. Стасов всегда говорил просто, невозможно и строго по существу дела, без философских и лирических отступлений. Но каждая речь его была сильна логикой, стройностью, мобилизацией всех защитительных ресурсов, доказательностью, поэтому он сразу занял почетное место в ряду лучших адвокатов России». ⁵⁶ Считая защитительные речи выдающихся буржуазных адвокатов «образцовыми именно с юридической точки зрения», как дореволюционные, так и современные ученые неизменно признавали В. Д. Спасовича вождем присяжной адвокатуры, а Д. В. Стасова называли ее совестью. ⁵⁷

Первым подзащитным первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных в новых судах «был 14-летний мальчик — продавец в лавке на Сенной», который «благодаря защите Д<митрия> В<асильевича> оправдан как действовавший по недомыслию». ⁵⁸ Примечательно, что этому самому заурядному судебному заседанию 1 августа 1866 г. по «Делу о присвоении крестьянином Алексеем Антоновым найденного им бумажника с 600 руб. в уголовном отделении С.-Петербургского Окружного суда» в официальных органах печати было уделено большое внимание с публикацией самого подробного стенографического отчета (гласным разбирательством, перекрестным опросом свидетелей), что говорило в то время об огромном интересе не столько к личности адвоката, сколько к деятельности новых судов. ⁵⁹

Со временем Стасову суждено было стать известным адвокатом благодаря участию не в громких уголовных или привычных для него гражданских делах, а в совершенно ином, непривычном для российской действительности амплу защитника «политических преступников».

Д. В. Стасов и в дальнейшем не замыкался в чисто практической деятельности, а продолжал участвовать в разработке законодательства во вновь возникающих юридических кружках и обществах. Один такой кружок, который профессор Н. С. Таганцев называет «кружком самообразования взрослых юристов», собирался в летнее время второй половины 1860-х гг. в Парголово. Видный ученый отмечал позднее, что «самым усердным посетителем этих собраний был Дмитрий Васильевич, бывал и Спасович». ⁶⁰ Там изучали самые различные вопросы, так, доклад Н. С. Таганцева о свободной воле вызвал оживленные дебаты и споры. Другой кружок собирался в 1870-х гг. в Петербурге у видного юриста, адвоката А. И. Языкова, причем одной из важных тем стал там вопрос о преступлениях против жизни. «Я помню, какую горячую роль принял на себя Д. В. Стасов», — вспоминал об этом уже в 1918 г. Н. С. Таганцев. ⁶¹

⁵⁶ Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 69.

⁵⁷ Там же. С. 68.

⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 27 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁵⁹ См.: Судебный вестник. 1866. № 25. С. 217–225.

⁶⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 135.

⁶¹ Там же.

Указывая и на свою работу по составлению уголовного уложения, известный юрист-криминалист отмечал, что два пункта этого уложения встретили наиболее благоприятный прием — вопрос о конструкции вменяемости и общая конструкция преступлений против личности. «Если вы сопоставите последнюю редакцию проекта уголовного уложения с теми беседами, которые были в Петербурге у А. И. Языкова, то увидите ту связь, которая таким образом существовала между уголовным уложением и Дмитрием Васильевичем, — отмечал в своем докладе Н. С. Таганцев, — те замечания, та страстность, которую он <...> обнаружил в защите своих любимых суждений, она, несомненно, повлияла на автора тех разделов и тех статей уложения, о которых я только что говорил, а через это, несомненно, его живая струя влилась и в наше все еще не действующее и ожидающее своей очереди уложение». ⁶²

С образованием петербургского Юридического общества в 1877 г. Стасов принимает в нем самое деятельное участие. До арестов в 1879–1880 гг. он дважды избирался казначеем Общества, и только «печальные события» заставили председателя этого общества Н. И. Стояновского написать 14 марта 1879 г. письмо Д. В. Стасову с просьбой сдать «дела и кассу общества». ⁶³ Когда в 1885 г. была образована Правоведческая касса в помощь выпускникам Училища правоведения, председателем которой стал Н. И. Стояновский, то они продолжили совместную работу. ⁶⁴ Складывается впечатление, что ни одно важное юридическое начинание, в котором требовался общественный порыв, не обходилось без участия Д. В. Стасова, вплоть до последних лет его жизни.

«Избранный первым председателем Петербургского Совета присяжных поверенных, — писал о Д. В. Стасове популярный журнал, — с первого же дня своей новой деятельности начал неуклонно проводить в жизнь те традиции гуманности, права и правды, которые имеются теперь не иначе как “стасовскими”». ⁶⁵ Не случайно в дальнейшем он почти бессменно входил в состав Совета. Коллеги Д. В. Стасова отмечали, что «в 1867 г. он состоял товарищем председателя Совета, в 1876 г. был вновь избран в его состав и, ежегодно переизбираясь, состоял в этой должности до 1906 г.». ⁶⁶

Как выясняется, департамент полиции всегда интересовался, каков состав Петербургского Совета, о чем говорится на его заседаниях. Историки засвидетельствовали такой факт, что 3 мая 1879 г., во время выборов председателя и членов Совета присяжных поверенных, как доносил специальный агент в III Отделение, вопреки утвержденной там же процедуре выборов, адвокаты «подали голоса за освобожденного накануне из-под ареста Дмитрия Стасова». Таким образом, по мнению осведомителя, это стало равносильно «заявлению сочувствия Стасову», при том что одновременно там же было «в очень резкой форме выражено порицание правительству по поводу последних

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Д. 426. Л. 341.

⁶⁴ Там же. Д. 259. Л. 2.

⁶⁵ Огонек. 1918. № 12. С. 2.

⁶⁶ Беренштам В. В. Д. В. Стасов // День. 1916. 18 апр. С. 1.

148 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения арестов». В этом же доносе значилось, что «наиболее выдающимися в этом деле по отношению к заявлению сочувствия Стасову и выражению враждебных правительству суждений были Соколовский, Бардовский, Унковский и Борщов».⁶⁷

Ровно через год, уже после повторного ареста и высылки Д. В. Стасова из столицы в Тулу, в апреле 1880 г. его вновь «выбрали огромным большинством в члены Совета», оповестив об этом высланного адвоката телеграммой. «Оказалось, что из 94 или 95 голосов Унковский получил — 53, Спасович — 52 (в председатели Совета. — Д. Л.), а затем в члены Совета Турчанинов — 57, Люстиг — 54 и потом я — 60, прочие меньше моего, — написал вскоре Д. В. Стасов жене о результате этих выборов. — Это действительно очень почетно».⁶⁸ Большинство голосов, поданных за кандидатуру репрессированного адвоката, первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных, говорило прежде всего о выражении корпоративной солидарности и своеобразном протесте против карательной политики правительства.

Современники заметили, что весь период своего существования Совет отличался удивительным постоянством. Так, «за 8 первых лет К. К. Арсеньев не выходил из состава Совета (год — членом Совета, год — товарищем председателя и 6 лет — председателем), В. Д. Спасович был один год — председателем и 6 лет — членом Совета, А. М. Унковский — 7 лет, В. Н. Герард и В. И. Танеев по 5 лет находились в составе Совета»,⁶⁹ Д. В. Стасов на протяжении полувека трижды избирался председателем и был неизменным, бессменным членом Петербургского Совета присяжных поверенных.

Являясь одним из руководителей присяжной адвокатуры, Стасов был вместе с тем и непосредственным учителем адвокатской молодежи, которая на общих собраниях высоко оценивала «многолетнюю деятельность <...> безусловно честного, благородного и чуткого наставника и друга молодой адвокатуры». С 1877 по 1908 г. он руководил «Юридическими беседами» помощников присяжных поверенных, которые «имеют целью подготовку к будущей профессиональной деятельности».⁷⁰

Судя по семейному архиву, он постоянно составлял программы многих таких мероприятий: «Правила для устройства “Юридических бесед” и “Юридических конференций”», «Правила для устройства и заведования библиотекой присяжных поверенных».⁷¹ В отчете Петербургского Совета было записано: «Одно время конференции сделались чрезвычайно интересными, благодаря ряду прочитанных на них сообщений о политических и аграрных процессах, и тогда эти доклады привлекли массу слушателей, ибо они служили суррогатом не существовавшей даже в проекте свободы собраний и печати».⁷²

⁶⁷ Цит. по: Троицкий Н. А. 1) Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С. 201; 2) Адвокатура в России... С. 159–160.

⁶⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 17. Л. 45 (письмо от 27 апреля 1880 г.), 56 (письмо от 2 мая 1880 г.).

⁶⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 147.

⁷⁰ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 14–19.

⁷¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 73.

⁷² История русской адвокатуры. Т. 1. С. 342–343.

Не случайно одной из групп юридических конференций, как сообщал Стасову председатель Совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевский, решено было присвоить наименование «Конференции имени Дмитрия Васильевича Стасова».⁷³

«Неизменно верный служитель судебных уставов, с болью и чуткостью относящийся к их искажению в практике и законодательстве»,⁷⁴ Д. В. Стасов постоянно стоял на страже интересов адвокатской корпорации, подвергаясь преследованиям со стороны властей. В царствование Александра III с открытым сворачиванием основных положений судебной реформы 1864 г. руководители Совета открыто протестовали против такой политики, неоднократно собираясь по призыву своего первого председателя «посоветоваться о том, к чему нам идти и к чему стремиться».⁷⁵

Когда 13 марта 1884 г. известный криминалист обер-прокурор Сената Н. А. Неклюдов стал объяснять сбои в судебной системе слишком большими правами адвокатуры и возбудил вопрос о «неотложном и положительном разъяснении прав защиты»,⁷⁶ это вызвало большой общественный резонанс. Дореволюционные историки русской адвокатуры заметили позднее, что «насколько был тогда необходим отпор речи Неклюдова, доказывает совершенно исключительное выступление всех, бывших председателями петербургского Совета присяжных поверенных», — в газетах было напечатано «письмо за подписями Дмитрия Стасова, Константина Арсеньева, Алексея Унковского, Владимира Спасовича, Вильгельма Люстига».⁷⁷

По мнению современных ученых, тогда присяжных поверенных возмутили слова обер-прокурора, что во всяком деле адвокатура «настаивает, во что бы то ни стало, чтобы ей был отпущен ее Варавва, распинает ради сего и свидетелей, и потерпевших, и обвинительную власть, и даже самый закон». В ответ руководители присяжной адвокатуры в резких тонах отстаивали «свободу защиты» в рамках Судебных уставов 1864 г. Таким образом адвокатура пыталась протестовать против задуманного «разъяснения» (то есть дальнейшего ограничения) ее прав.⁷⁸

Что же вызвало такое возмущение, на что обращают внимание маститые руководители присяжной адвокатуры, в чем заключается их публичное предостережение? «...Г. обер-прокурор Николай Андрианович Неклюдов просил Сенат о “неотложном и положительном разъяснении прав защиты”, ввиду излишеств и злоупотреблений словом, которые себе будто бы позволяет защита по уголовным делам, причем предлагал меры к тому, чтобы свободы действий ее ограничить и поставить в известные, весьма тесные, рамки. <...> Он осветил этот предмет таким образом, что злоупотребления защиты составляют

⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 392. Л. 1–49.

⁷⁴ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. К 50-летию Судебных Уставов. 1864–1914. М., 1914. С. 283.

⁷⁵ ГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 2. Л. 128 (из письма к П. А. Потехину 29 декабря 1882 г.).

⁷⁶ Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 5. С. 161.

⁷⁷ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 207.

⁷⁸ См.: Скрипильев Е. А. В. Д. Спасович — король русской адвокатуры. С. 35–36; Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 161.

150 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения если не исключительную, то частую причину оправдательных приговоров присяжных заседателей. <...> Брошенные им слова перешли в печать, в которой они и ставят важный *общественный вопрос*, не подлежащий оставлению без ответа, дабы нельзя было вынести, что *qui tacet consentire videtur*.⁷⁹ <...> Мы переносим вопрос с почвы личной на общественную и считаем долгом заявить, что <...> дело суда и правды не много бы выиграло от того, если бы свобода защиты была поставлена в рамки, начертанные г. Неклюдовым, при установлении которых пропала бы, в сущности, всякая свобода защиты. <...> Первая и прямая обязанность защиты состоит в том, чтобы отнестись к своей задаче прилежно и сердечно, употребляя все средства ума и убеждения к облегчению участи защищаемого. По своему назначению защита вправе предлагать только то, что располагает в пользу подсудимого. Все произносимое защитником находится под контролем ответственного за злоупотребления защитника словом председателя, который обязан наблюдать, чтобы в речах сторон не было хуления религии, колебания нравственности, нападения на основы государственного строя. <...> Отказ защите в возможности указывать на ответственность не преданных суду лиц и органов власти во многих случаях равняется отказу в правосудии. Предписывать ей план действий, внушать ей, какое должно быть ее содержание, *равносильно уничтожению ее свободы, наложению на нее кандалов*. Останется от нее только декорация <...> словом, превратят защиту в бессодержательный обряд. История защиты поведет к такой же атрофии обвинения, которое станет деловым и чем-то крайне сухим. Думаем, что эти весьма вероятные результаты предлагаемого не послужили бы к повышению значения и к прославлению Судебных уставов 20 ноября 1864 года, которые г. Неклюдов называет “словом прошедшего царствования”». ⁸⁰

По оценке дореволюционных историков, в «этом историческом документе» с обстоятельной и уничтожающей критикой давалась «полная достоинства отповедь Неклюдову и указывалось на важное значение адвокатуры в суде». В дни празднования 50-летнего юбилея введения Судебных уставов 1864 г. (в первом томе «Истории русской адвокатуры») прямо указывалось: «Здесь, в этом столкновении, произошло как бы решительное сражение между противниками и защитниками адвокатуры. Кто же остался победителем?».⁸¹ При издании книги в 1916 г. этот риторический вопрос повис в воздухе.

Дореволюционный историк и сам присяжный поверенный И. В. Гессен прямо указывал, что политизация адвокатского сословия проходила в острой борьбе «между старыми и новыми течениями», когда резко определились два направления: «одно оппортунистическое, а другое молодое, здоровое».⁸²

По авторитетному мнению современного ученого Н. А. Троицкого, рассматривая вопрос о соотношении и взаимоотношениях «старой» и «молодой» адвокатуры, необходимо признать, что общий уровень первого адвокатского

⁷⁹ Кто молчит, тот соглашается (*лат.*).

⁸⁰ Новое время. 1884. 24 марта.

⁸¹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 207.

⁸² Там же. С. 318.

призыва был, несомненно, выше. Но, с другой стороны, в искусстве политической защиты «молодые» уже к 1905 г. достигли, а со временем и превзошли уровень «старых» корифеев, которые к тому времени уже «одряхлели» и не выступали больше на политических процессах.⁸³

Тем не менее «классики судебного красноречия» в начале XX в. постоянно избирались председателями столичного Совета присяжной адвокатуры — П. А. Потехин (1900–1902), В. Н. Герард (1902–1903), А. Н. Турчанинов (1904–1905), Д. В. Стасов (1906–1907, 1911–1914). Именно эти представители «первого призыва» присяжной адвокатуры («стариками», как их называли) пытались в период революционных катаклизмов умерить стремления «молодой адвокатуры» принимать участие в оппозиционных выступлениях того времени.

В 1903 г. председатель Совета В. Н. Герард отказал в созыве и не утвердил повестку дня общего собрания петербургской адвокатуры с предполагаемым чествованием юбилеев Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко, так как это «не оставляло никакого сомнения относительно ее характера». Когда спустя больше полугода на общем собрании 24 апреля 1904 г. был поднят вопрос, почему Совет «положил под сукно» ходатайство 25 помощников присяжных поверенных, в протоколе было зафиксировано, что «сторонники Совета (Д. В. Стасов, Б. Г. Ольшамовский) утверждали, что несвоевременное возбуждение того или иного вопроса может иметь нежелательные для сословия последствия, и <...> лучше бы многих вопросов не затрагивать».⁸⁴

Между тем политическая обстановка резко менялась, во что адвокатура внесла свою лепту, приняв активное участие в прокатившейся по городам страны волне антиправительственных выступлений. Когда 21 ноября 1904 г. было запрещено проведение общего собрания присяжных поверенных и их помощников, посвященного 40-летию Судебных уставов в обычном помещении здания окружного суда, адвокаты, приняв соответствующую резолюцию, «стройной толпой» прошли по Литейному и Невскому проспектам (привлекая к себе общее внимание) и самовольно заняли здание городской думы. В. А. Маклаков вскоре резонно заметит по этому поводу, что это была «первая по времени политическая резолюция», принятая в России «именем целой общественной группы, официально признанной корпорации».⁸⁵

Через 10 лет, накануне новой революции, Иоанн Кронштадтский напомнил, что «особой наглостью отличился Стасов, имевший дерзость хвастаться тем поправлением уважения к закону, какое проявили адвокаты в 1905 г. (1904 г. — Д. Л.), когда мятежной толпой прерывали занятия суда, орали на улицах и требовали низложения правительства в зале городской думы».⁸⁶ Правда, тогда испуганный председатель Совета А. Н. Турчанинов заявил, что

⁸³ *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 152, 114. См. также: *Варфоломеев Ю. В.* 1) Очерки политических процессов в России первой четверти XX века (По материалам деятельности лидера «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева). Саратов, 2007; 2) Значимые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.

⁸⁴ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 317.

⁸⁵ Цит. по: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 211.

⁸⁶ Гроза. 1916. 1 мая. С. 1.

152 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения «собрание не может считаться законно состоявшимся, и пригласил всех разойтись», что потом было отражено в «отчете Совета за 1904–1905 гг.».⁸⁷

Вопреки этому все адвокаты подавляющим большинством голосов приняли и подписали резолюцию, что «истинное правосудие невозможно без признания за всеми гражданами равного права неприкосновенности личности и жилища, свободы совести и вероисповедования, свободы печати, собраний и союзов», причем для «правильного течения государственной жизни необходимо участие народного представительства в осуществлении законодательной власти». Не ограничившись этим, общее собрание решило вручить эту резолюцию министру внутренних дел, для чего была избрана депутация в составе Д. В. Стасова, Н. П. Карабчевского, Ф. И. Родичева, Л. А. Базунова, Н. Н. Шнитникова, П. Г. Миронова⁸⁸ (первым в списке был именно «патриарх отечественной адвокатуры»).

Но через неделю, 27 ноября, Совет отказался в гласной форме сообщить принятую резолюцию министру внутренних дел большинством всего в один голос (6 против 5). Здесь уже в рядах радикально настроенного меньшинства Совета в протоколе значились те же имена членов указанной депутации — «Н. Карабчевского, Д. Стасова, Л. Базунова, Н. Шнитникова». Но буквально через три дня, 30 ноября, уже вместе с прибывшими в столицу членами Московского Совета присяжных поверенных Петербургским Советом все же будет принята окончательная резолюция, что «единственным средством восстановления величественного здания Судебных уставов 1864 г. <...> является коренная реформа государственного строя». По свидетельству современников, в столице «раздался только один голос П. Ф. Булацеля против принятия резолюции» в верноподданническом заявлении к министру внутренних дел, к которому присоединились еще два малоизвестных адвоката.⁸⁹

Действительно, ноябрь 1904 г., по справедливому мнению дореволюционных ученых, явил в себе «бесспорно кульминационный пункт в жизни русской адвокатуры»,⁹⁰ и С.-Петербургский Совет присяжной адвокатуры сыграл здесь решающую роль.

Первые попытки создания союза адвокатов закономерно совпали по времени с первой русской революцией. Первый съезд присяжной адвокатуры по инициативе Петербургского Совета состоялся в столице с 28 по 30 марта 1905 г., то есть в разгар революционных событий. Резкая политизация общественной жизни вновь повлияла на настроения в адвокатуре. В работе съезда, несмотря на официальное запрещение его проведения, приняли участие около 200 делегатов, избранных в основном общими собраниями присяжных поверенных и их помощников во всех судебных округах империи, за исключением сибирских.⁹¹ По словам участника съезда Н. В. Тесленко, стремление объединить всю русскую адвокатуру было столь единодушно, что съезд провозгласил

⁸⁷ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 318.

⁸⁸ См.: Юрист. 1904. № 48. С. 1741; Право. 1904. № 48. С. 3343–3345.

⁸⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 318.

⁹⁰ Там же. С. 328.

⁹¹ Галоганов А. П. Российская адвокатура.... С. 220

«учреждение всероссийского союза адвокатов с целью <...> достижения *политического освобождения России на началах демократической конституции*». В это же время представители адвокатуры Царства Польского образовали свой особый союз и выразили свое «сочувствие русскому освободительному движению». ⁹²

Когда же после съезда в Петербурге его участников стали подвергать «дознанию по ст. 126 Угол<овного> улож<ения>», то в жандармское управление стали пачками поступать заявления о принадлежности к этому союзу адвокатов, и власти, растерявшись, были вынуждены остановить следствие. ⁹³

Современные исследователи истории российской адвокатуры сделали правомерный вывод, что «вирус революционной борьбы» поразил поголовно всех делегатов съезда, когда чуть ли не главным практическим результатом создания Союза оказались напрочь испорченные отношения с органами власти, которые расценили «декларации представителей адвокатуры как угрожающие государственному строю и территориальной целостности России». Поэтому полиция 5 октября 1905 г. запретила проведение второго съезда в помещении Московского Совета присяжных поверенных и разогнала его участников, которые были вынуждены проводить собрания подпольно на частных квартирах. В конечном счете, внутренние разногласия среди участников этого съезда привели к тому, что Союз адвокатов прекратил свое существование, так и не выполнив своей главной задачи — «объединения общепрофессиональной деятельности адвокатуры». ⁹⁴

В период октябрьской всероссийской политической стачки 1905 г., когда Петербургским Советом присяжных поверенных решался вопрос о присоединении к забастовке и прекращении адвокатской деятельности, одно из заседаний «было закрыто председателем вследствие неутихающего шума и крика». По свидетельству современников, «наиболее горячие члены собрания» прямо предлагали Совету «подать в отставку». ⁹⁵ В это время обновление Совета, проводимое на общих собраниях, проходило в горячей, возбужденной обстановке. Так, в 1905 г. на общем собрании «весь состав Совета (за исключением нескольких выбывших по очереди) был переизбран». ⁹⁶

Именно в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., когда Д. В. Стасов активно выступал за создание общероссийской организации адвокатов, он был избран председателем Петербургского Совета присяжных поверенных. В 1906 г. в либеральных органах печати с определенной долей пафоса отмечалось, что в годы нового революционного подъема «председателем Совета не мог быть не избран вечно молодой, так свято верующий в правду Д. В. Стасов». ⁹⁷ Причиной этого избрания в период борьбы «между старыми и новыми течениями» в адвокатуре был определенный компромисс корифеев

⁹² История русской адвокатуры. Т. 1. С. 330. Курсив мой. — *Д. Л.*

⁹³ Там же. С. 331.

⁹⁴ Цит. по: *Галоганов А. П. Российская адвокатура...* С. 223.

⁹⁵ См.: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 339–340.

⁹⁶ Там же. С. 338.

⁹⁷ День. 1916. 18 апр. С. 1.

154 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения ее «первого призыва» (к ним принадлежал Д. В. Стасов) и «молодой адвокатуры», которую он же активно поддержал в годы революции 1905–1907 гг. в России.

В период острой предвыборной борьбы в I и II Государственную думу политические разногласия нередко грозили внести раскол в ряды столичной адвокатуры, и Д. В. Стасов, будучи в это время организатором и одним из руководителей Партии демократических реформ, умел находить общий язык с представителями других партий в адвокатуре. Так, когда в общем собрании присяжных поверенных в Петербурге 30 апреля 1906 г. разгорелись прения о принятии резолюции с требованием всеобщей политической амнистии, члены Совета остановились на весьма оригинальном компромиссе: «Сословие особо радуется первому акту Государственной думы, направленному к полной амнистии».⁹⁸

В 1906 г. Петербургский Совет во главе с Д. В. Стасовым попытался организовать бесплатные «юридические консультации» по вопросам участия в выборах в Государственную думу, но столичный градоначальник в 1907 г. запретил подобную деятельность, полагая, что «консультации принадлежит право подачи советов лишь по вопросам чисто судебного характера, и притом под ближайшим контролем подлежащих судебным установлений». Впрочем, запрещать уже было поздно, да и нечего, так как с поражением революции интерес потенциальных избирателей к выборам резко упал. Это с удивлением было признано в «Отчете Петербургского Совета за 1906–1907 г.»: «В 3-ю кампанию все приготовления к тому, чтобы прийти на помощь избирателям, оказались излишними: местное население оказалось совершенно безучастным к судьбе выборов, и не было ни одного случая обращения в консультацию по поводу выборов».⁹⁹

В то же время, несмотря на определенную политическую ангажированность, Петербургский Совет свято чтит свои незыблемые правила. Так, когда в разгар первой русской революции один из присяжных поверенных отказался от защиты по назначению суда, признавая для себя «невозможным входить в общение с теми, кто усмирлял народное восстание», Совет признал этот отказ неправильным.

В «Отчете Петербургского Совета присяжных поверенных за 1906–1907 гг.» (когда его председателем был Д. В. Стасов) прямо указывалось на пагубность подобного поведения. «Присуший адвокатской деятельности общественный элемент заключается не в том, что адвокаты являются в процессе как бы представителями общества, а в том, что они, являясь представителями интересов частных лиц, всем и каждому должны оказывать юридическую помощь, раз они призваны к тому в законе, и не могут уклоняться от исполнения таких своих обязанностей по каким-либо личным взглядам на обвиняемого или на проступок им совершенный, — резюмировалось в отчете казуистическим юридическим языком. — Получится полный произвол усмотрения и возможность, что подсудимый будет лишен защиты, без чего правильное

⁹⁸ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 337.

⁹⁹ Цит. по: Там же. С. 357.

правосудия невозможно».¹⁰⁰ Подобное кредо присяжной адвокатуры снимает всякие обвинения по ее адресу в политической подоплеке всех выступлений в защиту привлеченных к суду революционных деятелей.

С поражением первой русской революции Д. В. Стасов утрачивает свой пост главы отечественной адвокатуры, но вскоре ее «старейшина», «Нестор» (как называли тогда в прессе Дмитрия Васильевича), вновь будет призван защищать интересы своей корпорации.

В 1911 г. Д. В. Стасов в третий и последний раз избирается (вплоть до 1914 г.) председателем Петербургского Совета присяжных поверенных. В это время одним из больших вопросов для адвокатского сословия было «настойчивое домогательство женщин-юристок о зачислении в помощники присяжных поверенных». Правительствующий Сенат категорически разъяснял, что «лица женского пола <...> не имеют по закону права на вступление в сословие присяжных поверенных», что было подтверждено его решением в 1910 г., причем министр юстиции «горячо высказался против допущения женщин в адвокатуру».¹⁰¹ В это же время Д. В. Стасов, будучи вновь избранным на пост председателя Петербургского Совета присяжных поверенных, постоянно выступал за равноправие женщин во всех сферах жизни и приводил в ярость блюстителей закона, когда заявлял: «Я ничего не имею против женщин-адвокатов».¹⁰²

Важность этого вопроса (который окончательно так и не был решен) подтверждается яростной борьбой на самом высоком уровне. Так, еще 16 ноября 1909 г. по инициативе 100 депутатов Государственной думы в ее судебную комиссию было внесено законодательное предположение «О предоставлении лицам женского пола права быть присяжными поверенными». Комиссия признала такой законопроект желательным и вынесла его для обсуждения на пленарное заседание думы. Через три года, 16 марта 1912 г., большинством голосов после бурных дебатов Государственная дума принимает решение о подготовке проекта закона о женской адвокатуре. В Государственный совет законопроект поступил в ноябре 1912 г., а на пленарном заседании его обсуждение началось 23 января 1913 г. Накал страстей при рассмотрении этого не самого принципиального вопроса достиг не меньших размеров, чем при решении, скажем, бюджетных проблем. Большинство выступавших высказалось в поддержку законопроекта, но при подсчете голосов выяснилось, что из 150 членов Государственного совета за его отклонение голосовали 84, против отклонения — 66 человек.¹⁰³ Это еще раз подтвердило, что политическая элита страны (со старым закостенелым мышлением), упорно цепляясь за старое, патриархальное прошлое, сама вскоре будет вынуждена «уйти в прошлое». Правда, об этом мало кто задумывался в год пышного празднования 300-летия Дома Романовых.

¹⁰⁰ Цит. по: Там же. С. 371.

¹⁰¹ Там же. С. 369–370.

¹⁰² Петербургская газета. 1912. 7 мая. С. 3.

¹⁰³ См.: Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72–77.

Таким же образом представитель древнего дворянского рода Стасовых был чужд каких-либо националистических предрассудков, упорно доказывая «необходимость оставления в сословии <...> присяжных поверенных евреев». ¹⁰⁴ Здесь надо отметить принципиальную позицию в начале XX в. и предыдущих председателей Петербургского Совета — В. О. Люстига, В. Н. Герарда, которые на официальном уровне прямо заявляли, что «евреи такие же граждане в составе населения Империи и <...> было бы крайне несправедливо лишать их возможности заниматься адвокатским трудом». Конечно, по такому злободневному тогда вопросу единодушия среди адвокатов не могло быть, и такие знаменитые адвокаты, как Ф. Н. Плевако и В. Д. Спасович, считали большим компромиссом «допустить некоторый процент евреев в адвокатуру», первый предлагал принимать их «даже до 20 %», а второй считал необходимым «не допускать евреев на должности председателя и товарища председателя Совета». ¹⁰⁵

Царские власти не преминули определенным образом отомстить Совету, когда в 1914 г. были преданы суду 25 известных адвокатов (включая А. Ф. Керенского, Б. Г. Лопатина-Барга, Ф. А. Волькенштейна, Н. Д. Соколова) по так называемому «адвокатскому процессу» в связи с протестом общего собрания присяжных поверенных против возбуждения провокационного «дела М. Т. Бейлиса». Суд квалифицировал этот протест как «наглое обвинение государственной власти». ¹⁰⁶

Министр юстиции повторил это в своем выступлении на заседании Государственной думы, назревал большой политический скандал. Столичная прокуратура вынесла свой вердикт, что «Совет, как и все участники этого общего собрания, подлежат общей дисциплинарной ответственности, как лица, забывшие уважение к закону». Кроме того, следователь не только опечатав помещение Совета, но и «в присутствии председателя и некоторых членов Совета произвел в помещении обыск» в поисках подлинного протокола общего собрания 23 октября 1913 г., списка его участников, черновиков принятых резолюций. ¹⁰⁷

Именно 23 октября 1913 г., за пять дней до того, как присяжные признали Менделя Бейлиса невиновным в совершении преступления (что стало полной неожиданностью как для властей, так и для обществности), коллегия адвокатов Санкт-Петербурга единогласно приняла ставшую знаменитой резолюцию. «Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды, — прямо и довольно

¹⁰⁴ Петербургская газета. 1912. 7 мая. С. 3.

¹⁰⁵ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 276–277.

¹⁰⁶ Цит. по: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 185.

¹⁰⁷ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 366.

рискованно заявила свое мнение корпорация столичной присяжной адвокатуры. — Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России». Известный в то время адвокат Александр Керенский, один из инициаторов принятия данной резолюции, в своих мемуарах впоследствии справедливо заявил: «Эта резолюция имела огромный резонанс в России и, что было еще более важно, произвела глубокое впечатление за рубежом».¹⁰⁸

Противостояние прокуратуры С.-Петербурга и столичного Совета присяжных поверенных происходило именно в период председательствования Д. В. Стасова, который своим авторитетом и ореолом «патриарха отечественной адвокатуры» помогал противостоять наступлению реакции.

Особенно эта поддержка была необходима, когда Петербургская Судебная палата долго настаивала, чтобы руководство Совета присяжных поверенных соответственно возбудило «дисциплинарное производство» в отношении 87 адвокатов, участвовавших в собрании. Совет упорно ровно полгода, вплоть до 13 мая 1914 г., уклонялся от такого решения, более того, принятая им резолюция отвергла основные обвинения по адресу общего собрания адвокатов. «Полувековая жизнь сословия установила более широкие рамки для деятельности общих собраний, чем те, которые намечены в решении Палаты, — гордо заявлял Петербургский Совет о своих завоеванных правах. — Присяжные поверенные, участвовавшие в собрании 23 октября, имели достаточно оснований считать, что вопрос о правильности построения обвинений Бейлиса, занимавший не только всю Россию, но и весь культурный мир, может быть обсужден на общем собрании присяжных поверенных. Поэтому Совет все же считает невозможным применить к присяжным поверенным какую-либо меру дисциплинарного взыскания. Наконец, что касается содержания резолюции, которое Судебная палата характеризовала как “наглое обвинение государственной власти в извращении основ правосудия”, то Совет не находит в резолюции ни выражения неуважения к государственной власти, ни наглое обвинение этой власти в извращении основ правосудия».¹⁰⁹

На суде выяснилось, что из почти 250 присутствовавших на данном собрании воздержавшихся было только двое, а все остальные голосовали «совершенно одинаково», причем голосование производилось таким образом, что «формальный вопрос было предложено голосовать поднятием рук». Из числа привлеченных к предварительному следствию было предано суду лишь 25 человек, а «об остальных 62-х дело производством прекращено». Окружной суд 6 июля 1914 г. признал всех 25 обвиняемых адвокатов виновными и, «выделив двух, приговоренных к 8-ми месячному тюремному заключению, остальным назначил наказание в размере 6 месяцев тюрьмы».¹¹⁰ «Поскольку в новом Уголовном кодексе 1903 года не было статей, относящихся к нашему “преступлению”, нам вынесли обвинительный приговор согласно

¹⁰⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 60–61.

¹⁰⁹ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 366.

¹¹⁰ Там же. С. 367–368.

158 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения статье 279 закона времен Екатерины II за распространение “клеветнических” анонимных писем, — писал с гордостью в своих мемуарах А. Ф. Керенский. — Двадцать три моих коллеги получили шесть месяцев заключения в крепости. Н. Д. Соколов, как один из основных авторов, и я, как инициатор принятия резолюции, были приговорены к восьми месяцам тюремного заключения и лишению прав быть куда-либо избранными». ¹¹¹

На сторону адвокатуры встала в то время отечественная пресса, причем самых различных политических оттенков. «Факт тот, что, можно сказать, вся адвокатура решительно становится на сторону осужденных и видит в принятии резолюции по делу Бейлиса исполнение гражданского долга, отстаивание права против неправды, игнорирует “формальное нарушение”, наличие которого прямо признается во многих напечатанных приветствиях, — было написано в те дни в одном из ведущих юридических изданий. — Правильна ли, или, напротив, резко неправильна такая оценка — этот вопрос теряет уже свое значение пред лицом того факта, что в организации правосудия возникли трения, что строй его совершенно разладился. Такой факт служит симптомом серьезной болезни, которую, очевидно, нельзя вылечить тем, что 25 адвокатов будут приговорены к тюремному заключению. Напротив, от этого болезнь лишь распространяется интенсивно». ¹¹²

Так начиналось новое противостояние либерально настроенной адвокатуры и, в целом, русской интеллигенции с государственной властью, которые (вместе взятые) и в начале XX столетия не смогли извлечь исторические уроки из прошлого. После всех этих событий Д. В. Стасов в 1914 г. покидает пост председателя столичного Совета присяжной адвокатуры, выходит из его состава и навсегда прекращает активную юридическую деятельность. К этому времени он ровно столетия посвятил служению Судебным уставам 1864 г., формированию и становлению профессиональной адвокатуры в России, что, конечно, не осталось без внимания.

В 1916 г. признанием заслуг Д. В. Стасова стал поток юбилейных статей, когда судебный мир столицы праздновал «три знаменитых юбилея: 50-летие открытия реформированных судебных установлений в Петрограде, 50-летие первого в России Совета присяжных поверенных и 50-летие судебной деятельности старейшего русского адвоката, первого председателя первого Совета присяжных поверенных Д. В. Стасова». ¹¹³ Ведущие российские газеты пестрели заголовками: «Чествование Д. В. Стасова». ¹¹⁴

Благородная роль Д. В. Стасова в деле отстаивания интересов сословия присяжных поверенных получила особо рельефную оценку на чествовании 50-летнего юбилея его адвокатской деятельности, что нашло отражение в многочисленных приветственных адресах. «С самого зарождения нашего сословия Ваше имя непрерывно и неразрывно с ним слито, — было сказано в адресе, поднесенном ему петербургской адвокатурой. — Вы первым были призваны

¹¹¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 60–61.

¹¹² Право. 1914. № 24.

¹¹³ Петроградская газета. 1916. 17 апр.

¹¹⁴ См.: Русские ведомости. 1916. 18 апр.; День. 1916. 18 апр.

стать во главе нашего самоуправления и навсегда остались верным и чутким стражем сословной чести, свободы и независимости <...> Кристальная душевная красота Ваша, прямота и независимость Ваших убеждений и ясное понимание нужд и задач сословия — сделали Ваше имя живым воплощением лучших заветов русской присяжной адвокатуры». ¹¹⁵

Выдающийся государственный и литературный деятель К. К. Арсеньев писал в эти дни юбиляру: «...я был странствующим рыцарем судебной реформы, верно служившим ей, но отдалявшимся от нее, не переставая любить ее, а Вы были ее верным и неизменным другом, и значительно большая часть Вашей жизни прошла на посту, на который она сразу Вас поставила». При этом он заметил, что «такая тесная и глубокая связь — явление крайне редкое и ценное». ¹¹⁶

Признавая выдающиеся заслуги Д. В. Стасова в дни празднования полувекового юбилея введения судебных уставов, которым столько же лет он неизменно служил, от имени сословия адвокатов ему «поднесли золотой знак присяжного поверенного, единственный во всей России», образовали капитал его имени в поддержку членов своего сословия и стали именовать его «старейшиною адвокатуры». ¹¹⁷

Представители «молодой адвокатуры», уже после упразднения корпорации присяжных поверенных, так высказывались в 1918 г. о своих великих предшественниках: «Судьба посылала в ряды адвокатуры такие таланты, которые по мощности и силе могут повториться, но вряд ли могут быть превзойдены». В их сравнительном анализе деятельность знаменитого Ф. Н. Плевако «была равносильна молнии, которая еще раз может повториться, а вот Стасов это не молния, это свет, это не появление, это отдача себя, это не эффектный уход и приход, это долг служения адвокатуре». ¹¹⁸ Такая высокая оценка подтверждается полувековой деятельностью Д. В. Стасова на посту председателя или бессменного члена Петербургского Совета присяжных поверенных, различных юридических обществ.

Имя Дмитрия Васильевича Стасова как первого председателя первого в России Петербургского Совета присяжных поверенных навсегда войдет в летопись судебных преобразований и займет почетное место в истории отечественной адвокатуры.

¹¹⁵ Русские ведомости. 1916. 18 апр.

¹¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 56.

¹¹⁷ См.: Петроградская газета. 1916. 16 апр.; Русские ведомости. 1916. 18 апр.; День. 1916. 18 апр.

¹¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 59.

2.1.2 Политический защитник в «эпоху великих реформ» и «период контрреформ»

В истории судебных политических процессов 1860–1880-х гг. в России исследователи долгое время стремились выделить революционный фактор, акцентируя внимание на магических именах Дмитрия Каракозова, Николая Ишутина, Веры Засулич, Софьи Перовской, Александра Ульянова. Наряду с этим в советской историографии не только присутствовал идеологический подход, но и не всегда проявлялся критический анализ различных источников или предположений, что коснулось и личности первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных Дмитрия Васильевича Стасова.¹¹⁹

Одни советские исследователи считали, что уже осенью 1861 г. «исключенный из государственной службы, он поступил в коллегию присяжных поверенных»,¹²⁰ которая была учреждена только в 1866 г., после введения судебной реформы. Другие историки сделали Д. В. Стасова защитником М. Ф. Грачевского на процессе «193-х», хотя это было на процессе «17-ти», и необоснованно зачислили его в защитники С. Г. Нечаева (хотя в качестве адвоката он выступал двумя годами раньше на процессе «нечаевцев») и революционеров на процессе «50-ти»¹²¹ (где он вообще не участвовал¹²²). Даже в современном фундаментальном научном труде, посвященном судебным политическим процессам XIX в., при подробном освещении, с публикацией документов по делу Ишутина — Каракозова, ошибочно указывается, что этот широко известный политический процесс проходил «без защитников-адвокатов».¹²³ На самом деле, именно присяжный поверенный Д. В. Стасов защищал Н. А. Ишутина и опубликовал об этом свои воспоминания в 1906 г.¹²⁴

Здесь необходимо восстановить историческую истину, обратившись к авторитетному мнению ученых, что в горячих судебных баталиях впервые громко заявила о себе присяжная адвокатура «первого призыва» в лице ее корифеев — П. А. Александрова, С. А. Андреевского, К. К. Арсеньева, Н. П. Карабчевского, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича, Д. В. Стасова и многих других борцов «за право и правду».¹²⁵

На протяжении полувека Д. В. Стасов выступал на громких политических процессах, никогда не отказываясь от защиты как опасных государственных

¹¹⁹ См.: *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов — политический защитник // Государство и право. 2001. № 10. С. 98–106.

¹²⁰ См.: *Богословская Л. П.* «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. 6. М., 1974. С. 131.

¹²¹ См.: *Базилева З. П.* Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. 4. М., 1965. С. 443.

¹²² См.: *Лебедев А. К., Солодовников А. В.* Владимир Васильевич Стасов. М., 1976. С. 75; *Салита Е. Г.* Стасовы в Петербурге-Петрограде. Л., 1982. С. 91, 195.

¹²³ *Дарин А. М.* Государственные преступления. Россия. XIX век. Тула, 2000. С. 224.

¹²⁴ См.: *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4.

¹²⁵ См.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1914 гг. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 229–369.

преступников, так и рядовых участников революционного движения, в том числе в провинции, решив для себя всегда поступать «по принципу — нельзя и не должно оставлять несчастных политических подсудимых без защитников».¹²⁶

По делу иштутинцев летом 1866 г. российская адвокатура впервые выступила на политическом процессе в пореформенном суде, что, конечно, влияло на его ход. Следует отдельно и более внимательно рассмотреть этот вопрос, так как волею случая адвокатом идеолога и руководителя революционного общества Н. А. Иштутина выступал один из авторов Судебных уставов 1864 г. и первый председатель Петербургского Совета присяжных поверенных Дмитрий Васильевич Стасов.

«Каракозовский процесс» получил самое широкое освещение в опубликованных источниках, литературе и воспроизводить его фактическую историю нет необходимости. Вместе с тем некоторые интересные и немаловажные подробности этого громкого дела с соответствующими выводами раскрываются при отдельно взятом рассмотрении непосредственной защиты Н. А. Иштутина в ходе судебных заседаний.¹²⁷

Интересно, что адвокат подсудимого сам был причастен к деятельности революционного подполья как тайный корреспондент «Колокола», участник лондонских переговоров Герцена и Чернышевского летом 1859 г. и уже имел определенный опыт политической защиты в деле тверских мировых посредников в дореформенном суде. Правда, это никоим образом не повлияло на проявление каких-либо симпатий адвоката к своему подзащитному по целому ряду причин, хотя в дальнейшем Д. В. Стасов блестяще выступал в защиту революционеров: нечаевцев, народовольцев и даже «политических фальшивомонетчиков».

Знаменательно, что первым же крупным делом в его адвокатской практике стал первый политический процесс по новым Судебным уставам. В обществе было опасение, что выстрел Каракозова 4 апреля 1866 г., буквально за две недели до введения новых Судебных уставов, «отсрочит на долгое время судебные реформы».¹²⁸ По злой иронии судьбы, проверить их действенность предстояло в таком первом судебном деле, где главным обвинением было покушение на жизнь императора, что считалось тягчайшим государственным преступлением.

Согласно Судебным уставам, был образован Верховный уголовный суд под председательством князя П. П. Гагарина, где обвинителем выступил сам министр юстиции Д. Н. Замятнин, а защитниками были назначены 11 присяжных поверенных: Д. В. Стасов, В. П. Гаевский, А. Н. Турчанинов, В. С. Самарский-Быховец и другие, многие из которых были членами ставовского юридического кружка. Положение защиты было в высшей степени тяжелое, они сознавали, вспоминал адвокат Б. Б. Дорн, что «от того, как они

¹²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 15. Л. 32.

¹²⁷ См.: *Легкий Д. М.* Н. А. Иштутин и его адвокат на Каракозовском процессе // *Основы государства и права.* 2001. № 4. С. 88–92.

¹²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 63.

162 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения будут защищать, зависит весь следующий ход адвокатуры, по которому должна идти впоследствии».¹²⁹

«В ряду политических процессов “Каракозовский”, — как оценивал с определенным преувеличением сам Д. В. Стасов, — один из самых замечательных во всех отношениях, как по существу, так и по обстановке».¹³⁰ Торопясь осудить Каракозова до приезда невесты цесаревича датской принцессы Дагмары, как этого требовал царь, следствие начало такую судебную гонку, которая отнюдь не благоприятствовала правильному и всестороннему рассмотрению дела.¹³¹

Несмотря на то что это было первое гласно разбиравшееся в обновленных судах России политическое дело, заседания проходили при закрытых дверях, все в той же Петропавловской крепости, где судили декабристов, петрашевцев (в их числе привлекались старшие братья Д. В. Стасова), тверских мировых посредников (которых он защищал еще в старом Сенате). В целом этот процесс во многом сочетал в себе дореформенные и пореформенные черты.¹³²

В каких трудных условиях проходила эта защита, хорошо прослеживается в семейной переписке Стасова. «Мне не придется быть у вас, — пишет он 16 августа 1866 г. своей жене, — ни сегодня, да и, вероятно, всю нынешнюю неделю, дело огромное <...> мы сидим и читаем с утра до вечера и все-таки не успели всего прочесть».¹³³ Поэтому П. С. Стасова 31 августа напишет с грустью брату, что с тех пор, как ее муж был арестован в 1861 г. за сбор подписей в защиту арестованных студентов, «мы никогда не расставались на такой долгий срок».¹³⁴

Для характеристики господствовавших тогда в правительственных сферах взглядов на уместность выступления защитником на такого рода процессах интересно то, что сообщает сам Д. В. Стасов. Когда один из членов Верховного суда, принц П. Г. Ольденбургский, встретил нескольких присяжных поверенных из числа выпускников Училища правоведения, которому сам же покровительствовал, он с нескрываемой досадой обратился к адвокатам: «И охота вам защищать таких негодяев». «Я ему ответил, — вспоминает Д. В. Стасов, — что мы для этого назначены и дело это защищаем по назначению кн. Гагарина». Тогда принц сказал: «Желаю вам полного неуспеха».¹³⁵

Буржуазные исследователи впоследствии заметят, что «в словах принца Ольденбургского просто слышался давно знакомый уже отзвук непонимания задач адвокатуры», в оправдание чего приводили европейский опыт, «когда адвокатов отождествляли с защищаемыми ими подсудимыми».¹³⁶ Российским присяжным поверенным приходилось на ходу вырабатывать свою линию поведения, формировать адвокатскую этику нового общественного сословия.

¹²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 63–64.

¹³⁰ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 276.

¹³¹ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. М., 1961. С. 355.

¹³² См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 229.

¹³³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 13. Л. 4.

¹³⁴ Там же. Оп. 6. Д. 189. Л. 23.

¹³⁵ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 289.

¹³⁶ История русской адвокатуры. Т. 1. С. 128.

Д. В. Стасов вполне справедливо полагал, что на этом процессе «самые трудные защиты были Каракозова и Ишутина». ¹³⁷ Ему пришлось выступать защитником одного из главных подсудимых — Н. А. Ишутина, причем «защитником по собственному избранию подсудимого», ¹³⁸ и двух второстепенных, «по избранию самого председателя» — О. В. Малинина и В. А. Федосеева. ¹³⁹ Как опытный юрист, он прекрасно осознавал, что «задача тяжелая, надо избавить человека от смерти, а шансов мало». ¹⁴⁰ Стасов откровенно написал родственникам 31 августа 1866 г.: «Тот, которого я защищать должен, — очень сильно скомпromетирован и замешан». ¹⁴¹

Здесь он имел в виду, конечно же, Н. А. Ишутину, который, по его мнению, был «главным запевалой во всем том, что делалось и предполагалось». При этом Стасов не очень лестно отзывался о своем подзащитном, что было для него как адвоката нехарактерно. По его словам, Ишутин «был большой прожектор, горячий говорун, не прочь и даже весьма — прихвастнуть, что подмечено было многими из его товарищей, показавших об этом на суде и не очень-то ему доверявших». ¹⁴²

Опираясь на подобные свидетельства, авторитетные историки разных поколений и эпох дали впоследствии идеологу революционного общества еще более нелюбимую оценку. Так, П. Е. Щеголев считал, что Ишутин «сперва малодушно пал, а потом просто-напросто помешался»; Ш. М. Левин отмечал склонность того «прибегать к мистификациям», хотя и то и другое не вписывалось в общую канву освещения советской историографией истории революционного движения. Современный исследователь Е. В. Федотова вообще указывает на руководителя «ишутинцев» как «человека беспринципного, который <...> истерично выдавал своих единомышленников и вымаливал себе всяческие послабления». ¹⁴³

Будучи гуманистом и противником любого насилия, Стасов затруднялся находить оправдания в действиях своего подзащитного, обвиненного в том числе в «знании о намерении Каракозова совершить цареубийство и <...> основании тайного революционного общества “Ад” с исключительной целью цареубийства», или смягчать вину Федосеева, «который намеревался отравить своего отца для того, чтобы воспользоваться в тех же целях его состоянием». ¹⁴⁴ «Защита его была одной из самых тяжелых, — отметили коллеги Д. В. Стасова, — но в результате было то, что осталось впечатление, что все, что только может дать знание, умение, мысль, талант и сердце — все это было дано, все это было». ¹⁴⁵

¹³⁷ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 288.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 272. Оп. 6. Д. 5. Т. 1. Л. 346.

¹³⁹ Там же. Д. 6. Т. 2. Л. 182.

¹⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 13. Л. 4 (письмо от 16 августа 1866 г.).

¹⁴¹ Там же. Оп. 6. Д. 189. Л. 23.

¹⁴² Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 285, 279.

¹⁴³ См.: Щеголев П. Е. Алексеевский перевал. М., 1989. С. 63, 359; Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958. С. 254.

¹⁴⁴ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 296, 284.

¹⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 65.

Стенографические отчеты каракозовского процесса запечатлели активные, искусные действия Стасова при допросах свидетелей, которые помогали отвести от его подзащитных и общества ищутинцев в целом наиболее тяжкие обвинения. Он делал упор на то, что «Каракозова отговаривали от его намерения покуситься на цареубийство», а обсуждение этого вопроса представлял не окончательным решением, а всего лишь общим сообщением Ишутина о «мифическом европейском комитете»,¹⁴⁶ что не имело прямого отношения к готовившемуся покушению.

При этом защитник настоял на том, чтобы с подсудимых сняли обвинение в материальной поддержке Н. Г. Чернышевского и подготовке его освобождения из-за недостатка улик. Здесь не только князь Гагарин, но даже граф Панин были вынуждены сказать, что его «замечание совершенно справедливо, и оно будет принято во внимание судом при постановлении приговора».¹⁴⁷ Судьи даже не подозревали, что защитник ищутинцев постоянно оказывал материальную поддержку Чернышевскому и до и после этого процесса.

Подводя итог приемам в суде, Д. В. Стасов написал 18 сентября 1866 г. А. С. Кузнецову, «что дело проводится на основании новых уставов». «Председатель князь Гагарин, — выделил он особо в этом письме, — ведет дело превосходно, и мы, адвокаты, да и все, ему многим обязаны за то, как он требует на деле осуществить то, что он проводил при составлении судебных уставов. Этот человек бесспорно умный, держит себя в суде чрезвычайно беспристрастно, одним словом, настоящий судья».¹⁴⁸

Позднее Стасов отдал должное твердой позиции министра юстиции Д. Н. Замятина, который «на суде в качестве обвинителя держал себя замечательно корректно, не пересаливал в обвинении <...> не делал натяжек, не задавал придиричливых вопросов, вообще держал себя очень спокойно».¹⁴⁹

Следствию и вправду не приходилось прибегать к натяжкам, так как веских улик против подсудимых было вполне достаточно ввиду их неосторожности, полного отсутствия какой-либо конспирации и излишней откровенности на суде, а подзащитные особенно грешили раскаянием и оговорами, хотя Ишутин и Малинин действовали по принципу «кто выдает, того выдавать».¹⁵⁰

Многое зависело от итоговых защитительных речей присяжных поверенных (напомним, что в истории политических процессов это делалось впервые), и здесь Стасов как опытный юрист сделал все возможное, чтобы хоть как-то смягчить участь подсудимых.

В своей речи в защиту Ишутина адвокат признавал, что в кружке его подзащитного обсуждалась «мысль о распространении социализма (которого, впрочем, они не могли себе объяснить), произвести революцию и изменить настоящее государственное устройство». Но вместе с тем он считал, что

¹⁴⁶ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.: В 2 т. Т. 1. М., 1928. С. 75–76.

¹⁴⁷ Там же. С. 91–92.

¹⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 189. Л. 24.

¹⁴⁹ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 283.

¹⁵⁰ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 229–232.

«в обществе не было целей вредных для спокойствия части или целого государства <...> все их проекты были не более как неосуществимые фантазии». Касаясь в своей речи «обвинения в подстрекательстве своих товарищей к учреждению тайных обществ с целью совершения царевубийства», Стасов заметил, что «все разговоры были не более, как разговоры».¹⁵¹

Защищая О. В. Малинина, кассира общества и одного из его лидеров, адвокат вновь указал, что среди его участников так и не было решено, «в чем заключается цель общества <...> что такое социализм» и что вообще «никакой вопрос правильно не обсуждался, никакой вопрос не получал разрешения».¹⁵² Когда в обвинительной речи министра юстиции были перечислены все цели общества, от мирных до насильственных, то там же одновременно отмечалось, что о «политическом устройстве» страны после низвержения правительства у участников кружка были «самые смутные понятия» в силу «низкой степени своего развития». Вместе с тем подсудимые, как тот же Малинин, не отрицали, что «составлялось общество “Организация” с тайной целью ниспровергнуть правительство, захватить власть в свои руки и устроить государственность на социальных началах».¹⁵³

Искренне пытаясь помочь своим подзащитным, Д. В. Стасов стремился, конечно, преуменьшить результаты деятельности кружка ишутинцев, и его участники не только не противились этому, но и всячески поощряли такую линию защитника показаниями и раскаяниями. Более того, Малинин со своими сторонниками, как отмечал его защитник, стремился «противодействовать обществу организации», в том числе «уничтожить шрифт, потому что он совершенно не сочувствовал идее тайных типографий» и вообще хотел удалиться в Саратов, но вовсе не для того, «чтобы там распространять социалистические идеи».¹⁵⁴

Как бы там ни было, но после подачи его подзащитными прошения о помиловании (к чему прибегли многие подсудимые) приговор в отношении их был смягчен: Ишутину смертная казнь была заменена пожизненной каторгой, которая первоначально предназначалась О. В. Малинину и В. А. Федосееву, но была заменена ссылкой в Сибирь. Причем с Ишутиним была совершена «тяжелая комедия с помилованием»,¹⁵⁵ когда он «был привезен на место казни, там ему был прочитан приговор, надет саван и спущен на глаза колпак, и в то время, когда надо было уже вздеть на веревку, явился фельдъегерь, объявивший помилование».¹⁵⁶ «К чему было заставлять человека испытывать весь ужас приближающейся казни, когда уже решено было его помиловать! — с возмущением пишет Стасов уже в годы первой русской

¹⁵¹ Покушение Каракозова. Т. 2. М., 1932. С. 320–321.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 95. Речи в защиту Малинина и Федосеева не опубликованы.

¹⁵³ Цит. по: *Исаков В. А.* Радикальные социалисты России (1860–первая половина 1880-х гг.) о будущей власти // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 96–97.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 96–99.

¹⁵⁵ *Шилов А. А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866. Пг., 1920. С. 50.

¹⁵⁶ *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс. С. 290.

166 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения революции. — Этот же самый прием был применен и над петрашевцами, но то было при Николае I». ¹⁵⁷

Вместе с тем в воспоминаниях адвоката умалчивается об одном интересном факте, о котором с гордостью рассказывает его жена. «Имея в виду казнь Ишутина, — вспоминала П. С. Стасова, — Д<митрий> В<асильевич> предложил мне написать для Ишутина на высочайшее имя просьбу о не лишении его жизни, я написала, Д<митрий> В<асильевич> остался очень доволен, свез ее Ишутину, тот переписал ее». ¹⁵⁸ Так что не стоит особо удивляться малодушию революционера, в прошениях о помиловании которого историки читают возвышенные слова: «Я осмеливаюсь пасть к стопам Вашего Императорского Величества и со слезами умолять Вас о помиловании». ¹⁵⁹

У современников осталось впечатление об этом процессе, «что и суд, и прокуратура, и защита одинаково бережно и любовно относились к судебным уставам <...> защита в этом деле показала все свое благородное отношение». ¹⁶⁰ Конечно, в таком деле, как покушение на царя, да еще в Верховном уголовном суде, адвокатура была вынуждена в первую очередь высказывать «благородное отношение» к особе императора, чтобы в корне не загубить «великую реформу».

К тому же сам Д. В. Стасов, оказывая всяческую поддержку революционерам и восхищаясь их героизмом, никогда не мог примириться с мыслью о необходимости царевубийства и с возмущением отзывался о фактах «злодеяния» как в 1866 г., так и в 1881 и 1887 гг. Покушение Каракозова осудил в то время А. И. Герцен в «Колоколе», и только такие радикально настроенные деятели, как А. А. Серно-Соловьевич, посчитали полезными «такие примеры личной мощи и энергии». ¹⁶¹

Как бы обобщая последствия деятельности ишутинцев, глава присяжной адвокатуры заметил, что по ходу суда над ними «высказывались разные мысли, предположения, которые иногда приводились в исполнение последующими обществами и бывали предметами исследования и обсуждения в политических процессах последующих годов». ¹⁶²

Активное обсуждение такого вопроса, как «оправдывает ли цель средства?», и подталкивание В. А. Федосеева (одного из подзащитных Д. В. Стасова) к попытке «отравить отца для передачи после наследства тайному обществу» ¹⁶³ привели, в конце концов, революционеров к «нечаевщине», что, к сожалению, имело глубокие корни в революционном движении. Впоследствии известному адвокату было суждено выступать в роли защитника народников, когда царизм пытался поставить клеймо «нечаевщины» в целом на освободительном движении в России.

¹⁵⁷ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 290.

¹⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 28. Дочь адвоката В. Д. Комарова также подтверждает этот факт. См.: Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 11.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 6. Л. 541.

¹⁶⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 64 (из выступления адвоката Б. Б. Дорна в 1918 г.).

¹⁶¹ Серно-Соловьевич А. А. Наши домашние дела. Женева, 1867. С. 8.

¹⁶² Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 285.

¹⁶³ Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский. 1828–1889. Пг., 1923. С. 175.

История судебных процессов в пореформенной России, имевших политический характер и получивших широкий общественный резонанс, всегда вызывала повышенный интерес исследователей. В настоящее время существенно сместился акцент внимания историков, а читателей больше привлекают «рассказы о самых громких уголовных процессах России»,¹⁶⁴ ряд книг об «известных уголовных процессах XIX века», включающих «судебные речи известных русских юристов», представленных ранее в дореволюционных изданиях.¹⁶⁵ Однако материалы малоизвестных политических судебных процессов, скрытых от общественности в свое время (история одного из таких своеобразных уголовно-политических дел весьма поучительна), все же остаются по-прежнему актуальными и требующими серьезного анализа.¹⁶⁶

Прежде всего отметим, что, не придерживаясь модной ныне идеи постановки клейма, отождествления всего освободительного движения в России с «нечаевщиной», все-таки приходится констатировать не только факт этого рецидивного «революционного явления народу» (если можно так выразиться), но и его глубокую укорененность в революционной среде.

Свидетельством тому служат уроки судебных процессов на рубеже 1860–1870-х гг. над такими одиозными фигурами, как Дмитрий Каракозов и Сергей Нечаев. В свое время порочная практика этих революционных радикалов получила широкое освещение в исторической литературе, причем крайние проявления их деятельности не только не скрывались в советской историографии, но и справедливо подвергались жестокой критике и осуждению.¹⁶⁷

Вместе с тем представляется довольно странной потеря интереса историков к тесно связанному с политическим процессом над ишутинцами «делу о лицах, принадлежащих к противозаконному сообществу, составляющемуся с целью распространения в России, из политических видов, фальшивых кредитных билетов», рассмотрение которого проводилось с 12 декабря 1869 г. по 8 января 1870 г. в Петербургской судебной палате «при закрытых дверях».

Ход подготовки этого судебного процесса, скандального по своей сути, широко обсуждался в правительственной печати уже с октября 1869 г. «Будет расследоваться дело чрезвычайно важного значения, а именно: о целой ассоциации...», — громогласно заявлялось в «Судебном вестнике» за сутки до начала суда.¹⁶⁸ Примечательно, что за два месяца до этого внимание обращалось на тот факт, «что общество распространителей фальшивых кредитных

¹⁶⁴ См.: *Никитин Н. В.* Преступный мир и его защитники. Рассказы о самых громких уголовных процессах. М., 1996.

¹⁶⁵ См.: Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И. В. Потапчук. Тула, 1997; *Плевако Ф. Н.* Избр. речи / Сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000.

¹⁶⁶ См.: *Легкий Д. М.* Процесс «политических фальшивомонетчиков» // *Право и политика.* 2001. № 5. С. 95–101.

¹⁶⁷ См.: *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев?. М., 1976; *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М., 1986. Ср.: *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций. М., 2000.

¹⁶⁸ Судебный вестник. 1870. 7 янв.

168 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения билетов составляло отрасль бывших политических обществ “Молодая Россия”, “Земля и Воля” и “Польского центрального комитета”». ¹⁶⁹ Теперь же, буквально накануне процесса, указывалось на него как на «дело лиц польского происхождения». ¹⁷⁰ Видимо, правительство попыталось придать этому делу не столько политический, сколько чисто уголовный характер, причем с ярко выраженным национальным акцентом.

В конечном счете предать гласности ход такого, казалось бы, предсказуемого процесса царские власти так и не решились. Долгое время об этом деле судили по явно тенденциозной судебной хронике, не позволяющей говорить не только об итогах суда и характере прений сторон, но даже ознакомиться с составом его участников.

Рассматриваемый процесс был настолько скрытен и не ясен, что даже в знаменитый биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России», по признанию его составителей, оказалась «не внесена группа лиц, преимущественно польского происхождения, находившаяся в заключении в Петропавловской крепости за “изготовление фальшивых кредитных билетов с политической целью”». Объяснялось это тем, что данная группа имела «отношение больше к польскому революционному движению, чем к русскому». ¹⁷¹

Лишь позднее были опубликованы документы «о результатах следствия по делу о Петербургской польской организации», из которых стало известно, что действительно аресту подверглись 24 человека только из Польского революционного комитета в Петербурге как отдельно существовавшей группы объединенного, более широкого общества, в котором, по материалам следствия, «участвовали как поляки, так и русские», но русская его часть уцелела от разгрома. ¹⁷²

Вместе с тем сам ход судебного процесса остался вне поля зрения историков, поскольку его материалы вместе с архивом Петербургской судебной палаты сторели в период Февральской революции 1917 г. Но оказалось, что документы по этому делу все же сохранились и были обнаружены автором этой книги в семейном архиве одного из адвокатов — Д. В. Стасова, ¹⁷³ причем не только «Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию...», но и рукопись речи защитника, извещения Канцелярии Судебной палаты и, главное, обвинительный акт с данными о присяжных поверенных. ¹⁷⁴

¹⁶⁹ Биржевые ведомости. 1869. 29 окт.

¹⁷⁰ С.-Петербургские ведомости. 1870. 6 янв.

¹⁷¹ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. Т. 1, ч. 2. М., 1928. С. XII.

¹⁷² См.: Русско-польские революционные связи. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. М., 1963. С. 604–645; Федосова Т. Ф. Польский комитет в Москве и революционное подполье 1863–1866 гг. // Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 136–138; Баренбаум И. Е. К истории одного землевольческого отряда // Эпоха Чернышевского. М., 1978. С. 34–35.

¹⁷³ См.: Легкий Д. М. Д. В. Стасов в материалах семейного архива // Историографический сборник. Вып. 17. Саратов, 1998. С. 122–124.

¹⁷⁴ В фонде Стасовых обозначено как «дело о политических фальшивомонетчиках». См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 376.

Знаменательно, что по делу именно «польского противозаконного общества» весьма трудную защиту взяли на себя корифеи российской адвокатуры «первого призыва»: ¹⁷⁵ В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, А. А. Герке, А. Н. Турчанинов, Н. М. Соколовский, В. И. Танеев, К. Ф. Хартулари, А. И. Языков и другие, всего 15 присяжных поверенных. ¹⁷⁶

Не надо забывать, что у русской общественности, еще не расставшейся с националистическим угаром после подавления польского восстания 1863–1864 гг., такой демонстративный выбор только ставшей на ноги присяжной адвокатуры вряд ли мог вызвать одобрение и поддержку. Достоин удивления, что именно по сугубо польскому делу в самом начале 1870-х гг. впервые был представлен такой блестящий состав защиты, уступающий только таким грандиозным политическим процессам, как «нечаевцев», «193-х», «50-ти».

Это тем более знаменательно, что польских революционеров прокурор обвинял в тяжких государственных преступлениях уголовно-политического характера: в «принадлежности к тайному сообществу, имевшему противозаконную цель — укрывать беглых преступников польского происхождения и др. лиц, подвергающихся преследованию правительства, доставлять им фальшивые паспорта, способствовать к побегу их за границу и распространять в пределах Российской империи для вспомоществования польским эмигрантам и для расстройств государственных финансов поддельные кредитные билеты, доставлявшиеся из-за границы...». ¹⁷⁷ Кстати, в предварительных газетных сообщениях также выделялось обвинение революционеров в широком использовании «фальшивых ассигнаций с политической целью». ¹⁷⁸

Д. В. Стасов защищал одного из главных подсудимых — губернского секретаря Р. Загорского, который, по мнению прокурора, «выпускал фальшивые кредитные билеты в обращение, укрывал беглого ссыльнокаторжного преступника Вашкевича и беглого из арестантских рот преступника Поплавского, первого из них снабдил подложным, на чужое имя паспортом и давал пристанище другим политическим преступникам». В защитительной речи адвокату приходилось под тяжестью улик упорно отводить от подсудимого, которому уже исполнилось 50 лет, наиболее карающие статьи уголовного законодательства. ¹⁷⁹

По ходу дела выяснилось, что задолго до процесса, после подавления польского восстания 1863–1864 гг., Томская следственная комиссия сообщала управляющему III Отделением Н. В. Мезенцеву, что «Ромуальд Загорский занимался отправлением за границу беглых поляков лет 10 или 15». Подобная

¹⁷⁵ См.: *Троицкий Н. А.* 1) Корифеи русской адвокатуры первого призыва // Советское государство и право. 1985. № 2, 9; 2) Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1891) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968.

¹⁷⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 376. Состав защиты обозначен карандашом на полях обвинительного акта напротив имен подсудимых рукой Д. В. Стасова.

¹⁷⁷ Там же. Л. 22.

¹⁷⁸ С.-Петербургские ведомости. 1870. 6 янв. С. 1.

¹⁷⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 376. Л. 22.

170 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения деятельность продолжалась до тех пор, пока наконец те же Г. Вашкевич и Я. Поплавский не предали своего спасителя, более того, первый из них добровольно явился к варшавскому обер-полицейстеру и стал давать обширные показания о революционной деятельности польских организаций и их связях с русскими революционными группами.¹⁸⁰

По вялотекущему сценарию следствие с декабря 1865 г. продолжалось более пяти лет, до тех пор, пока на группу Польского революционного комитета не поступил еще один донос в Петербурге. Выясняется, что его происхождение было прямо связано с покушением Д. Каракозова на царя. «При производстве высочайше учрежденной под моим председательством следственной комиссией дела о событии 4 апреля, — сообщал в III Отделение П. П. Ланской в конце 1868 г., — обнаружено, что в Петербурге существовало общество злоумышленников <...> общество это имело связи и сношения в Москве, Сибири и за границей, откуда, по-видимому, и доставлялись фальшивые кредитные билеты».¹⁸¹

Но если на Каракозовском процессе революционерам удалось увести следствие от петербургского подполья, до которого так хотел докопаться Муравьев-вешатель (у следствия не было достаточно улик), то в 1870 г. полиции стала уже вполне очевидной тесная связь Петербургской польской организации с ликвидированной группой Н. Ищутина и И. Худякова.¹⁸²

В конечном счете аресту и суду подверглась только польская группа революционеров из 24 человек, весьма типичная по своему социальному составу для народнических организаций. Так, в списке обвиняемых значились: «Бывший преподаватель гимназии С. Вешторг, жена губернского секретаря Э. Завадская, бывший студент медико-хирургической Академии М. Киборт, дворянин К. Боровский, провизор Б. Овсянко, коллежский секретарь С. Стецкевич <...> мещанин А. Конасевич, губернский секретарь Р. Загорский <...> дочь титулярного советника Я. Карпинская, однодворец А. Леонович, дворянка П. Шостак...».¹⁸³ Как видим, особо опасных или видных революционеров в этой группе не значилось, каких-либо актов террора, даже в подготовительной стадии, обнаружено не было, тем не менее, как и во время суда над ищутинцами, решено было процесс проводить «при закрытых дверях, по особому о том распоряжению».¹⁸⁴

И хотя в этом политическом, по сути дела, процессе наличие состава чисто уголовных преступлений (подделка государственных документов и денежных знаков, укрывательство беглых преступников), караемых законодательством любого государства, могло быть только на руку правительству, оно все-таки не решилось использовать такой удобный повод для разоблачения в глазах

¹⁸⁰ Русско-польские революционные связи. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. М., 1963. С. 607.

¹⁸¹ Там же. С. 562, 604–633, 645.

¹⁸² Базанов В. И. А. Худяков и покушение Каракозова // Русская литература. 1962. № 4. С. 153.

¹⁸³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 376. Л. 5–6.

¹⁸⁴ С.-Петербургские ведомости. 1870. 6 янв. С. 1.

российской и европейской общественности революционного движения. Можно не сомневаться в том, что гласное проведение такого скандального дела (его не случайно окрестили «процессом политических фальшивомонетчиков») могло стать предтечей на шумевшего в России и Европе суда над С. Нечаевым, но так и не стало.

Кроме краткого оповещения в судебной хронике о предстоящем судебном заседании, общественности так и не дано было ничего узнать. Видимо, царские власти опасались не столько нежелательных откликов, сколько не хотели показать всему миру действительный размах революционной деятельности в империи, тем более что симпатии европейской общественности всегда были на стороне польских повстанцев.

Симптоматично, что 8 января 1870 г., именно в день завершения этого закрытого процесса, буквально всю прессу заполнили подробные сообщения о следствии «по убийству студента Иванова Нечаевым». ¹⁸⁵ Уж здесь-то правительство решило извлечь серьезные политические дивиденды, пытаясь наклеить ярлык «нечаевщины» на движение народников и одновременно привлечь на свою сторону либеральную общественность. В течение двух лет пресса активно освещала подготовку и проведение (вплоть до публикации стенографических записей прений сторон) двух известных политических процессов: «нечаевцев», где, впрочем, обвинение потерпело фиаско, и самого С. Нечаева, когда полиции и прокуратуре удалось взять реванш.

Идеологическая установка и политический расчет правительства по разоблачению вновь набирающего силу революционного движения в целом были оправданными, поскольку к тому времени дискутируемый ранее ишутинцами вопрос «оправдывает ли цель средства» стал решаться в революционной среде утвердительно. Данный принцип будет не только записан в пресловутый нечаевский «Катехизис революционера», но и утвержден в уставе народнической организации «Земля и воля».

Неудивительно, что некоторые видные деятели русского радикализма, как народничества, так и марксизма, считали производство фальшивых денежных знаков вполне приемлемым, не нарушающим революционную этику. Так, апологет анархизма М. Бакунин в своем мандате давал такое право руководителю «Комитета народной расправы» С. Нечаеву при полной поддержке Н. Огарева, хотя одновременно этому противодействовал идеолог русского общинного социализма А. Герцен.

Фактически в революционном движении постоянно разворачивалась принципиальная идеологическая борьба, вплоть до организационного противостояния, как среди революционных народников, так и впоследствии социал-демократов. ¹⁸⁶ С одной стороны выступали «экстремистские элементы революционного подполья», «нечаевщина <...> замешанная на аморализме средств и нравственных устоев» («Молодая Россия», «Ад» ишутинцев,

¹⁸⁵ Там же. 8 янв. С. 1.

¹⁸⁶ См.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996.

172 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения «Народная расправа» Нечаева);¹⁸⁷ и с другой стороны — деятели этического, пропагандистского направления, отстаивающего нравственные нормы в революционной борьбе, где наиболее типичным и ярким примером является деятельность известного кружка «чайковцев» — организации, ставшей «базовой в развитии революционно-народнического движения».¹⁸⁸

В 1870-е гг., с введением действительно гласного суда, Стасову довелось участвовать в политических процессах над народниками, получивших мировую известность: «нечаевцев» (1871) и «193-х» (1877–1878), которые проводились, в отличие от предыдущих, с соблюдением всех норм законности, предписанных уставами 1864 г., включая слушание при открытых дверях. При этом процессы «нечаевцев» и «193-х» стали самыми крупными за всю историю судов над революционерами после декабристов. Если в 1871 г. за попытку молодежи задуматься над вопросом о тяжелом положении народа и как-то помочь ему власти привлекли к следствию 152 человека, а на скамье подсудимых оказались 79, то в 1878 г. за «хождение в народ» было уже арестовано до 1400 его участников, правда, судить осмелились только 193-х.¹⁸⁹

Царизм устраивал такие грандиозные судилища с целью раз и навсегда опорочить революционеров, надолго восстановить против них общественность и, главное, скомпрометировать международное революционное движение, но их устроители жестоко просчитались. Проходившие в условиях почти не ограниченной гласности процессы вызвали не только волну открытого сочувствия борьбе народников, они показали всему миру, вопреки желанию властей, размах революционного движения и чистоту помыслов его участников (к тому же большинство подсудимых было оправдано).¹⁹⁰ Именно на политических процессах 1870-х гг. присяжная адвокатура, по справедливому мнению Н. А. Троицкого, «сумела показать такие образцы политической защиты, которые в конце концов разбили лед недоверия к ней со стороны общества и революционного подполья».¹⁹¹

Исследователи (вслед за современниками той эпохи) отмечают, что на процессе «нечаевцев» состав защиты был исключительно ярким: на суде выступили В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, В. И. Танеев, А. И. Урусов, А. М. Унковский, К. К. Арсеньев, Е. И. Утин, В. Н. Герард, К. Ф. Хартулари, А. И. Языков, А. Н. Турчанинов, А. А. Герке, А. А. Ольхин и другие, всего 21 адвокат.¹⁹² На процессе «193-х» вообще «красовался отборный цвет тогдашней русской присяжной адвокатуры», здесь подсудимых защищали В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, П. А. Александров, Е. И. Утин, В. Н. Герард, Г. В. Бардовский, П. А. Потехин,

¹⁸⁷ Рудницкая Е. Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 16.

¹⁸⁸ См.: Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. Саратов, 1991. С. 283.

¹⁸⁹ См.: Троицкий Н. А. 1) Дело нечаевцев // Освободительное движение в России. 1975. № 4. С. 80; 2) Процесс «193-х» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 316.

¹⁹⁰ Подробнее см.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 229–331.

¹⁹¹ Троицкий Н. А. Русская адвокатура на политических процессах народников. С. 119.

¹⁹² См.: Там же. С. 120.

Н. П. Карабчевский, А. Я. Пассовер, В. О. Люстиг, В. В. Самарский-Быховец и другие, всего 35 адвокатов.¹⁹³

Криминалист с мировым именем, профессор уголовного права Н. С. Таганцев, выступивший одним из защитников на процессе «193-х», отметил, что там были «не только представители ума и сердца адвокатуры <...> но были еще представители совести адвокатуры <...> вот таким представителем адвокатской совести и был Дмитрий Васильевич Стасов».¹⁹⁴

В 1871 г. он вел защиту участников нечаевской организации «Народная расправа»: студентов петербургских высших учебных заведений Н. С. Долгова, Н. Н. Римского-Корсакова, П. А. Топоркова и бывшей помещицы В. В. Александровской.¹⁹⁵ В 1878 г. именитый адвокат защищал участников «хождения в народ» из Большого общества пропаганды, Самарского и Пензенского кружков: Ф. Н. Лермонтова, А. А. Александровского, И. И. Ареопагитского, А. А. Пономарева, И. И. Доброва, В. И. Сабелькина, М. Н. Милоголовкина, А. А. Пыпина, П. В. Курдюмова, А. Я. Сидорацкой, М. В. Эдельштейна, П. В. Кротонова (в основном учащуюся молодежь).

Кроме того, еще девять подсудимых, «взятые под поручительство» Д. В. Стасовым (залог доходил до 10 тыс. р.), были освобождены из-под стражи на время суда: С. В. Мокиевский-Зубок, Л. А. Дическуло, И. И. Добровольский и др.¹⁹⁶ «Ввиду побега осужденного приговором <...> врача Ивана Добровольского», как говорится в определении ОППС от 2 июня 1878 г., залог, представленный присяжным поверенным Стасовым, обратили в «капитал на устройство мест заключения».¹⁹⁷

Во многих случаях он выступал защитником «по избранию» самих подсудимых, кроме того, в ходе того и другого процессов ему были «переданы от других адвокатов» подсудимые с наиболее тяжкими обвинениями, опять же по их собственной просьбе. Так, Ф. Н. Лермонтов указывал в своем заявлении: «Прис<яжный> пов<еренный> Герард не смог заняться изучением моего дела, хотя он и согласился быть моим защитником. Вследствие чего я и вынужден был доверить ведение защиты по моему делу другому прис<яжному> пов<еренному>, госп<одину> Дмитрию Васильевичу Стасову».¹⁹⁸ В таких случаях адвокат никогда не отказывался, хотя и прекрасно понимал, на что идет.

На процессе «нечаевцев» Стасов особенно был «в затруднении относительно защиты госпожи Александровской», переданной ему П. А. Потехиным.¹⁹⁹ Дело было не только в серьезных обвинениях, поскольку подсудимая, по словам министра юстиции, «согласилась содействовать членам заговора и затем, условившись с Нечаевым ехать за границу, возвратилась в Россию с огромным

¹⁹³ Чудновский С. Л. Из давних лет. М., 1934. С. 137. См.: Троицкий Н. А. Процесс «193-х». С. 319–320.

¹⁹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 133.

¹⁹⁵ См.: Правительственный вестник. 1871. № 182–200.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 929. Л. 2; Д. 808. Л. 1–9.

¹⁹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 381. Л. 6.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 402. Л. 128.

¹⁹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 378. Л. 12.

174 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения количеством печатных воззваний самого преступного свойства».²⁰⁰ Исследователи характеризуют В. В. Александровскую как «человека до известной степени загадочного: дважды появлявшегося на исторической сцене (в 1862 г. и в 1869 г.) и оба раза окончившего предательством»,²⁰¹ а в деле нечаевцев сыгравшую «какую-то совершенно особую, до конца не ясную, но, вероятно, провокационную роль».²⁰²

Объяснение такому поведению можно найти в письмах В. В. Александровской к Д. В. Стасову с настойчивыми просьбами стать ее защитником. «Истерическое состояние не оставляет меня, — пишет она 5 июля 1871 г., — Христа ради! Не оставьте — я в невообразимо ужасном положении <...> Мучительная неизвестность готова перейти в томительную нравственную лихорадку».²⁰³ Вследствие такого неуравновешенного характера полиция предпочла отказаться от предлагаемого Александровской плана выманить Нечаева из-за границы. Поэтому и отношение Стасова к ней было соответствующим, не случайно 28 августа Александровская обращалась к нему: «Я теряюсь в предположениях насчет вашего настоящего ко мне отношения!».²⁰⁴

Хотя, конечно, со своей стороны, адвокат сделал все возможное для смягчения ее участи. По свидетельству Александровской, он составил за нее «прощение на имя государя», и, кроме того, по словам П. С. Стасовой, «Д<митрий> В<асильевич> написал и подал кассационную жалобу, результатом которой было избавление Александровской от каторги».²⁰⁵ В конечном счете Судебная палата приговорила Александровскую к ссылке в Сибирь на поселение, «в места не столь отдаленные».²⁰⁶

Доказывая в своей речи, что «Александровская действовала под влиянием страха» (а угрозы Нечаева были не беспочвенны), Стасов с большой долей сарказма привел пример панического ужаса даже государственных чиновников от нелепой угрозы. Так, по его словам, «в Мариупольском магистрате, куда явился один господин и сказал, что одному из членов магистрата приказано обрить голову и сослать в Сибирь, весь магистрат до того был этим перепуган, что не посмел ослушаться, и несчастному действительно обрили голову и чуть не сослали в Сибирь; только телеграмма губернатора спасла его от ссылки».²⁰⁷

На процессе «193-х» Стасову также пришлось взять на себя защиту одного из главных подсудимых, сельского учителя Ф. Н. Лермонтова, деятельного члена «Большого общества пропаганды». Обвинение представляло кружок «чайковцев» «той заразой, от которой пошли все кружки».²⁰⁸ Лермонтов создал кружок, деятельность которого адвокат подробно рассматривал в своей речи,

²⁰⁰ Нечаев и нечаевцы: Сб. документов. М., 1931. С. 18.

²⁰¹ Там же. С. 7. Об этом говорит в предисловии Б. П. Козьмин.

²⁰² Троицкий Н. А. Дело «нечаевцев». С. 37.

²⁰³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 378. Л. 1–2.

²⁰⁴ Там же. Л. 5.

²⁰⁵ См.: Там же. Оп. 5. Д. 415. Л. 52.

²⁰⁶ Дарин А. М. Государственные преступления. Россия. XIX век. С. 256.

²⁰⁷ Правительственный вестник. 1871. № 200. С. 5.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 140. Подробнее см.: Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды.

делая упор на гуманных целях участников «хождения в народ», хотя и вынужден был признать вину своего подзащитного (с некоторыми оговорками), поскольку тот убеждал своих товарищей, «что из существующего положения нельзя выйти иначе, как путем революции».²⁰⁹

Защищая народников, преданных суду, Стасов неизменно представлял их яркие психологические портреты, как, например, в «речи за студента Н. С. Долгова» на процессе «нечаевцев», что не только особо выделил «Правительственный вестник»,²¹⁰ где эта речь, в отличие от других, была опубликована полностью, но и отмечается в современных исследованиях.²¹¹ Сохранилась также краткая скромная запись с характеристикой его выступления на этом процессе. «На суде 1871 г. в августе, — вспоминает П. С. Стасова, — я тихонько от Д<митрия> В<асильевича> присутствовала при его защите и должна сказать, что речь его простая, безыскусная, искренняя, произвела очень хорошее впечатление и значительно смягчила участь подсудимых».²¹² Так, подсудимые Н. Н. Римский-Корсаков и П. А. Топорков были оправданы за недоказанностью обвинения, Н. С. Долгов приговорен к одному году тюрьмы.²¹³

В судебных прениях защитник смело отвергал подтасованные или не отвечающие требованиям судебных уставов представленные показания. Так, в деле «нечаевцев» после его настойчивого требования «палата удалась на совещание <...> и постановила рапорт полковника Бирина <...> не читать»,²¹⁴ а в перекрестном допросе свидетелей со стороны обвинения адвокат искусно добивался таких ответов, что становилась ясной вся абсурдность обвинений против его подзащитных. «На вопрос прис<яжного> пов<еренного> Стасова свидетель объяснил, что подсудимый Долгов был весьма мягкого, уступчивого характера, что он чрезвычайно любил учить <...> страстно занимался обучением мужчин и женщин, — констатировалось в судебном отчете. — Эта любовь к учительству была в нем настолько велика, что он увлекал на этот путь и всех других».²¹⁵

На процессе «193-х» Д. В. Стасов категорически выступал против такой формы допроса, когда судьи буквально выбивали из безграмотных свидетелей-крестьян сведения по поводу «разговоров» с ними народников «о международном обществе рабочих», «насчет Лассаля и Маркса <...> Бакунина», «Что делать?» и «Гражданской войны во Франции».²¹⁶ Характерно, что царский суд как на процессе 1871-го, так и в 1878 г. пытался искать корни глетворного влияния на российских подданных где угодно, но только не в своей стране.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 142.

²¹⁰ См.: Правительственный вестник. 1871. № 182.

²¹¹ См.: Троцкий Н. А. Русская адвокатура на политических процессах народников. С. 121.

²¹² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 52.

²¹³ Это подтверждается данными приговоров в детально разработанных таблицах о политических процессах. См.: Троцкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 338–391.

²¹⁴ Правительственный вестник. 1871. 25 июля. № 176. С. 3.

²¹⁵ Там же. 17 авг. № 195. С. 3.

²¹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 794. Л. 69–88.

На политических процессах главными обвинениями, как правило, были принадлежность к тайной организации и чтение нелегальной литературы. Д. В. Стасов как опытный адвокат, защищая народников, не стал замыкаться на разоблачении отдельных неувязок и натяжек в судебном следствии, а старался смотреть намного глубже, высказывая нередко довольно рискованные (по меркам царского суда, крамольные) доводы в защиту действия своих защитных, фактически солидаризируясь с ними.

«Каждый из нас читает различные книги, неужели же мы разделяем и обязаны разделять мысли каждой прочитанной книги? — размышлял он в своей пространной речи на процессе «нечаевцев». — Из того, что человек, прочитав прокламацию, передал ее другому, нельзя заключить, чтобы он распространял прокламацию и сочувствовал тому, что в ней написано; точно так же, если я получил прокламацию, из этого также не следует, что я ей сочувствовал».²¹⁷

На процессе «193-х» Стасов, возражая прокурору, продолжал настаивать, «что передача книг для прочтения товарищам не может считаться распространением злоумышленным».²¹⁸ Признавая, «что в кружке Пензенском читались сочинения Чернышевского и Бакунина <...> “Стеньки Разина” и журнала “Вперед” и все это конспектировалось», он обращался к суду: «Допустим, что читали не только Чернышевского, но и “Вперед”, что же из этого вышло?».²¹⁹ А далее, объясняя причины такого увлечения, он отстаивает право учащейся молодежи самим постигать правильность того или иного учения. Прочитируем: «Вся молодежь набрасывается на эти сочинения, всем хочется знать, что тут написано, что пишут русские, живущие за границей. Сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще, по поводу их происходят споры: одни соглашаются с прочитанным, другие не соглашаются, <но> ничего не решают. Так происходило дело во всех кружках, так было и здесь».²²⁰

Когда обвинитель в очередной раз в общей форме обвинил революционеров, «что они следуют системе Бакунина, нашедшей себе представителей в князе Кропоткине и Ткачеве», Стасов потребовал конкретных доказательств, чего у следствия не было. «Если мы знаем, — обращался он к судьям, — что Кропоткин написал такое сочинение, то где доказательства того, что этой системы придерживались все подсудимые, или где доказательства того, что подсудимые поддерживались системы Ткачева <...> что сочинения Кропоткина были даже известны кому-нибудь из всей массы подсудимых, или чтобы все они разделяли его мнение».²²¹

Такие вопросы защитника ставили судей в тупик, так как они сами особенно не разбирались в разных течениях народничества. «Обвинительная власть, ничего не доказав, — с сарказмом замечает Стасов, — утверждает между тем, что в кружке преобладала теория Бакунина, между тем она ничем не доказала,

²¹⁷ Правительственный вестник. 1871. 1 авг. № 182. С. 2.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. Оп. 1. Д. 800. Л. 245.

²¹⁹ Там же. Л. 110.

²²⁰ Там же. Л. 240.

²²¹ Там же. Л. 145.

чтобы члены этого кружка пристали к этому учению, подчинились бы ему, ничего б другого не знали, ни о чем не толковали».²²²

По мнению Стасова, политика запрета дает как раз обратный результат, «каждый хочет и узнать и почитать того, чего ему не дают». «Мне не дают историю, я буду читать ее, мне запрещают политическую экономию, ею-то именно я и буду заниматься, — опять с иронией отмечает защитник. — Это так естественно, что и говорить не стоит. Все то, что занимает общество и будет занимать его, будет всегда интересовать и молодежь». «Когда касаетесь таких серьезных вещей, как вопрос об общественном владении, самоуправлении, — продолжал защитник, — то является масса мыслей, соображений, которые так тесно между собою связаны, что обойти их невозможно. По мнению г. г. прокуроров, эти мысли преступны, их нельзя касаться, но как сделать, чтоб не касаться извечных вопросов?».²²³

Приходится не столько поражаться смелостью русской адвокатуры, сколько тем, как защитники умело воспользовались предоставленной возможностью гласно обсуждать «извечные вопросы». Так, все адвокаты не видели ничего преступного и противопоставленного в чтении нелегальной литературы и прокламаций, отстаивая в условиях самодержавия демократические права на свободу слова, печати. Но Стасов пошел еще дальше, шокируя суд своими рассуждениями. «Дело не в том, что тайное общество было, что в это тайное общество вступали лица с соблюдением известных формальностей, что оно окружено было некоторою таинственностью, что оно было разделено на кружки, что члены его значились под известными цифрами и изменили свои фамилии; дело в том, какая была цель этого общества», — находим мы его слова в официально опубликованном отчете суда над участниками Нечаевской организации.²²⁴ Опасаясь такой безграничной гласности, правительство после этого процесса запретило все подобные публикации, и в газетах исчезли стенографические отчеты по судебным политическим делам.

Несмотря на гнев официальных кругов и нападки реакционной прессы, Стасов и в 1878 г., выступая «по делу о преступной пропаганде в империи», подробно изложил идеи народников и поддержал рассуждения подсудимого Д. М. Рогачева о том, «что положение крестьян дурно <...> очень тяжело, что нужно помочь им выйти из этого положения».²²⁵ «Если он говорил, что желательно, чтобы не было разницы между образованным классом и народом, чтобы разница эта сгладилась, — подводил итог такой «пропаганде» адвокат, — то ведь то же самое утверждает целая школа, целая партия, которая ни в каком случае не может считаться революционной».²²⁶ Он даже предложил «членам Особого Присутствия» согласиться с его мнением, что, конечно, не могло найти у них благожелательного отклика.

²²² Там же. Л. 241.

²²³ Там же. Л. 236.

²²⁴ Правительственный вестник. 1871. 1 авг. № 182. С. 2.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 237.

²²⁶ Там же. Л. 238.

178 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения

«В самом деле, какое это ужасное преступление, — с иронией замечал адвокат по поводу обвинений по адресу своего подзащитного, принявшего участие в «хождении в народ». — В 73 году стали говорить, что принадлежность народной партии заключается в том, что идут в народ, начинают заниматься каким-нибудь ремеслом, а Лермонтов уже в 1871 г. говорил, что хорошо сделаться кузнецом или бочаром. Можно спросить: да чего же ему не быть кузнецом или бочаром?».²²⁷

В черновиках своей речи, сохранившихся в семейном архиве, Стасов доказывал, что такое благородное стремление молодежи было результатом «естественного ее побуждения сблизиться с народом», и дальше смело провозглашал: «Никакие политические процессы, никакие заключения не останоят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития».²²⁸ Впрочем, такие смелые откровения адвоката не нашли отражения в официальном протоколе суда.²²⁹

Известный дореволюционный историк судебной реформы, профессор А. А. Жижиленко, изучив в 1918 г. «черновики» речей Д. В. Стасова, так определял характер его выступлений по политическим процессам: «Строго деловой тон речи без всякого пафоса, меткий догматический анализ статей уложения о наказаниях, по которым обвинялись его подзащитные, и всесторонняя оценка представленного доказательственного материала с точки зрения его неубедительности для вынесения обвинительного приговора».²³⁰

Здесь уместно процитировать довольно интересные замечания, которые сделал таинственный официальный наблюдатель в «Записках о заседании ОППС на процессе “193-х”» (оказавшихся вне поля зрения историков), анализируя речи Д. В. Стасова и его товарищей.

2 января 1878 г. он по обыкновению записывает, что «речи их имели такой же резкий характер, как и прежние».²³¹ Через неделю, 9 января, после произнесения защитительных речей «присяжных поверенных Соколовского, Стасова, Потехина, Самарского, Александрова» и других, он буквально выносит им самим судебный приговор: «Все они страшным образом обрушились всей массой своей на обвинительную власть. Некоторые с такой запальчивостью защищали свои права, что получили замечание первоприсутствующего, почти все защитники касались также вопросов, которые не могли быть разбираемы гласно. Вообще требования защиты превзошли все ожидания. Товарища обер-прокурора сочли окончательно разбитым и уничтоженным, благодаря его собственной неосмотрительной слабости. Публики было очень много».²³²

В другой подобной агентурной сводке с пометой «Д. Е. В.» (то есть «доложено Его Величеству») историки также обнаружили описание отношения адвокатов к подсудимым в ходе инцидента в зале суда после страстной

²²⁷ Там же. Л. 142.

²²⁸ Цит. по: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. С. 218.

²²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800.

²³⁰ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 76.

²³¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 771. Л. 44.

²³² Там же. Л. 104.

революционной речи И. Н. Мышкина. Когда жандармы схватили оратора, пытаясь зажать ему рот, защитники Бардовский, Стасов, Утин обступили первоприсутствующего и потребовали записать в протокол, что «жандармы позволяют себе бить подсудимых». ²³³

Прокурор также с негодованием говорил, что защита «в своих речах обвиняет не только, что должна <...> но и само правительство». ²³⁴ В ответ на это Д. В. Стасов от имени всех своих коллег обвинил прокурора В. А. Желеховского в постоянном стремлении придерживаться «собственно огульного обвинения, не считая нужным употреблять другие примеры», а приведенные обвинения «верные показания» посчитал вообще не заслуживающими доверия «уже потому, что противоречат как одно другому, так и фактам, изложенным в деле». ²³⁵

Известный революционер-публицист С. М. Степняк-Кравчинский в своей нашумевшей книге, опубликованной за границей, привел один такой яркий пример из судебной практики «известного петербургского адвоката Стасова». ²³⁶ Когда тот на процессе «193-х» «прежде всего попросил показать ему “вещественные доказательства”, т. е. записку, в которой будто бы была написана фамилия его клиента», то оказалось, что «вследствие некоторого сходства в написании студента приняли за кого-то другого и арестовали не того, кого искали». Таким образом, с возмущением писал Степняк-Кравчинский, «в результате такого циничного и нерадивого отношения царской юстиции к правам подданных, вовсе безвинный студент саратовской семинарии Пономарев <...> размышлял целых три года» за решеткой, хотя подобная ошибка «в любой стране была бы исправлена через двадцать четыре часа». ²³⁷

В начале процесса «193-х» Стасов в резком тоне указывал судьям на тот факт, «что человек, который просидел четыре года в тюрьме в одиночном заключении, не может быть в нормальном положении», ²³⁸ а заключительное слово говорил уже «под впечатлением тяжелого чувства», когда ему в ходе процесса довелось стать «свидетелем последних минут <...> подсудимых Сабелькина и Кротонова» ²³⁹ (в том же году в тюрьме умер еще один его подзащитный — Ф. Н. Лермонтов).

В конечном счете, только к началу процесса власти насчитали среди узников 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти. ²⁴⁰ «Я не хочу сомневаться в том, что вы произнесете справедливый приговор, но чем вы вознаградите тех лиц, которые потеряли жизнь, которые потеряли здоровье? — обратился к судьям в заключительной части своей речи Стасов. — Какой бы приговор

²³³ Цит. по: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 263.

²³⁴ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 110.

²³⁵ Там же. Д. 802. Л. 112.

²³⁶ *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1965. С. 105.

²³⁷ Там же.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 140. По многим причинам следствие затянулось на долгие четыре года. См.: *Троицкий Н. А.* Процесс «193-х». С. 316–318.

²³⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 247.

²⁴⁰ См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911. С. 549.

180 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения
ни постановили, вы не возвратите здоровье и молодость, разбитые силою; это
такие вещи, которые будут всегда лежать укором на лицах виновных в этой
утрате и никогда не найдут оправдания». ²⁴¹

Результаты организованных правительством судебных политических процессов 1870-х гг. оказались неожиданными как для революционеров-народников, так и преследующих их царских властей. На процессе «нечаевцев», по справедливому мнению современных ученых, «демократически настроенная защита подсудимых» не только сумела «отделить революционную правду от нечаевской лжи» (чего не смогли сделать сами члены организации), но и доказала «именно благородные черты членов организации: их честность, бескорыстие, готовность служить народу». ²⁴²

Действительно, после нашествий политических процессов «193-х», «50-ти» преследования народников нанесли сильнейший удар престижу власти, а сами народники завоевали высочайший моральный авторитет. Когда эти судебные процессы, по выражению одного из их участников, В. К. Дебогория-Мокриевича, «расколыхали нашу интеллигентскую среду», ²⁴³ то в первых рядах защитников участников «хождения в народ» (обернувшегося для них «хождением по тюрьмам»), как на суде, так и в общественной жизни, оказалась российская присяжная адвокатура.

С переходом революционных народников к вооруженному сопротивлению и террористической деятельности царские власти стали судить их фактически по законам военного времени, независимо от статуса судебного места: таковыми были суды по делу И. М. Ковальского в Одесском военно-окружном суде (1878) и по делу «17-ти» (1883) в ОППС. Это были последние крупные судебные политические процессы, в которых участвовал Д. В. Стасов.

Ведущие специалисты по истории судебных политических процессов посчитали, что по «делу И. М. Ковальского» 1878 г. в Одессе выступления адвокатов утрачены, «текст их речей до нас не дошел», но в архиве Д. В. Стасова сохранились «Заметки-возражения на обвинительный акт» ²⁴⁴ с подробным анализом, схемой происшествия и другими материалами по этому делу, а главное, речи адвокатов, которые успели оперативно опубликовать в то время в местных органах печати. В начале судебного процесса одесский военный генерал-губернатор В. В. Левашов даже испрашивал высочайший запрет на печатание стенографического отчета по делу Ковальского, «ввиду тенденциозного характера защиты», ²⁴⁵ но затем было решено не только преподать революционерам кровавый урок, но и лишить их общественной поддержки, путем публикации подробных обзоров в судебной хронике как в местной, так и в центральной печати. ²⁴⁶

²⁴¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 247. Большинство подзащитных Стасова были оправданы. См.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 338–370.

²⁴² *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций. С. 190.

²⁴³ Цит. по: Там же. С. 213.

²⁴⁴ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 380.

²⁴⁵ *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 278.

²⁴⁶ См.: Ведомости одесского градоначальства. 1878. № 144–160; Новое время. 1878. № 861–888.

В Одессу Д. В. Стасов выехал по телеграмме с просьбой «взять защиту» подсудимого В. С. Свитыча.²⁴⁷ Юная дочь адвоката Варя писала в то время матери: «Как я рада и горжусь, что папа ездил туда, вот ведь 50 лет — а точно ему их 25!!».²⁴⁸ Разобравшись на месте, он с другим известным петербургским адвокатом Г. В. Бардовским по-своему поделил подсудимых по степени тяжести и характеру обвинения. Бардовский взял на себя защиту И. М. Ковальского и В. С. Свитыч-Илича, а Стасов — Н. А. Виташевского и В. Д. Кленова, остальных защищали одесские адвокаты, которые, «конечно, уступали своим петербургским коллегам в силе таланта».²⁴⁹ «Д. В. Стасову, по распределению ролей, — как вспоминает его подзащитный Н. А. Виташевский, — пришлось разбирать фактические данные, служившие прокурору основанием к обвинению».²⁵⁰

Стасов написал жене, что «суд будет продолжаться, по крайней мере, 3 дня, т<ак> к<ак> вызвано 45 свидетелей и 8 подсудимых», но вместо ожидаемого «процесс ужасно затянулся и вместо трех дней продолжался пять дней...»²⁵¹ (с 19 по 24 июля 1878 г.). Имея такие веские улики, как захваченные у революционеров оружие, шрифты, прокламации, жандармы были уверены в быстром успехе на суде, тем более военном, и следствие провели без должной тщательности, чем не преминули воспользоваться такие опытные юристы, как Стасов и Бардовский.

«Могу сказать, что исполнил все самым добросовестным образом, — писал Стасов 25 июля домой, прекрасно понимая тщетность своих усилий, — но когда суд не судит, а исполняет приказания сверху, или до того напуган, что теряет голову <...> ничего не поделаешь».²⁵² Сами же революционеры очень высоко оценили действия столичных адвокатов: «оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи».²⁵³

Защищая Виташевского, «Стасов в начале своей речи возражал против обвинения подсудимых в составлении тайного общества», так как, по мнению адвоката, «обвинителем не было доказано существование тех признаков, которыми по закону обуславливается существование тайного общества» (в этом опытный юрист набил руку в предыдущих делах). Вместе с этим защитник указывал суду, «что показания целого ряда свидетелей-жандармов не заслуживают того доверия, которое им придает обвинитель» для доказательства вины Виташевского, против же подсудимого Кленова «по мнению защитника <...> обвинитель не выставил никаких доказательств».²⁵⁴

²⁴⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 380. Л. 2.

²⁴⁸ Там же. Д. 15. Л. 45.

²⁴⁹ См.: *Виташевский Н. А.* Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // *Былое*. 1906. № 2. С. 240.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 15. Л. 32, 35 (письма от 17 и 25 июля 1878 г.).

²⁵² Там же.

²⁵³ *Виташевский Н. А.* Первое вооруженное сопротивление... С. 239; *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация // *Каторга и ссылка*. 1928. № 8–9. С. 73.

²⁵⁴ *Ведомости одесского градоначальства*. 1878. № 158. Л. 1–2.

Произведя тончайший разбор улик и противоречий в показаниях свидетелей (неуклюже подтасованных военным следствием), Стасов своей непоколебимой логикой доказательств постепенно подводил судей к прямо противоположному тому, что было представлено в обвинительном акте.²⁵⁵ «Силу его логических построений, убедительность его доводов и практических соображений долго, вероятно, помнил обвинитель»,²⁵⁶ — с иронией вспоминал об этом поединке адвоката с военным прокурором подзащитный Стасова. При этом Н. А. Виташевский отметил, что подсудимые полностью доверили судьбу своему адвокату и «не руководили защитой, а, наоборот, шли за нею».²⁵⁷

Министр внутренних дел Л. С. Маков сообщал тогда шефу жандармов Н. В. Мезенцеву, что царь «изволил отнестись с особенным неудовольствием к подобному направлению защитников по вышеуказанному делу».²⁵⁸ Суд решил выразить свои верноподданнические чувства и вынес желанный для «верхов» приговор, присудив Ковальского к смертной казни, а подзащитных Стасова к четырем годам каторги каждого. «Я ничем не могу объяснить себе подлости и жестокости приговора над Кленовым, — писал на следующий день после окончания суда Стасов своей жене, — как только трусостью не исполнить приказания начальства. По-моему этот приговор — есть юридическое убийство»²⁵⁹ (подсудимым было 22 и 20 лет от роду).

Отмечая «в суде крайний произвол», Стасов в то же время говорит, «что этот приговор поразил всех жестоко». Но царские власти никак не ожидали мгновенной реакции на их действия со стороны пропагандистов-народников. «Как только объявили приговор, — писал он жене в Петербург, — на улице началась стрельба, нескольких человек, солдат и из публики убили, мы не могли уйти из суда, потому что боялись сами попасть в свалку <...> сидели и ждали и потом окольными путями добрались до нашего отеля». По его же словам, сам процесс закончился «только в 9–10 вечера».²⁶⁰

По окончании процесса он пришел к выводу, «что смертная казнь (как вообще жестокое наказание) никого не устрашает и ничего не доказывает», если после вынесения такого приговора, «тут же, через секунду раздаются выстрелы со стороны лиц, из которых каждый может подвергнуться смертной казни».²⁶¹ Царизм же решил сделать ставку в борьбе с народниками на террор и насилие, на что они ответили не менее беспощадными действиями.

Газеты того времени с хронологической последовательностью сообщали: «2 августа, в 5 часов полуночи <...> приговор в отношении подсудимого»

²⁵⁵ В архиве Д. В. Стасова сохранились «Заметки-возражения на обвинительный акт» с подробным анализом, схемой происшествия и другими материалами по этому делу. См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 380.

²⁵⁶ Виташевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление... С. 240.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Цит. по: Троицкий Н. А. «Один из самых преданных...» (судьба адвоката Г. В. Бардовского) // Освободительное движение в России. Саратов, 1986. С. 57–58.

²⁵⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 15. Л. 32 (письмо от 25 июля 1878 г.).

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

Ковальского <...> к смертной казни расстрелианием приведен в исполнение», «4 августа <...> шеф жандармов генерал Мезенцев ранен кинжалом и <...> в 5 часов дня скончался». ²⁶² Стасов заметил по этому поводу: «Многие видели и говорят, что эти оба события в связи между собой. Очень может быть». ²⁶³ Современные историки считают это случайным совпадением, так как Мезенцев был убит в отместку за то, что он убедил императора не смягчать приговоры по процессу «193-х» и настоял на административной высылке уже освобожденных из заключения. Но в глазах общества это убийство выглядело как немедленный ответ на казнь революционера, первую после казни Каракозова. ²⁶⁴ Начинаясь новый этап в смертельном поединке самодержавия и революционного народничества.

В 1883 г., когда исход этой борьбы был уже очевиден, на процессе «17-ти», где судились «последние могики» Исполнительного комитета «Народной воли» (семь членов, два агента и восемь рядовых народовольцев), ²⁶⁵ Стасову довелось защищать фанатика революционной борьбы, выдающегося организатора, «министра финансов» партии М. Ф. Грачевского. Они были хорошо знакомы еще по делу «193-х», после которого продолжали поддерживать отношения. На суде М. Ф. Грачевский как центральная фигура процесса протестовал, как и его соратники, против «крайней односторонности в понимании “Народной воли” как исключительно террористической фракции». Адвокаты, со своей стороны, существовать помогли им в этом.

Вместе с Д. В. Стасовым подсудимых защищали такие выдающиеся адвокаты, как В. Д. Спасович, П. А. Александров, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, Е. И. Кедрин и др. Они пытались противостоять суду, но вели защиту уже менее энергично и вдохновенно, чем на предыдущих процессах, в годы демократического подъема. К тому же на них оказывалось сильнейшее давление сверху. Прокурором на процессе выступал В. А. Желеховский, скандально известный своими подлогами, предвзятостью еще на процессе «193-х». ²⁶⁶

Гласность и состязательность в суде тогда уже были ограничены до предела, а в печати публиковались лишь отрывки из обвинительных актов и приговоров. Народовольцы в своем нелегальном отчете о процессе «17-ти» (сохранившемся в архиве) отмечали, что «адъютант царя Чингисхан <...> присутствовал на всех политических процессах», а министр юстиции Д. Н. Набоков на этом суде «не пропустил ни одного заседания <...> причем приходил, видимо, в большое волнение во время речей защитников». «Раздражение министра юстиции на адвокатов выражалось в громком мычании, — со злой иронией описывают его реакцию свидетели, — которое, во время речи одного из защитников, достигло таких размеров, что адвокат на минуту должен был остановиться,

²⁶² См.: Ведомости одесского градоначальства. 1878. 3 авг.; Новое время. 1878. 6 авг.

²⁶³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 15 (письмо от 9 августа 1878 г.).

²⁶⁴ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 49.

²⁶⁵ См. подробнее: Троицкий Н. А. Процесс «17-ти». С. 99–107.

²⁶⁶ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 303–308.

184 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения чтобы дать возможность хотя бы временно утихнуть набоковскому мычанию. Странный способ прерывать и без того уже робкую защиту».²⁶⁷

В конечном счете, шесть народовольцев, приговоренных к смертной казни по делу «17-ти», в том числе М. Ф. Грачевский, хотя и были помилованы вечной каторгой, но затем погибли там в течение 1883–1888 гг.²⁶⁸

На протяжении 20 лет Д. В. Стасов выступал на громких политических процессах (имена его подзащитных, от Ишутина до Грачевского, были широко известны общественности), в то же время он никогда не отказывался от защиты в малоприметных делах. Так, 9 декабря 1876 г., «при закрытых дверях присутствия», он защищал одного из участников «хождения в народ», сельского учителя В. И. Телье, «обвиняемого в государственном преступлении».²⁶⁹ По материалам следствия, Телье призывал крестьян «пойти на царя и панов, побить их, — земля тогда будет свободной и кто сколько захочет возьмет себе...».²⁷⁰ В протоколе ОППС записано, что «защитник просил принять во внимание сознание подсудимого и вследствие этого уменьшить наказание».²⁷¹ Большого, конечно, адвокат и не мог добиваться.

«Все клиенты Д<митрия> В<асильевича> видели в нем не только серьезного, знающего юриста, — вспоминает его жена П. С. Стасова, — но и сердечного участливого человека и ценили его ум и великодушие».²⁷² Поэтому революционеры охотно выбирали его своим защитником, как это сделали А. И. Баранников на процессе «20-ти» в 1882 г. и последний деятельница легендарного Исполнительного комитета «Народной воли» В. Н. Фигнер на процессе «14-ти» в 1884 г. Но судебные власти, учитывая «крайнюю неблагонадежность» известного адвоката, посчитали за благо отклонить его кандидатуру.²⁷³

Подводя итог адвокатской деятельности Д. В. Стасова при праздновании 50-летия присяжной адвокатуры в России, группа политических защитников посчитала необходимым вручить ему свой отдельный адрес с оценкой его деятельности на судебном поприще. Они приветствовали своего кумира как адвоката, громко провозгласившего лозунг слияния адвокатской деятельности со служением правовым началам общественной и политической жизни. «Вместе с Вашими ближайшими товарищами Вы мужественно пронесли поднятое Вами знамя через все препятствия, воздвигнутые силой реакции на пути общественного служения адвокатуры, — было заявлено в адресе. — Группа политических защитников с чувством особого восхищения и глубокой признательности останавливается на Вашем участии в тех процессах, где на защиту лиц, обвиняемых в государственных преступлениях, впервые выступили русские адвокаты. Ваша мужественная борьба очистила путь для последующих политических защитников».²⁷⁴

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 490. Л. 18–19.

²⁶⁸ См.: Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. С. 70.

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 116–121.

²⁷⁰ Там же. Д. 120. Л. 11.

²⁷¹ Там же. Д. 121. Л. 67.

²⁷² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 65.

²⁷³ Троицкий Н. А. Корифеи русской адвокатуры первого призыва. С. 122.

²⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 602. Л. 8–9.

Растроганный Стасов на все восхваления отвечал, что он «приписывает себе самое малое». К. К. Арсеньев 30 апреля 1916 г. высказал ему в ответ: «... решительно ни в чем Вы не можете и не должны упрекать самого себя. Все так справедливо сказанное и написанное во время Вашего юбилея относилось всецело к Вашей личной полувековой деятельности и никакого раздела с Вашими товарищами в первые годы адвокатуры не требовало».²⁷⁵

Символично, что правоту жизненной позиции Дмитрия Васильевича признавали в преддверии надвигающейся революции видные деятели революционного движения, вставшие в свое время на путь террора. «Когда Вы выступили на суде моим защитником, я был слишком юн..., — обращался с благодарностью к нему 19 мая 1916 г. бывший активный член организации «Земля и воля» Н. А. Виташевский. — Но в соприкосновении с Вами тогда, почти 40 лет тому назад, была еще одна, и гораздо более важная сторона. Всецело поглощенный своими идеалами (которым, впрочем, остаюсь верен и по сей день), вращаясь в среде таких же, как и сам, крайних идеалистов и людей партии, и я к тому времени не успел еще заметить, что вне тесного круга ближайших соратников есть и еще люди высоких идеалов и возвышенных чувств. В Вашем лице я встретил впервые одного из таких людей».²⁷⁶ Таким же образом 19 января 1917 г. старая революционерка В. Н. Фигнер в письме к Д. В. Стасову выразила ему признание за «благородно проведенную жизнь».²⁷⁷

Подводя итог в изучении политического и юридического феномена присяжной адвокатуры, ее ведущий исследователь Н. А. Троицкий пришел к правомерному выводу, что судебные политические процессы в России не только подрывали авторитет самодержавной власти и будили сочувствие и симпатии к революционерам, но и стали актами антиправительственной борьбы, представляя собой в совокупности как бы «второй фронт» освободительного движения.²⁷⁸ Современные историки подтверждают этот вывод, что именно на громких политических процессах присяжные поверенные проявили себя «как либеральная оппозиция самодержавной власти».²⁷⁹

Абсолютное большинство «классиков судебного красноречия» стали яркими представителями либерально-демократического направления русской общественной мысли и добились широкого признания и общественной поддержки не только благодаря выступлениям в роли политических защитников на крупнейших судебных процессах, когда они стали выразителями, трибунами общественного мнения, но и активному участию в политической и культурной жизни страны.

²⁷⁵ Там же. Д. 57.

²⁷⁶ Там же. Д. 77. Л. 225.

²⁷⁷ Троицкий Н. А. Корифеи русской адвокатуры первого призыва. С. 122.

²⁷⁸ Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 410–411.

²⁷⁹ Воронихин А. В. Адвокаты во власти // Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 208.

2.1.3. Адвокатура на защите интересов деятелей культуры

Кроме политических защит у Д. В. Стасова было огромное количество и других самых разнообразных дел в уголовном и гражданском судах, из которых следует выделить некоторые судебные процессы, имеющие важное общественное, культурное значение. Профессор П. В. Павлов (сосланный в Ветлугу 12 августа 1862 г.) еще за четыре года до введения в России института присяжных поверенных пророчески писал Д. В. Стасову, что именно его «более, чем всякого другого, можно назвать центром отечественной адвокатуры».²⁸⁰

Действительно, известному и опытному юристу пришлось защищать интересы людей, обвиняемых не только в политическом, но и в религиозном инакомыслии, в различных инстанциях уголовного суда (до и после судебной реформы 1864 г.). Такие явно сфабрикованные еще в старом суде дела, как, например, история «об умерщвлении в г. Саратове в 1852–1857 гг. евреями христианских мальчиков» в ритуальных целях,²⁸¹ дошедшая в 1860 г. из-за разногласий до Государственного совета.

В новом суде Д. В. Стасов выступил защитником в «деле крестьянина Харитонова Константина», обвиненного уголовным отделением Псковского окружного суда в том, что он «свою избу обратил в раскольническую общественную молельню».²⁸² Процесс явно имел общественную значимость. При этом приговор от 9 ноября 1876 г. гласил: «Заключить его Харитонова в тюрьму на два месяца <...> принимая во внимание его очевидное непонимание важности совершенного им преступления». Но упрямый крестьянин решил искать правду в столице, где в Судебной палате Стасов решительно опротестовал это решение. Искусно доказав, что «руководство по делам раскола» предоставляет старообрядцам частичную «свободу совести», адвокат потребовал «приговор окружного суда отменить, Харитонова признать по суду оправданным и возратить ему отобранные от него предметы» (религиозного культа).²⁸³

Во второй половине XIX–начале XX в. в России прошла волна подобных сфабрикованных властями процессов, которые современники и исследователи считают не иначе как политическими процессами: гродненское дело, дело мултанских вотяков, дело М. Т. Бейлиса и др.²⁸⁴ Глубоко интересуясь историей русской церкви, будучи сам не лишен религиозных чувств, Д. В. Стасов неизменно отстаивал свободу вероисповедания.

Введение в 1866 г. новых Судебных уставов, основополагающим принципом которых была независимость суда от администрации, не только вступило в противоречие с положениями цензурной реформы (закона от 6 апреля 1865 г., сохранившегося в своей основе вплоть до ноября 1906 г.),

²⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 216. Л. 5.

²⁸¹ Там же. Д. 367. Л. 1–85.

²⁸² Там же. Д. 370. Л. 1–22.

²⁸³ Там же. Л. 10–11.

²⁸⁴ См.: Винберг А. И. Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990. С. 61, 103.

где предусматривалась возможность преследования печати по суду, но и породило неизбежность «неуправляемости» прессы, а соответственно, и ряд громких «дел о печати».

Разработка новых правил судопроизводства по делам печати была, по мнению современных авторитетных ученых, значительно ускорена двумя крупнейшими судебными процессами о печати во второй половине 1866 г., вызвавшими чрезвычайное внимание публики. Если суд 18 августа 1866 г. приговорил А. С. Суворина, либерального в то время журналиста, к трехнедельному аресту на гауптвахте, то дело А. Н. Пыпина — Ю. Г. Жуковского 25 августа 1866 г. завершилось их полным оправданием, что вызвало общественный резонанс.²⁸⁵

Закон 12 декабря 1866 г., пытаясь определить отношения судебного и цензурного ведомств (Главное управление по делам печати, цензурные комитеты), не смог решить проблему скорого и эффективного наказания журналистов. В этом законе заключались уже значительные изъятия из общих правил судопроизводства по Уставам 1864 г. в сторону усиления полицейского элемента на счет судебного.²⁸⁶ Вместе с тем органы юстиции, в соответствии с Судебными уставами 1864 г., внимательно изучали материалы, представляемые администрацией к суду. Так, из 21 возбужденного в 1866–1868 гг. против печати судебного дела 8 дел было прекращено, а в 13 оставшихся трое обвиняемых были оправданы.²⁸⁷

В последующих делах о печати суду были преданы редакторы ведущих столичных газет: «С.-Петербургские ведомости» — 2 апреля 1869 г. А. И. Сомов и 17 октября 1869 г. В. Ф. Корш; и в этом же году редактор «Петербургского листка» — И. А. Арсеньев. Из всех указанных лиц дурной репутацией «из-за ряда скандалов на почве шантажа, денежных недоразумений с сотрудниками, не раз доходивших до суда»,²⁸⁸ обладал только И. А. Арсеньев, который, как оказалось, был агентом III Отделения.²⁸⁹

Во всех этих нашумевших делах о печати защитниками подсудимых выступали приобретающие славу адвокаты К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, В. И. Танеев. Их подзащитным, кроме А. И. Сомова (подвергнутого денежному штрафу в 50 р.),²⁹⁰ был вынесен оправдательный приговор, причем даже Сенат (как высшая судебная инстанция) по делу Павленкова принял разьяснение, согласно с тезисом К. К. Арсеньева.²⁹¹

В годовом отчете III Отделения за 1869 г. одной из причин «разнузданности» прессы назывались действия судов, решения коих «прямо идут

²⁸⁵ См.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 233–234; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 75.

²⁸⁶ Хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. М., 1999. С. 41.

²⁸⁷ См.: *Оржеховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг). Горький, 1973. С. 43–44.

²⁸⁸ См.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии: В 12 т. Т. 1. М., 1991. С. 476.

²⁸⁹ См.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 64.

²⁹⁰ Судебный вестник. 1869. 4 апр. № 75. С. 4.

²⁹¹ *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 234.

188 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения наперекор администрации», и обращалось внимание на тот факт, что «многие из членов суда и присяжных поверенных принадлежали и принадлежат до сих пор к числу сотрудников разных редакций, и, таким образом, между некоторыми органами печати и судом гласным составилась подпольный союз». Судя по докладу, пагубные последствия этого союза отразились в то время: «1) в судебных решениях по делам с политическим оттенком; 2) в защитительных речах присяжных поверенных и 3) в периодической печати». При этом движущей силой здесь, по мнению шефа жандармов, «явились бывшие воспитанники Училища правоведения, которые и заняли в первое время введения у нас открытых судов должности судей и присяжных поверенных». ²⁹²

Интересно, что Д. В. Стасов, первый председатель, а затем и постоянный член Петербургского Совета присяжных поверенных, действительно был выпускником знаменитого Училища правоведения, а в 1860-е гг. — активным сотрудником нескольких известных юридических, экономических, общественно-политических журналов и газет.

В 1869 г. ему пришлось участвовать в двух на шумевших процессах о печати, защищая интересы крупных фигур литературного мира, редакторов либеральных «С.-Петербургских ведомостей» А. И. Сомова и В. Ф. Корша.

Когда 1 января 1863 г. В. Ф. Корш возглавил «С.-Петербургские ведомости», он был в числе тех 6 редакторов, которые могли получать без цензуры на русском и иностранных языках «всякие книги, брошюры и периодические издания <...> чтобы опровергать те учения, которые, проникая тайными путями в Россию и оставаясь без возражений, имеют вредное влияние на людей молодых и недоучившихся». Выбор был сделан явно по политическим мотивам, тем более что «С.-Петербургские ведомости» имели тогда 8000 подписчиков, уступая только явно проправительственному изданию «Сын Отечества». Граф П. А. Валуев вплоть до своей отставки в 1869 г. руководствовался принципом, изложенным в одной из его записок императору: «Для того, чтобы правительственная пресса могла действовать, нужно, чтобы она могла говорить, для того, чтобы она могла говорить, нужна и программа, и некоторая свобода слова». Но в конечном счете он пришел к выводу, что «мы не имеем ни того, ни другого». ²⁹³

Несмотря на то что газета принадлежала казенному научному учреждению — Императорской Академии наук, при редакторстве В. Ф. Корша (бывшего одновременно арендатором издания) «С.-Петербургские ведомости» приобрели ярко выраженное политическое направление благодаря развитию публицистических разделов, где блистал А. С. Суворин. ²⁹⁴ Кроме того, учитывая общественный интерес, негласная программа газеты постепенно становилась явно либеральной по духу.

2 апреля 1869 г. в Петербургской судебной палате состоялось заседание по «делу о временном редакторе газеты “С.-Петербургские

²⁹² Цит по: Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати... С. 78.

²⁹³ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 125–128.

²⁹⁴ Там же. С. 85.

ведомости”, титулярном советнике Андрее Сомове и студенте императорского С.-Петербургского университета М. Стравинском», обвиняемым в нарушении постановлений о печати.

Вместе с Д. В. Стасовым свободу печати, а именно право журналистов на критику действий официальных действующих лиц, защищал другой маститый адвокат, бывший профессор Петербургского университета В. Д. Спасович. С обвинительной речью на процессе выступил известный прокурор Н. О. Тизенгаузен, который сам в молодости подозревался в сотрудничестве с «Колоколом» и успел прослыть «красным», но потом «ввиду красного сенаторского мундира радикально переменил окраску»,²⁹⁵ выделяясь на судебных политических процессах верноподданнической агрессивностью. Прокурор в ходе процесса настаивал, что статья в «С.-Петербургских ведомостях», в конечном счете, «оскорбительна для эстляндского губернского правления, так как в ней губернское начальство обвиняется в таком поступке, который не может иметь другого названия, как обман перед Верховною Властью».²⁹⁶

В ставшей камнем преткновения газетной статье «относительно раздачи 60 000 р., назначенных для выдачи пособий нуждающимся жителям Эстляндской губернии» наибольшее неудовольствие у местных властей вызвали «несогласные с истиною сведения, направленные к возбуждению общественного недоверия к распределявшим те деньги должностным лицам эстляндского губернского начальства и могущие повредить их чести, достоинству и доброму имени», что Судебная палата вынесла как главный вопрос.

Главный обвиняемый, редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» А. И. Сомов, настаивал на своем объяснении, данном на предварительном следствии, что «не имел намерения оскорбить или повредить кому бы то ни было, а только хотел, с помощью гласности, разъяснить факт, который <...> был бы весьма прискорбен». Его защитник Д. В. Стасов нашел аргументы в пользу необходимости соблюдения свободы печати, опираясь на новое законодательство. «Закон, как известно, позволяет разбирать не только самое законодательство, но и действия правительства, — прямо заявил присяжный поверенный, — под тем лишь условием, чтобы не было употребляемо выражений, оскорбительных для установленных властей, и затем, чтобы не было ничего такого, что вредило бы доверию к правительству и было бы оскорбительно для должностных и частных лиц».²⁹⁷

В. Д. Спасович как защитник подсудимого студента-журналиста М. Стравинского (автора статьи) не преминул заметить, взывая к «совести судей», что «из обвинения в неправильной раздаче денег еще нельзя выводить обвинения в оскорблении, если кто жалуется на неправильные действия, то нельзя же сказать, что он обвиняет должностных лиц в нарушении присяги». Опровергнув все пункты обвинения, знаменитый адвокат прямо обвинил власти, что «при такой системе печать будет лишена возможности говорить о чем бы

²⁹⁵ См.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 171, 257.

²⁹⁶ Судебный вестник. 1869. 4 апр. № 75.

²⁹⁷ Там же.

190 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения то ни было, нельзя будет говорить о несчастьях на железной дороге, о том, что происходит в уезде, в городе, в школе, потому что тут замешано начальство».²⁹⁸

Выстроив единую линию защиты, два знаменитых адвоката старались вывести из-под удара популярную либеральную газету. Так, опровергая обвинение, будто бы журналист выразился таким образом: «все 60 000 р., отпущенные заимообразно крестьянам, розданы не крестьянам, для которых они предназначались, а помещикам», Д. В. Стасов указал на искажение смысла статьи, так как «в корреспонденции Стравинского подобных слов положительно нет, только по ошибке употреблено слово “розданы” вместо слова “поручены”». Интересно, что Стасов заметил при этом, что, «без сомнения, всегда можно читать между строками».

В вину газете ставилось и то, что «Стравинский, говоря о бедственном состоянии крестьян, объясняет положительно, что, по случаю незаконной раздачи пожертвованных для нуждающихся денег, в том числе 60 000 руб., губернским начальством, крестьяне ели не хлеб, а солому». В этом случае Стасов тонко подметил, что «в корреспонденции Стравинского нет даже слов “губернское начальство”, и хотя действительно употреблено выражение: “ели не хлеб, а солому”, но это объясняется прошлым неурожаем, но отнюдь не распорядками губернского начальства».

Поскольку в представлении губернского правления отмечалось, что «эта клевета представляет губернное начальство пред народонаселением губернии в самом унижительном виде», присяжный поверенный позволил себе ядовито отреагировать, что «эстляндский крестьянин, которому нечего есть, не выписывает “С.-Петербургских ведомостей”, к тому же он не понимает русского языка, поэтому опасения эстляндского губернского правления совершенно лишены основания».

В конечном счете, С.-Петербургская судебная палата, признав подсудимых виновными «в напечатании данной статьи», определила: «Студента Стравинского в 20-летнем возрасте подвергнуть денежному взысканию в 25 руб., а с временного редактора “СПб Ведомости” А. Сомова взыскать 50 руб., а в случае несостоятельности уплаты подвергнуть аресту: Стравинского — на неделю, а Сомова — на две недели».²⁹⁹

Не прошло и полгода, как 17 октября 1869 г. в С.-Петербургской судебной палате вновь начались заседания по делу «о редакторе газеты “С.-Петербургские ведомости” коллежском ассессоре В. Корше и авторе помещенной в этой газете статьи “Из Владимирской губернии”, коллежском секретаре Михаиле Ранге».³⁰⁰ Как и на прошлом процессе, редактора газеты вновь защищал Д. В. Стасов, а журналиста, автора статьи — другой известный адвокат, В. И. Танеев. Подсудимые не признали себя виновными, и было преступлено к судебным прениям. Прокурор Н. О. Тизенгаузен, который стал «ведущим знатоком», специалистом по делам печати, в начале процесса был

²⁹⁸ Там же. Курсив мой. — Д. Л.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Судебные ведомости. 1869. 19 окт. № 227.

вынужден заявить, что судебное дело начато «единственно на основании закона 12 декабря 1866 г., 7-я статья которого <...> обязывает обвинительную власть начать преследование в случае подачи жалобы со стороны какого-либо должностного лица, почитающего себя оскорбленным путем печати».

Журналисты были преданы суду по обвинительному акту, вследствие того, «что в № 136 “С.-Петербургских Ведомостей” напечатана никем не подписанная, озаглавленная “Из Владим<ирской> губ<ернии>” статья, оскорбительная как лично для мировых судей, так и для всего гороховецкого мирового учреждения <...> что вся статья наполнена выражениями, оскорбительными для мировых судей, как например, “и не такие вещи у нас делаются, и все остается у нас бесследно”».

Адвокаты сразу перешли в наступление, и защитник журналиста присяжный поверенный В. И. Танеев привел выдержку из газетной статьи, «что, когда Гороховец был затоплен водою, когда жизнь и имущество граждан находились в опасности, когда частный пристав, с опасностью жизни, спасал граждан, в то время мировой судья, прокурор, товарищ прокурора и судебный следователь устроили увеселительное катанье пикник».

Из этого адвокат сделал вывод, что «если можно в чем упрекнуть г. Ранга, то разве в том, что он слишком снисходительно и в слишком сдержанных выражениях отнесся к такому легкомысленному поступку, как увеселительное катанье в то время, когда город подвергался бедствию». ³⁰¹ Защитник редактора газеты с большой долей сарказма опроверг все другие обвинения по адресу газеты. Протицируем доводы присяжного поверенного Д. В. Стасова: «Остается посмотреть, в какой степени сам съезд оскорблен в этой статье. Одна вещь, касающаяся мирового съезда, что он не собирался в течение целого года со дня учреждения судебных мест. Как палата изволила видеть, этого акт подтвердился, следовательно, распространения ложных слухов, относящихся до мирового съезда, не было. Затем, как могло быть уничтожено доверие к мировому судье, который вовсе не существовал. Полагаю, что доверие к несуществующему лицу или учреждению не может быть поколеблено; думаю, что настоящий процесс возбужден вследствие того, что съезд никогда не собирался и таким образом гороховецкие мировые съезды не дали себе возможности уяснить значение статей закона, на который они ссылаются. Этот процесс принадлежит к числу многих, которые на первых порах возбуждаются именно вследствие незнания закона».

По окончании очередного процесса по делу о печати Судебная палата постановила следующие вопросы: «1) следует ли признать, что в напечатанной в № 136 “СПб. Вед<омостей>” статье под заглавием: «Из Владимирской губернии» заключаются отзывы, могущие повредить чести и достоинству мирового съезда гороховецкого уезда; 2) если заключаются такие отзывы, то на основании законов подлежат ли ответственности: во-1-х, автор коллежский секретарь Ранг; во-2-х, редактор коллежский асессор Корш?». Примечательно, что подсудимые, обвиняемые прокурором «в нарушении

³⁰¹ Там же.

192 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения законов о печати», как известный редактор, так и проходящий по делу простой журналист, 17 октября 1869 г. были полностью оправданы С.-Петербургской Судебной палатой.³⁰²

Стараясь удержать либеральную печать в своем подчинении, власти пытались на первых порах по старинке карать журналистов и писателей за «образ мыслей», прибегая к преследованиям судебным порядком за нарушение цензурных правил. Но принудительно заставить печать выражать оптимизм и говорить то, что угодно правительству, оказалось в «эпоху великих реформ» весьма сложно, а то и просто невозможно.

Выполняя свой гражданский долг и обязанности присяжных поверенных, известные адвокаты нередко в суде противостояли друг другу, защищая интересы той или иной стороны. Так, 24 июня 1871 г. на заседании С.-Петербургского окружного суда по второму уголовному отделению с участием присяжных заседателей «по делу о баварских подданных — докторе богословия Алоизе Пихлере и Кресценции Виммер по обвинению первого в краже книги из Императорской Публичной библиотеки, а второй в укрывательстве заведомо краденых книг», «поверенным гражданского истца явился присяжный поверенный Стасов», а защитниками обвиняемых — известные адвокаты и одновременно деятели культуры К. К. Арсеньев и А. А. Герке.³⁰³

Обстоятельства этого дела, на первый взгляд, были весьма простыми, но в то же время вопиющими по содержанию. Цитируем, как они изложены в обвинительном акте. «С августа 1869 года замечены были частые, следовавшие одна за другою, кражи книг из Императорской Публичной библиотеки. Книги пропадали не из читальных зал, назначенных для публики, а из отделений, т. е. из помещений, в которых хранятся книги и куда допускаются, кроме служащих при библиотеке, для занятий только лица, получающие особое на то разрешение». Вследствие этого подсудимые были обвинены: «1) Пихлер в том, что тайно похитил из Императорской Публичной библиотеки, более 4000 книг, на сумму свыше 300 р. и 2) Виммер в том, что, зная о похищении Пихлером книг из Императорской Публичной библиотеки с целью сокрытия этой кражи уничтожила знаки, свидетельствовавшие о принадлежности книг библиотеке».³⁰⁴

Подсудимые виновными себя не признали, и Д. В. Стасову как «поверенному Публичной библиотеки» необходимо было доказать не только вину подсудимых, но и защитить интересы крупнейшего книгохранилища в стране. Заседание по «делу Пихлера» (в лаконичном виде оно нашло отражение на страницах печати) вызвало большой общественный интерес. Так, в судебной хронике было зафиксировано, что 24 июня «в первом часу в зал заседания взошел Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич с Великим Князем Николаем Константиновичем и управляющим департаментом Министерства юстиции Эссенем».

³⁰² См.: Судебный вестник. 1869. № 227.

³⁰³ См.: Судебный вестник. 1871. № 136. 1 июля.

³⁰⁴ Там же.

Перед лицом столь высокопоставленной аудитории присяжный поверенный Стасов досконально объяснил, «что библиотека все-таки понесла ущерб в том, что множество книг испорчено уничтожением на них библиотечных законов и вырезками гравюр (из Библии французского издания — 236 гравюр, из голландского издания Библии — 135), что Пихлер брал книги не для занятий и не с целью возвращения их, а с тем, чтоб присвоить себе и воспользоваться выгодой, которую мог получить от продажи этих книг, что из витрины пропала одна польская книга в серебряной оправе, которая также оказалась у Пихлера, но уже с содранною оправой, а это обстоятельство доказывает весьма наглядно, что г. Пихлер любил не одни книги; что Пихлер не мог не знать правил библиотеки, потому что, как человек образованный, он, во всяком случае, должен был знать, что нигде, даже у диких народов, не существует какого бы то ни было общественного учреждения, в котором бы не было какого-нибудь устава, каких-нибудь правил...». Больше всего возмутило Д. В. Стасова то, что баварский подданный «думал, как говорил один из свидетелей, что у нас, варваров, можно таскать книги, как дрова, и г. Пихлер вполне применял это выражение: он действительно из нашего книгохранилища таскал книги, как дрова».³⁰⁵

По окончании этого уникального судебного процесса должное наказание понесли подсудимые и определенные уроки извлекло руководство ведущей библиотеки страны. Большую помощь в этом деле ему оказал своими советами брат, известный критик В. В. Стасов, который вскоре после этого шумевшего процесса «из неофициального заведующего художественным отделением библиотеки — сделался библиотекарем этого отделения».³⁰⁶

Таким образом, целый ряд гражданских дел, которые вел Д. В. Стасов, по мнению видного дореволюционного ученого, юриста А. А. Жижиленко, «имели известное общественное значение».³⁰⁷ «Дело в том, — говорил известный дореволюционный музыкальный критик Г. Н. Тимофеев о роли Д. В. Стасова как адвоката, — что он явился энергичным и блестящим защитником авторских прав русских композиторов».³⁰⁸

Советские и современные исследователи обошли вниманием этот факт, и даже известные музыковеды, отмечая, что «Д. В. Стасов, адвокат и общественный деятель, человек большого гражданского мужества, выступал защитником на процессах Д. В. Каракозова, “193-х”»,³⁰⁹ почему-то умалчивают о его заслугах в защите музыкального наследия и интересов выдающихся русских композиторов — М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского. Особенно следует выделить выступления Д. В. Стасова как адвоката «по делу Л. И. Шестаковой с Ф. Т. Стелловским (1866–1869)», «по делу А. С. Даргомыжского с тем же Стелловским (1868–1870)» и, наконец,

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Каренин Вл. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. 1–2. Л., 1927. С. 270–271.

³⁰⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 74.

³⁰⁸ Там же. Д. 604. Л. 142. Курсив мой. — Д. Л.

³⁰⁹ Гордеева Е. М. Композиторы «Могучей кучки». М., 1985. С. 351–352.

194 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения «по делу П. И. Чайковского и П. И. Юргенсона с Н. И. Бахметевым по поводу “Литургии” П. И. Чайковского (1879–1881)». ³¹⁰

Литературно-музыкальный издатель Ф. Т. Стелловский, о котором его современники говорили, что он «едва умел подписывать свое имя», а в трудах советских исследователей он предстает не иначе как «грубый, невежественный купец», пользуясь неразработанностью российских законов об авторском праве и стремясь урвать выгоду всюду, где это возможно, попытался «узурпировать законные права композиторов». ³¹¹ Конечно, мнения как современников издателя, так и видного музыковеда несколько преувеличены и даже несправедливы. Просто в то время законодательная база в таком важном вопросе фактически была весьма незначительна и не соответствовала велению времени. Об этом свидетельствуют длящиеся годами судебные разбирательства.

«Дело Л. И. Шестаковой с Ф. Т. Стелловским» длилось ровно три года, началось в 1866 и завершилось только в 1869 г. «Я просила Д. В. Стасова сделать договор с Стелловским (ему тогда принадлежали почти все сочинения Глинки), хотя бы на невыгодных для меня условиях, чтобы он позволил мне издать партитуры обеих опер брата, — вспоминала сестра великого композитора Л. И. Шестакова. — Стелловский согласился на словах, но потом отказался и даже начал против меня процесс». ³¹²

Самое интересное, что она всего «за 25 рублей продала Стелловскому право на издание всех неизданных и никому не проданных произведений» М. И. Глинки и в завершение всего «еще обещалась выплатить ему 1000 рублей, с тем, чтобы Стелловский в течение 4-х лет издал партитуры двух опер». ³¹³ В. Д. Комарова указала также, что Стелловский, ничего не выполнив из своих обязательств в течение пяти лет, в мае 1866 г. «подал прошение в Управу благочиния и в Гражданскую палату о взыскании неустойки с Шестаковой, так как она якобы обязалась доставить ему оригиналы всех сочинений Глинки». ³¹⁴

Крайне возмущенный этим обстоятельством М. А. Балакирев обратился к Д. В. Стасову с соответствующей просьбой. «Напрягите Ваши адвокатские способности, — писал ему известный композитор. — Из прилагаемого письма Стелловского увидите все. Боже мой! Как это такие подлецы родятся на свет». ³¹⁵ В сентябре 1866 г. поверенный Шестаковой, в свою очередь, предъявил в недавно открывшийся Окружной суд встречный иск, требуя взыскать неустойку со Стелловского как «не выполнившего своих обязательств». ³¹⁶

³¹⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 384, 385, 386. В. Д. Комарова в докладе 1928 г. «Музыкальные процессы, которые вел Д. Стасов» лишь отчасти использовала эти интересные материалы. См.: Там же. Оп. 8. Д. 325. Л. 1–9.

³¹¹ См.: Пекелис М. С. А. С. Даргомыжский и его окружение. Т. 3. М., 1966. С. 51, 52, 123.

³¹² РО РНБ. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1. Л. 53. Воспоминания опубликованы только частично. См.: Шестакова Л. И. Мои вечера. СПб., 1895.

³¹³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 1.

³¹⁴ Там же. Л. 2.

³¹⁵ Там же. Оп. 3. Л. 190. См. подробнее: С.-Петербургские ведомости. 1867. № 136; Судебный вестник. 1867. № 108; Голос. 1867. № 136.

³¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 2–3.

С этого времени вплоть до конца 1869 г. тянулись фактически два параллельных процесса — то в старых, то в новых судебных учреждениях. Попеременно (иронично замечает литературовед В. Д. Комарова) «то там, то здесь Стелловский проигрывал дело и одновременно то там, то здесь предъявлял все новые требования», пока министр юстиции «по Высочайшему повелению не передал дело на рассмотрение в Сенат», где незадачливый купец-издатель и потерпел окончательное поражение.³¹⁷

М. А. Балакирев подробно вспоминал об этом деле в письме к Д. В. Стасову 1 марта 1904 г. «Условия со Стелловским заключал не Вильбуа, а я (память Вам изменяет). Условиями этими Стелловский обязывался издать <...> партитуры обеих опер Глинки, и вместе с тем он делался собственником испанских увертюр и всех остальных его сочинений. В случае несоблюдения им взятых на себя обязательств он лишался права издания сочинений, поименованных во 2-ом параграфе, и должен был уплатить неустойку в 1000 рубл. Так как Стелловский не издал в продолжение 10 лет партитур обеих опер Глинки, то Вы, разрушив условия и взыскав с него 1000 рублей, передали право издания испанских увертюр и всего остального Юргенсону, заплатившему Людмиле Ивановне 1000 рублей, и она сама уже начала дело издания оперных партитур».³¹⁸

Но и до настоящего времени, по мнению доктора искусствоведения, научного сотрудника Государственного института искусствознания Евгения Левашева, в почти десятилетней судебной тяжбе между Людмилой Ивановной Шестаковой и издателем Федором Стелловским имеется определенная тайна. Л. И. Шестакова продала право на издание почти всех сочинений Глинки музыкальному издателю Стелловскому в 1861 г., после освобождения крестьян, когда лишилась части своих имений и всех своих крепостных мужиков. Причем получила за них всего лишь 25 р. серебром. Для сравнения можно привести тот факт, что, получая за один свой романс 150 р. серебром, Глинка считал это весьма малым вознаграждением. В результате сопоставления разных косвенных примет Е. Левашев пришел к заключению, что названная сумма была фиктивной и появилась в договоре, скорее всего, для того, чтобы не платить громадный налог на подобного рода сделки. Сколько Шестакова получила на самом деле, остается только предполагать.

Интересно, что истец обвинял ответчицу в непредставлении ему только партитуры «Руслана», за что и требовал уплатить крупный штраф. Речь шла исключительно об этой опере — со всем остальным наследием проблем не было. Но, так или иначе, если партитура «Руслана» сгорела в 1859-м, как тогда посчитали, Шестакова не имела никакого юридического права подписывать со Стелловским названный договор в 1861 г. Однако тогда о сгоревшей рукописи должен был прекрасно знать и Стелловский. Вдобавок надо заметить: сам Глинка продал партитуру «Руслана» за поспектакльные гонорары

³¹⁷ См.: Там же.

³¹⁸ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 385. Л. 117 (письмо впервые вводится в научный оборот).

196 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения дирекции императорских театров, и еще неизвестно, имел ли кто право ее продавать повторно.³¹⁹

Дело длилось до смерти Стелловского (1875), причем нигде, никто, ни разу не говорил, будто партитура сгорела, хотя тогда еще судебным порядком очень легко было бы все проверить. Видимо, здесь необходимо согласиться с предложением современного крупного искусствоведа, что в этом процессе «никто не говорил всей правды» — ни Людмила Шестакова из-за неопределенности юридических прав на партитуру, ни Федор Стелловский из-за фиктивного договора, ни гражданский муж Людмилы Ивановны, присяжный поверенный Дмитрий Стасов, поскольку у него хранилась одна из копий «Руслана», а отдавать ее не хотелось.³²⁰

На одной из последних страниц судебного дела содержатся слова Д. В. Стасова о том, что, «как всем известно, полной авторской партитуры “Руслана” никогда не было и нет». В конечном счете, Л. И. Шестакова после смерти Ф. Стелловского выкупила у его сестры и наследницы за 1000 р. права на издание под своим именем. В 1878 г. партитура «Руслана» была издана с заметкой, что оригинал сгорел.³²¹

Впоследствии Д. В. Стасову еще раз пришлось столкнуться с любителем судебных тяжб, когда Ф. Стелловский в 1868 г. затеял процесс против А. С. Даргомыжского. Известный русский композитор еще в 1858 г. продал Стелловскому право на издание некоторых своих произведений, в том числе оперы «Русалка», а тот через 10 лет предъявил иск с требованием взыскать с Даргомыжского всю полученную им за эти годы «поспектабельную плату» за представление «Русалки» в сумме 5338 р. 67 к.³²²

Известный советский музыковед М. С. Пекелис справедливо заметил, что самоочевидное в наше время дело в условиях законодательства 1860-х гг. представляло значительные трудности, поэтому «в помощь себе Даргомыжский привлек видного юриста Д. В. Стасова, дружественного ему любителя музыки».³²³ Но исследователи не заметили, что на этом процессе оппонентом своего коллеги выступал очень серьезный противник, прекрасно разбирающийся в тонкостях музыкального права, присяжный поверенный В. И. Танеев (старший брат композитора С. И. Танеева).

«Наше дело из самых важных, какие рассматривались до сих пор в судебной практике»,³²⁴ — заявили без всякой рисовки оба адвоката в своих выступлениях. В. И. Танеев как доверенный Стелловского потребовал «признать определенно, что право публичного исполнения входит в состав музыкальной собственности», против чего решительно выступил Д. В. Стасов, объясняя, что «по условию доверитель его продал Стелловскому только право издания

³¹⁹ См.: Кухаренко И., Левашев Е. Найдены уникальные рукописи Михаила Ивановича Глинки // Газета. 2003. 14 февр.

³²⁰ См.: Там же.

³²¹ Там же.

³²² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 5.

³²³ Пекелис М. С. А. С. Даргомыжский и его окружение. Т. 3. С. 51–52.

³²⁴ С.-Петербургские ведомости. 1869. 14 дек. С. 4.

оперы “Русалка”, но никаких других прав, а тем более авторского права, не передавал». ³²⁵ «С.-Петербургские ведомости» как правительственный орган не только полностью опубликовали защитительную речь адвоката, но и посвятили началу процесса передовые статьи с изложением значимости поднятых вопросов. ³²⁶

Именно после обсуждения на этом процессе доводов адвоката Стасова на всех уровнях заговорили об авторском праве как таковом. В качестве доказательства он привел мнения видных зарубежных юристов, разъяснил статьи кодекса Наполеона (иностранные законодательства по-разному решали этот вопрос), а также привел необходимые сведения из переписки графа Д. Н. Блудова, управляющего II Отделением С. Е. И. В. К., который в свое время (1841) разрабатывал закон о музыкальной собственности. Все судебные инстанции, в которых слушалось дело (Окружной суд, Судебная палата, Сенат), признали эти толкования правильными и приняли соответствующее решение: «Стелловскому в иске отказать, возложив на него все судебные издержки», а кроме того, взыскали с алчного издателя еще «1100 рублей, так как он в нарушение договора не издал в течение десяти лет оперу “Русалка”», — так записала В. Д. Комарова. ³²⁷

Хотя блестяще выигранные Д. В. Стасовым музыкальные процессы послужили известным прецедентом, на что ссылались при решении подобных вопросов в судах, пересмотр законодательства затягивался, и ему суждено было еще дважды в 1879–1881 гг. выступать в защиту интересов П. И. Чайковского и его издателя П. И. Юргенсона.

Защищая их права, Стасов подал в Сенат иск «к директору придворной певческой капеллы Бахметеву и московскому обер-полицмейстеру Козлову», которые совершенно произвольно конфисковали изданную в Москве «Литургию Иоанна Златоуста», найдя лазейку «в законах и постановлениях Синода 1816 и 1846 гг.», что «ни одно духовно-музыкальное произведение не может быть ни исполнено, ни напечатано без одобрения директора придворной капеллы». ³²⁸ «Если только верно выписано 1-е Высочайшее повеление 46 года при Своде законов, — писал 14 сентября 1879 г. Д. В. Стасову М. А. Балакирев, принимавший живое участие во всех музыкальных процессах, — то Юргенсону, мне кажется, нет надежды выиграть процесс». ³²⁹

Как назло, в самый разгар борьбы известного в обществе адвоката отправляют, как он написал П. И. Юргенсону 29 марта 1880 г., «на более или менее продолжительное время в Тулу» ³³⁰ (ссылка затянулась ровно на полгода). Несмотря на все препятствия, Стасов в свойственном ему стиле, с большим успехом выигрывает и этот процесс. Один из его очевидцев С. Смоленский,

³²⁵ Там же. 13 дек. С. 3.

³²⁶ См.: Там же. 1868. 22 сент. № 259; 13–14 дек. № 343–344.

³²⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 5–7.

³²⁸ См.: Смоленский Ст. О Литургии ор. 41 соч. Чайковского (из литературно-юридических воспоминаний). СПб., 1903. С. 1–17.

³²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 386. Л. 95.

³³⁰ Там же. Л. 91.

198 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения характеризуя убедительные доводы поверенного Чайковского и Юргенсона, восклицает: «О, как были напряженны прения во время сенатского заседания 4 мая 1881 г.».³³¹

«Главная суть, выиграно право печатать без разрешения Бахметева. Я могу сказать без хвастовства, что я доволен своею защитою, — сообщал в этот же день Юргенсону радостный Д. В. Стасов. — К сожалению, стенограф, по глупости, не записывал речи, но и это ничего». В заключение он пишет: «Нет сомнения, что определение Сената будет написано основательно и подробно, и его можно будет целиком напечатать, а в этом все дело».³³²

Д. В. Стасов был уверен в большой значимости итогов такого крупного судебного дела, что, в конце концов, послужило решающим поводом к принятию в 1882 г. закона об авторском праве музыкантов и композиторов с продлением авторских прав на 50 лет и совершенно другими нормами вознаграждения. При этом формулировки ряда юридических понятий были очень близки тому, что говорил присяжный поверенный Стасов на своих музыкальных процессах. Совершенно права литературовед В. Д. Комарова, что такая важная роль ее отца в судьбах русской музыки и русских композиторов «малоизвестна и не оценена должным образом».³³³

В целом, как авторитетный юрист, умудренный опытом, Д. В. Стасов в течение двух десятков лет провел 821 судебное дело. Ему пришлось участвовать в самых различных по характеру судебных процессах того времени: уголовных и религиозных, политических и музыкальных, немалая часть которых имела, несомненно, важное общественно-политическое значение, и умелой защитой он поддерживал все возрастающий престиж адвокатского сословия.

По наиболее трудным делам, имевшим общественно-политическое значение, защищать подсудимых ему приходилось не столько в судебных установлениях обычного типа — Окружном суде, Судебной палате, вплоть до мирового суда, сколько в специализированных, специально созданных учреждениях — Верховном уголовном суде, Особом присутствии Сената, военных судах, где власти пытались ограничить права адвокатов и особенно публичность судопроизводства.

Необходимо по достоинству оценить заслути присяжной адвокатуры в тех буржуазно-демократических преобразованиях, которые все-таки были проведены в России. Видные представители сословия присяжных поверенных «первого призыва» хорошо осознавали свою роль как публичных выразителей общественного мнения. Известный адвокат С. А. Андреевский прямо заявлял об этом 26 августа 1911 г. в одном из писем своему другу Д. В. Стасову: «Наша прежняя роль, роль публицистов перешла теперь в свободную печать и в представительные учреждения».³³⁴

По справедливой оценке современных ученых, в ходе практической реализации Судебных уставов 1864 г. стало постепенно выясняться «несоответствие

³³¹ Смоленский Ст. О Литургии ор. 41 соч. Чайковского. С. 18.

³³² РГАЛИ. Ф. 931. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.

³³³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 325. Л. 1.

³³⁴ Там же. Оп. 5. Д. 45. Л. 2.

нового суда основам российской государственности», а правительство недооценило его реальную и значимую силу в обществе и государстве. В связи с введением новых судебных порядков надежда на непоколебимость формы правления в виде абсолютной монархии и соответствующей системы органов государственной власти «оказалась иллюзией». ³³⁵

В пореформенной России в условиях сохраняющихся самодержавно-бюрократических порядков равенство всех перед судом (наделенным независимостью самой же властью), гласность и состязательность судопроизводства с правом на защиту гражданских свобод оказали огромное влияние на общественно-политическую жизнь, что не могли предусмотреть и на что не рассчитывали как «отцы», так и «дети» судебной реформы 1864 г.

³³⁵ *Немытина М. В.* Суд в России... С. 68.

2.2. Д. В. СТАСОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

2.2.1. Меценат, литературный и земский деятель

Большой знаток и ценитель литературы и искусства, сам хороший музыкант и публицист, Д. В. Стасов был избран в состав первых директоров Русского музыкального общества, был соавтором устава первой в России С.-Петербургской консерватории, удачно сочетая юридическую и культурную деятельность. Он внес значительный вклад в развитие народного, особенно высшего женского образования, став членом-учредителем ряда музыкальных, просветительских, благотворительных организаций, привлекая авторитетом и обаянием своей личности значительные денежные средства и общие симпатии.

«“Свобода, равенство, братство” не были только красивыми словами в семье Стасовых, — отмечалось современниками на вечере 1918 г., посвященном памяти Дмитрия Васильевича, — и верный семейным традициям, он еще молодым человеком начал работать в пользу женского образования». ³³⁶ Активное участие Д. В. Стасова в этом благородном деле, по замечанию дореволюционного историка, профессора А. А. Жижиленко, «выразилось еще в деятельности обществ, ставивших своей задачей насаждение и развитие у нас высшего женского медицинского и педагогического образования и оказания помощи учащимся». ³³⁷

В России женщины долгое время были лишены права получать профессиональные знания в отечественных университетах, и только широкая общественная поддержка помогла им достичь успеха в борьбе за высшее образование. Когда в начале 1870-х гг. стала явной острая нехватка медицинских кадров, стали раздаваться голоса о назревшей необходимости подготовки врачей и акушерок из числа женщин. С 1 ноября 1872 г. начали действовать ставшие известными Высшие женские врачебные курсы, которые, по существу, оказались первым не только в России, но и в мире высшим учебным заведением для женщин.

Главную роль в организации курсов сыграли профессор Медико-хирургической академии И. М. Сеченов, С. П. Боткин, А. П. Бородин и активные деятельницы в области женского образования М. В. Трубникова, А. П. Философова, Н. В. Стасова и П. С. Стасова. ³³⁸ По просьбе своих родственниц

³³⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 124.

³³⁷ РО РНБ. Ф. 283. Д. 4. Л. 34.

³³⁸ См.: Зорина А. П. Александр Порфирьевич Бородин. М., 1987. С. 100–101.

Д. В. Стасов оказал юридическую помощь курсам в оформлении необходимых документов, стал организатором благотворительных концертов.

В начале деятельности слушательницам курсов было крайне нелегко, многие из них, лишённые зачастую поддержки родных, не имели никаких средств к существованию, и, естественно, им пришлось бы расстаться с возможностью получить необходимое образование. Под давлением столичной общественности правящие круги разрешили создание как самих курсов, так и общественных организаций в их поддержку. 27 декабря 1874 г. группа лиц, сочувствовавших высшему медицинскому женскому образованию — В. А. Арцимович, А. П. Бородин, Д. В. Стасов, М. В. Трубникова, А. П. Философова, организовали Общество для вспомоществования медичкам и педагогичкам,³³⁹ которое позднее было переименовано в Общество для пособия слушательницам Императорского педагогического и С.-Петербургского женского медицинского институтов.

Если в 1874 г. членами-учредителями общества выступили 37 видных представителей столичной интеллигенции, то в 1880 г. в его состав входило уже 673 человека. Членами комитета кроме указанных лиц были избраны А. С. Суворин, Н. Н. Тютчев, П. С. Стасова, В. Н. Герард, люди разных профессий и политических взглядов.³⁴⁰ «Сначала председателем был В. А. Арцимович, — вспоминала В. Д. Комарова, — затем мой отец, бывший вначале товарищем председателя, А. П. Бородин был долгое время казначеем; мать моя тоже деятельно работала на пользу Общества, особенно по присканию работы и уроков нуждающимся в заработке слушательницам и по устройству благотворительных вечеров, и к моим родителям и к Бородину постоянно приходили слушательницы курсов».³⁴¹ Юристы и композиторы находили в таком благородном деле взаимопонимание и поддержку, А. П. Бородин 15 августа 1879 г. с удовлетворением сообщал В. В. Стасову, что «Дмитрий Васильевич у нас председательствует в Обществе».³⁴²

Должности председателя комитета и казначея выполнялись Д. В. Стасовым и А. П. Бородиным неофициально, для руководителей, по воспоминаниям современников, это был «живой источник утешений и помощи нуждавшимся». Вдвоём они собирали взносы с членов Общества, добивались благотворительных пожертвований, участвовали в организации вечеров и концертов для сбора средств. На этих концертах нередко аккомпанировал Мусоргский, а хором дирижировал Римский-Корсаков.³⁴³

В течение полустолетия, как указывали деятели женского движения, Д. В. Стасов «находил возможным среди своей разносторонней кипучей деятельности отдавать много времени и внимания Обществу пособия слушательницам, во главе которого он стоял последние четверть века». Общество

³³⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 564. Л. 4.

³⁴⁰ ГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 97. Л. 71, 276.

³⁴¹ Комарова В. Д. Из детских воспоминаний о великих людях. А. П. Бородин // Музыкальное наследство. Т. 3. М., 1970. С. 257.

³⁴² Письма А. П. Бородина. Вып. 3. М.; Л., 1949. С. 70.

³⁴³ Зорина А. П. Александр Порфирьевич Бородин. С. 101.

202 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения в лице Дмитрия Васильевича приобрело умелого и чуткого руководителя, так как, «благодаря авторитету и обаянию своей личности, он привлекал и работников и средства и общие симпатии», поэтому в среде молодежи оно получило наименование Стасовского общества. В адресе слушательниц женских педагогических и медицинских курсов к 40-летию Общества с благодарностью указывалось, что оно «устраивало общежития, дешевые столовые, организовывало врачебную помощь, вносило плату за недостаточных слушательниц, назначало стипендии и многое, многое другое», и в завершение было сделано обращение к Д. В. Стасову: «Вы всегда будете жить в образе поборника истины и справедливости».³⁴⁴

Неоценимы заслуги семьи Стасовых в становлении высшего женского образования в России, в первую очередь Петербургских женских курсов (имя «Бестужевских» они получили благодаря министру народного просвещения графу Д. А. Толстому, так как именно он рекомендовал в качестве учредителя курсов профессора К. Н. Бестужева-Рюмина). Хотя, по справедливому мнению как советских, так и современных историков, курсы с таким же успехом можно было назвать «бекетовскими», по имени А. Н. Бекетова (избранного в это время ректором Петербургского университета). При чем инициатива в их организации принадлежала самим женщинам, в том числе Надежде Васильевне Стасовой — одной из главных заправил Высших женских курсов. На первых порах удалось добиться лишь разрешения на открытие публичных лекций для лиц обоего пола на общих основаниях. В январе 1870 г. собралось 900 человек (в том числе 800 женщин), и в течение шести лет, не имея своего помещения, курсы скитались с места на место. Только 20 сентября 1878 г. официально были открыты именно Высшие женские курсы, хотя собственное помещение удалось обрести лишь в 1885 г. на средства, собранные общественностью.³⁴⁵ В этом деле Н. В. Стасовой активно помогали всем, чем могли, ее братья — Д. В. и В. В. Стасовы. Владимир Васильевич в 1899 г. издал книгу «Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки». Показательны названия глав издания: «Воскресные школы», «Высшие женские курсы», «Сношения с границей», «Закрытие Высших женских курсов», «Восстановление Высших женских курсов», «Изгнание моей сестры с Высших женских курсов», «Смерть моей сестры».³⁴⁶ Цензура не допустила критику властей и запретила публикацию книги, но ее тираж все-таки был выпущен и разошелся по столице, в том числе оказался в библиотеке Бестужевских курсов.³⁴⁷ Родственники автора книги Д. В. и П. С. Стасовы сделали тогда же целый ряд замечаний и дополнений о своей роли в становлении женского образования в России.³⁴⁸

³⁴⁴ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 124–125, 594–598.

³⁴⁵ См.: Российские либералы / Под ред. Б. С. Итенберга, В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 217.

³⁴⁶ См.: Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.

³⁴⁷ Автор этих строк смог приобрести эту книгу (без указания тиража, но с указанием «типографии М. Меркушева») в букинистическом магазине Петербурга уже в наши дни.

³⁴⁸ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 435. Л. 1–9.

В эпоху «великих реформ» борьба за женскую эмансипацию и женское образование имела ярко выраженный демократический характер, что вызвало неприятие недалековидных царских властей и даже ставилось в вину участникам этого движения.

Во второй половине 1860-х и в 1870-е гг. Д. В. и В. В. Стасовы продолжают активно посещать различные музыкальные кружки и собрания. Вместе с А. С. Даргомыжским, который был как бы связующим звеном двух поколений композиторов, они «два раза в неделю» собирались на вечерах у сестры М. И. Глинки — Л. И. Шестаковой.³⁴⁹ Дом сестры композитора долгое время служил одним из центров музыкальных собраний «балакиревцев». Шестакова проявляла интерес к музыкальной и общественной деятельности «Могучей кучки», принимая активное участие во всех начинаниях известных русских композиторов.

По воспоминаниям Н. А. Римского-Корсакова, в доме Ц. А. Кюи «каждый раз производилась игра в 8 рук <...> играли Балакирев, Мусоргский <...> Кюи, а иногда Дмитрий Васильевич Стасов».³⁵⁰ В то же время, по свидетельству его жены П. С. Стасовой, в их доме, «благодаря Д. В., его пониманию музыки, его постоянным сношениям с музыкальными личностями, артистами и членами Русского музыкального общества и консерватории в лице ее преподавателей, у нас постоянно бывали то тот, то другой из жрецов Орфея <...> а новейшие наши корифеи музыкальные — Мусоргский, Балакирев были у нас habitués (завсегдателями)». В связи с этим, замечает жена Д. В. Стасова, «задумали мы с ним определить вечера четвергов наших знакомых».³⁵¹

Их дочь В. Д. Комарова с таким же упоением рассказывает о таких «больших музыкальных собраниях», когда на квартире ее родителей собиралась «музыкальная компания», в которую входили практически все наиболее известные в столице композиторы и музыканты: М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, М. А. Балакирев, Ц. А. Кюи, А. Г. и Н. Г. Рубинштейны, Н. А. Римский-Корсаков, Н. В. Щербачев и др.³⁵² «Все эти друзья-композиторы, — вспоминала она впоследствии, — собирались по средам музицировать у Владимира Васильевича Стасова <...> а у нас в доме эти собрания продолжались по четвергам, и дома мы по-прежнему слушали и сцены из “Хованщины”, сочинявшейся Мусоргским в те годы, или чтение вслух графом А. А. Голенищевым-Кутузовым сцен из писавшейся им тогда драмы “Шуйский”».³⁵³

Дмитрий Стасов, так же как и его именитый брат Владимир Стасов, выступал за утверждение в музыкальном искусстве прогрессивных демократических принципов, высоко ценил творчество русских музыкантов, композиторов «Могучей кучки» (со многими из которых был в дружеских отношениях), широко пропагандировал их творчество. Так, 14 мая 1877 г., рекомендуя

³⁴⁹ М. П. Мусоргский. Письма и документы. М., 1932. С. 139–140.

³⁵⁰ Шестакова Л. И. Мои вечера. С. 2.

³⁵¹ См.: Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1982.

³⁵² Стасова П. С. Из «Моих воспоминаний» // М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 108.

³⁵³ Комарова В. Д. Из детских воспоминаний о великих людях // С. 113.

204 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения известному музыкальному издателю П. И. Юргенсону приобрести из произведений Мусоргского «две серии по три вещи», со знанием дела указывал, что «одна из них — под названием “Пляска смерти” <...> по моему мнению, очень драматическая; все вещи с русскими словами».³⁵⁴

На протяжении долгих лет такие литературно-музыкальные вечера, как «среды» у В. В. Стасова и подобные же «четверги» у Д. В. Стасова, были заметным культурным явлением в жизни столицы, причем если у первого собирались в основном композиторы новой русской музыкальной школы, то у второго, наряду с ними, нередко бывали и представители западной музыкальной культуры в России, так называемой немецкой школы.

Жена Д. В. Стасова в своих обширных мемуарах (отчасти использованных музыковедами) подробно описывала музыкальные вечера в их доме в начале 1870-х гг. с участием знаменитых русских композиторов разных музыкальных направлений. «Тогда были все наши музыканты, т. е. Мусоргский, Бородин, Кюи, Римский-Корсаков, — вспоминала об одном из таких вечеров П. С. Стасова. — Когда заходила речь о русской музыке, сейчас обострялись отношения между Рубинштейном и русской музыкальной компанией <...> набравшись храбрости, я сказала: все споры, все разногласия умолкают, когда Антон Григорьевич своей волшебной игрой увлекает нас! Все мне зааплодировали, и чудные звуки полились и привели всех в дружный восторг».³⁵⁵ Фактически музыкальные вечера у Дмитрия Васильевича являлись как бы связующим звеном между двумя направлениями в музыке.

В общем процессе «художественного освоения русской музыки сферы Востока» общеизвестно противостояние Рубинштейна «с творческим опытом его антипода — Мусоргского». Музыковеды давно отметили совпадение первой пляски в «Хованщине» с темой среднего раздела первой пляски из «Демона», указав при этом, что Мусоргский был знаком с этой оперой Рубинштейна, так как «слышал ее в авторском исполнении на вечере в доме Д. В. Стасова». Позднее критики стали упрекать автора «Хованщины» в откровенном «заимствовании», а другие видели в этом только «сходство».³⁵⁶

Современники вспоминали постоянную череду «вокальных вторников», на которых «часто бывали Ник<олай> Андр<еевич> Р<имский>-Корсаков, Цезарь Антонович Кюи и режиссер Милий Алексеевич Балакирев, Глазунов, Лядов, Щербачев, Дмитрий Васильевич Стасов и другие». При этом здесь же отмечалось, что «наши вторники посещали художники и скульпторы: И. Е. Репин, К. Е. Маковский, И. Я. Гинцбург, Антокольский».³⁵⁷

Известный русский скульптор И. Я. Гинцбург, будучи постоянным посетителем «четвергов» в доме Д. В. Стасова, на которых собирались многочисленные его друзья, известные адвокаты и общественные деятели, писатели, музыканты,

³⁵⁴ Орлова А. А. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., 1963. С. 493.

³⁵⁵ Там же. С. 211. «Мои воспоминания» П. С. Стасовой использованы только частично.

³⁵⁶ История русской музыки. Т. 7, ч. 1. С. 94.

³⁵⁷ Молас А. П. Из «Моих воспоминаний о “Могучей кучке”» // А. П. Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985. С. 129.

художники, называл среди них «Спасовича, Кони, Пассовеера, Григоровича, Бобырыкина, Балакирева, Римского-Корсакова, Глазунова, Репина, Верещагина, Антокольского и др.». «Эти “четверги” были светлыми днями моей жизни, все лучшее, что совершалось и переживалось в обществе того времени, находило здесь отклик и выражение, — с восторгом говорил И. Я. Гинцбург о значении этих литературно-музыкальных вечеров. — В особенности большое наслаждение получал я от новой русской музыки, которая часто исполнялась самими авторами-композиторами».³⁵⁸

Наряду с этим Стасовы оказывали композиторам различные дружеские услуги. Так, композитора М. А. Балакирева лечил обычно личный врач семьи Д. В. Стасова, а когда надо было, то он и сам буквально выхаживал болеющего композитора, о чем тот с благодарностью вспоминал.³⁵⁹ По свидетельству самого Д. В. Стасова, «они с Мусоргским часто “дежурили” в комнате больного и даже вдвоем сажали его в холодную ванну, предписанную доктором».³⁶⁰ Но если пути М. А. Балакирева и В. В. Стасова разошлись навсегда, когда композитор «отошел и замкнулся от своих музыкальных друзей», то к Д. В. Стасову композитор постоянно «приходил играть один или со своими молодыми учениками». Так, именно в его доме в 1899 г. М. А. Балакирев дал, по просьбе П. С. Стасовой, большой Шопеновский фортепьянный вечер (к 50-летию со дня смерти Шопена). Не случайно именно Дмитрий Васильевич подписал духовное завещание М. А. Балакирева.³⁶¹

Впоследствии великий композитор в одном из писем (оказавшемся вне поля зрения историков и музыковедов, но важном для нас во многих отношениях) подвел итог их отношениям. «Мы с Вами знакомы почти столетия, в продолжение которого люди в большинстве случаев падают нравственно под бременем жизни и вместо намеченной прежде идеальной цели служения добру и правде отдаются исключительно карьеризму, угождая и нашим и вашим и не брезгуя никакими средствами, — писал М. А. Балакирев 4 сентября 1901 г. Д. В. Стасову. — Вы один из тех, к сожалению, очень немногих, которые непоколебимо остались при служении раз намеченному идеалу, несмотря ни на какие тяжелые испытания, которые пришлось Вам переносить, и мне, в память нашей древней приязни, давно хотелось почтить Вас посвящением какого-нибудь крупного из моих сочинений, каковым я считаю мое 3-е *Larghetto* в знак моего к Вам глубокого уважения и душевной приязни».³⁶²

Выступая на вечере памяти Дмитрия Васильевича в 1918 г., историк музыки Г. Н. Тимофеев отметил, что в знак глубокой благодарности Д. В. Стасову были «посвящены многими нашими композиторами многие крупные сочинения»,³⁶³ что прослеживается начиная с дарственных надписей М. И. Глинки (19 ноя-

³⁵⁸ Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний // Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964. С. 137.

³⁵⁹ М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. М., 1971. С. 14.

³⁶⁰ Каренин Вл. Владимир Стасов. С. 393.

³⁶¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 323. Л. 80.

³⁶² См.: РО РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142. Л. 2 (письмо впервые вводится в научный оборот).

³⁶³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 142.

206 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения бря 1854 г. на обложке дуэта «Вы не придете вновь» и др.), М. П. Мусоргского (6 декабря 1873 г. на нотах «М. Moussorgsky. Ein Kindenderschers») и кончая посвящениями Н. А. Римского-Корсакова (15 июля 1897 г. романса «То было раннею весной») и С. М. Ляпунова (в 1911 г. песни разбойника «Не страшно мне, добру молодцу»).³⁶⁴ В семейном архиве Стасовых сохранился любопытный «Список рукописных и нотных автографов и рисунков <...> в дар Публичной библиотеке В. Д. Комаровой от имени покойного ее отца Д. В. Стасова», в коем значатся: «Глинка (рисунки, песни), рисунки Брюллова, Орловского, Серова (портрет Рашели), 2 портрета Глазунова с автографом Стасову Д., музыкальные автографы — Глазунов, Россини, Берлиоз, Бороздин, Балакирев и т. д.». ³⁶⁵

Восхищенные деятели культуры, по словам П. С. Стасовой), дали ее «мужу прозвище “эпикурец” за его любовь к искусству во всех видах, в особенности к музыке и всему изящному». ³⁶⁶ Друзья Д. В. Стасова неизменно отмечали, что «с большой любовью и знанием дела он следил и за новыми направлениями в области живописи и скульптуры». ³⁶⁷ Полстолетия спустя его современники, известные деятели культуры, сделали многозначительный вывод: «Дмитрий Васильевич Стасов был старейшим членом Общества поощрения художеств, которое сыграло в отношении изобразительных искусств такую же роль, как Консерватория в деле распространения более новых музыкальных течений». ³⁶⁸

Жена Д. В. Стасова в своих мемуарах с гордостью отмечала, что «в истории развития общества русских художников имя Стасова тоже известно как постоянно неизменного члена этого общества, а на выставках передвижников Д<митрий> В<асильевич> был ревностным покупателем с самого начала и до сего времени». ³⁶⁹ Как истинный меценат, он старался таким образом оказать помощь талантливым художникам.

Сам Д. В. Стасов делал это в деликатной, ненавязчивой форме. Об одном таком случае И. Е. Репин писал 27 ноября 1873 г. В. В. Стасову: «А покупкой “Бурлаков в броду” я сконфужен (признаюсь) так, что даже и теперь покраснел. Право, она не стоит этих, и, главное, у Дмитрия Васильевича очень хорошие вещи стоят, эта картина (эскиз) не для него, мне кажется. Я даже и к Гинцбургу (банкиру. — Д. Л.) не ходил еще; пойду, когда буду доведен до последней крайности». ³⁷⁰ Впоследствии Д. В. Стасов купил и законченную картину «Бурлаки, идущие вброд» (вариант знаменитых «Бурлаков на Волге»).

В другой раз, когда знаменитый художник, в знак глубокой благодарности, хотел подарить другу-меценату написанный в 1879 г. портрет его супруги — Поликсы Степановны, тот решительно отказывался принимать без оплаты такой дорогой подарок. «Этот неловкий и ничтожный, конечно, случай (расплата за портрет) убедил меня, — писал вновь Репин В. В. Стасову, — что он

³⁶⁴ Там же. Д. 153. Л. 3.

³⁶⁵ РО РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 196. Л. 1; Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. Т. 2Б. М., 1977. С. 204, 210; Орлова А. А. Труды и дни М. П. Мусоргского. С. 317–318.

³⁶⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 35 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

³⁶⁷ Троицкий Н. А. К биографии Д. В. Стасова. С. 322.

³⁶⁸ Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. С. 138.

³⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 43–44 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

³⁷⁰ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Письма. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 70, 81, 175.

скала, я разбился об него вдребезги <...> даже приятно подумать, что есть у нас люди с таким характером. Шварца я заказал для него; пусть будет по-его, пусть платит». ³⁷¹ Таким же образом Репин купил для Д. В. Стасова еще и картину А. К. Саврасова «Радуга после грозы». ³⁷²

Благодарные мастера живописи, чувствуя заботу истинного ценителя искусства, с удовольствием писали портреты членов семьи Д. В. Стасова: В. А. Серов — самого Дмитрия Васильевича, И. Е. Репин — Поликсены Степановны, К. Е. Маковский — их детей Варвары, Сережи, Зины; кроме того, скульптор И. Я. Гинцбург запечатлел образ главы семейства в прекрасном гипсовом бюсте. Показательно, что Д. В. Стасов, не принимая таких подарков, за все настойчиво расплачивался (в двойном, тройном размере). Так, «Костя (К. Е. Маковский. — *Д. Л.*) с Дмитрия взял 700 р. за портрет его детей», хотя, «со всех берет по 150 руб. за портрет». ³⁷³

Одновременно самые знаменитые художники и композиторы России давали уроки живописи и музыки детям Д. В. Стасова (не говоря об услугах репетиторов по четырем иностранным языкам). В записях «приходов и расходов» постоянно значится: «Уроки детей. 1880 г. Балакирева. Сентябрь. Заплачено за 5 уроков — 30 р. и 30 р. дано вперед. Уроки Римского-Корсакова, ноябрь — 60 р. 1881. Уроки Балакирева, февр. — 42 р.». Правда, так щедро платили только именитым учителям, так как по другим записям значится: «Музыка Жебенеовой О. Г. Февр. (за 8 уроков) — 15 р.». ³⁷⁴

Братья Стасовы постоянно помогали художникам находить покупателей для их картин среди частных лиц или учреждений, о чем свидетельствует письмо Д. В. Григоровича в феврале 1874 г. к Д. В. Стасову: «Посылаю Вам, как условленно было с Влад. Васильевичем, 100 рубл. за две акварели Репина, третьего школа не взяла, к великому моему сожалению <...> оказались неподходящими для акварельного класса <...> там преимущественно девочки...». ³⁷⁵

О художественных вкусах Дмитрия Васильевича в искусстве современники судили также по «его небольшой, но очень яркой и характерной коллекции картин и скульптур, которые <...> приобретал на выставках или лично у друзей-художников, таланты которых он высоко ценил». «Тут были два портрета работы Репина (Поликсены Степановны и Владимира Васильевича), его же два этюда (первая версия «Бурлаков», «Инок» — волжский этюд), семейный портрет работы Константина Маковского и его же эскиз для картины “Балаганы на Адмиралтейской площади”, — вспоминал известный скульптор И. Я. Гинцбург, не забыв упомянуть и свой подарок, — картина Богданова-Бельского “Будущий монах”, картина Вл. Маковского

³⁷¹ Там же. Т. 2. С. 48.

³⁷² Там же. С. 236.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Для сравнения заметим, что семейство Д. В. Стасова истратило «за сентябрь на питание — 94 р. 68 коп.», в том числе «говядина — 13 р., масло чух<онское> — 4 р., мука — 72 коп., мука сладкая — 57 коп., картоф<ель> — 80 к., яиц — 85 к. (60 шт.), соль — 28 к., булок 3 р. 6 к., рыба 1–60., грибы, зелень...». См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 433. Л. 3–15.

³⁷⁵ Там же. Оп. 4. Д. 117. Л. 1–2.

208 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения «Осужденный», картина Лемоха «Сиротка», этюд Шварца, копия Серова, пейзажи Мещерского, скульптура Клодиона (терракота), Антокольского «Иван Грозный» (серебряный), Гинцбурга «Масло жмут» и др.».³⁷⁶ Все это говорит о тесной связи Д. В. Стасова с деятельностью Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ).

Об этих же картинах видных русских художников в коллекции отца рассказывала Е. Д. Стасова, отмечая при этом, что они с ранних лет всей семьей ходили на все выставки «передвижников».³⁷⁷ Символично, что Д. В. Стасов, как и его дочь (будущая революционерка), на первое место ставили одну из работ В. Е. Маковского. «В особенности он любил останавливаться перед картиной «Осужденный», выражение лица красивого молодого «политического» под конвоем двух жандармов приводило его в восторг, но еще более восхищало выражение лица старухи-крестьянки, до слез тронутой прощанием с любимым сыном, — вспоминал И. Я. Гинцбург о художественных привязанностях Дмитрия Васильевича. — Этот характерный эпизод из истории русских борцов за свободу был хорошо знаком и близок сердцу Дмитрия Васильевича, не раз выдавшего на процессах, в которых он участвовал в качестве защитника, этот взгляд осужденного. Он был не однажды до глубины души потрясен плачем несчастной матери».³⁷⁸

Как опытный юрист Д. В. Стасов был для деятелей российской культуры почти незаменимым человеком, тем более, что он был юрисконсультom и доверенным лицом известного мецената, банкира Г. О. Гинцбурга. Такие яркие представители искусства, как И. Я. Гинцбург и В. В. Верещагин, постоянно обращались к своему доверенному адвокату с просьбами обеспечить выдачу им денег от своих покровителей или родственников.³⁷⁹

Художники нередко просили Д. В. Стасова дать займы определенную сумму денег. К. Е. Маковский, например, в 1869–1871 гг. посылал ему краткие записки: «...я должен уехать сегодня совершенно для меня неожиданно на несколько дней, и потому обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне хотя бы 150 руб.».³⁸⁰ Таким же образом к адвокату обращались и другие живописцы. «Не думайте также, что, по всей вероятности, мне не понадобится обращаться к Вам за займом денег, — запросто сообщал Д. В. Стасову 18 сентября 1876 г. В. В. Верещагин, будучи в Париже. — Наоборот. Наверное, понадобится в свое время».³⁸¹ Видимо, на художника повлияла рекомендация В. В. Стасова, что его «брат, адвокат, имеющий дела и связи в финансовом мире

³⁷⁶ Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. С. 137–138; И. Е. Репин и В. В. Стасов. Письма. Т. 1. С. 175, 181, 205; Т. 2. М., 1949. С. 236, 260; Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры: В 2 т. Т. 2. М., 1967. С. 160.

³⁷⁷ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1969. С. 17.

³⁷⁸ Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. С. 138.

³⁷⁹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 109. Л. 1–6 (письмо И. Я. Гинцбурга к Д. В. Стасову 24 мая 1887 г.); Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова: В 2 т. Т. 1. М., 1950. С. 151 (письмо В. В. Верещагина к В. В. Стасову от 13 декабря 1876 г.).

³⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 185. Л. 1–2.

³⁸¹ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова. Т. 1. С. 338.

и здесь и за границей», деньги добудет и «все устроит к лучшему: и мягко, и солидно».³⁸²

Здесь надо заметить, что материальное благополучие стасовского клана в этот период было весьма проблематичным. Когда в 1873 г. «вследствие полнейшей неопытности и доверчивости, А. В. Стасов фактически потерял все принадлежавшее семье состояние», а в 1890 г. «в семье Стасовых произошла катастрофа материальная», то есть «ничего из отцовского состояния не осталось, все пропало», им «пришлось разом изменить весь образ жизни, переехать в скромную квартиру на 5-м этаже, стеснить себя во всем». С той поры на Д. В. Стасова, по словам двух его дочерей, как «наиболее обеспеченного из всех членов стасовской семьи, легла задача помогать многочисленным родственникам», в том числе «пришлось главную часть расходов по дому взять на себя».³⁸³ Несмотря на все эти затруднения, Д. В. Стасов оставался одним из видных меценатов, участником различных благотворительных мероприятий.

Многие видные государственные и общественные деятели неоднократно обращались к нему с просьбой использовать его богатейшую коллекцию произведений искусства в различных благотворительных и научных целях. Так, после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. великий князь Николай Михайлович, «устраивая в феврале в пользу вдов и сирот павших в бою воинов историко-художественную выставку русских портретов», в личном письме к Д. В. Стасову 31 декабря 1906 г. просит «не отказать в разрешении выставить <...> портрет В. В. Стасова работы Репина». После этого великий князь повторно напишет, что у выставки был «материальный успех 60 000 руб.».³⁸⁴

В 1909 г. Александр Бенуа от имени «Музея старого Петербурга» призывает Д. В. Стасова «пожертвовать <...> рисунки и проекты Вашего отца, знаменитого зодчего императора Александра I» и благодарит за «отзывчивость и готовность представить Музею драгоценный для него портрет <...> отца».³⁸⁵ В конечном счете, наиболее значительную часть своей знаменитой коллекции Д. В. Стасов лично (а затем и его дочь В. Д. Комарова) передали в дар Третьяковской галереи и Русскому государственному музею, еще раз подтвердив свое бескорыстие и преданность русской культуре.

Примечательно, что картины из коллекции Д. В. Стасова оказались даже в Сибирском крае, например, в галерее выдающегося мецената, городского головы Иркутска Владимира Платоновича Сукачева, собранной им в конце XIX в. Впоследствии, уже в советские времена, А. Д. Фатьянов, директор Иркутского областного художественного музея, проследил судьбу одной из таких картин. «Точно неизвестно, когда и у кого приобретались Сукачевым картины русских художников, — писал видный искусствовед. — Установлены

³⁸² Там же. С. 121 (письма В. В. Стасова к В. В. Верещагину от 3 и 26 июля 1876 г.).

³⁸³ Каренин Вл. Владимир Стасов. С. 174; *Стасов В. В.* Письма к родным: В 3 т. Т. 1, ч. 2. М., 1962. С. 376.

³⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 461. Л. 590.

³⁸⁵ Там же. Д. 480. Л. 1, 11.

210 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения
источники покупки лишь некоторых произведений: например <...> картина
М. А. Кудрявцева «Мальчик с гармоникой» — у Д. В. Стасова». ³⁸⁶

В числе близких друзей и знакомых Д. В. Стасова были многие литературные деятели: писатели и драматурги — И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. В. Григорович, В. А. Соллогуб, Марко Вовчок, В. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов; литераторы, занимавшие видное место в общественном движении, — А. И. Герцен, Н. Н. Огарев, В. П. Боткин, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Пыпин, П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский; публицисты, крупные судебные деятели — К. К. Арсеньев, А. Ф. Кони, К. П. Победоносцев, С. А. Андреевский, Н. П. Карабчевский, В. П. Гаевский, А. Я. Пассовер; редакторы и издатели популярных газет и журналов — М. Н. Катков («Русский вестник») и Н. А. Некрасов («Современник»), М. М. Стасюлевич («Вестник Европы») и А. С. Суворин («Новое время»), Ф. А. Кони («Пантеон») и Г. Е. Благосветлов («Русское слово»), К. В. Трубников («Журнал для акционеров») и И. В. Вернадский («Экономист»), А. М. Троицкий («Журнал Министерства юстиции») и Н. Ф. Финдзейн («Русская музыкальная газета»); историки и юристы, представители российской профессуры — К. Д. Кавелин, П. В. Павлов, В. Д. Спасович, Б. И. Утин, Н. С. Таганцев.

Неудивительно, что Д. В. Стасов постоянно был в курсе литературной жизни и его с радостью принимали в любом изысканном обществе, когда он стал, по словам его дочери, «своим человеком в литературных кругах Петербурга и отчасти Москвы». ³⁸⁷

Достаточно много имеется свидетельств о взаимоотношениях его брата, знаменитого критика, с деятелями литературы и искусства. Так, известен рассказ В. В. Стасова, когда летом 1869 г. во время Всемирной художественной выставки в Мюнхене они с «братом Дмитрием» повстречали Тургенева и «мадам Виардо», с которыми состоялся «оживленный разговор». ³⁸⁸

В семейном архиве Стасовых обнаруживаются и другие свидетельства того, что судьбы И. С. Тургенева и Д. В. Стасова перекрещивались самым неожиданным образом. Так, исследователи подробно изучили историю визита И. С. Тургенева к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну 2–4 мая 1880 г. и результаты этих переговоров. ³⁸⁹ Но только эпистолярное наследие Д. В. Стасова позволяет раскрыть факт пребывания Тургенева буквально накануне, 1 мая, в доме опального адвоката, отбывавшего ссылку в Туле, и уточнить цель визита писателя в Ясную Поляну. ³⁹⁰

³⁸⁶ См.: *Фатьянов А. Д.* Владимир Сукачев: основатель первой в Сибири картинной галереи. Иркутск, 1990.

³⁸⁷ *Комарова В. Д.* Из стасовского архива. С. 272.

³⁸⁸ *Стасов В. В.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1969. С. 103.

³⁸⁹ См.: *Лощинин Н. П.* Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. Тула, 1982. С. 76–78.

³⁹⁰ Обнаруженные воспоминания Д. В. Стасова предоставлены автором книги тургеневодам, работникам Пушкинского Дома. См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: 1876–1883 / Сост. Н. Н. Мостовская; [Отв. ред. Ю. Д. Левин, Н. Н. Скатов].* СПб., 2003.

Убедившись на собственном опыте, что значит быть оторванным от общества и активной деятельности, И. С. Тургенев, узнав (вероятно, от М. М. Стасюевича) о постигшей Дмитрия Васильевича беде, не преминул навестить его по пути к Л. Н. Толстому. Стасов был немало удивлен и весьма обрадован такому дорогому гостю, так как мало кто отважился в такие-то времена посетить опального адвоката.

Такой шаг И. С. Тургенева был проявлением гражданского мужества, если учесть, каким осторожным он стал после привлечения к дознанию по делу «32-х», обвиненный в связях с издателями «Колокола». Написав покаянное письмо императору Александру II, великий писатель, по излишне критической оценке советских историков, проявил «трусость и полную неспособность к решительному сопротивлению».³⁹¹

Почти двадцать лет спустя И. С. Тургеневу было далеко не безразлично развитие политических событий в России, именно с их обсуждения и начал он свой визит к Дмитрию Васильевичу. Воспоминаниям Дмитрия Васильевича об этой встрече посвящено весьма содержательное и подробное письмо к супруге П. С. Стасовой от 1 мая 1880 г., которое он написал сразу после беседы с И. С. Тургеневым.³⁹²

К моменту встречи Стасов уже заканчивал письмо к родным, и, чтобы не опоздать к отправке очередной почты, он далее в большой спешке, но весьма подробно описал суть разговора с писателем. Приводя сведения о яростной борьбе в правительственных кругах между консерваторами и либералами, И. С. Тургенев откровенно говорит, что он всей душой на стороне либерального крыла. С огромной радостью он рассказывает как «все подробности падения (Д. А. — Д. Л.) Толстого, так и назначения чуть ли не красного <...> нового начальника по цензурной части (Н. С. — Д. Л.) Абазы». Будучи ставленником Лорис-Меликова, Абаза стал действовать в пике тогдашнему министру внутренних дел Л. С. Макову, который был ярым противником свободного развития печати.³⁹³

Попытка Абазы при поддержке Лорис-Меликова провести новый, либеральный, по сути, закон, по которому административные взыскания были бы упразднены, а судебное преследование стало бы единственной формой отношений правительства с печатью, натолкнулась на противодействие председателя Комитета министров П. А. Валуева. Убийство народовольцами Александра II сняло с повестки дня этот важный вопрос.³⁹⁴

Вторая половина их беседы касалась, конечно, вопросов литературной жизни: подробностей подготовки «ко дню открытия памятника Пушкину», рассказа «о Золя», воспоминаний И. С. Тургенева, «которые он должен писать»,

³⁹¹ Порох И. В. Тургенев и Милютин // Прометей. 1967. № 4. С. 337.

³⁹² См.: Легкий Д. М. И. С. Тургенев в воспоминаниях Д. В. Стасова // Исторический архив. 2001. № 1.

³⁹³ См.: Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати... С. 51, 81–82, 117–120.

³⁹⁴ См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 262–269; ср.: Секиринский С. С. Петр Александрович Валуев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 181.

212 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения обсуждения персонажей романа «Новь» и т. д. Особый интерес здесь вызывает ответ писателя на вопрос Дмитрия Васильевича, «отчего он не выставил других характеров <...> сильных, энергичных» в романе «Новь», который «стал первым в отечественной литературе романом специально о революционерах».³⁹⁵

Известно, что в процессе работы над данным произведением писатель использовал документальные материалы и рассказы адвокатов о политических процессах 1870-х гг. («нечаевцев», «193-х» и др.), где Стасов выступал защитником большой группы народников. Он намеренно спросил Ивана Сергеевича об этом произведении, о действующих лицах которого мог высказать свое мнение как очевидец, хорошо зная прототипы романа — Н. П. Огарева, М. Н. Каткова и тем более родного брата В. В. Стасова. Обсуждение этого романа, последнего крупного произведения Тургенева и первого в отечественной литературе романа о революционном движении, не было случайным.

Книга была опубликована в 1877 г., и ее центральной темой было «хождение в народ», причем как реакционные круги осудили «Новь» как «гадость, мерзость», так и демократическая общественность поначалу не приняла позицию писателя. Болезненно переживая «хулу» на свое детище со стороны участников освободительного движения, Тургенев уже в феврале 1880 г. на встрече с петербургскими литераторами прямо заявил, «что он сам доволен “Новью” и что у него есть план изобразить русского “социалиста”».³⁹⁶

Самого писателя реакционные круги травили как «адвоката русских нигилистов», ведь основные персонажи «Нови» — это благородные и самоотверженные народники, несколько ограниченные в своем фанатическом революционизме. Впрочем, перед русским обществом смысл «хождения» и типы его деятелей открылись лишь на громких судебных процессах «50-ти», «193-х», которые начались вскоре после выхода «Нови» в свет.³⁹⁷

Рассказ И. С. Тургенева о его отказе «написать общедоступную брошюру для народа о значении Пушкина» в основном повторяет объяснения по этому поводу в письмах к М. М. Стасюлевичу и А. В. Топорову.³⁹⁸ Но кроме этого Д. В. Стасов сообщает: «Кажется, Тургенев поехал к Толстому для того, чтобы его втянуть в это дело». Видимо, он хотел, чтобы именно Лев Толстой взялся написать в короткий срок популярную брошюру о А. С. Пушкине (как это же предлагал сделать П. И. Бартеневу), но Л. Н. Толстой вообще отказался участвовать в открытии памятника. В конечном счете Л. Н. Толстой, несмотря на свое преклонение перед великим поэтом, в силу сложившихся к тому времени убеждений отказался от публичного участия в его чествовании.³⁹⁹

В конце письма Д. В. Стасов задается вопросом, почему он, имея такую благоприятную возможность, «не хотел ехать к Толстому». Объяснение он дает сам,

³⁹⁵ Троицкий Н. А. Революционная тема в творчестве И. С. Тургенева // Декада науки. Мат-лы 57-й науч. конф. СГТУ. Вып. 2. Саратов, 1994. С. 88.

³⁹⁶ Троицкий Н. А. И. С. Тургенев и русское освободительное движение 1870-х гг. // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 2. Саратов, 1995. С. 27–29.

³⁹⁷ Там же. С. 28.

³⁹⁸ См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 15. М., 1988. Письма № 5155–5158.

³⁹⁹ См.: Лоцинин Н. П. Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. С. 76.

ссылаясь на знакомого адвоката М. А. Языкова, «который говорил о Толстом <...> что он все общество теперь отвергает». ⁴⁰⁰ П. С. Стасова в мемуарах отметила, что «Дмитрию предлагали съездить в Ясную Поляну, но Д. постеснялся и не поехал». ⁴⁰¹ Кстати сказать, поводом к поискам в переписке Д. В. Стасова сведений о его встрече с И. С. Тургеневым послужила следующая фраза в воспоминаниях П. С. Стасовой. На одной из страниц (без всяких комментариев) она упомянула: «Приезжал к Дмитрию и Тургенев проездом через Тулу». ⁴⁰²

Д. В. Стасов и после смерти И. С. Тургенева продолжал поддерживать отношения с Полиной Виардо, доказательством чего являются ее письма к Дмитрию Васильевичу и малоизвестные воспоминания последнего о «свидании с Виардо 4 апреля 1982 г. в Париже». ⁴⁰³ Правда, рассказ П. Виардо, записанный Д. В. Стасовым, касался ее отношений с Ж. Санд, так как именно об этом просила узнать его дочь, писательница В. Д. Комарова. Она имела намерение использовать эти воспоминания в своей фундаментальной книге о жизни и творчестве Ж. Санд. ⁴⁰⁴

По воспоминаниям старшей дочери Д. В. Стасова, после ареста и возвращения из ссылки в 1880 г. «у Д<митрия> В<асильевича> оказалось вдруг много свободного времени <...> он отчасти обратился к литературной работе — взял на себя ведение иностранной хроники при Вестнике изящных искусств Л. П. Сомова в *Художественных известиях*». ⁴⁰⁵ Таким образом, по иронии судьбы, вездесущее III Отделение «помогало» юристу-практику общаться к служению литературной музе, что, впрочем, не было исключением в среде демократически настроенной русской интеллигенции. В дальнейшем диапазон творческих интересов Д. В. Стасова стал более широк, и он уже в начале XX столетия в «Русской музыкальной газете» поместил «воспоминания о положении музыкального дела в Петербурге <...> наконец, в “Былом” напечатал свои “Воспоминания” о его первом политическом процессе (1866 г.)». ⁴⁰⁶

Правда, при этом он писал только под различными псевдонимами, причем не только из скромности, но и по политическим причинам не указывал свое полное имя. Так, 27 ноября 1890 г. в письме к известному редактору А. С. Суворину Д. В. Стасов просил: «Если Вы найдете нужным поместить эту заметку, то прошу не выставлять моего имени, только Д. С.». ⁴⁰⁷ На это были разные причины. В департаменте полиции долгое время (с 1879 по 1900 г.) хранилось специальное досье «о наблюдении» за деятельностью известного русского адвоката Д. В. Стасова (впрочем, как и на многих его коллег, политических защитников). ⁴⁰⁸

⁴⁰⁰ См.: *Легкий Д. М.* И. С. Тургенев в воспоминаниях Д. В. Стасова. С. 158–165.

⁴⁰¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 129 (*Стасова П. С.* Из прошлого).

⁴⁰² Там же. Л. 123.

⁴⁰³ См.: РГАЛИ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 144. Л. 768.

⁴⁰⁴ См.: *Каренин Вл. Ж.* Санд, ее жизнь и произведения. Т. 1. СПб., 1899.

⁴⁰⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 321. Л. 303–304.

⁴⁰⁶ *Комарова В. Д.* Из стасовского архива. С. 273.

⁴⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4076. Л. 6 (письмо от 27 ноября 1890 г.).

⁴⁰⁸ См.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 183.

214 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения

Редакторы различных периодических изданий высоко отзывались о литературной деятельности Д. В. Стасова, о чем свидетельствует письмо к нему в январе 1918 г. Н. Ф. Финдзейна: «Редакция “Русской музыкальной газеты” может только гордиться Вашим многолетним сотрудничеством и участием, которые Вы всегда проявляли, представляя ей напечатание целого ряда ценных исторических документов — писем Вашего знаменитого брата Владимира Васильевича, Мусоргского, Балакирева, Шестаковой и др. материалов».⁴⁰⁹ Кроме того, Д. В. Стасов был постоянным советчиком и критиком Н. Ф. Финдзейна как редактора популярной газеты, давая тому ряд ценных дополнений и уточнений в работе над книгами и статьями по истории русской музыки.⁴¹⁰

По словам В. Д. Комаровой-Стасовой, «задавшись после смерти брата целью собрать его полную корреспонденцию»,⁴¹¹ ее отец обратился ко многим деятелям культуры — Л. Н. Толстому, М. П. Мусоргскому, М. А. Балакиреву, П. И. Чайковскому — с просьбой предоставить ему для публикации их переписку с Владимиром Васильевичем и воспоминания о нем. Вскоре Л. Н. Толстой любезно ответил согласием⁴¹² и выслал ему 32 письма В. В. Стасова, но не смог написать воспоминания, о чем 4 ноября писал И. Я. Гинцбургу: «Чувствую свою вину перед всеми друзьями Владимира Васильевича и прошу их, в особенности Дмитрия Васильевича, простить меня...».⁴¹³ М. И. Чайковский, брат великого композитора, с радостью воспринял эту благородную идею, дав свое полное согласие. «Предоставляю Вам полное право печатать письма Петра Ильича и очень, очень одобряю Вашу мысль, — писал он Д. В. Стасову 21 июня 1908 г. — Думаю, что и будущий биограф будет Вам благодарен. Обстоятельно изданная переписка — клад для такого друга».⁴¹⁴

Претворяя в жизнь свою идею сделать достоянием всех интересующихся историей русской музыки переписку видных деятелей культуры, Д. В. Стасов хорошо осознавал значение такого труда, о чем он размышлял в предисловии к одной из своих публикаций 1911 г. «Каждый эскиз великого художника, каждый штрих замечательного живописца, каждая строчка творца-музыканта интересны и важны как элементы их творчества, как те жизненные черты, которые потом вошли в их вдохновенные создания. Тем более интересно и важно все то, что собственноручно записал гениальный художник-музыкант, те мысли, стремления, изыскания, которыми руководился он для своего творения; это драгоценный материал, определяющий и его характер, и его задачи».⁴¹⁵

Опубликовав письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову, он сразу сообщает об этом композитору в своей записке, а также уведомляет, что их автографы в целостности и сохранности переданы им в Публичную библиотеку.⁴¹⁶ Крайне

⁴⁰⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 398. Л. 13.

⁴¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1880.

⁴¹¹ См.: Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., 1929. С. 22.

⁴¹² См.: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. XIX–XX. М., 1984. С. 615.

⁴¹³ Там же. С. 620.

⁴¹⁴ РО РНБ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 51. Л. 16.

⁴¹⁵ Письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову (1870–80). Сообщил Д. В. Стасов // Русская музыкальная газета. 1911. № 10. С. 253.

⁴¹⁶ См.: РО РНБ. Ф. 502. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

редко Д. В. Стасов подвергал переписку классиков отечественной культуры своей «цензуре», как произошло с публикацией письма Балакирева (с резкими, незаслуженными нападками на него лично) к В. В. Стасову от 1 августа 1861 г., но обязательно отмечал такие факты на полях, например, как в этом письме: «Первый лист письма уничтожил. Д. С.». ⁴¹⁷

В любом случае, он был выше личных обид, прекрасно понимая и выделяя в первую очередь огромное значение творческой деятельности великой личности. «Я здесь, в деревне, перечитываю переписку Балакирева с братом Влад<имиром> Вас<ильевичем>, — писал Д. В. Стасов 29 июля 1910 г. музыкальному критику Г. Н. Тимофееву, — и нахожу в ней такие важнейшие указания, подробности, мысли о самых разных вопросах жизни, искусства, литературы, оценки людей, делавшиеся Балакиревым, каких не ожидал встретить, хотя всегда уважал Балакирева за ум, способности и душевные качества. Надо просто из этой переписки целый том напечатать, и тогда личность Балакирева представится весьма цельною и необыкновенною <...> Предоставить личность Балакирева во весь рост — вещь очень аппетитная, благодарная и, по-моему, необходимая». ⁴¹⁸

Внимательно осуществляя подготовку публикаций, Д. В. Стасов старался уточнить все спорные и неясные вопросы. «Читая переписанные письма к Вам покойного Влад<имира> Вас<ильевича>, я хотел бы выяснить некоторые факты, о которых или совсем забыли, а может быть, и не знали, и которые Вам были, наверно, известны, — писал он 14 июля 1907 г. Н. А. Римскому-Корсакову. — Если не восстановить их теперь, то потом никто их или не восстановит, или переверт». ⁴¹⁹

Поэтому Д. В. Стасов так решительно протестовал против недобросовестного подхода в таком деликатном деле. Так, возмущенный извращениями в рецензиях Н. Соловьева о деятельности Русского музыкального общества, он пишет редактору газеты «Новости» О. К. Ноговичу письмо с настоятельной рекомендацией «требовать сообщений верных, а не сознательно-искаженных фактов». ⁴²⁰

Многие деятели культуры, вспоминая о своих отношениях с Д. В. Стасовым и его заслугах, обязательно отмечали (как, например А. Ф. Кони), что на протяжении полувеков «его дом был центром, в котором сходились разные люди, связанные общим сочувствием к гостеприимным хозяевам и любовью к науке, литературе и искусству в различных его проявлениях». Создатель знаменитой книги «Отцы и дети судебной реформы» с восторгом вспоминал происходившие в доме Д. В. Стасова «полные духовного содержания вечера, в которых серьезная музыка сменялась задушевною беседою о злобе дня, а последняя — живою оценкою новых литературных и художественных произведений». ⁴²¹

⁴¹⁷ См.: М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. Т. 1. М., 1970. С. 402.

⁴¹⁸ Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. М., 1935. С. 111.

⁴¹⁹ РО РНБ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 992. Л. 2–3.

⁴²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 344. Л. 1.

⁴²¹ Кони А. Ф. На жизненном пути. С. 419.

Разносторонняя культурно-просветительская деятельность Д. В. Стасова принесла ему не только уважение современников, но и пристальное внимание властей. Главный начальник III Отделения А. Р. Дрентельн докладывал в 1879 г., «что Стасов, под видом благотворительной деятельности, содействовал распространению революционной пропаганды»,⁴²² хотя тот меньше всего думал о революционной пропаганде, когда в 1870 г. вошел в состав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, а в 1880 г. стал членом комитета Невского попечительства для призрения и воспитания детей убитых и раненых воинов.

В начале XX в. Д. В. Стасов был выбран председателем общества «Помощь в чтении больным и бедным» и вошел в состав Комиссии по народному образованию, в деятельности которых принимали участие многие его коллеги, видные юристы П. А. Потехин, К. К. Арсеньев, А. Ф. Кони, А. Л. Боровиковский, В. Н. Герард, А. А. Герке, В. П. Гаевский, А. И. Урусов.⁴²³

Но у полицейских чиновников было свое мнение о деятельности таких безобидных обществ, и в его личном деле неизменно указывалось: «Стасов навлекает на себя обвинение в том, что принимал участие в разных филантропических обществах <...> и вообще личность весьма неблагонадежная в политическом отношении».⁴²⁴ По всей видимости, на такую оценку благонадежности повлияла еще одна сторона общественной деятельности известного адвоката.

На рубеже веков, по воспоминаниям друзей Д. В. Стасова, «много лет сряду он был одним из самых деятельных гласных Новгородского земства».⁴²⁵ По оценке современных исследователей, в 70–90-е гг. XIX в., в свой «медовый месяц», Новгородское земство блистало именами титулованных гласных князя А. И. Васильчикова, князя М. Н. Шаховского, князя А. А. Суворова-Рымниковского, графа А. П. Шувалова. Но вскоре на смену высокородным, титулованным пришли менее именитые, хотя и потомственные дворяне, среди которых был и Д. В. Стасов.⁴²⁶

Усиление в земствах буржуазно-либеральных элементов было закономерным явлением для того времени. Как образно выразился один из земцев, если «ранее состав довольно многочисленных гласных давал часто перевес течениям консервативным», то «со вступлением же Д. В. Стасова не только в его лице земское собрание приобрело более прогрессивных представителей либерального направления».⁴²⁷

Когда либеральные гласные при любой возможности стали выступать с ходатайствами и адресами, в которых в осторожной форме намекали Александру III на необходимость созыва представителей земель, власти решили

⁴²² ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 25.

⁴²³ ГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 97. Л. 383, 259; РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 226. Л. 4. См. подробнее: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России... С. 187–229.

⁴²⁴ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 19, 33.

⁴²⁵ *Троицкий Н. А.* К биографии Д. В. Стасова. С. 324.

⁴²⁶ *Королева Н. Г.* Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 88.

⁴²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 399. Л. 2 (записка М. Н. Буцкевича о деятельности Д. В. Стасова в Новгородском земстве).

покончить «с вредными направлениями в деятельности земств». Этому служил закон 12 июня 1890 г., ужесточивший контроль администрации за земством и еще более ущемивший права органов самоуправления.

Боровичское уездное земство Новгородской губернии опекало «разные заведения, содержащиеся на средства земства: психиатрическую Колмовскую больницу, сельскохозяйственную школу и учительскую Семинарию». Для Д. В. Стасова это было «любимое детище», которое «он особенно охотно посещал до самого конца своего служения в земстве». ⁴²⁸ Не случайно в Новгородской губернии, наряду с С.-Петербургской, Московской, Нижегородской, школьное дело числилось в разряде «благополучных».

Это позволило современным ученым сделать вывод о значительном улучшении постановки педагогики в школах земских губерний. Земства в конце XIX в. открывали специальные училища общепедагогического профиля, школы-мастерские для обучения навыкам профессионализма, причем одновременно способствовали созданию значительного слоя сельской интеллигенции — учителей начальных и средних школ. ⁴²⁹

Коллеги с восхищением отмечали, что «Председатель подготовительной комиссии Д. В. Стасов в течение около 20 лет неутомимо ведет все заседания комиссии». Распорядок его рабочего дня выглядел следующим образом: «С 12 часов дня, а иногда и ранее, и до 5–6 часов вечера он в заседании Губернского земского собрания, а в 8 ч. вечера он уже председательствует в Комиссии, которая расходится около 1 ч. или 2 ч. ночи». Можно согласиться с мнением земского служащего, что «действительно работоспособность Д. В. была поразительна». ⁴³⁰ Четверть века известный адвокат проработал в различных земских комиссиях, и вполне закономерным стал результат такой деятельности.

Когда в 1903 г. Николай II объявил о намерении продолжить преобразования и создать комиссию по продовольственному, крестьянскому, страховому вопросам с участием представителей от земств, земские собрания высказали готовность к обсуждению проектов реформ. Поток ходатайств двинулся из губерний в Петербург с просьбами земских гласных «испросить их мнения хотя бы о переустройстве управления в приходе, уезде, губернии». По справедливой оценке современных ученых, очень скоро земцы убедились, что их «порыв был напрасен». ⁴³¹

Характерным для того времени было «Дело по жалобе Гласных Новгородского Губернского Земского Собрания, Статского Советника Дмитрия Стасова по предмету недопущения к обсуждению Земским Собранием доклада губернской Земской управы об отмене телесного наказания», которое дошло до Правительствующего Сената. Это было связано с открытым обращением либерально настроенных земцев, которое подписали 15 гласных Земского собрания, и первым в списке был Д. В. Стасов. Прочитируем: «Уничтожение телесных наказаний в значительной степени в свою очередь развивает чувство

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ См.: Королева Н. Г. Земство на переломе... С. 44.

⁴³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 399. Л. 2.

⁴³¹ Цит. по: Королева Н. Г. Земство на переломе... С. 81.

218 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения собственного достоинства и нравственности, потому имеем честь предложить Новгородскому Земскому собранию ходатайствовать пред Правительством о совершенной отмене телесных наказаний». ⁴³²

Напомним, что это был не 1863 г., когда Александр II, казалось бы, решил эту проблему своим указом об отмене телесных наказаний в России, а 1903 г. В Российской империи начала XX в. по-прежнему наказывали не только арестантов (до 100 розог), ссыльнопоселенцев (до 100 плетей), но и по приговору волостных судов пороли розгами крестьян (не более 20 ударов) и даже малолетних ремесленников за порчу товара (до 10 ударов). ⁴³³ Тем не менее по «указу его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского» от 15 октября 1903 г. «приказали: Правительствующий Сенат не усматривает необходимости входить в рассмотрение по существу жалобы Гласных Новгородского Земского Собрания, а потому определяет — оставить таковую без последствий». ⁴³⁴

В конечном счете призывы к правительству демократически настроенных земских органов, ставших выразителями общественного мнения, все-таки возымели действие. В том же 1903 г. были отменены все виды телесных наказаний для ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев, а уже в следующем, 1904 г., — для всех крестьян, военнослужащих и других категорий населения. ⁴³⁵

В результате противостояния в 1903 г. председателем Новгородской губернской управы был избран земский либерал, участник Союза земцев-конституционалистов А. М. Коллюбакин, который сумел сплотить либеральные силы в губернии и противостоять группе правых во главе с губернским предводителем дворянства князем П. П. Голицыным. ⁴³⁶

С началом первой русской революции Особый отдел Департамента полиции вносит Д. В. Стасова в список неблагонадежных лиц, «приглашенных на частное совещание земских деятелей в Москве». ⁴³⁷ В мае и ноябре 1905 г. на частном совещании земцев в Петербурге и коалиционном съезде объединенных земских и городских общественных групп в Москве Стасов, как и в молодые годы, вновь подписывает адреса с требованием «безотлагательного созыва свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения свободы, личности, слова, печати, союзов и собраний, объявления политической амнистии». ⁴³⁸

В 1911 г. в либеральных газетах указывалось, что «Д. В. Стасов состоит гласным С.-Петербургской городской думы» и одновременно является «красой и гордостью адвокатуры». ⁴³⁹ Современники неизменно выделяли его черты характера: «Глубокое личное благородство, терпимость к чужим взглядам

⁴³² РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 399. Л. 481.

⁴³³ Кошель П. История наказаний в России. М., 1995. С. 100; Миронов Б. Н. Социальная история России: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 31.

⁴³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 399. Л. 482.

⁴³⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 32.

⁴³⁶ См.: Королева Н. Г. Земство на переломе... С. 88–89.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1000. Л. 43.

⁴³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 512. Л. 1; Д. 513. Л. 1.

⁴³⁹ См.: Петербургская газета. 1911. 3 мая. С. 1.

и убеждениям, без малодушного отступления от своих мнений, горячая преданность общественно-политическим идеалам, смелая искренность и при этом трогательная сердечность, простота и добродушие в общении с людьми». В конечном счете, «он покорял себе сердца не только из среды сторонников, но и из лагеря противников», так как «интерес дела и благо, к коему он стремился, был у него всегда на первом плане». ⁴⁴⁰

Заслуга присяжной адвокатуры в тех буржуазно-демократических преобразованиях, которые все-таки были проведены в России, была достаточно весомой. «Наша прежняя роль, роль публицистов, — как писал Д. В. Стасову 26 августа 1911 г. его коллега С. А. Андреевский о значении их публичных выступлений с адвокатской трибуны, — перешла теперь в свободную печать и в представительные учреждения». ⁴⁴¹

Таким образом, бывшие «шестидесятники» уже в начале XX в. стали представлять умеренно-либеральное движение, для которых земство было органом народного представительства, основой будущего парламентаризма. ⁴⁴²

На протяжении полувека дом Д. В. Стасова являлся одним из духовных центров Петербурга, когда посетителями знаменитых стасовских «четвергов» стали многие видные деятели культуры, и неудивительно, что он был близко знаком с наиболее известными композиторами и писателями, историками и художниками. Как истинный меценат, он предоставлял существенную материальную поддержку композиторам «Могучей кучки», «художникам-передвижникам» и одновременно репрессированным поэтам, писателям, редакторам газет и научным деятелям. В рядах самой адвокатуры было много ярких имен ученых, профессуры столичных вузов, поэтов, публицистов, музыкантов, видных общественных деятелей, среди которых были руководители Литфонда, Русского музыкального общества, Петербургского собрания художников, частных театров и многих филантропических обществ. Вместе с тем вследствие своего слишком активного участия в общественной жизни пореформенной России Д. В. Стасов считался царскими властями политически неблагонадежным, на что были веские причины, и почти три десятилетия (с некоторым перерывом) состоял под секретным полицейским надзором. Изучение культурно-просветительской деятельности русской интеллигенции (в рамках общественного движения) закономерно приводит к рассмотрению проблемы «революция и общество».

2.2.2. Адвокат Русской революции

Известный присяжный поверенный философ В. И. Танеев гениально предсказывал (задолго до трех русских революций), что в нашей стране «сословие адвокатов будет играть такую же роль, как во время французской революции XVIII века». ⁴⁴³ Знаменитый адвокат Н. П. Карабчевский, в годы

⁴⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 399. Л. 3.

⁴⁴¹ Там же. Д. 45. Л. 1.

⁴⁴² См.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. М., 1987. С. 93.

⁴⁴³ *Танеев В. И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 698.

220 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения первой русской революции бравировавший своим аполитизмом, оказавшись в эмиграции, был вынужден признать, что «при самодержавно-бюрократическом строе <...> вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной».⁴⁴⁴

Знаменательно, что в оппозиции к царскому режиму оказались практически все корифеи как «старой», так и «молодой» адвокатуры — К. К. Арсеньев, И. В. Гессен, А. С. Зарудный, В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев, С. А. Муромцев, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов и многие другие.⁴⁴⁵ В конечном счете, в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России представители именно сословия присяжных поверенных А. Ф. Керенский и В. И. Ульянов (Ленин) оказались у руля государственной власти.

В этом отношении весьма характерна роль первого председателя (трижды избиравшегося на эту должность в период с 1866-го и вплоть до 1914 г.) Петербургского Совета присяжных поверенных Д. В. Стасова в общественно-политической жизни страны. Будучи известным адвокатом, он никогда не отказывался от участия в политических процессах, самоотверженно защищая преданных суду тверских мировых посредников, «ишутинцев», «нечаевцев», участников «хождения в народ», народолюбцев, что вызывало недовольство верхов и окончательно закрепило за ним репутацию политически неблагонадежного, чуть ли не «красного».

Когда на имена идеологов народничества был наложен строжайший запрет, Стасов, пользуясь адвокатской трибуной, как, например, на процессе «193-х», смело отстаивал права русского человека читать «сочинения Чернышевского и Бакунина, журнал “Вперед” Лаврова <...> Ткачева и Кропоткина», так как, по его словам, «всем хочется знать <...> что пишут русские, живущие за границей», и без всякого смущения заявлял, что «сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще».⁴⁴⁶ На рубеже 1870–1880-х гг., как потом вспоминала жена Д. В. Стасова, «по почте рассылали массу таких брошюр».⁴⁴⁷ К тому же его брат В. В. Стасов «по своему положению тайного советника имел право получать все, даже нелегально печатавшееся за границей», о чем вспоминала Е. Д. Стасова. При этом, по ее словам, «один экземпляр он сдавал в секретный архив библиотеки, а второй регулярно приносил в семью моих родителей для прочтения».⁴⁴⁸

Конечно, это не означает, что видный адвокат сам придерживался радикальных революционных убеждений, хотя и был сторонником идеи мирной революции. Просто как демократически настроенный и просвещенный человек, он всеми доступными, хотя и рискованными средствами боролся за неотъемлемое право на свободу слова и печати, за право иметь собственное мнение. По справедливому замечанию современных ученых, на протяжении

⁴⁴⁴ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. С. 15–17.

⁴⁴⁵ См. подробнее.: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 187–229.

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 240–245.

⁴⁴⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 46 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁴⁴⁸ Стасова Е. Д. Владимир Стасов. Воспоминания // В. В. Стасов. 1824–1906. М.; Л., 1949. С 57.

всей второй половины XIX в. гуманизм, революционность и социализм в сознании передовой интеллигенции сливались воедино.⁴⁴⁹

Характерно, что, несмотря на участие в защите «ишутинцев» на процессе Дмитрия Каракозова, террористов-народовольцев (процесс Ковальского, «17-ти»), сам Д. В. Стасов не признавал террористические формы борьбы. По воспоминаниям его старшей дочери В. Д. Комаровой, о таком революционере-народнике, как Л. Г. Дейч, «папа не мог говорить без отвращения, так как это был тот, кто облил серной кислотой (!) какого-то предателя после нечаевского процесса».⁴⁵⁰ Кроме того, «как всегдашний противник смертной казни» он сам лично, в резкой форме, осуждал покушения на жизнь русских императоров (как в 1881-м, так и в 1887 г.), искренне считая такие действия «зверским злодеянием».⁴⁵¹

Наряду с этим он горячо поддерживал своих подзащитных, участников «хождения в народ», делавших все возможное для того, «чтобы не было разницы между образованным классом и народом»⁴⁵² (наученные горьким опытом царские власти запретили тогда предавать гласности в печати «возмутительные» речи адвокатов). Таким же образом он в начале XX столетия одобрял «естественный переход к сближению с народом, которое <...> вылилось и в хождение в народ и проч.».⁴⁵³

При арестах и обысках ему, конечно, не могли официально поставить в вину провозглашенное судебной реформой право на защиту российских подданных, но в частном разговоре с его женой председатель Верховной распорядительной комиссии граф Лорис-Меликов ссылался на недовольство такой деятельностью Дмитрия Васильевича самим императором. «Плюнуть не дают, извините за выражение, чтобы не приплетали имя Стасова, — сказал мне на днях его величество», — аккуратно записала в своих мемуарах его слова П. С. Стасова. «Это все оттого, что ваш муж занимается политическими защитами. А для чего? — добавил уже от себя Лорис-Меликов. — Вот и в Одессу ездил <...> Обязанность — обязанностью, не всякого надо защищать».⁴⁵⁴

Некоронованный правитель был недоволен участием адвоката на известном политическом процессе И. М. Ковальского в 1878 г., впрочем, такой же упрек в 1866 г. высказал ему как защитнику Н. А. Ишутина член Верховного суда принц П. Г. Ольденбургский. Весьма своеобразное понимание прав и обязанностей присяжных поверенных было у верховных блюстителей российских законов.

Неудивительно поэтому, что в жандармских справках на Д. В. Стасова непременно значилось уличающие его факты. «Он был защитником <...> по делу о развитии преступной пропаганды в империи, — указывалось

⁴⁴⁹ Карначев М. Д. Истоки русской революции. Легенды и реальность. М., 1991. С. 128.

⁴⁵⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 314. Л. 46 (Комарова В. Д. Воспоминания). Это действительно произошло с Н. Е. Гориновичем в 1876 г.

⁴⁵¹ Там же. Л. 48; Оп. 4. Д. 383. Л. 1 (заметки Д. В. Стасова).

⁴⁵² ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 142, 237, 238.

⁴⁵³ Стасов Д. В. Каракозовский процесс. С. 227–278.

⁴⁵⁴ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 106 (Стасова П. С. Из прошлого). Ср.: Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. С. 214.

222 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения в одном из документов. — Он же взял на поруки подсудимых Сабелькина <...> Кротонова, Александровского, Городецкого». ⁴⁵⁵ Более того, как вспоминала его жена, «из остальных Д<митрий> В<асильевич> взял на поруки Пономарева, Доброва и Кротонова и поселил их у нас в свободной одной комнате <...> жили они дружно, на полном нашем иждивении, Добров давал уроки истории нашему Сереже». ⁴⁵⁶ Содержание таких уроков, конечно, не соответствовало триаде «самодержавие, православие, народность» и программе Министерства просвещения.

Более того, адвокат делал для своих подзащитных многое такое, что далеко выходило за пределы его служебных обязанностей. «Сабелькина, больного чахоткой, поместил в Мариинскую больницу. Наш домашний доктор, А. Н. Оппенгейн, навещал и лечил его, и мы с мамой часто к нему ездили, возили крепкий бульон, бифштексы, вино, — отмечает в своих воспоминаниях дочь адвоката В. Д. Комарова. — Милый был, кроткий, угасающий юноша. Он вскоре умер, и папа хоронил его». ⁴⁵⁷ Другого подсудимого Кротонова, по словам жены, «Д<митрий> В<асильевич> поместил на лечение в лазарет Медицинской Академии, где он скоро и скончался», причем «его не позволили хоронить иначе, как тайком из Академии ночью». ⁴⁵⁸ Видимо, власти побаивались превращения похоронной процессии в демонстрацию протеста. П. С. Стасова с чувством гордости отмечает, что «Пономарев <...> называл меня и Д<митрия> В<асильевича> — матерью и отцом». ⁴⁵⁹ Такое сближение присяжной адвокатуры с революционными народниками больше всего и беспокоило царское окружение, которое с досадой констатировало, что общественное мнение совсем не на стороне правительства.

Многие подсудимые освобождались от тюремного заключения благодаря поручительству сочувствовавшего им адвоката под залог до 10 000 р., и, по мнению исследователей, «с согласия Дмитрия Васильевича Добровольский бежал за границу», причем «деньги Д. В. Стасова, естественно, пропали». ⁴⁶⁰ Подтверждение такого факта придавало бы большую весомость заслугам Дмитрия Васильевича в содействии революционному подполью, но при более тщательном рассмотрении источников выясняется, что согласия поручителя на побег не было, а денежный ущерб со временем ему был все-таки возмещен. Опираясь на сведения, приводимые в воспоминаниях П. С. Стасовой, исследователи не обратили внимания на то, что напротив ее слов «с согласия Дмитрия» стоят фигурная скобка и три вопросительных знака, так же как и напротив слов, что «он ездил в Одессу на защиту Ковальского». ⁴⁶¹ Это означает не сомнение в чем-либо автора мемуаров, а отрицание данных утверждений самим Д. В. Стасовым, рукой которого сделаны эти и ряд других пометок.

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7951. Л. 9.

⁴⁵⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 63 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁴⁵⁷ Там же. Оп. 8. Д. 314. Л. 95 (Комарова В. Д. Воспоминания).

⁴⁵⁸ Там же. Оп. 5. Д. 415. Л. 63 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ См.: Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 76.

⁴⁶¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 52 (Стасова П. С. Из прошлого).

Дело в том, что М. И. Ковальского на суде защищал не он, а другой известный адвокат, Г. В. Бардовский (заметим к слову, что через год Стасов будет уже вынужден давать в качестве «залога за Бардовского процентные бумаги на 10 тыс.»⁴⁶²). По поводу же побега Добровольского дочь Дмитрия Васильевича заметила, что ее отец «ничего не знал о бегстве взятого на поруки», «а Добровольский не счел себя обязанным оправдать это поручительство и сбежал». Однако впоследствии «его родственники вернули Д<митрию> В<асильевичу> что-то около 5000».⁴⁶³ Две сестры Добровольского после получения наследства посчитали «себя нравственно обязанными возратить <...> 5000 руб.»⁴⁶⁴ что ровно наполовину возместило ту сумму, которую по постановлению Особого присутствия пришлось передать «в капитал на устройство мест заключения».⁴⁶⁵

Оказание различной помощи осужденным революционерам проводилось Стасовым скрытно, на постоянной основе и в массовом порядке, что подтверждают письма к нему многих известных деятелей народнического движения: М. Ф. Грачевского, Ф. Н. Лермонтова, С. В. Мокиевского-Зубка, Н. А. Виташевского, В. Н. Фигнер и др.

Революционеры-народники, отданные под суд, нередко обращались к своему защитнику и поручителю, по словам Мокиевского-Зубка, «как утопающий за соломинку», с выражением «своей горячей благодарности за участие».⁴⁶⁶ Так, подзащитный Д. В. Стасова П. В. Курдюмов обращался к нему из далекой ссылки «с просьбою <...> прислать рублей 50»,⁴⁶⁷ другой участник «хождения в народ» А. А. Александровский вообще просил содействия, чтобы «устроиться сельским хозяином в деревне, ссудив <...> деньгами в количестве не более 600 руб.».⁴⁶⁸

Стасов, конечно, помогал по мере возможности, о чем говорит благодарность, высказанная ему М. Ф. Грачевским за «письмо и двадцать пять рубл. сер<ебряных> денег», когда он шел по этапу через Архангельск».⁴⁶⁹ Забота о судьбе Грачевского показывает, что адвокат оказывал помощь не только своим подзащитным, но и другим революционерам, вызвавшим у него уважение.⁴⁷⁰ Именно в это время, в июле 1879 г., начальник жандармского управления столицы предлагает начальству «Дмитрия Стасова лишить права заниматься адвокатурой и под надзор».⁴⁷¹

⁴⁶² Там же. Оп. 4. Д. 101. Л. 1 (из письма А. А. Герке к Д. В. Стасову от 6 октября 1879 г.).

⁴⁶³ Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 310; Д. 314. Л. 47 (Комарова В. Д. Воспоминания).

⁴⁶⁴ Там же. Оп. 4. Д. 330. Л. 1 (из письма Л. И. Соловьевой к Д. В. Стасову от 22 ноября 1883 г.).

⁴⁶⁵ Там же. Д. 381. Л. 6.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же. Д. 325. Л. 7.

⁴⁶⁸ Там же. Д. 320. Л. 4.

⁴⁶⁹ Там же. Д. 321. Л. 1. Подробнее см.: Троицкий Н. А. Письмо М. Ф. Грачевского к Д. В. Стасову // Советские архивы. 1979. № 5. С. 70–71.

⁴⁷⁰ Стасов выступит защитником Грачевского только в 1883 г., но такая забота о нем в 1878 г. послужила поводом зачислить Д. В. Стасова в его защитники и на процессе «193-х». См.: Салита Е. Г. Стасовы в Петербурге-Петрограде. С. 195.

⁴⁷¹ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 54.

Через Дмитрия Васильевича осуществлялась материальная поддержка осужденных на различных политических процессах. Так, например (по свидетельству П. С. Стасовой уже в открытой печати в 1915 г.), видная деятельница женского движения А. П. Философова (жена главного военного прокурора России) «обратилась к Д<митрию> В<асильевичу>» в середине 1870-х гг. с просьбой передать по назначению «пакет», где «была собранная ею сумма для высылаемых после одного процесса лиц». ⁴⁷² Вот она российская действительность: глава семьи, В. Д. Философов, главный военный прокурор Российской империи, — по долгу службы — обязан, несмотря на свои либеральные взгляды, отправлять «политических преступников» на каторгу, а его супруга — по совести и зову сердца — материально и морально поддерживает революционеров. По приказу Александра II (вынужденного лично вершить судьбы дворянской семьи), А. П. Философова по подозрению в участии в революционном движении, фактически за помощь осужденным и их родственникам, высылают на два года за границу (вернуться разрешили в 1881 г.). Одновременно (в том же году) ее мужа, В. Д. Философова, указом императора назначают членом Государственного совета (почетной ссылкой это трудно назвать). ⁴⁷³

Благородная подвижническая деятельность Д. В. Стасова в оказании помощи революционерам (независимо от их «партийной» принадлежности) была не исключением, а характерной чертой свободомыслящей российской интеллигенции, которая не хотела связывать свое имя с репрессивной политикой царского правительства.

Современники поражались размаху «щуваловского наблюдения за русской политической мыслью», когда он стал главным начальником III Отделения и шефом жандармов и в составленных его службой списке поднадзорных за 1867 г. стали значиться «Ф. Достоевский, Е. Утин, И. Крамской, К. Маковский, Д. Стасов, Д. Писарев» и другие деятели литературы и искусства. ⁴⁷⁴ Наличие запрещенной литературы и революционных прокламаций, обнаруженных при обысках на квартире Д. В. Стасова в апреле 1879 г., по мнению главного начальника III Отделения, шефа жандармов А. Р. Дрентельна, служило «несомненным доказательством принадлежности к революционной партии». ⁴⁷⁵

Пагубная практика выискивания политически неблагонадежных в среде творческой интеллигенции была обычной для того времени. Со временем об этой тотальной слежке обнаруживаются все новые документы, как, например, обобщенные справки «на Стасовых, составленные по материалам 3-го отделения С. Е. И. В. К.». В них нашлось место всем четырем братьям — А. В., Н. В., В. В. и Д. В. Стасовым, их сестре Н. В. Стасовой и П. С. Стасовой-Кузнецовой ⁴⁷⁶ (в дальнейшем большое внимание будет уделено и Е. Д. Стасовой).

⁴⁷² Воспоминания П. С. Стасовой // Сб. памяти Анны Павловны Философовой. Т. 2. Пг., 1915. С. 16.

⁴⁷³ См.: Там же. Т. 1–2.

⁴⁷⁴ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. XX. Пг., 1923. С. 113.

⁴⁷⁵ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 25.

⁴⁷⁶ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7949–7954. Эти справки были написаны чиновниками департамента полиции по плану историка С. С. Татищева, который готовил обзор по революционному движению.

Жена Д. В. Стасова была крайне удивлена, когда в 1872 г. «вызвали Дмитрия в полицию — кто бы подумал по поводу чего? — моей якобы неблагонадежности!!!». «Я в эту пору моей жизни принадлежала исключительно семье, своим 4-м детям... — приводит она свои убедительные аргументы, — и запрос обо мне канул в лету».⁴⁷⁷ Но она явно недооценила ретивости и упорства осведомительных органов. 3 июля 1875 г. канцелярия губернатора подает отношение новому начальству, что «проживающая в Санкт-Петербурге под строгим наблюдением полиции жена статского советника П. С. Стасова <...> подчинена сказанному наблюдению как сочувствующая началам вредных нигилистических учений».⁴⁷⁸

Буквально каждые два-три года Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру, а затем градоначальнику Ф. Ф. Трепову приходилось докладывать управляющему III Отделением, что «состоящий под секретным надзором полиции, отставной статский советник Дмитрий Васильевич Стасов просит о выдаче ему паспорта на отъезд за границу». Каждый раз во всех экспедициях III Отделения делался запрос: «...имеются ли какие-либо сведения...», и только затем шеф жандармов уведомлял, что «Стасову может быть выдан заграничный паспорт».⁴⁷⁹ Результатом «великих реформ» стало то, что человек, состоящий под секретным политическим надзором, с 1867 по 1890 г. более десяти раз беспрепятственно выезжал за границу, хотя в жандармских документах красноречиво говорилось, что, «по сведениям агентур, как местной, так и заграничной, Стасов <...> считался личностью весьма неблагонадежною».⁴⁸⁰

Одновременно высшие руководители политической полиции в 1874 г. решительно отклонили «ходатайства Санкт-Петербургского градоначальника об освобождении Стасова <...> от надзора полиции».⁴⁸¹ Поэтому (как в 1867 г., так и в 1881 г.) чета Стасовых занимала привычное место в «Алфавитном указателе лиц, состоящих под надзором полиции». Но если в первом случае, в 1867 г., М. К. Лемке (после революции 1917 г.) отмечал наличие громких имен деятелей культуры, лиц из высшего общества, то во второй раз, в 1881 г., уже присутствуют имена разночинцев.⁴⁸² Только по достижении Д. В. Стасовым возраста 62 лет в жандармском управлении столицы в его личном деле появилась запись: «надзор прекращен <...> 20 февраля 1890 г.».⁴⁸³ В секретные таблицы были внесены основные биографические данные главы семейства, наряду с соответствующими «приметами: роста выше среднего, волосы темнорусые с большою проседью, носит бороду, а на голове длинные волосы, бороду подстригает».⁴⁸⁴ В жандармерии, выходит, был и свой «пенсионный» возраст для подозрительных лиц.

⁴⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 415. Л. 35 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁴⁷⁸ ГИА СПб. Ф. 253. Оп. 6. Д. 217. Л. 1.

⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 18–19.

⁴⁸⁰ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 33.

⁴⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. III Отд. Оп. 1861 г. Д. 289. Л. 23.

⁴⁸² Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. XX. С. 113.

⁴⁸³ ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 148. Л. 165.

⁴⁸⁴ ГИА СПб. Ф. 253. Оп. 6. Д. 254. Л. 3.

Осведомительные органы весьма деликатно наблюдали за своими подопечными, тихо и незаметно (из года в год) переписывая данные об этом из одной бумаги в другую. Но в нужный момент, в период обострения политической ситуации (особенно в годы революционных ситуаций — 1859–1861 и 1879–1881 гг.), когда надо было отчитываться перед самодержцем о борьбе с врагами отечества, этот бумажный «заряд замедленного действия» с оглушительным треском взрывался публично, вызывая недоумение и негодование даже у некоторых видных сановников.

По свидетельству члена Верховной распорядительной комиссии сенатора И. И. Шамшина (друга юности Д. В. Стасова), который в 1880 г. проводил ревизию III Отделения, там было достаточно сведений, чаще всего доносов, «что обвиняемый — человек вредного направления <...> ведет образ жизни таинственный <...> в нынешнее тревожное время», чтобы затем испросить в докладной записке государю «разрешение на ссылку в административном порядке того или другого лица».⁴⁸⁵

С подобными обвинениями по своему адресу Д. В. Стасову «посчастливилось» дважды попасть в такую категорию лиц в период второй революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. Сразу после покушения А. К. Соловьева на царя шеф жандармов А. Р. Дрентельн поспешил «всеподданнейше» доложить Александру II, что «в ночь со 2-го на 3-е апреля был арестован присяжный поверенный Дмитрий Стасов <...> вследствие агентурных сведений». На подлиннике документа имеются собственноручные пометки императора: «Подтвердилось ли оно?», «о послед<ующем> донести».⁴⁸⁶

Конкретных обвинений арестованному следствие не смогло предъявить, а то, «что какой-то генерал барон Остен-Сакен видел из окна своей квартиры на Мойке, как Дмитрий стоял на Невском мосту и как бы следил за направлением выстрела!!!»,⁴⁸⁷ стражники и городовые не подтвердили, отрицая, что в этот день близ дома, «в коем живет барон Остен-Сакен <...> находилось лицо, похожее на присяжного поверенного Стасова».⁴⁸⁸

Еще более нелепым было выискивание сообщников в лице К. К. Арсеньева и М. М. Стасюлевича, когда следователь «спрашивал об этих знакомых в 3-ем отделении».⁴⁸⁹ Трагикомедией выглядела ошибка жандармов с арестом А. В. Стасова вместо В. В. Стасова, причем ранее «доставленному в Александро-Невскую часть» их младшему брату Д. В. Стасову (о чем он сам рассказывал младшей дочери Елене Стасовой) довелось присутствовать при выяснении этого ляпсуса в «разговоре двух жандармов». Один из них утверждал, что арестована «Публичная библиотека», т. е. Владимир Васильевич, а другой не менее горячо доказывал, что арестован «Кавказ и Меркурий», т. е. Александр Васильевич, так как этот последний был «директором

⁴⁸⁵ Дневник Е. А. Перетца. М.; Л., 1927. С. 3.

⁴⁸⁶ Цит. по: Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 79.

⁴⁸⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 50 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф. 109 (секр. арх.). Оп. 1. Д. 888. Л. 2.

⁴⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 45. Это примечание на полях воспоминаний П. С. Стасовой сделано рукой Д. В. Стасова.

пароходного общества». ⁴⁹⁰ Жена Дмитрия Васильевича после посещения жандармского отделения с возмущением писала, что «начальник канцелярии 3-го отделения, распоряжающийся арестованием людей, с точностью не знает — ни кто взят, ни куда отправлен?». ⁴⁹¹ По всей видимости, ретивые государевы слуги особо не стеснялись в самоуправстве, поскольку для них закон был не писан, о чем можно судить по цинично откровенному ответу жандармского полковника Зиновьева в духе старых николаевских времен на просьбу Стасовых предъявить при обыске какой-либо документ: «Бумаги никакой нет, но вы можете доверять этому, — заявил бравый полковник, указывая на свою грудь, увешанную орденами». ⁴⁹²

По воспоминаниям жены Стасова Поликсены Степановны, их корреспонденция, «связанная в громадный узел», забиралась в полицейский участок, но вскоре возвращалась в большом беспорядке. В конце концов, «один чиновник в III Отделении», которому не хватило духу перерывать в поисках крамольного громадное количество писем, с недоумением спросил: «И зачем вы сберегаете за столько лет вашу корреспонденцию?». П. С. Стасова незамедлительно отпарировала: «Конечно, не за тем, чтоб ее читали чужие». ⁴⁹³

По иронии судьбы, как вспоминает П. С. Стасова, еще «один маленький эпизод совпал с пленением Дмитрия: на другой день ареста его была принесена к нам картина Владимира Маковского — “Осужденный”». ⁴⁹⁴ Пророчество картины, к счастью, не претворилось в явь. Обвинение в причастности братьев Стасовых к покушению Соловьева на царя было смехотворным, но «просидели они под арестом ровно три недели», в том числе «всю неделю Пасхи». ⁴⁹⁵ Результатом всей этой истории стало их освобождение без особых последствий, если не считать того, что «генерал Комаров, начальник жандармского управления, назначил за Дмитрия залог в 15 тысяч, а за Александра 5 тысяч». В это время в столице обстановка была весьма напряженная, дело дошло (по словам А. М. Унковского) до абсурда — было «запрещено на улицах продавать и выкрикивать “соловьев”», ⁴⁹⁶ так как в громких выкриках продавцов этих птиц звучала фамилия землевольца А. К. Соловьева, покушавшегося на цареубийство 2 апреля 1879 г.

Данный арест оказался только прелюдией к окончательному выяснению столь внимательного отношения политической полиции к Стасовым. Ровно через год, в конце февраля 1880 г., не зная лучшего способа предотвратить революционный подъем, санкт-петербургский градоначальник выходит «с представлением <...> об удалении из столицы состоящих в ней под особым надзором полиции ста тринадцати лиц». В свою очередь, следуя этому

⁴⁹⁰ Стасова Е. Д. Владимир Стасов. С. 85.

⁴⁹¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 41 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁴⁹² Там же. Л. 36–37.

⁴⁹³ Там же. Л. 53.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 48. Д. В. Стасов приобрел ряд картин художников-передвижников, в том числе В. Е. и К. Е. Маковских. См.: Там же. Д. 415. Л. 49 (Стасова П. С. Мои воспоминания).

⁴⁹⁵ Стасов В. В. Письма к родным. Т. 1, ч. 2. С. 348.

⁴⁹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 47 (Стасова П. С. Из прошлого).

228 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения представлению, главный начальник Верховной распорядительной комиссии граф М. Т. Лорис-Меликов делает вывод, что «из числа их статский советник Дмитрий и коллежский асессор Александр Васильевы Стасовы навлекают на себя основательное подозрение в политической неблагонадежности, вследствие чего дальнейшее пребывание их в столице признано мною вредным».⁴⁹⁷

Каким-то образом А. В. Стасову удалось избежать такой участи (его и так ранее подвергали аресту по ошибке), но его брату опять суждено было пойти по стопам своих подзащитных революционеров-народников. Ходатайства жены Д. В. Стасова перед К. П. Победоносцевым, «который тогда был всеслышен», и М. Т. Лорис-Меликовым, который был «по отзывам многих хороших людей — человек просвещенный и благожелательный», окончились безрезультатно.⁴⁹⁸

На вопрос П. С. Стасовой, «не удивляет ли его арест и высылка друга юности», Победоносцев однозначно ответил: «Видите ли, Поликсена Степановна, это все оттого, что он принадлежит к этому несчастному сословию адвокатов». На ее попытку что-то возразить бывший создатель судебной реформы недовольно воскликнул: «Да, не люблю я адвокатов».⁴⁹⁹ Это еще один характерный штрих отношения столпов власти к присяжной адвокатуре в России. 10 мая 1880 г. Д. В. Стасов с таким же «почтением» отзывался о бывшем сотоварище в письме к своей жене: «К Победоносцеву также пока не ходи, не нужно. Эта свинья, когда я ему написал, что Лорис-Меликов» не исполняет своего обещания ему данного <...> даже ничего не ответил».⁵⁰⁰

Может показаться, что такая нелюбезная критика связана с нежеланием всемогущего Победоносцева помочь опальному либеральному чиновнику. Но когда Стасов был выслан из столицы в Тулу по личному указанию Лорис-Меликова, он тем не менее высказывался в поддержку либерального генерала. «Лорис-Меликов сказал одному своему старому приятелю (моему доверителю К. Ермолову), что он остается только до сентября, так как убедился, что исправить или устроить что-нибудь при существующей администрации <...> он ничего не в состоянии, — пишет Стасов своим братьям 8 июля 1881 г. — Если это правда, то очень горестно! Пожалуй, посадят какого-нибудь Тотлебена или еще кого-нибудь похуже».⁵⁰¹

Все-таки Стасов оказался выше личных обид и, не желая подобного исхода, не ошибся в своем прогнозе, так как впоследствии на освободившееся место действительно пришел бывший обер-прокурор Синода Д. А. Толстой, известный своими откровенно консервативными взглядами.

При встрече П. С. Стасовой с генералом Лорис-Меликовым тот был весьма вежлив и обходителен. Выяснив, что у Дмитрия Васильевича нет «какого-нибудь имения», он любезно предложил ей самой выбрать место ссылки для мужа — Калугу или Тулу, и она отдала предпочтение последнему городу, так

⁴⁹⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 640. Л. 10.

⁴⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 414. Л. 54, 62 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁴⁹⁹ Там же. Л. 63.

⁵⁰⁰ См.: Там же. Оп. 4. Д. 17. Л. 68

⁵⁰¹ Там же. Оп. 2. Д. 134. Л. 2–3.

как «ехать туда не за тридевять земель».⁵⁰² Интересно, что местом его ссылки в справочнике «Деятели революционного движения в России»,⁵⁰³ неверно указана Калуга, тогда как на самом деле в 1880 г. Стасов был отправлен в Тулу. В современных исследованиях данная ошибка невольно повторяется,⁵⁰⁴ так как в жандармских документах отразилось первоначальное намерение властей выслать Д. В. Стасова в Калугу, но ни в 1879, ни в 1880 г. он там не пребывал.

По приезду в Тулу Стасов, привыкший к бурной столичной жизни, был обескуражен. «Здесь решительно делать нечего, и я кое-как перебиваюсь, — писал он жене 8 апреля 1880 г., — но всякий молодой умрет от тоски, потому что ни смотреть, ни делать нечего, только грязь и гадость, ходят индюки, немилосердно не квакает, а кричит утка, а с другой стороны мимо окон прогуливаются мирным шагом две коровы».⁵⁰⁵ В таком месте ему предстояло провести почти полгода, с марта по август 1880 г.

Условия ссылки для высланного столичного аристократа подробно описывает в своих воспоминаниях его жена. «Дмитрий поселился на главной улице сначала в лучшей тульской гостинице, а потом ему хозяин предложил отдельный флигелек во дворе, в маленьком саду, с терраской <...> Тут и зажил Дмитрий анахоретской жизнью, с газетами, журналами, книгами и фортепиано. С ним поехал наш молодой слуга <...> Сам губернатор Ушаков с большой почтительностью просил сосланного адвоката “не беспокоиться и жить, как ему угодно”. То же самое сказал и жандармский генерал Муратов, который принял Дмитрия удивительно любезно и в первый день Пасхи приехал в полной парадной форме сделать ему визит. Узнав, что Дмитрий любит музыку и сам играет, Муратов предложил ему когда-нибудь помузыцировать с ним вместе».⁵⁰⁶

Родственники и приятели Д. В. Стасова не прекращали настойчивых попыток добиться его возвращения из ссылки. Опять хлопотал Совет присяжных поверенных, на собрании которого В. Д. Спасович 27 апреля 1880 г. демонстративно провозгласил тост «за отсутствующих не по своей воле», оставаясь «мысленно с Дмитрием Васильевичем Стасовым».⁵⁰⁷ Бумагу с ходатайством Совета о его освобождении взялся вручить Лорис-Меликову член Верховной распорядительной комиссии И. И. Шамшин,⁵⁰⁸ расследовавший в то время по поручению своего начальника нарушения в деятельности III Отделения.⁵⁰⁹

⁵⁰² Там же. Оп. 5. Д. 414. Л. 60 (Стасова П. С. Из прошлого).

⁵⁰³ См.: Деятели революционного движения в России. Т. 1, ч. 2. С. 390.

⁵⁰⁴ См.: Виктор В. А. М. Д. В. Стасов — адвокат, общественный деятель (1828–1918 гг.) // Изв. вузов. Правоведение. 1990. № 6. С. 57.

⁵⁰⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 17. Л. 9–12.

⁵⁰⁶ Там же. Оп. 5. Д. 414. Л. 63–64 (Стасова П. С. Из прошлого). «Однако надо сказать, — отметила ее дочь В. Д. Комарова много лет спустя, — что условия ссылки совсем не похожи на теперешние, 1941 г.» (Там же. Оп. 8. Д. 321. Л. 197 (Комарова В. Д. Биография Д. В. Стасова)).

⁵⁰⁷ Застольные речи В. Д. Спасовича. С. 26.

⁵⁰⁸ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 307. Л. 9 (из письма В. О. Люстига к Д. В. Стасову от 24 июля 1880 г.).

⁵⁰⁹ См.: Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 110, 180.

230 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения

Известные деятели культуры также не остались в стороне. По просьбе М. А. Балакирева один из видных сановников «толковал с Лорис-Меликовым о деле Дмитрия Васильевича», о чем композитор 28 мая 1880 г. сообщал П. С. Стасовой: «Лорис-Меликов обещал Кармалину, даже уполномочил его передать Вам, что Дмитрий Васильевич будет возвращен в августе, если только в продолжение этого времени будет все спокойно, никого не застрелят и не произойдет какой-нибудь катастрофы, которая могла бы вызвать еще большие строгости».⁵¹⁰

Стасов был очень польщен, когда 1 мая 1880 г. его тихую обитель посетил «И. С. Тургенев, едущий из Москвы к Л. Толстому в деревню». Весьма осведомленный писатель «сообщил еще очень интересные подробности о назначении нового начальника по цензурной части — Абазы, несмотря на то что непосредственный начальник, то есть м<инистр> внутр<енних> дел (Л. С. Маков. — Д. Л.) аттестовал его как чуть ли не красного <...> сообщил все подробности падения (Д. А. — Д. Л.) Толстого».⁵¹¹ Посещение великим писателем опального адвоката поддержало морально и духовно Дмитрия Васильевича.

Благодаря хлопотам друзей, поддержке ряда известных лиц и либеральному повороту в политике правительства в августе 1880 г., «граф Лорис-Меликов изволил признать возможным разрешить присяжному поверенному Дмитрию Стасову <...> вернуться на жительство в Санкт-Петербург, с учреждением над ним здесь негласного полицейского наблюдения».⁵¹²

В итоге, почти три десятилетия (с 1861 по 1890 г.) Д. В. Стасов состоял под секретным политическим надзором, в годы революционных ситуаций, в том числе в 1879 и 1880 гг., трижды подвергался аресту и в административном порядке высылался из столицы. В дальнейшем он вновь неоднократно попадает в поле зрения осведомительно-карательных органов.

Даже в условиях значительной либерализации в царствование Александра II любое инакомыслие непременно принималось за приверженность идеям социализма и революции, о чем говорят «Агентурные донесения о присяжном поверенном Стасове Д. В.», например, в 1879 г.: «Социалисты, к числу которых принадлежат 16 профессоров, 2-е Стасовых <...> намерены предпринять путешествие по России с целью будто бы ученою, тайные же намерения их путешествия распространять пропаганду <...> и идеи революции».⁵¹³

После покушения Соловьева на императора Александра II следствие приобщило к делу донесения о том, что Д. В. Стасов «давал приют у себя массе сомнительных личностей», что, по мнению шефа жандармов, «убеждало <...> в посещении Стасова государственным преступником Соловьевым».⁵¹⁴ Удивительным выглядит хождение таких же, но уже романтически окрашенных слухов в революционной среде о содействии покушению на царя Дмитрия Васильевича, что решительно отвергала его старшая дочь. «...папа

⁵¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 3. Д. 192. Л. 3.

⁵¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 17. Л. 252–255.

⁵¹² ГИА СПб. Ф. 569. Оп. 6. Д. 255. Л. 113.

⁵¹³ ГАРФ. Ф. 109 (секр. архив). Оп. 1. Д. 888. Л. 24.

⁵¹⁴ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 19, 25.

никаких сношений с Соловьевым и вообще с террористами не имел, — писала В. Д. Комарова в своих воспоминаниях, — а рассказанная мне уже в 20-е годы господином Дейчем в Доме литераторов легенда <...> будто Соловьев у нас в квартире ночевал с 1 на 2 апреля, абсолютная ложь, так как пустых комнат у нас не было». ⁵¹⁵ Действительно, в то время известный революционер Л. Г. Дейч после побега из тюрьмы скрывался в Швейцарии и, естественно, не мог даже быть очевидцем событий, пользуясь только слухами.

Несмотря на очевидную глупость, «Священная дружина» в поисках «настоящих» членов Исполнительного комитета «Народной воли» заподозрила «в качестве таковых лейб-медика Боткина, профессора Манасеина, Д. В. Стасова <...> и других». Кроме того, в донесениях добровольных дружинников значилось, что «присяжный поверенный Стасов <...> один из серьезных главарей всего движения». ⁵¹⁶ Всеми подобными, по едким словам В. Я. Богучарского, «совершенно фантастическими сведениями» и «Священная дружина», и политическая полиция просто дискредитировали себя в глазах современников. Впрочем, это хорошо понимали в свое время даже высшие чины царской администрации. Так, государственный секретарь Е. А. Перетц записал в дневнике по горячим следам, что III Отделению «с одной стороны — частенько вовсе были неизвестны выдающиеся анархисты, а с другой — что оно почти без разбора сылало всех подозрительных ему лиц». ⁵¹⁷

Исходя из всего сказанного, можно поставить вопрос, так за что же имя Д. В. Стасова вписывается в летопись освободительного движения в России, если целый ряд фактов о его громких революционных заслугах, приводимых в различных исследованиях и источниках, не подтверждается и оспаривается?

Можно, конечно, обратиться к мнению составителей библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», где «основным критерием для помещения» на его страницах служит не только «активное его участие в революционном движении», но и «какое-либо понесенное им наказание», ⁵¹⁸ что в основном и отмечалось в заметке о Д. В. Стасове. Представляется все-таки, что главные заслуги такого видного общественного деятеля вовсе не в понесенных им наказаниях.

Видимо, не случайно семья Стасовых почти в полном составе значилась в списках и справках III Отделения, где многозначительно указывалось, «что у Стасовых противуправительственное направление — семейный недуг», вплоть до подробного доклада о разгоне многолюдного собрания из 120 человек в 1900 г. на квартире Д. В. Стасова, который «только за последние годы <...> ввиду преклонного возраста, несколько поотстал и сделался поосторожнее». ⁵¹⁹

⁵¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 314. Л. 46 (Комарова В. Д. Воспоминания).

⁵¹⁶ Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. М., 1912. С. 319.

⁵¹⁷ Дневник Е. А. Перетца. С. 3–5.

⁵¹⁸ См.: Деятели революционного движения в России. Т. 1, ч. 2. С. XII.

⁵¹⁹ См. подробнее: Лебедев А. К., Солодовников А. В. Владимир Васильевич Стасов. С. 34–90; Салита Е. Г., Суворова Е. И. Стасов в Петербурге. Л., 1971. С. 233; Подляцук П. И. Богатырская симфония. М., 1982. С. 48.

Присутствовавший при этом агент охранки не преминул доложить, что «Туган-Барановский читал у Стасова реферат о “Кризисе марксизма” — хотя фактически это было собственно сообщение о процветании марксизма, а не о кризисе его». ⁵²⁰ По словам современников, когда «по распоряжению Департамента полиции в это собрание явилась полиция», то «15 человек хозяин не мог назвать и они были арестованы». Вскоре после этого «по этому поводу поднялся в Петербурге гвалт, что полиция врывается в частные дома». ⁵²¹

В начале XX в. Д. В. Стасов, по признанию одного из социал-демократов, «занимал известное место в политической и общественной жизни Петербурга». ⁵²² На его квартире неоднократно проводились массовые вечера с участием грандов «легального марксизма» — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и левых «ортодоксов» — А. М. Коллонтай, С. И. Радченко, Е. Д. Стасовой, либеральных деятелей В. Д. Спасовича, графини С. В. Паниной и представителей культуры А. М. Горького, В. В. Вересаева. ⁵²³

Подпись авторитетного адвоката стояла в коллективных письмах-протестах, заявлениях, резолюциях, принимаемых по самым злободневным проблемам, острым политическим вопросам. Так, в числе 95 лиц, подписавших заявление на имя министра внутренних дел Д. С. Сипягина с протестом против разгона и избиения студенческой демонстрации 4 марта 1901 г., наряду с академиками, общественными деятелями, были девять известных адвокатов: Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард, В. О. Люстиг, К. К. Арсеньев и др. «Люди, сознающие свой гражданский долг, не могут молчать, — гласило их заявление. — Только суд над виновными в избиении 4 марта, кто ни были эти виновные, успокоит возмущенную общественную совесть». ⁵²⁴

20 ноября 1904 г. в Петербурге собрание «представителей интеллигентских профессий» под председательством В. Г. Короленко приняло резолюцию с требованием, «чтобы весь государственный строй был реорганизован на конституционных началах <...> немедленно было созвано Учредительное собрание из свободно выбранных представителей, немедленно была объявлена полная и безусловная амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям». ⁵²⁵ Данную резолюцию подписали уже 676 видных ученых, литераторов, деятелей искусств и десятки адвокатов, в том числе Д. В. Стасов, А. Н. Турчанинов, Е. И. Кедрин, Б. Г. Барт и др.

В конечном счете это привело к известной «банкетной кампании» либеральной интеллигенции, которая проводилась фактически полуполюгально и приняла такой широкий размах, что царское правительство на некоторое время растерялось и, обрушивая репрессии на идейных вожakov, казалось

⁵²⁰ ГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 81. Л. 33; Ф. 569. Оп. 6. Д. 255. Л. 113.

⁵²¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 258–259.

⁵²² Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1957. С. 19.

⁵²³ Коллонтай А. М. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 443.

⁵²⁴ Цит. по: Троицкий Н. А. Адвокатура в России... С. 208.

⁵²⁵ Там же. С. 208–209. Курсив мой. — Д. Л.

бы, конструктивной оппозиции, одновременно шло на существенные уступки общественному мнению.

Современные исследователи «установили непреложный исторический факт»: в политической жизни России возник острейший конфликт между самодержавием и интеллигенцией, причем взаимная несовместимость была настолько очевидной, что «о примирении не могло быть и речи».⁵²⁶

Вместе с тем коллеги Д. В. Стасова, как, например, адвокат М. В. Беренштам, отмечали, что у него было важное «свойство — удивительная терпимость к чужим мнениям».⁵²⁷ По словам издателя «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдзейна, «Дмитрий Васильевич как высококультурный человек, по натуре чрезвычайно деликатный, но верный собственным убеждениям, стоял вне партий, скорее выше их».⁵²⁸

Примечательно, что присяжной адвокатуры «первого призыва», созданной в ходе судебной реформы 1864 г., довелось еще раз выйти на широкую политическую арену в эпоху русских революций. Так, широко известный адвокат Ф. Н. Плевако в годы первой русской революции стал знаменем партии октябристов («Союз 17 октября») и был депутатом III Государственной думы, а вновь избранный в 1906 г. председателем С.-Петербургского Совета присяжных поверенных Д. В. Стасов в эти же годы стал знаменем партии демократических реформ.

Когда грянула революция, ему пришлось занять определенную позицию и, будучи в преклонном возрасте, вступить в одну из многочисленных демократических партий, о чем свидетельствуют сообщения в либеральной прессе в начале 1906 г.: «17 февраля в помещении редакции газеты “Страна”, под председательством Д. В. Стасова, состоялось собрание членов партии демократических реформ».⁵²⁹ С провозглашением царского манифеста 17 октября 1905 г. у либеральной общественности появилась легальная возможность создания политических партий, чем она и не преминула воспользоваться. Современные исследователи обратили внимание на образование на рубеже 1905–1906 гг. партии демократических реформ, в организационный комитет которой вошли «члены редакции “Вестника Европы” М. М. Стасюлевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, популярный петербургский адвокат Д. В. Стасов, его бывший коллега, академик К. К. Арсеньев и ученый с мировым именем М. М. Ковалевский».⁵³⁰

Партия демократических реформ по своему составу была относительно немногочисленной, однако ее взгляды были близки широким слоям интеллигенции (профессорско-преподавательские круги, юристы, инженеры, художники, литераторы и т. д.). Создатели партии, по воспоминаниям

⁵²⁶ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. В. С. Парсамова. Вып. 20. Саратов, 2003. С. 83.

⁵²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 49.

⁵²⁸ Русская музыкальная газета. 1918. № 11–12. С. 2.

⁵²⁹ Страна. 1906. 17 февр. С. 1.

⁵³⁰ Хайлова Н. Б. Партия демократических реформ // Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева. М., 2000. С. 122–123.

234 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения М. М. Ковалевского, причисляли себя к «партии здравого смысла, избегающей всяких крайностей, выше всего ставящей науку и свободное исследование, далекой от подчинения политике, церкви, национальным пристрастиям, завоевательным стремлениям, справедливой по отношению ко всем классам общества, озабоченной материальным и духовным благоденствием Родины, считающей утопией всякую попытку вызвать переворот в общественном укладе, по крайней мере, переворот быстрый и внезапный, и подготовляющей лучшее будущее распространением в массах знания и уравнием <...> условий борьбы и конкуренции из-за приобретения необходимого достатка».⁵³¹ Недолгая история партии демократических реформ наглядно показала бесплодность попытки воплотить этот политический идеал в реальной жизни, по крайней мере в России.

Можно только удивляться активной жизненной позиции Д. В. Стасова в возрасте 77 лет, но революция захватила тогда все сферы жизни каждого человека. Лично для «старейшины отечественной адвокатуры» беда грянула тогда, когда стало очевидным, что всеобщая духовная болезнь общества оборачивается трагедией для каждой семьи, какой бы благополучной она ни казалась.

Счастливую семейную чету Д. В. и П. С. Стасовых в начале нового столетия радовали их повзрослевшие дети: три сына — Сергей (1866 г. р.), Андрей (1870 г. р.), Борис (1878 г. р.) и три дочери — Варвара (1862 г. р.), Зинаида (1864 г. р.), Елена (1873 г. р.). На рубеже веков Стасовы радовались появлению шестерых внуков: Дмитрия (1883 г. р.) и Владимира (1890 г. р.), детей старшей дочери В. Д. Комаровой-Стасовой; Александра (1899 г. р.) и Евгения (1901 г. р.), детей старшего сына С. Д. Стасова; Петра (1907 г. р.) и Юрия (1908 г. р.), детей младшего сына Б. Д. Стасова. Ничто не предвещало нарушения семейной идиллии, род Стасовых успешно продолжался по мужской линии.

Но период жизни в годы первой революции в России обернулся для семьи Стасовых болью и разочарованием. Крик души раздается в письмах В. В. Стасова. «Ведь это просто ужасно, то, что эти последние 2 года происходит в наших семействах: все смерти да смерти, все потери да убыли, — писал он 21 июля 1905 г. своим родственникам. — У Дмитрия, кроме гибели Зины, погибла рука Полины, другая тоже все грозит заболеть, подобно предыдущей; потом вдруг погибло у них на коротеньких расстояниях целых трое мужчин: Сергей, Володя, Митя, отец двух последних и сам болен, Дмитрий тоже должен лечиться; в нашем семействе — погиб в прошлом году Александр, в нынешнем я все прихварывал <...> Я не прежний и принужден глядеть со страхом и печалью».⁵³² Буквально через год после этого душераздирающего письма и сам Владимир Васильевич Стасов, вслед за своими родственниками, уходит из жизни.

Действительно, в это время Д. В. Стасову суждено было пережить смерть двух своих старших братьев: 85-летнего Н. В. Стасова в 1904 г. и 82-летнего В. В. Стасова в 1906 г., что вроде бы подтверждало долголетие Стасовых. Но

⁵³¹ Цит. по.: Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В. В. Шелохаев и др. М., 1994. С. 60.

⁵³² См.: Стасов В. В. Письма к родным. Т. 3, ч. 2. М., 1962. С. 17, 27, 45, 185.

самое трагическое было в том, что в самом начале казалось бы долгожданной для стасовского клана революции в одном 1905 г. их семье выпала горькая доля похоронить в течение полугода, одного за другим, старшего сына и двух внуков (обоих детей старшей дочери Д. В. Стасова — В. Д. Комаровой).

Ожидание Стасовых, что «авось и Сережа еще спасется от чахотки», не оправдалось, в возрасте 39 лет умирает в Крыму их старший сын Сергей Дмитриевич, который долгое время продолжал «быть в б е л о й г о р я ч к е, крепко пить». Затем, в 22 года, застрелился Дмитрий, любимый внук, тезка Д. В. Стасова, смерть которого для родственников «была неожиданна и вместе — необъяснима». «Одно время думали, что причина была любовь и отчаяние, — писал В. В. Стасов в цитированном выше письме, — но теперь оказывается, что — резоны — какие-то совсем д р у г и е, какие именно неизвестно». Другой внук Д. В. Стасова, Владимир, в 15 лет «умерший от туберкулеза» (что стало роковой болезнью для Стасовых), был похоронен в Крыму. Если «от чахотки <...> Андриюше помогли швейцарские горы», то его матери «П. С. Стасовой в это время оперировали левую руку в связи с костным туберкулезом локтевого сустава». Когда происходили «бедствия по этой части», а это была смерть представителей сразу трех поколений рода Стасовых, «Дмитрий страшно похудел и осунулся», а его жена Полина стала «желтая, измученная множеством бессонных ночей», причем «у обоих глаза потухли и не смотрят».⁵³³

Не прибавляла Стасовым оптимизма и судьба их младшей дочери — члена РСДРП с 1898 г. Елены Дмитриевны Стасовой. Главные этапы жизни революционерки обозначены в оглавлении ее воспоминаний: «первый арест», «в Женеве», «второй арест и высылка», «опять за решеткой», «сибирская ссылка», и, наконец, «рядом с Лениным».⁵³⁴ После очередного своего ареста Е. Д. Стасова прочитала в письме отца: «Ты нас с мамой не любишь и не жалеешь».⁵³⁵ Родительский упрек был не случайным.

С другой стороны, их старшая дочь, Варвара Дмитриевна Комарова, литературовед (псевдоним Вл. Каренин), одна из основательниц первого Союза писателей (закрытого царским правительством в 1890 г.), оставалась (вернее сказать, стала в период русских революций) убежденной монархисткой, поклонницей императора Александра III, хотя и была далека от политики. При этом она до конца жизни не поддерживала отношений со своей младшей сестрой-революционеркой. Вот таким трагическим образом жизнь одной типичной дворянской семьи оказалась вписана в историю «буржуазно-демократических революций» 1905–1907 и 1917 гг.

Их брат Андрей Дмитриевич Стасов пошел по пути отца, до революции был «хороший мировой судья», как юрист помогал по-родственному своей младшей сестре, по словам которой, после ее ареста в 1912 г. «партийные деньги и различные адреса <...> были переданы братом Сталину».⁵³⁶ Младший в семье, Борис Дмитриевич Стасов, сторонился политики и «был врачом

⁵³³ Там же. С. 279, 377.

⁵³⁴ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 189.

⁵³⁵ Левидова С. М., Салита Е. Г. Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969. С. 121.

⁵³⁶ Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 110.

236 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения на порт-артурском фронте в русско-японской войне», на Первой мировой войне.⁵³⁷

«Старейшина присяжной адвокатуры», как называли Д. В. Стасова современники, всей своей жизнью честного, порядочного человека с ярко выраженными политическими взглядами, отстаивающего их в силу своих возможностей, доказал своим друзьям и недругам, что прогрессивно настроенным людям, стоящим в оппозиции к самодержавию, вовсе не обязательно было уходить в подполье и звать на баррикады.

Прославленный адвокат оставался верен своим принципам до последних дней своей жизни. По воспоминаниям современников, когда правительство Столыпина начало проводить репрессии против участников буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. и представители различных партий обращались «к Дмитрию Васильевичу с просьбой об улучшении судьбы политических заключенных, он охотно это делал, надевал свой фрак и ходил, ходил и все, что мог, делал».⁵³⁸

В 1908 г. один из лидеров большевистской партии Г. Е. Зиновьев «в тюрьме сильно заболел», и тогда именно «благодаря заступничеству Д. В. Стасова, З<иновьева> удалось вырвать из тюрьмы сравнительно скоро».⁵³⁹ Таким же образом, когда в ноябре 1914 г. к нему обратился арестованный видный публицист В. Л. Бурцев с просьбой подобрать хорошего защитника на суде, то Стасов заручился согласием лучших адвокатов того времени — А. С. Зарудного, А. Ф. Керенского, В. А. Маклакова.⁵⁴⁰

После Февральской революции 1917 г., по свидетельству Е. Д. Стасовой, заседания ЦК партии большевиков проводились «на квартире родителей», а когда «политическое положение в стране обострилось», по ее просьбе отец укрыл в июне–июле В. И. Ленина вместе с архивом партии на своей квартире.⁵⁴¹ Судьба распорядилась так, что в то время, как Стасов укрывал на своей квартире вождя грядущей социалистической революции В. И. Ленина,⁵⁴² которого должны были арестовать, приказ о его аресте отдавали вышеуказанные коллеги Д. В. Стасова, видные адвокаты, ставшие министрами Временного правительства. Вот таким образом судьба развела присяжную адвокатуру в России по разные стороны баррикад, одни из ее представителей возглавили противостоящие политические организации, а другие выступили невольными посредниками в бессильной попытке примирить враждующие стороны. По словам членов семьи, Д. В. Стасов, потеряв зрение, но «сохранив полную ясность мысли до конца жизни», просил

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ См.: Политическая история России в партиях и лицах. С. 60.

⁵³⁹ См.: Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 419.

⁵⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–3.

⁵⁴¹ Стасова Е. Д. Воспоминания. С. 138–139. См.: Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 264; Липилин В. Г. Абсолют. Л., 1990. С. 266.

⁵⁴² Улице Фурштатской будет присвоено имя идеолога революционного народничества Петра Лаврова, а на фасаде дома № 20 будет установлена мемориальная доска: «Здесь, в квартире Д. В. Стасова, в 1917 г. неоднократно бывал Владимир Ильич Ленин». См.: Подляцук П. Богатырская симфония. С. 175.

вечерами читать все свежие газеты, требовал «разъяснить ему разницу между социал-демократами и эсерами».⁵⁴³

Благородная, подвижническая деятельность Д. В. Стасова в оказании помощи общественным деятелям самой различной политической направленности (в том числе революционерам, независимо от их партийной принадлежности) была характерной для русской интеллигенции, которая не хотела связывать свое имя с репрессивной политикой ни царского, ни советского режима, какой бы демократической риторикой они ни прикрывались.

Февральская революция 1917 г. была долгожданной для стасовского окружения, столичная интеллигенция радостно поздравляла друг друга «со свершившимся переворотом». «Ведь вся история освобождения России от гнета не только прошла перед Вашими глазами, — обращалась 14 марта 1917 г. к Д. В. Стасову его родственница А. В. Порфиртева, — а Вы были ее самыми главными, самыми значительными участниками».⁵⁴⁴

По словам Е. Д. Стасовой, отношение ее отца к Октябрьской революции 1917 г. также было положительным, и «после того переворота, который произошел», он с недоумением отзывался о жалобах «членов семьи, сестры и брата, а также матери на разные неурядица первых времен Советской власти». Проживавшая тогда с родителями секретарь ЦК партии большевиков Е. Д. Стасова помогала им, чем могла. «Подаренные мне мамой бриллиантовые серьги я продала в ноябре (1917 г. — Д. Д.), — вспоминала она, — когда с продовольствием было особенно худо».⁵⁴⁵ С 90-летним юбилеем Д. В. Стасова 20 января 1918 г. поздравляли только самые близкие родственники, друзья (многие так и не смогли понять, как «у такого благородного отца — такая мерзавка дочь»⁵⁴⁶) и в самой скромной обстановке.

* * *

Таким образом, председатель Санкт-Петербургского Совета присяжных поверенных и один из лидеров партии демократических реформ в период буржуазной революции 1905–1907 гг. стал невольным соучастником подготовки Октябрьской социалистической революции 1917 г. и свидетелем запрета буржуазных политических партий с упразднением института присяжной и частной адвокатуры.⁵⁴⁷

Необходимо признать правоту современных ученых, что в ходе ускоренной модернизации в России этот процесс сопровождался, к сожалению, не установлением сотрудничества администрации с просвещенной общественной средой, совершенно необходимого для успеха государственных преобразований,

⁵⁴³ Стасова Е. Д. Воспоминания. С. 15.

⁵⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 77. Л. 225.

⁵⁴⁵ Стасова Е. Д. Воспоминания. С. 15, 138–139.

⁵⁴⁶ Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. С. 107.

⁵⁴⁷ См.: Легкий Д. М. Д. В. Стасов в эпоху русских революций начала XX века // Россия. в XX веке: реформы и революция. Т. 1. М., 2002.

238 Часть 2. «Старейшина присяжной адвокатуры»: от учреждения до упразднения а острой борьбой, «сопряженной с взаимной дискредитацией». ⁵⁴⁸ Историки еще долго будут спорить, «кто виноват», «кто первый начал», но репрессивные меры карательных органов самодержавия, нередко носившие превентивный характер, занимали в этой политике определяющее место.

В конечном счете, вопреки желанию властей и несмотря на все репрессивные меры, абсолютное большинство «классиков судебного красноречия» стали яркими представителями либерально-демократического направления русской общественной мысли и добились широкого признания и общественной поддержки не только благодаря выступлениям в роли политических защитников на крупнейших судебных процессах, когда они стали выразителями общественного мнения, но и активному участию в политической и культурной жизни страны.

Д. В. Стасову суждено было на склоне лет стать свидетелем полного крушения всего созданного за полстолетия в системе буржуазного правосудия в России, но он не мог упрекнуть себя в незавершенности и «обкорнании» (в «период контрреформ») наиболее прогрессивной в те времена судебной реформы, а затем и уничтожения ее демократических начал в период революционных потрясений. Можно только сожалеть о забвении последующим поколением (в том числе его дочерью, членом руководства партии большевиков Е. Д. Стасовой) и новыми властями, претендовавшими на создание самого справедливого и гуманного общества, тех правовых принципов, которые составляли полезное и здоровое начало в Судебных уставах 1864 г. и за что неустанно боролись корифеи русской присяжной адвокатуры первого призыва, одним из представителей и руководителей которой был Д. В. Стасов.

⁵⁴⁸ Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени. С. 88.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX–XXI вв. под эгидой ведущих российских научных центров и при поддержке государственных фондов (в первую очередь РГНФ) был проведен ряд международных и всероссийских научно-практических конференций — «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы» (1998), «Либеральный консерватизм: История и современность» (2001), «Реформы и революции в XX веке» (2001), по результатам которых были опубликованы фундаментальные коллективные монографии крупных российских и зарубежных ученых, специалистов по истории общественного движения в России.¹ В ряде интересных глубоких теоретических статей ведущих российских исследователей убедительно показан сложный процесс расширения «либерального поля» в России с постановкой проблемы соотношения либерализма и демократизма, либерального консерватизма и консервативного либерализма (в том числе через призму эволюции взглядов известных общественных и политических деятелей). Для автора настоящей книги, принимавшего участие в одной из указанных конференций,² особенно важен тезис, что одним из сегментов единого либерального движения являются также и «либералы-радикалы, находящиеся на левом фланге русского либерализма», которые, по справедливому мнению академика В. В. Шелохаева, выполняли «роль связывающего звена с умеренными социалистами».³

Центральная фигура нашего исследования — Дмитрий Васильевич Стасов, известный общественный деятель, связанный с революционным подпольем (начиная с содействия лондонским переговорам Герцена и Чернышевского летом 1859 г. и завершая укрывательством на своей квартире вождя Октябрьской социалистической революции Ленина летом 1917 г.), — был именно таким типичным «либералом-радикалом», ярким представителем либерально-демократического крыла в российском освободительном движении.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция выявления истоков революционных потрясений в России начала XX в. (вплоть до объяснения причин кризиса государственной системы) в разрушительной деятельности

¹ См.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: мат-лы междунар. науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998 г. / Ответ. ред. В. В. Шелохаев. М., 1999; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000; Либеральный консерватизм: история и современность: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г. / Отв. ред. А. И. Нарезный, В. В. Шелохаев. М., 2001; Российские либералы: Сб. статей / Под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001; Россия в XX веке: реформы и революция: В 2 т.: мат-лы междунар. науч. конф., апрель 2001 / Под ред. Г. Н. Севастьянова; Сост. С. М. Исхаков. М., 2002.

² См.: *Легкий Д. М. Д. В. Стасов в эпоху русских революций начала XX века // Россия в XX веке: реформы и революция. Т. 1. М., 2002. С. 229–232.*

³ *Шелохаев В. В. [Предисловие] // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. С. 8; Либеральный консерватизм: история и современность. С. 4.*

неутомной творческой интеллигенции, в первую очередь свободолюбивой присяжной адвокатуры. При этом ее обвиняют не только в чрезмерных и несвоевременных требованиях к самодержавию (с чем можно отчасти согласиться), но и в слишком активном участии в общественно-политической жизни страны (что уже вызывает недоумение). Так, некоторые «перестроившиеся» правоведаы, в соответствии с новыми политическими веяниями, выдвигают «тезис о террористической сущности <...> революционного (освободительного) движения в России», попутно определяя его «с точки зрения права <...> как этапы развития политической преступности»⁴(?!). В соответствии с этой жандармской идеей не только некоторые бойкие публицисты, но и «государственные мужи» (ратующие за либерально-демократические ценности) и даже известные адвокаты (авторы учебников «про адвокатуру») пытаются оправдать и даже обосновать репрессивные меры царских карательных органов против прогрессивной русской интеллигенции. Вместе с тем представители современной академической науки справедливо предупреждают, «что подход к объяснению исторических явлений с позиций уголовного кодекса вряд ли поможет что-либо в них понять».⁵

Слишком долгое время существовало предвзятое отношение к «русской буржуазной адвокатуры», которая якобы только и умела делать, что «паскудничать». Пришла пора воздать ей должное полной мерой и по достоинству оценить тот огромный вклад, который внесли выдающиеся деятели адвокатского сословия, люди необычайно широких интересов и большого таланта, в общественное и революционное движение, в развитие науки и культуры, в защиту чести и достоинства российских граждан, что подтверждается жизнью и деятельностью такой яркой личности, как Дмитрий Васильевич Стасов.

На долгом жизненном пути (на его глазах прошло правление четырех российских императоров) он сумел достойным образом проявить себя как высокообразованный юрист и публицист, хороший музыкант и меценат, как видный общественный, земский деятель и, наконец, как человек демократических взглядов, имевший связи с революционным подпольем. Многие в разнообразной деятельности Д. В. Стасова становилось существенным вкладом в освободительное движение России.

Воспитанному на идейных традициях Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, ему были близки в «эпоху великих реформ» призывы «Великоруса» и программа общества «Земля и воля». Будучи лично знаком с идеологами народничества — А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, П. А. Лавровым, защищая на крупнейших политических процессах участников революционного движения — «ишутинцев», «нечаевцев», участников «хождения в народ», членов «Земли и воли» и «Народной воли» (включая их руководителей И. А. Ишутина, Ф. Н. Лермонтова, Н. А. Виташевского, М. Ф. Грачевского), «старейшина отечественной адвокатуры»

⁴ См.: Панов Н. Ю. Терроризм и террор в России XIX–начала XX века: понятие и сущность // История государства и права. 2001. № 1. С. 4.

⁵ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 17.

Д. В. Стасов с большим уважением и сочувствием относился к борьбе революционеров-народников, оказывая им различные услуги, значительную помощь и поддержку.

В годы подготовки и проведения крестьянской реформы он примыкал к демократическому лагерю, допуская применение насильственных мер для устранения пороков самодержавно-крепостнического строя. Но в дальнейшем Д. В. Стасов не мог согласиться с практикой революционного движения, в первую очередь с признанием частью народников принципа «цель оправдывает средства» и их переходом к тактике индивидуального террора. Вместе со своими друзьями и коллегами — С. А. Андреевским, К. К. Арсеньевым, Г. В. Бардовским, В. Н. Герардом, К. Д. Кавелиным, П. В. Павловым, В. Д. Спасовичем, А. М. Унковским — он стал деятельным участником либерально-демократического крыла в русском освободительном движении. На рубеже веков он был активным земским деятелем, а в годы буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. стал знаменем партии демократических реформ.

Д. В. Стасов формально никогда не состоял членом каких-либо подпольных, антиправительственных организаций, но своей неутомимой общественно-политической деятельностью он вызывал подозрение осведомительных органов и неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских властей. Такая активная, подвижническая деятельность не была исключением в среде передовых представителей русской интеллигенции.

В культурной жизни России Д. В. Стасов стал широко известен как ревнитель народного просвещения, поборник передовой отечественной культуры. На протяжении полустолетия его дом являлся одним из духовных центров Петербурга, посетителями знаменитых стасовских «четвергов» были многие видные представители литературы и искусства. Многим из них, особенно представителям прогрессивного направления — художникам-передвижникам, композиторам «Могучей кучки», Д. В. Стасов оказывал значительную материальную поддержку и самые разнообразные услуги, выступая их доверенным лицом и защитником интересов как опытный юрист.

Подвижническая деятельность Д. В. Стасова на общественном поприще заслуживает самой высокой оценки: он состоял директором Русского музыкального общества, став его учредителем и автором устава вместе с А. Г. Рубинштейном; помогал становлению первой в России С.-Петербургской консерватории и Бесплатной музыкальной школы М. А. Балакирева; проявил себя деятельным участником Литературного фонда, Шахматного клуба, Общества поощрения художников. Кроме того, он стал членом-учредителем ряда других общественных и благотворительных организаций, долгое время был бессменным председателем Общества для пособия слушательницам Императорского С.-Петербургского педагогического и женского медицинского института.

Вместе с тем Д. В. Стасов был не просто крупный меценат и энергичный практик-организатор. Отличаясь разнообразными талантами и необычайной широтой интересов, он сам был известен как хороший пианист, обучавшийся

музыке и пению у маститых учителей, большой знаток литературы, живописи, скульптуры, как публицист сотрудничал в ведущих органах печати от «Русского вестника» до «Русской музыкальной газеты», в том числе в нелегально издаваемом герценовском «Колоколе». Поэтому неудивительно, что его друзьями были классики национальной и мировой культуры: композиторы и музыканты М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Г. Берлиоз, Р. Шуман; художники и скульптуры И. Е. Репин, В. В. Верещагин, М. М. Антокольский, И. Я. Гинцбург; писатели и публицисты А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев.

Несомненной заслугой Д. В. Стасова является то, что, наряду с активным участием в развитии русской культуры, он и на судебном поприще не стал замыкаться на чисто профессиональном узком уровне, вся его юридическая деятельность оказалась самым тесным образом связана с общественно-политической жизнью России.

В первую очередь он сумел проявить себя как крупный юрист и известный политический защитник. Д. В. Стасов стоял у истоков судебных преобразований в России и дожил до полного крушения всего созданного за более чем столетие буржуазного правосудия в России. На рубеже 1850–1860-х гг. в своем юридическом кружке он многое сделал для практической подготовки судебной реформы, приняв активное участие в разработке Судебных уставов 1864 г., фактически стал одним из блестящей плеяды «отцов судебной реформы». Как первый председатель Петербургского Совета присяжных поверенных, трижды избиравшийся на этот ответственный пост, он до конца жизни отстаивал наиболее демократические, отвечающие духу времени положения знаменитой судебной реформы 1864 г. в России, приложил все свои силы и способности для укрепления института русской буржуазной адвокатуры.

Как выдающийся адвокат, он участвовал в самых крупных политических судебных процессах второй половины XIX в.: «тверских мировых посредников», Д. Каракозова, «нечаевцев», «политических фальшивомонетчиков», И. Ковальского, «193-х», «17-ти»; одновременно защищал авторские права выдающихся русских композиторов М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского; отстаивал в суде интересы Императорской Публичной библиотеки и редакторов известной столичной газеты либерального направления «Санкт-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша и А. И. Сомова.

В итоге Д. В. Стасов, высокообразованный правовед, прошедший путь, со взлетами и падениями, от обер-секретаря старого Сената до стряпчего, ходатая по делам в дореформенном суде, а затем (после введения судебной реформы 1864 г.) ставший первым председателем С.-Петербургского совета присяжных поверенных, заслужил звание «Нестора, патриарха отечественной адвокатуры».

Дмитрий Васильевич Стасов заслуженно занял почетное место среди видных общественных деятелей своего времени: как высокообразованный правовед, он был одним из незаслуженно забытых авторов Судебных уставов 1864 г.; как выдающийся адвокат, председатель Петербургского Совета

присяжных поверенных, один из руководителей ряда просветительских, земских организаций, он играл заметную роль в политической жизни страны; будучи директором Русского музыкального общества, автором устава первой консерватории в России, видным меценатом и публицистом, он стал активным деятелем отечественной культуры и освободительного движения.

Многие семьи русской интеллигенции в начале XX столетия постигла трагическая участь. Даже судьба тех, кто сумел «войти во власть» благодаря русским революциям, в дальнейшем оказалась не менее трагичной. В этом, может, и есть роковая судьба России, когда такие видные, демократически настроенные, составляющие цвет российской интеллигенции адвокаты, как Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, А. И. Урусов, К. К. Арсеньев, Ф. Н. Плевако, С. А. Андреевский, П. А. Потехин, А. Я. Пассовер, а чуть позднее Н. П. Карабчевский, Н. К. Муравьев, П. Н. Малянтович, И. В. Гессен, А. Ф. Керенский, И. С. Зарудный, многие из которых, будучи в переломный момент видными деятелями партии демократических реформ, октябристов, кадетов, энесов, эсеров, меньшевиков, в конечном счете остались непонятыми своим народом и отвергнутыми как царской, так и советской властью.

Конечно, в их политических взглядах многое можно оспорить, но вместе с тем надо признать, что эти свободомыслящие люди, гуманисты и правдолюбцы, защищая честь и достоинство российских граждан, не ограничивались достижениями на судебном поприще. Одновременно они довольно успешно проявляли себя в общественно-политической, культурной жизни и внесли достойный вклад в поступательное развитие своей страны. Было бы кощунственно ставить им в вину, что демократические традиции, которым следовали такие яркие личности, как Д. В. Стасов — «один из культурнейших и заслуженнейших представителей старого поколения русской интеллигенции»,⁶ оказались отвергнутыми. Одна из «буржуазных газет» в первый год советской власти в своем некрологе на смерть Д. В. Стасова обратилась к будущим поколениям со справедливым назиданием: «никакой историк, касаясь какого-либо периода адвокатуры, не сможет обойти его молчанием».⁷

⁶ Правда. 1918. 12 мая.

⁷ См.: Новый день. 1918. 14 мая. Курсив мой. — Д. 1.

ЭПИЛОГ

28 апреля 1918 г. Д. В. Стасов умер, и в последующие майские дни все ведущие газеты различной политической направленности (от «Правды» до «Всевидающего ока») посчитали своим долгом опубликовать некрологи о кончине «патриарха отечественной адвокатуры». ¹ «Дмитрий Васильевич Стасов, — писал известный публицист В. Кузьмин-Караваев, — был живой совестью не одного, а целых двух поколений русской общественности». ²

В духовном завещании покойного заблаговременно было записано: «Прошу на мои похороны и погребение истратить как можно меньше, не нужно ни чтения молитвы, ни балдахина». Имеющий большой опыт составления подобных документов глава семьи четко указал и судьбу своего наследства. «Завещаю жене своей Поликсене Степановне Стасовой имущество, библиотеку, по 5 тыс. руб. детям сына Сергея — Александру и Евгению Стасовым, по 18 тыс. руб. детям моим Варваре, Андрею, Борису, — значилось в документе. — Из остального 50 % — Варваре, им по 25 %». ³ Личная просьба усопшего была выполнена, пышных похорон тогда и не могло быть, а вот воспользоваться доставшимся семье наследством, особенно банковскимикладами, никому не пришлось. Похоронили Д. В. Стасова на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры, рядом с его отцом, сестрами и братьями.

Через два месяца после смерти главы семьи имущество Стасовых (видимо, не от хорошей жизни) было выставлено «на продажу с аукциона 27, 28, 29 июня, с 1 час. дня, по адресу — Фурштатская, д. № 20, кв. 7». Судя по «каталогу вещам, назначенным в продажу», среди находившихся там 266 предметов были не только «мебель, посуда, одежда, постельные принадлежности», но и вещи, представляющие собой художественную ценность — «картины, статуэтки, часы, альбомы, украшения». ⁴

В такое лихолетье все было не так однозначно и просто в судьбе руководителей победившей революционной партии и их родителей, о чем говорит тревожное, но весьма характерное для демократической интеллигенции «Письмо П. С. Стасовой к народным комиссарам» в декабре 1918 г. Родная мать Е. Д. Стасовой (секретаря ЦК партии большевиков) за несколько дней до своей смерти с гневом и возмущением писала: «Вы считаете всякого человека интеллигентного гнусным буржуем, которому одна дорога, туда, откуда не возвращаются, а мы вам же помогаем, распространяем ваши же идеи

¹ См.: Правда. 1918. 12 мая; Новый день. 14 мая; Огонек. 1918. № 12; Вечерняя заря. 1918. 14 мая.

² Наши ведомости. 1918. 14 мая.

³ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 454. Л. 1. Завещание составлено 10 марта 1915 г.

⁴ См.: Там же. Оп. 8. Д. 27. Л. 1–16.

и задачи в массах темных, ничего не понимающих людей». ⁵ Это был крик души человека, который всю свою жизнь посвятил грядущему освобождению народа. Поликсена Степановна не смогла пережить утрату своего мужа, и в конце того же года ее также похоронили.

Интересно, что по каким-то причинам (объективным или субъективным) как в завещании Д. В. Стасова, так и в «Письме П. С. Стасовой к народным комиссарам» вообще не упоминается их младшая, любимая дочь. Елена Дмитриевна Стасова, член РСДРП с 1898 г. (то есть со времени основания партии), становится секретарем, членом ЦК партии большевиков (вплоть до 1927 г.), председателем ЦК МОПР СССР (1927–1937), членом ЦКК ВКП (б) (1930–1934) и членом ИКК Коминтерна (1938–1943), будучи одновременно главным редактором журнала «Интернациональная литература». В 1953 г., достигнув 80-летия, Е. Д. Стасова получает статус персонального пенсионера, в 1961 г. ее выбирают делегатом XXII съезда КПСС и, наконец, в 1963 г. 90-летнюю соратницу Ленина на торжественном заседании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС награждают пятым орденом Ленина с присвоением звания Героя Социалистического Труда. Елена Дмитриевна Стасова умерла на 94-м году жизни 31 декабря 1966 г. и была похоронена в Кремлевской стене.

Судьба других детей Д. В. Стасова складывалась по-разному. До революции в столичном обществе больше знали его старшую дочь, Варвару Дмитриевну Комарову (1862–1942), литературоведа, писательницу (псевдоним — Вл. Каренин), одну из основательниц первого в России Союза писателей, закрытого царским правительством в 1890 г. и возрожденного в 1917 г. В отличие от младшей сестры, она так и не отказалась от «традиционно-либерального подхода к явлениям жизни» (на это издателями предусмотрительно указано в предисловии к ее книге 1927 г. о семье Стасовых, где отмечалось «стремление найти какое-то личное благородство у Александра III и своеобразное уважение к родственнику царя К. К. Романову» ⁶). Неудивительно, что Е. Д. Стасова обвиняла свою старшую сестру-монархистку в уничтожении документов о революционных заслугах их отца, указывая, «что многочисленные вычеркивания имени Чернышевского из воспоминаний ее матери, уничтожение тех материалов семейного архива, которые вскрывали истинные политические убеждения Д. В. Стасова, изъятие целого ряда страниц были сделаны ее старшей сестрой Варварой». ⁷ После Октябрьской революции 1917 г. В. Д. Комарова вовсе перестала поддерживать отношения с младшей сестрой-революционеркой, а по смерти родителей передала весь архив Стасовых (4200 ед. хр.) в Пушкинский Дом, где и работала вплоть до смерти в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

В послевоенный период ее младшая сестра Елена Стасова десять лет обрабатывала и столько же времени потратила на издание (с 1953 по 1962 г.)

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 445. Л. 1. Письмо предназначалось для печати, но, видимо, так и не было опубликовано.

⁶ Каренин Вл. Владимир Стасов. Ч. 1–2. Л., 1927. С. 3.

⁷ Цит по: Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979. С. 195.

писем своего дяди, литературного и музыкального критика Владимира Стасова, к многочисленным родственникам «стасовского клана» (в первую очередь к Дмитрию Стасову).⁸ Таким образом, две сестры, дочери Д. В. Стасова, смогли сохранить богатейший семейный архив и увековечить имена своих родителей и именитых родственников (что в какой-то мере примирило видных общественных деятелей разных политических взглядов хотя бы в глазах общественности).

Их брат, Андрей Дмитриевич Стасов (1870–1944), пошел по пути отца, до революции был «хороший мировой судья», одновременно как юрист помогал по-родственному своей младшей сестре-революционерке, по словам которой, после ее ареста в 1912 г. «партийные деньги и различные адреса <...> были переданы братом Сталину».⁹ Но после революции о нем известно только то, что он четыре раза был женат, имея четырех детей.

Младший в семье, Борис Дмитриевич Стасов (1878–1962), в Русско-японской войне «был врачом на порт-артурском фронте», затем участник Первой и Второй мировых войн, заслуженный врач РСФСР, награжден орденом Ленина. Судьба внуков Д. В. Стасова оказалась разделенной: «коммунист, капитан 1-го ранга Петр Борисович Стасов, участник Великой Отечественной войны», был «награжден двумя орденами Красной Звезды»;¹⁰ другие же внуки, дети старшего сына Сергея, оказались в эмиграции. Всё как у всех. Русская революция разделила многие семьи дворянской интеллигенции.

Весьма показательной является попытка увековечить память о главе «русской буржуазной адвокатуры», когда 8 июня 1918 г. в Петрограде состоялось «торжественное собрание Присяжных поверенных и их помощников, посвященное памяти старейшины сословия, бывшего председателя Совета Присяжных поверенных, Дмитрия Васильевича Стасова».¹¹ Тогда речи о его судебной деятельности произнесли виднейшие представители «буржуазной Фемиды» (не покинувшие Россию после революции): академик К. К. Арсеньев, историк судебной реформы 1864 г. А. Ф. Кони, профессор-юрист Н. С. Таганцев, бывший министр юстиции Временного правительства А. С. Зарудный, последний председатель Петроградского Совета присяжных поверенных М. В. Беренштам, адвокаты С. А. Андреевский, Б. Б. Дорн, М. Л. Гольдштейн и др. О различных сторонах общественной деятельности Дмитрия Васильевича рассказали музыкальный критик Г. Н. Тимофеев, публицист Д. В. Кузьмин-Караваев. По словам видного деятеля кадетской партии И. В. Гессена, «чествование памяти Стасова должно было служить апофеозом шестидесятих годов и тем самым превратиться в демонстрацию против переживаемого мрачного момента», а вместе с тем стать «последним публичным оказательством (так в тексте. — Д. Л.) буржуев».¹²

⁸ Письма заняли целых пять томов. См.: *Стасов В. В. Письма к родным*: В 3 т. М., 1953–1962.

⁹ *Стасова Е. Д. Воспоминания*. М., 1969. С. 110.

¹⁰ *Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы*. 3-е изд. М., 1988. С. 15.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 494. Л. 65.

¹² Там же. Д. 605. Л. 9–10.

Когда многие служители «буржуазной Фемиды», коллеги Д. В. Стасова, не приняв Октябрьской социалистической революции 1917 г., оказались за границей, позиция некоторых из них кардинально поменялась. Так, если Н. П. Карабчевский в начале века включал своего учителя в «лучшие силы петербургской адвокатуры» и в изгнании отдал должное его заслугам так же, как и М. Л. Гольдштейн,¹³ то их коллега И. В. Гессен (один из историков судебной реформы 1864 г.), до революции также записавший Стасова в «лучшие силы юристов», узнав в эмиграции о чествовании того в 1928 г., зло и язвительно обозвал бывшего председателя Петербургского Совета присяжных поверенных «посредственностью» во всех отношениях.¹⁴ В 1928 г. общественность (в лице старой петербургской интеллигенции) «посильно почтила 100-летие рождения Дмитрия Васильевича Стасова устройством 2 и 5 марта сего года вечера воспоминаний о нем и большого симфонического концерта <...> в Малом зале Ленинградской государственной консерватории» и тогда же состоялось торжественное заседание Коллегии защитников, посвященное 100-летию со дня рождения Д. В. Стасова.¹⁵ На этих чтениях выступили академик И. Я. Гинцбург, представители профессуры А. А. Жижиленко, А. А. Лихачев, А. В. Оссовский, О. М. Боголюбова, литературовед, сотрудник Пушкинского Дома В. Д. Комарова и другие общественные деятели.

Инициаторы проведения торжественных собраний и вечеров, посвященных памяти Д. В. Стасова, в 1918 г. попытались издать книгу «Дмитрий Васильевич Стасов» как «единственный <...> лучший памятник <...> и не из камня, не из железа, а из этого слова, которое есть бог адвокатского служения». Затем, ровно через десять лет, в 1928 г., запланировали «издание коллективного сборника, в котором была бы описана его долгая, полная содержания жизнь», что также посчитали «единственной достойной <...> формой сохранения памяти о Стасове и его заслугах», но все усилия оказались безрезультатными.¹⁶ Дочери Д. В. Стасова пытались увековечить имя своего отца: старшая из них В. Д. Комарова вела длительную переписку с руководителями советских издательств, а Е. Д. Стасова (в 1927 г. уже исключенная из состава ЦК партии большевиков) не смогла оказать необходимого содействия. В это время «хранительница традиций партии» Е. Д. Стасова, поддерживая на словах все партийные установки по «разоблачению врагов народа», все-таки, по едкому замечанию Сталина в разговоре с Г. М. Димитровым, «оказалась мерзавкой» и постоянно была под угрозой ареста.¹⁷ Видимо, это несправедливое во всех отношениях недоверие Сталина и было причиной того, что соратница Ленина, имевшая определенный авторитет в партии, была в то время удалена из состава партийного руководства.

¹³ Карабчевский Н. П. 1) Около правосудия. СПб., 1902. С. 102; 2) Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. 2. С. 62–68; Гольдштейн М. Л. Речи и статьи. Париж, 1929. С. 171.

¹⁴ См.: Гессен И. В. Адвокатура // Право. 1914. № 47. Л. 3220; ср.: Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 407.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605.

¹⁶ См.: Там же. Д. 604, 605.

¹⁷ См.: Дневники Г. М. Димитрова // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 52.

Закономерно, что заслуженная высокая оценка жизни и деятельности Д. В. Стасова была предана гласности и стала известна широкому кругу обществу не на своей Родине, а через зарубежные книжные издательства. Знаменитый автор «Отцов и детей судебной реформы», хотя и оставался в Советской России, был вынужден опубликовать свой доклад, посвященный памяти Д. В. Стасова, за границей, где оказалось большинство заинтересованной аудитории бывших служителей «буржуазной Фемиды». В присущем ему несколько пафосном стиле А. Ф. Кони с чувством глубокого уважения и восхищения так отобразил пройденный путь «патриарха буржуазной адвокатуры» Дмитрия Васильевича Стасова: «Каждое явление общественной жизни, в какой бы области оно ни происходило, не только живо интересовало его, но и глубоко волновало пылом горячего сочувствия или упорным жаром негодования. Он не ограничивался, как многие, положением объективного созерцателя или постороннего наблюдателя, страдал за Родину, общество, искусство, культуру — когда им причинялся или грозил вред».¹⁸

¹⁸ Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 4. Ревель; Берлин, 1924. С. 418.

ПРИЛОЖЕНИЯ
**(СУДЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, АДВОКАТСКИЕ РЕЧИ,
ПИСЬМА)**

1. ДОРЕФОРМЕННЫЙ СУД И ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.

Тюремные письма-прошения Д. В. Стасова

Прошение на имя Великого князя Константина Николаевича

Ваше Императорское Высочество. В III Отделении объявлено мне решение правительства, по которому я: 1) исключен из службы, 2) за вредный образ мыслей ссылаюсь на житье в одну из отдаленных губерний с отдачею под надзор полиции.

По поводу этого решения осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Высочеству с покорнейшей просьбою: обратить внимание на следующие обстоятельства.

С самого выпуска моего из Училища в 1847 году я постоянно служил в Сенате, где вскоре получил из высших назначений — Товарища Герольд-мейстера (то есть Обер-Секретаря) в 1851 г. В продолжение всей службы, как в низших должностях, так и Обер-Секретарем в течение 10 лет, мое непосредственное начальство, которое только одно и могло меня знать, так как оно одно имело лично со мною отношение, было всегда довольно моею службою. Смее думать это потому, что я постоянно служил в одном и том же ведомстве, и, несмотря на многие смены непосредственных начальников, я был ими неоднократно представлен к наградам и по удостоении Г. Министром Юстиции получал их, хотя по Сенату, в сравнении с другими ведомствами, награды довольно редки.

Имея в виду существование только службою, я месяц тому назад женился. В последнее время, когда вследствие волнений между студентами университета последовало несколько арестов, в числе многих и я хотел адресом на имя Его Императорского Величества просить его Снисхождения к арестованным.

Как каждый верноподданный я считаю себя вправе просить Государа Императора о милосердии в отношении задержанных лиц, не находя его противным законам: так как просить о милости и снисхождении никому не запрещено.

Между тем, за это желание просить милости, я наказан: 1) заключением в тюрьме под стражею уже более восьми суток; 2) исключением из службы и сверх того; 3) сосланием на жилье в отдаленные губернии.

Этим приговором наказываюсь не я один, а и моя жена и несколько недостаточных лиц моего семейства, живущих в Петербурге.

У меня отнимаются средства к существованию, так как я жил только службою и некоторыми письменными трудами, нельзя рассчитывать, впрочем, иметь их постоянно.

Потерею должности и исключением из службы я лишаясь права поступить на службу; в губернии же это потому и невозможно, какое место я мог бы занять там.

Других средств, кроме служебных, приобрести в губернии нет никакой надежды. Наконец, интересов моего семейства, доверившегося исключительно мне, я передать решительно никому не могу.

С отъездом моим из Петербурга расстроится и их будущность, а я разорюсь. Не жестоко ли, Ваше Высочество, наказывать и в настоящем и в будущем, и не одного меня, но и мою жену и несколько других лиц и расстроить, может быть, и навсегда жизнь и судьбу не одного семейства, — и это за желание просить милосердия.

Вот что решился я повернуть на усмотрение Вашего Высочества и ожидаю от доброго сердца Вашего решения участи моей и нескольких членов моего семейства.

С глубочайшим уважением имею честь именоваться Вашего Императорского Высочества всепокорнейший слуга *Д. С.*

Письма-прошения на имя управляющего III Отделением, шефа жандармов П. А. Шувалова

Граф Петр Андреевич. Говоря со мной, Вам угодно было обратиться ко мне, как к частному лицу, позвольте же и мне обратиться к Вам, как к частному лицу.

Вы мне сказали, что действительно никаких доказательств, в чем меня обвиняют, нет и что, следовательно, я несправедливо заключен. Хотя это перифраз Ваших слов, но смысл их я не искажаю. И действительно Вам известно, что я содержусь за желание написать что-то о ком-то. Но, вероятно, ни Вы, Граф, ни я никогда не знали, да и не будем знать, чтобы желание просить чего-нибудь, а тем более снисхождения или милости, могло сделаться предметом обвинения и еще более предметом лишения человека свободы.

Вы улыбались, передавая мнения моего достопочтенного и многоуважаемого начальства, которое находит мой образ мыслей вредным (?); не знаю, откуда оно может знать мой образ мыслей: он ему столько же известен, сколько его мне.

Вы говорили, что хотели бы освободить меня, поэтому я не могу никак понять, на основании чего продолжается до сих пор мой арест? Неужели же все еще на основании того, что мое многолюбезное начальство находит мой образ мыслей вредным? Я никак не могу предполагать, припоминая некоторые Ваши слова, чтобы Вы могли соглашаться на продолжение заключения, которое началось вследствие чьей-то ошибки. Вы по истории, вероятно, очень хорошо знаете, что личная свобода человека вещь самая драгоценная, но если бы Вы захотели перенестись хоть раз в положение человека, лишённого свободы, то, без всякого сомнения, очень многие, в том числе и я, не сидели бы в тюрьме по несколько дней или недель... Когда у вас отнимают вашу собственность, — вы знаете, что можете обратиться с жалобой в полицию или в Суд и можете получить удовлетворение. Куда же обратиться с просьбой или

с жалобой о возвращении отнятой свободы, за лишение которой никакого вознаграждения никогда быть не может.

Об этом я обращаюсь к Вам, Граф Петр Андреевич, как к частному человеку и вместе с тем прошу принять уверение в совершенном почтении.

7 октября 1861 г. Д. С.

Милостивый государь, граф Петр Андреевич.

Позвольте мне обратиться к Вам всего прежде со следующими просьбами: 1) прочесть это письмо все, 2) вникнуть не только умом, но и сердцем в то, что в нем будет изложено.

Я человек недостаточный, живу жалованием и еще несколько литературными трудами. Женился месяц тому назад на девушке, у которой также ничего нет, единственно надеясь только на службу и на свои труды. Меня теперь наказывают: 1) лишают службы — значит, отнимают средства существования; 2) расстраивают весь мой быт и 3) этим отнимают средства существования не только у меня, но и у семейства. Я не буду говорить о несправедливости наказания, Вам самому хорошо известно, должен ли я быть наказан без вины, но согласитесь, Граф, что шестьдесятю рублями в год, которые мне по закону должны выдаваться, как сказал Г-н Кранц, жить не только с семьей, но и одному человеку нельзя, где бы то ни было. Я не знаю, было ли в видах Комитета желание разорить и расстроить целое семейство, но я только прошу Вас — подумайте сердцем о том, что делают со мной и моей женой. Если меня сошлют в какой-нибудь уездный город, да еще в одну из северных губерний — как там жить? Здесь я кроме службы мог еще что-нибудь зарабатывать, там же средств никаких я получить не могу, значит, остаются те же 60 руб. А жена?! Климат северный ей положительно невыносим, следовательно, в виду еще один хороший результат наказания. Если надзор полиции надо мной необходим, то ведь он может быть так же хорош и здесь, как в другом месте. Поэтому прошу Вас, — не знаю, как сказать — глубоко, от всей души, одним словом, как только может просить человек: 1) если меня уж непременно хотят отправить отсюда и если Вы ничего не можете против этого, то, по крайней мере, в один из губернских городов Великороссийских, где бы жена моя могла жить без последствий для своего здоровья; 2) чтобы у меня не были отняты все средства к существованию, то есть: чтобы мне была назначена служба с содержанием. Подумайте, Граф, за что меня наказывают! За то, чего доказать нельзя.

Так как я живу семейством, то, естественно, у меня есть дела и, кроме того, родственников моих, которых нет в Петербурге. Прежде, нежели отправиться отсюда, мне необходимо было бы их устроить. Поэтому убедительно прошу Вас дозволить мне видаться с моей женой и семейством, по крайней мере, на несколько дней; иначе Вы окончательно разоряете не только мое, но и другое еще семейство и притом, может быть, навсегда. Будьте же если не справедливы, то человеколюбивы, прошу Вас именем всего, что у Вас есть дорого! Вспомните, что дело идет обо всей будущности нескольких лиц.

Вы доставили бы мне большое одолжение, если бы я мог видеть Вас и лично передать мое положение и обстоятельства, которых на письме я изложить

все не могу. Но, может быть, Вы этого не хотите, потому еще раз обращаюсь к Вам с самой глубокой просьбой — сделать для человека в несчастье то, что Вы смогли бы, что бы было сделано для Вас, если бы Вы были в подобном положении. Прошу принять.

P. S. Моя самая убедительная просьба не высылать меня из Петербурга. Прошу Вас, Граф, сойдите с точки зрения политической и подумайте о другом человеке, как человеку, прошу Вас именем всего, что Вам самого дорого, именем Вашей жены, если она у Вас есть, или именем любимой Вами женщины. Я знаю, что Вы получаете тысячи просьб, но к кому же мне обратиться, кого просить?

9 октября 1861 г. Д. С.

ГАРФ. 1 экзп. III Отделения. Оп. 1861 г. Ед. хр. 289.

«Как бы то ни было, но судебная реформа скоро явится на свет...»

Письма Д. В. Стасова председателю Екатеринославской судебной палаты А. С. Кузнецову (1862–1866)

13 января 1862 г.

...Я писал тебе об успехах по судопроизводству, а теперь могу сообщить кое-что больше положительное, на основании слов С. И. Зарудного, у которого был на днях. Комиссия (Победоносцев, Ровинский, Стояновский, Зарудный, Буцковский, Поплавский) не могла действовать самостоятельно, как хочется, не могла написать даже критерий записки с разбором разных мнений и оснований. Она должна была ограничиться составлением краткой записки из проектов судоустройства и судопроизводства: уголовного и гражданского, указавшей главные основания и черты, теперь эти записки начинают свои странствования по Государственному Совету. К подтверждению их мнений разрешили напечатать одну записку Буцковского, а других записок не позволяют еще печатать.

Я этих записок еще не получил, потому что они еще печатаются. Направление дела дает Бутков, теперь неизвестно, кто будет главным и кто получит силу по этому делу. Бутков не высказывает взгляды определенно, не хочет сам высказывать и комиссии не позволяет определенно высказаться. Это факт: Победоносцев один день говорит мне за присяжных, а через два дня против, говоря, что сначала согласился оттого, чтобы не спорить с Ровинским (!), потом еще несколько раз переменялся, так что и другие вовсе не имеют мнений.

В настоящее время никак нельзя знать, что из всего этого выйдет: может быть, будет недурно, может быть, скверно. Общий этот план недурен; дурно то, что комиссия несвободна в изложении своих мнений. Так что можно сказать прямо, что до сих пор работала не она и если выйдет что очень скверное — не ее вина. Ужасная вещь, все ожидать от случая. Авось и выйдет что хорошее,

с помощью Русского Бога. Что же мудреного, если выходят такие произведения как судебные без хвоста и головы.

У всех этих высших преобразователей, кажется, одна цель, как бы сделать что-либо новое, и только; чтобы это новое было вместе с тем и хорошее, и практически годное, связывающее со всеми остальными, — до этого им и дела нет.

Головнин заявил желание уничтожить предварительную цензуру. Эта мера очень хорошая, но я говорю, что она хороша только тогда, когда существуют хорошие гласные суды — иначе это тоже будет произвол, как теперь во Франции. Бедные журналисты будут бояться печатать самые обыкновенные вещи, чтобы не подвергнуться только запрещению...

15 февраля 1862 г.

...В Петербурге опять начинают ходить террористические слухи: говорят, что из Твери прислан адрес, очень хороший и смелый, в котором пишут, что без созвания общей думы нельзя выйти из непонятного и для помещиков и для крестьян положения, а всей России из ее хаотичного положения. Адрес подписан 112 человеками: в Тверь отправлено 10 жандармских полковников с приличным количеством солдат, обер-прокурор Семенов, обер-секретарь Сальков. Эти аресты к чему?! Впрочем, не думаю, чтобы могли арестовать 112 помещиков. Ведь это не то, что 250 студентов, пожалуй, оно разыграется немного иначе; хотя, впрочем, бывали примеры, что и не 112 человек бывали арестованы, как, например, 14 декабря. Ну, вот уж заранее что можно сказать?!

4 марта 1862 г.

...По случаю законов могу сообщить тебе еще печальную новость: на прошедшей неделе состоялось определение Сената по делу Обручева (о «Великорусе»): он приговорен к 9-ти годам каторги, вероятно, будет смячено наполовину. Вчера был устроен литературно-музыкальный вечер, под фирмой «в пользу литературного фонда», но, собственно, в пользу Михайлова и Обручева. Сбор был великолепным. На каждом шагу теперь идут пожертвования в пользу разных дел. Говорят, что фурор был произведен Павловым, который читал «Тысячелетие России» — как говорят, замаскированный и страстный перифраз «Великоруса». Павлов читал эту статью и произвел огромный эффект. Некрасов прочитал что-то свое, а потом объявил, что прочел стихотворение одного приятеля. Причем какую превосходную вещь, вызвав громы рукоплесканий, а когда все смолкло, кто-то замечает: Михайлов. Теперь хотят устроить концерт и литературный вечер в пользу изгнанников: русских и поляков...

8 марта 1862 г.

...Я писал тебе о литературно-музыкальном вечере, где Павлов произвел фурор. Он, как оказывается, говорил необыкновенно горячо, даже с криком, напирая на многие фразы, и проводил мысль, что от правительства ждать нечего, что все идет к худшему, что дальше, то хуже, что «чаша переполнилась», и кончил словами «имеющий уши и слышащий да услышит». Ему

аплодировали очень, он вышел и повторил эту фразу. Дело было в пятницу, а в понедельник, днем часа в 4 за ним приехали жандармы, увезли, посадили в 1-ю Адмиралтейскую, а на другой день утром отправили в Ветлугу (Костромской губ.). Вот тебе и лучшие времена, но что за беспредел. Он читал статью цензурованную, он ничего не добавил. Между тем тверских посредников начали судить в Сенате — я надеюсь, что дело окажется глупостью. <...>

В Петербурге гадко и в воздушной и правительственной атмосфере. Бедный Павлов, осмелился публично в пользу Михайлова и Обручева сказать, «что в царствование Александра Николаевича Россия стоит на краю бездны, в которую упадет неминуемо, если все желающие ей блага не побоятся удержать ее». Несмотря на мое полное сочувствие Павлову, я нахожу, что он бросился на нож правительства. Это, должно быть, был в нем момент либерального фанатизма, презирающего все, лишь бы высказаться...

18 марта 1862 г.

...Суворов вообще прерогативный человек: человеколюбив, добр, много в нем рыцарски-благородного, а при этом — неуважение и неиспользование законов, произвол, самоуправие; кто первый пришел попросить его, тот и прав. Потом, как слышно, он не может распознавать людей и вокруг него бывшие послуживцы (большей частью мошенники). При всем при этом, однако, Суворов и сравнивать не захочешь с Игнатьевым. Он постоянно делает что-нибудь хорошее: вот в истории Павлова он выпросил у Государя денег, потом устроил с Головинным так, что Павлов сохранил профессорское жалование, не уволен с университета. Игнатьев этого бы не сделал. Мне очень важно, что Суворов порядочный человек, ему часто приходится иметь дело с полицией, можно к нему обращаться. Если он захочет, он может все испортить. Когда-то все это исправится. Если бы было публичное судопроизводство с порядочною системой судов, теперь же все зависит от людей...

22 марта 1862 г.

...Мне предлагали взять на себя, в числе прочих, рукоприкладство в Сенате по делу тверских мировых посредников. Я сначала отказался, невольным образом, потому что как знать, пожалуй, за это вышлют из Петербурга, но чрезвычайно хочется понять, сколько можно, и потому я соглашаюсь теперь, и если допустят, то приму на себя рукоприкладство, вместе со Спасовичем, Гаевским и каких-нибудь из Арсеньевых...

25 марта 1862 г.

...У нас опять рождаются надежды на что-нибудь путное, по части судопроизводства и прочее, и это вот почему: граф Блудов так болен, что думали, он умрет, и теперь на время назначен председателем Государственного Совета — Великий Князь Константин. Этим воспользовались, и почти все записки уже внесены или вносятся на днях в Совет, а Константин Николаевич, как говорят, так подготовлен, что будет требовать, чтобы была объявлена редакционная комиссия, подобная крестьянской, которая будет обрабатывать на основании

главных начал, данных Государственным Советом, при спорах тут может выйти только хорошее. Разумеется, не будет запрещено спорить по всем предметам и печатно (что было запрещено по крестьянскому делу одно время), а тогда мнения Панина погибли.

Оболенский уже несколько времени тому назад говорил мне, что он был за то, чтобы были редакционные комиссии, а теперь, когда уже был назначен Константин председателем, я слышал, что Оболенский будет председателем этой комиссии. А Морское министерство поддерживает сильно теперешний комитет в отношении присяжных, так что Стояновский говорил мне на днях, что он сильно надеется на проведение присяжных. Это самая чрезвычайная вещь, которую я могу тебе сообщить на сегодня.

Страшно и жаль только то, что мы никогда не можем сказать, что вот мы вошли на прямую дорогу: сегодня так, но однажды, завтра — Панин...

31 марта 1862 г.

...Тверских посредников мог отдать под суд только Сенат, а между тем их схватили, посадили в крепость и держат до сих пор по особому Высочайшему повелению: где же тут законность? То же, пожалуй, было бы и будет в других случаях, где речь идет о крестьянском деле, да и не о нем одном только. Вот и надейся на улучшение в судостроительстве и судопроизводстве, когда на каждом шагу могут быть исключения или нарушения прав. Какие же будут несменяемость или подсудность Сенату одному, когда при малейшей оппозиции, «не в пример другим» — заключат в крепость или сошлют...

26 апреля 1862.

...Сегодня или завтра решиться должно, будем ли мы рукоприкладчиками по делу посредников. Они сами назвали нас. Поплавский прислал сказать, чтобы лучше мне не делать рукоприкладство, потому что я год под призрением полиции и вследствие того, что со мной была история, могу повредить им. Но мне кажется, что тут умысел другой, именно желание, чтобы не было вовсе рукоприкладство сделано. Если получу доверенность или приглашение из Сената, то пойду и буду делать рукоприкладство. Что со мной можно сделать? Исключить со службы нельзя, разве высочайше запретят быть ходатаем по делам. Что ж, пускай, я займусь чем-нибудь другим, но не поддамся под угрозы. Даже Самарский и тот смотрит на мое рукоприкладство как-то боязливо, чуть ли не останавливает меня. Юридические собрания идут по-прежнему, всегда бывает человек 9–12. ...

17 мая 1862 г.

...Проекты судопроизводства и судостроительства гражданского уже прошли. В уголовном прошли главные начала, в том числе — присяжные, и, заметь это, при содействии — Панина. Совершенно мир наизнанку. Сначала Панин высказывался против, теперь же находит, что Ровинский предлагает очень разумные меры, эта перемена произошла, как говорят, потому что Государь будто бы

высказался за присяжных. Итак, Россия будет обязана Ровинскому введением присяжных. Сообщаю еще важнейшее известие: почти уже решено, что выкуп будет. На этом настаивали и требовали этого Валуев, имея противниками Великого Князя Константина и министра финансов, то есть главнейших людей по крестьянскому делу. <...>

У нас опять начались аресты, человек уже 30. Аресты начались по случаю подкидывания прокламаций, из которых две тебе должно уже было известно. На днях появился основной листок: «Молодая Россия», ярко-красный, нападающий на всех и на все, требующий общей собственности, уничтожения наследства, семьи, брака, полного равноправия женщин и демократическо-социальной России; для этого непременно условием ставят казни не только царской фамилии, но и всех тех, кто не согласен и не пристанет к партии «Молодой России», кто не за нас, тот против нас, значит, враг, его следует уничтожить. Несколько они довольны «Великорусом», но не конституционной его стороной.

Трудные наши времена. Постоянно будут проявления разных подобных мнений, пока не кончится какую-нибудь большою катастрофою. И можно ли предотвратить все это брожение и всей вспышки дарованием большей свободы? Я думаю, что да: если дать больше работы, то есть самостоятельности каждому, то естественно, что, столкнувшись лицом к лицу с действительностью, не придется фантазировать на разные лады. Все эти более или менее умные, более или менее нелепые предположения естественно проявляются на свете из голов людей, живущих не в мире действительности, не в мире практической деятельности, когда за всех думает и действует отечественное правительство.

Открой оно клапан, — сколько выйдет испертого воздуха разных сил, которые пойдут прямой разумной дорогой. Судя по движению умов и бунтующему, всеобщему ожиданию чего-то повсюду, должно совершиться: вопрос весь в том, кто начнет. Что само правительство ждет возрастания политических движений, можно заключить, что все идет не так как бы хотелось, все не ладно...

20 мая 1862 г.

...Что за чушь, арестовали Безойлера, учителя наших детей за политические (!) дела! А теперь кажется, боятся малейшего шороха. Всем чудится заговор, бунты! Люди начинают вставать без сна. <...> Ну не безумие ли это! А теперь имеем из-за тупоумия этих, придерживающих власть, сколько из-за них навсегда расстроена жизнь и будущность. При всем моем миролюбивом характере, я часто в душе посылаю им проклятия и ненавижу их всею ненавистью, на которую я только способен, и оправдываю тех, кто не находит в душе сил терпеть и выносить их долго.

Разумеется, если это (то есть нетерпение) делается только из молодости, от бушевания сил — то это другое дело, и мои симпатии не за них, я их могу извинять, но не встану за ними. Но когда к этому приходят вследствие выстраданных убеждений или испытаний, то я и ненависть, и мщение оправдываю, и не брошу в них камня с высот олимпийского величия или равнодушия...

31 мая 1862 г.

...Нас вчера допустили уже к рукоприкладству по тверскому делу. Записку уже прочли, вчера я с разрешения Суворова беседовал в здании с моими доверителями крепости. Свидание это произошло в присутствии жандармского офицера и коменданта на квартире у последнего. Я прежде моих доверителей никогда не знал и не видал: один из них человек моих лет Балкашин (предводитель Корчевского уезда), другой старик Кудрявцев — посредник новоторжский. Оба умные люди, особенно последний, хорошо говорит, знает отлично Положение 19 февраля и вообще законы, прямо наизусть статьями. Человек весьма решительный и энергичный, но в пределах законности.

Зная теперь их дело вдоль и поперек, могу прямо сказать, что они совершенно невинны и правы. Вся их деятельность клонится к тому, чтобы крестьяне были с землею. Это заявлялось постоянно дворянством, они не находят другого исхода как обязательный выкуп, заявлено об этом правительству в декабре от съезда из их посредников в губернии. На этом общем собрании дворянство признало, что закон 19 февраля — несостоятелен, т. е. правительство не в состоянии это сделать одно без собрания думы общей, и послало об этом прошение Государю.

5 февраля посредники (из числа бывших на общем съезде дворян) 13 человек вкратце повторили то же, что уже сказано было дворянством 1–3 февраля, и сказали, что так как дворяне признали, что несостоятельность закона 19 февраля и необходимость в том, то они для своей деятельности признают такое постановление нравственно обязательным и всякий другой образ мыслей враждебным обществу, и если правительство не объявит обязательного выкупа, то они будут более служить. Сенат хотел уже освободить, написать благожелательный доклад Государю, но Панин задержал и дает предложение...

3 июня 1862 г.

...Я, разумеется, не нахожу, чтобы защита посредников была бы противодействием правительству. В среду я был в Петропавловской крепости для свидания с моими доверителями (как я уже тебе и писал), и странное впечатление произвело на меня это свидание. Оба, и Балкашин, и Кудрявцев, совершенно спокойны, но возмущены внутренне, сдержанно, как люди совершенно невинные и бесправно заключенные, кажется, убеждены в том, что будут оправданы. Я же, их защитник в их правде, почти уверен, что их не выпустят даром, а присудят, пожалуй, к чему-нибудь, судя по тому, что делается у нас вообще в области правосудия! А сколько раз придется мне беседовать с другими доверителями в крепости или тюрьме, когда начнется новая жизнь в судах, и будет ли мне удаваться сказать что-нибудь или избавлять от несправедливых приговоров! Но шаг уже сделан и мы 4 (четверо защитников. — *Д. Л.*), первые политические защитники в России.

Какие у нас страшные пожары, таких я никогда не видал! И все горят такие кварталы или части города, в которых все скучено или много интересов. Так что опять замешано много народа. Говорят, уже много поджигателей схвачено. Одни, в том числе и я, приписывают эти пожары не одному желанию грабить, но и политическим причинам: то есть, точнее сказать, я полагаю, что эти

пожары в связи с «Молодой Россией». В ней предлагалась резня, и даже обещалась она за то, что могут быть люди, не согласные с автором М. Р.; немудрено при таких мыслях ожидать от них и поджогов, для того, чтобы приобрести на свою сторону массу недовольных и с помощью ее действовать впоследствии.

Говорят даже, что в этом смысле опять раздаются прокламации, но я таких не читал. Бог знает, не толки ли это... Все эти пожары произвели такой всеобщий страх (бывало по пяти пожарам вдруг), что правительство принуждено было назначать 3-х военных губернаторов в городе, для распоряжения по этим делам и для суда над поджигателями. Хотя, ты знаешь, — я не друг военных судов, но при виде таких всеобщих бедствий одобряю эту меру, потому что, по-моему, только скорый суд и скорое исполнение приговоров может сколько-нибудь внушить страха злодеям и успокоить умы всех.

Будь у нас правильный, хороший суд, не нужны бы были все эти суды, а теперь, к сожалению, надо к ним прибегать. Очень может случиться, что от этой спешности произойдут несчастья, но как помочь этой беде! Куда ни обернись, всюду приходится кончать одним припевом: давайте скорее правильные, хорошие суды и новое судопроизводство.

10 июня 1862 г.

...У нас опять наступили реакционные времена: после прокламации «Молодая Россия» начались разные преследования, захвачено, говорят, пропасть людей. Вследствие всех этих дел мы чуть-чуть не на военном положении, воскресные школы все закрыты, Шахматный клуб тоже, и говорят, запретят «Современник». Вот и добились толку. Когда теперь разрешат новые всероссийские школы. Нельзя не признаться, что мы живем в революционное время, что ни неделя, что ни шаг, то мы натываемся на какое-нибудь движение, на какую-нибудь вспышку...

20 июня 1862 г.

...Запрещение «Современника», «Русского слова», «Дня»! Легкое начало террора! А между тем Тверские посредники все сидят. Сегодня скверный день: в «Русском Инвалиде» прочел я, что троих расстреляли, двух в каторгу за политические преступления: чтение «Великоруса» и прочее. Когда-то и политические преступления будут у нас исполнять настоящим судом и когда-то смертная казнь отменится?!

5 июля 1862 г.

...Начиная читать мое письмо, ты, вероятно, уже заранее знаешь, что главное в нем и исключительно разные политические новости. Но что же делать, когда для меня это самая главная сторона жизни, а потому тебе придется постоянно выслушивать разные пересуды еще долгое время, да, вероятно, они никогда и не прекратятся. До сих пор еще тверских посредников не приговорили окончательно, Сенат подписал определение и приговор их по 319 статье, но определение еще у Панина. Хорошо еще, что Суворов человек добрый (хотя и не умный)...

26 июля 1862 г.

...Посредников выпустили. Сенат таки приговорил их к смирительному дому, просидели в крепости еще недели две <...> перевели в исправительное заведение и выпустили 22 июля, в день именин Государыни...

23 сентября 1862 г.

...Вообще говорят, что Валуев одна из самых больших и вредных собак, существующих у нас, не говоря о том, что он придерживается самых узких, ретроградских начал и видит во всем пожар и революцию, он вреден в особенности, что говорит хорошо, обладая при том известною долею ума; хорош собою, ловок и хитер. Теперь он главнейшее лицо в правительстве... Просто не знаешь когда и что выйдет из этого проклятого омута. Надежды мало, сидят у моря, ждут погоды...

11 октября 1862 г.

...Головнин ничего не делает, не имеет никакой политической власти, действует даже ретроградно. Вот тебе и министры, на которых возлагаются разные надежды: все эти наследники в министры хороши, только пока не попадут в министры, а там и пошло писать...

21 октября 1862 г.

...Панин, кажется, окончательно выходит вон и, вероятно, уже сегодня будет о нем указ. Это устроилось, говорят, вследствие того, что князь Гагарин и Бутков постоянно твердили теперь Государю, что нельзя же в Министерстве юстиции такого человека, который противник весьма хороших нововведений или по крайней мере главнейших из них. Все эти дни шла большая переписка между ним и Государем.

На его место прочат многих: Буткова, Замятина, Оболенского, Глебова, Философова, вероятнее будет из двух первых. Бутков много делает полезного для этой реформы, не будь его, пожалуй, она не пошла бы так хорошо, так же много сделал и князь Гагарин, он убеждал Государя об уничтожении Сената и проч. В короткое время такие громадные реформы...

25 октября 1862 г.

...В Сенате и в Москве, да и вообще всюду — радость по случаю увольнения Панина и Топильского. На его место назначен барон Врангель — что дурно, потому что он не умен, не учен, упрям и вообще не может назваться хорошим человеком. Назначение Замятина было бы неутешительным...

22 декабря 1862 г.

...Суд в Сенате над Бакуниным и над Обручевым до сих пор не окончен. Заметь, что в числе подписавшихся — два брата Бакуниных; одного из них я знаю (это брат сосланного) — это один из умнейших и образованнейших русских людей. Все братья получили философское образование, какого я ни в ком из русских до сих пор не встречал: это еще остатки 30-х годов <...>.

Возвращаюсь к тверякам, сколько бы ни сажали, сколько бы ни ссылали, — а время возьмет свое. Волнения и движения в обществе, можно сказать, идут дальше. Вопрос крестьянский не скоро разрешится. Но мне кажется, что мирно дело не обойдется и что наше море расколется так, что нескоро уляжется потом. Ты знаешь, что я бы к этим мерам не желал прибегать, но между тем, с другой стороны, когда видишь, что такие милые люди, как граф Панин, или Бутков, или Адлерберг, продолжают свое существование государственное, то как не пожелаешь, чтобы произошло что-нибудь, чтобы нас всех избавили от них и заставили бы протереть, наконец, глаза...

14 января 1863 г.

...Боязнь эта, соединение с совершенным отсутствием критики жизни и с апатиею, также свойственно русскому человеку, довели петербуржцев до того, что теперь все внесли в современную безучастность, потому что боятся.

<...> Когда Чернышевский, Серно-Соловьевич и др. сидели в крепости более полугода, очень немногие уже интересуются их участью <...> Отчего же вдруг такое безучастие. Неужели у нас энергии не хватило даже на несколько месяцев и интерес можно поддерживать какими-нибудь пряностями. Поляки в этом отношении почестнее. Они, по крайней мере, чего захотели, того добивались, не на жизнь, а на смерть. Добьются ли они чего-нибудь теперь — вот вопрос, всякий раз, как что-нибудь делается в Польше, я боюсь за Россию, опять окончится какими-нибудь ограничениями. На днях, говорят, окончательно решено в Совете министров передать цензуру в руки министра внутренних дел, тут толка не будет...

12 апреля 1863 г.

...В Государственном совете портят многое из того, что сделала комиссия в проекте гражданского судопроизводства, да и можно ли ожидать что-либо от таких мудрецов, как члены Государственного совета! Откуда им знать подробности и тонкости, выработанные в понятиях о суде? Такие преобразования, как судебные, нельзя предоставлять сброду людей, занимавшихся разными делами (кроме судебных)...

Апрель–май 1863 г.

...Без всякого сомнения <...> такие меры, как отмена телесных наказаний, дают государю право на всемирное уважение и благодарность. Никто из государей не делал в короткое время <...> столько замечательных реформ. Как справедливо говорил мне Кавелин: во время крестьянского дела, что его хотели надуть, провести, но он вышел на чистую дорогу благодаря доброте сердца и честного желания. Так и теперь, выслушал всех за и против, да и сделал, как хочется, то есть как ему подсказывает сердце. Жаль будет, если ему не удастся покончить, удовлетворительно для общих сторон — Польское дело...

Апрель–май 1863 г.

...Польша желает быть самостоятельна и независима — желание совершенно справедливо, и я ей желаю в этом успеха (разумеется, если возможно без крови); но если они вместе с независимостью себе требуют отчуждения провинций, то тут для меня встречается остановка, которую я не знаю, как можно будет разрешить. <...> Гораздо лучше было бы, мне кажется, предоставить это разрешению Сейма или Собора Земского. На нем введением многих хороших учреждений вопрос о неотчуждении этих провинций разрешится, может быть, практически, без собрания голосов о присоединении. Когда будет даровано местное самоуправление, уравнины подати и налоги, введены общие обязанности идти в солдаты и другие меры, тогда не будет причин жаловаться на унижение и другие вещи; а когда не будет этой подкладки, то вряд ли верхние сословия, волею только того, что они сами поляки и что их провинции принадлежали Польше, будут требовать воссоединения с Польшею.

А вопрос о Земском Соборе, который больше не считается уже нелепостью или неосуществимым желанием. Как говорят, вопрос об этом в верхних регионах считается только вопросом времени, не больше: ранее или позднее, но эти реформы осуществляются. Эти окончательные меры, то есть собор приведется в исполнение даже действительно скоро. И в этом отношении Кавелин опять прав: Польский вопрос, это неизбежно. Если будет война: то ввяжутся при этом одни только англичане или французы; и тем и другим до Польши дела нет...

5 января 1864 г.

...С тех пор, как Валуев видимо пошел против мировых учреждений, действовавших в духе крестьянском, дворяне-крепостники подняли голову. Я имею сведения из разных губерний: Калужской, Курской и других — везде гадость; да и суды по газетам — нехорошо. Дворянско-помещичья партия подняла голову в особенности с тех пор, когда Валуеву удалось выжить многих губернаторов, как Барановский, Куприянов и, наконец, Соловьев...

9 февраля 1864 г.

...Что сказать о судебной реформе? Проекты внесены уже в Государственный Совет и разосланы всем его членам. 20 или 22 должны начаться прения. Между тем в Министерстве юстиции составлена комиссия для подготовки замечаний на проекты. Комиссия эта состоит из Замятина, Стояновского, Врангеля, Хвостова, Суцова; Бэр, Дервиз, Книрим приглашены для объяснений и разъяснений. У меня приготовлена для тебя целая кипа разных проектов <...>.

Часто мне кажется совершенно верной мысль Монтескье, я бы переменял только одно и сказал бы, что то правительство, которое сделалось негодно, не может продержаться долго; а если оно держится, то это показывает, что народ и того хуже и не осознал еще всей его гадости. Да, наконец, что касается свободы, о которой говорят французы, то часто приходит сомнение: в самом деле, каким же образом приобретается свобода? Должна ли

она завоевываться, или приходить сверху и порождать свободу? Но если всё ожидать ее сверху, а самому ничего для приобретения ее не делать, то не попустительство ли это, что чувство или потребность в ней не очень настоятельна; да и почему же всегда ожидать все только сверху, а самим ничего не делать. А между тем, обращаясь к самим себе, оказывается у нас все-таки вся свобода, все улучшение делается правительством, а не обществом. Не следует ли прямо из этого заметить, что наше правительство стоит положительно выше нашего общества (само собой разумеется, не нескольких отдельных личностей). Точно так же рождается вопрос: не прав ли Наполеон, действуя так, как он действует? Давая французам свободы больше, нежели сколько он ей дает, не сбилось бы снова оно с пути?..

16 февраля 1864 г.

В одном из твоих последних писем ты пишешь, что, «благодаря польскому восстанию, русское общество продвинулось назад». Так ли это?

В 1863 г. действительно не слышно тех либеральствующих отзывов, тех как будто бы порывов, которые были в большом ходу в предшествующие годы, но есть ли это понижение? Мне кажется, и даже вполне убежден, что все эти порывы и устремления были не больше как пена, происшедшая от слишком скорого появления одних перемен за другими и родившаяся в головах молодежи, которая увлекла за собою и старых и малых. Этому способствовали много и печать и здешняя, и заграничная русская; но у всего этого не было никакой твердой подкладки и твердых убеждений и еще менее знаний.

Когда сначала кричали и говорили и высказывались разные более или менее хорошие *quasi*-убеждения, то ничего, все может еще идти в порядке, потому что не сталкивались с действительностью и оставались еще только при высказываниях, при болтовне; а как только столкнулись с действительностью, как увидели, что во многих случаях действительность не может идти вполне систематически, идеально, то есть согласно с одними главными требованиями, то большая часть людей растерялась, и кинулись, как почти всегда бывает, в другую крайность: страх и ужас перед какими-то призраками. По-моему, так надо сказать, что общество не продвинулось назад, а вошло в самую настоящую колею, спустилось с фальшивой ступени, сбросило не принадлежащую ему ложную маску и оказалось тем, чем оно в действительности есть и было, одним словом, выпускалось нараспашку, тогда как до сих пор оно действовало и высказывалось все под влиянием увлечений, следуя ненормальным образом. Я нахожу, что хотя это грустно, но тем хорошо, что тут нет фальши. Вот если бы все теперь узнали, что общество наше навсегда обречено жить в таком состоянии, как теперь, то это было бы ужасно; но я думаю, что эти минуты отрезвления, возвращения к действительной действительности (а не фантастической, созданной в воображении), к узнаванию настоящего положения вещей весьма полезных; с них только можно идти дальше, потому что под ногами настоящее, существующая точка отправления, все гадости и недостатки яснее сознаются, а если они сознаются, то невозможно предположить, чтобы народ, который применительно перед другими умеет сознавать свои гадости

(доказательство — Гоголь и его успех), чтобы такой народ, живя в болоте, не напряг постепенно всех своих сил, чтобы выйти из болота. Поэтому мое убеждение: мы пришли или, проще сказать, вошли в свои настоящие пазы, стали плыть в настоящем море с гадкими, с подлыми убеждениями, с неумением обращаться, исправляться самим, а требуем помощи свыше, да при этом показали и еще разные милые свойства и способности, любовь к доносам, оставление бедствующих без стремления за них заступиться и многое другое. Но при этом мы не останемся, а выйдем из тины, разумеется, только не скоро. Но философии конец...

24 апреля 1864 г.

...Наконец можно сказать, что судебная реформа не миф, а что действительно будет введена в действие. В прошедшее воскресенье отправление произошло с большим торжеством, речь министра ты уже прочел; я нахожу ее хорошою. Он указал, что эти реформы — крайнее слово в науке. Во-первых, это неправда, потому что есть много отдельных и неточностей, которые заставляют желать лучшего, особенно по гражданскому судопроизводству; а во-вторых, если это была бы и правда, то не министру юстиции об этом говорить, а пусть скажут об этом посторонние.

Для меня прошедшее было действительно очень важным событием, — потому что есть все-таки и большая надежда и уверенность, что дело пойдет с новыми судами к лучшему. На днях будут происходить выборы в Совет присяжных поверенных, очень желательно, чтобы [были] избраны люди честные, в которых можно вполне быть уверенными и которые поставили бы хорошо это учреждение; чтобы оно пользовалось и у нас тем же уважением и значением, как за границей; чтобы оно было рассадником сведений и знаний, которых у нас так мало.

На первых порах учреждение адвокатуры, когда у нас еще вовсе не установилось понятие: что такое адвокатура и когда мало еще вовсе и понятия, что придется защищать адвокату часто то, в чем он вовсе не убежден и с чем он не согласен. Одним словом, я считаю, что положение для всякого защитника в этом деле будет очень тяжелое и фальшивое, а главное — только чисто формальное.

10 мая 1864 г.

...В Государственном Совете вчера кончили рассмотрение гражданского судопроизводства, в среду начинают уголовные. Хороши наши министры: граф Панин отказался от обсуждения проектов судопроизводства за множеством других занятий, а Замятнин в Государственном Совете молчит, потому что ничего не понимает и не знает, так что весь проект обсуждался князем Гагариным и Бахтиным, который, говорят, очень умен и знает хорошо дело, но часто соглашается с противными мнениями, чтобы не производить разногласия! Люди работали два почти года для того, чтобы их труды были забракованы даже без рассмотрения. Не гнусность ли это? Злоба берет, когда видишь, что происходит у нас в особенности и в мире вообще!..

29 июля 1864 г.

...Тебе может быть сообщено, что судебная реформа приостановилась: сначала было предположено пройти все летом так, чтобы 30 августа можно было опубликовать Устав, и 19 февраля или 1 марта ввести в действие. Все шло благополучно, в соединенных Департаментах прошли все три проекта к 1 июля, но старики уже, говорят, очень утомились, и вот им дали каникулы до 15 сентября, теперь столько времени ждать, просто терпение лопнет. Когда утомишься, думаешь, ну вот, потерпи еще немного, глядишь, опять откладывает в долгий ящик, иной раз думаешь, что не дождешься до старости нового порядка...

30 сентября 1864 г.

...Мне кажется также, что я больше русский, чем космополит, и заключаю это я из многого: когда во время Севастополя я был несколько дней совершенно болен, а первую ночь по получении известия просто не спал, такие вещи со мною случаются, когда я к чему-либо очень привязан и люблю или занят им.

В нынешнем году, когда болел наследник — я интересовался и печалился известиями о его болезни, как самом близком для меня человеке, совсем не потому, что я его знал (я с ним не был знаком) или что его болезнь и смерть имели в себе кое-что необыкновенно трагическое (отчасти это на меня действовало), — но я следил за известиями о нем, можно сказать, жил в это время одной мыслью о нем, именно потому, что знал о нем много хорошего, а смерть его мне постоянно представлялась, постоянно, в связи с будущим России большую для нее потерю.

Точно так же все реформы судопроизводства и прочее — может быть, более общечеловеческая дорога, то есть будущее торжество правды (по крайней мере, относительной или в большей мере, нежели теперь). Но много в этом трогает любовь и привязанность к России и русским, в том, например, последнее польское восстание на меня производило то же действие.

Я сознаю, что многое в отношении поляков со стороны русских гадко, несправедливо; но когда стало развязываться в последнее время брожение поляков к нашему населению в западных губерниях, то я несколько не колебался и был постоянно за русских и против поляков относительно этих губерний. Я бы хотел, чтобы Россия вступила на справедливый путь в отношении поляков, в Польше само собою, без всякого давления. Эти факты меня убеждают, что я впал в русский патриотизм.

5 ноября 1864 г.

...На днях подписаны Государем проекты судопроизводства гражданского и уголовного и судостройства в тех случаях, где были между членами разногласия, почти везде утверждено мнение меньшинства, например, по самым важным вопросам: уголовное следствие будет производиться не публично; прений состязательности в кассационном суде не будет. Эти два самых важных вопроса, которые решены, к сожалению, согласно с меньшинством, прочих я еще не знаю. Теперь, вероятно скоро, последует напечатание самих уставов; остаются, впрочем, еще в Общем Собрании Государственного Совета большинство, пожалуй, и тут будет проигрыш, и тогда прощай судебная реформа.

Итак, как бы то ни было, но судебная реформа скоро явится на свет; как-то она пойдет и усвоится, и будет ли она производить такие же благие последствия, как в других местах, где хорошие порядки, впрочем, что касается кассационного суда, то предложенный проект был так написан, что при хороших судах там могут быть допущены состязания; если же наступит очередь скверных толкований, тогда будет испорчена. Посмотрим. Ждут ли в губерниях реформы судебной?

4 ноября 1865 г.

...Хотя у вас, вероятно, уже вводятся или введены правила по судопроизводству, но до самого настоящего дела мы все еще не скоро дойдем, и это будет благодаря глупости и ничтожности министра юстиции. Если облегчительные правила введены теперь, почему их было не ввести после издания Уставов 20 ноября? На сочинение этих правил пошло не Бог знает сколько времени, но Замятнин в них сумел настаивать и поддерживать то, чему его учили в Москве. В болтовне и переговорах проходит пропасть времени, и, наконец, выходит что-нибудь, поглядишь, и тут он не сумел отстоять чего-нибудь. Все это выйдет не раньше конца будущего года. А ждать, ждать становится просто невозможно, до того дошли полиция и низшие суды. Между тем Замятнин никого не может заставить ускорить или подвинуть вперед.

То же самое и с разными Уставами. Все это заготовлено, отослано в II Отделение к Панину и там лежит, потому что Замятнин не хочет напомнить, а Панин будет, пожалуй, еще более тянуть, чтоб и доказать, что судебная реформа не нужна! Зарудный в который раз был искажен, потом совершенно исправлен...

23 января 1866 г.

...Сличая себя с теми из наших теперешних адвокатов, которым уже случалось говорить теперь публично, я нахожу, что говорю не хуже других. Говорю я не много, но дельно, хотя и не красноречиво. Заминок у меня не бывает, возражения находились, и говорил я гладко. Двое из лучших сенаторов (Войцеховский и Поленов) отзывались обо мне как не надо лучше; Войцеховский даже сказал, что из всех, кто до сих пор защищал дела — а таких в 4 Департаменте каждый день по несколько прибывало с октября, — он считает меня лучшим, это для меня очень приятная похвала, тем более что она пришла до меня через Самарского.

Красноречивым и увлекательным я никогда не буду, но гражданские дела я часто защищаю хорошо — это я сам чувствую и признаю тебе и Полине в этом без хвастовства. Но так как я не красноречив и лишнего ничего не позволяю себе говорить при защите дел, то на нашу публику это действует дурно и они скорее пойдут к тому, кто хотя не дельно, но блестяще защищает и говорит остроты. Так, например, Серебряный защищал одно дело. Говорил полчаса остроты и смешные вещи — но для дела вовсе не относящиеся и нисколько не годились для разъяснения дела. А публика была, наверное, за него; я же положительно недоволен был его речью, я никогда не позволяю себе говорить так, как он.

Теперь я часто хожу слушать, как говорят другие, но до сих пор не слышал никого, кто меня вполне удовлетворил. Что же будет в губерниях!

3 апреля 1866 г.

...Вчера мне удалось быть в новых судебных местах, чтобы осмотреть, как они устроены. Помещение очень хорошее, просторное — в особенности канцелярии; а самые курьезные впечатления производит зала с присяжными. В Петербурге видишь такие же места, как во Франции и Англии! Ложа для подсудимых, особые места для адвокатов-защитников, скамейки для присяжных, помещение для публики, отделение для свидетелей, особая комната для совещания присяжных и для судей, и т. д.

Но как все это пойдет? Чем ближе время к началу, тем больше мне представляется трудным, чтобы эта машина пошла с пуском...

РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 181–189.

Дело тверских мировых посредников

**Рукоприкладство Д. В. Стасова на имя Правительствующего
Сената за тверских представителей дворянств Корчевского уезда
Балкашина С. М., новоторжского мирового посредника Кудрявцева В. Н.**

Прочитав составленную из дела записку, имею честь просить Правительствующий Сенат обратить внимание на следующее.

За неимением в деле вполне формулированного обвинения, должно признать за такое предложение Правительствующему Сенату записку Г. Министра Юстиции, в коем сказано, что 13 лиц, принадлежащих по мировым учреждениям Тверской Губернии, в заявлении, подписанном 3 февраля, «объявили о своем намерении руководствоваться впредь в своих действиях воззрениями и убеждениями, не согласными с постановлениями 19 Февраля 1861 г., и что эти лица придаются суду Правительствующего Сената».

А потому необходимо рассмотреть означенное заявление, чтобы определить, могут ли и должны ли подписавшие его лица, в том числе мои доверители, Корчевский Предводитель Балкашин и Новоторжский Посредник Кудрявцев, быть подвергнуты взысканию по закону.

Касательно обстоятельство, сопровождавших составление этого заявления, из дела оказывается, что никакого заранее составленного собрания не было, но что несколько лиц собрались случайно по окончании чрезвычайного дворянского собрания, хотели уяснить себе, каким образом должно им действовать впредь, после того как общество, их избравшее, высказало совершенно согласное с их собственным убеждение о необходимости обязательного выкупа, между тем как в законоположениях они не встречают разрешения того взгляда, который обществом и ими почитается за единственно возможный для окончательного, спокойного исхода дела освобождения крестьян.

Уже и прежде необходимость обязательного выкупа высказывалась 1) некоторыми уездами (напр.: Новоторжским), 2) съездом всех мировых

посредников 12 Декабря (происходившим с разрешения Губернского Начальства и вedomо Министра Внутренних Дел), наконец, 3) сказалось в протоколах всего Дворянского Общества, 1–3 Февраля и всеподданнейшим прошением.

В этих заявлениях постоянно высказывалось невозможность прийти к успешному окончанию дела без изменения в некоторых частях Положения 19 Февраля, именно касательно выкупа, заявлялась неудобоприменимость, иначе сказать, несостоятельность этого закона. Заявление от 12 Декабря было представлено в Тверское Губернское Присутствие для препровождения в Главный Комитет, Губернское Присутствие намеревалось подробно заняться рассмотрением возбужденного посредниками вопроса, и Министр Внутренних Дел ожидал заключения Присутствия.

Между тем годичный срок для составления уставных грамот приближался, и мировые посредники желали знать, считает ли высшее Правительство возможность допустить выкуп обязательный и могут ли они действовать согласно убеждениям и потребностям общества, нуждавшегося в чрезвычайном собрании.

Если для всего дворянского Общества разрешение этого вопроса представлялось в высшей степени важным, то для мировых посредников, обязанных в самом непродолжительном времени после Общего Собрания Дворянства составлять уставные грамоты, — разрешение этого вопроса представлялось еще более не терпящим отлагательства.

Говоря в своем заявлении, что постановление дворянства для них нравственно обязательно, мировые посредники не говорили этим, как сказано в предложении Г. Министра Юстиции, что они решились впредь в действиях своих руководствоваться убеждениями и возражениями, не согласными с постановлениями 19 Февраля.

Не только такой решимости, но даже желания или умысла действовать противно закону — в заявлении не выражено — напротив, подобно тому, как 12 Декабря все мировые посредники заявляли о необходимости обязательного выкупа, а между тем объявляли, что будут действовать на основании положения впредь до получения разрешения на свои вопросы, точно так же и 5 Февраля посредники, заявив о том, что они считают для себя нравственно обязательным, представляли свое заявление в Губернское Присутствие для представления на окончательное разрешение Главного Комитета.

Но в Декабре Губернское Присутствие это заявление приняло и хотело подробно заняться им, а теперь совершенно подобное же заявление принимает как противозаконное. Вероятно, сжатость выражений была причиною, что за нею не вполне ясно представлялась сущность дела.

Исполнение закона положительного есть обязанность юридическая, посему очевидно, что под выражением «нравственно обязательно» не могло подразумеваться неисполнение закона, а сознавалась нравственная ответственность перед обществом. При невозможности действовать согласно постановлениям дворянства осталось сделать то, на что указали мои доверители в показаниях своих Сенату (стр. 153 и 171 на об.) — выйти в отставку. — Что касается

до формы, т. е.: до выражений, употребленных в заявлении 5 Февраля, то нельзя не обратить внимания, что слово «несостоятельность» взято в заявлении буквально из протокола 1–3 Февраля (из пункта 2-го и 5-го). Но если бы даже этого слова в протоколе не находилось, то, без всякого сомнения, нельзя, взяв одно только это слово, выводить какое-нибудь заключение, не принимая при том в соображение предыдущего и последующего.

Любому слову можно придать различное значение, но вряд ли это было бы справедливо. Выхваченного из связи со всем остальным, ему можно придать значение, совершенно не согласное с целью лица, его употребившего, на то, что все заявление есть не более как вывод из всех предыдущих рассуждений, т. е.: протоколов 12 Декабря, 1–3 Февраля и всеподданнейшего прошения, и ссылки на последние и между тем как при предшествовавшей и последующей обстановке оно получает настоящее свое значение и разъяснение.

На этом основании, приняв в соображение все то, что было сказано выше о заявлениях дворянства, должно прийти к убеждению, что и выражением «несостоятельность» законоположения 19 Февраля было желание выразить его неудобоприменимость, невозможность прийти к желательным результатам — конечному освобождению крестьян.

Точно так же и выражение «несостоятельность Правительства» получает свой настоящий смысл и значение только в связи со всем, что высказано в протоколе 1–3 Февраля и всеподданнейшем прошении.

Сначала Тверское дворянство, а потом мировые посредники высказали, что при «всей готовности Правительства произвести реформы ему невозможно действовать одному, одно оно сделать этого не в состоянии».

В заявлении, что лица, стоящие вдали от народа и не имеющие с ним постоянных, близких сношений, не могут знать потребностей народа так, чтобы с полным успехом достигнуть необходимых и желаемых целей, — высказана мысль весьма обыкновенная и повсюду распространенная, сознаваемая у нас и правительственными лицами, чему доказательством служит то, что по многим вопросам государственной важности обращались к помощи лиц посторонних, не принадлежащих к правительству.

Нельзя при этом не обратить достаточного внимания на то, что дворянство Тверской губернии делает полное различие между особой Государя Императора и его Правительством, как это ясно видно из всеподданнейшего прошения в словах «между нами и правительством Вашего Величества существует недоразумение».

Посему нет никакого основания применять к делу 279 ст.: XV Т., которая помещена в Уложении, в отделе о преступлениях против Особы Государя Императора. Затем, не говоря о том, что по делу не доказано, чтобы заявление 5 Февраля было распространяемо, оно тем не менее еще имело целью возбудить неуважение к верховной власти, ибо и в протокол всего дворянства и всеподданнейшем прошении, — сокращением коих служит заявление посредников, постоянно высказывается искреннее сочувствие добрым начинаниям Государя Императора, полное доверие в благие намерения, уверенность в искренность Его желания блага России.

Не служит ли это все сильнейшим доказательством неприменимости к настоящему делу означенной статьи?

А когда не доказано ни факта преступления, ни самого умысла совершить оное, то разрушается и самое обвинение.

Равносильно ничем не оправдывается мнение Губернского Прокурора о нарушении мировыми посредниками своих служебных обязанностей и к их делу не может относиться ст. 371, Т. XV. Ничем не доказано, чтобы Кудрявцев и Балкашин не исполняли положений 19 Февраля со времени заявления, ими подписанного, напротив того, Кудрявцев по возвращении из Твери должности своей по болезни не исправлял, а Балкашин хотя и продолжал исполнять свою должность, но действовал подобно остальным лицам, совершенно согласно с законоположениями 19 Февраля, что подтверждается и всеподданнейшим рапортом Генерала Анненкова (стр. 38), а также сведениями, доставленными Сенату Начальником Губернии. В чем же заключалось, по мнению Прокурора, нарушение служебных обязанностей?

В самом заявлении? Но заявление убеждения, и то не во всеобщее сведение и только стоящему выше мировому учреждению (губернскому присутствию) с тем, чтобы оно представило высшему Правительству для разрешения вопроса возбужденного в губернии, — не есть нарушение служебной обязанности.

Напротив того, само Правительство объявило о необходимости иметь для мировых учреждений людей «независимых от посторонних влияний»; иначе сказать, людей, имеющих собственное убеждение, следовательно, и высказывающих его, — разумеется, в пределах, дозволенных общими постановлениями государства (Полож. Главн. Комитета. Утверж. 24 Июля 1861 г.). Так как заявление 5 Февраля распространяемо не было, напротив того, оно было представлено по порядку на разрешение высшего правительства, то, при неимении в виду решительно никаких фактов, доказывающих распространение каких-либо слухов, а тем более вредных, ст. 1196, приведенные под запиской к настоящему делу относиться не может.

При всех имеющихся в виду Правительственного Сената обстоятельствах оказывается, что доверители мои, вместе с прочими посредниками, никогда не выходили из пределов законности, не отступали нигде от Положения 19 Февраля.

При таком положении дела и так как правительственные побуждения, руководившие посредниками, могли быть вполне оценены при беспристрастном рассмотрении дела Правительствующим Сенатом при допросах и исключить всякую возможность в обвинении их в чем-либо противозаконном, смею надеяться, что и Кудрявцев и Балкашин, которые подлежали бы уже теперь немедленному освобождению от ареста на основании 134 ст. XV Т., ч. II, будут освобождены от суда и признаны вполне невинными, причем Правительствующий Сенат, без сомнения, не преминет привести в действие 706 ст., XV Т., ч. II.

РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 374. Л. 2–9.

2. СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НОВОМ СУДЕ

Процесс "ишутинцев" (Дело Каракозова)

Речь Д. В. Стасова, защитника Федосеева,
обвиняемого в отцеубийстве

Подсудимый Федосеев как в обвинительном акте, так и в обвинительной речи Министра Юстиции обвиняется в том, что он покушался на жизнь своего отца, для чего он приготовил яд. В обвинительной речи Министр Юстиции определяет, какой степени наказания должен быть подвергнут подсудимый Федосеев. Именно Министр Юстиции говорит, что Федосеев должен быть наказан по первому пункту 1957 ст., так как факт о желании Федосеева покуситься на это преступление вполне объяснен его собственным признанием. И потому он должен быть подвергнут наказанию, и точно так же как Министр Юстиции должен высказать то мнение, что Федосеев должен быть наказан по 1459 ст. на том основании, что в этой статье говорится, что лицо, которое приготовило нужное оружие или яд для убийства какого-либо лица, подвергается содержанию в тюрьме от 8 месяцев до 1-го года 4 месяцев. В том случае, если не доказано, чтобы преступление было остановлено по независимым от преступника обстоятельствам.

По моему мнению, нет доказательств, чтобы покушение Федосеева было остановлено какими-нибудь не зависящими от него обстоятельствами, потому что передача яда его брату совпадает со временем, когда его арестовали, так что нельзя с полной достоверностью сказать, что преступление Федосеева было остановлено по каким-нибудь обстоятельствам, от него не зависящим. Подтверждение того, что Федосеев сам остановился, я нахожу еще в том, что он уехал из Москвы и не остановился в Тамбове, где жил его отец, и поехал в Кирсан (г. Кирсанов — Д. Л.) для того, чтобы переговорить со своими братом, от своего преступления он удержался.

Может быть, вследствие влияния брата или, может быть, по собственному сознанию вообще, по суду не доказано, почему он не привел в исполнение своего намерения, так как всякое недоразумение должно быть по суду на основании закона истолковано в пользу подсудимого. На этом основании я прошу Верховный Уголовный Суд принять то толкование поступка Федосеева, которое ему дал Министр Юстиции.

ГАРФ, Ф. 272, ОП. 1, Д. 3. Л. 198–199 об.

**Речь Д. В. Стасова, защитника Малинина,
обвиняемого в попытке цареубийства**

Подсудимый Малинин обвиняется по обвинительному акту в том, во-первых, что он знал о намерении приступить к устройству общества «Ад», которое имело целью цареубийство, и, во-вторых, в том, что он принадлежал к революционному обществу «Организация». В обвинительной речи господин Министр Юстиции отступился от первого пункта обвинительного акта, и теперь Малинин обвиняется только в принадлежности к революционному обществу «Организация» с тем, что он знал о цели этого общества, и потому наказание ему требуется по 318 и 250 статьям. Согласно объявлению господина председателя Верховного уголовного суда, я считаю необходимым войти в рассмотрение обоих обвинений, как обвинения, заключающегося в самом обвинительном акте, так и в обвинительной речи.

Подсудимый Малинин принадлежал первоначально к обществу взаимного вспомоществования, в чем он сознался как при предварительном следствии, так и перед Верховным уголовным судом. Это общество, как видно по самому названию его, не имело никаких противозаконных целей. Во всяком случае, никто не может обвиняться в том, что он принадлежал к какому-нибудь филантропическому обществу. Затем, Малинин обвинялся, что он принадлежал к другому обществу, названному «Организацией». Господин Министр Юстиции справедливо изволил заметить в своей речи, что руководители тайных обществ везде и всегда не высказывают вполне своих целей так, которых они завлекают в общество. Точно так же и Малинину, когда его старались пригласить или завлечь в это общество, не было высказано никаких целей, которые могли бы оттолкнуть его от этого общества или заставить не поступить в него. Ему сообщили, что общество «Организация» будет иметь несколько более широкий круг действий, нежели то общество, к которому он принадлежал прежде; ему сказали, что общество будет устраивать артели, заводить фабрики на началах ассоциации: Малинин поступил в это общество и на одной же из первых сходов, на самой первой сходке он спрашивал, в чем заключается цель общества, как другой член на этой же сходке спросил: что такое социализм? Вещь понятная, что он сначала поступил в общество убежденным своими товарищами, что общество не имеет никаких вредных или противозаконных целей, и не зная вполне целей общества. По показанию всех свидетелей, допрошенных Верховным уголовным судом и при предварительном следствии, на вопрос Малинина не последовало никакого ответа. Мне кажется, что такого рода объяснение совершенно правдоподобно, если сравнить его с теми показаниями, ответами, которые были даны подсудимыми по другим предметам. Например, во время судебного следствия спрашивали некоторых подсудимых, каким образом происходили их совещания, их собрания, все утверждали, что когда делались вопросы, то они один другого не слышали, что никакой вопрос правильно не обсуждался; никакой вопрос не получил разрешения. Так же случилось и с предложенным Малининым вопросом, на этот вопрос никто ничего не ответил. Малинин показывает с полною откровенностью, что он

поступил в общество на тех самых основаниях, которые были изложены много уже, и продолжал бывать на сходках, в этом, как я говорил, он сам сознался. Можно сказать, что единственное обвинение его о принадлежности к обществу «Организация» основано на его единственных показаниях. Из показаний же свидетелей не видно, чтобы он принимал деятельное или даже какое-либо участие в обществе «Организация», это уже не обнаружено, ничем не доказано. Хотя в обвинительном акте приводятся факты, которые доказывают, что Малинин будто бы принимал деятельное участие на сходках, но на судебном следствии это опровергнуто.

Таким же образом в обвинительном акте говорится, что Малинин был кассиром общества «Организация». В этом было дано показание одного из подсудимых Страндена. При судебном следствии я просил его ответить на этот вопрос, и он прямо сказал, что никогда этого не было, что Малинин был кассиром общества взаимного вспомоществования; что, впрочем, подтверждено другими лицами как на вопросы, сделанные мною, так и на вопросы, сделанные господами членами суда, кроме того, тем, что в обществе «Организация» не было вовсе денег.

Затем, второе доказательство о принадлежности Малинина к обществу «Организация» заключается в том, что он не только слышал устав Шаганова, но даже хранил его у себя; но в этом отношении есть показание одного только Ермолова; а Ермолов сам отступился от этого показания и сказал, что так как Малинин жил на одной квартире с Мотковым, то он мог предположить, что устав хранился у Малинина, но что проект взял не Малинин, а взял его Мотков; это подтвердилось показанием Моткова, который сказал, что он взял проект от Шаганова и уничтожил его.

Затем, относительно того, что Малинин хотел ехать в Саратов с тем, чтобы там распространять социалистические идеи, в этом есть ссылка на показания некоторых свидетелей: Ермолова, Соболева и Борисова. Но опять-таки, при судебном следствии на сделанные вопросы, как мною, так и самим подсудимым, разъясняют, что Малинин ехал в Саратов получить там место в Контрольной палате. Если те, которые из деятельных членов организации, предполагали, что так как он принадлежал к обществу «Организация», то потому будет распространять те идеи, которые были или существовали в обществе, то ни одним показанием не подтверждено того, чтобы Малинин принял на себя обязанность распространить эти идеи. Малинин не имел средств, он хотел служить, получить место и действительно был сильно занят работою, где тут было ему думать о каких-нибудь революционных идеях; человек, который должен служить, для того чтобы жить, такому человеку мудрено думать о распространении каких-нибудь идей. Я не вижу никакого подтверждения тому обвинению, чтобы Малинин имел какое-нибудь деятельное участие или распространял те идеи, которые навязывали ему некоторые из членов. Можно сказать на это: каким же образом Малинин поступил в общество «Организация», не зная его целей? Господин Генерал-Прокурор заметил, что трудно предположить, чтобы он не знал целей общества; но если трудно предположить, чтобы он не знал, то во всяком случае не доказано,

чтобы он знал цель. Это не только не доказано, но опровергается следующими фактами: Малинин на первый вопрос не получил никакого ответа, по мере того как перед ним раскрывались цели общества, которые имелись у его руководителей, когда ему стали рассказывать, что они намереваются устроить тайную типографию и приобрели для этого шрифт, что же делает Малинин? Малинин с согласия товарищей, с которыми он вместе жил, именно с обоими Ивановыми, Александром и Дмитрием, и сообщая Кичиным и другими воспитанниками Петровской Академии, сообщается о том, чтобы этот шрифт уничтожили, потому что он совершенно не сочувствовал идее тайных типографий. То, что Малинин хотел уничтожить шрифт, доказывается тем, что все те лица, с которыми он совещался, подтвердили это.

Затем, когда Малинин и его товарищи стали сомневаться, начали предлагать, чтобы в организации, кроме тех целей, которые были известны всякому ему члену, идет разговор о каких-то других целях, о которых до них доходили неясные слухи, они решились разузнать о них подробнее и потом противодействовать обществу «Организация». С этой целью они для того, чтобы на сходках не принимались решительные меры, согласились расстраивать сходки таким образом, что раз не пойдут одни, другой раз другие. Мне кажется, из этих фактов ясно видно, — что первоначально цель общества не была известна Малинину и его товарищам, и затем, когда цели этого общества стали выясняться, они стали им противодействовать, и наконец Малинин хотел совершенно удалиться от них, уехавши с Саратова. Таким образом, кажется, ясно, что если Малинин принадлежал к обществу «Организация», то принадлежал к обществу «Организация», которая имела те же цели, которые обнаружены впоследствии и которые разделяли главные руководители или члены особого общества. Таким образом, я полагаю, что Верховный уголовный суд не может иметь убеждения в том, чтобы Малинин мог обвиняться в принадлежности к обществу «Организация», в которое он поступил, зная о тех преступных целях, которые объяснились впоследствии. Переходя ко второму пункту обвинительного акта, от которого Господин Министр Юстиции отступился в своей речи, я считаю себя обязанным войти и по этому пункту в некоторые подробности. Малинин обвинялся в знании о существовании другого общества, которое имело исключительно целью царубийство. На основании собственного показания Малинина, и в особенности на основании показаний, на которые ссылался обвинительный акт, которые собраны предварительным следствием, можно сказать только, что Малинин принадлежал к обществу «Организация». И что он слышал от Моткова, что, кажется, Ипатьевцы составили отдельное общество. Одним словом, Малинин знал одно только предположение, которое он слышал от Моткова, знания положительного никакого не было, чтоб он знал положительно, это делом не доказано. Как известно из судебного следствия, Малинин хотел удостовериться вместе со своими товарищами в том, что такое общество, о котором ему Мотков сообщал в виде предположения, действительно существует. Верховному уголовному суду известно, какие меры принимал он для того, чтобы добыть положительные сведения. Я не могу сказать, чтобы эти меры

были действительны, чтобы они разузнавали об обществе, как бы им следовало разузнавать, но во всяком случае Малинин принимал еще только меры для положительного узнания, следовательно, не знал. Затем, второе доказательство о знании Малинина об этом обществе есть показание Лапкина. В обвинительном акте сказано, что когда на 6-й неделе Великого поста Каракозов уехал в Петербург, то Малинин, Кичин и Лапкин разговаривали об этой поездке Каракозова через два дня после сходки и делали предположение, что Каракозов уехал для совершения покушения 4 апреля. Я полагаю, что Верховный уголовный суд оценит по достоинству всю несостоятельность показания Лапкина, и я не считаю нужным рассматривать показания Лапкина. Как известно: Каракозов уезжал в Великом посту из Москвы всего 1 раз, и именно он уехал на 3-й и на 4-й неделе Великого поста, а вернулся в Москву на Страстной неделе. Следовательно, никакого нет сомнения в том, что Лапкин не мог говорить Малинину о том, что Каракозов уехал снова на 6-й неделе, и говорить ему о преступном намерении Каракозова. Затем, Малинин никак не мог говорить, что Страден привез Каракозова из Москвы, тогда как известно, что Каракозов приехал в Москву один. И на мои вопросы, и на вопросы некоторых из господ членов, которые были предложены Лапкину для объяснения несообразности его показания, Лапкин сначала упирался на своем прежнем показании, но потом вспомнил и говорил, что он, вероятно, слышал, что, вероятно, разговор его с Малининым относится к более позднему времени на Осьминой неделе.

Третий пункт обвинения в подтверждение того, что Малинин знал об обществе «Ад», есть показание Александра Иванова. В обвинительном акте говорится, что, как только было получено известие 4 апреля, Малинин тотчас предположил, что это сделал Каракозов. Александр Иванов на вопрос в Верховном уголовном суде объявил, что он говорил о том, что было сделано предположение, что 4 апреля есть дело Каракозова, имея в виду себя самого, а никак не Малинина. Затем подтвердил то же самое Лапкин, который сказал, что он не помнит того, что Малинин сделал такое предположение.

Таким образом, вполне оправдываются показания, заключающиеся в обвинительном акте, которые были приведены в доказательство того, что Малинин знал о существовании общества с преступной целью царубийства, и я думаю, что все факты, которые не подтверждены судебным следствием, не могут послужить поводом к обвинению, будут оценены Верховным уголовным судом по достоинству. В обвинительной речи господина Министра Юстиции было сказано, что Малинин принадлежал к обществу «Организация», которой преступную цель он знал, и что на этом основании он должен быть подвергнут наказанию по 318-й и 250-й статьям, но в слабейшей мере; но, резюмируя то, что было мною сказано, я полагаю, что из всех фактов, которые я выставил перед судом, видно, что Малинин хотя и поступил в общество «Организация», но он вовсе не знал о тех преступных целях и что поэтому никак не может быть подвергнут наказанию, предусмотренному в этих статьях. Я снова должен повторить, что уже говорил при другой защите, 318-я статья неприменима к настоящему случаю; в 318-й статье положительно говорится о показании

членов таких обществ, которые имели цели вредные для спокойствия целого государства; я имел честь уже говорить перед Верховным уголовным судом, что общество, которому принадлежат все лица, предстоящие перед Верховным уголовным судом, что эти лица не могли бы нарушить спокойствие государства. Но я тем не менее вполне осознаю, что они преследовали в своих занятиях такие цели, которые не могут быть вполне оправданы; но эти цели, эти разговоры могут быть подведены под 319-ю статью, и Малинин, участвовавший в этом обществе, может быть по всей справедливости наказан по последнему пункту этой статьи.

ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 94–102 (стенографический отчет о заседаниях Верховного уголовного суда 12 сентября 1866 года).

Процесс 193-х (Дело о революционной пропаганде в империи)

Заявление присяжного поверенного Стасова относительно неправильности допроса по делу о революционной пропаганде в империи

Заседание Особого Присутствия Правительствующего Сената 25 ноября 1877 г. Производство следствия по 14-ой группе.

Допрос свидетеля Халтурина В.

Первоприсутствующий. Не передавал ли вам какую-нибудь книгу Ливанов? *Свидетель.* Он давал мне раз какую-то, но я не помню.

П. Не было ли это сочинение Бакунина?

С. Может быть, но я названия не помню.

П. Не говорил ли он о международном обществе рабочих?

С. Говорил, что существует такое общество за границей.

П. Как он объяснял цель этого общества? О цели этого общества как вам сообщал?

С. Говорил, что, кроме экономических целей, оно связывает рабочие классы.

П. Не указывал ли он, что некоторые члены этого общества участвовали в Парижской коммуне?

С. Говорил, но не помню.

П. Какие разговоры у вас с ним были по поводу Парижской коммуны?

Не говорил ли, что газеты продажны?

С. Говорил, что нельзя всему верить.

П. Не обещал ли он вам достать книгу, которая объясняла, какова в действительности была Парижская коммуна?

С. Кажется, что говорил.

П. И доставил он вам эту книгу?

С. Давал какую-то книгу.

П. Не была ли эта книга «Гражданская война во Франции»?

С. Не помню.

П. Не старался ли автор доказать, что дело коммуны есть дело всего человечества?

С. Кажется, так.

П. Действия коммуны отражались в ней ореолом величия?

С. Не могу всего припомнить.

П. Не помните ли, на заглавие этой книги выставлено имя автора?

С. Я не помню хорошенько. Помню, что на одной был заголовок: «Маркс, гражданская война», а на другой не помню.

П. Фамилию Бакунин называл?

С. Бакунин в разговорах встречался раньше, а чтобы книга была написана им, не помню.

П. Какое на вас впечатление произвели те книги, которые вам давал Ливанов?

С. Я читал книгу Маркса.

П. А других — о международном обществе?

С. Там исторические очерки излагались, как осуществить общество.

П. Не говорилось ли там о церкви, о мещанах, о собственности?

С. Да, там было это.

П. Какое все это впечатление на вас произвело?

С. Что говорилось дурно о чем-нибудь, то дурное.

П. Не говорил ли, что вы скоро свыкнетесь с этим мнением?

С. Не помню.

П. Не приводил ли он в пример себя в этом отношении?

С. Точно не помню.

П. Не советовал ли он прочитать «Что делать?»?

С. Точно не помню. Может быть, рекомендовал такую книгу.

П. Не давал ли он вам в рукописи читать что-нибудь? «Слово верующего к народу» не получал ли? А не читали ли Бакунина «Отщепенцы»?

С. Не помню, не знаю.

П. Эти книги были доставлены Александровскому?

С. Этого не знаю.

П. Не помните ли, что по поводу этого был разговор об «Отщепенцах»?

С. Не помню.

Присяжный поверенный Стасов.

Позвольте мне сделать заявление по поводу допроса свидетеля. Мы были уже много раз свидетелем того, как делается допрос, и, без сомнения, вам лучше известно, каким образом он должен делаться по уставу уголовного суда.

В уставе прямо сказано, что все заявления делаются устно, в том числе и допрос свидетелей; при этом, конечно, не указаны такие подробности, как должен производиться допрос. Но я не думаю, чтобы составители судебных уставов, которые руководствовались лучшими примерами заграничных судов, когда-нибудь предполагали, что допрос свидетелей может производиться таким образом, как делается это господином товарищем обер-прокурора.

Без сомнения, ни обвинителю — защитнику не воспрещается иметь заметки. Но ни в одном государстве и суде невозможно допрашивать свидетеля, взяв в руки подлинное дело и следя слово за словом.

Я не имею надобности указывать, как делается допрос свидетеля, но я убежден, что невозможно допустить, чтобы допрос, подобный настоящему, был идеалом уголовного судопроизводства, который имеется в виду судебными уставами.

Мне могут сказать, что всякий человек имеет право делать заметки. Но дело другое иметь заметки или подлинное дело и по нему допрашивать...

Первоприсутствующий. Это совершенно одинаково. Защита точно так же имеет весьма подробные заметки и даже копии с показаний самих подсудимых. Ваше заявление поэтому я считаю довольно неуместными. Если я нахожу, что допрос может так производиться, то значит, что он может так производиться. Затем, замечанием относительно порядка производства допроса мне...

Присяжный поверенный Стасов. Я оттого только заявил, что защита имеет право делать замечание по каждому действию, происходящему на суде.

П. Не говорил ли Ливанов что-нибудь о журнале «Вперед»?

С. Не помню.

П. Не было ли у вас разговора с Ливановым насчет Лассалья и Маркса?

С. Не помню.

Присяжный поверенный Стасов. Как вы записывали свои показания: сейчас после каждого вопроса или писали сразу все?

С. Все сразу.

Присяжный поверенный Стасов. Значит, после того, что вам диктовали, вы помнили вопрос?

С. Я сам писал без всякого напоминания.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 12–13.

Речь в защиту кружка Лермонтова

Господа судьи, по обвинительному акту кружок Лермонтова первый из образовавшихся кружков, по которому моя защитительная речь, следуя историческому ходу дела, должна была быть сказана очень давно, но я был поставлен в затруднительное положение вследствие досадных обстоятельств.

На суде мой клиент Лермонтов не хотел давать никаких показаний и просил об удалении его из зала заседаний. Почему это происходило, не стану распространяться, потому что об этом было много говорено в предварительных речах моих товарищей по защите и в особенности было выяснено присяжным поверенным Герардом. Я прибавлю к этому еще одно соображение, отчасти указанное присяжным поверенным Штукенбергом, который сказал, что часто многие из нас, являясь в дом предварительного заключения для первого свидания с подсудимыми, защита которых была нам поручена, находились далеко не в том состоянии, в котором можно было бы находить людей недавно заключенных; многие из нас находили их в ненормальном

положений, да это и весьма понятно, потому что человек, который просидел четыре года в тюрьме в одиночном заключении, не может быть в нормальном положении.

Я знаю, что эта причина действовала на многих подсудимых, может, она действовала и на Лермонтова, может быть, и заставляла подсудимых высказывать свой отказ в том или другом виде, который не мог быть одобрен нами. Так или иначе, но то же положение, которое было указано Штукенбергом по отношению к подсудимым, я мог бы указать и о других подсудимых. Они находились в состоянии ненормальном, вследствие заключенного положения и отчасти под влиянием этого физического неудобства они упорно отказывались от явки в суд, от защиты, полагая, что участь их уже решена и защита не принесет никакой пользы. Разумеется, мы как защитники не могли встать на эту точку зрения подсудимых и настаивали на том, что следует защищаться. Точно так же и я настаивал на том, что Лермонтов должен защититься. Я не мог допустить, чтобы суд не стал выслушивать с должным вниманием про то, что будет сказано относительно подсудимых, и наконец Лермонтов предоставил мне изложить его защиту пред вами. Это случилось весьма недавно, и потому моя защита является несколько поздней, но я думаю, ход дела от этого не пострадает. Хотя кружок Лермонтова поставлен вторым, но будет ли он рассмотрен третьим, четвертым, десятым, это все равно, потому что, в сущности, никаких кружков нет, а если кружков нет, то все равно, будет ли дело Лермонтова и его кружка рассматриваться в начале или в конце.

Подсудимый Лермонтов, как вам известно, обвиняется по двум пунктам: в принадлежности к тайному сообществу и в распространении книг преступного содержания. Посмотрим, на чем основывается первый пункт обвинения. Вот как формулирует обвинительная власть это обвинение. Обвинительная власть говорит, что Лермонтов в конце 73 г. устроил в Петербурге кружок, так показывает подсудимый Рабинович, затем Рабинович показывает далее, что хотя кружок этот образовался в 73 г., но Лермонтов принадлежал к кружку Чайковцев. По мнению обвинительной власти, кружок Чайковцев есть та зараза, от которой пошли все кружки. В подтверждение своего мнения, что Лермонтов принадлежал к кружку Чайковцев, обвинитель приводит показания подсудимых: Любавского, Городецкого и Рабиновича. Я не стану излагать пред вами те принципиальные вопросы, которые были изложены почти всеми защитниками, говорившими до меня, но мне придется коснуться одного такого вопроса. Подсудимый Любавский, по мнению обвинительной власти, показал, что Лермонтов принадлежал к кружку Чайковцев, разделял мнения Чайковского, но потом вследствие несогласий с Чайковским, вследствие того, что искал главенства, вышел из кружка. По моему мнению, об этом показании Любавского нельзя и не должно было бы вовсе говорить на суде. Почему? А вот почему. Если вы припомните, представитель обвинительной власти говорит, что все, что происходило на суде, для него не существует, — мы ведь сидим здесь два месяца на суде так себе, — для препровождения времени, что он все основывает на предварительном следствии, на основании которого составлен

обвинительный акт. Но так ли это? Надо посмотреть, чего же придерживается действительно обвинитель?

Обвинительный акт не может быть назван обвинительным актом, потому что он не соответствует требованию закона. Но встанем на точку зрения обвинения и предположим, что оно по крайней мере последовательно. Посмотрим, берет ли оно показания, которые были даны на предварительном следствии, и на них основывает свои заключения, или же берет акт дознания, или, наконец, оно верит и тем и другим. Хорошо, если оно согласно между собою, когда показание, данное на предварительном следствии, вполне подтверждает показание, данное на дознании, но что делает обвинитель, когда одно показание противоречит другому? В настоящем случае представляется такого рода обстоятельство: Любавский на дознании показал, что он слышал о том, что Лермонтов принадлежал к кружку Чайковцев. Можно было бы полагать, что он при этом не остался и это послужит основанием к указаниям обвинения. Но нет, на предварительном следствии Любавский вполне отказался от этого и отказался не пред вами на суде, он отказался раньше, и обвинитель должен был, чтобы быть последовательным, остановиться на показании предварительного следствия, между тем он не признает того, что Любавский показал на предварительном следствии. Любавский у судебного следователя вполне отказался от своего показания на дознании и сказал, что про Лермонтова ничего не знает. Между тем обвинитель показание Любавского на дознании внес в основу своего обвинительного акта и умалчивает о том, что Любавский отказался от него на предварительном следствии, а говорит, что это подтверждается показанием Городецкого. Городецкий действительно дал показание на дознании и подтвердил его на предварительном следствии. Но что же он говорит? Он говорит, что Лермонтов принадлежал к кружку Чайковцев. Очевидно, этого для обвинения недостаточно, тогда оно ссылается еще на третье показание и говорит, что Рабинович сказал то же самое. Но показания Рабиновича относятся к 73 году. Если бы обвинитель взял все эти три показания, сличил их между собою, пришел бы к тому выводу, который он сделал, — он был бы совершенно прав; но он этих выводов не мог сделать, а выхватывает одно из одного показания, другое из другого. Сделать общего вывода он не мог по очень простой причине, потому что все эти три показания друг другу противоречат. Любавский говорит, что кружок Лермонтова состоял из Филатова, Барсукова и др., но как это согласовать с показаниями Городецкого, которому также верит прокурор и который показывает, что кружок Лермонтова, как он слышал, состоял из Владыкина, Дриго и других. Очевидно, нельзя согласить одно с другим, надо верить либо тому, либо другому; оба относят кружок к 1873 г., оба друг другу противоречат — очевидно, оба они говорят неправду. Но, как сказано, имеется еще третье показание — показание Рабиновича. Рабинович представляется для обвинительной власти достоверным свидетелем, но он даже не говорит, что это был кружок, он говорит, что это было нечто вроде кружка, и называет опять других лиц. Словом, все три показания совершенно друг другу противоречат и нисколько не сходятся между собою, поэтому-то обвинительная власть выхватывает из них то то, то другое, то третье,

а между тем говорит, что следует верить показаниям, данным на предварительном следствии.

Таким образом, я говорю относительно первого пункта обвинения, что собранные улики никуда не годятся, обвинитель, кажется, сам с этим согласен, потому что говорит. А вот в подтверждение этого пункта, кроме показаний этих трех лиц, есть еще вещественные доказательства. Лермонтов был знаком с кружком Чайковцев, там напитался зловредным духом, был знаком с Ливановым, с Натансоном, Ободовской, имел с нею переписку. Что за личность Ливанов, нам неизвестно, по показанию «достоверного» свидетеля Низовкина, он принадлежал к этому же кружку, однако не предан суду — почему, неизвестно. Но если бы Ливанов и принадлежал к этому кружку и Лермонтов был знаком с ним, то это еще не есть доказательство какой-либо принадлежности. Кто такой Натансон? Нам также неизвестно, в деле он не фигурирует, суду предан не был. Обвинитель говорит, что знакомство это зловредно. Позвольте предположить, что Лермонтов был знаком с Орешко, разве это значит, что он принадлежал к сообществу Орешко. Знаком ли был Лермонтов с Натансоном, с Министром внутренних дел французским, разве это не все равно? Но обвинитель всякое знакомство ставит темою чего-то. Далее обвинитель говорит, что Лермонтов был знаком с Ободовской, а потому виновен. Правда, Лермонтов объяснил свое порочное знакомство и дружбу с Ободовской тем, что их соединял общий интерес, занятие народными школами, но тут, по мнению обвинителя, что-то не так, если сопоставить это с другими фактами, то выйдет другое. Какие же это другие факты? А вот какие. Два письма: одно от 4 мая, другое — от 12 августа 1873 г. На первом письме не было помечен год, но на следствии выяснилось, что письмо это писано в 1871 году, и вот в 71 г. Лермонтов сообщает Ободовской, что решил бы сделаться кузнецом или бочаром. В самом деле, какое это ужасное преступление! В 73 г. стал говорить, что принадлежность к народной партии заключается в том, что идут в народ, начинают заниматься каким-либо ремеслом, а Лермонтов уже в 1871 г. говорил, хорошо сделаться кузнецом или бочаром. Можно спросить: да отчего же ему не быть кузнецом или бочаром? Кто такой Лермонтов? Он крестьянин, что же преступно в том, что он сделался бы кузнецом или бочаром? Каким образом это желание, выраженное в 1871 г., может служить доказательством принадлежности к преступному сообществу в 1873 г., я объяснить не могу. Но обвинитель говорит: есть второе письмо. Посмотрим, что пишет Лермонтов в этом письме: «Пишите мне по адресу в Измайловский полк»; внутри конверта «Ор. Н». Письмо, кажется, ясное, Лермонтов собирался уехать из Петербурга, и письмо Ободовской, чтобы оно пришло ему по такому-то адресу, что же тут особенного? А что Лермонтов собирался писать, я это докажу впоследствии, но обвинитель видит в этом что-то особенное. Сопоставляя второе письмо с первым, которое Лермонтов писал, обвинитель говорит: «Такой способ переписки и желание сделаться кузнецом или бочаром вполне понятно ввиду показаний Рабиновича, по показанию которого Лермонтов говорил, что единственным способом выхода из существующего порядка заключается “в кровавой революции”». Но в письмах, во-первых, не только

«такого», но и никакого способа не выражается, и как ни вертеть эти письма, и если начать смотреть на них беспристрастно, без предвзятого взгляда, то увидим, просто пишет один знакомый к другому и никаких преступных намерений тут нет. Я указал уже, что желание Лермонтова быть кузнецом или бочаром не могло быть преступно; но обвинитель, кажется, находит, что Лермонтову не следовало делаться кузнецом или бочаром, потому что он знает его народным учителем; что это нехорошо, что Лермонтов за два года мог предвидеть, что случится в 73 г.? Но позвольте, сколько известно, лучшие учительские семинарии задаются тем, чтобы учителя не только учили грамоте, но занимались ремеслом и это ни где-нибудь за границей, — но у нас, и это не только в земских семинариях, но и в правительственных. Следовательно, и этот оттенок, который хочет набросить обвинительная власть на Лермонтова, совершенно исчезает и никаких доказательств виновности Лермонтова нет. Вот и все, что касается деятельности Лермонтова в первые две трети 1873 г. Правда, есть еще указание: будто в 72 г. Лермонтов рассказывал, что единственный выход из существующего положения возможен только путем революции. Это говорит про него Рабинович. В какой степени можно доверять показаниям Рабиновича и в какой степени верно то, что он говорил, я не знаю, но если даже и признать, что Лермонтов говорил, что из существующего положения нельзя выйти иначе, как путем революции, то это не указывает еще того, чтобы Лермонтов уже уговаривал самого Рабиновича выйти из существующего положения путем насильственным или как хорошо прибегнуть к подобному способу. Выходит, что даже и такой достоверный свидетель обвинения, как Рабинович, и тот не говорит в пользу обвинения.

Итак, я думаю, что если даже Лермонтов был знаком с Чайковцами, если он даже переписывался с Ободовской и говорил ей «ты», если и сообщал ей в 71 г., что хочет сделаться кузнецом или бочаром, то из этого все-таки нельзя вывести заключения, чтобы он принадлежал к кружку Чайковцев или чтобы в начале 73 г. существовал тайный кружок самого Лермонтова, искавший какие-нибудь преступные умыслы. Где был Лермонтов в начале 73 г., я не знаю. Но далее, по показаниям Рабиновича, вот что происходило. В 73 г., осенью, Рабинович поселяется на квартире Ковалика, тут же поселяется Лермонтов под фамилией Варуздина, здесь они сходятся ближе. Бакунин известен Лермонтову, летом он ездил за границу и познакомился с Бакуниным и, поселясь на квартире Ковалика, знакомит их с теорией Бакунина и предлагает Рабиновичу заняться перевозкой книг из-за границы. Вот показания Рабиновича — справедливы они или нет, я разберу их по частям. Во-первых, в начале августа Лермонтов здесь, затем уехал. Это доказывается несомненным документом — письмом его к Ободовской от 12 августа, о котором говорит и обвинение. Где находился Лермонтов позднее, об этом есть показания достоверных свидетелей: Зотова и Васюкова, которые говорят, что в конце августа и в сентябре видали Лермонтова в Одессе, говорили с ним и он просил доставить ему место учителя, хорошо поселиться в Одессе и приискивал средства к жизни, но ни тот, ни другой не могли ему ничего сделать. Один из них уехал в конце сентября в Москву, другой в Крым и, вернувшись оттуда, застал в ноябре или декабре

Лермонтова в Одессе. Следовательно, в начале осени, в августе и сентябре, Лермонтов положительно не был в Петербурге. Затем, есть показание Рабиновича о том, что Лермонтов жил у Ковалика, под фамилией Варуздина. Между тем оказывается, что это не совсем правда, чтоб не сказать, что совсем не правда. Оказывается, что в квартире Ковалика жил также Лазаревич. Что он показал? Он говорит, что жил у Ковалика два месяца или около этого в ноябре или декабре и Лермонтова там не было, Варуздина тоже не было. Да и действительно его там не было, но обвинительная власть утверждает, что Варуздин там был, на каком основании? А на том, Иван Бладзевич сказал, что видел Варуздина, а К. Бладзевич сказала, что слышала фамилию Варуздина. Да разве этого достаточно для того, чтобы сказать, что это есть то самое лицо, которое было известно под именем Лермонтова? Во время судебного следствия обвинитель предлагал через господина Первоприсутствующего вопрос Бладзевичу о Варуздине, но между тем вопрос о том, есть ли Варуздин и Лермонтов одно и то же лицо, — не предложил. Этого фактами не доказано, а, напротив, Лазаревич положительно говорит, Лермонтова и Варуздина у Ковалика не видел. О Лермонтове на квартире Ковалика говорит только Рабинович. Почему обвинительная власть ему поверила — не знаю, вероятно, так было удобнее. Но мне кажется, что свидетель Лазаревич заслуживает большего доверия. Таким образом, оказывается, что Лермонтов не жил на квартире у Ковалика в течение осени 73 года. Затем, является сомнительным и тот факт, о котором говорит Рабинович — учреждение Лермонтовым в Петербурге кружка, говорит, что, когда он познакомился с Лермонтовым, Лермонтов передал ему, в чем заключается теория Бакунина, рассказал о разных своих знакомых и стал уговаривать ехать за границу, за книгами, говоря, что знакомые ему агитаторы снабдят книгами, выходящими за границей. Рабинович согласился на поездку, но между ними было решено так, что один должен ехать через северную границу, а другой через южную, и в Берлине они должны были встретиться с Сажиным. Каким образом совершалась перевозка книг, это нам хорошо памятно из тех показаний, которые были даны здесь на суде и из речей защитников (подсудимых — Д. Л.) Эдельштейна и Сагина. Таким образом, говорит Рабинович, когда мы условились, то 5 или 6 ноября я отправился за границу, провел там недели две, затем вернулся и поселился в такой-то квартире, а через несколько времени вернулся и Лермонтов и тут и учредил кружок. Если верить показаниям Рабиновича, то выходит так: 5 или 6 ноября он отправился за границу, провел там недели две-три, время подошло к декабрю, Рабинович вернулся, затем немного после вернулся Лермонтов и тут же и учредил сейчас кружок, который состоял из Судзиловской, Лешерн, Ваховской, Милоглазкина, Лермонтова и его, Рабиновича. Следовательно, это совершенно другой кружок, а не тот, о котором говорили Любавский и Городецкий. Обвинитель говорит, что этот кружок состоялся под влиянием знакомств, которые были заведены Лермонтовым за границей, а также под влиянием знакомых, которые были заведены Судзиловской и Ваховской в Цюрихе, и вот, напитанный этими заграничными учениями, Лермонтов учреждает кружок, который сейчас же приходит к убеждению, что единственный выход из существующего

положения революция. Так говорит обвинительная власть и добавляет, что кружок Лермонтова придерживался теории Бакунина, организации без организации и т. д. Я спрашиваю, где мы имеем подтверждение показаний Рабиновича? Их нет, и между тем он обвиняет в таком важном преступлении, и ему верят на слово! Разве можно верить всякому слову? Если бы Рабинович пришел и сказал, что Лермонтов приготавлился делать фальшивые ассигнации, приготавливается убить кого-нибудь, неужели обвинительная власть так и поверила бы ему на слово, а не произвела бы расследования? Я думаю, что нет. А тут сказал Рабинович, что устраивается кружок, — ему и верят. Но обвинительной власти следовало бы придерживаться того, что она говорила не раз. Она говорила, что надо относиться к показаниям подсудимых с большей осторожностью, надо относиться критически к одному оговору подсудимых, если он не подкреплен доказательствами, верить нельзя. А между тем Рабиновичу доверяют вполне, верят ему на слово и на его показании основывают обвинение в таком важном преступлении. Но хорошо, Рабинович так сказал, будем ему верить, но посмотрим, однако же, что происходит.

Рабинович сказал, что устроился кружок под руководством Лермонтова, первое лицо, которое является членом кружка, есть Судзиловская. Мы видим, что показывала Судзиловская на дознании и на предварительном следствии. Она говорит, что осенью 73 года приехала в Петербург поступать на акушерские курсы, жила в Троицком переулке, потом поселилась у Ваховской. В одной квартире с ними жил Кокушкин, к которому приехал Лермонтов и познакомился с Судзиловской в половине декабря. Я ошибся, сказав, что Рабинович приписывал к кружку Лермонтова Ваховскую, это сказал сам обвинитель, а Рабинович поминает Лешерн, а не Ваховскую, но так как Судзиловская жила с Ваховской, то обвинитель не остановился на показании Рабиновича, он собственным соображением вывел, что, вероятно, и Ваховская принадлежит к этому кружку.

Если придерживаться указаниям обвинительного акта, то оказывается, что кружок был основан Лермонтовым в 73 г., в это время будто бы проникла в кружок теория Бакунина. Но из чего же видно, что кружок придерживался теории Бакунина, приводил где-нибудь, в чем-нибудь взгляды Бакунина! Никаких доказательств этого нет, нет даже намеков; обвинительная власть просто говорит, что кружок Лермонтова придерживался теории Бакунина, потому что Лермонтов рассказывал об этой теории Рабиновичу. Неужели если я буду кому-нибудь рассказывать о системе Косбе, то я уже и Косбетист? Неужели нет возможности рассказывать о какой-либо системе и не быть причисленным к последователям этой системы? Итак, по словам Рабиновича, кружок Лермонтова придерживался системы Бакунина, и мало того, кружок этот собирался на квартире Чернышова, и там дебатировались такие-то и такие-то вопросы, и кружок пришел к таким-то заключениям. Я невольно должен обратиться к тем указаниям, которые уже делали мои почтенные товарищи по защите, и указать, опираясь на законы, что если в обвинительном акте нет указаний на то, когда произошло то действие, в совершении коего обвиняется известное лицо, то это произведение не может быть названо обвинительным актом;

это, как сказал мой почтенный товарищ по защите присяжный поверенный Самарский, не есть обвинительный акт, а чисто произведение фантазии. Вот и я наталкиваюсь на такой случай. Обвинитель говорит, что в квартире Чернышова и Головина собирались сходки, что там кружком Лермонтова дебатировалось то-то и то-то. Когда это было, что представлял этот кружок — неизвестно, ответа на это в обвинении нет. Между тем вопрос этот очень важный, требующий точного разъяснения. Я прошу обратить внимание на то, что сама обвинительная власть утверждает, что кружок Лермонтова учрежден в 73 г., но невозможно спорить против того факта, что 4 января 74 г. Лермонтов был посажен в тюрьму, из которой не выходил до сих пор. Когда же бывали те сходки, о которых говорит Рабинович? В декабре, говорят, сплотился этот кружок, собирались сходки, на которых решали различные вопросы. Кто же решал? Я не буду опровергать того, что Рабинович, может быть, бывал на сходках, но кто же бывал там из кружка Лермонтова? Сам Лермонтов? Нет. Милоглазкин? Тоже нет. Сам Рабинович говорит только за себя, то пусть он и говорит за себя, Лермонтов тут не при чем. Затем далее, в доказательство того, что Лермонтов принадлежал к революционной партии, приводят то, что он вошел в сношения с разными людьми и с разными революционными кружками, рассеянными по всей России, и, в конце концов, для того, чтобы его кружок сплотился с остальными, по показанию Рабиновича, и были собрания, где решили устроить кассу, и таким образом члены кружка Лермонтова вошли в сношения с представителями других кружков. На чем же все это основано? Говорят, как же, Лермонтов был знаком с Волховским. То, что он был знаком с Волховским, Лермонтов никогда не отвергал <...> из этого, разве Волховский принадлежал к какому-нибудь кружку? Затем, говорят, Судзиловская член кружка, через нее кружок Лермонтова вошел в сношения с Волховским. Из обвинительного акта вы видите, что Судзиловская познакомилась с Волховским только в марте 74 г., каким же образом кружок Лермонтова мог войти в сношения с Волховским в декабре 73 г., когда сама Судзиловская познакомилась с ним в марте 74 г., а в это время Лермонтов был уже в тюрьме. Говорят еще, что Лермонтов был в сношениях с киевским и харьковским кружками, посылал туда Рабиновича. Мы спрашивали оба эти свидетельства у Дилевского, который сказал: я Лермонтова не знаю и Рабиновича не видел, и ко мне никогда не приходил Рабинович. Таким образом, исчезает связь с Харьковом. Далее утверждают, что Рабинович был послан в Киев к Судзиловскому и Макриевичу. Что касается до Судзиловского, то мне кажется, еще не точно было доказано профессором Таганцевым, в какой степени он принадлежал к киевскому кружку. Что же касается до принадлежности Макриевича к киевскому кружку, то, вероятно, тут вышла путаница, и не тот же это самый Макриевич писатель, о котором говорит уже защитник Марии Шавердовой. Но посылал ли еще Лермонтов Рабиновича к Макриевичу, факт этот констатирован. Обвинительная власть могла бы сделать совсем другое: у нее были весьма достоверные свидетели, но какие? Это именно: Ларинов и Гарипов, но обвинитель их по этому поводу не спросил.

Таким образом, все сношения кружка Лермонтова с русскими революционерами ничем не доказаны, так последуем за этими рассуждениями обвинителя и спросим: хорошо, вы говорите, что Рабинович находился под гнетом других, но разве вы доказали, что ранее не было гнета и с другой стороны? Если вы думаете, что Рабинович такой воск, что на него всякий может действовать, то, следовательно, на него могли действовать и с другой стороны. Обвинитель говорит, что Рабинович, прежний, вполне достоверный свидетель, что все подсудимые показывают недобросовестно и это объясняется тем, что они следуют системе Бакунина, нашедшей явно представителей в князе Кропоткине и Ткачеве, которые говорят, что «в отношении друг друга вы должны быть честны и правдивы, а что касается до правительства, вы должны врать, лгать и т. д.». Я не могу разделять этого взгляда представителя обвинения и думаю, что и вы, господа судьи, с таким выводом не согласитесь. Если мы знаем, что Кропоткин написал такое сочинение, то где доказательства того, что этой системы придерживались все подсудимые, или где доказательства того, что подсудимые придерживались системы Ткачева, о котором у нас в течение процесса и речи не было, так как в деле нет никаких намеков о Ткачеве, ни одного экземпляра его книги. Где доказательства того, что сочинение Кропоткина было даже известно кому-нибудь из всей массы подсудимых или чтобы все они разделяли его мнение? Если же обвинитель придерживается такого мнения, что системе Кропоткина следовали все подсудимые, то, чтобы быть последовательным, почему он не предполагает, что этого же мнения придерживается и Рабинович, и если так, то что же окажется? Припомните, что говорил обвинитель относительно Рабиновича. Он говорил: Рабинович молодой человек, способный, он был под влиянием дурных примеров и т. д. Но в действительности было вот что. Рабинович сначала не давал никаких показаний, а затем, когда он просидел несколько времени в заключении, являются письма его к уважаемому им господину Меркулову. Я полагаю, что они действительно характеризуют Рабиновича. Он пишет: «Обессиленный и разбитый одиночеством и болезнью, я умираю с каждым днем от страшно убийственного воздуха». Он надеется, что ради его молодости и болезни ему окажут снисхождение. В другом письме к тому же прокурору, через несколько дней, он пишет, что «хочет спасти свою жизнь, свое страшно расстроенное здоровье, я умираю среди этой убийственной обстановки медленной смертью». Не знаю, какова была эта обстановка, была ли она случайная или нет, но далее он просит: «Бога ради позвольте мне открыть форточку, я умираю, я не могу выносить отсутствие воздуха».

Ввиду таких обстоятельств или такой обстановки, я полагаю, что если и не было гнета внешнего со стороны лиц, производивших дознание, то гнет такой обстановки мог подействовать гораздо скорее на человека молодого, чуть не ребенка, который жаждет жить, жаждет выйти на волю. После этого можно ли доверять вполне всему тому, что говорил тогда Рабинович? Можно ли верить всякому показанию, которое дано под угрозой того, что если вы скажете то-то и то-то, будете выпущены на волю, а если нет, сидите. Припомните показание свидетеля Митрофанова, когда его спросили здесь:

почему прежде показывал не так? Он сказал, что рад был показать, что хотели, лишь бы выпустили на волю, потому что у него была старушка мать, жена, трое детей. Разве Рабинович был не в таком же положении? Если же Рабиновичу нельзя доверять, то вы не можете признать того, чтобы Лермонтов участвовал в том преступлении, которое на него возводит Рабинович. Я приведу еще одно соображение. Рабинович здесь на суде отверг свое показание. Представитель обвинительной власти говорит, вообще, что показаниям подсудимых, данным здесь, на суде, верить нельзя, а потому нельзя верить и показаниям на суде Рабиновича. Но почему нельзя? Если Рабинович давал свои показания под влиянием того гнета, о котором я говорил, почему же не можете допустить, что он говорил тогда о Лермонтове так потому, что Лермонтов мне ничего не мог сделать, и я его не боялся, а чтобы меня подговаривал действительно возить книги, но тогда я боялся показать, опасаясь его лично. Из всех показаний Рабиновича нельзя не прийти к выводу, что его показания такого рода, что к ним нельзя относиться иначе, как с недоверием. Я не сомневаюсь, главный судья, что вы отнесетесь к Лермонтову вполне беспристрастно.

Хотя представитель обвинительной власти, кончая свою речь, разделил обвиняемых на две группы, к первой причислил 19 человек. Деление это основано на свойствах лиц. Вчера профессор Таганцев указал в своей речи, что такого рода деление немыслимо; невозможно по свойству лиц преследовать, определять большую или меньшую степень преступности, как нельзя видеть большую степень виновности в том, что некоторые лица, как, например, Козачек, Добровольский, Кадьян, состояли докторами; точно так же нельзя причислять к более преступным и Лермонтова на том основании, что он народный учитель. Эти люди, говорит прокурор, пользовались своим привилегированным положением, развращая юношество, обманывая народ. Но прокурор ничем не доказывает, что Лермонтов эксплуатировал свое положение народного учителя, ничем не доказал грань развращения народа, пользуясь своим положением учителя; да и доказать этого он не мог бы, потому что Лермонтов хотя и носил звание народного учителя, но учительством еще не занимался. Поэтому я просил бы вас, господин судья, слова господина прокурора выкинуть из вашей памяти совершенно, а так как против Лермонтова нет никаких доказательств его виновности в чем бы то ни было, то признать его от суда свободным.

Я позабыл еще упомянуть об одной теме против Лермонтова: это о письме, найденном на нем при его арестовании — письмо Духовского к Милоглазкину. Письмо это, по мнению обвинителя, доказывает, что Лермонтов занимается распространением книг. Но из содержания этого письма у Лермонтова вряд ли можно сделать подобный вывод. Письмо это могло попасть к нему случайно, но главное обстоятельство тут то, что и Духовскому книги были отправлены в феврале или марте 1874 г. Т. е. тогда, когда Лермонтов сидел уже в тюрьме и, следовательно, не мог послать книги, о которых идет речь в письме.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 140–146.

Речь в защиту пензенского кружка

Господа сенаторы и господа сословные представители, многие из моих почтенных товарищей разбирали весьма подробно множество улик, относящихся к каждой из групп, которые они защищали, но я думаю, что мне не придется в такой подробный разбор относительно пензенской группы, к которой причислен подсудимый Ареопагитский. Мне не придется разбирать свидетельские показания каждое порознь, потому что большинство их так однообразно и они так повторяются почти стереотипно, что в вашей памяти, вероятно, осталось общее представление всего того, что относится до этой группы. Я думаю, если мне удастся повторить пред вами в общих чертах, что показывали свидетели, относящиеся до пензенской группы, то вы убедитесь, что никакого пресловутого пензенского кружка или общества не существовало, что подсудимый Ареопагитский не принадлежал ни к какому пресловутому сообществу и что, затем, Ареопагитский по этому пункту будет признан совершенно свободным от суда.

Прежде нежели приступить к рассмотрению показаний по этой пензенской группе, я должен коснуться несколько той исторической части тех фактов, которые представлены представителем обвинения в обвинительном акте для того, чтобы перейти к тому, что относится до кружка, к которому будто бы принадлежал Ареопагитский. Обвинительная власть начинает расследование о пензенском кружке таким образом. В конце 1873 г. в Городищенском уезде жил Войнаральский. Перед этим он был знаком с несколькими жителями города Пензы: с Каменьским, с Тушинскою, которым передавал разные книги. Затем через Тушинскую, когда он ездил в Петербург, познакомился с Судзиловской и т. д. В начале 1874 г. Войнаральский должен был получить наследство и уехал в Москву. Перед отъездом в Москву, как говорит обвинительная власть, он хотел завести себе единомышленников в Пензе и для того, чтобы завести единомышленников, вот что он сделал — он просил Каменьского взять к себе его книги и раздавать их, кому найдет нужным. Каменьский согласился. Вот это и есть тайный признак к образованию тайного общества. Затем, второй признак к образованию кружка заключается в том, что Войнаральский нанял у Цибешевой в Пензе квартиру, для того чтобы подсудимый Рогачев, который жил у него под именем Орлова письмоводителем, мог у нее останавливаться. Третий признак заключается в том, что Войнаральский нанял в одном селе лавочку, где торговала Судзиловская. Вот три признака, которыми начал Войнаральский свою революционную деятельность.

О Каменьском я говорить не стану, точно так же как не буду говорить о Судзиловской и других лицах, которые причислены к пензенской группе, так как их защитники выскажут вам свое мнение относительно их участия в этом деле, я должен приступить специально к рассмотрению того кружка, к которому, по мнению обвинительной власти, принадлежал подсудимый Ареопагитский. Рогачев, когда приехал к Войнаральскому в конце 73 г. и устроился в 74 г. на квартиру у Цибешевой, познакомился с семинаристами и гимназистами и начал совращать молодежь на тот путь деятельности, которая ему казалась

хорошей. Вот эту-то группу молодежи и предстоит мне очертить перед вами; мне придется повторять вещи, которые всем хорошо известны, но без этого обойтись я нахожу невозможным.

Вы очень хорошо знаете, что такое учащаяся молодежь; все мы были в разных заведениях, закрытых и незакрытых, очень хорошо знаем, как живет эта учащаяся молодежь. Живя в заведении, учащиеся сходятся в кружки с такими лицами, которые им более симпатичны. В этих кружках говорят, толкуют, сообщают друг другу самые обыкновенные, самые сокровенные идеи, разбирают все, судят, рядят о всевозможных предметах, которые приходят только человеку в голову, толкуют обо всем: о религии, о нравственности, о государстве, о правительстве, о правителях, словом, нет предмета, о котором бы в таких кружках не говорили. Говоря об училищной жизни, такого рода общих вопросах, нет возможности не касаться и тех предметов, которые ближе всего соприкасаются с нами. Все то, что нас интересует, естественно составляет и жизнь молодежи, работу их мысли; все, что приобретается лучшего во время училищной жизни, приобретается, конечно, от этих толков, от этих разговоров, от разбора всего того, что каждому приходит в голову. Живя мыслию, весьма естественно наталкиваться на такого рода мысли, которые невольно ставят в тупик, не знаем, как разъяснить их, кому сообщить, разумеется, сообщить их самому близкому товарищу. Если привык жить мыслию, то весьма естественно наталкиваться на такие мысли, на целый ряд предметов, о которых, по мнению господина товарища обер-прокурора, не следовало бы и мыслить; то, что с каждым из нас было, что каждый из нас переживал, без сомнения, повторялось и в Пензе; без сомнения, вся эта молодежь сходилась в кружки, сходилась, говорила, читала, думала. Всякого рода прения, совещания, сообщения, происходившие между товарищами, гимназистами и семинаристами, так естественны, что избежать их невозможно. Работа мысли была, есть и будет, везде и всюду, то, что было в 70 г., продолжалось в 73 г. и продолжается и теперь, то, что было во всей России, было и в Пензе. Бывают моменты, когда человеческая мысль работает меньше, но бывают моменты, когда человеческая мысль больше возбуждена, тогда она и работает больше. Мой почтенный сотоварищ защитник Сидорацкий указал уже вам, что момент такого возбуждения мысли был во всей России в начале 70-х годов. Тот поворот идей, о которых говорил он, очерчен им совершенно правильно, совершенно верно, на этом останавливаться я не буду. Я уверен, что вы признаете правдивость этих сообщений.

Нельзя не признать, вследствие таких реформ, которые были подняты и произведены в 60-х годах, первый вопрос, который вслед за этим поднялся, о котором заговорило общество, был вопрос крестьянский и все то, что с этим вопросом тесно связано. Заговорили о наделе крестьян землею, об общинном владении, о податях и т. д. Вопрос о самоуправлении был одним из самых важных в числе этих вопросов. Когда касается таких серьезных вещей, как вопрос об общинном владении, самоуправлении, то является масса мыслей, соображений, которые так тесно между собою связаны, что обойти их невозможно. По мнению г. г. прокуроров, эти мысли преступны, их нельзя касаться,

но как сделать, чтобы не касаться извечных вопросов, чтобы какие-нибудь мысли не приходили в голову. Это похоже на то, что говорят многие педагоги: юноши должны заниматься хорейми, Ксенофонтами и Горациями и ничем более. Говорить так хорошо, но жить так невозможно, невозможно сказать: мы будем делать так, а вы не должны, вы люди, не достигшие 18–20 лет, вы не можете говорить так, это вам не предоставлено еще, вы сидите в школе. Есть ли, однако, такая возможность поставить стену и говорить, что молодежь должна думать по этой стороне стены об одном, а мы будем думать по той стороне о другом. Коль скоро один человек думает о чем-нибудь ему близком, то и сосед его будет думать скоро о том же. А потому совершенно естественно, что если общество чем-нибудь занято, то и молодежь будет думать о том же, чем занимается общество, тем будут заниматься и его молодые члены, мы имеем и в настоящее время тому примеры.

Что нас занимает в настоящее время более всего? Война, все то, что касается войны, обстоятельства ее счастливые или несчастные, — все общество занимается этим, этим же занимается и молодежь, и нет возможности заставить ее не заниматься этим. То же самое было и в 70-х годах: все общество занималось крестьянским вопросом, вопросом о крестьянском положении, о составлении уставных грамот, о наделах, выкупе, пользовании землею, податях и прочем. Весьма естественно, что этим же занималась и молодежь, да и не могла этим не заниматься; ее к этому так же влекло и влечет, как и каждого из нас. При этом надо иметь в виду, почему молодежь занимается горячо всем тем, что волнует общество. Мы можем рассуждать хладнокровно о вопросах в высшей степени животрепещущих, горячих, молодежь живет, восприимчивее нас, кровь в ней кипит больше чем в нас; поэтому она и больше увлекается, больше занимается. Кроме того, читать постоянно Вергилиев да Ксенофонтов хоть кому надоест, каждый хочет и узнать и почитать того, что ему не дают. Мне не дают истории, я буду читать ее, мне запрещают политическую экономию, ею-то именно я и буду заниматься. Это так естественно, что и говорить об этом не стоит. Все то, что занимало общество и будет занимать его, будет всегда интересоваться и молодежь.

Вот посреди такой обстановки, когда вопросы политические, социальные занимают, можно сказать, всю Россию — эти же вопросы занимают и всю пензенскую молодежь, и гимназистов и семинаристов. Является в эту среду Рогачев-Орлов, является и знакомится с этой молодежью. Я не стану утруждать ваше внимание подробным изложением того, как он с ними познакомился. По мнению обвинительной власти, когда он является в Пензу, то начинается его знакомство с этими молодыми людьми для составления революционного кружка, с целью пропаганды. Доказательством того, что этот кружок проводился, служат, по мнению обвинительной власти, те шесть сходов, о которых изложено в обвинительном акте. Если вы вспомните, что такое были эти сходы, что показывали о них все свидетели, которые о них говорили, то к чему мы должны будем прийти? Приходит один семинарист к другому и говорит: вот приехал человек, который рассказывает очень интересные вещи, пойдём. Таким образом, состоялась сходка у одного, так же было у другого,

то же были сходки в засеке. На всех этих собраниях были одни и те же лица, понятно почему: если есть у меня приятели, я пойду гулять с ними, а не с посторонними. На том основании, что на сходках все бывали одни и те же лица, господин обвинитель и говорит, что было общество, состоявшее из Каменьского и других молодых людей: Доброва, Кртонова, Ареопагитского, Сабелькина и Покровского. Одни и те же лица были на первой сходке, они же были на второй и на третьей, всегда приводятся одни и те же фамилии, только в другом порядке. Сходились все приятели, учащиеся в одних и тех же заведениях, все гимназисты и семинаристы, из неучащихся включен в этот кружок только один Каменьский. Вот зерно того кружка, о котором говорит обвинитель.

Что же происходило на этих собраниях, что делали эти молодые люди? Что делал на этих собраниях Рогачев? На первой сходке читали статью Чернышевского, на второй тоже Чернышевского или Добролюбова и т. д. Свидетели говорили, что на сходках читались все вещи незапрещенные. Что же далее делал Рогачев на этих сходках? Иногда по прочтении излагал устно то, что прочитал, анализировал статью, говорил о людях забытых, о том, как им живется, о том, что нужно выйти из этого положения; что выйти из этого положения можно тройным путем — путем школ, ассоциации и революции. Рекомендовал ли он выйти из этого положения иначе, как путем революции? Нет, никогда. Он говорил: вот такие-то авторы указывают, что есть такие-то выходы. Два, три свидетеля показывают, что он говорил, что революция путь хороший, но когда их спросили, рекомендовал ли он путь революции, они ответили: нет. Один из свидетелей, Семенов, сказал, что Рогачев говорил, что путь революции не годится, что не следует избирать его. Правда, когда он говорил это, господин прокурор заметил, что на предварительном следствии он говорил другое, но свидетель объяснил, что он этого не говорил, а подписал потому, что его заставили так подписать. Угодно — верьте этому свидетелю, угодно — нет, это дело вашей совести, господа судьи.

Вам и нам хорошо известен процесс отбирания показаний на дознании и предварительном следствии по настоящему делу, а потому нет ничего удивительного, если показание, которое свидетель дает пред вами, не согласено с теми, которое он давал на следствии. Если на дознании человека заставили подписать о том, что он думал, что он слышал, то весьма трудно, чтобы при следствии он говорил другое; здесь же свидетель говорит, не стесняясь, ничего не опасаясь. Из показаний одного из несчастных, умерших подсудимых, из показаний Сабелькина, видно, что Рогачев не настаивал на том, чтобы избран был революционный путь; он говорил о том, что положение крестьян дурно, что положение это очень тяжелое, что нужно помочь им выйти из этого положения; что положение крестьян тяжелое, в этом никто не сомневается, и, я думаю, никто из членов Особого Присутствия не согласится с тем, чтобы положение крестьян было хорошо. Рогачев говорил, что самое большое несчастье в том, что между крестьянами мало грамотных. Вы, молодые люди, зачем хотите кончать курс в университетах, вам нужно ближе сойтись с народом, скорее помочь ему. Но ведь совершенно верно то, что хотя у нас и много

образованных людей, но грамотность весьма мало распространена в народе. Рогачев говорил: «Вы, может быть, со временем будете учителями, а могли бы приносить народу пользу уже и теперь. Народу нужно не высокое образование, а нужно пока первоначальное знание. Необходимо, чтобы не было той пропасти, которая существует теперь между образованным классом и народом; для народа лучше, чтобы были учителями хоть гимназисты, кончившие курсы, но теперь, сейчас, нежели дожидаться когда-то, чтобы эти гимназисты, кончив курсы в университете, сделаются его учителями». Говорил ли он тут что-нибудь новое? — Нисколько. То, что он говорил, есть несомненная аксиома. Если он говорил, что желательно, чтобы не было разницы между образованным классом и народом, чтобы разница эта сгладилась, то ведь это же самое утверждает целая школа, целая партия, которая ни в каком случае не может считаться революционной. И так Рогачев говорил, что помочь сгладить огромное расстояние между классами могут молодые люди. Вот что он говорил на этих сходках. Господин обвинитель утверждает, что он говорил не только это, но и то, что нужно революционное давление, что оно полезно, что он сам принадлежит к революционному движению и что некоторые члены кружка тоже к этому стремились. Но если Рогачев даже и говорил это, то ведь огромная разница между тем, говорил ли это один человек, или говорили это же и его слушатели. Вопрос не в том, что говорил Рогачев, а в том, что говорили молодые люди, составившие будто бы пензенский кружок, что говорил Ареопагитский? Ни один из свидетелей не говорит, что Ареопагитский или кто-либо другой из пензенской молодежи принимал то, что говорил Рогачев. Все говорят только, что Ареопагитский бывал на сходках. Да, он бывал, но что же он там говорил? Ничего, он вообще молчалив и на сходках ничего не говорил, а только слушал. Но, говорит обвинитель, мало того, что он принимал все, что говорил Рогачев, он еще усвоил себе учение Бакунина. Из чего же видно, спрашиваю я, чтобы Ареопагитский или кто другой из этого кружка товарищей усвоил себе учение Бакунина? Этого ровно ни из чего не видно. Можно понимать, когда прокурор, утверждая, что такой-то кружок усвоил учение Бакунина, представляет в подтверждение этого достаточные, по его мнению, доказательства, например, когда он говорит, что кружок Ковалика придерживался теории Бакунина и в доказательство этого приводит, что Ковалик избрал шифр. Но относительно пензенского кружка вообще и Ареопагитского в особенности и таких доказательств нет.

С Войнаральским он знаком не был, но слышал, что Войнаральский находится под опалою правительства и был выслан за что-то, что это был человек, сделавший много добра для учащейся молодежи, в чем Ареопагитский сам убедился. Раз пришел к нему покойный Сабелькин и сказал: «Пойди к Войнаральскому, он нуждается в твоём свидетельстве». Ареопагитский не хотел сначала идти, потом, однако, пошел. Для чего Войнаральскому нужно было это свидетельство, он не знал. Когда он пришел к Войнаральскому, тот стал просить дать ему свидетельство. Ареопагитский сначала боялся дать это свидетельство, но когда узнал, что Войнаральский хотел ехать в Москву, то, припомнив, что лицам, находившимся под надзором, запрещен выезд

в столицу, он дал свой паспорт. А Войнаральский обещал его возвратить, и вот этот факт положен господином прокурором в основание обвинения Ареопагитского в принадлежности к тайному обществу.

Но кроме этого еще важный факт: Ареопагитский, говорят, сам признал, что принадлежит к тайному сообществу. Я опять-таки прошу вас вспомнить, что говорил подсудимый на суде. Он говорил то же самое, что говорили и многие другие подсудимые. Его спрашивали на допросе: принадлежите вы к тайному сообществу? — Нет, не принадлежу.

— Вы знакомы с такими-то лицами?

— Да, знаком.

— Читали такие-то книги?

— Да, читал.

— Как же вы говорите, что не принадлежите к их кружку?

— Ну, принадлежу, но это кружок товарищей, которые между собой собирались.

— А что там говорили?

— Говорили о разных вещах, дозволенных и недозволенных.

— Если вы говорите, что там говорили о разных вещах, дозволенных и недозволенных, то, разумеется, вы принадлежите к тайному обществу.

— Если это есть тайное общество, то я к нему принадлежу.

Вот вследствие этого показания — они говорят — признал себя принадлежащим к тайному обществу. Мне кажется, показанию Ареопагитского нельзя не верить. Между показаниями, данными на следствии и на суде, нет разногласия, а есть только разъяснение, которое так естественно, так правдоподобно, что иначе взглянуть на такого рода факт нельзя — никакого тайного сообщества не было, это ясно. Были собрания молодежи, которая говорила о разных вещах, дозволенных и недозволенных, читала книги разные.

Чем доказал обвинитель, чтобы те молодые люди, которые принадлежат к пензенской группе, придерживались указываемой им теории? Ничем. Кроме того разве, что читали запрещенные книги, читали журнал «Вперед» и т. п. Но, возможно, если мы читаем философию Гегеля, то мы гегельянцы, если читаем Канта, то сделались уже приверженцами Канта. Невозможно же утверждать, чтобы те книги, которые ходили между молодежью, имели такую силу, такое значение, что всякий, кто прочтет какую-нибудь из них, непременно подпадает заключающемуся в них учению или теории. Господин прокурор этого, я полагаю, ничем не доказал, как не доказал и большинства тех положений и утверждений, которые рассеяны в обвинительном акте.

Описывая сходки, господин прокурор говорит, что они посещались постоянно членами кружка, но кто же сказал, что молодые люди, бывавшие на этих сходках, были члены известного кружка? Никто. Это мы прочитали только в обвинительном акте. Но никто из лиц, говоривших о лицах, составлявших кружок товарищей, не называет их членами революционного кружка. Господин прокурор, задавшись известного рода идеею, впрочем, не выведенною из фактов, старается проводить ее, хочет убедить, что есть кружки и есть члены. И потому каждое лицо, живущее в Пензе, знакомое с другим лицом,

где бы оно ни встретилось, в квартире его товарища, в гостях ли, на гулянье ли, называется уже вследствие своего знакомства членом кружка. Таким же членом был и Ареопагитский. На него взводят два обвинения: обвинение в принадлежности к тайному сообществу и обвинение в распространении книг преступного содержания.

Что касается до обвинения в принадлежности его тайному сообществу, то других доказательств, кроме того, что он бывал на товарищеских сходках, также не представлено; чтобы он что-либо предпринимал или делал, доказательств этому также нет никаких. К числу же улик, выставленных прокурором, принадлежат следующие три факта: Ареопагитский — говорит обвинение — был знаком с Войнаральским и передал ему свой паспорт. Если вы припомните, что говорилось об этом факте на суде, то придете к совершенно другому заключению, нежели пришел прокурор. На судебном следствии Ареопагитский объяснил следующее: что с Войнаральским читали книги, позволенные и непозволенные, но где же тут тайное общество? Когда я читаю что-либо интересное, то, разумеется, даю это прочитать и товарищу и даю это без всякого особого намерения, не имея целью распространять что-либо запрещенное. А между тем на основании подобных фактов, постоянно встречающихся, Ареопагитский обвиняется в распространении запрещенных книжек — это обвинение основано опять-таки на показании, данном самим Ареопагитским на следствии. Его спрашивали: «Распространяли вы книжки?». Он говорит: «Кажется, дал Морозову журнал “Вперед”». Спрашивают Морозова, тот говорит: «Не получал», и это же самое Морозов показал здесь перед вами. Так как по этому предмету никаких улик против Ареопагитского нет и не было, он мог, по моему мнению, совершенно основательно сказать перед вами: «Я показал это так, потому что мне казалось, что я Морозову давал книгу. Я взял книгу от Доброва и мне показалось, что я дал и Морозову». Я не могу не согласиться с господином товарищем обер-прокурора, когда он, отказываясь от обвинения Леонтьева и Прокофьева в распространении книг, говорит, что из дела не видно злоумышленного распространения. Мне кажется, это же самое соображение должно было бы быть применено и к Ареопагитскому. Если бы даже и была доказана передача книги товарища товарищу, то и тогда эта передача не может считаться злоумышленным распространением книг преступного содержания.

Я думаю, господа судьи, вы будете согласны с моими доводами, а не согласны с господином товарищем обер-прокурора и признаете Ареопагитского невиновным, как по первому, так и по второму пункту обвинения.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 35–39.

Речь в защиту самарского кружка

Теперь я перехожу к защите тех лиц, которые отнесены прокурором к группе самарской. Мне кажется, что все то, что я говорил по отношению к группе пензенской, в значительной степени должно быть применено

и к группе самарской или, по крайней мере, к тем лицам этой группы, которых я должен защищать. Если вы изволите припомнить, все эти лица, отнесенные к группе самарской, причислены к кружку Городецкого. О кружке Городецкого в обвинительном акте говорится следующее. Кружок Городецкого возник в 72 и 73 г. в среде гимназистов самарской гимназии. В состав его вошли следующие лица: Городецкий, Осташкин, Филадельфов, Осипов и Чернышев. Кружок этот занимался сначала тем, что читал разные книги, писали сочинения, составляли разные рефераты. Так было до 73 г. Затем, говорит обвинитель по показанию Льва Городецкого, в 73 г., в начале, в мае месяце, этот кружок принимает противоправительственное направление. В чем заключается это противоправительственное направление? В том, что этот кружок начинает читать недозволенные книги — ничего другого там не происходило, и осенью Городецкий вместе с Чернышевым и Бухом едет в Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений. Чернышев поступает в Академию, а Городецкий не поступает, рыскает по Петербургу, знакомится с разными молодыми людьми, входит в сношения со студентами, бывает то там, то сям. И вот тут-то, как говорит обвинительная власть, при посещении разных кружков, Городецкий окончательно усваивает себе революционное направление и устраивает свой собственный кружок, в котором обсуждаются разные вопросы. Городецкий ничего не делает, ничем не занимается, кроме посещения разных сходок. Что делалось на этих сходках, я повторять не стану, потому что вы это много раз слышали. Вот в кружке этих знакомых осенью 73 г. появляется сочинение Бакунина. Вся молодежь набрасывается на эти сочинения, всем хочется знать, что тут написано, что пишут русские, живущие за границей. Сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще. По поводу их происходят споры: одни соглашались с прочитанным, другие не соглашались, ничего не решают. Так происходило дело во всех кружках, так было и тут. Я полагаю, что дело так представится всякому человеку, который придет в такое собрание без предвзятой мысли. На таких сборищах обыкновенно говорят, кричат, друг друга не слушают. Когда появились сочинения Бакунина, споры оживились, стали высказывать резкие вещи.

Вышло ли что-нибудь из этого? Ничего. Кружок этот все-таки ничего не делал. Я говорю это не потому, что так думаю, но потому, что это же самое сказал и представитель обвинительной власти в заключительной своей речи. Он говорил, что деятельность самарцев в Петербурге «ничем не проявилась». Одним только проявил Городецкий свою деятельность — послал сочинения Бакунина своему товарищу в Самару, послал он эти сочинения, как вещь интересную. Итак, кроме того, что я сказал, в кружке самарцев ничего не происходило. У Городецкого были разные знакомства, но этого обстоятельства, я полагаю, разбирать не стоит, потому что вы, я думаю, убедились, что знакомства, которые служат у господина прокурора уликою в принадлежности к тайному сообществу, сами по себе ничего не доказывают. Излагая, однако, историю самарского кружка, когда он появился в Петербурге, господин прокурор сослался на один факт, по поводу которого у нас возникли пререкания на судебном следствии. Он говорит, что, наконец, все решились сплотиться

с другими кружками и для того, чтобы сплотиться, устраивают кассу. То собрание кружков, на котором будто бы была учреждена касса и произошло сплочение кружков, состоялось, по показанию подсудимого Рабиновича, в мае 74 г. О показании Рабиновича относительно этого собрания я уже говорил, когда разбираю деятельность кружка Лермонтова. Рабинович говорил, что на этих собраниях были представители разных кружков: была Ободовская, Паевский, Каблиц, Курдюмов. Господин прокурор сказал, что представителем кружка самарцев был Курдюмов. Я на судебном следствии утверждал, что Рабинович никогда не называл Курдюмова представителем кружка самарцев, он сказал: *à la lettre* (буквально. — *Д. Л.*) так, «была Ободовская», представительница кружка артиллеристов, был Паевский, Каблиц и Курдюмов. Но такого показания Рабиновича, в котором Курдюмов был бы назван представителем кружка самарцев, в деле нет, такого показания Рабинович не давал. Я думаю, что неточность вкралась в обвинительный акт, потому что Городецкий, говоря, что в его кружок вошли такие-то и такие-то лица, назвал Курдюмова, а господин обвинитель из этого вывел, так как Рабинович сказал, что на собрании были представители разных кружков, значит, Курдюмов должен быть представителем кружка самарцев. Из этого вы видите, что это есть только вывод прокурора, ни на чем не основанный.

Я к этому прибавлю еще, что в то время, когда была эта сходка, Городецкого уже не было в Петербурге, он пред тем уехал в Самарскую губернию. Итак, вот что происходило в начале 74 г. в кружке самарцев. С февраля 74 г. до осени 74 г. ни Городецкого, ни Курдюмова в кружке, который существовал в Самаре, не было. Что же там происходило? В это время там происходило то же, что было и прежде: кружок товарищей собирался между собою, учились. Многие из лиц, которые принадлежали к этому кружку, желали продолжать учиться. В собраниях кружка решили, что нужна строгая научная подготовка, и Осипов предложил заняться анатомией. Предложение это было принято. Затем Боголюбова, Осташкин, Филадельфов и Осипов стали заниматься физикой и химией, находя это необходимым для дальнейшей научной подготовки. Таким образом, кружок этот проводил время, занимаясь науками в 73 и 74 годах. Сама обвинительная власть говорит, что это кружок «саморазвития», что все члены его занимались, хорошо или дурно, но они занимались — это дело другое, но видно, что у них было стремление заниматься. Странно, почему же обвинительная власть в начале обвинительного акта прямо утверждает, что все те сборища, о которых говорилось пред вами, состояли из молодежи, которая занималась чем угодно, только не учением. Что все это была плохая молодежь, которая занималась пустяками, ничего не делала, ничему не научилась. Если сам представитель обвинения в одном месте говорил, что они занимались тем-то и тем-то, то почему же в другом месте бросать на эту молодежь, которая предстоит пред вами, обвинение в ничегонеделании, в занятии пустяками.

В течение судебных прений уже многие говорили, что те обобщения, которые позволяет себе представитель обвинительной власти, ничего не доказывают, ни к чему не ведут и убедить вас ни в чем не могут, так как

основываются не на фактах, не составляют выводов из находящихся в деле фактов. Итак, мы видим, что в кружке учащейся молодежи в Самаре в начале 74 г. появляются сочинения Бакунина, высланные из Петербурга Городецким одному из его товарищей, кажется, Осипову. Разумеется, когда были получены эти сочинения, то в Самаре произошло то же, что и в других местах. Сочинение это заинтересовало всех, все начали толковать, начали обсуждать, стали думать о том, как примкнуть к обстоятельствам, то или другое положение, но сделано все-таки ничего не было. Сколько времени нужно, чтобы известная мысль окрепла, прежде чем она будет обращена в действие. Совершенно естественно, если я, молодой человек, читал что-либо, то нахожусь под впечатлением прочитанного, читая завтра другое, могу находиться под другим впечатлением. Так бывает почти всегда и по большей части со всеми, а обвинительная власть, ничего не доказав, утверждает между тем, что в кружке преобладала теория Бакунина. Между тем не доказано, чтобы члены этого кружка пристали к этому учению, подчинились бы ему, ничего другого не знали, ни о чем не толковали, кроме как об этом сочинении. А в Самаре происходило то же, что и в Пензе: читали, спорили, шумели и больше ничего. Но обвинитель говорит: нет, мало того, что читали, но члены кружка решились действовать и деятельность свою проявили в том, что решились идти в народ, решились пропагандировать. Началась пропаганда, и это подтверждается показаниями достоверных свидетелей. Пропаганда эта заключается в том, что каждый из членов кружка отправился в деревню; и не в одну деревню ходили, а ходили по разным деревням Самарской губернии и распространяли пропаганду между крестьянами. Кто же является этими достоверными свидетелями? Это три свидетеля весьма важных, по мнению обвинительной власти, и не имеющие никакого значения, по нашему мнению: Пудовкин, Бархатов и Байков. Что они показывали и как они показывали, это, я думаю, осталось в вашей памяти. Но тем не менее мне придется остановить ваше внимание на их показаниях и разъяснить их значение.

Я не стану утверждать, что сыщики не были нужны, чтобы на их показания нельзя было опираться, — это такого рода агенты, без которых уголовное правосудие вряд ли может обойтись. Я не стану говорить, что нельзя верить сыщикам, но говорю, что надо весьма тщательно рассматривать их показания, для того чтобы знать, в какой степени верить или не верить им. Некоторые из моих товарищей по защите говорили, что в настоящем деле появляются не только сыщики, но даже провокаторы, а таким свидетелям едва ли можно верить. По моему мнению, Пудовкин был не только сыщик, но именно таки провокатором. Прокурор говорит, что не может быть, чтоб Пудовкин был сыщик, потому что такого рода лица, если они появляются в деле, то фамилии их скрываются, не делаются на суде известными. Я не знаю, какой порядок существует относительно сыщиков, что делают относительно них их следователи и обвинители, а то, что Пудовкин был сыщик и даже провокатор, это постараюсь доказать и думаю, что доказательства мои не будут лишены основания. Каким образом и откуда явился Пудовкин? Он говорит, что явился в Самару в начале 74 г., ни с кем не был знаком, а 26 марта, именно

26 марта, это записано было и всеми присутствующими и записано в стенографическом отчете, он познакомился с Павлом Александровым. Описав, при каких обстоятельствах произошло это знакомство, Пудовкин говорит, что Александров стал давать ему книги, сначала одну, потом другую, третью; книги эти ему нравились. Получил он эти книги от Александра на второй или третий день Святой — тот год Святая была 31 марта, это можно удостовериться по календарю. В апреле Александров дал ему книгу «Вперед», он и не читал, но, увидев по первым же словам, что книга эта нехорошая, взял и отнес ее к жандармскому полковнику. Этот жандармский полковник говорит Пудовкину: «Притворитесь». Это подлинное выражение Пудовкина. «Я и стал притворяться», — говорит он. И притворяется до 18 июня. В этот промежуток времени он сходил к разным лицам, посещал сходки, выслушивал все то, что говорили, и 18 июня, покончив дело, уехал в Сызрань.

Итак, Пудовкин говорил, что постоянно ходил на сходки и 18 апреля отнес жандармскому полковнику книгу «Вперед». 24 апреля, как видно из дела, приезжает в Самару Никитин с женою, и затем Курдюмов. И все они появляются на квартире Осипова. В эту-то квартиру ходил Пудовкин. Спрашивают его, что там говорят? По его показанию, какой-то человек, фамилию которого он не знал, говорил, что нужно сделать вспышки. В чем должна заключаться эта вспышка, он не знает. Во всяком случае, если что подобное и говорилось, то Пудовкин не приписывает этого ни одному из присутствующих здесь лиц. Когда приехал Городецкий, а приехал он 24 апреля, Пудовкин с ним познакомился, стал ходить; раз видит, что лежит на столе книга «Вперед», просит позволения ее взять. Городецкий говорит, что книга не его, а Лукашевича, но Пудовкин все-таки берет. Для чего он брал эту книгу, когда находил, что книга недозволенная, о чем он знал уже 18 апреля? Далее Пудовкин говорит, что получил 18 или 20 книг, которые все представил жандармскому полковнику, который сказал ему: «Возвратите их тем, которые вам их дали». Мы спрашивали Пудовкина, какие это были книги? «Все возмутительные», — говорил он. То же самое говорится об этом обстоятельстве в обвинительном акте. Если он просто был сыщик, то совершенно достаточно было бы знать и получать от него сведения, что делают такие-то лица, но нет, жандармский полковник этим не удовлетворяется, он берет книги, рассматривает их и отдает Пудовкину назад. Мне кажется, что если книги возмутительного содержания, то следовало бы удерживать книги, сейчас составить протокол, между тем их ему возвращают. Для чего возвращают ему книги? Разумеется, для того, чтобы он пошел и раздал их разным лицам, тем, от которых получил, или и другим, а жандармский полковник и накажет их. Что здесь такое, как не провокация? Сыщик только по указанию полиции делает розыск, Пудовкин же не сыщик. Если бы жандармский полковник сейчас составил протокол, то книги не попали бы в руки тех лиц, у которых они впоследствии были найдены. Если то самое лицо, которое преследует преступление, раздает книги и пускает их в обращение и этим вызывает на преступление, то я смело говорю, что такого рода лицо должно быть названо *agent-provocateur*. Такое же мнение высказывает один из самых современных замечательных юристов, который

не допускает того, чтобы таким агентам можно было верить вполне. Но допустим, что Пудовкину можно верить. Господин обвинитель в своей речи разделяет всех свидетелей на две группы: на интеллигентных и на неинтеллигентных, и говорит, что интеллигентным верить нельзя, кроме тех показаний, которые они дали на дознании и на предварительном следствии. А неинтеллигентным должна быть дана полная вера, потому что они души простые, говорят все то, что помнят. Полагаю, что на основании этого деления Пудовкин должен быть отнесен к неинтеллигентным свидетелям. Посмотрим же, что он говорит? Он говорит, что получил историю французской революции Мартина Лютера или Вольтера <...> Таким образом, все, что этот господин ни показывает, что ни слово, то ложь. Господин прокурор, кажется, хотел сказать, что верит ему, но я полагаю, что буду в состоянии показать вам, что и сам обвинитель не верит в этого свидетеля, так как он берет из показания его только то, что он говорил на дознании. Если он верит его словам на дознании, верит, что все, что он говорил тогда, действительно происходило, то надо сказать, что все, что он говорит здесь, — это ложь. На дознании он говорил, что был на двух сходках; на предварительном следствии — что был на одной; здесь же говорит, что бывал на многих. Да какие же это были сходки? Он приходил в квартиру Осипова, там жили: Осипов, Филадельфов, Курдюмов, Никитин. Для него это уже и сходка. Другие лица, которые там бывали, бывали как товарищи, приходившие сообщать друг другу все новое, интересное. Его спрашивают: где он больше бывал на сходках? Он говорит: везде. Чему больше верить, тому ли, что он говорил здесь, или тому, что он говорил на дознании? Когда приехал Гордецкий, естественно, хотелось повидаться ему с товарищами, вот он и уговорил ехать кататься на двух лодках по Самаре, приехали в затопленный дом, сидели, толковали, пили чай, больше там ничего не происходило. Вот тут Пудовкин был, это и была та сходка, о которой он говорил на дознании и другого ничего о ней не говорил. Да больше он уже не мог ничего сказать, потому что к нему относились недоверчиво, говорит прокурор. Следовательно, при нем не могли ничего особенного говорить, ни о каких сходках рассказать что-либо он не может. Посмотрим далее. При встрече поверенный Потехин спрашивал его: ну вот вы пришли к жандармскому офицеру, сделали показание, было оно записано? — Нет. — Составили протокол? — Нет. Между тем берем акт дознания и оказывается, что в июне 74 г., когда Пудовкин приехал в Сызрань к жандармскому офицеру и принес две книги, жандармский офицер составил протокол и представил его начальству. Следственные показания Пудовкина есть ложь. А в деле масса таких мелких подробностей, которые одна за другою опровергают показания, которые давал Пудовкин. Вот еще доказательство правдоподобности его показаний, по поводу которого у него с прокурором тоже происходило пререкание. Я спрашивал Пудовкина о том, когда он приехал, то сразу ли он представил жандармскому офицеру сведения, которые у него были? Он ответил убедительно, но между тем оказывается, что на предварительном следствии он показал, что был вызван к жандармскому офицеру и тут вспомнил, что у него в кармане книга, и представил ее. Это обстоятельство подтвердилось тем протоколом, о котором была речь на судебном

следствии. В нем сказано, что к жандармскому офицеру явился Пудовкин и представил книги. Из этого видно, что его не вызывали, но он просто в сыск ходил доносить. Я представил только несколько образчиков правдоподобных показаний этого свидетеля, которые ясно показывают, насколько можно такому человеку верить. Но самый замечательный факт из его показаний — это записка, которую он представил жандармскому полковнику при дознании. Вы ее рассматривали, и она осталась у всех присутствующих в памяти, записка эта названа обвинением вещественным доказательством. Когда я изучал дело, то записки этой не видел. Между тем никак не мог найти в деле одного показания Пудовкина, которое значилось в описи, о котором говорилось в обвинительном акте. Документ этот всплыл наружу только на судебном следствии, до того времени его в деле не было. Посмотрим, что это за документ? Я удивляюсь, каким образом господин прокурор называет эту записку вещественным доказательством. Когда допрашивают подсудимых или свидетелей, то все, что они показывают о других, называется «спросом» или «показанием». Между тем на дознании является Пудовкин в качестве свидетеля и говорит, что на основании показаний всех лиц, которые принадлежат к сообществу, он составил записку о том, какие лица куда ходили для пропаганды. Если Пудовкин есть свидетель, то он, конечно, мог дать показания, он мог показать то, что слышал от других, но какое же вещественное доказательство он мог там составить? Чтобы показания свидетеля могли составить вещественное доказательство, вещь немислимая. Но допустим, что эта записка будет вещественным доказательством. Что же это за вещественное доказательство, на которое так опирается обвинительная власть? В этом документе говорится, что такие-то и такие-то лица ходили туда-то и туда-то, но обвинительная власть кладет этот документ в основание обвинения Никитина, Курдюмова и других в том, что они путешествовали по Самарской губернии, пропагандировали революционные идеи и раздавали книги. Записка эта составлена была, как значится из надписи, сделанной на ней Пудовкинским, 12 апреля. Пудовкин сделал донос 13 (18) апреля, т. е. после ее составления, а между тем в записке этой, составленной в апреле, говорится о том, куда кто ходил в мае и июне. Как же Пудовкин мог знать об этих путешествиях заранее? Очевидно, это такая нелепость, о которой говорить невозможно. Затем, в этой записке говорится о путешествиях таких лиц, которые положительно не отлучались никуда из Самары, что подтверждают свидетели. Относительно Милоголовкина, который, по словам Пудовкина, ходил в села Вязовку, Кандыбань и Березовый Гай, Подпарье, Екатериновку, свидетельница Жданова говорит, что Милоголовкин жил у нее на квартире, был постоянно аккуратным учеником, никуда надолго не отлучался, всякий день обедал и ночевал дома, постоянно ходил давать уроки и держал экзамены. В доказательство того, что Милоголовкин держал в то время экзамены, я предоставил два свидетельства Самарской гимназии, где прямо говорится, что Милоголовкин в это время держал экзамены, посещая как письменные, так и словесные экзамены аккуратно. Относительно другого подсудимого, Лазарева, другая свидетельница, Чепрунова, говорит то же самое, что Лазарев у нее жил, она его хорошо знала,

он примерный мальчик, аккуратно ходит в гимназию и никуда не уезжал на два дня, потому что давал каждый день уроки. Пудовкин утверждал на предварительном следствии, позднее, что Лазарев, по возвращении из Грачевки в Самару, имел сношения с обществом, ходил для пропаганды с Александровым в села Павловку, Дубово и Подъем. Из дела же видно, что Лазарев до 23 июня из Грачевки не возвращался в Самару и затем, сейчас же по возвращении, был заключен в тюрьму. Если он вернулся в Самару 23 июня, то, следовательно, не мог уже там видеть Пудовкина, который уехал в начале июня в Сызрань, не мог видеть кого-либо и другого, так как приведен арестованный и не мог ходить по селам. Мне кажется, все это наглядно доказывает, что показания его ложные. И этих фактов совершенно достаточно, чтобы прийти к убеждению, что показания Пудовкина не заслуживают никакого внимания как в отношении Милоголовкина, так и в отношении других лиц. Показания его совершенно опровергаются сами по себе и опровергаются свидетельствами таких лиц, которым не верить суд не имеет основания, потому что показания этих лиц даны под присягою и заслуживают большего доверия, нежели показания такого лица, как Пудовкин. Я сказал, что убежден в том, что обвинитель и сам не придает значения Пудовкину, но не хотел только этого прямо сказать. Я укажу, на чем основано это предположение. Вы изволите помнить, что по обвинительному акту один из подсудимых, которого я защищаю и от обвинения которого обвинитель отказался — Милоголовкин, — обвинялся в принадлежности к тайному сообществу единственно на основании того, что о нем говорилось, что он принадлежал к кружку саморазвития. И что Пудовкин показал, что Милоголовкин ходил вместе с Никитиным и Курдюмовым по окрестным деревням. Здесь, когда мы расспрашивали Пудовкина, куда он ходил, он говорил, что ходил и на квартиру Осипова, и на квартиру Милоголовкина. Когда его спросили: Вы знали Милоголовкина? — Он сказал: Не знаю. — Каким же образом вы его включаете в записку? — Да я так думал. — Да почему же вы думали, что это его квартира? — Я слышал, что он жил в этой улице, и думал, что это его квартира. Больше сказать ничего не могу.

Господин прокурор, кончая обвинительную речь, сказал, что он отказывается от обвинения Милоголовкина в принадлежности к преступному сообществу. Потому что здесь, на суде, не подтвердилось, что квартира принадлежала ему. Но о принадлежности Милоголовкину квартиры в обвинительном акте и речи не было. Говорилось только, что он ходил по деревням, как написал о нем Пудовкин. На суде же оказалось, что он Милоголовкина вовсе не знал. После этого останавливаться на свидетельских показаниях таких лиц, как Пудовкин, нельзя. И на основании их показаний строить обвинение невозможно. На суде достаточно выяснилось, что такое эти свидетели, как Пудовкин и компания, которых обвинительная власть называла честными гражданами. И я рад за обвинителя, что он кинул в сторону Пудовкина.

Теперь я перейду к показаниям других двух таких же свидетелей, к показаниям Бархатова и Байкова. Подробно их разберет мой товарищ по защите, присяжный поверенный Потехин, я же возьму немного то, что касается из их показаний до показаний Городецкого. Байков говорил, что на тех собраниях,

на которых он бывал, главную роль играли Осипов и Городецкий, что они председательствовали. Об этом председательстве были длинные препирания между мною и обвинителем, и даже было обращено внимание г. первоприсутствующим, так как Байков то говорил, что Городецкий председательствовал, то не председательствовал. Поэтому были прочтены его показания на предварительном следствии, и оказалось, что и там он показывал тогда иначе. Когда же его спросили здесь: чему же, наконец, верить, он признал, что Городецкий не председательствовал. Мне кажется, что после этого признания можно видеть, в какой степени человек заслуживает доверия и насколько на его показаниях можно строить обвинение.

То же самое можно сказать и относительно Бархатова. Он служил кем-то вроде полового в одной из гостиниц Самары. Бархатов говорит, что он познакомился с тем и другим, бывал на собраниях и слушал разговоры. Когда я спросил его: что же вы слышали? — он сказал, «я не слушал, я больше играл на гитаре». А между тем говорит, что Городецкий вместе с другими приглашал его вступить в тайное сообщество. Я тогда же обратил внимание на то, каким образом он мог не слышать разговоры и быть в то же время приглашенным в члены тайного сообщества. Городецкий спрашивал его:

- Бывал ли я у вас в трактире?
- Бывали.
- Что я делал?
- Ничего.
- Что я вам говорил?
- Ничего.
- Тогда я вас приглашал вступить в тайное общество?
- Нет, на собраниях.

Я обратил внимание на странность этого показания. Когда собралась большая компания, тогда ему говорят: поступай в тайное общество, а когда встретились Городецкий и он один на один, Городецкий ему ничего не говорит и ни в чем не убеждает. Если такие факты повторяются постоянно, то я спрашиваю, где же тут правдоподобие? Можно ли полагаться на то, что говорит Бархатов?

Разобрав показания этих трех свидетелей, я кончил с разбором улик, относящихся до Городецкого, Курдюмова, Милоголовкина, по обвинению их в тайном сообществе. Что касается Городецкого, то в деле находится его собственное признание в том, что он давал книги тому и другому, от этого факта он не отказывался и здесь. Но я вас прошу обратить внимание на то, что говорили мои товарищи по защите, что передача книг для прочтения товарищам не может считаться распространением, а тем более распространением злоумышленным. Что передача книг не может считаться таким распространением, признает и прокурор, отказавшийся от обвинения Леонтьева и Прокофьева в распространении книг, потому что здесь, на суде, вполне выяснилось, что злоумышленности не было.

Засим я перехожу к защите подсудимого Пономарева. Если толкование Кассационного Департамента Сената обязательно для всех судов империи,

то мне следует указать на статью 635 Устава Уголовного судопроизводства и на разъяснение Уголовного Кассационного департамента Сената № 436, где сказано, что прокурор в своей речи не имеет права ссылаться на такие доказательства, которые не были проверены на судебном следствии. Этим решениям должен следовать каждый прокурор, придерживаясь этой статьи и этого толкования. Посмотрим, какие же улики, какие доказательства представлены против Пономарева на судебном следствии. Проследив за судебным следствием, мы должны придти к тому заключению, что все эти улики, выставленные обвинительной властью на судебном следствии, сводятся к нулю. Против Пономарева доказательства были представлены: 1) письмо Войнаральского к Шершевадзе, где он пишет: «имена Дегтярева и Пономарева в Самаре небезопасны». Вторая улика заключается в том, что в книжке у Рашевского-Логинава был записан шифром адрес Пономарева. Я и присяжный поверенный Потехин должны были просмотреть эту книжку, чтобы убедиться, действительно ли записано там то, что записано в обвинительном акте. Нам была предъявлена эта книжка, на которой было удостоверение, что разбор важен, но так как случаи неверного разбора шифра уже были — неоднократно указывается на судебном следствии, — то мы просим предъявить нам ключ к этому шифру. Первоприсутствующий предъявил нам ключ, и мы увидели, что книжка Рашевского может быть разобрана двояким образом: ни один ключ вполне к разбору не подходит. То, что выведено в обвинительном акте посредством указанного ключа, в этой книжке прочесть нельзя. Третья улика, которая включена в обвинительный акт, — это то, что при обыске у Пономарева нашли два или три листа из книги «Отщепенцы». Я просил прочесть протокол обыска у Пономарева, из которого оказалось, что вместе с ним жили три лица и что по обыску у Пономарева ничего не оказалось. Я тогда же предложил удостоверить, что листы из книги «Отщепенцы» найдены не у Пономарева и что в деле есть указание лица, которое признало, что листы эти были найдены у него. Если что-либо найдено у Иванова, то никак нельзя сказать, мне кажется, что оно найдено у Петрова. И вот все те три улики, на основании которых Пономарев 3½ года совершенно напрасно просидел в тюрьме.

Равнодушно, без раздражения к такого рода фактам относиться нельзя. Но хотя Кассационный Департамент Сената говорит, что прокурор должен ссылаться только на то, что было проверено на судебном следствии и что только это может служить основанием решения, но я не хочу оставить без рассмотрения и такие указания обвинительного акта о Пономареве, которые на судебном следствии не были проверены. Что же говорится в обвинительном акте о Пономареве? Говорят, что Войнаральский приехал в Самару, познакомился с <1 нрзб.> где-то случайно, тот жил на квартире с Петропавловским и Пономаревым. Пришел к ним на квартиру Войнаральский поговорить о разных вещах. Был ли при этом Пономарев или не был, из обвинительного акта неизвестно. Затем Войнаральский уехал и написал письмо к Шершевадзе, о котором я уже говорил. Из этого письма обвинительная власть выводит, что Пономареву была поручена агентура в Самаре. Откуда же это взял господин

прокурор, остается неизвестным. Затем говорится, что по возвращении Войнаральского из Москвы он застал, что Пономарев живет на одной квартире с Петропавловским и <1 нрзб.> на другой. Войнаральский старался привлечь его на путь революции, и усилия его увенчались успехом, потому <1 нрзб.>, Пономарев и Петропавловский были подготовлены к восприятию революционных идей. На чем основаны все эти утверждения, осталось в неизвестности, обвинитель ничего этого не подкрепил фактами. Вот все доказательства, которые касаются Пономарева, другого о нем ничего не сказано, и я ни на секунду не сомневаюсь, что вы признаете его совершенно свободным от суда. Постановляя приговор, вы вспомните, что Пономарев находится в таком же точно положении, как и сотни других лиц, которые оторваны от того круга, где они проживали, оторваны от занятий, которые могли их сделать полезными для общества людьми, оторваны от всего в течение нескольких лет.

Перейду к защите Александровского. Александровский обвиняется по двум пунктам: в принадлежности к преступному сообществу и в распространении книг. Улики в принадлежности к сообществу изложены в обвинительном акте так же основательно, как и относительно Пономарева и многих других. Обвинительная власть говорит, что когда Войнаральский приехал из Москвы и поселился в Самаре, то на квартире с <1 нрзб.> и Петропавловским жил Александровский. Подсудимый ли Александровский, или другой Александровский жил с ними, неизвестно. Жил какой-то Александровский — достаточно. Мне кажется, что, утверждать, что Александровский принадлежал к сообществу только на том основании, что он жил на известной квартире, а потому опровергать принадлежность его к сообществу, нет никакой надобности. Затем является обвинение в распространении книг. Маленький эпизод, приведенный в подтверждение этого обвинения, промелькнул на суде скоро. Александровский лежал в Самарской больнице и читал книги, больные просили его, чтобы он почитал что-нибудь. Он не читал им сначала. Потому что книги, которые он там читал, были серьезные. Он просил, чтобы ему приносили что-нибудь полегче, и когда книга была принесена, он начал читать. Собралось несколько больных, которые слушали более или менее внимательно. Затем один больной сказал фельдшеру, что Александровский читал что-то непозволительное, этот больной, который указал фельдшеру на Александровского, говорил здесь, что он сам не слышал, что читал Александровский, потому что лежал дальше, но увидел, что книжка непозволительная уже тогда, когда ее взял фельдшер. Другой свидетель, которого вы слышали, говорит следующее: «Больные просили Александровского читать, но он отказывался». Свидетель Топорнин говорит, что когда Александровский стал читать по просьбе больных, то что-то пропустил из книги и, несмотря на замечания свидетеля, чтобы он не пропускал, все-таки продолжал пропускать довольно часто. Когда Топорнин взял у него книгу, осмотрел ее и говорит: «Отчего ты пропускаешь? Ведь книга цензурная». Александровский сказал: «Она мне показалась дурной». Вот все, что касается Александровского и что подтверждается двумя-тремя свидетелями. Он сам не вызывался читать, а читал по просьбе других. Я полагаю, что в факте этом нельзя видеть распространения.

Если Александровский читал нецензурную книгу, то читал ее случайно, содержание ее заранее не было известно Александровскому. Если даже и признать, что эта книга принадлежала ему, то и тогда обвинения быть не может, потому что никакой разницы нет в том: читал ли он свою книгу, или не свою, если только он не читал с целью распространения вредных вещей, а читал с пропусками. Не доверять показанию свидетелей в этом отношении нет основания. И я полагаю, господа судьи, что вы признаете Александровского невиновным и оправдаете его как по первому, так и по второму пункту обвинения.

Кончая мою речь, не могу не напомнить вам того, что говорили вам уже многие из моих товарищей о тех неясных фактах, которым мы были свидетели. Не могу не говорить вам об этом потому, что был и нахожусь еще под впечатлением тяжелого чувства, овладевшего мною после того, как я был свидетелем последних минут двух моих клиентов, подсудимых Сабелькина и Кротонова. Многие из моих товарищей рассказывали вам, каким образом сажали в тюрьмы людей, ни в чем неповинных или виновных в неведомых преступлениях или в преступлениях, которых определить нельзя, и до чего довело их это сидение. Я не хочу сомневаться в том, что вы произнесете приговор справедливый, оправдаете всех тех лиц, которых обвинитель поставил, как он говорил, в виде фона той картины, которую он желал начертить пред вами. Но чем вы вознаградите тех лиц, которые потеряли жизнь, которые потеряли здоровье? А что здоровье потеряно всеми теми лицами, которые сидели в тюрьмах и крепостях, — это вам известно. Какой бы приговор ни постановили, но вы не возродите здоровье и молодых, разбитых сил — это такие вещи, которые будут всегда лежать укором на лицах виновных в этом изрядно и никогда не найдут оправдания в тех данных, которые собраны по делу представителем обвинительной власти.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 40–49.

Заключительная речь к разъяснению подробностей, касающихся каждого из подсудимых

Господа сенаторы и сословные представители! Я не буду касаться тех общих положений, которые высказаны были господином прокурором, так как они были разобраны профессором Таганцевым так подробно, что на них нет надобности более останавливаться. Я обращаю ваше внимание только на некоторые из общих мест, высказанных господином прокурором, и затем перейду к разъяснению подробностей, касающихся каждого из подсудимых, которых я защищаю.

Господин прокурор говорил, между прочим, что мы, защита, в своих речах обвиняли не только что должностных лиц, но и само правительство. Но господин прокурор сказал не совсем то, что ему следовало сказать. Вряд ли он мог и должен был говорить о том, что мы нападали будто бы на правительство: это слово растяжимое, так что под ним может подразумеваться очень

многое, и об этом мы говорить не будем. Что же касается до нападков наших на прокурора, то мне кажется, мы имеем на это полное право и основание. Доказательством этому служит то что все то, что мы говорили по этому поводу, осталось не опровергнутым. Мы все утверждали, что настоящий обвинительный акт составлен несогласно с требованиями закона, который бесчисленное количество раз был разъясняем Кассационным Департаментом Правительственного Сената. Господин прокурор этого не отверг, он сказал: «Да, я ошибся, но защита сделала гораздо больше ошибок, и я умалчиваю об этом». Почему он умалчивает наши ошибки? Напрасно. Если защита делала ошибки, промахи, то от этого ошибки обвинителя нисколько не исправятся. Все-таки те ошибки, на которые мы указывали, остались не опровергнутыми, между тем они весьма серьезны и существенны. Те же ошибки, на которые указано обвинительной властью, весьма не существенны, второстепенны и не имеют значения. Указывая на пензенский кружок, господин прокурор говорит, что защита старалась показать всех лиц, участвовавших в нем, весьма невинными. Что они занимались только разговорами, прениями, что между ними читался Чернышевский и больше ничего; но, говорит прокурор, защита забыла указать на то, что выяснилось на судебном следствии, что вместе с Чернышевским читались Стенька Разин и журнал «Вперед» и все это комментировалось. Так как основываюсь в том, что говорил и говорю, на тех фактах, которые были проверены на судебном следствии, то считаю, что я был совершенно прав, говоря, что в кружке пензенском читали сочинения Чернышевского и Бакунина и что это затем комментировалось Рогачевым.

Это показывали здесь свидетели. Правда, говорили, что Рогачев читал журнал «Вперед». Но если бы даже он это и комментировал, то это только факт, из которого никакого вывода сделать нельзя. Беда не в том, что читается, а в том, как относятся к прочитанному. Допустим, что читали не только Чернышевского, но и журнал «Вперед». Что же из этого вышло? Ничего. Чем практически выяснилась деятельность пензенского кружка? Ничем, никто ничего не делал, ничего не предпринял. Господин прокурор говорил, что Спесивцев и Сабелькин пропагандировали, по его мнению, в Харькове и Пензе, что я это упустил из виду. Что касается Спесивцева, то о нем, вероятно, скажет его защитник. Я же совсем не упустил из вида, но с намерением не говорил о Сабелькине, потому что вы, вероятно, помните, я и следствие о Сабелькине просил приостановить, вследствие его болезни. Сабелькин не мог присутствовать на суде и не хотел даже делать вопросов свидетелям относительно него на том основании, что огромная разница, когда говорит свидетель о каком-нибудь подсудимом в присутствии самого подсудимого или без него. Когда свидетельские показания даются в присутствии самого подсудимого, то они могут быть им и разъяснены, во всяком случае, могут получить совсем другую окраску. Подсудимый Сабелькин здесь на заседании не был, следовательно, и возражений сделать не мог. Но коль скоро обвинительная власть опирается и ссылается на те показания, которые сделал Сабелькин на дознании и предварительном следствии, то я считаю долгом несколько разъяснить это обстоятельство. По этому поводу я прошу припомнить те весьма многие

указания, которые делались моими товарищами по защите в первых речах, относительно показаний подсудимых... (один лист отсутствует. — Д. А.)

якобы к сообществу, получает от своих сообщников известного рода книги (по указанию самой обвинительной власти — возмутительного, революционного содержания), несет их к жандармскому офицеру, который возвращает эти книги назад и велит раздать их тем, у кого они взяты, причем не составляет никакого протокола. Я полагаю, что если констатирован тот факт, что эти книги были запрещены и тем не менее они возвращаются обратно тем лицам, от которых получены, то, очевидно, это делалось для того, чтобы вызвать других на совершение преступлений. После этого, кажется, не может быть сомнения, что Пудовкин был именно тем, что называется агентом-провокатором. Во всяком случае, он не был таким лицом, к которому можно было бы относиться с полным доверием, и если он действовал так, как мы видим по делу, то, конечно, не для того, чтобы исполнять те обязанности честного гражданина, о чем столько раз говорил обвинитель. Нужно посмотреть, в какой степени важны показания его. Я говорил уже, что они не заслуживают доверия уже потому, что совершенно противоречат как одно другому, так и фактам, изложенным в деле. Так, например, я указывал на то, что он утверждал — как это видно и по обвинительному акту и по его записке, — что знаком был с Милоголовкиным, что они вместе с Курдюмовым ходили по таким-то и таким-то деревням. А здесь, на суде, он от этого отказался и сказал, что Милоголовкина не знал. Затем, он говорил, что после 12 апреля ходил с Никитиным и Милоголовкиным, а между тем Никитин приехал в Самару только после 20 апреля. Я уже указывал на то, что эти путешествия не могли быть совершены в те места, на которые указывал Пудовкин, в доказательство чего и предъявил карту Генерального штаба, по которой вы, вероятно, удостоверились, что делать эти путешествия в один раз — не было никакой возможности, а несколько раз таких путешествий не совершалось. Вам было предъявлено много свидетельств о том, что Милоголовкин тогда учился в гимназии, держал экзамены выпускные и, следовательно, не мог отлучаться и не отлучался. Кроме того, я ссылался на двух свидетельниц, относящихся до Милоголовкина и еще одного подсудимого — Лазарева, на которого также было указано в записке Пудовкина. Свидетельницы эти совершенно опровергают то, что говорил Пудовкин. Таким образом, не только из одной записки Пудовкина, но из целого рода фактов можно было удостовериться, что его показания не заслуживают никакого доверия. Я это повторял несколько раз и полагаю, что и Особое Присутствие вполне разделяет мой взгляд. Обвинительная власть утверждает, что в деле есть множество писем, доказывающих преступность подсудимых. Но до кого относятся эти письма, в какой степени какое письмо относится к известному лицу — обвинителем не установлено. Обвинение, основанное на сплетении разных улик, возводя массу улик на всех подсудимых, никогда ничего не может доказать. В течение всей нашей защиты мы все указывали, что господин прокурор именно придерживается собственно огульного обвинения, не считая нужным употреблять другие приемы. При таком способе обвинения защита имела полное основание утверждать невиновность подсудимых, так как

обвинитель не мог указать, какая улика к кому из подсудимых относится, между тем как очевидно, что виновность каждого из подсудимых должна быть установлена на твердой, определенной почве. Вследствие этого я не разбирал некоторых фактов, о которых упоминалось в обвинительном акте. Не разбирал их потому, что считаю это совершенно не нужным для того, чтобы не утруждать внимания Особого Присутствия, так как очень многие из таких фактов приводились в обвинительном акте, но сами по себе они ничего не доказывают, да и обвинитель из них не делал никакого употребления. Я не указывал в своей защитительной речи ни одной улики, относящейся до подсудимого Александровского по обвинению его в принадлежности к тайному сообществу. По этому пункту в обвинительном акте говорится об Александровском следующее: что один из подсудимых же — Никольский — говорил будто бы со слов самого Александровского, что он ходил в одно село и там пропагандировал между крестьянами преступные идеи. Относительно этого пункта я ничего не говорю, потому что подсудимый Никольский от всего, что он говорил на следствии, отказался здесь на суде и даже не участвовал на суде. Когда Никольский еще на дознании сказал, что Александровский пропагандировал в деревне, то сейчас же надлежащими властями было произведено об этом дознание, по которому оказалось, что Александровский никогда ничего не пропагандировал, даже не был в этой деревне, и крестьяне этой деревни его вовсе не знают. Этот факт достаточно показывает, почему мне об этом обстоятельстве говорить не предстоит надобности, и я вполне уверен, что Особое Присутствие отнесется должным образом к такого рода уликам. Из этого примера можно видеть, что обвинение господина прокурора в том, что будто бы мы пропустили многое из того, что находили в деле, и допустили громадные ошибки, вряд ли справедливо. Со своей стороны мы не станем повторять о тех громадных ошибках, которые сделал господин прокурор. Например, заключая свою речь, он сказал, между прочим, что отказывается от обвинения Курдюмова в распространении книг. Я на это в свое время не возражал, хотя мог бы сказать, что так как Курдюмов по обвинительному акту не обвиняется в этом преступлении, то господину прокурору нечего было отказываться от обвинения его в этом преступлении.

ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 802. Л. 110–113.

Процесс нечаевцев

Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России

Судебные известия. Заседание Судебной Палаты 30 июля 1871 года, по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России. Заседание открыто в 1 час 10 минут и слово было предоставлено защитнику подсудимых Долгова и Римского-Корсакова, присяжный поверенный Стасов.

Господа Судьи! После того, что мы имели честь слышать от господина председателя при открытии заседания 1 июля, а также при открытии вчерашнего заседания, мы должны прийти к тому заключению, что все настоящее дело, хотя разделенное на несколько групп, которым соответствует столько обвинительных актов, есть одно и то же.

Хотя мне надлежит защищать двух лиц, которые находятся во второй группе, но так как господин прокурор в своей обвинительной речи по первой группе коснулся многих сторон общего вопроса, касающегося настоящей группы, и так как в своей вчерашней речи он ссылаясь на то, что говорил в первой речи, то мне в продолжение моей защиты тоже придется касаться некоторых сторон первой речи, в пределах которой господин председатель указал вчера. <...>

Прежде всего, я должен коснуться того, о чем говорил вчера господин прокурор, открывая свою речь. Он говорил, что находится в большом затруднении вследствие тех обстоятельств, которыми сопровождалось <дело> настоящей группы. Он говорил, что многие вызванные обвинителем свидетели не явились, тоже что из 18-ти явилось только 4; что, хотя показания некоторых не явившихся по различным причинам свидетелей были прочитаны, но все это не дало тех результатов, каких он ожидал; что касается до свидетелей защиты, то они все являлись и, как он говорит, они показали гораздо полнее, нежели он ожидал от свидетелей, которых он вызывал.

Мне, кажется, что данного рода взгляд весьма странен. Свидетели выставлены одной или другою стороною, будет ли то прокурор или защитник, и допущены к свидетельству, то нечего говорить о том, кем эти свидетели выставлены; как скоро свидетели выставлены обвинением, то и защита тоже может пользоваться их показаниями, и господину прокурору никто не мешал пользоваться свидетелями, выставленными защитою. Если господин прокурор полагает, что те свидетели, которые не явились, были бы полезны для обвинения, то и я против этого могу сказать, что эти свидетели были бы точно так же полезны для защиты, следовательно, шансы совершенно равны. Никому нельзя заранее <знать>, что какой-то свидетель непременно покажет в ту или другую сторону.

По нашему закону, перекрестный допрос вполне уничтожает те неблагоприятные последствия, которые могли бы быть, если бы свидетели, выставленные одною стороною, ею только и допрашивались бы, и то положение, в котором хотел представить себя господин прокурор, сказав, что оно очень трудно, что он поставлен в неблагоприятные обстоятельства, мне кажется, происходит совершенно не от этих причин.

Еще более странным мне кажется тот прием, который господин прокурор употребил в отношении подсудимых. До сих пор, сколько мне известно, а судьям, государю больше, нежели мне, — суд постановляет свой приговор на основании только того, что происходит на суде, придерживаясь, конечно, и обвинительного акта; я не знал до сих пор, чтобы кроме того, что происходит на суде, кроме тех обстоятельств, которые выставлены обвинительным актом, можно было бы пользоваться такими показаниями, такими данными, которые не известны суду и не сделались известны во время судебного следствия.

Департамент уже много раз разъяснял, что те показания, которые даны свидетелями на предварительном следствии, могут быть проверены только в том случае, когда они не вполне совпадают с тем, что свидетель говорит на суде. Но в этих же решениях я также еще никогда не видел того, чтобы показания, данные подсудимыми на предварительном следствии, могли быть проверяемыми на суде, или чтобы на них можно было ссылаться во время судебных <заседаний>, выходя за пределы того, что помещено в обвинительном акте.

Я позволил себе говорить об этом не потому, чтобы <какая-то часть?> показаний была сколько-нибудь вредна тем двум клиентам, которых я защищаю, но вот почему: в каждом деле есть два вопроса — общий и частный; общий вопрос касается не только обсуждаемого дела, но и вообще правосудия, и всякое отклонение от этого было бы вредно не только в настоящем, но и будущем времени. Поэтому как защита, так обвинение и судьи стремятся к той цели, чтобы поддержать те правильные начала, которые предписаны законом и устанавливаются практикой; поэтому я, со своей стороны, считал, что такого рода отклонение не может и не должно остаться без протеста.

Теперь я приступаю к существу дела. Мне кажется, что господин прокурор напрасно старался доказывать, что существует тайное общество, и приводил разные доказательства этого существования. Насколько мне известно, ни я, никто из моих товарищей, ни подсудимые не отрицали тайного общества, напротив, многие, даже большинство подсудимых, признаются в принадлежности к этому обществу.

Мне кажется, дело совсем не в этом; дело не в том, что тайное общество было, что в это тайное общество вступали лица с соблюдением известных формальностей, что оно окружено было некоторой таинственностью, что оно было разделено на кружки, что члены его значились под известными цифрами и изгоняли свои фамилии; дело в том, какая была цель этого общества. Участники его только тогда и могут быть подвергнуты, когда оно имело цель вредную или преступную и если эта преступная цель обнаружилась каким-либо действием с распространением какого-либо учения. Поэтому, не входя в разбор всех доказательств, которые были высказаны господином прокурором, я постараюсь рассмотреть, какого рода были цели этого общества и каким образом они осуществлялись; затем, были ли предприняты членами такие действия, которые бы имели вредное направление для общества.

Для того, чтобы доказать, что это общество было действительно тайное, господин прокурор в первой своей речи говорил, что цель тайного общества может быть объяснена двумя фактами: или показаниями подсудимых, или письменными доказательствами. Показания четырех подсудимых первой группы, по его словам, дали весьма мало результатов, так что нельзя вывести заключения о том, какого именно рода была эта цель, так как показания подсудимых были весьма неопределенны. Заключение о цели общества господин прокурор старался вывести из слов, из отдельных выражений, которые приводились участниками этого общества, в <то> время уже осужденными, о Нечаеве. Господин прокурор говорил, что Нечаев, когда он приехал в Москву в сентябре 1869 г. и поселился в Академии, сошелся со многими

из академиков, проводил с ними дни и ночи, гулял, имел вместе с ними и, следовательно, должен был передавать им свои мысли и планы. Они сами отзываются, что он был человек энергичный, преданный делу, человек радикальный, поэтому естественно, что все его собеседники должны были разделять его мысли, не могли не знать его планов и тех средств, которыми он хотел сплотить и сплотил общество.

С другой стороны, господин прокурор вчера говорил, что все академики были между собою очень близки и связаны еще с детства; они вместе учились, затем перешли в Академию, и что эти люди имели между собою постоянные и близкие сношения, что они поэтому не могли не передавать один другому своих идей, целей, планов, того, что каждого из них занимало; что хотя некоторые из них стояли близко к Нечаеву, другие более отдаленно, но когда были образованы кружки (которых господин прокурор насчитывает около десяти), то все они составляли собственно один кружок, который имел одну цель, одно назначение. Но вы, я полагаю, и сами убедились уже, что все эти соображения господина прокурора только предположения, более или менее правдоподобные, но не вполне верные. Я, со своей стороны, с большею частью этих соображений не могу согласиться. Для того, чтобы доказать, какая была цель общества и что действительно эта цель была не такова, какую представлял ее господин прокурор, мне надо просить вас припомнить, что было здесь говорено, что происходило пред вашими глазами, и сопоставить между собою некоторые показания, которые были даны перед вами.

Вы, без сомнения, очень хорошо знаете, какое положение было в Академии до сентября 1869 г. Из всех показаний почти всех подсудимых вы видели, что это были за люди, составляющие в то время Академию. Это были люди молодые, весьма трудящиеся, весьма горячие, большею частью весьма развитые, с хорошими, добрыми наклонностями, с отличным направлением, но все почти отличались крайне бедным состоянием. Все эти люди имели разного рода стремления и занятия: кто занимался химией или ботаникой, кто сельским хозяйством, кто предавался обучению детей, занимался школами; кроме того, почти все они, кроме специальных своих занятий, занимались и другими науками, более всего науками социальными. Это и понятно. Социальные науки, как касающиеся всего ближе людей, всегда возбуждали и будут возбуждать большой интерес в молодежи. Естественно, что эти науки были предметом занятий и тех молодых людей — студентов Академии, которые теперь сидят перед вами. Кроме того, что молодежь вообще склонна к занятию социальными науками, как самыми для нее интересными, молодые люди были расположены к этим занятиям вследствие своего положения: все они более или менее стояли близко к народу. Как по своим занятиям в Академии, так и отчасти по своему происхождению они были расположены к изучению народа; многие из них были весьма близко знакомы с его характером, они часто видели его дурные и хорошие стороны, его горе и всякого рода бедствия, и, зная эти бедствия, всякий молодой человек хочет или старается помочь народу, чем и как может. Если бы они были богаты, то, конечно, скорее всего, они помогли бы материально; но как народ бедный, а вместе с тем молодой,

они задались размышлениями и стремлениями, которые имели в виду приводить в исполнение со временем.

Наконец, кроме этих причин, побуждавших их к разного рода предприятиям на пользу общую, может быть знакомство с разного рода обстоятельствами, разного рода грустными фактами, о которых было так много говорено во время настоящего процесса и которые доходили, может быть, отчасти в преувеличенном виде до Академии, все это производило своего рода <впечатление> на всю эту молодежь и побуждало их предпринимать что-либо полезное на пользу общества. Все они, лучше сказать, большая часть из сидящих здесь подсудимых, были готовы выходить из заведения, и когда все они стремились более или менее осуществлять разного рода планы, о которых они мечтали в Академии, в это время появился между ними Нечаев. Господин прокурор объяснил, каким образом произошло это появление, поэтому я не буду касаться подробностей.

Итак, явился Нечаев, познакомился с академиками и заявил, что у него есть идея составить общество. Каким же образом привлечь в общество людей? Для внешней стороны он употребил прием банальный, как выразился один из моих товарищей, прием самый обыкновенный, взятый из практики образования всех подобных обществ.

Из документов, которые были прочитаны здесь на суде, вы видели, что в них определено во многих отношениях весьма точно не цель, а самое образование и формирование общества. Господин прокурор говорил, что главными доказательствами для настоящего дела служат письменные документы. Я с ним в этом совершенно согласен и признаю за таковые те самые прокламации, на которые ссылался господин прокурор, и правила организации.

Прочтя правила организации и прокламации, вы должны были, несомненно, прийти к тому убеждению, что, когда Нечаев организовал свое общество, он вовсе не хотел тотчас же убеждать людей и устраивать кружки лиц, которые с ним были бы вполне согласны: Нечаеву нужно было только спланировать людей, и вот для этого он выставил такое знамя, которое должно было соединить под собою большинство молодых людей: знамя их было — народное благо. Тут все сходились: и тот, кто желал для народа больших земских прав, и тот, кто мечтал об артелях или ассоциациях, и тот, который задавался вообще только идеей народного блага.

В правилах организации, в 7 параграфе, говорится, что <надо> не убеждать, а только спланировать те силы, которые есть налицо. Эта же самая <мысль> проходит и в прокламации Нечаева, где он говорит: будем спланиваться, и в другой прокламации «от сплотившихся». Вот главная идея Нечаева. Таким образом, представляется весьма естественным, что Нечаев, явившись в Академию и встретив там много людей, с <благородными> намерениями, обратился к ним с тем, чтобы сплотить их. Для него были все они годны: один говорил, что он устраивает школы, — Нечаев отвечает; другой говорит: «я занимаюсь артелями», — Нечаев хотя возражает, что артели не годятся, но все равно и это ему может быть полезно. Таким же образом он поступал со всеми другими. Ему главное было — сплотить людей; он как главнокомандующий имел

в виду составить только армию. Что именно такого рода планы у него были, мы можем найти подтверждение, не только в тех трех документах, которые я привел, но еще и в катехизисе, который всем студентам был вовсе неизвестен. Это тот документ, который был известен одному Нечаеву, а именно: <Катехизис>, об отношениях революционера к своим товарищам. Надо, говорил он там, — чтобы каждый революционер устраивал кружки; кружки эти должны иметь несколько степеней — кружки второго и третьего разряда, не совсем посвященные. Да иначе оно и не могло быть. Если бы Нечаев устраивал такую организацию, члены которой вполне разделяли бы его стремления и цели, то ему пришлось бы очень долго ждать, потому что переубедить человека, уже в чем-либо убежденного, переманить его на другую сторону — довольно трудно. Ему, следовательно, не нужно было убеждать и достаточно было ввести подчинение: образуются кружки второстепенные, низшие подчиняются высшим, а там посмотрим, как дальше действовать. Таким образом, из всего того, что я имел что-то сказать, я прихожу к тому заключению, что невозможно допустить, что все те лица, которые находятся в настоящее время перед вами, чтобы все они разделяли все те мысли и убеждения, которые высказывал Нечаев.

Когда Нечаев высказывал им свои идеи в общих чертах, когда им говорил о благе природы, то они хотя и сочувствовали этим мыслям и многие из них и вступали в общество, но каждый из них оставлял за собой право выхода из этого общества на тот случай, если бы дальнейшие идеи или цели общества не совпадали бы с целями вступающего. Господин прокурор по этому поводу говорил относительно А. Кузнецова, что он этого не может допустить, что как скоро человек поступил в тайное общество, то он сразу подчинялся ему, что он не мог оставлять за собою право выхода. Мне кажется, что такого рода обращение совершенно голословно, если вникнуть в дело, то выход, который оставлен (для участников общества. — *Д. Л.*), является совершенно логичным. Если Нечаев желал только заставить большим количеством людей, не обращая внимания на их убеждения, если ему нужно было только сплачивать их, то без сомнения он принимал и таких людей, которые расходились с его взглядами и которые представляли себе право выхода из общества.

Очевидно, он рассуждал таким образом: теперь они не согласны, а потом они, может быть, согласятся; конечно, он мог ошибаться. И действительно, многие не соглашались с ним. Таким образом, тот довод господина прокурора, что вся молодежь, которая слушала Нечаева, непременно разделяла его мысли, не может быть принятым вполне так, как говорит господин прокурор; он может быть приложен к первым четырем подсудимым первой группы, которые стояли ближе к Нечаеву; но что касается других подсудимых, то из его плана организации трудно прийти к другому мнению, а именно, что многие из них не разделяли тех целей, которые были им высказаны Нечаевым.

Второй довод в подтверждение того, что все сидящие здесь на скамье подсудимых академики знали очень хорошо цель и планы общества, господин прокурор выводил из того, что все они читали прокламации. Но я полагаю, что господин прокурор и сам не придавал особо серьезного значения тому,

что прокламации были читаны. Нельзя же утверждать, чтобы две вещи, совершенно противоречивые, укладывались в одной и той же голове; прокламация демократическая <революционная. — Д. Л. >, радикальная, как прокламация Нечаева, не могла же идти рядом с прокламацией из Брюсселя. От того, что я читаю и ту и другую, нельзя вывести еще заключения, чтобы я разделял мысли, высказанные в обеих, и притом мысли, совершенно противоположные моим собственным. Каждый из нас читает различные книги; неужели же мы разделяем и обязаны разделять мысли каждой прочитанной книги.

Далее: из того, что человек, прочитав прокламацию, передал ее другому, нельзя заключить, чтобы он распространял прокламацию и сочувствовал тому, что в ней написано; точно так же, если я получил прокламацию, из этого же не следует, что я ей сочувствовал. Один из подсудимых вполне верно объяснил то значение, которое должно выводиться из чтения и передачи прокламации. Если бы прокламации находились даже у кого-либо, то и это еще не может служить доказательством того, чтобы лицо, у которого найдены эти прокламации, разделяло выраженные в них мнения, в особенности ввиду того, что эти прокламации <находятся в> противоречии между собою.

Таким образом, мне кажется, я доказал то, что главная цель в этом обществе Нечаева, не была известна, <так как > не была определена для всех тех, которые входили в него. Если она и существовала, то, может быть, была вполне известна тем лицам, которые были с ним всего ближе, тем, которые уже подверглись суду Судебной палаты. Но я утверждаю, что эта цель не была и не могла быть вполне известна всем тем подсудимым, которые пред вами находятся. Я не отвергаю того, что из разговоров, которые вели академики — по крайней мере, многие из них — с Нечаевым, они могли догадываться об этих планах; могли предполагать, что действительно что-нибудь и кроется недозволенное, преступное, но они не могли быть вполне уверены при той недосказанности, туманности, которыми вообще отличались слова Нечаева; но из этого нельзя никак вынести заключения, чтобы они должны были знать вполне цель общества.

Затем, для определения того, каково было это тайное общество, если его цель была для всех в высшей степени неопределенная, неразрешенная, надо приступить к рассмотрению того, каким образом это тайное общество действовало, какого рода учения оно распространяло. Что касается до учения, то и сам господин прокурор не подтверждает того, чтобы это общество распространяло какого-нибудь рода учения. В первой своей речи он высказал, что никаких учений оно не распространяло, следовательно, остается рассмотреть, какого рода были действия общества. Для того, чтобы рассмотреть эти действия, всего удобней будет, если я обращусь к определению характеристики образа действий того подсудимого, которого я защищаю, подсудимого Долгова.

Для того чтобы определить <?> и характер Долгова, я прошу вас, господа судьи, прежде всего, взглянуть снисходительно на то, каким образом Долгов является в своих показаниях перед вами. Как я мог заметить из довольно многочисленных свиданий, которые я начал с ним, Долгов с тех пор, как был посажен в крепости, был под влиянием весьма сильного душевного потрясения,

будучи человеком, как вы могли видеть из показаний, данных о нем, весьма мягким, нежным, уступчивым, я могу сказать, человеком в высшей степени деликатным и конфузливym. Долгов вследствие тех несчастных обстоятельств, которые привели его сюда, которые весьма сильно на него подействовали, может быть, еще более сделался сдержан, ему стало еще труднее выражать то, что бы он хотел выразить. Я имею перед собою <людей — Д. Л.>, которые судят не на основании только законов, но и на основании своих личных впечатлений, и почему я вполне уверен, господа судьи, что эту молчаливость Долгова вы не припишете тому, что он хотел бы скрыть что-нибудь пред вами; напротив того, Долгов ничего не отвергает из того, что говорилось против него, он ни от чего не отказывается, он говорил здесь то же, что показывал и прежде; если он чего-то не понял, то это происходит от тех физических причин, о которых я сейчас говорил.

Я прошу обратить внимание на то обстоятельство, что когда господин председатель делал еще в первый день заседания вопросы о том, какого рода прокламации он читал, то он сказал о себе даже больше, чем в действительности было, в чем, я думаю, убежден и сам господин прокурор. Он говорил, что читал прокламации и, между прочим, «Народную расправу» и что он вовсе ее не распространял. Я обратил на это его внимание и настаивал на том, чтобы он это не распространял. Я смею надеяться, что вы не увидите в этом с моей стороны желание учить подсудимого тому, чего не было. Этого в действительности не было, и сказал он на себя лишнее вследствие своей конфузливости и вследствие того, что нехорошо разобрал вопросы господина председателя, приписывал себе больше того, нежели он действительно делал. Я думаю, что господин прокурор вместе с этим объяснением согласен, так как он, если я не ошибаюсь, вчера сказал, что принимает второе показание, данное Долговым.

Обращаюсь к определению личности Долгова. Вы помните показания тех весьма немногих лиц, к которым я обращался, то, что о нем говорили; я не знал тех отношений, которые существовали между Долговым и его товарищами, кроме того, что они все к нему более или менее расположены. Но показания, данные о нем перед вами, я думаю, внесли вам объяснение, что это за личность. Оказывается, что это человек, который вполне предался делу, занимался с усердием сельским хозяйством, хотел сделаться либо учредителем земледельческих ассоциаций, либо управляющим имением. Кроме того, проводя занятия, он учил детей, мальчиков и девочек, а также и взрослых, и, как вы слышали, один из товарищей его отозвался, что он занимался обучением детей просто со страстью. Человек, который предался такого рода занятиям, который втягивает даже всех своих товарищей в то дело, которое важно, чтобы они помогали ему в обучении детей. Это, можно сказать, самые невинные идеи, которые имеют устроить что-нибудь именно для блага своих ближних, например земледельческую ассоциацию, вследствие того что он уроженец Саратовской губернии и от того близко видел положение саратовских крестьян, который отдал всю душу для того, чтобы оказать услугу бедному крестьянскому сословию, такой человек наталкивается на Нечаева.

Нечаев начинает проповедовать разного рода идеи против ассоциаций, против артелей, против школ. Мне кажется, вся натура Долгова совсем не такова, чтобы она поддавалась такого рода влиянию вполне, чтобы она могла сочувствовать всем тем идеям, которые проводил Нечаев. Господин прокурор может возразить, что сколь скоро человек поступил в общество, то, без всякого сомнения, отдавал себя обществу вполне, и человек, принимавший его, то есть Нечаев, зная хорошо идеи и намерения вступавшего, и потому только и принял его. Но я против этого, кажется, довольно подробно объяснял, что те, которые принимались, принимались не потому, чтобы они вполне отдавали себя тому делу, которое устраивал Нечаев, а потому, что Нечаеву нужно было сплотить как можно больше народу. Так вот Нечаев являлся к Долгову, который был первый человек, которого Нечаев знал в Академии. Господин прокурор выводит из того, что, не будь Долгова, Нечаев, может быть, не сделал бы того, что он сделал в Академии; но я полагаю, что, не будь Долгова, были бы Иванов, Петров и т. д. Долгов был только проводником Нечаева, он только представлял его в Академии и познакомил его со студентами (по рекомендации Успенского). Но что же он сделал тут преступного? Он познакомил Нечаева с Ивановым и Кузнецовым, и затем в самое короткое время Нечаев устроил из них кружок, который состоял из четырех лиц: Долгова, Кузнецова, Иванова и Рипмана. Из слов господина прокурора должно заключить, что Долгов был самый важный из всех членов (поэтому он и стал первым в обвинительном акте); что он должен был с самым большим влиянием; что он был самым близким человеком к Нечаеву. Но так ли это? Ничуть нет. Кто из академического кружка сделался членом того верхнего отделения, которое имело надзор за всеми? Кто вышел из него? Из кружка вышел Иванов, затем Кузнецов, а Долгов остался. Если он был первым знакомым Нечаева, если он был посредником между Нечаевым и теми академиками, которых Нечаев прежде не знал, то из этого нельзя вывести заключения, чтобы значение Долгова было такое, которое приобретают другие, как, например, Иванов и Кузнецов. Возьмите из первой речи господина прокурора то место, где он поверил, что Иванов постоянно ссорится с Нечаевым именно за Долгова. Иванов хотел, чтобы Долгова точно так же перевели в главное отделение, как его самого и Кузнецова, а Нечаев постоянно не соглашался на это. Долгова не перевели в это отделение вследствие того, что Долгова не почитали таким ревностным, разделяющим все мысли, которые высказывал Нечаев. Это видно из образа действий самого Долгова.

Вы помните, что господин прокурор неоднократно ссылался на эти протоколы, которые были найдены у Успенского. Что же мы видим в этих протоколах? Мы видим, что там появлялась фамилия Долгова четыре раза. Но в каком виде появлялась его фамилия? Первые два раза написано, что Долгов явился и ничего особого не сказал. Затем, в третий раз, он дал характеристику лиц. Наконец, четвертый раз под его фамилией написано «Столбы». Вот и все, что делал Долгов. Из этого видно, что роль и деятельность Долгова были весьма небольшие, именно вследствие того, что он не сочувствовал всему тому, что высказывал Нечаев, и не действовал так, как хотел Нечаев. Я мог

привести в подтверждение этого еще другого рода показания, но не вполне уверен, были ли они даны на судебном следствии, а не на предварительном, и потому умалчиваю о них. Я могу только сказать, что в них многое говорилось в пользу Долгова. Таким образом, я вижу, что деятельность Долгова, то есть значение Долгова, была совсем не такого рода, как приписывает ему господин прокурор. Хотя он и стоит в обвинительном акте первым по первоначальному знакомству с Нечаевым, но это происходит вследствие времени, вследствие только того, что он познакомился с Нечаевым.

Затем посмотрим, что же делалось в этих кружках. Господин прокурор во вчерашней речи говорил, что собирались, в них постоянно председательствовал Долгов, что в этих кружках делалось то-то и то-то. Но я прошу вспомнить, каким образом собирались эти кружки и бывало ли в них когда-нибудь председательство? Вы помните, что состоял кружок из Долгова, Иванова, Кузнецова. Кто его составил? Не Долгов, а Нечаев, который с каждым из них поговорил вначале порознь, а затем уже составлял кружок. Следовательно, председательства тут никакого не было, а вся роль Долгова преимущественно заключалась в том, что он составлял протоколы и относил их Успенскому. Я думаю, что это не есть еще председательство, что это не дает еще права считаться первым в кружке. Затем, когда вышли Иванов и Кузнецов, что же делает Долгов? Ничего особенного, он никого не привлекает, никаким кружком не заведывает, а остается в том же положении, то есть сообщает один раз, а потом два раза в неделю Успенскому те сведения, которые он собирает, и вы видали, в чем заключались эти сведения. Затем из судебного следствия вы точно так же видели, что каждый из членов центрального и других кружков должен был, по правилам организации, устраивать кружки около себя.

Господин прокурор упоминал, что Долгов устроил кружок около себя. Из кого же состоял этот кружок? Он состоял, по мнению господина прокурора, из трех лиц: Коробьина, Абрамова и Беляевой. Но так ли это? Мне кажется, это совершенно не так. Во-первых, если вы изволите припомнить первую речь господина прокурора, то вспомните, что он сказал. Тогда он сказал, что Абрамов был привлечен в общество Ивановым, а из правил, которые были весьма подробно изложены господином прокурором, видно было, что для поступления в общество была соблюдаема известная традиция. Сначала говорили с лицом, затем, когда делались известны его мысли, к этому лицу являлось уже другое лицо, которое должно было говорить с ним для того, чтобы окончательно убедиться, что лицо это готово вступить в общество. В отношении Абрамова первый <призыв> сделан был Ивановым, сделавшим ему первоначальное предложение, как это видно из собственных слов господина прокурора. Затем, из показания Абрамова, которое было здесь прочитано, мы видим, что Абрамов на предложение Долгова, следовательно, уже на второе предложение, окончательно отказался от вступления в общество и вовсе не поступил в кружок. Таким образом, мы видим, что Абрамову было сделано два предложения: сначала Ивановым, а затем Долговым, и что Абрамов не вступил в кружок.

Поэтому, мне кажется, что в указаниях господина прокурора на то, что в бумагах Успенского значится имя Абрамова под известным кружком, эти ссылки в настоящее время не могут быть приняты, потому что очевидно противоречие истине; и если даже Абрамов был действительно помечен, то из этого еще нельзя заключить, чтобы он был привлечен именно Долговым; господин прокурор, говоря вчера о той бумаге, в которой показан был Абрамов, упомянул, что Успенский сказал прямо, что вообще все сообщалось ему Долговым. Но вы видели, что в это время встал Долгов и сказал, что он сообщил не все сведения, потому что тут были многие лица, которых фамилии ему неизвестны, и я положительно помню, что Успенский сказал на это — может быть, господин прокурор не расслышал этого, — Успенский сказал: «Да, я утверждаю, что Долгов сообщал мне только некоторые бумаги и что другие сообщались мне другими лицами».

Таким образом, если сведения сообщались Долговым, Ивановым и другими членами кружка, то очень легко может быть, что в эту табличку могли попасть имена не со слов Долгова. Из всего этого следует заключить, что Абрамов не был в кружке Долгова. Затем объявляются Коробьин и Беляева. Что касается до Коробьина, то нет никакого сомнения, что его пригласил Долгов. Коробьин говорит, что он был приглашен им, но с какой целью? Мы слышали, что Долгов вообще не сообщал Коробьину ни о какой цели, да он и не мог сообщить ему этого, так что и самому Долгову не было известно о цели общества. Долгов пригласил его для известного рода действий. Какого рода были эти действия, мне повторять сказанного Коробьиным не приходится, я скажу только, что действия эти были совершенно пустые, не важные, не заключали в себе ничего преступного и состояли только в том, чтобы изучить, что делалось на литературных вечерах, спросить, не следует ли за этими вечерами полиция и только.

Остается Беляева. Но чтобы Беляева была членом кружка Долгова, этого я на судебном следствии не сказал и услышал только в первый раз из речи господина прокурора. Все, что мне известно из судебного следствия, это только то, что Беляева была членом главного кружка, а сама она была членом этого кружка, то очевидно, что ей не приходилось быть членом кружка Долгова, и если она раз была прислана в кружок Долгова, то из этого точно так же нельзя заключить, чтобы она была членом этого кружка. Таким образом, весь кружок, устроенный Долговым, заключался в одном лице, Коробьине, и, следовательно, совершенно справедливо показание Долгова, сказавшего, что у него никакого кружка не было.

Затем я обращаюсь к тому, какого рода деятельность была в кружке Долгова. Господин прокурор вчера говорил, что когда собирался какой-нибудь кружок, то там читались прокламации и правила и что вообще происходило совещание. Мне кажется, что нет никакого сомнения, что все собрания этого кружка ограничивались, как показали многие из подсудимых, совершенно посторонними разговорами. Я вывожу это из того, что если цель общества не была действительно известна всем членам, то очевидно, что о цели этой они не могли говорить. О чем же оставалось говорить? Если член был принят,

то не говорить же о том, что член принят; про прокламации сказать тоже, конечно, нечего, так как они раз уже прочитаны. Что же остается читать? Правила организации? Но те, которые поступили в члены, прочли уже правила раньше, следовательно, что же оставалось сообщить? Оставалось только намечать и рекомендовать членов. В этом отношении мне представляется совершенно справедливым показание Николаева, который вполне добродушно говорит: «Я приходил, наблюдал, писал, да писать-то было нечего; должны были намечать знакомых, а знакомых не было, следовательно, нечего было и писать».

Таким образом, разумеется, на этих собраниях говорилось о разного рода вещах, которые более или менее интересовали студентов; о тайном же общесте разговоров не было.

Что же касается до денежных средств, собираемых Долговым, то мне говорить об этом нечего, потому что сам господин прокурор не указывает на это, не говорит, чтобы Долгов собирал деньги. В этом отношении видно только из той записки, которая найдена в кармане Иванова и в которой сказано, что Долгову дано 6 рублей. Известно, что Долгов, человек весьма бедный, и он здесь говорит, что действительно занял эти 6 рублей. Нам говорят в обвинительном акте, что он предлагал делать складчину, собирать деньги; но для чего? Собственно для его поездок в Москву к Успенскому. Господин прокурор говорил, что Долгов сначала действовал весьма вяло, но затем деятельность его увеличилась до того, что он бросил академические занятия. Но ни из судебного следствия, ни из предварительного следствия этого не видно. Из чего почерпнул господин прокурор это сведение — мне неизвестно; я знаю только то, что Долгов, как мне это известно из предварительного следствия, а также из моих с ним разговоров, постоянно хотел кончить курс в Академии, для того чтобы потом иметь возможность заниматься сельским хозяйством.

Мы теперь наталкиваемся на одно очень веское обвинение в обвинительном акте, именно на обвинение его в распространении прокламаций.

Здесь я должен возвратиться к тому, что я говорил о душевном состоянии Долгова. Долгов господину председателю сказал, что он распространял прокламации. Я уже говорил о том, что ответы Долгова были даны в совершенном замешательстве. На мой вопрос, в чем заключалось распространение прокламаций, он мне объяснил, что распространение заключалось в том, что он давал читать прокламации некоторым из своих товарищей. Мне кажется, что это объяснение весьма правдоподобно. Всякий из нас, если имеет что-нибудь интересное, новое, непременно сообщает своим близким. Дело не в том, хорошая ли это вещь или дурная, достаточно того, чтобы это была любопытная вещь. Без всякого сомнения, что прокламации, которые получались молодыми людьми от Нечаева или по почте, не могут не считаться любопытными. Очень естественно, что Долгов показывал такие прокламации как любопытные вещи своим товарищам. Вот в чем заключалось распространение прокламаций Долговым. Он их не распространял в народ, не рассылал никому, не раздавал с какой-нибудь преступной целью, но показывал единственно для того, чтобы поделиться, — как объяснял один подсудимый, — новым, интересным

предметом. Если бы у него была какая-нибудь злоумышленная цель, то я полагаю, что это могло бы быть предметом обвинения. Но когда человек передает прокламацию для прочтения без всякого злого умысла, — а умысла тут не было, — то очевидно, что это не может составлять преступления. Господин прокурор говорит, что это было сделано злоумышленно. Но в чем же заключалось это злоумышление? Как вам хорошо известно, эти прокламации исключают одна другую: одна — демократическая, другая — аристократическая. Если одна другую исключает, то каким образом можно сказать про человека, который дает их прочитать кому-нибудь, что он распространяет их злоумышленно?

Очевидно, если я даю две вещи противоположные, то я не могу иметь никакой другой цели, кроме той, чтобы сообщить для сведения, для любопытства, а не для того, чтобы произвести какое-нибудь дурное действие. Очевидно, что если я хочу достигнуть одной цели, то я не могу достигнуть ее совершенно противоположными средствами. На основании этого я прихожу к такому заключению, что требования господина прокурора о признании Долгова виновным в распространении прокламаций не может быть удовлетворено, потому что Долгов если и раздавал или, как он говорит, распространял прокламации, то это не может быть признаваемо распространением прокламаций с злоумышленной целью. Таким образом, из всего, что я имел честь изложить Палате, я прихожу к заключению, что Долгов хотя и принадлежал к тайному обществу, но к тайному обществу, которого цель окончательно не была ему известна; из чего можно только заключить, что эта цель даже не была вполне определена ни самому Долгову, ни даже большинству всех тех подсудимых, которые находятся здесь.

Затем, хотя Долгов состоял в том тайном обществе, но не предпринимал никаких действий, которые были бы вредны и имели бы тот характер, который приписывает власть; если он принадлежал к тайному обществу, то не принимал особенно деятельного участия, а напротив, играл роль весьма не первостепенную; участие его весьма незначительное, и во всяком случае Долгов не может быть признаваем распространителем прокламаций с намеренной целью. Заключая мою речь о Долгове, я считаю необходимым еще обратиться к некоторым словам, которые были высказаны господином прокурором в его первой речи. Господин прокурор, говоря о целях общества, о действиях кружка, намекал, очевидно, на те кружки, члены которых находятся на скамье подсудимых, он говорил, что эти молодые люди были все очень склонны к тому, чтобы подчиняться всему, что могло изменить их положение, что они недоучились, что они действовали как бы из своих личных видов. Мне кажется, вы, господа судьи, после такого рода показаний, которые были даны перед вами, должны прийти к совершенно иному заключению.

Все эти молодые люди если и увлекались, может быть, не совсем благородными идеями, во всяком случае не могут заслуживать упрека в эгоизме. Мне кажется, их стремления были одними из ярких, какие только могут встретиться; все то, что они делали, они делали с хорошими гуманными идеями.

Во всяком случае, мне кажется совершенно невозможным упрекать их в том, что они недоучивались по собственному желанию.

Долгов, как я уже говорил, уроженец Саратовской губернии, учился в гимназии, где кончил курс и поступил в Казанский университет; пробыв в Казанском университете год и найдя, что факультет, на который он поступал, не удовлетворил его ожидания, он перешел в университет, где пробыл недолго, и что в это время случилась история с его товарищем, которого хотели уволить и за которого Долгов, как и многие его товарищи, заступился. Совет университета исключил Долгова из университета, но позволил ему поступить в другое высшее учебное заведение. Он поступил в технологический институт, а в это время случилась неприятная история в семействе. Отец его был недоволен тем, что он переходил из одного заведения в другое, и прервал с ним сношения. Благодаря, однако, дяде, Долгов мог поступить в технологический институт, где пробыл около двух лет. Хотя дядя и платил за него деньги за учение, но Долгов находился в таком положении, что есть было нечего, а потому он должен был переписывать бумаги, заниматься неприметным мастерством и, таким образом, не мог учиться, потому что все время, которое он должен посвятить учению, он употреблял на то, чтобы зарабатывать что-нибудь, чтобы прокормить себя. И из этого вы видите, что все, что я сказал до сих пор, не может служить доказательством того, чтобы он не хотел учиться. Наконец товарищи Долгова переманили его в Петровскую Академию, где, пробыв год, он мог бы получить стипендию. В первый год его пребывания в Академии один из его товарищей платил за него, как за учение, так за квартиру и еду. Затем он получил стипендию, а если не кончил курса, то это не потому, чтобы он не хотел заниматься, а потому, что был арестован.

Все то, что вы слышали о стремлениях молодежи, не доказывает того, чтобы люди эти были эгоистами и заботились о себе. Я позволил себе говорить об этом потому, что вижу в вас не только судей, но полагаю, что вы, по мысли законодателя, совмещаете в себе и присяжных, что вы будете относиться к подсудимым, а в числе их к Долгову, применяя к нему не только букву закона, но будете принимать в соображение все то, что сделалось вам известным о нем.

Теперь позвольте мне обратиться к защите другого подсудимого, Римского-Корсакова.

Вы изволите, я думаю, господа судьи, помнить из самой речи господина прокурора, что он многим из подсудимых отделяет довольно значительную роль; других же ставит на задний план и говорит, что действительно, по его мнению, они не столь преступны как те, которых он ставит первыми. К числу таких он привлекает и того подсудимого, о котором я сейчас буду говорить. Я тут должен был прибегнуть к тем же указаниям, которые я привел при защите Долгова. Я не буду повторять того, о чем только что говорил, укажу только на то, что специально касается самого Римского-Корсакова. Вы изволили убедиться лично, в каком болезненном состоянии находится Римский-Корсаков; он был допрошен первоначально на предварительном слушании, и как видно из первых показаний, что принадлежал к тайному обществу. Но после того Римский-Корсаков был в таком болезненном, даже

опасном положении, что всякий приговор для него в высшей степени тяжел, как вы, вероятно, в том убедились: он сам не мог вам ответить. Римский-Корсаков после первого показания, когда он был вызван следственной комиссией, отрекся от всех прежде изложенных показаний; он хотел этим избежать всех дальнейших расспросов и ответов, потому что говорить ему было трудно, даже физически невозможно. Господа судьи, вы видели, что перед вами в настоящее время он побоялся говорить много, его болезненное состояние ему того не позволяло; он сказал, однако, что принадлежал к тайному обществу.

Но в чем же заключалось данное тайное общество? Как вы слышали, он хотел устроить некоторого рода ассоциации. Ассоциации эти заключались бы в устройстве маслобоен, хозяйства в Курской губернии, он и хотел применить в этой местности те сведения, которые получил в Академии. Он не знал ни цели, никаких подробностей о тайном обществе, товарищи говорили ему, что есть какое-то тайное общество, что оно имеет теперь же цель, какую он и преследовал; он вступил в тайное общество, так как видел в нем исполнение своих заветных мечтаний, затем сведений о тайном обществе он не имел и никакого рода участия поэтому в нем не принимал. Он имел полное право сказать всем, что не принадлежит к тайному обществу, и я полагаю, что признать такого человека виновным к принадлежности к тайному обществу, которое имело целью ниспровержение правительства, нет никакого основания.

Правительственный вестник. 1871. № 181–182.

Присяжный поверенный Стасов, защищая подсудимую Александровскую, объяснил, что замечания прокурора о том, что все объяснения, данные Александровской, до такой степени несообразны, что на них не стоит и отвечать, не могут быть признаны основательными, так как ни к какому показанию, особенно когда дело идет о таком важном преступлении, в котором обвиняется Александровская, нельзя относиться с таким пренебрежением.

Со своей стороны защитник находит, что если тщательно анализировать показания Александровской, то следует прийти к совершенно иным выводам, нежели обвинитель. К разъяснению как этих объяснений, так и вообще всех выставленных против Александровской улики защитник объяснил, что свидетельских показаний, до Александровской относящихся, весьма немного, а именно: показания Мартыновой и, наконец, ее собственные объяснения. Из этих показаний видно, что с 1863 года она около 5 лет жила в Туле, в далеко не блестящем положении; средства были весьма ограничены, круг знакомых самый небольшой; по удостоверению ее служанки Мартыновой, почти никого у нее не было. Незадолго перед этим она успела купить небольшое имение; но оно было от нее отобрано, деньги не возвращены, и она осталась с процессом и малолетнюю дочь на руках. Вследствие этого она была вынуждена прибегнуть к разного рода занятиям, чтобы поправить свои дела: так, сначала она хотела завести типографию, но ей не разрешили; затем она переехала в Петербург, начала заниматься искусством, изучила его и получила место

от курского земства. В это же время ей удалось продать свой иск, и она переехала в Тулу.

Позднее она опять была в Петербурге, где познакомилась с Черкезовым, который, по обыкновению, просил и ее в случае надобности принять у себя в Туле тех лиц, которые к ней явятся от его имени и будут нуждаться в пристанище. Она согласилась и только что успела приехать домой 4-го декабря, как через несколько дней в Тулу приехал, под чужим именем, Нечаев. 15-го того же декабря, как известно, Александровская уехала за границу. Александровская, будучи в уездном городишке, ни о чем не слыхала, а потому Нечаев рассказал о вещах для нее новых и интересных, успел возбудить в ней расположение к себе. На другой день после него явился и Черкезов, из показаний которого видно, что он просил Александровскую ехать за границу с целью узнать отношения Нечаева и эмигрантов. Это показание представляется, по мнению защиты, так мало правдоподобным, что не требует даже критического разбора.

Нечаев, как известно, хотел всюду принять членов в общество, и как можно больше, а для этого нужно было писать прокламации. В России этого было делать нельзя, надо было выписывать прокламации из-за границы, и с этой целью он и хотел еще прежде отправить за границу Беляеву. Но в то время, когда Нечаев явился к Александровской в Тулу, когда убийство Иванова и само тайное общество были уже раскрыты, начались аресты и самому Нечаеву приходилось искать убежища. Нечаев, опасаясь чтобы после его отъезда за границу его прежние планы не рушились окончательно, еще более сознал необходимость, для поддержания известного настроения в обществе, выслать, по крайней мере, из-за границы возможно больше прокламаций всякого рода. Не имея никого под рукою, чтобы согласился взять на себя это поручение, Нечаев встречался с Черкезовым, который и указывает ему на Александровскую, как на женщину весьма впечатлительную, увлекающуюся, которую можно убедить ехать за границу.

С этой целью Нечаев и является к Александровской, к которой также приезжает Черкезов, между ними начались разговоры о волнениях, воззваниях, о том, что существует тайный комитет, который пособляет всем тем, кто содействует волнениям, но который в то же время и расправляется весьма энергично с теми, кто не будет ему повиноваться. Далее они объяснили Александровской, что комитет ее знает и что небезопасно противиться воле комитета. Александровская действительно была запугана всеми этими умыслами, и нельзя не поверить ее испугу, в то, что рассказал Нечаев, верили люди более развитые и жившие менее замкнутой жизнью, чем Александровская. Затем Нечаев прямо объявил Александровской, что она должна ехать за границу, что это нужно комитету и что за послушание с ней может произойти то же, что с Ивановым. Александровская, находясь под влиянием весьма естественного в ее положении страха, все еще борется, представляет различные причины невозможности исполнить это требование, она, между прочим, говорит, что у нее нет паспорта, но ей отвечают, что у комитета повсюду есть агенты, что паспорт ей тотчас же выдадут, и действительно, когда она отправилась в путь

и явилась в канцелярию губернатора, то немедленно получила свой паспорт, несмотря на то что она находилась под надзором полиции.

В доказательство справедливости того, что Нечаев угрозой заставил Александровскую согласиться на его требования, защитник указал на то, что Нечаев, как уже доказано рассмотрением всего настоящего дела, всегда употреблял подобные способы убеждения, что подтверждается и некоторыми документами, читаемыми на суде, как в Катехизисе революционера, где в шестом пункте говорится, что женщинами надо пользоваться всячески: стараться опутать их и сделать своими рабами.

Относительно заключения прокурора, что Александровская съездила за границу на свои деньги, защитник заметил, что Александровская выдала Черкезову 200 рублей только <заимо>образно, если же она не получила этих денег обратно, то тем не менее имела в виду их получить, и, следовательно, нельзя утверждать, что она решилась пожертвовать своими собственными деньгами на эту поездку.

Пробыв в Женеве несколько времени, Александровская, нагруженная прокламациями, была отправлена обратно в Россию. Она не могла, по словам защитника, одуматься, находясь все еще под влиянием страха, так как ей объяснили, что общество существует не только в России, но и во всей Европе. В доказательство того, что этот страх мог действительно запугать Александровскую, даже нелепыми угрозами, защитник указал на несколько предметов и, между прочим, на случай, бывший в Мариупольском магистрате, куда явился один господин и сказал, что одному из членов магистрата приказано обрить голову и сослать в Сибирь: весь магистрат до того был этим перепуган, что не посмел послушаться, и несчастному действительно обрили голову и чуть не сослали в Сибирь; только телеграмма губернатора спасла его от ссылки.

Ввиду всего сказанного защитник пришел к заключению, что Александровская действовала под влиянием страха и что поэтому если она и поехала за границу с целью привезти оттуда различного рода запрещенные сочинения, то все-таки не может еще означать принадлежность ее к тайному обществу. Кроме того, в деле нет, по словам защитника, никаких признаков участия Александровской в тайном обществе: <...> и вообще не сообщались никакие сведения, касающиеся общества. Равномерно защитник полагает, что Александровская не может быть признана виновною в покушении на распространение прокламаций, так как если Александровская и привезла прокламации, то в этом еще нет признаков покушения на распространение их <...>.

Присяжный поверенный Стасов, защитник подсудимого Петра Топоркова, обратил прежде всего внимание Палаты на то, что заявление товарища прокурора о том, что изложенное в обвинительном акте не опровергнуто показаниями подсудимых и что основанием для обвинения должен служить обвинительный акт — неверно, так как его клиент представил на суде объяснения, которые вполне разъясняют то, что изложено против него в обвинительном акте. Далее защитник указал на то, что вывод товарища прокурора, что будто бы Нечаев все то, что знал и чего добивался, передавал всем лицам, которых старался привлечь

в общество. Напротив того, из всего настоящего процесса защитник убеждается, что Нечаев далеко не все то, что бродило в его голове, передавал другим.

Изложив затем историческую часть настоящего дела, защитник заметил, что чтение правил организации не составляет еще окончательного вступления в общество, и это, по мнению защиты, сама Палата признала уже несколько раз, оправдывая Святского и Воронцову, несмотря на прочтение ими правил организации. При этом защитник напоминает Палате показания Кузнецова о том, что Нечаев, посылая его к Топоркову и другим, говорил ему, чтобы он был с ними осторожнее и не был бы слишком откровенным.

Затем, опровергая предположение обвинения о том, что Топорков привлек в общество Кошкина и других, защитник объяснял, что Топорков, указывая Нечаеву на двух-трех товарищей, не спросил их об этом предварительно, кроме Кошкина, которому он сказал только о существовании общества и спросил его о нем.

Таким образом, продолжал защитник, нельзя признать, чтобы Топорков принадлежал к какому-нибудь обществу, а если он к нему не принадлежал, то нет возможности предполагать, чтобы он слушался кого-нибудь к вступлению в это общество. Что касается до обвинения в недонесении, то и в этом он не может быть признан виновным, так как нет возможности донести о том, что самому хорошо не известно.

В заключение, возражая против того положения товарища прокурора, что закон не требует карать стремления к действиям и наличности средств к достаточно известной преступной цели, а карает одну только принадлежность к обществу, имеющему такую цель, защитник указал на 48-ю ст., которая положительно, по мнению защиты, выражает, что принадлежность к обществу должна проявляться либо действием, либо учением. Поэтому защитник просил о совершенном оправдании подсудимого П. Топоркова.

Правительственный вестник. 1871. № 200.

Процесс И. М. Ковальского

**Дело о вооруженном сопротивлении на Садовой улице в Одессе.
Судебное заседание 22 июля 1878 г.**

По ходатайству защитника Стасова была прочитана та часть показаний свидетельницы Алексеевой, данная на предварительном следствии, которая противоречит показанию, данному свидетельницей на суде. На предварительном следствии свидетельница показала, что солдаты стреляли в то время, когда дверь из комнаты обвиняемых была еще заперта, и когда дверь была открыта, то они еще раз выстрелили. На суде же свидетельница утвердила, что солдаты стреляли только один раз, когда дверь была уже открыта. Свидетельница объяснила, что она подтверждает то показание, которое дала на суде и на дознании, произведенном полковником Кнопом, который допрашивал

ее, свидетельницу, через неделю после происшествия, тогда как военный следователь допрашивал ее только через 4 месяца после происшествия. Когда военный следователь допрашивал ее, свидетельницу, то она в то время была больна и, быть может, что-нибудь и позабыла.

Защитник гос. Стасов ходатайствовал перед судом о разрешении ему сослаться в защитительной речи на имеющиеся в его руках тетради, написанные подсудимым Кленовым, с пометами подсудимой Виттен, в доказательство того, что Кленов действительно брал у Виттен уроки русского языка... (Удовлетворили...).

Защитник гос. Стасов просил прочесть донесение к полковнику Кнопю жандарма, которому было поручено наблюдать за поведением Кленова до его ареста. По постановлению суда, просимый защитником документ был прочитан. Защитник Виташевского и Кленова, присяжный поверенный Стасов, в начале своей речи также возражал против обвинения подсудимых в составлении тайного общества. По мнению защитника, обвинителем не было доказано существование тех признаков, которыми по закону обуславливается существование тайного общества. Из того, что на прокламации под заглавием: «Голос честных людей» между прочими надписями подписано «Н.» «В.», обвинительная власть выводит заключение о том, что это означает «Николай Виташевский» и, следовательно, Виташевский принимал участие в тайном обществе.

По мнению защитника, такое заключение неосновательно. Экспертиза, признавшая эти две буквы написанными рукою Виташевского, не представляет еще достаточного доказательства, так как, по мнению юристов, экспертиза вообще представляется весьма шатким доказательством, к которому можно прибегнуть лишь при имени других данных, подтверждающих ее. Но если даже допустить, что буквы «Н. В. — 1 р.» написаны рукою Виташевского и что он читал эту прокламацию, то из этого все-таки нельзя вывести заключение о том, что существовало тайное преступное общество и что Виташевский в нем участвовал. То, что Виташевский посещал квартиру, в которой жили Свитьч, Виттен и Мержинова, также не может служить доказательством принадлежности его к тайному обществу.

Переходя к обвинению Виташевского в вооруженном сопротивлении, защитник, поддерживая доводы, приведенные относительно этого защитником гос. Бардовским, полагал, что показания целого ряда свидетелей-жандармов не заслуживают того доверия, которое им придает обвинитель. Переходя к рассмотрению тех обстоятельств, которыми сопровождалось вооруженное сопротивление, защитник высказал, что обвинение подсудимых в том, что они стреляли в жандармов в то время, когда последние связывали Ковальского, не имеет основания, так как в том месте, куда, по показаниям свидетелей, выстрелы были направлены, никаких следов от выстрелов не оказалось. Кроме того, нет ни одного свидетеля, который ясно и определенно указал бы, что в то время, когда вязали Ковальского, — тот или другой подсудимый стрелял. Также не выяснено, кто из подсудимых стрелял в то время, когда явился второй отряд жандармов, и нет ни одного показания, которое подтвердило бы, что выстрел сверху вниз по лестнице был произведен именно Виташевским.

То обстоятельство, что выстрелы были произведены подсудимыми с балкона, выходящего на улицу, опровергается показаниями свидетелей Степанова и др., и эти показания не могут не быть признаны верными, и ими опровергаются показания других свидетелей-жандармов, из которых видно, что выстрелы с балкона были произведены. По предположению обвинителя, в прибывшую команду стрелял подсудимый Свитыч, так как из показаний свидетелей, стоявших на улице, видно, что Свитыч в то время стоял в первой комнате, ведущей к выходу, и чем-то размахивал. На этом основании представитель обвинительной власти выводит заключение, что Свитыч, вероятно, выбросил пистолет через разбитое окно. В этом отношении опять-таки следует обратиться к показанию Степанова, который в то время стоял на улице и не видел, чтобы кто-нибудь выбросил через окно револьвер. Поэтому следует предположить, что показания, данные нижними чинами, в этом отношении не верны.

Что касается подсудимого Кленова, то, по мнению защитника, против него обвинитель не выставил никаких доказательств для подтверждения обвинения. Если против Виташевского уликой могут служить буквы «Н. В.», написанные, по мнению обвинителя, Виташевским, то против Кленова и такой улики даже не имеется. Никто из свидетелей не показывает, чтобы Кленов читал какие-нибудь прокламации, чтобы он что-нибудь подписывал, а между тем его так же обвиняют в принадлежности к этому тайному обществу. Также не представлено никаких данных в подтверждение того, чтобы Кленов участвовал в вооруженном сопротивлении. Если даже допустить, что Кленов вместе с другими помогал перенести связанного Ковальского из кухни в комнату, то в этом еще сопротивления нет; он мог даже помочь развязывать Ковальского, но в этом также сопротивления нет.

По обвинительному акту Кленов обвинялся в краже 10 или 11 букв шрифта из типографии Исаковича. На суде же представитель обвинителей власти изменил это обвинение и обвиняет его только в присвоении вверенного ему на хранение имущества.

По мнению защитника, подобное обвинение могло бы быть возбуждено только по инициативе пострадавшего лица, но не по инициативе публичного обвинителя — представителя прокурорского надзора. Но так как военное окружное суд может и не согласиться с этим мнением, то защитник вошел в рассмотрение тех обстоятельств, которые служат оправданием для Кленова.

При этом защитник указал на то, что из прочитанного, по его ходатайству, на суде донесения жандарма, наблюдавшего, по поручению его начальства, за Кленовым, видно, что последний ничем подозрительным не занимался, что он по целым дням работал в литографии и типографии. Из этого донесения также не видно, чтобы Кленов часто посещал квартиру, в которой жили Виттен, Мержинова и Свитыч, тогда как по показанию свидетельницы Алексеевой выходит, что Кленов будто бы бывал там каждый день, и даже по нескольку раз.

По приведенным соображениям Кленов, по мнению защитника, не может быть признан виновным.

Ведомости одесского градоначальства. 1878. 8, 11 авг.

3. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, КОТОРЫЕ ВЕЛ Д. В. СТАСОВ

Дело Стелловского с Даргомыжским (1868–1870)

Присяжный поверенный Стасов. Так как настоящее дело из самых важных, какие рассматривались до сих пор в судебной практике, и, как совершенно справедливо заметил мой противник, вопросы, в настоящее время подлежащие разрешению Палаты, еще не доходили до рассмотрения судебных мест, то я прежде всего принужден буду остановиться на одном выражении, которое подавало повод к недоразумению или не совсем правильному толкованию моим противником, а именно: выражение «авторское право». В ответ на исковое прошение Стелловского я употребил это выражение для краткости, для того чтобы не повторять всякий раз: «право дать согласие на исполнение» и потому, что находил указание на употребление этого выражения «на исполнение»; но для того, чтобы отстранить всякие недоразумения, я в настоящее время не буду употреблять это выражение и буду говорить: «право автора давать согласие на исполнение».

Я не стану подтверждать теорию окружного суда, потому что это до меня не касается, хотя я со многими из оснований этого решения окружного суда не согласен и скорее разделяю во многом мнение моего противника; но в окончательном выводе суда об отказе Стелловскому в иске я признаю решение вполне правильным. Не соглашаясь с некоторыми доводами моего противника, я должен войти в их рассмотрение. Он находит, что право Стелловского на требование перспективной платы, которую Даргомыжский получил за исключением оперы «Русалка», основывается на трех пунктах: на общем понятии о праве собственности; на понятии о праве собственности музыкальной и на статьях русского закона (т. 14, ст. 344–355), которые представлены в исковой просьбе, и, наконец, на договоре Стелловского с Даргомыжским. Все эти основания не могут служить подкреплением иска.

Я не охотник основывать свои соображения на общей теории права, но так как противник мой и в заседании окружного суда, и в настоящем заседании ссылается на разные иностранные законодательства и ученые сочинения, то и мне приходится следовать за ним и коснуться общих начал музыкальной собственности. Мой противник и в словесных объяснениях, и в апелляционной жалобе постоянно говорит об общем понятии, о праве собственности, которое должно быть применимо и к понятию права собственности литературной, художественной и музыкальной. Мне кажется, что он в этом отношении заблуждается, говоря, что все законы и все теории держатся такого начала. Я не имею возможности утверждать, чего придерживаются все решительно ученые сочинения, но могу сослаться на некоторые замечательные, весьма

авторитетные сочинения, в которых видно, где понятия о художественной и литературной собственности расходятся, именно даже относительно выражения «права собственности».

Большинство юристов, весьма замечательных ученых и даже философов находят, что употребляемое выражение «право собственности» неправильно по применению к собственности литературной и художественной. Тем более выражение «право собственности» вообще, усвоенное нашим законодательством, как дошедшее к нам из римского законодательства, не может быть всецело применимо к праву музыкальной собственности. Почти все иностранные законодательства, все юристы и философы в настоящее время признают, что право художественной собственности есть понятие самостоятельное или, по крайней мере, не вполне одно и то же, что «право собственности вообще»; поэтому ссылка на права собственности вообще не может быть применима к настоящему случаю, т. е. к художественной и музыкальной собственности. И действительно, если обсудить, что такое право собственности, то окажется, что отношение между собственником вещи и самой вещью совсем не похоже <на> отношение между автором произведения и самим произведением. Мы можем указать на примеры, где наше законодательство смотрит на это право совершенно своеобразно, и именно не как на право собственности вообще. Я приведу пример в доказательство того, что и иностранные законодательства, и практика, и даже обычай не так смотрят на это право, как утверждает мой противник. Во всех почти языках существует для музыкальной, художественной, литературной собственности выражение совсем другое: например, на английском языке оно называется *copyright*, т. е. право на воспроизведение; на немецком *Verlagsrecht* или *Vervielfältigungsrecht*, т. е. право на издание, на воспроизведение; затем, хотя во французском законе существовало выражение «*droit de propriété litteraire et artistique*», но в законе 1866 года, который издан после продолжительных и тщательных соображений и работ с участием юристов, писателей, ученых, государственных людей и художников, устранено выражение «право собственности» и с намерением употреблено другое выражение, заменившее прежнее, а именно: «*droit dauteur*».

В подтверждение я могу указать моему противнику на одно сочинение, написанное известным юристом Дювержье; в этом сочинении приведены и все мотивы, почему было отвергнуто выражение «право собственности» в отношении музыкальных и вообще художественных произведений. Что понятие «права собственности» вообще не может быть применимо, хотя оно и приведено в статье уст<ава> цензур<ного> о литературной собственности, я нахожу указание и в нашем законодательстве. Известно, что если человек задолжает и его вещи продадутся с публичного торга, то все отношения между собственником и его вещами прекращаются, потому что вещи перейдут к другому; между тем отношения между автором и его произведением не прекратились бы, если б они были проданы с публичного торга. На это указывают как статьи уст<ава> цензур<ного>, так и правила, установленные по этому предмету в уст<аве> гражд<анского> судопр<оизводства>. Например, в ст. 286 уст<ава> цензур<ного>, т. 14 говорится, что «сочинения и переводы,

рукописные и напечатанные, никому сочинителем и переводчиком не проданные, не завещанные и никаким иным образом не уступленные, не могут быть проданы на удовлетворения кредиторов ни при жизни сочинителя без собственного его на то согласия, ни по смерти без согласия его наследников». В этой статье, мне кажется, законодатель указал, что отношения между собственником вещей и этими вещами совсем другие, нежели отношения между автором художественного произведения и его произведением, потому что закон не допускает продажу этих произведений, будь они напечатаны или не напечатаны.

В подтверждение того, что право художественной собственности есть совершенно особое право, которое не может быть подводимо под понятие о праве собственности вообще, я могу указать еще на 321-ю ст. цензур<ного> уст<ава>, в которой говорится, что «всякий художник, кроме обыкновенного, общими законами ограждаемого права собственности на свое произведение, как вещь, пользуется в течение всей своей жизни так называемую собственностью художественною». В этой статье прямо говорится, что есть вещественное право собственности, а с другой стороны, в противоположность вещественному праву упоминается о художественной собственности.

Таким образом, все, что было объяснено моим противником о применении общего понятия права собственности к художественной собственности, не совсем правильно или, лучше сказать, совсем неправильно. Всевозможные писатели с конца прошлого столетия признают понятие о художественной собственности совершенно особым от понятия собственности вообще и хотят избежать этого последнего выражения применительно к произведениям литературным, научным и художественным. Эти споры отразились и у нас: до сих пор неизвестно между юристами, в какой отдел законодательства поместить отдел о праве художественной собственности. Так, в своем сочинении г. Победоносцев прямо говорит, что он не знал, куда поместить право художественной собственности и поневоле должен был внести это право под рубрику общей собственности, хотя понятие о художественной собственности совершенно отдельное. Что понятие о художественной собственности есть совершенно отдельное и что оно не может быть смешиваемо с понятием о собственности вообще, можно вывести из того, что во всех законодательствах некоторые существенные принадлежности или понятия о праве собственности, не применимые к понятию о праве художественной собственности, не распространяются на определения собственности художественной. В праве собственности вещи принадлежат собственнику и переходят к его преемникам без всяких ограничений относительно времени, тогда как собственность литературная ограничена известным периодом времени. Из этого также видно, что художественная собственность совсем не то, что общая собственность.

Затем я вынужден рассмотреть, есть ли в нашем законодательстве основания, которые могут служить подтверждением выводов моего противника? Мне кажется, что этих оснований нет. Мой противник совершенно правильно сказал в апелляционной жалобе, сказал и здесь в заседании, что право собственности музыкальной состоит из двух отдельных прав: 1) из права печатания

и продажи и 2) из права публичного исполнения. Я прибавлю к этому, что, по нашим законам, есть еще составные части собственности музыкальной, хотя об этом не упоминается в статьях цензурного устава, именно в высочайше утвержденном 13 ноября 1827 г. положения о театрах, на которое сделаны были ссылки в определении окружного суда, определяются некоторые права, которыми пользуются авторы музыкальных произведений. Мне кажется, что эти права должны считаться составной частью литературной и музыкальной собственности, как она разумеется в нашем законодательстве. Если собственность музыкальная и литературная состоит из нескольких частей, то, без сомнения, можно отделять каждую из этих составных частей: как в право собственности вообще входят права владения, распоряжения и пользования, из коих каждое может быть отдельно, точно так же и о праве собственности музыкальной есть отдельные права самостоятельные, которые могут быть выделены. Против этого противник мой не может ничего сказать, потому что это принято и в иностранных законодательствах, на которые он любит ссылаться.

Таким образом, если каждое отдельное право, составляющее часть общего права, может быть выделено, то мне кажется, что тот, кто желает получить это отдельное право, должен выразить в договоре свое желание и намерение уступить. Мне кажется, что каждое из этих прав, составляющих вместе право музыкальной собственности, совершенно отдельное и не зависит непременно одно от другого. В этом отношении я укажу на те статьи, на которые ссылается и мой противник. Так, в 347-й ст. цензурного устава прямо исчисляется, кто имеет право на печатание и продажу музыкальных сочинений, и говорится, что это право принадлежит сочинителю, его наследникам или тем, кому это право принадлежит на законном основании. Затем в 348-й ст. перечисляется, что именно соединено с правом издания, и говорится, что тот, кому принадлежит право на печатание и продажу, может напечатанное музыкальное сочинение издать или сделать новое издание уже напечатанного, издавать переложения на другие инструменты, издавать в извлечении или с изменением аккомпанемента. Вот все, что говорится о праве изданий музыкальных сочинений. Затем ст. 349, которая, как мне кажется, и есть именно та статья, на основании которой должно быть разрешено настоящее дело, — она самая существенная из всех, относящихся до музыкальной собственности. Эта статья состоит из трех частей: первоначально говорится о том, что сочинения неизданные не могут быть исполняемы публично ни вполне, ни в частях без согласия того, кому принадлежит на них исключительное право; следовательно, идет вопрос об исполнении напечатанного сочинения; затем говорится: «всякое музыкальное сочинение напечатанное может быть исполняемо и без согласия автора, если только автор не оговорил на печатных экземплярах, что это право он удерживает за собой»; следовательно, говорится именно об авторе. Я позволю себе прочитать этот § 2. «Изданные в свет музыкальные произведения могут, кроме лишь опер и ораторий, быть и без согласия автора исполняемы перед публикою, если только при самом издании сочинения не будет на печатных оногo экземплярах объявлено, что

“публичного его разыгрывания автор не дозволяет”». Следовательно, ст. 349 начинается тем, что все музыкальные сочинения ненапечатанные не могут исполняться без разрешения собственника; затем в § 2 говорится, что все напечатанные произведения, кроме опер и ораторий, могут быть исполняемы без согласия автора, если автор специально не удерживал за собою право дозволять исполнение, и, наконец, в § 3 говорится относительно опер и ораторий, что если даже автором и не объявлено печатно об удержании за собою права давать разрешение на исполнение, то тем не менее без его разрешения оперы и оратории публично не могут быть исполнены. В этих трех пунктах, как Палата изволит усмотреть, употребляется слово «автор», которое нигде более не упоминается. Хотя, правда, сказано еще в ст. 351, что исполнение чужого музыкального сочинения влечет за собою уголовное наказание, но слово «автор» не употреблено.

Мне кажется, что закон не случайно, не ошибочно употребил в ст. 349 выражение «автор» в противоположность слову «издатель», которое упомянуто в других статьях, и именно для того, чтобы показать, что хотя автор продал свое сочинение, но тем не менее не передал другому лицу права на исполнение оперы или оратории в театре или другом месте. Я полагаю, что это выводится как из смысла этой статьи, так и из сущности самого дела и исторического происхождения статьи. Если обратиться к рассмотрению того, какая существует связь между автором и его произведением, то окажется, что тут не такая же связь, какая существует между вещью вообще и ее собственником, которому все равно, что будет с его вещью, когда она от него отделится; но для автора сочинения не все равно, как будет оно исполнено, когда и кем. Автор во всю свою жизнь желает следить за тем, чтоб его произведение давалось в том виде, как он того хотел, чтоб оно являлось перед публикой так, как он задумал.

Между тем если это предоставить всякому издателю, то дело получит другой оборот. Собственнику, который приобрел издание в полную собственность и приобрел право на исполнение, все равно, как появится сочинение, — он получил деньги и право. Поэтому законодательство и установило, что при жизни своей автор сочинения дает разрешение на исполнение только сам. Если автор передает такое право другому лицу, то, разумеется, такому, в котором он уверен, что оно его совсем заменит. Противник мой говорит, что будто бы ст. 349 буквально взята из французского закона. Я не стану возражать против этого, не стану доказывать и того, что эта статья взята вовсе не из французского закона, но укажу, между прочим, на то, что он сказал сначала, что она взята буквально, а потом говорит, что нет, не буквально, что есть некоторый пропуск. Я полагаю, что эта 349-я ст. объяснена мною по внутреннему своему содержанию совершенно правильно. Я позволю себе привести в подтверждение этого и историческое толкование. Закон 1845 года был возбужден по инициативе Государственного Совета. Государственный Совет поручил в 1844 году составить проект закона о музыкальной собственности графу Уварову, который, составив его, сообщил главноуправляющему 2-м отделением графу Блудову. В этом проекте была помещена ст. 3,

послужившая поводом к объяснению между графом Уваровым и Блудовым. Об этих соображениях я говорил в окружном суде и полагаю, что хотя они и не могут считаться обязательными для суда, так как они нигде не напечатаны, но тем не менее их нельзя не принять в соображение при определении того, как понимать 349-ю ст., когда она различно толкуется. Граф Блудов писал следующее: «В ст. 3-й постановляется, что музыкальные произведения, не изданные печатью, не могут быть и изданы публично. Из сего не следует ли, что музыкальное произведение, однажды напечатанное, может быть играно публично? Кажется, это правило не согласно с выгодами и правом собственности автора; это право в отношении к произведениям музыкальным так же, как и к драматическим сочинениям, есть двоякое: т. е. право издания и право публичного представления; уступка одного которого-либо из этих прав не влечет еще за собою передачи и другого, если о том в сделке именно не сказано. Будто музыкальная пьеса, игранная публично, не может без дозволения автора быть издаваема печатью и даже играема публично другими, но нельзя допустить, чтоб и напечатание музыкального произведения давало всякому право играть оное публично без согласия автора».

На основании этих соображений гр. Блудова, как видно, редактирована 349-я ст., — она есть прямой результат его мнения. Я остаюсь при том убеждении, что в 349-й ст. слово «автор» употреблено положительно с целью противопоставить его слову «издатель» и «собственник», который упоминается во всех остальных статьях цензурного устава. Мой противник говорит, что в этой статье говорится о том, что нельзя исполнять сочинение без согласия того, кому оно принадлежит; но что статьи 354 и 355 положительно указывают, что давать разрешение на исполнение принадлежит издателю. Мне кажется, его толкование совершенно неправильно. Я обращаю внимание на следующие соображения. В ст. 354 говорится, что «музыкальные сочинения, изданные русскими сочинителями за границей, или право на издание коих уступлено иностранным издателям, равно как и сочинения иностранцев, живущих в России, изданные за границей, ограждаются от перепечатки и публичного исполнения их в России».

Мой противник выпустил в своей апелляции те слова, которые далее следуют за этим в статье, именно: «на основании настоящих постановлений», а эти слова весьма важны; почему в этой статье и говорится, что если б русский автор написал какое-нибудь сочинение и издал его за границею, то, вследствие этого, здешние издатели не имеют права издать это сочинение в России; это сочинение не имеют право исполнять и в России на основании настоящих узаконений, т. е. на основании ст. 349 и др. Значит, если сочинение издано за границею, но без согласия собственника и автора, оно не могло быть издаваемо и исполняемо в России. В этой статье вовсе не говорится, чтоб это правило относилось только до издателей, но говорится, что изданные за границею сочинения нельзя перепечатывать в России и что нельзя их также и исполнять в России без согласия автора.

Таким образом, мне кажется, что две группы доводов моего противника, приведенных им в подтверждение своего иска, не выдерживают критики.

Затем я обращаюсь к последнему его доводу: к тому, имеет ли право Стелловский требовать для себя права давать разрешение на исполнение оперы «Русалка» и на получение за это поспектакльной платы на основании договора с Даргомыжским? Мне кажется, что это требование совершенно не основательно. Оно не основывается на договоре, в котором сказано вначале, что Даргомыжский продал Стелловскому оперу «Русалка» и еще двенадцать хоров; затем говорится, что он продал оперу с правом издания в России и за границей в полную собственность навсегда на следующих основаниях (прочитан 1-й и 2-й пункты договора). В первом пункте перечислено только все то, о чем говорится в 349-й ст., а если не перечислено, то Стелловский не может говорить, что приобрел полное право собственности музыкальной.

Я уже упоминал о высочайше утвержденном Положении об Императорских театрах в 1827 г., по которому всякий автор имеет право получать пожизненно поспектакльную плату, и это право составляет одну из составных частей права музыкальной собственности, в числе которых еще одно право, а именно: что автор, сочинение которого исполнено шесть раз, может входить бесплатно во все Императорские театры. Если о передаче этого права не высказано было в договоре, то, значит, Стелловский не приобрел и этого права и вообще не приобрел от Даргомыжского всех тех прав, или частей права, музыкальной собственности, о которых в договоре не упомянуто. Я просил бы Судебную палату принять во внимание еще следующее соображение. Лучшим доказательством того, что Стелловский не приобрел, а Даргомыжский не продавал права на получение поспектакльной платы за оперу «Русалка», может служить то, что Стелловский купил право на издание в 1858 г. за 1100 руб.; но при этом он купил не одно это право, а вместе с тем приобрел от Даргомыжского некоторые вещи, именно, некоторые №№ «Русалки» были уже отпечатаны и изданы самим Даргомыжским, существовали металлические доски (как это видно из самого контракта) и оттиски, и доски были проданы Стелловскому; если определить цену всем этим вещам в 200 или 300 руб., то неужели Стелловский мог приобрести за 800–900 руб. «Русалку», которая в течение 9 лет дала Даргомыжскому около 6 тыс. руб. за исполнение ее на Императорских театрах? Неужели Стелловский, зная, что он есть полный собственник оперы, не воспользовался бы этим и не потребовал бы ранее настоящего иска деньги, полученные Даргомыжским за представления с дирекции?

Мне кажется, что всех приведенных мною соображений достаточно для признания решения окружного суда правильным в его окончательном выводе, я не могу согласиться со всеми соображениями окружного суда, но прошу Судебную палату Стелловскому в иске отказать, возложить на него уплату судебных издержек.

Затем стороны поменялись еще два раза возражениями. После продолжительного совещания объявление резолюции на основании 702 У<става> Г<гражданского> С<удопроизводства> было судом отложено.

С.-Петербургские ведомости. 1869. 14 дек. № 344.

Дело Л. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским

Судебная хроника. Судебные заседания. В С.-Петербургской судебной палате (по гражданскому департаменту).

Апелляционное дело по иску жены поручика Людмилы Шестаковой с купца Федора Стелловского 1000 руб. по контракту. (Заседание 10 мая.) (Окончание).

Поверенный Шестаковой, г. Стасов. Мой иск заключался в том, что г-жа Шестакова требовала неустойку от Стелловского за неисдание им в срок, условленный контрактом, оперы «Руслан и Людмила». Против этого Стелловским был предъявлен отвод, и в настоящую минуту поддерживаемый противною стороною. До сих пор он говорит, что госпожа Шестакова обязана была непременно начать встречный иск с Стелловского по этому контракту, и так как встречный иск, вытекающий из этого контракта, нельзя начинать иначе как в том месте, где начат и первоначальный иск, то она, г-жа Шестакова, не имела права начинать дела в окружном суде.

Против этого я уже имел честь объяснить в заседании палаты 19 января, что в окружном суде встречного иска мною предъявлено не было; иск, предъявленный в окружном суде, вытекает из условия, заключенного в 1861 г. между моею доверительницею и Стелловским, и я не видал в Уст<аве> Гражд<анского> Судопр<оизводства> ни малейшего указания на то, что из одного контракта не могло вытекать несколько исков. Не думаю также, чтобы все споры, которые основываются на одном и том же контракте, должны производиться непременно в одном и том же месте. А так как иск был предъявлен мною в октябре 1866 г., то, очевидно, на основании закона, я не мог предъявлять его в старых судебных местах, и он подлежал рассмотрению окружного суда и судебной палаты. Таким образом, все доводы, приведенные в настоящем заседании поверенным Стелловского, относящиеся до отвода, мне кажется, не имеют ни малейшего значения и должны быть отвергнуты, и против них, собственно говоря, не стоило бы делать возражений. Указание на подписку г-жи Шестаковой относительно фортепианного издания оперы «Жизнь за царя» вовсе не относится к настоящему делу, точно так же не относится к отводу и выдача еи Стелловскому романа Глинки до 1861 г. Затем приостановка выдачи оригиналов также нисколько не относится до вопроса об отводе; не заслуживают возражения и прочие доводы, высказанные противною стороною. Далее, противник мой говорит, что хотя дело и было решено в сенате, но это решение есть неокончателное, и потому мой настоящий иск должен быть, по его мнению, предъявлен в гражданской палате. Очень интересно знать, на основании каких законов я мог бы в настоящее время предъявить иск в гражданской палате или же в сенате? Наконец, он говорит, что дело в сенате еще не решено окончательно, потому что доверителем его принесено всеподданнейшее прошение в комиссию принятия прошений. Я же полагаю, что дело должно считать решением в сенате, так как принесение всеподданнейшей просьбы о пересмотре дела не есть еще отмена решения. При этом я должен сказать, что в заседании 19 января, между прочим, мне вручена

была в палате копия с определения гражданской палаты. В то время я не рассматривал ее, но теперь вижу в ней полное опровержение того, что говорит поверенный Стелловского и что он сам утверждает в настоящее время. В этой копии с решения гражданской палаты я нахожу, между прочим, следующее: в прошении, поданном Стелловским в гражданскую палату, он утверждал: «производившийся и начатый г. Стасовым в окружном суде иск совершенно от настоящего дела отдельный».

Он говорит, следовательно, что иск, предъявленный мною в окружном суде, совершенно отделен от иска, начатого им в гражданской палате, а в настоящее время старается доказать, что иск предъявленный мною здесь, должен быть соединен с иском, предъявленным им в гражданской палате. Что-нибудь одно из двух, и, мне кажется, я вполне доказал в прошлом заседании судебной палаты, что иск, основанный на условии 1861 года и предъявленный в окружном суде, может и должен рассматриваться только этим судом и не должен быть соединяем с иском, который предъявлен противоположной стороной в гражданской палате. Чтобы ни происходило в комиссии прошений, какие бы объяснения ни давал Стелловский, но в виду судебной палаты есть решение гражданской и копия с решения правительствующего сената, откуда видно, что сенат вполне утвердил решение гражданской палаты. Иск Стелловского заключался в том, что будто бы г-жа Шестакова, на основании условия 16 октября 1861 года, должна была ему выдать оригиналы сочинений, проданных ею. Гражданская палата отказала Стелловскому в иске, и сенат утвердил такое решение. «Иск Стелловского», как сказано в решении сената, «признается неосновательным». Таким образом, когда решение сената состоялось, то дело должно считать конченным.

Затем остается приступить к рассмотрению предъявленного мною иска в окружном суде, и если он правилен, утвердить решение окружного суда.

Я полагаю, что этот иск правилен и решение окружного суда также совершенно правильно. Мой иск основывался на не исполнении 5-го пункта условия и заключался в том, что Стелловский, к определенному в условии сроку (т. е. в 1864 и 1865 гг.), должен был издать партитуры опер «Руслан и Людмила» и «Жизнь за Царя»; что он их не издал — это факты не опровергнутые и остаются, следовательно, вполне доказанными. Нет никаких доказательств, чтобы Стелловский, в течение времени с 1864 года, издал хотя бы одну строчку упомянутых опер. За несоблюдение же этого условия на Стелловского возложена обязанность заплатить моей доверительнице 1000 руб., следовательно, как я сказал уже, все, что было упомянуто в настоящем заседании палаты о встречном иске, по моему мнению, к делу вовсе не относится. Также не относятся к делу и те соображения, которые угодно было привести поверенному Стелловского и которые он выводит из письма Энгельгардта к помощнику директора публичной библиотеки и из свидетельства, представленного мною 23 января, при докладе дела в сенате. Противная сторона, как мне кажется, хочет вывести заключение, что Энгельгардт подарил библиотеке сочинения Глинки, между тем г-жа Шестакова эти же сочинения продала Стелловскому, для того чтобы он издал их. А так

как Энгельгардт не позволяет, чтобы эти пьесы были изданы кем-либо без его дозволения, то отсюда поверенный Стелловского заключает, что Стелловский не имеет права издавать сочинения Глинки. В настоящее время, при рассмотрении дела в судебной палате, вопросы: имел ли Энгельгардт право делать запрещение или не имел и может ли Стелловский издавать автографы, находящиеся в публичной библиотеке, эти вопросы сюда не относятся.

Другой вопрос: о передаче или не передаче сочинений — также не относится к делу; об этом уже рассматривалось в сенате, следовательно, и этот вопрос не подлежит рассмотрению судебной палаты. Выводить заключение, как это делает мой противник, что госпожа Шестакова знала, где находятся рукописи, и, вследствие этого, призывать Энгельгардта к допросу, как свидетеля, я нахожу совершенно излишним. Ссылка на то, что г-жа Шестакова жила с братом до отъезда его за границу, и вывод из этого, что она, следовательно, знала, где находятся сочинения Глинки, — мне кажется, не заслуживают ни малейшего опровержения и внимания. Все разного рода фразы и факты, приводимые поверенным Стелловского, нисколько не разрешают юридического вопроса: должен ли Стелловский издать к известному сроку сочинение Глинки «Жизнь за Царя» и, в случае неиздания, должен ли заплатить неустойку? Этот вопрос, мне кажется, — единственный, который подлежит рассмотрению судебной палаты. Если Стелловский находил нужным представить копию с определения сената, он мог представить эту копию, не требуя свидетельства, потому что подобные копии выдаются без свидетельства, а вследствие подачи прошения. Объяснение поверенного Стелловского, что сенат неправильно разрешил дело, потому что не имел в виду разных, необходимых, по мнению поверенного Стелловского, для разрешения дела сведений, мне кажется, в настоящее время не может подлежать рассмотрению судебной палаты. Сенат решил дело; решение его не отменено, — затем, правильно или неправильно это решение, вопрос этот, по одному заявлению поверенного Стелловского, не может подлежать рассмотрению палаты. Хотя поверенный Стелловского и говорит, что я сам будто бы признавал в комиссии принятия прошений решение сената неправильным, но это заявление совершенно несправедливо. Я, напротив, оспаривал иск Стелловского, предьявленный в гражданской палате, я признавал этот иск неправильным, поддерживал спор в сенате, и сенат признал, что иск действительно не подлежит удовлетворению; следовательно, я не мог сказать, что иск Стелловского подлежит удовлетворению: тогда не было б никакого спора. <...>

Ссылка на 290 с. Уст<ава> ценз<урного> вовсе не относится к делу: там говорится о праве собственности лиц, которые приобрели это право собственности на издание сочинений после смерти автора и обязаны заявлять об этом в определенный срок, но относительно передачи этой собственности г-жею Шестаковою Энгельгардту никакого условия нет. Г-жа Шестакова продала Стелловскому, по контракту, который находится в виду судебной палаты, право собственности на все не изданные в то время (в 1861 г.) сочинения Глинки; затем, если кто бы то ни было присвоил себе право собственности на издание этих сочинений, иск по этому предмету может составить предмет

другого дела, а не того, которое подлежит рассмотрению в настоящее время. На основании всех этих соображений, я имею честь просить судебную палату в апелляции Стелловского отказать и признать решение окружного суда правильным.

Бочаров возражал, что Стелловский, как ответчик, поставлен в необходимость для своего оправдания представить все необходимые, по его мнению, удостоверения, и что, на основании 208 ст. 2 ч. X т. Св<ода> Зак<онов>, встречный иск разбирается в том суде, где предъявлен первоначальный. Переходя к существу дела, Бочаров ссылался на 1539 ст. 1 ч. X т., по которой все условия должны быть изыскиваемы по доброй совести.

Так как невозможно напечатать что бы то ни было, не имея оригинала, то Стелловский был поставлен в невозможность выполнить условие, потому и несправедливо требовать от него неустойку, опираясь на буквальный смысл условия.

Стелловский объяснил, что Глинка жил со своею сестрою, г-жею Шестаковою, имея при себе автографы.

В 1856 г. он, по просьбе Стелловского, аранжировал партитуру оперы «Жизнь за Царя» (Стелловский представил экземпляр), следовательно, автографы находились тогда у Глинки и после его смерти находились у г-жи Шестаковой, которая передала Стелловскому один романс. Затем Стелловский поддерживает ходатайство своего поверенного о назначении экспертов для удостоверения в том, что действительно проданные г-жею Шестаковою сочинения находятся в настоящее время в публичной библиотеке. Далее Стелловский повторял объяснения своего поверенного, что, не имея ни автографов, ни верных копий, он не мог, по условию, издать сочинения Глинки согласно с подлинными рукописями. Наконец, Энгельгардт сделал такое заявление, как будто он имеет право на воспроизведение оригиналов.

Частые повторения прежде сказанного, в которые вдавался Стелловский в своем объяснении, вызвали со стороны председателя замечание, что нельзя продолжать объяснения без конца; в заключение же г. председатель объявил, что оспаривание прав Энгельгардта до этого дела совершенно не относится и что объяснения Стелловского кончены.

Стасов. Со своей стороны и я только что хотел заметить, что дело Энгельгардта вовсе не подлежит рассмотрению судебной палаты, так как вопроса об этом не возбуждалось ни в окружном суде, ни в судебной палате.

Я не отвергаю, что в письме Энгельгардта заключается запрещение издавать автографы Глинки, но рассмотрение того, имел ли Энгельгардт право на такое объявление, не относится до настоящего дела. Вопрос о том, обязана ли г-жа Шестакова выдать Стелловскому рукописи, как он говорит, в оригиналах, или копии с автографов тех сочинений, право на издание которых она продала Стелловскому и которые он обязан издать, — уже решен. По определению правительствующего сената признано, что г-жа Шестакова никаких копий не обязывалась давать Стелловскому, потому что она продала только право на издание сочинений, а не самые сочинения.

Что же касается до высказанного моим противником, что он не имел возможности издать сочинения Глинки, не имел возможности достать оперу «Жизнь за Царя», которая находилась у г-жи Шестаковой, — относительно этого я уже сделал возражение в окружном суде, и в заседании окружного суда предъявил в копиях публикации, делавшиеся Стелловским на его изданиях. В этих публикациях значится, между прочим, следующее: публикации на обороте разных нот «полное собрание сочинений М. И. Глинки, издание и собственность Ф. Стелловского; “Жизнь за Царя” для пения и фортепиано»; «Полная опера “Жизнь за Царя” с русскими и немецкими словами, цена 15 руб.»; «Опера “Жизнь за Царя”, полная партитура для оркестра и голосов с русскими и немецкими текстами 200 руб., а также отдельные номера», и рядом с этим совершенно такая же публикация и об опере «Руслан и Людмила». Следовательно, возможность издать оперы «Руслан и Людмила» и «Жизнь за Царя» для Стелловского существовала, потому что Стелловский не только издавал эти оперы для фортепиано, но даже продавал рукописные экземпляры партитур по 200 руб., ясно, что факт, поддерживаемый им в настоящее время, что, не получая от г-жи Шестаковой оригиналов, он не мог издать опер, не заслуживает, как мне кажется, уважения. А засим ссылаю его на то, что в свидетельстве публичной библиотеки значится находящимся там автограф оперы «Жизнь за царя», не может иметь никакого влияния на разрешение дела. Далее, хотя Стелловский и утверждает, что в 1856 или 1857 году Глинка присматривал за переложением «Жизни за Царя» с партитуры на фортепиано и что, следовательно, у него была подлинная партитура, следовательно, она, после смерти Глинки, осталась в его рукописях, следовательно, г-жа Шестакова, жившая вместе с ним, должна знать об этом — все эти «следовательно» никуда не ведут, потому что Глинка мог смотреть за переложением и при этом вовсе не было надобности, чтобы автограф в это время составлял его собственность. Он передал таковой в собственность другому лицу, так как Энгельгардт утверждает, что Глинка подарил ему автограф, и этот факт не опровергнут, да он и не может быть опровергнут.

Намеки Стелловского и его поверенного, что г-жа Шестакова, продав сочинения Глинки, после того еще имела в своих руках автографы, эти намеки весьма неприличны и не могут быть приняты в соображение, тем более, что они ничем не подтверждаются. Я основываюсь на точном смысле контракта, заключающегося в том, что г-жа Шестакова продала некоторые сочинения Глинки Стелловскому, который обязался их издать. Я прошу обратить внимание на то, что он обязался издать, прежде всего, в 1864 году оперу «Руслан и Людмила», а в 1865 году «Жизнь за Царя», и не выполнил этого. Таким образом, г-жа Шестакова имела право требовать неустойки, и так как Стелловский не исполнил обязательства, то он обязан заплатить неустойку. К этому я считаю нужным присовокупить еще одно мое соображение: в том свидетельстве, которое выдано из публичной библиотеки Стелловскому, нигде не сказано, что опера «Руслан и Людмила» вся находится в библиотеке, только некоторые ее части находятся там. И это служит доказательством в пользу моей доверительнице: из этого видно, что она и не могла выдать Стелловскому оперу «Руслан

и Людмила», так как всей оперы там совсем нет, да и, сколько известно, автографа всей оперы не существует. Но «Руслан и Людмила» и «Жизнь за Царя» исполняются в театре, следовательно, была возможность издать их в том виде, как Глинка их написал.

По обсуждении дела объявлена следующая резолюция: судебная палата утверждает определение окружного суда 11 ноября 1866 года и решение того же суда 27 марта 1867 года, и возлагает уплату судебных издержек за апелляционное производство на Стелловского.

Судебный вестник. 1868. 15 мая. № 102.

4. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ О «НАРУШЕНИИ ЗАКОНОВ О ПЕЧАТИ»

Дело о Временном редакторе газеты «С.-Петербургские Ведомости», титулярном советнике Андрее Сомове и студенте императорского С.-Петербургского университета М. Стравинском, обвиняемых в нарушении постановлений о печати

С.-Петербургская судебная палата. 2 апреля 1869 г. Прокурор — Тизенгаузен. Защитники — Спасович и Стасов.

Защитник г. Сомова, присяжный поверенный Стасов. К тому, что сказал защитник г. Стравинского, я позволю себе прибавить лишь несколько слов. Прежде всего, гг. судьи, меня поражает, каким образом статья, которая помещена в «С.-Петербургских Ведомостях» могла подать повод к тому преследованию, которое возбуждено в настоящее время. Закон, как известно, позволяет разбирать не только самое законодательство, но и действия правительства, под тем лишь условием, чтобы не было употребляемо выражений, оскорбительных для установленных властей, и затем, чтобы не было ничего такого, что вредило бы доверию к правительству и было бы оскорбительно для должностных и частных лиц. Разберем, заключается ли что-нибудь оскорбительное в выражениях и отзывах об образе действий эстляндского губернского начальства.

Г. прокурор ни слова не говорит, чтобы в этой статье заключалось что-нибудь оскорбительное в выражениях, и поэтому я не считаю нужным входить в рассмотрение выражений этой статьи. Но если рассмотреть основательно статью, которая разбиралась довольно подробно г. прокурором и защитником Стравинского, то можно прийти к заключению, что ровно ничего нет в этой статье, в чем обвиняют автора как эстляндское губернское правление, так и г. прокурор. В этой статье сообщаются факты, которые оказались неверными, в чем сознаются как защитник, так и сам автор, но неужели всякое неверное сообщение о факте должно вести за собою привлечение к суду? Кажется, это противоречило бы цели закона. Закон 6 апреля установил несколько разрядов наказаний в предупреждение тех вредных последствий, которые могли бы иметь место от злоупотреблений печати. Закон установил сообщения, предостережения и, по ст. 26, всякое издание, которое сообщает неверные сведения, должно поместить сведения, которые опровергают этот факт, будут ли они сообщены правительством или частным лицом. Мне кажется и всем известно, — а вам, гг. судьи, лучше чем кому-либо, что всякое неверное сведение опровергается во всех газетах, как петербургских, так и других местных, и если эстляндское губернское правление находило нужным

восстановить истину, которую оно находило нарушенной статьей Стравинского, то должно было прибегнуть совсем не к суду, но сообщить те сведения, которые сообщило г. прокурору и на которые ссылается в бумаге, говоря, что такого рода распоряжения были подробно публикуемы в «Эстляндских Губернских Ведомостях». Неужели после этого редактор ведомостей, получив какую бы то ни было статью или корреспонденцию, должен рассматривать, действительно ли верны сообщенные факты и, прежде чем собирать сведения о верности собираемых фактов, ничего не печатать? Ни одна газета не могла бы печататься, если бы за каждым фактом приходилось идти к источнику для проверки сообщения или опасаться уголовного преследования перед судом. Мне кажется, что если бы закон имел в виду строгое преследование за сообщение каждого неверного сведения, то ни под каким видом не делал бы такого различия, какое он делает, не давал бы той доли прав, которую дал для печати. Мне кажется, что в настоящем случае нет вопроса, применять ли законы, на которые ссылается обвинительная власть как в отношении к Стравинскому, так и к моему клиенту. Каждый редактор не имеет возможности проследить за источником сообщения, потому он помещает, что ему доставляют, с тем, что закон предписывает ему поместить со временем, если окажется что-нибудь неверное, для всеобщего сведения, что этот факт опровергнут другим сообщением как начальства, так и частного лица.

Таким образом, мне кажется, нет возможности за сообщение фактов в такой форме, в какой сообщил их Стравинский, подвергать человека суду. Из всего содержания статьи ясно видно, что, как заметил мой товарищ по защите, никакой дурной цели у Стравинского не было, следовательно, ему нельзя приписать того, что желает приписать обвинительная власть, т. е. возбуждения недоверия к губернскому начальству. Из смысла статьи, напротив, должно прийти к заключению, что цель статьи Стравинского хорошая, — следовательно, и у редактора не может быть другой цели, кроме хорошей. Действительно, мне кажется, нет никакой возможности согласиться ни с губернским правлением, ни с прокурором, что в этой статье заключается как-нибудь повод к возбуждению недоверия к губернскому начальству. В своем отзыве губернское правление говорит, что о всех своих действиях по этому вопросу помещало сведения в «Эстляндских Губернских Ведомостях». Без сомнения, «Эстляндские Губернские Ведомости» пользуются доверием как правительства, так и лиц управляемых. Нежели маленькая заметка о факте, неверно сообщенном, может поколебать то доверие, которым он пользуется? Мне кажется, что эстляндское губернское правление приписало слишком большое значение коротенькой заметке Стравинского и мне кажется, что не может быть, чтобы все сообщения губернского начальства в местных ведомостях были поколеблены этою заметкою. Надеюсь, что г. судьи придут к заключению, что в этом мнении губернского правления есть нечто крайне преувеличенное и что ни подсудимый Стравинский, ни мой клиент не могут заслуживать никакого преследования.

Возражая защитникам, прокурор изъяснил в сущности следующее. Статья Стравинского оскорбительна для эстляндского губернского правления,

так как в ней губернское начальство обвиняется в таком поступке, который не может иметь другого названия, как обман перед Верховною Властью. Обвинение должностных лиц в обмане, само собою разумеется, подрывает то доверие, которым должны пользоваться лица, добросовестно исполняющие возложенные на них служебные обязанности. Поэтому в составе обвинения по настоящему делу против обоих подсудимых именно входят — как нанесение оскорбления посредством этой статьи должностным лицам, так и обвинение в возбуждении против них недоверия. Эти два обвинения тесно связаны одно с другим. Поэтому как 1035, так и 1039 ст. Улож^{ения} о наказ^{аниях} применимы к настоящему делу. Так как в статье Стравинского, кроме неверности в передаче факта, заключается еще обвинение должностных лиц в поступке, противном служебной присяге и правилам чести, то оклеветанное эстляндское губернское правление совершенно справедливо прибегло к судебному преследованию, не ограничиваясь восстановлением истины посредством простого оглашения, путем печати, фактов, опровергающих неверное известие.

Г. Спасович возразил, что его клиент даже не думал обвинять эстляндское губернское правление в обманных поступках. Впрочем, разрешение этого вопроса — дело совести судей. Из обвинения в неправильной раздаче денег еще нельзя выводить обвинения в оскорблении. Если кто жалуется на неправильные действия, то нельзя же сказать, что он обвиняет должностных лиц в нарушении присяги. При такой системе печать будет лишена возможности говорить о чем бы то ни было. Нельзя будет говорить о несчастьях на железной дороге, о том, что происходит в уезде, в городе, в школе, потому что тут замешано начальство и всегда можно вывести, путем умозаключений, что оно уличается или в несмотрении, или в потворстве злоупотреблениям, — одним словом, что оно обвиняется в нарушении служебных обязанностей.

Г. Стасов изъяснил, что, без сомнения, всегда можно читать между строками, но при самом внимательном, добросовестном чтении статьи Стравинского нельзя найти в ней ничего, заключающего оскорбление. То заключение, какое выводит из статьи губернское правление и прокурор, совершенно гадательно и не может быть допущено. Что касается мнения защитника о восстановлении в настоящем случае истины посредством сообщения в газету достоверных сведений, то подобный образ действий тем более представляется уместным, что лица, которые считали себя отчасти задетыми корреспонденциею Стравинского, прибегнули именно к этому способу опровержения, который следовало бы избрать и эстляндскому губернскому правлению, не прибегая к судебному преследованию.

После этого подсудимый Стравинский прибавил к своей защите, что из разных официальных бумаг, находящихся в деле, на которые он сослался, видно, что раздачею денег нуждающимся должны были заниматься или фохтейские суды, или сам губернатор, без всякого участия членов губернского правления. Поэтому непонятно, за что члены губернского правления, а не другие лица, участвовавшие в раздаче, жалуются на подсудимого. Затем, в сообщении губернского правления сказано, будто бы Стравинский выразился таким образом: «все 60 000 р., отпущенные заимообразно крестьянам,

розданы не крестьянам, для которых они предназначались, а помещикам». В корреспонденции Стравинского подобных слов положительно нет, только по ошибке употреблено слово «розданы» вместо слова «поручены». Но, кажется, никто не вправе приписывать словам Стравинского то значение, какого он сам им не придает.

Таким образом, эстляндское губернское правление совершенно исказило смысл корреспонденции Стравинского. Далее у него есть слова «означенные деньги почти не принесли пользы», слово «почти» означает, что деньги принесли пользу, только не такую, как бы следовало ожидать. Далее в отношении губернского правления говорится: «Стравинский, говоря о бедственном состоянии крестьян, объясняет положительно, что, по случаю незаконной раздачи пожертвованных для нуждающихся денег, в том числе 60 000 руб., губернским начальством, крестьяне ели не хлеб, а солому». В корреспонденции Стравинского нет даже слов «губернское начальство», и хотя действительно употреблено выражение: «ели не хлеб, а солому», но это объясняется прошлым неурожаем, но отнюдь не распоряжениями губернского начальства. Наконец, губернское правление говорит: «Эта клевета представляет губернское начальство пред народонаселением губернии в самом унижительном виде и должна возбуждать между крестьянами недоверие и раздоры, в особенности в настоящее время, когда существует в народе неудовольствие по поводу неурожая». Но эстляндский крестьянин, которому нечего есть, не выписывает «С.-Петербургских Ведомостей», к тому же он не понимает русского языка. Поэтому, опасения эстляндского губернского правления совершенно лишены основания.

Сомов, со своей стороны, повторил свое объяснение, данное при предварительном следствии и изложенное в обвинительном акте, и прибавил, что не имел намерения оскорбить или повредить кому бы то ни было, а только хотел, с помощью гласности, разъяснить факт, который, если бы оказался справедливым, был бы весьма прискорбен.

Судебная палата постановила для своего разрешения следующие вопросы:

1. Виновен ли студент императорского с.-петербургского университета Стравинский в том, что в напечатанной по его желанию в № 195 «С.-Петербургских Ведомостей» за прошлый год, написанной им статье поместил, относительно раздачи 60 000 р., назначенных для выдачи пособий нуждающимся жителям эстляндской губернии, не согласные с истиною сведения, направленные к возбуждению общественного недоверия к распределявшим те деньги должностным лицам эстляндского губернского начальства и могущие повредить их чести, достоинству и доброму имени?

2. Если виновен, то какому подлежит, на основании закона, наказанию?

3. Виновен ли бывший временный редактор «С.-Петербургских Ведомостей», титулярный советник Андрей Сомов, в участии в проступке, в котором обвиняется Стравинский, именно: в напечатании в «С.-Петербургских Ведомостях» вышеупомянутой статьи?

4. Если виновен, то какому подлежит, на основании закона, наказанию?

Г. Спасович просил разделить первый вопрос на два: о виновности в напечатании сведений, направленных к колебанию доверия к членам губернского

правления, и о виновности в напечатании сведений, вредящих их доброму имени. В этом было палатою отказано по тесной связи обоих вопросов между собою.

После довольно продолжительного совещания была объявлена резолюция, напечатанная уже нами в вчерашнем № «Судебного Вестника».

Резолюция по делу Сомова (защитник Стасов), Стравинского (защитник Спасович).

Спб. Судебная Палата, признав Стравинского виновным в напечатанном в 195 № «Спб Ведомостей» статье относительно 60 000 руб. и Сомова виновным в напечатании данной статьи, определила: Студента Стравинского в 20-летнем возрасте подвергнуть денежному взысканию в 25 руб., а с временного редактора «Спб. Ведомостей» А. Сомова, взыскать 50 руб., а в случае несостоятельности уплаты, подвергнуть аресту: Стравинского — на неделю, а Сомова — на две недели.

Судебный вестник. 1869. 4 апр. № 75.

**Дело о редакторе газеты «С.-Петербургские ведомости» коллежском
ассессоре В. Корше и авторе помещенной в этой газете статьи
«из Владимирской губернии», коллежском секретаре Михаиле Ранге**

Судебные заседания в С.-Петербургской судебной палате. 17-го октября.

1) По делу о редакторе газеты «С.-Петербургские ведомости» коллежском ассессоре В. Корше и авторе помещенной в этой газете статьи «из Владимирской губернии», коллежском секретаре Михаиле Ранге, 2) о бывшем редакторе газеты «Петербургский листок» надворном советнике Илье Арсеньеве и об отставном коллежском регистраторе Ступишине, обвиняемых в нарушении законов о печати.

1. Г. Корш и Ранг преданы суду по обвинительному акту следующего содержания: Председатель съезда мировых судей гороховецкого мирового округа 15 июня 1867 г. от имени этого съезда сообщил, что в № 136 «С.-Петербургских Ведомостей» напечатана никем не подписанная, озаглавленная «из Владимирской губернии» статья, оскорбительная как лично для мировых судей, так и для всего гороховецкого мирового учреждения. Оскорбительна она, по мнению председателя съезда, во 1-х, потому, что в ней выставляется превышение власти мировым судьей, тогда как превышения власти в описываемом случае не было, во 2-х, ставится в вину мировым судьям, что съезда мировых судей в гороховецком уезде не бывает, тогда как обстоятельство это от судей не зависит, в 3-х, что вся статья, кроме своей несправедливости и извращения фактов описываемого события, наполнена выражениями, оскорбительными для мировых судей, как, например, «и не такие вещи у нас делаются и все остается у нас бесследно», «Мировые съезды не устраиваются, но дел как слышно мало, все больше мужицкие, что впрочем, не мешало земству положить судьям высший оклад жалованья, т. е. 2200 руб. каждому.»

Председатель съезда мировых судей, признавая, что автор упомянутой статьи за распространение ложных слухов, направленных к колебанию общественного доверия к гороховецкому мировому учреждению, подлежит ответственности, определенной в ст. 1039 Уложения о наказаниях, просит подвергнуть судебному преследованию виновных в напечатании означенной статьи.

В означенном № 136 вышедшим 19 мая 1867 г., действительно помещена статья, озаглавленная «Из Владимирской губернии», в которой между прочим помещены следующие выражения: «14 мая местный мировой судья вздумал покатайся по Клязме с избранным гороховецким обществом, но ни удобных лодок, ни опытных гребцов в Гороховце на этот раз не оказалось. Судья, однако, нашелся: властью судьи он потребовал перевозочные лодки и всех земских перевозчиков и продержал их с 3 до 10 ч. пополудни. Везы с разными продуктами, пешеходы и проезжие ожидали окончания пикника за рекою в чистом поле. У вас в Петербурге из такого события возникла бы, пожалуй, целая история, у нас в Гороховце и не такие вещи проходят бесследно, да и кому жаловаться? Мировому съезду? Но, к полному вашему — надеюсь — удивлению, мирового съезда с самого ведения судебных установлений в Гороховце еще не бывало. Конечно, если бы было много дела, то так или иначе мировые съезды устраивались бы, но дел как слышно мало, все больше мужицкие, что впрочем не мешало земству положить судьям высший оклад, 2200 р. каждому».

При предварительном следствии объяснили: Редактор «С.-Петербургских Ведомостей», коллежский ассессор Корш, что упомянутая жалоба принесена 15 июня, а с того времени в № 171 «С.-Петербургских Ведомостей», вышедшем 23 июня, было напечатано опровержение против той статьи, на которую жалуется мировой съезд, каковое опровержение могло вполне удовлетворить мировой съезд. Автор статьи, член от правительства на мировых съездах Владимирской губернии, коллежский секретарь Ранг, что он не имел намерения оскорбить кого-либо из членов мирового съезда, а описывал случай неосторожности одного из них. Слова «силою власти» относил не к насильственным действиям лица, нанимавшего лодку, а к тому, что перевозчик не дал бы лодку частным лицам. Выражение, что и не такие вещи делаются у нас, вызвано фактом пребывания одного из мировых судей, более года, не в Гороховце, а в Вязниковском уезде, чего, конечно, не было бы, если бы в Гороховецком уезде было много занятий делами, если бы занятия не относились более всего к народу, не имеющему возможности ни протестовать, ни претендовать на такое неудобство, которое он, Ранг, считает незначительным, но все же важнее факта катанья в лодке. Поэтому далее в статье и упоминается, что дела, возникающие у мировых судей Гороховецкого уезда, все более мужицкие. Содержание, назначенное мировым судьям, он признает высоким сравнительно с количеством дел, производящихся у них, при чем присовокупил, что он передал факт как о нем слышал сам, от кого слышал, не упомянул. Факты же катанья в лодке подтверждены самими обвинителями, и что статья его не могла колебать ничего доверия к мировым судьям Гороховецкого уезда,

тем более, что против его было уже возражение в «С.-Петербургских Ведомостях» от всего мирового съезда.

Вследствие вышеизложенной жалобы съезда мировых судей Гороховецкого округа, на основании 1042 и 1044 ст. Улож<ения> о наказ<аниях>, 3, 5 и 7 ст. Высочайше утвержденного 12 декабря 1866 г. мнение Государственного совета, редактор газеты «С.-Петербургские Ведомости» Валентин Корш и коллежский секретарь Михаил Ранг предаются суду С.-Петербургской судебной палаты, без участия присяжных заседателей.

Подсудимые не признали себя виновными. По прочтении статьи г. Ранга, возражения на эту статью, помещенной в «С.-Петербургских Ведомостях» и отношения председателя Гороховецкого мирового съезда к судебному следователю и прекращении преследования против редактора, было приступлено к судебным прениям.

Прокурор Н. О. Тизенгаузен. Настоящее дело, возбужденное жалобой председателя гороховецкого мирового съезда, передано нами на рассмотрение палаты единственно на основании закона 12 декабря 1866 г., 7-я статья которого, разъясненная указом кассационного департамента правительствующего сената, последовавшим по делу Ступишина 6-го ноября 1868 г., обязывает обвинительную власть начать преследование в случае подачи жалобы со стороны какого либо должностного лица, считающего себя оскорбленным путем печати. С своей стороны, мы не находим в настоящем случае никакого основания к обвинению подсудимых ни в правонарушении, предусмотренном в 1039 ст. Ул<ожения> о нак<азаниях>, которая указана в жалобе, ни в каком-либо ином нарушении постановлений о печати, потому и представляем палате постановить по этому делу приговор на основании доводов, изъясненных в поданной жалобе и тех, которые будут приведены защитой.

Защитник Ранга, присяжный поверенный Танеев. Гороховецкие мировые судьи обвиняют моего клиента г. Ранга в распространении ложных слухов, направленных к колебанию общественного доверия к гороховецким мировым учреждениям, и в употреблении выражений, оскорбительных для гороховецкого мирового съезда. Г. прокурор не поддерживает обвинения но, несмотря на это, я считаю нелишним, хотя в нескольких словах, возразить против жалобы мировых судей. Они жалуются: во 1-х на распространение ложных слухов, направленных к колебанию общественного доверия к гороховецким мировым учреждениям. Эти ложные слухи, распространенные будто бы Рангом, касаются во-1) катанья на лодке, во-2) отсутствия в Гороховце мировых съездов. Что касается катанья, то Ранг сообщил, что, когда Гороховец был затоплен водою, когда жизнь и имущество граждан находились в опасности, когда частный пристав, с опасностью жизни, спасал граждан, в то время мировой судья, прокурор, товарищ прокурора и судебный следователь устроили увеселительное катанье пикник. Это обстоятельство подтверждено вполне тою статьею, которая была прочитана здесь и которая была написана самими гороховецкими мировыми судьями в опровержение статьи г. Ранга.

Таким образом, если можно в чем упрекнуть г. Ранга, то разве в том, что он слишком снисходительно и в слишком сдержанных выражениях отнесся

к такому легкомысленному поступку, как увеселительное катанье в то время, когда город подвергался бедствию. Что касается отсутствия мировых съездов, то я решительно не могу понять, почему гороховецкие мировые судьи думают, что г. Ранг им лично приписывает то обстоятельство, что мировых съездов не бывает. Ничего этого в статье его нет; в статье именно сказано: «эта особенность произошла оттого, что всех мировых участков имеется здесь 3, на одного судью возбудилась претензия, остаются двое, которые не составляют требуемого законом коллегиального числа. Единственный почетный мировой судья живет в Москве и никогда на съезд не заглядывает».

Таким образом, в статье Ранга рассказывается, как сложились, независимо от воли мировых судей, те обстоятельства, вследствие которых мировых съездов в Гороховце не бывает. И так в жалобе есть самое очевидное извращение фактов, которые приведены в статье — и я полагаю, что никакого распространения оскорбительных и ложных слухов в статье г. Ранга не было. Затем мировой съезд обвиняет моего клиента еще в помещении оскорбительных выражений. Эти выражения суть следующие, по мнению обвинителей: «мировой судья превысил свою власть. В Гороховце и не такие вещи проходят бесследно. Земство положило мировым судьям высокие оклады, несмотря на то, что дел слишком мало, все больше мужицкие». Что касается выражения «превышение власти», то если мировые судьи оскорбились им, это объясняется тем, что до сих пор еще не было в Гороховце мировых съездов. Когда они будут, тогда судьи увидят, что почти в каждой жалобе будут жаловаться на превышение власти мировым судьей.

Затем перехожу к выражению «и не такие вещи делаются у нас и проходят бесследно», Но кем делаются и по чьей вине проходят бесследно? — об этом ничего не сказано. Может быть, делаются административными чиновниками, солдатами, купцами, попами... Проходят бесследно по равнодушию ли тех, которые бывают жертвами того, что делается вещей, или по равнодушию местной полиции, или по небрежности прокурорского надзора — Ранг ничего об этом не говорит, и почему мировые судьи принимают это на свой счет, неизвестно. Затем мировые судьи оскорбляются тем, что Ранг говорит, что они получают высокие оклады. Тут, я полагаю, кроме похвалы земству и судьям ничего не заключается. Если они получают высокие оклады, значит, пользуются уважением и доверием земства и, значит, земство желает иметь хорошую плату способных людей, потому что за хорошую плату легче найти способных людей, чем за низкую. Что же в этом есть оскорбительного?

Далее говорится, что дела все мужицкие. Очевидно, что мировые судьи, оскорбляясь этим выражением, не понимают хорошенько, что значит слово мужик. Мужик имя знаменитое, оно значит вообще земледелец; Российская империя есть империя мужицкая: привилегированные сословия капля в мужицком море; на 50 млн. мужиков приходится каких-нибудь 160 т. дворян и чиновников. Городское население тоже немногочисленно, и наши города, если под городами разуметь промышленные центры, не могут называться городами, это большей частью села, в которых жители занимаются почти исключительно земледелием. К таким городам относится Гороховец, и нет

ничего удивительного, что дела, возникающие в нем, будут все дела земледельческие, мужицкие. Город Гороховец есть село Горохово, который называется городом только потому, что так приказано. Понятно, что в Гороховце мировым судьям, как бы ни хотели они иметь дело со своими братьями просвещенными дворянами, придется иметь дело исключительно с мужиками.

Таким образом, жалоба гороховецких мировых судей представляется только забавною, но не забавна она для моего доверителя и может иметь вредное значение даже для общества, мировым судьям было чрезвычайно удобно подать жалобу, оставаясь на месте, но мой доверитель дал подписку о невыезде из Владимира 23 марта 1868 г.. следовательно, был лишен свободы выезда на целые 1 ½ года; кроме того, он должен был предпринять довольно обременительное путешествие, как по расходам, так и по тому, что он во время путешествия занемог. Хорошо, что он имеет некоторые средства, но если бы он не имел их, если бы жил в Иркутске! Такое путешествие могло бы разорить его, или по крайней мере разорить его бюджет на много лет. Кроме того, подобные жалобы могут иметь вредные последствия, потому что корреспонденты газеты могут пугаться подобных жалоб, и тогда редакторам нечего будет печатать и нам нельзя будет знать, что делается в провинциях. Каждый корреспондент положительно должен бояться, потому что не может ручаться, что в каком-нибудь выражении, напр<имер>, что земство дает 2200 р. жалованья или что разные вещи проходят бесследно, какое-нибудь должностное лицо не найдет чего-нибудь оскорбительного. Поэтому я прошу не только освободить от всякого взыскания моего клиента, но и обратиться на гороховецких мировых судей судебные издержки по настоящему делу и предоставить нам право отыскивать убытки.

Защитник г. Корша, присяжный поверенный Стасов. Нисколько не сомневаясь в том, что г. прокурор только по обязанности внес обвинительный акт в судебную палату и находя, что во всем обвинении вовсе нет ничего такого, что могло бы подвергнуть моего клиента суду палаты, я позволю себе высказать, в дополнение к сказанному моим товарищем по защите, несколько соображений о том, что гороховецкий мировой съезд не имел не только основания, но и права начать это дело. Если бы в той статье, которую съезд находил оскорбительною для судей съезда, заключались какие-нибудь ложные слухи, которые могли бы поколебать доверие к съезду, то понимаю, что в таком случае съезд мог бы начать дело против редактора «СПб. Вед<омостей>» за оскорбление, но если дело касается только одного мирового судьи, то съезд не имеет права начать дело об оскорблении одного судьи или нескольких. На основании 5 п. Закона 12 декабря 1866 г. преследование по делам печати возбуждается либо главным управлением по делам печати, либо цензурными комитетами. В случае же оскорбления должностных лиц прокурор возбуждает преследование не иначе как по жалобе самого оскорбленного, следовательно, если который-нибудь из мировых судей или все вместе, считали себя оскорбленными или считали, что об них напечатаны сведения, которые могут поколебать доверие к ним, то во всяком случае прокурор имел бы право начать преследование по жалобе обиженного или обиженных. Точно так же съезд

мог бы начать преследование, если бы дело касалось его. Но я не вижу закона, по которому съезду представлялось бы право быть опекуном каждого мирового судьи в отдельности или всех вместе, коль скоро речь идет о деятельности личной, а не в составе съезда.

Таким образом, я считаю, что все то, что говорится в статье о мировых судьях в отдельности, вовсе не подлежало рассмотрению съезда и он не имел права обращаться с жалобой к прокурору. Остается посмотреть, в какой степени сам съезд оскорблен в этой статье. Одна вещь, касающаяся мирового съезда, что он не собирался в течение целого года со дня учреждения судебных мест. Как палата изволила видеть, этого акт подтвердился, следовательно, распространения ложных слухов, относящихся до мирового съезда, не было. Затем, как могло быть уничтожено доверие к мировому судье, который вовсе не существовал. Полагаю, что доверие к несуществующему лицу или учреждению не может быть поколеблено; думаю, что настоящий процесс возбужден вследствие того, что съезд никогда не собирался и таким образом гороховецкие мировые съезды не дали себе возможности уяснить значение статей закона, на который они ссылаются. Этот процесс принадлежит к числу многих, которые на первых порах возбуждаются именно вследствие незнания закона. К числу таких дел принадлежит читанный нами в газетах процесс, возбужденный председателем Екатеринославской земской управы, который жаловался на губернатора за нанесение обиды действием, потому что не был включен в поздравительную телеграмму на имя Государя Императора. К таким же оскорблениям можно отнести, равною степенью основательности, и настоящий процесс. Думаю, что палата, после отказа самого съезда от судебного преследования редактора (хотя через год: лучше поздно, чем никогда), постановить приговор о совершенном освобождении моего клиента.

Судебная палата постановила следующие вопросы: 1) следует ли признать, что в напечатанной в № 136 «Спб. Ведомостей» статье, под заглавием: «из Владимирской губернии», заключаются отзывы, могущие повредить чести и достоинству мирового съезда Гороховецкого уезда; 2) если заключаются такие отзывы, то на основании законов подлежат ли ответственности: во-1-х, автор коллежский секретарь Ранг; во-2-х, редактор коллежский асессор Корш?

На основании 771 ст. Устава Уголовного Судопроизводства, подсудимые были оправданы. <

Судебный вестник. 1869. № 227.

5. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УГОЛОВНОМ ОТДЕЛЕНИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

Дело о присвоении крестьянином Алексеем Антоновым найденного им бумажника с 600 руб.

*В уголовном отделении С-Петербургского Окружного суда. Судебное заседание
1 августа 1866 г.*

Председатель. Подсудимый встаньте. Как ваше имя, отчество и фамилия?

Антонов: Алексей Михайлович Антонов.

Председ.: Звание Ваше?

Антонов: Крестьянин.

Председ.: Сколько Вам лет?

Антонов: 16 лет.

Председ.: Какого вы вероисповедания?

Подсудимый видимо вопроса не понимает и ничего не отвечает.

Председ.: Какой веры?

Антонов: Православный.

Председ.: Где вы жили до взятия вас под стражу?

Антонов: На Петербургской стороне, на огороде.

Председ.: Чем занимались?

Антонов: Работою.

Председ.: Какую именно?

Антонов: Всякою.

Антонов: Все работал.

Председ.: Получили ли вы копию с обвинительного акта?

Антонов: Получил.

Прочтен следующий список свидетелей: 1) Логин Иванов Трофимов; 2) Николай Логинов Трофимов; 3) Павел Артемьев; 4) Иван Михайлов Антонов; 5) Балашев; 6) Лудин.

Председ. Г. секретарь, прочтите обвинительный акт.

Секретарь прочел следующий обвинительный акт. 1866 года мая 5 дня, часу в 1-ом дня, торгующий на Сенной площади, в С.-Петербурге, дичью крестьянин Николай Логинов Трофимов, в отсутствии отца своего, вынимая из выручки записную книжку, незаметным образом выронил бумажник, в коем находилось в пяти пачках 600 руб. кредитными билетами, о потере коих Николай Трофимов хотя и хватился через час, но до возвращения отца своего, временно-обязанного крестьянина Гдовского уезда, деревни Рожновой, Логина Иванова Трофимова, именно до 9-го мая, денег тех не искал.

Между тем, как по собственному соображению, так и по указанию торгового близ него, Трофимова, зеленью крестьянина Павла Артемьева, в поднятии бумажника с деньгами подозрение пало на крестьянского 16-ти летнего мальчика, огородника, Алексея Михайлова Антонова, привозившего именно в это время огородную зелень в лавку Артемьева. Уличаемый Николаем Логиновым и Логином Ивановым Трофимовыми и Павлом Артемьевым, крестьянский сын Алексей Михайлов Антонов сознался, как перед ними, так перед С.-Петербургским столичным мировым судьей 9-го участка и при предварительном следствии в том, что действительно в день Вознесенья (5 мая), часу во 2-м дня, он, привозя зелень к Артемьеву, близ его выручки, поднял бумажник и увидел там 50-ти рублевую, 25-ти рублевые и 10-ти рублевые бумажки, но не сосчитал их, спрятал бумажник в карман и зашел в пирожную лавку купеческого сына Астафия Ильина Балашева, которому и отдал бумажник, прося сохранить его до другого дня; но это последнее показание ничем не подтвердилось, и сам Алексей Антонов подтвердил, что Балашев до того времени знаком ему не был.

Вследствие сего крестьянский сын Алексей Михайлов Антонов обвиняется в том, что он 5-го мая этого года, найдя бумажник с деньгами 600 руб., не объявил о том установленным порядком и, с намерением присвоить найденное себе, скрыл и по требованию хозяина не возвратил, то есть совершил преступление, предусмотренное 178 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Посему вышепоименованный крестьянин Антонов предается суду С.-Петербургского Окружного Суда, без участия присяжных заседателей. Акт этот составлен товарищем прокурора Лебедевым.

Председ. Крестьянин Алексей Михайлов обвиняется в присвоении найденного им бумажника с 600 руб. сереб. Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?

Антонов. Признаю.

Председ. Расскажите же со всей откровенностью, как это было?

Антонов (указывая на своего защитника). Вот я им рассказал уже все.

Председ. А теперь нам расскажите.

Антонов. Поднял я деньги и снес их Балашеву.

Председ. Где же вы их подняли?

Антонов. На Сенной.

Председ. В каком месте на Сенной?

Антонов. Около места Николая Трофимова.

Председ. Что же вы с деньгами сделали?

Антонов. Снес их к Балашеву.

Председ. Зачем?

Антонов. Хранить их.

Председ. Потом что же?

Антонов. Потом я не был у него.

Председ. Потом что?

Антонов. После приехал Николай Логинов и говорит: «Ты у меня нашел деньги».

Председ. Вам известно, кому принадлежали деньги?

Антонов. Нет, я совсем не знал, чьи деньги.

Председ. Г. Прокурор, так как подсудимый сознался в том, то следует ли суду продолжать следствие?

Товарщица <ищ> прокурора Лебедев. Так как подсудимый не сознался в том, знал ли он чьи деньги, поэтому я полагал бы разъяснить это обстоятельство. К нему приходил Трофимов и требовал деньги, наконец, он и поднял деньги эти у ларя этого самого торговца, к которому он привозил зелень, следовательно, мог знать, чьи деньги.

Председ. Подсудимый скажите, вам известно, чьи это были деньги?

Антонов. Я не знал, чьи были деньги.

Присяжный поверенный Стасов (защитник подсудимого). Г. прокурор говорит, что Антонов должен был знать, чьи деньги, когда к нему приходил Трофимов; но подсудимый понимает, что он не знал, чьи деньги, в то время, как их нашел, Трофимов пришел к нему через несколько дней.

Председ. В то время, когда вы подняли деньги, знали ли вы, кому они принадлежат?

Антонов. Нет, не знал.

Председ. А после того знали?

Антонов. Потом, когда ко мне стал ходить Трофимов, я знал, что деньги его.

Член суда Веселовский. Подсудимый, когда вы нашли деньги, что с ними сделали?

Антонов. Отдал их Балашеву.

Член суда Веселовский. С какой целью?

Антонов. Чтоб сохранить.

Член суда Веселовский. Потом что вы намеривались с ними сделать?

Антонов. Ничего, взять от него деньги.

Член суда Веселовский. Значит, хотел воспользоваться деньгами?

Антонов молчал.

Был введен Николай Логинов Трофимов и спрошен без присяги.

Председ. Расскажите о том обстоятельстве, когда вы деньги потеряли, расскажите, как следует, правду.

Николай Трофимов. Шел я за получением денег; в карман вложил деньги, потом из кармана бумажник, книжку вынимал и обронил деньги.

Председ. Расскажите, денег была пачка большая?

Николай Трофимов. Деньги были в пяти пачках, 4 пачки были все 10-рублевые, а то была пачка в 200 руб. разными бумажками, была и 50 руб. и по мелочам.

Председ. Когда же вы хватились, что у вас деньги потеряны?

Николай Трофимов. Так, через час, либо через два, в тот же день.

Председ. Скажите, что же вы, стали искать деньги?

Николай Трофимов. Стал искать, ничего не нашел.

Присяжный <ищ> Поверенный <ищ> Стасов. Скажите, куда вы ходили за деньгами к Антонову?

Николай Трофимов. Ходил на огород к Алексею Михайлову.

Стасов. Вы почему же подозревали Антонова?

Николай Трофимов. Потому что с тех пор он не стал ходить к номеру.

Стасов. Вы сами догадались?

Николай Трофимов. Мы сами догадались по приметам.

Стасов. Вам никто не говорил, что, может быть, Антонов взял деньги?

Николай Трофимов. Никто не говорил.

Стасов. В котором часу вы потеряли деньги?

Николай Трофимов. Часу в 12-м.

Стасов. В исходе 12-го?

Николай Трофимов. Не могу знать.

Стасов. Почему вы подумали на Антонова?

Стасов. Вы говорите, мы подумали, кто же подумал: вы с кем-нибудь другим или лично подумали. Кто это «вы»?

Николай Трофимов. Николай Логинов.

Стасов. Да, я знаю, что вы Николай Логинов, но вы мне скажите, кто подумал, вы один?

Николай Трофимов. Я один.

Стасов. На кого вы подумали?

Николай Трофимов. На Алексея Михайлова.

Стасов. Почему же вы подумали на Алексея Михайлова?

Николай Трофимов. Потому что он в номер к Артемьеву уже больше не ездил.

Стасов. Алексей Михайлов в одну только лавку Артемьева ездил?

Николай Трофимов. Нет, и в другие.

Стасов. Что же, он после потери ваших денег в другие лавки ездил?

Николай Трофимов. Ездил.

Стасов. Так разве непременно Алексей Михайлов должен был всегда давать Артемьеву, он мог другим давать зелень?

Николай Трофимов. Прочим всем давал, а с тех пор к Павлу Артемьеву перестал ездить.

Стасов. Но бывали такие случаи, когда Павлу Артемьеву он и прежде не давал зелени?

Николай Трофимов. Бывать-то бывали.

Стасов. Почему же вы подумали, что Алексей Михайлов нашел деньги?

Николай Трофимов. Да потому что он не давал зелени Артемьеву.

Стасов. Да ведь вы сами говорите, что бывали такие случаи, когда и прежде он не давал зелени Артемьеву, а давал другим; не говорил ли вам кто-нибудь другой о том, что, должно быть, Алексей Михайлов нашел деньги; не говорил ли вам об этом Артемьев?

Был введен Логин Иванов Трофимов; спрошен без присяги.

Председ. Расскажите всю правду, что вам известно по делу о пропаже 600 руб<лей>?

Логин Трофимов. А-то я знаю, что как я сыскал его на огороде, все к нему ходил, да просил, чтоб он деньги отдал.

Логин Трофимов. Меня в деревню потребовали на счет обмеров, а 9 числа я прибыл сюда.

Председ. Когда вы прибыли, вы от кого узнали о пропаже?

Логин Трофимов. От сына моего, Николая Трофимова.

Председ. Вы на кого думали, кто нашел ваши деньги?

Логин Трофимов. Мы прежде ничего не знали, да вот Алексей Михайлов перестал возить к Артемьеву зелень, целую неделю не возил, мы на него и подумали, потом я упробил Артемьева пойти со мною к Алексею Михайлову на огород.

Председ. Вы только потому и подумали на Алексея Михайлова, что он перестал ездить к Артемьеву, может быть, кто-нибудь говорил вам, что, должно быть, что Михайлов поднял деньги?

Логин Трофимов. Никто не говорил.

Председ. Почему вы обратились к Павлу Артемьеву, а не к кому другому?

Логин Трофимов. Потому что вот мой номер и его номер рядом.

Стасов. Почему же вы обратились к Павлу Артемьеву? С другой стороны тоже был у вас сосед?

Логин Трофимов. У нас куплен рядом номер с номером Артемьева, я и спросил Павла Артемьева.

Стасов. Вы спросили Павла Артемьева, об чем вы спросили: нет ли какого подозрения на кого?

Логин Трофимов. Подозрения ни на кого не было, и только он сказал, что Алексей Михайлов не ездит к нему с тех пор и товару не дает.

Стасов. Но говорил ли вам кто-нибудь, что деньги потеряны у ларя Павла Артемьева; сын ваш не говорил, где он потерял деньги?

Стасов. Ваша выручка рядом с выручкой Павла Артемьева; и так сын ваш выронил у своей выручки: он помнил, где он выронил деньги?

Логин Трофимов. Помнил, что выронил около своей выручки; только мы ни на кого не думали. Артемьев только говорил, что перестал к нему ездить Алексей Михайлов. Я приехал из деревни только в понедельник, а Алексей Михайлов привез в четверг зелень.

Стасов. Так все-таки Алексей Михайлов приехал в вам на Сенную?

Лог. Троф. Да, приехал к нам через неделю в четверг, в то самое время он попросил у меня денег 8 руб<лей> медью, а давал бумажки, но я ему не дал медных денег; потом он во второй раз пришел и попросил у меня медных денег на рубль серебра, я ему дал, потому мы всегда меняем деньги, кому потребуется. Потом он мне говорит, чайком я тебя напою, дядя, завтрашний день. Это было в четверг.

Стасов. Вы в тот же день на огород пошли?

Лог. Троф. В тот же день.

Стасов. На самой Сенной вы ему ничего не говорили?

Лог. Троф. Ничего не говорил. Потом я попросил Павла Артемьева со мною на огород к нему пойти. Так мы и пошли с Артемьевым и застали Алексея Михайлова на огороде. Потом я стал его спрашивать: «Алеша, говорю, не у тебя ли деньги?», сам плачу и говорю, а он говорит, нет да нет; бился я, бился, чтоб он сказал, нет, говорит, не я. С тем мы и пошли с огорода. Потом я каждый день к нему ходил, а он 17 числа и повинился.

Стасов. Как часто вы ходили до 17 числа?

Лог. Троф. Каждый день ходил; с братом его Иваном Михайловым виделся, спрашивал, не знает ли он чего-нибудь, божится, «ничего не знаю» и даже не слыхал, чтоб у брата были какие-нибудь деньги.

Стасов. Вы ничего не говорили больше, не говорили Ивану Мих<айлову>., что деньги у кого-либо другого хранятся не у Алексея Мих<айлова>?

Лог. Троф. Побожится готов, что ничего не говорил.

Стасов. Вы с Иваном Мих<айловым> когда говорили в первый раз?

Лог. Троф. В 12 часов.

Стасов. В какой день?

Лог. Троф. На другой день после того, как я говорил с Алексеем Мих<айловым>.

Стасов. Это когда же значит, в пятницу.

Лог. Троф. В пятницу.

Стасов. Вы после четверга видели Алексея Мих<айлова> на Сенной?

Лог. Троф. Нет не видел, больше он уже не приезжал. Потом Алексей Мих<айлов> повинился, я около него долго ползал на коленках, я, говорит, действительно поднял; где же деньги, спрашиваю и сам заплакал. В то время его зять вошел в калитку, он тут при зяте и сказал, что отдал деньги Балашеву. Я говорю, Алеша скажи, где деньги? У тебя — так отдай. Алексей Мих<айлов> все и рассказал, я тут же пошел с Алексеем Мих<айловым> в номер свой, призвал Артемьева и говорю ему, вот ты будь свидетель, что он деньги поднял.

Стасов. Где он говорил, что нашел деньги?

Лог. Троф. Говорит, что нашел между выручкой моею и Артемьева. Потом мы ходили к пирожнику Балашеву, которому Алексей Мих<айлов> говорит, что передал деньги, а пирожник не признается, закричал на Алексея Мих<айлова>: «Какие у меня твои деньги, я тебя вовсе не знаю».

Стасов. Вы, кроме Алексея Мих<айлова>, ни от кого не слышали, что деньги были отданы пирожнику?

Лог. Троф. Нет, ни от кого не слышал.

Был введен Иван Мих<айлов> Антонов, брат подсудимого, спрошен без присяги.

Председ. Расскажите, что вам известно по делу о найденных вашим братом деньгах.

Иван Антонов. Мне известно то, что через неделю приходил тот, кто потерял деньги. Сперва он был у брата, потом на другой день приходит и говорит: «Заставь вечно Бога молить, ваш брат деньги поднял, я. Говорит, знаю, что деньги в Спасском переулке». Я ему отвечал, что брат ко мне денег не привозил, может, где и нашел деньги, только мне не отдавал.

Стасов. Брат ваш не говорил вам, что он деньги нашел?

Иван Антонов. Нет, не говорил.

Стасов. А после не говорил, не сознался?

Иван Антонов. До тех пор не говорил, пока Логин Иванов не пришел.

Стасов. Вы его послали с товаром своим, с зеленью, всегда в одно и то же время посылали к одному и тому же торговцу?

Иван Антонов. Да кому хочет, тому и отдает.

Стасов. С Павлом Артемьевым вы постоянное дело имели?

Иван Антонов. Да, мы возили ему.

Стасов. Вы каждый день ему возили зелень?

Иван Антонов. Да, мы постоянно зелень посылали.

Стасов. Вы ему приказывали, чтоб он зелень сдавал Артемьеву?

Иван Антонов. Да как же можно это приказывать?

Стасов. Так вы не приказывали?

Иван Антонов. Нет, не приказывал, кому хотел, тому и сдавал, не всегда Артемьеву, когда тем и другим.

Стасов. Прошу обратить внимание на то, что когда Логин Трофимов пришел к Ивану Антонову, так он говорил ему, что деньги находятся в Спасском переулке, между тем Логин Иванов говорил, что этого он не говорил. Позвольте еще предложить Логину Трофиму вопрос на этот счет.

Был введен Лог. Трофимов.

Стасов. Лог<ин> Трофимов, когда вы были у Ивана Михайлова?

Лог. Троф. На другой день после того, как был у его брата.

Стасов. А потом когда?

Лог. Троф. Потом каждый день.

Стасов. Не говорили ли вы Ивану Мих<айлову>, что деньги в Спасском переулке?

Лог. Троф. Никогда не говорил. О Спасском переулке у нас речи не было.

Иван Антон. Как же вы не говорили.

Лог. Троф. Никогда не говорил, я спрашивал, не знали ли они Андрея Петрова, нет ли у них какого-нибудь сродства в Спасском переулке.

Стасов. Да зачем же вы спрашивали об этом?

Лог. Троф. Да Андрей Петров звал в Спасский переулоч Алексея Мих<айлова>.

Стасов. Когда же он его звал?

Лог. Троф. Да в тот же день звал, в четверг.

Стасов. Т. е. тогда, когда вы приходили к Алексею Михайлову на огород, в четверг, через неделю после того, как были потеряны деньги? Да кто же это Андрей Петров?

Лог. Троф. А что на огороде живет у Мытного.

Стасов. Да зачем же именно в Спасский переулоч звал Андрей Петров Алексея Михайлова?

Лог. Троф. Да я не знаю. Я спрашивал, нет ли родства какого-нибудь у них в Спасском переулке.

Стасов. Что же Андрей Петров говорил Алексею Михайлову? Только звал его в Спасский переулоч; отчего же вами о том, что он звал его в Спасский переулоч, при предварительном допросе ничего не было сказано?

Лог. Троф. Я больше ничего не говорил Ивану Михайлову, кроме того, что Андрей Петров звал Алексея в Спасский переулоч.

Стасов. Отчего же вы прежде говорили, что об Спасском переулке и речи не было?

Лог. Троф. Да вот только я и говорил, больше ничего не говорил.

Иван Мих. Я вам откровенно говорю, что Логин Троф<имов> говорил, что деньги непременно где-нибудь в Спасском переулке. Я больше живу моего брата в Петербурге и в Спасском переулке никакого знакомства не имею.

Лог. Троф. Нет, я ему не говорил, что деньги в Спасском переулке; как же я мог знать, я его спрашивал честно, благородно, пока он не повинился мне.

Иван Андреев. Как же не говорил, говорил.

Лог. Троф. Я вам перед Богом говорю, что не говорил, я только говорил, что Андрей Петров звал его в Спасский переулок.

Иван Антонов. Как же, говорил ты мне, говорил, что пойдти к брату, он перед тобой не скроет, деньги им в Спасский переулок отнесены.

Лог. Трофимов. Я тебе сказал, что его звал Андрей Петров.

Был введен Павел Артемьев и спрошен под присягою.

Председ. Вы приняли присягу, поэтому я приглашаю вас сказать истинную правду о том, что вы знаете по настоящему делу. Закон строго наказывает за лживые показания.

Артемьев. Прежде всего мне известно, что как Логин Иванов пришел из деревни и стал спрашивать, кто в то время был, как деньги потеряны. Я ему сказал, что был огородник Алексей Михайлов и с тех пор мне Алексей Михайлов товару не стал давать. Логин Трофимов стал меня спрашивать, нельзя ли сходить к нему, я бы, говорит, сам пошел, да не знаю, где огород. Я тоже знал только, что огород на Петербургской стороне, да не знал где, мы спросили городского, где огород Ивана Михайлова, так мы и нашли его огород. Логин Иванов стал спрашивать у него: Алексей, говорит, не ты ли поднял деньги, Алексей не признавался. Мы так и ушли в тот день от него, потом Логин Иванов стал сам ходить к нему каждый день, так Алексей Михайлов и повинился ему. Потом Логин Иванов пришел ко мне на место с Алексеем, Алексей также и мне сказал, что деньги он поднял и отдал пирожнику в Спасском переулке. Логин Иванов стал просить сходить с ним в лавку; мы пошли с ним и с Алексеем к пирожнику, Алексей стал спрашивать, давай деньги, которые я тебе дал, а тот в ответ ему: «Я никаких денег не брал и тебя не знаю». Так мы и ушли домой, а Логин Иванов пошел объявить полиции.

Председ. Имеется ли еще что-нибудь сказать?

Артемьев. Больше я ничего не знаю.

Товар<иц> прок<урора> Лебедев. Вы наверное знаете, что Николай Логин потерял деньги?

Артемьев. Да, наверное знаю. После того, как от меня уехал Алексей Михайлов, я ходил домой; возвращаюсь назад, смотрю, Николай Логинов плачет. Я его спрашиваю: «Николай, что ты плачешь». «Оттого я плачу, едва мог сказать Николай, что потерял деньги». Я ему говорю, много ли? 600 р<ублей>. Сначала еще, я помню, не говорил, потом я его урезонил, он мне и сказал, что 600 р<ублей>.

Стасов. Скажите, к вам привозил ли кто-нибудь другой зелени?

Артемьев. Привозили и другие.

Стасов. Почему же вы подумали на Алексея Михайлова?

Артемьев. Да все он больше возил.

Стасов. Разве никто больше в тот день не приходил ничего ни продавать, ни покупать?

Артемьев. Приходили.

Стасов. Отчего это вы подумали на Алексея Михайлова?

Артемьев. Потому что с того дня он не стал мне товару давать; прочим привозил, а мне не давал.

Стасов. Отчего же он вам не давал товару?

Артемьев. Он говорил, что мне не хватает товару.

Стасов. А до того времени, ведь Алексей Михайлов не каждый день возил вам товар?

Артемьев. Не помню.

Стасов. Через два-три дня?

Артемьев. Когда через день, когда через два.

Стасов. Вы когда подумали на Алексея Михайлова? В первую же минуту, как только Николай Логинов сказал вам, что он деньги потерял?

Артемьев. Нет, я тогда подумал, когда Логин Иванов приехал.

Стасов. А до того не думали; почему же вы подумали, когда Логин Иванов приехал?

Артемьев. Потому подумал, что увидел, что он перестал возить ко мне товар. Был введен Балашов.

На вопрос председательствующего, не состоит ли он в родстве с Алексеем Антоновым, Балашов ответил: «Я его не знаю, не только что не состою в родстве». Балашев спрошен под присягою.

Председ. Вы приняли присягу, потому я вас приглашаю сказать всю правду о настоящем деле; закон строго наказывает за лживое показание. Известно ли вам что-нибудь о деньгах, которые были найдены подсудимым.

Балашев. Мне ничего не известно, кроме того, что 17 июня Логин Иванов, Павел Артемьев и вот он (показывает на подсудимого) пришли ко мне в лавку и стали требовать от меня бумажника; я спросил, какого бумажника, они говорят, что тот, который вот он оставил; я ответил, что ни его, ни бумажника его не знаю и никакого бумажника не принимал. Потом они стали приставать ко мне, я им ответил, что, гг., что же вы ко мне пристааете, он мне бумажника никакого не давал, али мне не верите, то стану действовать по закону, я к ответу готов идти и всегда скажу, что его бумажника не знаю и никакого бумажника от него не принимал. Они пошли к квартальному надзирателю. Квартальный надзиратель прислал мне повестку явиться в квартал, я иду в квартал, надзиратель у меня спрашивает, брал ли я бумажник. Я отвечал, что никак нет, бумажника не брал, надзиратель сказал мне: смотри, если брал, отдай, ты ведь присягу будешь принимать, так лучше теперь скажи по совести. Я говорю, что совестью чист и какую угодно присягу приму. Потом следователь делал обыск в моей квартире и сделал допрос. С тех пор я в течение 1½ месяца не видел ни Логина Иванова, ни Артемьева.

Председ. Больше ничего не знаете?

Балашев. Больше ничего не знаю.

Председ. Вы прежде где-нибудь Алексея Михайлова видели?

Балашев. Раз видел, в лавку приходил и ел пирог.

Председ. Один раз только?

Балашев. Один.

Председ. Вы говорите, что ничего не получал.

Председ. Подсудимый, вы говорите, что деньги он у вас брал?

Алексей Антонов. Я деньги отдал ему, когда он за выручкой сидел.

Балашев (к подсудимому). Нет, послушай, когда же ты мне деньги давал?

Алексей Антонов. В Вознесенье деньги отдал.

Балашев. В Вознесенье ты мне никаких денег не давал.

Алексей Антонов. Полно, как же не давал.

Балашев. Да ты, верно, не помнишь, что говоришь.

Алексей Антонов. Как же не помню, я тебе в Вознесенье принес бумажник, чтоб ты до пятницы сохранил, а в бумажнике деньги были.

Балашев. Деньги ты считал?

Алексей Ант. Деньги не считал.

Балашев. Как же ты неизвестному человеку мог деньги, не считавши, поверить?

Алексей Антонов. Так и не считал.

Балашев. Что ты, братец, как же без счета неизвестному человеку давать, я сам не одну харчевню имею, я чужого не хочу, у нас, слава Богу, своего довольно.

Председ. Подсудимый говорит, что он вам отдал деньги, я опять напоминаю вам присягу; скажите, может быть, Антонов вам действительно отдал деньги?

Балашев. Никак нет.

Председ. Как же вы говорите, когда подсудимый на вас показывает?

Балашев. Уж я не знаю, почему он ко мне пристал.

Антонов. На другого ни на кого не показываю.

Балашев. Ты со мной знакомство или что такое имел?

Председ. Подсудимый, вы говорите, что ему отдали деньги?

Антонов. Отдал.

Председ. (Балашеву). А вы говорите, что денег не получали?

Балашев. Решительно не получал, я даже его не знаю.

Антонов. Как не знает, сколько раз ходил к тебе.

Балашев. Я всего 15-й день перед тем в торговлю поступил.

Стасов. В это время он приходил к вам или нет?

Балашев. Я его вовсе не видел.

Стасов. Как же вы говорите, не видели, когда вы говорите, что он был у вас.

Балашев. Раз был.

Стасо. Он один раз только был у вас?

Балашев. Я больше разу его не видел, кроме 17 числа.

Стасов. В Вознесение он у вас был?

Балашев. Не был.

Антонов. Полно, был.

Балашев. В какой же ты час был?

Антонов. В 12 часов.

Балашев. Я в эти часы дома не бывал, в 12 часов я был у обедни, а в 2 часа обедал.

Антонов. Был я у тебя, еще с тобой мальчишек двое было.

Балашев. Мальчишек у меня никогда не бывало.

Стасов. При показании, которое выдали при следствии, вы говорили другое.

Секретарь прочел показание, данное Балашевым следователю. Сущность этого показания заключается в следующем: Балашев состоит в одном капитале с отцом, торгует по доверенности отца в Спасском переулке; до минувшего праздника Вознесения он видел Антонова раза два в портерной лавке, а в самый день Вознесения его не видел, бумажника и денег от него не принимал и почему его в том обвиняют, Балашев положительно не понимает, затем Балашев высчитывает: у его отца есть деревянные дома, трактиры, пирожные лавки и питейные заведения, доказывая тем, что он не имеет побуждения пользоваться чужим.

Стасов. Значит, вы видели его не один раз, а два раза?

Балашев. У нас в пирожной лавке бывает 150, 200 человек, так их всех не упомнишь.

Стасов. Но все-таки вы два раза видели его, а не раз, как теперь говорите? Был введен Александр Иудин, зять Алексея Антонова, спрошен без присяги.

Председ. Скажите, что вам известно о пропаже денег?

Иудин. Мне известно то, что Иван Михайлов приходит ко мне и рассказывает, что к нему пришел какой-то мужик, спрашивал Алешу и говорил, будто он деньги нашел. Сначала Алеша не сознавался, а потом сказал, что нашел деньги; они все зашли ко мне, и тут я слышал, как Алексей говорил при мне, что точно он нашел деньги и передал их пирожнику.

Председ. Как фамилия пирожника?

Иудин. Балашев, только не помню, говорил ли он тогда фамилию или нет. Больше мне ничего не известно.

Член Суда Веселовский. А говорили ли они, для чего он передал Балашеву деньги?

Иудин. Нет, не говорили.

Стасов. А говорил ли Логин Иванов, что деньги в Спасском переулке?

Иудин. Да, мне сказывал Иван Михайлов, что когда приходил к нему Логин Иванов, то он говорил, что знает, что деньги в Спасском переулке.

Товар. прокурора Лебедев. За присвоение найденных денег, когда хозяин их сделался известен и требовал найденных денег, перед судом Окружного Суда привлечен к ответственности крестьянин Ярославской губернии, Ростовского уезда Алексей Михайлов Антонов. Существенные обстоятельства виновности подсудимого, как они были изложены в прочитанном на суде обвинительном акте, как записано в протоколе мирового судьи 9 участка, когда к нему обратился с первоначальной жалобой утерявший деньги крестьянин Трофимов, как разъяснены при предварительном судебном следствии и как подтверждены собственным сознанием обвиненного, заключаются в том, что 5 мая сего года, в день праздника Вознесения Господня, часу во втором дня, крестьянский сын

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 363
Алексей Михайлов Антонов, занимавшийся вместе со своим братом Иваном Михайловым огородничеством, привез зелень к торговцу Павлу Артемьеву и в это время поднял у ларя, близ выручки Артемьева, бумажник, в котором находилось в 5 пачках кредитные государственные билеты 50, 25 и 10 руб. достоинства, всего 600 руб. Бумажник этот Антонов поднял, и спрятал в карман, и тотчас же ушел с ним. О находке этой он не заявил установленным порядком в трехнедельный срок, не сказал он о находке денег и своим домашним и по требованию хозяина не возвратил ему денег, отзываясь сперва незнанием, а потом передачею денег на сбережение пирожнику Балашеву. Все объяснения, данные Антоновым по этому предмету, когда к нему обращались, показывают, что он действовал с полным разумением. Имея все это в виду и то, что события потери денег крестьянином Николаем Антоновым Трофимов никто не отрицает, как равно и суммы потерянной, что обстоятельства дела, следствие и собственное сознание подсудимого удостоверяют о находке денег Алексеем Антоновым; что он найденных денег не возвратил хозяину, а следовательно, присвоил их себе; хотя же он ссылается на то, что отдал деньги на сохранение Балашеву, но этого ничем не доказал; впрочем, если б таковая передача и подтвердилась, то это должно быть предметом особенного иска Антонова к Балашеву; на основании всего вышеизложенного, я по закону нахожу, что деяние совершенное Алексеем Михайловым Антоновым, предусмотрено Уставом о наказ<аниях,> налаг<аемых> мировыми судьями, и именуется проступком, но принимая в основание 2 пункт. 181 ст. того же устава, 2 пункт. 33 и 2 пункт. 34 стат. Устав<а> уголов<ного> судопр<оизводства>, так как сумма присвоенного превышает 300 руб., дело сие мировым судьям неподсудно, но на основании 200 стат. Устав<а> уголов<ного> судопр<оизводства> подсудно Окружному Суду; но наказание виновному определяется на основании закона изложенного в примечании к 147 ст. Улож<ения> о наказ<аниях> изд<ания> 66 года, по правилам Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

(Окончание заседания 4-го августа).

Тов. Пр. (прод.) Обращаясь засим к вопросу, какому наказанию по закону подлежит подсудимый, и принимая в соображение, что во время совершения преступления крестьянин, Алексей Мих<айлов> Антонов, имел не менее 17 лет, что он сознался в своем преступлении и чистосердечно раскаивался, я имею честь предложить, не благоугодно ли будет Суду подвергнуть крестьянина Алексея Мих<айлова> Антонова наказанию, определенному в 8, 11, 24 и 178 ст. Устава о наказ<аниях,> налаг<аемых> мировыми судьями.

Присяж. пов. Стасов (защитник подсудимого). Назначенный судом для защиты подсудимого Алексея Анотонова, я считаю необходимым прежде всего, нежели приступить к защите, изложить обстоятельства, которые предшествовали настоящему делу. Алексей Антонов, крестьянский мальчик Ярославской губернии, жил около 4 лет у своего старшего брата, огородника, весьма набожного, и занимался огородничеством; полтора года тому назад его брат стал посылать его на Сенную для продажи товара. Однажды он стоял у выручки зеленщика Павла Артемьева и нашел там бумажник. Посмотревши бумажник и увидевши, что там лежали деньги, он положил сначала бумажник

в карман, но, боясь его потерять в то время, когда ему следовало собирать деньги от покупателей на Сенной, он найденные деньги и бумажник снес пирожнику Балашеву. Хотя Балашев отвергает показания Алексея Михайлова об том, что он получил деньги, но мне кажется, что из слов подсудимого, сказанных чистосердечно в настоящее заседание пред судом, раскаяния у пристава следственных дел и чистосердечного признания перед мировым судьей вполне можно заключить о правдивости его показания. Но, кроме того, что подсудимый сознался, есть еще показание двух свидетелей, родного брата подсудимого и его зятя. Один из них положительно говорит, что, потерявши деньги, Логин Иванов приходил к нему на огород и говорил, что ему известно, что деньги находятся в Спасском переулке.

Действительность этого показания не опровергнута, потому что показания Логина Иванова, данные перед судом, более чем сбивчивы. Логин Иванов сначала сказал, что об Спасском переулке и речи не было, потом изменил свое показание; между тем как Иван Михайлов с первого раза показал совершенно прямо и правдиво, что действительно Логин Иванов говорил ему, что деньги были отнесены в Спасский переулок. Но кроме этих двух показаний и кроме показания самого подсудимого, мне кажется, что логически можно прийти к тому же самому, что деньги были отнесены к Балашеву и не остались во всяком случае у Алексея Михайлова.

Свидетелем того, что Антонов поднял деньги, что он нашел их, никого не было, следовательно, ему легко было сказать то же самое, что сказал Балашев при следствии: знать не знаю, никаких денег не видел; однако же Алексей Михайлов после допросов, которые ему были сделаны, признался. Почему же он признался? Потому, что его натура не позволяла ему скрывать того, что было справедливо; между тем как он легко мог спрятать деньги, и тогда не существовало бы никаких доказательств, — признание его есть лучшее доказательство того, что мальчик, не достигший совершеннолетия, показал только то, что ему было известно. Из этого обстоятельства, мне кажется, можно вполне прийти к тому заключению, что его нельзя обвинять в присвоении найденных вещей, денег, в чем его обвиняет прокурор, так как 178 стат. говорит именно о присвоении найденных вещей, а 2 пункт этой статьи, на который именно прокурор ссылается, говорит о таких случаях, когда нашедший знал, кому принадлежат деньги. Оказалось, что найденные деньги Антонов отдал Балашеву, что, мне кажется, совершенно дознано судебным следствием; когда Логин Иванов адресовался к Антонову, то он бы и рад был отдать деньги, да их у него уже не было, поневоле в таком положении Антонов не признавался в найденных деньгах. После убедительной просьбы Логина Ив. Антонов все-таки сознался в том, что поднял деньги и что отдал их Балашеву; но при этом надо принять в соображение то обстоятельство, что все преступления разделяются на преступления положительные и преступления отрицательные; преступления положительные — те, которые прямо запрещены законом, преступления отрицательные — те, которые составляют неисполнение положительных предписаний закона. Мне кажется, что проступок Антонова — незаявление о находке — именно относится к преступлениям отрицательным.

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 365

Вся вина его заключается в том, что он, как большая часть лиц находящихся, не знает закона. Наши простолюдины очень часто отыскивают не только малоценные вещи, но и более ценные вещи, даже клады, и притом находку считают счастьем. Если бы Антонов знал, что с находкой связана обязанность заявить полиции или вообще в надлежащее место, то без всякого сомнения его можно было бы обвинить в том, зачем он не исполнил предписание закона. Как известно, не только лица, принадлежащие к низшему сословию, но даже лица, принадлежащие к высшему обществу, не знают закона, и хотя существует у нас закон, что незнанием закона никто не может отговориться; но, как известно, в настоящее время на практике далеко не может быть применимо правило, чтоб все законы были одинаково хорошо известны каждому. На этом основании человек, который, как Алексей Михайлов Антонов, с одной стороны, отдал на сохранение деньги, которые ему не возвращают, с другой стороны, который положительно не знал закона, — такой человек не может быть обвинен в преступлении, в котором его обвиняют. И так следует обратить внимание на положение, в котором находится Антонов, и кроме того на его несовершеннолетие.

При этом, если гг. судьи признают Антонова виновным, я считаю обратить внимание гг. судей на те соображения, которыми руководился г. прокурор и которые им поставлены не совсем верно. Прокурор ссылается на ст. 8 и 11 Уст<ав> о наказ<аниях>, налаг<аемых> мир<овыми> суд<ьями>, — что касается до 11 ст., то я ничего не могу сказать; но что касается до ст. 8, в которой говорится, что несостоятельные к уплате денежных взысканий крестьяне и мещане могут быть отдаваемы в общественные работы или же в заработки, то если и прокурор обвиняет Антонова на основании 178 ст. и обвиняет его в том, что он виновен в неотдаче денег при требовании их хозяином, тогда мне кажется, что Антонова следует, на основании 2 п. 178 ст., заключить в тюрьму сроком от двух недель до 6 месяцев, между тем в 608 ст. говорится о денежных взысканиях. Во 2 п. 178 ст. ничего не говорится о денежных взысканиях, следовательно, в данном случае должен быть применен 2 п. 178 ст. 11 и 17 ст., а никак не 8 ст.

Товар. прокур. Лебедев. Я позволю себе возразить против того, что защитник старается доказать, что Антонов отдал деньги на сохранение Балашеву, а при судебном следствии Антонов заявил, что отдал на сохранение деньги с тем, чтобы потом взять их обратно; но однако же в течение недели он не пришел к Балашеву, а пришел уже к нему ровно через две недели. Да если бы и была доказана справедливость слов Антонова, то это могло бы составлять предмет особого иска к Балашеву, но отнюдь не может влиять на определение меры наказания за проступок Антонова, меры наказания, которую я имел честь предложить Окружному Суду.

Прис. пов. Стасов. Я должен сказать, что не вижу в том, что Антонов отдал Балашеву деньги, другой цели, кроме той, что он отдал их на сохранение Балашеву. Антонов должен сделать предмет особого иска, я нахожу, что это невозможно на том основании, потому что это бы значило, что Антонов присваивает себе деньги, найденные им, чего он никогда не хотел.

Подсудимый к этому от себя ничего не прибавил.

Затем Суд постановил следующие вопросы на свое обсуждение:

1. Виновен ли подсудимый Алексей Михайлов Антонов, в не объявлении о найденных им деньгах?
2. Присвоил ли он деньги себе?
3. Действовал ли подсудимый с разумением?
4. Есть ли в деле обстоятельства, уменьшающие вину подсудимого?
5. Если подсудимый виновен в возводимом на него обвинении, то какому наказанию должен он подлежать по закону?

Четвертый вопрос поставлен судом по предложению защитника подсудимого. По обсуждении дела, председательствующим было объявлено следующее решение:

С.-Петербургский Окружной Суд, выслушав дело о крестьянском мальчике Алексее Михайлове, обвиняемом в необъявлении о найденном им бумажнике с 600 р. с намерением присвоить себе, постановил: крестьянского мальчика Алексея Михайлова Антонова, имеющего от роду 16 лет, как не виновного в присвоении найденных им денег и не имевшего возможности до истечения трех недель согласно ст. 179 Уст<ав> о наказ<аниях>, налаг<аемых> мир<овыми> суд<ьями>, заявить установленным порядком о находке их, на основании 1 п. Ст. 771 Уст<ава> Уг<оловного> Суд<опроизводства> признать его по суду оправданным.

Судебный вестник 1866 г. № 25. С. 217–225.

Дело о крестьянах ярославской губернии Петре Бакулине, Иване Прялошникове и подпоручике Андрееве, обвиняемых в подделке документов

Судебная хроника. 1867 г. Судебное заседание. В С.-Петербургском окружном суде, по 1-му (Уголовному) отделению.

По делу о крестьянах ярославской губернии Петре Бакулине, Иване Прялошникове и подпоручике Андрееве обвиняемых в подделке документов (заседание 12 января 1867 г.).

Защ <итник> Бакулина, прис<яжный> пов<еренный> Стасов. В каждом уголовном деле, во 1-х, подлежит обсуждению вопрос, есть ли, существует ли преступление, во 2-х, кто его совершил? Обвинительная власть в обвинительном акте и речи утверждает, 1) что существует преступление, потому что есть подлог в расписке, которая представлена здесь, 2) что подлог совершен подсудимым Бакулиным. Я позволю себе войти в рассмотрение тех оснований, которые послужили для выводов обвинительной власти. Обвинительная власть говорит, что подлог доказывается как по внешнему виду, так и по внутреннему содержанию расписки. В отношении внешнего вида обвинительная власть говорит, что, во 1-х, показывает подлог густота почерка, во 2-х, переправка

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 367
и вставка букв, и, наконец, надписанное над строкой слово: июля. Но мне кажется, что все эти доводы не довольно основательны, чтобы не сказать совершенно неосновательны. Что касается густоты чернил, то чтобы утверждать, что подлог совершен именно подсудимым, надобно обвинителю доказать, что во время представления расписки в полицию, именно 23 августа 1865 г., было засвидетельствовано, что расписка была написана не так, как она является теперь перед гг. присяжными заседателями. Это доказать, я полагаю, обвинительная власть не возьмется, так как это доказать невозможно. Сам подсудимый Бакулин не признает, что расписка, представленная им в августе 1865 г., была написана тем густым почерком, который оказывается теперь.

Кто это сделал, я не берусь доказывать, это не мое дело. Но из этого факта нельзя выводить ничего против подсудимого Бакулина. Что касается изменений в содержании расписки, то обвинительная власть положительно утверждает, что первые две буквы, которыми начинается расписка — съ, вставлены. Обвинительная власть основывается на том, что всякий, даже простолюдин, начинает обыкновенно каждую бумагу с прописной буквы. Я ссылаюсь в этом отношении на опыт, на то, что случается каждому видеть постоянно. Опыт показывает, что документы, писанные простолюдинами, не всегда непременно начинаются с прописной буквы. Знания особенного у этих людей нельзя предполагать, поэтому невозможно утверждать, чтобы они непременно писали так, как пишут те, которые знают правила.

Поэтому я не думаю, чтобы, как выразился г. прокурор, все без исключения, обыкновенно так писали. Далее г. прокурор утверждает, согласно с обвинительным актом, что 20 переправлено из 10. Но я не полагаю и сам обвинитель не мог подтвердить, чтобы это было положительно так. На чем основано это предположение? Преимущественно на словах Крашенинникова, который говорит, что расчет сделан 10 сентября 1864 г. Между тем из показания Крашенинникова, данного сегодня пред судом, видно, что расчет сделан на 10, а 11 числа. Во всяком случае, нет основания предполагать, чтобы расписка была написана 10 числа. Обвинитель утверждает, сверх того, что цифра 24 переделана из цифры 10. Я покорнейше прошу гг. присяжных заседателей присмотреться в настоящее время вновь к расписке, чтобы убедиться в том, что такого рода переделка не могла быть сделана: нет никаких следов, чтобы из 1 было сделано 2, из 0—1. Сначала сам Крашенинников утверждал, что этой цифры вовсе не было. Я прошу гг. присяжных заседателей обратить внимание на расписку и посмотреть вновь, чтобы видеть, что на этом месте между съ и числом была цифра. (Председатель поручает приставу предъявить присяжным расписку.) Если бы на этом месте не было цифры, то гг. присяжные увидели бы, что расстояние между словами слишком велико и не соответствует расстоянию между прочими словами, что не могло оставаться такого пустого промежутка. Это я возражаю на обвинение Бакулина Крашенинниковым.

Против обвинения г. прокурора я замечу, что никак нельзя предполагать, чтобы можно было сделать 24 из 10, обратить 0 в 1, не подскобливши чего-нибудь. Я рассматривал внимательно на свете эту расписку, — решительно не видать, чтобы что-нибудь было подскоблено. Таким образом, это

предположение тоже нельзя допустить. Далее Бакулин обвиняется в подлоге за то, что будто бы над строкою написал июля. Этим нельзя доказать подлог. Без всякого сомнения, всякому случается надписывать и приписывать буквы, целые слова и фразы, но выводить из этого, что в то время, когда надписывались эти слова и фразы, был сделан подлог — нельзя. Далее обвинительная власть утверждает, что слова, т. е. 1865 г., приписаны в конце, потому что Бакулин не знал, где написать их. Но если он мог написать июля над строкою, то он мог написать и 1865 г. тоже над строкою. Я утверждаю, что не могло быть, если 1865 г. не было написано, чтобы Крашенинников стал подписывать расписку, оставив пустое место между концом ее и своею подписью. Если обвинитель говорит, что обыкновенно пишут расписки таким образом, что по такой-то день я ничего не должен, то и подписывают их таким образом, чтобы не оставлять пустого места между концом расписки и подписью, за нею следующее. Что касается внутреннего содержания расписки, то г. обвинитель, согласно обвинительному акту, утверждает, что эта расписка неестественно, неправильно, неверно составлена, что обыкновенно не так пишут расписки.

Я должен повторить: где правило, как обыкновенно пишут расписки? Естественно предположить, что всякая расписка должна быть написана просто; но для лица, которое не привыкло писать, мудрено определить, что он понимает под словом естественно. Он напишет, как уметь. Мы постоянно видим расписки, в которых нет не только ни малейшей естественности, но даже трудно добраться до смысла, но тем не менее они не могут считаться подложными. Обвинение проводит еще одно, по моему мнению, легко опровергаемое предположение. Он говорит, что, если выкинуть те слова, которые, по мнению Крашенинникова и обвинительной власти, потом прибавлены, смысл расписки выйдет совсем другой и что расписка получает тот смысл, который придает ей Крашенинников. Мне кажется, что это не может служить никаким доказательством: если из фразы, состоящей из трех или четырех строк, выкинуть несколько слов, смысл получится другой; если выкинуть еще несколько слов, то получится опять другой смысл. Но это еще не доказательство, что написанное подложно.

Затем г. обвинитель основывает обвинение на том, что Бакулин в отзыве, данном 27 августа в полиции, сознал свой долг Крашенинникову. Но, гг. присяжные заседатели, вы могли видеть, при каких обстоятельствах Бакулин согласился дать эту подписку. К нему явился письмоводитель квартала, Шутов, заявить о том, что Крашенинников не соглашается принять действительную расписку, данную 21 июля 1865 г., и предложил помирить их. Г. обвинитель утверждает, что Бакулин приходил к Шутову; но из тех показаний, которые даны Шутовым суду, довольно трудно прийти к положительному убеждению — кто к кому прежде приходил. Все его показания неточны, не положительны до такой степени, что нельзя прийти к положительному убеждению, — Бакулин ли приходил к Шутову, или наоборот. Из этих показаний видно, что Шутов заявил Бакулину о том, что Крашенинников будет взыскивать с него 328 р., но он соглашается, однако, мириться, если Бакулин выдаст ему расписку на эту сумму. Бакулин соглашался на это с тем, что будет уничтожена

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 369
расписка, представленная им в полицию 23 августа, и что он получит разные долги, переведенные на Крашенинникова, равным образом получит расписку в 150 р., которая была дана Бакулиным Крашенинникову и о которой было заявлено в заседании, в прочитанном протоколе мирового судьи.

Таким образом, Бакулин дал тогда эту подписку, чтобы избежать споров, но не соглашался платить вдвое. По показанию Бакулина, которое кажется мне правдоподобным, Крашенинников получил право взыскивать с некоторых лиц должные ими Бакулину деньги. Крашенинников, опровергая перевод долгов, говорит, что никогда не принимал их. Напротив того, из ответов Крашенинникова на вопросы, которые я сделал ему и которые подтвердились читанным протоколом, оказывается, что действительно были переведены разные долги и Крашенинников взялся взыскивать их. Спрошенный здесь свидетель Бабичев утверждает, что он и мать его должны Бакулину и этот долг переведен Крашенинникову. Ференсерецкий, Гуртовская, Тхоржевский, Феодосья Андреева — все подтвердили, что заплатили долг Крашенинникову. Подсудимый Бакулин сослался сверх того на несколько других свидетелей, в доказательство того, что он не был должен Крашенинникову. К сожалению, эти свидетели не могли быть заслушаны в суде, так как они не находятся на указанных местах жительства. Но все прочие, на которых сослался Бакулин, подтвердили вполне его ссылке.

Мне кажется, нет основания не верить тому, что свидетели, которые находятся в отсутствии, если бы явились, то подтвердили бы показание Бакулина. Между тем, все показания Крашенинникова совершенно не оправдались. Сначала он говорил, что расписка была выдана Бакулину 10 сентября, но здесь оказалось, что 10 сентября он даже не был в Петербурге. Очевидно, трудно предположить, чтобы расписка была выдана задним числом. Затем Крашенинников утверждает, что, когда выдавал расписку, никаких свидетелей не было; но два свидетеля, точно так же как он, т. е. без присяги, подтвердили, что расписка 21-го июля 1865 года выдана в квартире у Бакулина. Не знаю, почему можно верить Крашенинникову более, нежели показаниям других свидетелей, которые показывали, что были в тот день у Бакулина при выдаче Крашенинниковым расписки и сами на ней расписывались. Обвинительная властьходит, между прочим, что г. Андреев показал сегодня положительно, будто бы на расписке, которая была предъявлена ему в настоящее время, не было тех приписок, в составлении которых обвиняется Бакулин. Против этого я должен заметить, что на вопрос, предложенный мною г. Андрееву, он положительно утверждал, что не помнит хорошо, были ли, или нет те приписки, о которых идет речь; он помнит только, что расписка начиналась с цифры 1864, а не с букв съ. Я должен обратить внимание на то, что Андреев положительно сказал при предварительном следствии: «Помню, что расписка мною подписана, но в таком ли виде, как в настоящее время мне предъявлена, объяснить не могу». Он это показал при предварительном следствии, и я сомневаюсь, чтобы через несколько месяцев после первого допроса он мог бы вспомнить более подробно то, чего не помнил с самого начала.

Таким образом, я прихожу к заключению, что в отношении внешнего вида подписки никак нельзя вывести заключения, чтобы она была подложная и подлог был именно сделан Бакулиным. В отношении внутреннего содержания, если есть некоторое противоречие между этою распискою и показанием, данным Бакулиным 27 августа о признании долга Крашенинникову, мне кажется, что это противоречие объясняется именно этим. <...>

Защитник Бакулина, присяжный поверенный Стасов. гг. присяжные заседатели! Настоящее дело, как вам известно, производится в настоящее время перед вами вследствие того, что по просьбе гражданского истца, не допущенного дать объяснений, кассационный департамент правительствующего сената отменил постановление присяжных заседателей. Хотя таким образом уничтожено все прежнее производство, но так как прежние присяжные заседатели оправдали настоящих подсудимых, в том числе и того, защита которого мне вверена, то я вполне убежден, что вы постановите также оправдательный приговор. Для того, чтобы вы пришли к этому убеждению, я обязан рассмотреть те доводы, которые приведены как в обвинительном акте, так и в обвинительной речи г. прокурора и основаны на том, что расписка подложная и по внешнему виду, и по внутреннему содержанию. Что касается до внешней стороны, то товарища прокурора поддерживают показания гражданского истца Крашенинникова и идут шаг за шагом за этими показаниями. Мне кажется, что не все или даже решительно все показания г. товарища прокурора не могут быть признаны за вполне справедливые.

<...> По делу о крестьянах ярославской губернии Петре Бакулине, Иване Прялошникове и подпоручике Андрееве обвиняемых в подделке документов (заседание 12 января 1867 г.) с участием присяжных заседателей.

<...> Подсудимые, на основании 8/9 ст. Уст<ава> Уг<оловного> Суд<опроизводства>, были объявлены председательствующим свободными от суда, а Бакулин и Прялошников, кроме того, и от содержания под стражею.

Судебный вестник. 1867. 15 января. С. 379–381.

Дело о баварских поданных — докторе богословия Алоизе Пихлере и Кресценции Виммер по обвинению первого в краже книги из Императорской публичной библиотеки, а второй в укрывательстве заведомо краденых книг

Заседание СПб. окружного суда по 2-му уголовному отделению с участ<ием> прис<яжных> засед<ателей>, по делу о баварских поданных — докторе богословия Алоизе Пихлере и Кресценции Виммер по обвинению первого в краже книги из Императорской публичной библиотеки, а второй в укрывательстве заведомо краденых книг. (Заседание 24 июля.)

Состав суда: председательствовал председатель окр<ужного> суда Шамшин, члены: Зальц и Польнер; обвинял тов<арищ> прокурора Кобылин;

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 371
повер^{енным} гражд^{анского} истца явился прис^{яжный} пов^{еренный} Стасов; защитниками обвин^{яемого} прис^{яжный} пов^{еренный} Арсеньев, (защ^{итник} Пихлера), и прис^{яжный} пов^{еренный} Герке (защ^{итник} Виммер).

Обстоятельства этого дела, как они изложены в обвинительном акте, заключаются в следующем: с августа 1869 года замечены были частые, следовавшие одна за другою, кражи книг из Императорской публичной библиотеки. Книги пропадали не из читальных зал, назначенных для публики, а из отделений, т. е. из помещений, в которых хранятся книги и куда допускаются, кроме служащих при библиотеке, для занятий только лица, получающие особое на то разрешение. Поэтому приняты были меры для наблюдения за самими служащими при библиотеке. Еще в августе 1869 г. заведующий юридическим отделением библиотекарь Поссельт заметил кражу нескольких брошюр, о чем говорил, между прочим, и с Пихлером. Затем из того же отделения пропала «История Римского права» Савиньи.

Доктор богословия Пихлер летом 1869 г., в письме своем Поссельту за границу сообщая об этих кражах книг из юридического отделения, обращал внимание на одного из читателей, допущенного для занятий в отделениях библиотеки, так как читатель этот, по словам Пихлера, всегда рылся по полкам.

В декабре 1870 г., когда библиотекарь Вальтер разговаривал с директором библиотеки, тайным советником Деляновым, о пропавших 4-х томов «Памятников пражского университета», то сам Пихлер вмешался в разговор и заявил, что по уходу Вальтера из отделения туда приходил какой-то человек из читальной залы, вынимал с полки книги и брал ключи в ящике стола, находящегося рядом в философском отделении.

Однако подозрение пало на самого Пихлера по следующим причинам: 1) в комнаты библиотеки — как заметили служащие, он входил в резиновых калошах, не снимая с себя пальто и не позволяя швейцару снимать его, не читал книги в библиотеке, а только рассматривал их; имея право брать книги на дом, оставляя при этом расписку или сведение в библиотеке, он не делал этого; часто приходил в библиотеку и возвращался назад; 2) сторожа библиотеки Табачек и Васильев нередко замечали, что пальто Пихлера было оттопырено в то время, как он выходил из библиотеки, и что, выходя, он как бы торопился.

В июле 1870 г. сторожа Поляков и Радешин видели, что Пихлер, по выходе из библиотеки, выронил книгу, которую опять поднял. Имея в виду эти данные, библиотекарь Соболевщиков поручил швейцару Ермакову проследить Пихлера при выходе его и, если можно, ощупать его платье, подавая ему пальто, так как в это время Пихлер оставлял пальто в передней. 3-го марта 1871 года Ермаков, заметив, что Пихлер уходит, стал подавать ему пальто и помогать надеть его, хотя Пихлер, увертываясь, старался уклониться от последней услуги, но Ермаков ощупал у него, пониже пояса, сзади сюртука, большую книгу. Пихлер вырвался, но Ермаков удержал его, и закричал сторожу — доложить г. Соболевщикову, который пригласил Пихлера в канцелярию.

Библиотекарь Собольчиков объяснил, что в канцелярии по требованию его Пихлер вынул из своего сюртука большой толстый том сочинений св. Амвросия на латинском языке. Затем г. Собольчиков послал за помощником директора библиотеки Бычковым и заведующим хозяйственной частью библиотеки Плетневым, с которыми, а также с Пихлером, отправились на квартиру последнего, в доме финской церкви, по большой Конюшенной улице. В первой комнате квартиры Пихлера, в шкафе, найдено было больше ста книг с признаками принадлежности их публичной библиотеки. Г. Бычков отправился известить об этой находке директора библиотеки г. Делянова. В это время гг. Собольчиков и Плетнев увидели еще книги во второй комнате. Сам Пихлер куда-то скрылся, говоря, что уходит обедать, а живущая в его квартире баварская подданная Кресценция Виммер не хотела отдавать ключа от третьей запертой комнаты. Она открыта была уже по настоянию прибывшего в квартиру Пихлера тайного советника Делянова, и в ней оказалось большое количество книг в ящиках. В присутствии приглашенного помощника пристава Осипчука найдено было также значительное количество книг.

Книг, найденных при квартире Пихлера и принадлежащих Императорской публичной библиотеке, оказалось четыре тысячи триста семьдесят две.

При новом осмотре квартиры Пихлера, произведенном 13 марта, найдено было еще несколько книг, признанных принадлежащими публичной библиотеке. Между бумагами Пихлера оказалось 229 карточек от алфавитного и систематического каталогов Императорской публичной библиотеки, а между платьем сюртук и мешок, который Пихлер привязывал к сюртуку при выносе книг из библиотеки.

На предварительном следствии баварский подданный, доктор богословия Алонзий Пихлер показал, что он брал к себе из библиотеки всякие, интересовавшие его, по его занятиям, книги, которые и возвращал, и вместо них брал новые. Книги брал безотчетно, не записывая и не объясняя никому. Всех книг взял к себе несколько тысяч. Брал книги без записок, потому что, первоначально, при выносе одной книги, был остановлен сторожем, и потому, полагая, что открыто выносить книги нельзя, принужден был прятать их при уходе с ними домой. Не считая себя виновным в похищении книг из публичной библиотеки, он признает себя виновным в том, что брал их самовольно, для своих занятий.

Многие из книг, найденных у Пихлера, оказались не богословского содержания, но и другие, по-видимому не имеющие никакой связи с его научными занятиями, напр<имер>, сочинения Беранже на французском языке, руководство для танцев, для портных и разных ремесленников.

Академик Шифнер показал, что, зная очень многих ученых за границею, он может удостоверить, что у немецких ученых нет обыкновения выносить книг секретно, в каких-нибудь мешках под платьем, и что они берут книги под расписку.

Следствие сего баварский подданный, доктор богословия, Алонзий Пихлер, 37 лет, обвиняются: 1) Пихлер в том, что тайно похитил из Императорской публичной библиотеки более 4000 книг, на сумму свыше 300 р., т. е. совершил

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 373
преступление, предусмотренное 548 и 1655 ст. Улож<ения> о наказ<аниях> и 2) Виммер в том, что, зная о похищении Пихлером книг из Императорской публичной библиотеки, с целью сокрытия этой кражи уничтожила знаки, свидетельствовавшие о принадлежности книг библиотеке; такие действия ее составляют преступление, предусмотренное в ст. 14, 548 и 1655 Улож<ения> о наказ<аниях>.

Судебная хроника.

Заседание по делу Пихлера началось в 11 ½ ч. утр<енним> чтением обв<инительного> акта по этому делу. Подсудимые виновными себя не признали. Подсудимый Пихлер высокого роста, чрезвычайно тощ; у него маленькая голова, узенькие чрезвычайно блестящие глаза; он смотрит исподлобья, не прямо в лицо, постоянно улыбается и краснеет, говорит с большой энергией, жестикулируя: часто поднимает глаза и руки к небу и произносит имя Бога. Он объясняется на немецком языке с баварским акцентом; переводчиком ему служит прис<яжный> пов<еренный> Фосс.

Подсудимая Виммер бледнолицая, худощавая женщина, она одета вся в черном, говорит тихим голосом, объясняется только на немецком языке; переводчиком служил прис<яжный> пов<еренный> Дорн. В первом часу в зал заседания вошел Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич с Великим Князем Николаем Константиновичем и управляющим департам<ентом> Министерства юстиции Эссеном. В это время начался суд. Следствие допросом двух свидетелей, именно судебного следователя Ламанского и Лебедева. Показания этих свидетелей, вызванных суду защитой, опровергались самим же подсудимым. Третьим свидетелем допрашивался тов<арищ> министра народн<ого> просвещ<ения>, статс<екретарь>, тайн<ый> сов<етник> Делянов; после этого, весьма обстоятельного и чрезвычайно интересного, показания подсудимый давал объяснения, 2 раза прерванные для отдыха; в 6 вечера заседание было прервано на 2 часа.

Судебное заседание.

Спб. окружного суда по 2-му уголовному отделению с участ<ием> присяж<ных> засед<ателей>, по делу о баварских подданных — докторе богословия Алоизии Пихлере и Кресценции Виммер по обвинению первого в краже книг из Императорской публичной библиотеки, а второй в укрывательстве заведомо краденных книг. (Заседание 24 июля.)

Поверенный публичной библиотеки, присяжный поверенный Стасов объяснил, между прочим, что начальство библиотеки в настоящее время не может еще с уверенностью сказать, что все пропавшие книги были возвращены; может быть, некоторых сочинений не окажется, может быть, подсудимый Пихлер какую-нибудь часть их отправить за границу; но если похищенные книги все возвращены, то библиотека, все-таки, понесла ущерб в том, что множество книг испорчено уничтожением на них библиотечных знаков и вырезками гравюр, из Библии французского издания — 236 гравюр, из голландского издания Библии — 135.

Затем Стасов старался доказать, что Пихлер брал книги не для занятий и не с целью возвращения их, а с тем, чтоб присвоить себе и воспользоваться

выгодой, которую мог получить от продажи этих книг, и в этом отношении сослался на показание свидетеля Вальтера, который говорил, что он имел разговор с Пихлером о пропаже из библиотеки «Истории пражского университета», но что Пихлер высказывал подозрение на других лиц, между тем как эти книги оказались у него; что из витрины пропала одна польская книга в серебряной оправе, которая также оказалась у Пихлера, но уже с содранной оправой, а это обстоятельство доказывает весьма наглядно, что г. Пихлер любил не одни книги; что Пихлер не мог не знать правил библиотеки, потому что, как человек образованный, он, во всяком случае, должен был знать, что нигде, даже у диких народов, не существует какого бы то ни было общественного учреждения, в котором бы не было какого-нибудь устава, каких-нибудь правил, и если Пихлер не знает правил нашей библиотеки, то, зная, что они должны существовать, он должен был спросить о них.

Пихлер старается доказать, что порядки библиотеки очень дурные, что у нее нет настоящего каталога, что в библиотеке делаются такие стеснения, которых за границей нет, что за границей можно брать книг, сколько нужно. Положим, что в библиотеке порядки не такие, он приехал и захотел ввести свои порядки. И в чем же они заключались? В том, что он переставлял книги с одной полки на другую, перемешивал их, брал из каталога листки и уничтожал их, еще лучше, брал целые охапки книг. Они, видите ли, были нужны ему для его занятий.

Вы видели, он занимается всеми возможными отраслями науки и искусства: и танцами, и богословием, и каллиграфией. Ему нужны были всевозможные сведения, он показывал вам листы извлечений своих из разных книг, где есть, между прочим, заметки о танцах. Положим, что ему нужны были всякого рода мелкие сведения. Но если он занимался, как ученый, не технической, а общей исторической частью искусств и ремесел, то зачем ему было рыться в какой-то книжке танцевального искусства? Она могла его познакомить только с технической частью вопроса. Зачем ему нужны были руководство токарного, пирожного и прочих ремесел? Он говорит, что хотел ознакомиться с некоторыми техническими выражениями. Но для этого есть лексиконы, и гораздо легче взять один лексикон, чем брать огромное количество книг. Наконец, возможно ли допустить, чтоб ему нужны были все эти книги для занятий? Из каталога, который представлен к делу, видно, что он взял около 4500 книг. Занимался же он с июля 1869 года до 3-го марта 1871 г., т. е. до его арестования. Если вычесть отъезд, в котором он пробыл четыре месяца, то выходит, что он занимался всего 15 месяцев, т. е. 450 дней. Следовательно, если он брал книги из библиотеки всякий день, то ему нужно было всякий день для занятий на дому не менее 10 книг. Возможно ли, чтоб человек занимался ежедневно, не пропуская ни одного дня, такую массу книг, и книги все накоплялись бы у него, и он не имел бы возможности отдать их назад?

Мне кажется поэтому, что все объяснения г. Пихлера о том, что он брал книги только для занятий, не заслуживают никакого уважения. Наконец, те вырезки гравюр и статей, которые делал Пихлер, самым очевидным образом указывают, что Пихлер брал книги не для занятий, а для того, чтобы

Судебные процессы в Уголовном отделении С.-Петербургского окружного суда 375
получить от них непосредственную материальную выгоду; ссылка Пихлера на то, что он вырезал эти гравюры и статьи из дефектных (неполных) изданий, не заслуживает ни малейшего уважения, потому что, как человек ученый, хорошо знакомый с библиотечным делом, он должен был дорожить каждым сочинением; он должен был знать, что дефектные издания всякая библиотека старается пополнить; наконец, как ученый человек, он должен был желать, чтоб произведения науки и искусства сохранялись во всей их неприкосновенности, так, чтоб всякий желающий мог им пользоваться. Между тем, Пихлер поступал совершенно иначе; он думал, как говорил один из свидетелей, что у нас, варваров, можно таскать книги, как дрова, и г. Пихлер вполне применял это выражение: он действительно из нашего книгохранилища таскал книги, как дрова.

Судебный вестник. 1871. 1 июля. № 136.

ВЕХИ ЖИЗНИ Д. В. СТАСОВА

1828, 20 января — родился в С.-Петербурге, Васильевский остров, 1-я линия, дом Ошметковой (№ 18).

1842 — «зачислен в Училище правоведения сразу не в 7 (начальный), а в 5 класс».

1847 — «по окончании курса наук в Императорском Училище правоведения выпущен с оного с чином титулярного советника».

1847 — «определен на службу в Герольдию Правительственного Сената».

1850 — «произведен за отличия в коллежские асессоры со старшинством».

1851 — «причислен к департаменту Министерства юстиции».

1851–1857 — «неоднократно давал Глинке деловые советы и исполнял его поручения».

1851, осень — организатор музыкальных собраний в доме М. И. Глинки.

1854 — «произведен в надворные советники».

1854, 12 июня — «Спешу сообщить вам, что завтра приступаю к собственной биографии, на основании программы вашей» (из письма М. И. Глинки).

1856 — участие в Университетских концертах, квартетных собраниях, Квартетах компании конногвардейских офицеров в доме А. И. Фицтума фон Экстедта.

1856 — «Герольд во время священнейшего коронавания Государя Императора», Александр II пожаловал ему бриллиантовый перстень с рубином.

1857 — «награжден орденом Святого Станислава 2-й степени и назначен Обер-секретарем 20-го (Гражданского) Департамента Правительственного Сената».

1857 — начало сотрудничества в «Журнале для акционеров» К. В. Трубникова, «Экономическом указателе» И. В. Вернадского.

1858 — сотрудничество в «Журнале для акционеров», «Экономическом указателе».

1859 — начало сотрудничества в «Журнале Министерства юстиции» (при редакторстве М. М. Троицкого).

1859 — «один из деятельнейших корреспондентов» Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

1859, 27 января — избрание директором Русского музыкального общества, «пересмотр устава и переработка его были поручены Д. В. Стасову».

1859 — «часто виделся в те годы и с Тургеневым, когда тот приезжал в Россию».

1859, 3 марта — записка И. С. Тургенева на имя Д. В. Стасова.

1859, июнь–октябрь — первое заграничное путешествие совместно с К. Д. Кавелиным, М. Н. Катковым, В. Д. Спасовичем, А. Н. Пыпиным, В. А. Соллогубом, А. Рубинштейном.

1859, июнь — М. Н. Катков просит Д. В. «доставить в “Колокол” <...> какую-то собственноручную корреспонденцию».

1859, июнь — вместе с А. Рубинштейном посещает Генделевский фестиваль в Лондоне.

1859, 24–30 июня — посредничество в лондонских переговорах А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

1859, август–сентябрь — активно посещает вместе с К. Д. Кавелиным, М. Н. Катковым, В. Д. Спасовичем суды различных инстанций в Германии, Франции, Италии.

1859, 10 ноября — в столице «образовался первый кружок молодых юристов благодаря энергии Д. В. Стасова».

1859, ноябрь — к юридическому кружку Д. В. Стасова «примыкает кружок М. В. Трубниковой, уделявшей большое внимание организации воскресных школ».

1859, 5 декабря — записка от Н. Г. Чернышевского.

1860 — ведение хроники иностранных судов в «Журнале Министерства юстиции».

1860 — участие в разработке проектов судебных уставов.

1860 — составление «Отчета Русского музыкального общества за 1859–60 г.».

1860 — сотрудничество в изданиях ВРТ Герцена и Огарева.

1860, 8 января — вступление в «Общество помощи литераторам и ученым» по рекомендации К. Д. Кавелина.

1860, 3 марта — С. А. Зарудный пишет Д. В. Стасову: «Из замечаний Ваших вижу, что мы во многом сходимся».

1860, 8 марта — запись в дневнике К. К. Арсеньева: «У Стасова. Только что мы хотели открыть собрание, пришел С. И. Зарудный и остался до 10^{3/4}».

1860, апрель — «70-е юридическое собрание <...> с распределением по месту службы».

1860, 11 апреля — К. К. Арсеньев: «Вечером с 9^{1/4} по 1^{1/2} был у С. И. Зарудного, где еще были Стояновский, Шубин, Стасов, Бер, Книрим, Дервиз, Хвостов <...> вели горячий спор».

1860, 27 июня — «письмо Стасова из Санкт-Петербурга, к Михаилу Никифоровичу Каткову в Москву»: «Само собой разумеется, что “Колоколу” придется карать всю эту ватагу мошенников и воров».

1860, 11 сентября — статья Д. В. Стасова «не может быть дозволена к напечатанию» в «Морском сборнике», так как «в ней опорочивается введенный законом в России порядок судопроизводства».

1861 — участие в разработке проектов судебных уставов.

1861 — сотрудничество в изданиях Вольной русской типографии.

1861 — переезд семьи на квартиру в доме Стенбок-Фермора, Фурштатская ул.

1861 — ведение рубрики «Судебная практика. Иностранная» в «Журнале Министерства юстиции» (под псевдонимом «Д. С.»).

1861 — перевод статьи гейдельбергского профессора К. Миттермайера «О необходимости равенства прав обвинителя и обвиняемого» («Журнал Министерства юстиции»).

1861, январь — участие в создании «Музыкального училища при Русском Музыкальном обществе».

1861, февраль — составление «Высочайше утвержденного Устава Музыкального училища при Русском Музыкальном обществе».

1861, 3 августа — М. А. Шакеева П. С. Стасовой: для «Дмитрия Васильевича <...> Евгений доставил “Полярную звезду”».

1861, 30 августа — женится на Поликсене Степановне Кузнецовой.

1861, 29, 30 сентября — «приглашал к подписке желающих на предмет ходатайства пред Государем Императором об облегчении участи арестованных студентов».

1861, 2–12 октября — арест «с увольнением от службы» с учреждением «за статским советником Стасовым со стороны полиции секретного надзора».

1861, 7 октября — письмо управляющему III Отделением графу П. А. Шувалову.

1861, 9 октября — письмо великому князю Константину Николаевичу.

1861, 8 ноября — сообщение в «Колоколе»: «Стасова, служащего в Сенате, арестовали за собрание подписей <...> исключен из службы».

1861, 9 ноября — письмо редактора «Русского слова» Е. Благосветлова с предложением «составить для нашего журнала статью о мировых посредниках».

1861, декабрь — стал заместителем стряпчего в коммерческом суде.

1862 — участие в разработке проектов судебных уставов.

1862 — ведение рубрики «Судебная практика. Иностранная» в «Журнале Министерства юстиции» (под псевдонимом «Д. С.»).

1862, 3 февраля — выражает сочувствие адресам тверского и московского дворянства, где «не упоминается слово конституция, но высказано все то, что существует только при конституции».

1862, 3 марта — участие в литературно-музыкальном вечере «в пользу литературного фонда, но собственно в пользу Михайлова и Обручева».

1862, май — арестованные тверские мировые посредники официально «изъявили желание избрать доверителей Владимира Спасовича, Константина Арсеньева, Дмитрия Стасова».

1862, 17 мая — «проекты судопроизводства и судоустройства гражданского уже прошли. В уголовном прошли главные начала в том числе — присяжные» (из письма).

1862, 3 июня — «шаг уже сделан, и мы четверо — первые политические защитники в России» (из письма).

1862, 11 августа — «Рукоприкладство Д. В. Стасова на имя Правительственного Сената за тверских представителей дворянства».

1862, сентябрь — участие в официальном открытии первой русской консерватории, «именуемой по-прежнему музыкальным училищем, хотя название было изменено только в 1866».

1863 — участие в разработке проектов судебных уставов.

1863 — переезд семьи на квартиру в доме Юргенса, Литейный пр.

1863, 29 апреля — «вопрос о Земском Собрании <...> в верхних регионах считается только вопросом времени, не больше» (из письма).

1863, 2 мая — «Колокол смешон тем, что вместо оппозиции, возможной и теперь, держит язык революции, вероятно, не подозревая, что это одна фанфаронада».

1863, 3 августа — составление устава Женского общества издательниц.

1864 — Клара Шуман подарила Д. В. Стасову на память автограф Роберта Шумана со своим автографом, свой портрет.

1864, 9 апреля — определен юрисконсультантом в Правление Общества С.-Петербургских водопроводов.

1866, 21 марта — «один из первых подал прошение поступить в число присяжных поверенных».

1866, 11 апреля — был утвержден в звании присяжного поверенного.

1866, май — начало защиты авторских прав М. И. Глинки по «делу Л. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским».

1866, 2 мая — избран первым председателем первого (Петербургского) Совета присяжных поверенных в России.

1866, 2–6 мая — составление устава С.-Петербургского Совета присяжных поверенных.

1866, 1 августа — первая защита в С.-Петербургском окружном суде по «делу о присвоении крестьянином Алексеем Антоновым найденного им бумажника с 600 руб.».

1866, с 18 августа по 24 сентября — защита Н. А. Ишутина на Каракозовском процессе.

1866, 12 сентября — речь Стасова за Малинина по делу Каракозова.

1866, 25 октября — адвокат по «Делу об истребовании 1-ой гильдии купцом П. С. Наставиным от князя Б. Н. Голицына 319 акций Общества столичного освещения или 18 183 р. по закладной. В С.-Петербургском окружном суде».

1867, — защита авторских прав М. И. Глинки по «делу Л. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским».

1867 — организация концертов Берлиоза, подарившего ему «портрет со своей автографической надписью».

1867 — выход из состава директоров Русского музыкального общества. «РМО не делает и не делало того, что должно было бы делать, мне слишком нудно за них».

1867 — состоял товарищем председателя С.-Петербургского Совета присяжных поверенных.

1867, 12 января — судебное заседание в С.-Петербургском окружном суде «по делу о крестьянах ярославской губернии Петре Бакулине, Иване Прялошникове и подпоручике Андрееве, обвиняемых в подделке документов». «Защ<ищал> Бакулина прис<яжный> пов<еренный> Стасов. Судья объявил подсудимых свободными».

1868, 10 мая — «апелляционное дело по иску жены поручика Людмилы Шестаковой с купца Федора Стелловского 1000 руб. по контракту в С.-Петербургской судебной палате (по гражданскому департаменту)».

1868, 15 мая — выступление «по делу Л. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским» («поверенный Шестаковой Стасов»).

1869 — переезд семьи на квартиру в доме Лесникова, Сергиевская ул.

1869 — завершение десятилетнего существования стасовского юридического кружка.

1869 — завершение суда «по делу Д. И. Шестаковой с издателем Ф. Т. Стелловским».

1869, 4 апреля — выступление по делу о временном редакторе газеты «С.-Петербургские ведомости» титулярном советнике Андрее Сомове и студенте императорского С.-Петербургского университета М. Стравинском.

1869, 17 октября — выступление по делу о редакторе газеты «С.-Петербургские ведомости» коллежском ассессоре В. Ф. Корше и о бывшем редакторе газеты «Петербургский листок» надворном советнике И. А. Арсеньеве.

1869, 12 декабря — начало «процесса политических фальшивомонетчиков» («по делу о лицах, принадлежавших к противозаконному сообществу, составившемуся с целью распространения в России, из политических видов, фальшивых кредитных билетов»).

1869, 14 декабря — выступление с речью в суде по «делу Стелловского с Даргомыжским».

1870-е, начало — К. Е. Маковский пишет «Портрет детей Стасовых» (Варвары, Сережи, Зины).

1870 — вошел в состав Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов.

1870, 8 января — речь в защиту «губернского секретаря Р. Загорского», завершение «процесса политических фальшивомонетчиков».

1871, 1–11 сентября — защита членов организации «Народная расправа» на процессе «нечаевцев».

1871, 24 июля — поверенный Императорской Публичной библиотеки на «Заседании СПб. окружного суда по 2-му уголовному отделению с участием Присяжных Заседателей», по делу о баварских подданных — доктора богословия Алоиза Пихлера и Кресценции Виммер, по обвинению первого в краже книги из Императорской Публичной библиотеки, а второй в укрывательстве заведомо краденых книг».

1871, 30 июля — «слово было предоставлено защитнику подсудимых Долгова и Римского-Корсакова присяжному поверенному Стасову» на процессе «нечаевцев».

1873 — «вследствие полнейшей неопытности и доверчивости, А. В. Стасов (брат Д. В. Стасова. — Д. Л.) фактически потерял все принадлежавшее семье состояние».

1873, 27 ноября — письмо И. Е. Репина: «А покупкой “Бурлаков в броду” я сконфужен <...> Право, она не стоит этих, и, главное, у Дмитрия Васильевича очень хорошие вещи стоят».

1874, 31 октября — защита «по делу бывших мировых судьях 3 и 4 участников Новоалександровского (Ковенской губернии) уезда А. П. Парчевского и В. С. Росницкаго и дворянах: К. Я. Михаловском и И. И. Чаплинском на заседание уголовного д-та спб судебной палаты, с участием присяжных заседателей».

1874, 27 декабря — участие в организации Общества для вспомоществования медичкам и педагогичкам (В. А. Арцимович, А. П. Бородин, Д. В. Стасов, М. В. Трубникова, А. П. Философова).

1875 — Репин купил для Д. В. Стасова картину А. К. Саврасова «Радуга» («Радуга после дождя»).

1875, 3 июля — «проживающая в Санкт-Петербурге под строгим наблюдением полиции жена ст<атского> советника П. С. Стасова <...> подчинена сказанному наблюдению, как сочувствующая началам вредных нигилистических учений» (канцелярия губернатора).

1876 — «был вновь избран в состав С.-Петербургского Совета присяжных поверенных и, ежегодно переизбираясь, состоял в этой должности до 1906 г.»

1876, 9 ноября — выиграл судебный процесс по «делу крестьянина Харитоновна Константина», обвиненного Уголовным отделением Псковского окружного суда в том, что «свою избу обратил в раскольническую общественную молельню».

1877 — приобретение квартиры в Петербурге на Малой Морской ул., д. 8.

1877 — участие в образовании петербургского Юридического общества.

1877 — начало руководства «Юридическими беседами» помощников присяжных поверенных.

1877, 18 октября — начало процесса «193-х».

1877, 25 ноября — «Заявление присяжного поверенного Стасова относительно неправильности допроса» на процессе «193-х».

1878, 23 января — «Речь в защиту кружка Лермонтова», «Речь в защиту пензенского кружка», «Речь в защиту самарского кружка» на процессе «193-х».

1878, 19–24 июля — защитник по «делу о вооруженном сопротивлении на Садовой улице в Одессе» (процесс И. М. Ковальского).

1878, 22 июля — «защитительные речи за Н. А. Виташевского и В. Д. Кленова» на процессе И. М. Ковальского.

1879 — повторно избирается казначеем Юридического общества.

1879 — избрание председателем Общества для пособия слушательницам императорского педагогического и С.-Петербургского женского медицинского институтов.

1879 — начало выступлений в судах по делу П. И. Чайковского и П. И. Юргенсона с Н. И. Бахметевым.

1879 — И. Е. Репин пишет «Портрет общественной деятельницы П. С. Стасовой, жены Д. В. Стасова».

1879 — покупка картины В. Е. Маковского «Осужденный».

1879 — шеф жандармов А. Р. Дрентельн Александру II: «Стасов под видом благотворительной деятельности содействовал распространению революционной пропаганды».

1879, 3 апреля — шеф жандармов А. Р. Дрентельн Александру II: «в ночь со 2-го на 3-е апреля был арестован присяжный поверенный Дмитрий Стасов <...> вследствие агентурных сведений».

1879, 3 мая — на выборах Совета присяжных поверенных адвокаты «подали голоса за освобожденного накануне из-под ареста Дмитрия Стасова».

1879, 15 августа — избрание председателем Общества для вспомоществования медичкам и педагогичкам (после В. А. Арцимовича).

1879, 15 августа — «Дмитрий Васильевич у нас председательствует в Обществе» (из письма А. П. Бородина В. В. Стасову).

1880 — член комитета «Невского попечительства для призрения и воспитания детей убитых и раненых воинов».

1880, март — высылка из столицы под надзор в Тулу.

1880, апрель — «выбрали огромным большинством в члены Совета присяжных поверенных».

1880, 1 мая — Д. В. Стасова посетил в Туле «И. С. Тургенев, едущий из Москвы к Л. Толстому в деревню».

1880, август — «граф Лорис-Меликов разрешил присяжному поверенному Дмитрию Стасову <...> вернуться на жительство в Санкт-Петербург, с учреждением над ним здесь негласного полицейского наблюдения».

1880, сентябрь–ноябрь — «Уроки детей. 1880. Балакирева. Сентябрь. Заплачено за 5 уроков — 30 р. и 30 р. дано вперед. Уроки Римского-Корсакова, ноябрь — 60 р.».

1881 — приобретение квартиры на Фурштатской ул., д. 20.

1881 — завершение «дела П. И. Чайковского и П. И. Юргенсона с Н. И. Бахметевым».

1881, февраль — «Уроки детей. Уроки Балакирева, февр. — 42 р.».

1882 — покупка дачи: Парголово (ныне ул. Шишкина, 286), деревня Замашиловка.

1883 — ведет художественную иностранную летопись в «Вестнике изящных искусств», «Художественных известиях» А. И. Сомова (при Академии художеств).

1883, 28 марта–5 апреля — защита членов «Народной воли» на процессе «17-ти».

1884, март — в газетах напечатано «письмо за подписями Дмитрия Стасова, Константина Арсеньева, Алексея Унковского, Владимира Спасовича, Вильгельма Люстига, бывших председателей петербургского Совета присяжных поверенных» в защиту прав адвокатуры.

1890 — приобретение имени Языково-Рождественское (605 десятин) Боровичского уезда Новгородской губернии, принадлежавшего ранее Н. Н. Миклухо-Маклаю.

1890 — избрание гласным Боровичского уездного земства Новгородской губернии с избранием председателем подготовительной комиссии.

1890, 20 февраля — прекращение политического надзора по достижении возраста 62 лет.

1890, 27 ноября — «Если Вы найдете нужным поместить эту заметку, то прошу не выставлять моего имени, только Д. С.» (из письма к издателю А. С. Суворину).

1891, апрель — «Речь, произнесенная в общем собрании присяжных поверенных в апреле 1891 по случаю 25-летия присяжной адвокатуры».

1900 — разгон полицейскими «собрания из 120 человек на квартире Д. В. Стасова».

1901, 4 марта — заявление на имя министра внутренних дел Д. С. Сипягина с протестом против избияния студенческой демонстрации — Д. В. Стасов, Н. П. Карабчевский, В. Н. Герард, В. О. Люстиг, К. К. Арсеньев и др.

1903 — избрание председателем общества «Помощь в чтении больным и бедным».

1903 — вхождение в состав Комиссии по народному образованию (Д. В. Стасов, П. А. Потехин, К. К. Арсеньев, А. Ф. Кони, А. Л. Боровиковский, В. Н. Герард, А. А. Герке, В. П. Гаевский, А. И. Урусов).

1903, 15 октября — дело в Правительствующем Сенате «по жалобе Гласных Новгородского Губернского Земского Собрания, Статского Советника Дмитрия Стасова по предмету недопущения к обсуждению Земским Собранием доклада губернской Земской управы об отмене телесного наказания» (первым в списке Д. В. Стасов).

1904, 20 ноября — собрание в Петербурге «представителей интеллигентских профессий» под председательством В. Г. Короленко (Д. В. Стасов, А. Н. Турчанинов, Е. И. Кедрин, Б. Барт и др.) с требованием созыва Учредительного собрания.

1904, 21 ноября — «особой наглостью отличился Стасов, имевший дерзость хвастаться тем попранием уважения к закону, какое проявили адвокаты, когда мятежную толпою <...> требовали низложения правительства в зале городской думы» (Иоанн Кронштадтский).

1905, февраль–август — смерть старшего сына Сергея и двух внуков, Дмитрия и Владимира, детей старшей дочери В. Д. Комаровой.

1905, май — участие в шествии земских деятелей в Петербурге.

1905, ноябрь — участие в коалиционном съезде объединенных земских и городских общественных групп в Москве.

1905, декабрь — создание оргкомитета партии демократических реформ («члены редакции “Вестника Европы” М. М. Стасюевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, популярный петербургский адвокат Д. В. Стасов, академик К. К. Арсеньев и ученый с мировым именем М. М. Ковалевский»).

1906, 17 февраля — «под председательством Д. В. Стасова состоялось собрание членов партии демократических реформ».

1906, апрель — публикация в журнале «Былое» (редакторы — историки В. Я. Богучарский, П. Е. Щеголев) мемуаров «Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания)».

1906, 17 апреля — вторичное избрание председателем Петербургского Совета присяжных поверенных, «председателем Совета не мог быть не избран вечно молодой, так свято верующий в правду Д. В. Стасов».

1908 — один из лидеров большевистской партии Г. Е. Зиновьев «в тюрьме сильно заболел», и «благодаря заступничеству Д. В. Стасова, З<и>иновьева» удалось вырвать из тюрьмы сравнительно скоро».

1908 — начало сотрудничества в «Русской музыкальной газете».

1908 — по решению С.-Петербургского Совета присяжных поверенных В. А. Серов пишет «Портрет Д. В. Стасова».

1909 — начало передачи семейной коллекции произведений искусства в дар Третьяковской галерее и Русскому музею.

1909, март — публикация воспоминаний «Музыка 40–60-х годов XIX века» в «Русской музыкальной газете».

1911 — избрание гласным С.-Петербургской городской думы.

1911 — передача части семейной коллекции произведений искусства в дар Третьяковской галерее и Русскому музею.

1911, осень — избрание в третий раз председателем Петербургского Совета присяжных поверенных.

1912 — председатель Петербургского Совета присяжных поверенных.

1912 — передачи части семейной коллекции произведений искусства в дар Третьяковской галерее и Русскому музею.

1913 — председатель Петербургского Совета присяжных поверенных.

1913, 23 октября — принятие коллегией адвокатов Петербурга резолюции протеста «по фабрикации дела М. Бейлиса».

1913, 23 октября — 1914, 3 июня — «дело Петербургского собрания присяжных поверенных».

1914 — завершение передачи семейной коллекции произведений искусства в дар Третьяковской галерее и Русскому музею.

1914, 13 мая — Петербургский Совет присяжных поверенных принимает резолюцию, где были отвергнуты основные обвинения по адресу Петербургского собрания присяжных поверенных.

1914, 3 июня — «адвокатский процесс» (23 адвоката были осуждены к 6-месячному тюремному заключению, а еще двое — к 8-месячному).

1914, осень — уход с поста председателя Петербургского Совета присяжных поверенных.

1914, ноябрь — 50-летие введения Судебных уставов, Д. В. Стасову «поднесли золотой знак присяжного поверенного, единственный во всей России», образovali «капитал его имени» и стали именовать «старейшиною адвокатуры».

1915 — присвоение юридической конференции в С.-Петербурге наименования «Конференции имени Дмитрия Васильевича Стасова».

1916, апрель — 50-летие первого в России Совета присяжных поверенных и празднование 50-летия судебной деятельности его первого председателя Д. В. Стасова.

1916, 18 апреля — письмо министра юстиции А. А. Макарова в печати с признанием Д. В. Стасова одним «из первых деятелей великой судебной реформы».

1916, 19 мая — бывший член организации «Земля и воля» Н. А. Виташевский пишет письмо: «Вне тесного круга ближайших соратников есть и еще люди высоких идеалов и возвышенных чувств, в Вашем лице я встретил впервые одного из таких людей».

1917, 19 января — революционерка В. Н. Фигнер в письме к Д. В. Стасову выразила ему признание за «благородно проведенную жизнь».

1917, март–апрель — заседания ЦК партии большевиков на квартире Д. В. Стасова.

1917, июль — укрывал на своей квартире (Фурштатская, д. 20) В. И. Ленина вместе с архивом партии большевиков (в 1959 г. на фасаде этого дома установлена мемориальная доска: «Здесь, в квартире Д. В. Стасова, в 1917 неоднократно бывал Владимир Ильич Ленин»).

1918, 20 января — 90-летний юбилей Д. В. Стасова.

1918, январь — письмо Н. Ф. Финдзейна: «Редакция “Русской музыкальной газеты” может только гордиться Вашим многолетним сотрудничеством и участием, которые Вы всегда проявляли».

1918, 28–30 апреля — смерть и похороны Д. В. Стасова на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

1918, 1 мая — выход некрологов о кончине «патриарха отечественной адвокатуры» в печати.

1918, май — в семейном архиве обнаружены его замечания к «Проекту положения о судоустройстве», изменения, сделанные на полях «Проекта Устава гражданского судопроизводства», письма к нему творца судебных преобразований в России С. И. Зарудного.

1918, 8 июня — «торжественное собрание присяжных поверенных и их помощников, посвященное памяти старейшины сословия, бывшего председателя Совета Присяжных поверенных, Дмитрия Васильевича Стасова».

1918, 8 июня — бывший руководитель Комиссии Временного правительства по пересмотру Судебных уставов 1864 А. С. Зарудный: «Будучи создателем нового суда, будучи одним из отцов его, Дмитрий Васильевич Стасов <...> был одним из главных авторов Судебных уставов, он был одним из создателей этой реформы».

1918, 27–29 июня — имущество Стасовых выставлено «на продажу с аукциона, с 1 час. дня, по адресу — Фурштатская, д. № 20, кв. 7», в том числе «мебель, посуда, одежда, постельные принадлежности, картины, статуэтки, часы, альбомы, украшения».

1918, июнь — семейный архив Стасовых «поступил в Пушкинский Дом после смерти Д. В. Стасова <...> от П. С. Стасовой, через В. Д. Комарову».

1918, декабрь — предсмертное «Письмо П. С. Стасовой к народным комиссарам»: «Вы считаете всякого человека интеллигентного гнусным буржуем, которому одна дорога, туда, откуда не возвращаются, а мы вам же помогаем, распространяем ваши же идеи и задачи в массах темных, ничего не понимающих людей».

1928, 2 марта — «торжественное заседание Коллегии защитников, посвященное 100-летию со дня рождения Д. В. Стасова».

1928, 5 марта — проведение «вечера воспоминаний и большого симфонического концерта <...> в Малом зале Ленинградской государственной консерватории, посвященного 100-летию со дня рождения Д. В. Стасова».

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Документы, судебно-следственные материалы

1.1.а) архивные

ГАРФ

- Каракозовский процесс. Стенографический отчет о заседаниях Верховного Уголовного Суда 12 сентября 1866 г. Речь Д. В. Стасова в защиту Малинина и Федосеева. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 49–102.
- Дело о революционной пропаганде в империи. Речь в защиту кружка Лермонтова. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 140–146.
- Дело о революционной пропаганде в империи. Речь в защиту пензенского кружка. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 35–35.
- Дело о революционной пропаганде в империи. Речь в защиту самарского кружка. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 40–49.
- Дело о революционной пропаганде в империи. Заключительная речь Д. В. Стасова. Ф. 112. Оп. 1. Д. 802. Л. 110–113.
- Дело о революционной пропаганде в империи. Заявление присяжного поверенного Стасова о неправильности допроса. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800.
- Ф. 58 (Московское губернское жандармское управление)
- Ф. 63 (Отд. по охранению общественной безопасности и порядка в Москве)
- Ф. 93 (Петербургское жандармское отделение)
- Ф. 94 (Верховная распорядительная комиссия)
- Ф. 95 (Следственная комиссия по делам о распространении пропаганды)
- Ф. 102 (Департамент полиции МВД)
- Ф. 109 (Секретный архив III Отделения)
- Ф. 110 (Штаб отдельного корпуса жандармов)
- Ф. 111 (Отд. по охранению общественной безопасности и порядка в Петербурге)
- Ф. 112 (ОППС для суждения дел о государственных преступлениях)
- Ф. 272 (Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу о покушении на Александра II)
- Ф. 280 (Московское центральное районное охранное отделение)
- Ф. 1727 (Судебный отдел по дознанию государственных преступлений ДП МВД)
- Ф. 1766 («Священная дружина»)

РО ИРЛИ. Ф. 294 (фонд Стасовых)

- Дело А. С. Даргомыжского с Ф. Т. Стелловским. 1868–1870. Оп. 4. Д. 384.
- Дело в Государственном Совете об убийстве в Саратове христианских мальчиков. Оп. 4. Д. 367.

- Дело И. М. Ковальского в Одесском военно-окружном суде. 1878. Оп. 4. Д. 380.
- Дело Л. И. Шестаковой с Ф. Т. Стелловским. 1866–1869. Оп. 4. Д. 385.
- Дело о политических фальшивомонетчиках. 1869–1870. Оп. 4. Д. 376.
- Дело П. И. Чайковского, П. И. Юргенсона с Н. И. Бахметьевым. 1879–1881. Оп. 4. Д. 386.
- Дело тверских мировых посредников. 1862. Оп. 4. Д. 374.
- Документы, относящиеся к процессу Нечаева. 1871–1873. Оп. 4. Д. 378.
- Заметки о Верховном уголовном суде над Каракозовым. Оп. 1. Д. 10.
- Материалы по процессу Д. В. Каракозова. 1866. Оп. 4. Д. 375.
- Протоколы юридического кружка. Оп. 4. Д. 352.
- Процесс 193-х. Оп. 4. Д. 379.
- Прощение Стасова Д. В. (1861 г.) к Шувалову, графу Петру Андреевичу с приложением проекта письма к великому князю Константину Николаевичу. Оп. 4. Д. 12.
- Стасов Д. В. Примечания, изменения и поправки, сделанные им на полях Проекта Устава судопроизводства гражданского. Оп. 4. Д. 354.
- Стасов Д. В. Составленные им отчеты об английских, французских, немецких уголовных процессах. Оп. 4. Д. 346.

РО РНБ

- Ф. 283 (А. А. Жижиленко).
- Ф. 438 (Литературный фонд)
- Ф. 727 (Сорокин А. Ф., комендант Петропавловской крепости)
- Ф. 738 (Стасов В. В.)
- Ф. 834 (Чайковский М. И.)

РГАЛИ

- Ф. 1925 (Коллекция формулярных списков деятелей искусств). Оп. 1. Д. 34 (Д. В. Стасов).
- Ф. 238 (Комарова В. Д.)
- Ф. 26 (Андреевский С. А.)
- Ф. 459 (Суворин А. С.)
- Ф. 75 (Бурцев В. Л.)
- Ф. 1181 (Утины Б. И. и Е. И.)
- Ф. 40 (Арсеньевы К. К. и К. И.)
- Ф. 931 (Юргенсон П. И.)
- Ф. 413 (Потехин А. А.)

РГИА

- Ф. 857 (Зарудный А. С.)
- Ф. 857. Оп. 1. Д. 32. Переписка А. С. Зарудного с директором Публичной библиотеки по поводу передачи в фонд библиотеки собрания материалов по судебной реформе. Приложение «Опись дела о преобразовании судебной части в России».
- Ф. 1282 (Канцелярия Министерства внутренних дел)
- Ф. 1282 (Канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 640. Л. 10–33. Дело об учреждении при МВД Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия.

- Ф. 1405 (Канцелярия Министерства юстиции)
- Ф. 1405 (Канцелярия МЮ). Оп. 83. 1883. № 11020–11021. Д. 12. О 17 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях.
- Ф. 1410 (Фонд вещественных доказательств МЮ)

ГИА СПб.

- Ф. 253 (Канцелярия Петербургского генерал-губернатора)
- Ф. 355 (Училище правоведения)
- Ф. 408 (Императорское Русское музыкальное общество)
- Ф. 569 (Канцелярия Петербургского градоначальника)
- Ф. 2073 (Канцелярия Петербургского Временного генерал-губернатора)
- Ф. 2112 (Потехин П. А.)
- Ф. 2264 (Пассовер А. Я.)
- Ф. 2217 (Раппопорт З. А.)
- Ф. 2063 (Головин В. Е.)
- Ф. 1905 (Гинзбург Э. Г.)
- Ф. 2093 (Грузенберг О. О.)

1.1.б) печатные

- Бородин А. П. Жизнеописания. Материалы и документы / Под. ред. С. А. Дианина. — М., 1955. — 404 с.
- Выдающиеся русские судебные процессы: Речи защитников (Журнал «Юрист»). СПб., 1904. — 188 с.
- Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. / Под ред. М. К. Лемке. — Пг., 1919–1925.
- Гольдштейн М. Л. Речи и статьи. — Париж, 1929. — 218 с.
- Государственные преступления в России в XIX в. — Т. 1 (1825–1876 гг.). — СПб., 1906. — 348 с.
- Государственные преступления в России в XIX в. (1887 г.). Ростов н/Д, [б. г.]. — Т. 2. — 351 с.
- Государственные преступления в России в XIX в. Процесс «193-х» [б. м., б. г.]. — Т. 3. — 304 с.
- Государственные преступления. Россия. XIX век / Сост. А. М. Ларин. — Тула, 2000. — 608 с.
- Дело Ф. Стелловского с Л. Шестаковой о музыкальных сочинениях М. И. Глинки, изложенное И. П. Бочаровым. — СПб., 1867. — 29 с.
- Дело Чернышевского: Сб. документов / Ред. И. В. Порох, Н. М. Чернышевская. — Саратов, 1968. — 680 с.
- Законодательство первой половины XIX века // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. — Т. 6 / Отв. ред. О. И. Чистяков. — М., 1988. — 432 с.
- Истина и закон: Судебные речи известных адвокатов. XIX–начало XX веков: В 4 т. — Т. 2. Коварные лабиринты / Сост. И. Я. Козаченко. — Екатеринбург, 1994. — 564 с.
- История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Автор-сост. О. В. Будницкий. — Ростов н/Д, 1996. — 574 с.
- Карабчевский Н. П. Около правосудия / Сост. И. В. Потапчук. — Тула, 2001. — 672 с.

- Кони А. Ф. Избр. труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. — Тула, 2000. — 640 с.
- Литература партии «Народная воля». — М., 1930. — 334 с.
- Материалы по судебной реформе в России 1864 г.: В 74 т. / Под ред. С. И. Зарудного. — Т. 1–18. — СПб., 1857–1866.
- Нечаев и нечаевцы (сб. документов). — М.; Л., 1931. — 264 с.
- Отчет Русского Музыкального общества за 1859–1860 год. — СПб., 1860. — 20 с.
- Отчет С.-Петербургского Совета присяжных поверенных за 11 год, с 25 апреля по 1 июня 1877 г. — СПб., 1878. — 80 с.
- Отчет Совета присяжных поверенных при Петроградской судебной палате за сорок восьмой год: с 1-го сентября 1913 г. по 1-ое сентября 1914 г. — Пг., 1914. — 568 с.
- Плевако Ф. Н. Избранные речи / Сост. И. В. Потапчук. — Тула, 2000. — 368 с.
- Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др.: В 2 т. — Т. 1. — М., 1928. — 372 с.; Т. 2. — М., 1930. — 384 с.
- Программы политических партий России. Конец XIX–начало XX веков. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. — М., 1995. — 464 с. (Партия демократических реформ. С. 350–357).
- Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Сост. Е. Л. Рудницкая, О. В. Будницкий. — М., 1997. — 576 с.
- Речи подсудимых в процессе «17-ти» // Былое. 1906. — № 12.
- Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И. Потапчук. — Тула, 1997. — 815 с.
- Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. — М., 1895. — 498 с.
- Русско-польские революционные связи. Документы и материалы: В 2 т. — Т. 2. — М., 1967. — 692 с.
- Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. XXV лет. — СПб., 1884. — 592 с.
- Сборник речей судебных ораторов / Под. ред. Л. А. Базунова, В. И. Добровольского. — СПб., 1904. — 179 с.
- Спасович В. Д. Избр. труды и речи / Сост. И. Потапчук. — Тула, 2000. — 496 с.
- Спасович В. Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877–1887). — СПб., 1908. — 228 с.
- Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в Империи. Заседание Особого присутствия Правительствующего Сената. — Т. 1. — СПб., 1878. — 634 с.
- Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864–1917 гг. / Сост. С. М. Казанцев. — Л., 1991. — 510 с.
- Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. — Т. 8 / Отв. ред. Б. В. Виленский. — М., 1991. — 496 с.
- Судебные речи знаменитых русских адвокатов / Сост. и ред. Е. Л. Рожникова. — М., 1997. — 392 с.
- Судебные речи известных дореволюционных юристов // Ивакина Н. Н. Основы судебного красноречия. — М., 2000. — С. 212–331.

- Судебные речи известных русских юристов / Сост. Ворожейкин Е. М. — М., 1956. — 872 с.
- Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждениями на коих они основаны. — СПб., 1867. — Ч. 1. — 713 с.; Ч. 2. — 522 с.; Ч. 3. — 567 с.; Ч. 4. — 199 с.; Ч. 5. — 178 с.

Воспоминания, дневники, заметки

1.2.а) архивные

РО ИРЛИ. Ф. 294 (Стасовых)

- *Андреевский С. А.* Стасов — человек. Оп. 4. Д. 604. Л. 1.
- *Беренштам М. В.* Стасов. Оп. 4. Д. 604. Л. 4, 6–53.
- *Буцкевич М. Н.* Записка о деятельности Д. В. Стасова в Новгородском земстве. Оп. 4. Д. 399.
- *Гольдштейн М. Л.* Отношение адвокатуры к памяти Стасова. Оп. 4. Д. 604. Л. 59–61.
- *Дорн Б. Б.* Первые шаги адвокатуры и Стасова. Оп. 4. Д. 604. Л. 62–66.
- *Зарудный А. С.* О Стасове. Оп. 4. Д. 604. Л. 106–110.
- *Комарова В. Д.* Воспоминания. Оп. 8. Д. 314. Л. 49.
- *Комарова В. Д.* Материалы к биографии Д. В. Стасова. Оп. 8. Д. 321–323.
- *Комарова В. Д.* Мои воспоминания. Оп. 8. Д. 313.
- *Комарова В. Д.* Музыкальные процессы, которые вел Д. Стасов. Оп. 8. Д. 325.
- *Комарова В. Д.* Письма Лаврова к Стасову. Оп. 8. Д. 365.
- *Кони А. Ф.* Нравственный образ Стасова. Оп. 4. Д. 604. Л. 111–115.
- *Кузьмин-Караваев Д. В.* Стасов — политический деятель. Оп. 4. Д. 604. Л. 116–119.
- *Нечаева О. К.* Роль Стасова в женском движении. Оп. 4. Д. 604. Л. 124–126.
- *Окунев Н. А.* Стасов как земский деятель. Оп. 4. Д. 604. Л. 127–129.
- *Стасов Д. В.* Заметки его, относящиеся до переписки В. В. Стасова с бароном М. А. Корфом. Оп. 4. Д. 361.
- *Стасов Д. В.* Заметки о кустарных промыслах в Тульской губернии. Оп. 4. Д. 468.
- *Стасов Д. В.* Путевой журнал (заграничный дневник). Оп. 4. Д. 530; ср.: Оп. 8. Д. 321. Л. 128–166.
- *Стасова П. С.* Аресты Дмитрия Васильевича в 1861, 1879, 1880 гг. Оп. 5. Д. 413.
- *Стасова П. С.* Весна. Лето. Осень. Зима. Мемуары. 1855–1861. Оп. 5. Д. 411.
- *Стасова П. С.* Из прошлого. Воспоминания. Оп. 5. Д. 414.
- *Стасова П. С.* Кое-что из моей дальней жизни. 1892–1895. Оп. 5. Д. 418.
- *Стасова П. С.* Мои воспоминания. Оп. 5. Д. 415.
- *Стасовы Д. В. и П. С.* Замечания их на книгу В. В. Стасова о своей сестре. Оп. 4. Д. 435.
- *Таганцев Н. С.* Впечатления о Дмитрие Васильевиче. Оп. 4. Д. 604. Л. 130–137.
- *Тимофеев Г. Н.* Значение Стасова в русской музыке. Оп. 4. Д. 604. Л. 138–144.

РГАЛИ

- *Арсеньев К. К.* Дневник. Ф. 40 (К. К. Арсеньева).

РО РНБ

- Жижиленко А. А. Д. В. Стасов как юрист и общественный деятель. Ф. 283 (А. А. Жижиленко). Оп. 1. Д. 605. Л. 47–90.
- Комарова В. Д. (урожд. Стасова). Моя краткая автобиография. Ф. 362. Оп. 277 а. Д. 1.

РГИА

- Речь Зарудного А. С. о юридической деятельности Д. В. Стасова. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39.

ГИА СПб.

- Дневник А. Я. Пассовера. 1874–1891. Ф. 2264 (А. Я. Пассовера). Д. 10.

1.2.б) печатные

- Арсеньев К. К. Воспоминания о времени введения Судебных Уставов // Право. — 1899. — № 48. — С. 2278–2283.
- Арсеньев К. К. Воспоминания об Училище правоведения // Русская старина. — 1886. — № 4.
- Арсеньев К. К. Из воспоминаний // Голос минувшего. — 1915. — № 1. — С. 117–120.
- Арсеньев К. К. Из воспоминаний // Право. — 1902. — № 3. — С. 115–123.
- Арсеньев К. К. Из далеких воспоминаний // Голос минувшего. — 1913. — № 1. — С. 161–165.
- Арсеньев К. К. К биографии Д. В. Стасова / Публ. Н. А. Троицкого // АЕ за 1983 г. — М., 1985. — С. 321–326.
- Берви-Флеровский В. В. Воспоминания // Голос минувшего. — 1915. — № 4. — С. 154–163.
- Беренштам В. Записки адвоката. — М., 1913. — 178 с.
- Боборыкин П. Д. Воспоминания. За полвека: В 2 т. — Т. 1. — М., 1965. — 663 с.
- Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. — М., 1990. — 608 с.
- Бородин А. П. в воспоминаниях современников. — М., 1985. — 288 с.
- Булацель П. Борьба за правду. — СПб., 1908. — 338 с.
- Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. — М., 1967. — 278 с.
- Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. 1861–1876: В 2 т. — Т. 1. — М., 1961. — 422 с.
- Винавер М. М. Недавнее (воспоминания и характеристики). — Париж, 1926. — 220 с.
- Виташевский Н. А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Былое. — 1906. — № 2.
- Воспоминания о П. И. Чайковском / Сост. Е. Борникова и др. — М., 1979.
- Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. — Берлин, 1937. — 407 с.
- Гинцбург И. Я. Д. В. Стасов. Из личных воспоминаний // Гинцбург И. Я. Воспоминания, статьи, письма. — Л., 1964. — С. 137–139.
- Глинка М. И. Записки. — М., 1988. — 221 с.
- Глинка М. И. Литературное наследие. — М.; Л., 1952. — Т. 1. — 511 с.
- Застольные речи В. Д. Спасовича. 1873–1901. — Лейпциг, 1903. — 144 с.

- Из воспоминаний С. И. Зарудного (Материалы из истории судебной реформы) // Сборник правоведения и общественных знаний. — Т. 3. — СПб., 1894. — С. 1–6.
- *Карабчевский Н. П.* Около правосудия. — СПб., 1908. — 538 с.
- *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. — Т. 2. — Берлин, 1921. — 168 с.
- Клара Шуман в России (Воспоминания Д. В. Стасова и письма к нему Клары Шуман)/Публ. В. Д. Комаровой // Музыкальная летопись. — Сб. 1. — Пг., 1922. — С. 89–99.
- *Колмаков М. Н.* Старый суд. Очерки и воспоминания // Русская старина. — 1886. — № 12. — С. 530–546.
- *Комарова В. Д.* Из детских воспоминаний о великих людях. А. Н. Бородин // Музыкальное наследство. — Т. 3. — М., 1970. — С. 256–261.
- *Комарова В. Д.* Из детских воспоминаний о великих людях // Мусоргский в воспоминаниях современников. — М., 1989. — С. 109–115.
- *Комарова (Стасова) В. Д.* Из стасовского архива // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. — Пг., 1922. — С. 272–281.
- *Кони А. Ф. Д. В. Стасов* // Вечерняя заря. — 1918. — 1 мая.
- *Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова* // Жизнь искусства. — 1919. — 13–14 мая.
- *Кони А. Ф. Памяти Д. В. Стасова* // *Кони А. Ф.* На жизненном пути. — Т. 4. — Ревель; Берлин, 1923. — С. 417–420.
- *Ледерле М.* Мнения выдающихся русских людей о прочитанных книгах. — СПб., 1909. — 312 с.
- *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация // Каторга и ссылка. — 1928. — № 8–9.
- *Милютин Д. А.* Дневник. — Т. 4 (1881–1882). — М., 1950. — 204 с.
- *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860–1862. — М., 1999. — 559 с.
- Мусоргский М. П. в воспоминаниях современников / Сост. Е. М. Гордеева. — М., 1989. — 320 с.
- «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В. Н. Гинев, А. Н. Цамутали. — Л., 1989. — 415 с.
- *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. — Т. 2 (1858–1865). — М., 1955. — 383 с.
- *Потехин П. А.* Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. — 1900. — № 47.
- Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В. Н. Гинев. — Л., 1986. — 439 с.
- *Репин И. Е.* Далекое близкое. — Л., 1986. — 486 с.
- *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. — М., 1982. — 440 с.
- *Рубинштейн А. Г.* Автобиографические рассказы // Литературное наследие. — М., 1983. — 216 с.
- *Серов А. Н.* Воспоминания о М. И. Глинке. — М., 1951. — 83 с.
- *Спасович В. Д.* 50-летие Петербургского университета // Сочинения В. Д. Спасовича. Т. IV. — СПб., 1891. — С. 1–66.
- *Спиридович А.* Записки жандарма. — М., 1991. — 268 с.
- *Стасов В. В.* Училище правоведения // Русская старина. — 1880. — № 1–2; 1881. — № 2–4.

- *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. — СПб., 1899. — 507 с.
- *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // *Былое*. — 1906. — № 4. — С. 276–298.
- *Стасов Д. В.* Музыка 40–60-х годов (Музыкальные воспоминания) // *Русская музыкальная газета*. — 1909. — № 11–15.
- *Стасова Е. Д.* Воспоминания. — М., 1969. — 298 с.
- *Стасова Е. Д.* Страница жизни и борьбы. — 3-е изд. — М., 1988. — 192 с.
- *Стасова Е. Д.* Владимир Стасов. Воспоминания // В. В. Стасов. 1824–1906. К 125-летию со дня рождения. — М.; Л., 1949. — 94 с.
- *Стасова П. С.* Воспоминания П. С. Стасовой // *Сб. памяти Анны Павловны Философовой*. — Пг., 1915. — Т. 2. — С. 11–20.
- *Таганцев Н. С.* Пережитое. — Вып. 1. — Пг., 1914. — 186 с.
- *Танеев В. И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. — М., 1959. — 698 с.
- *Тургенев И. С.* в воспоминаниях современников: В 2 т. — Т. 2. — М., 1983. — 557 с.
- *Троицкий Н. А.* К биографии Д. В. Стасова (Воспоминания К. К. Арсеньева) // *АЕ* за 1983 год. — М., 1985. — С. 321–326.
- *Утецкий Б. С.* Воспоминания юриста. — М., 1989. — 304 с.
- *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). — М., 1991. — 458 с.
- *Халтулари К. Ф.* Итоги прошлого. 1866–1891. — СПб., 1891. — 566 с.
- *Худяков И. А.* Записки каракозовца. — М.; Л., 1930. — 174 с.
- *Чернышевский Н. Г.* в воспоминаниях современников: В 2 т. — Т. 2. — Саратов, 1959. — С. 90–91.
- *Чернышевский Н. Г.* в воспоминаниях современников / Сост. А. А. Демченко, Е. И. Покусаев. — М., 1982. — 591 с.
- *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. — Т. 1 / Ред. Э. Виленская. — М., 1967. — 510 с.
- *Шестакова Л. И.* Мои вечера. — СПб., 1895. — 286 с.
- *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). — М.; Л., 1934. — 582 с.

Переписка

1.3.а) архивная

Письма Д. В. Стасова

- *Андреевскому С. А./1/.* 1914. РГАЛИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 14
- *Антокольскому М. М./3/.* 1884–1893. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 26.
- *Балакиреву М. А./27/.* 1858–1910. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 3. Д. 193; *Письма/33/Д. В. и П. С. Стасовых.* 1856–1904. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 3. Д. 105; *РО РНБ.* Ф. 41. Оп. 1. Д. 123; *РГАЛИ/1/.* 1878. Ф. 931. Оп. 1. Д. 9.
- *Бурцеву В. Л./1/.* 1914. РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 30.
- *Глазуну А. К./5/.* 1906–1917. РО РНБ. Ф. 187. Д. 1071.
- *Комаровой В. Д./36/.* 1877–1882. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 608.

- Кузнецову А. С./440/. 1861–1868. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 180–191.
- Кюи Ц. А./1/. 1909. РГАЛИ. Ф. 768. Оп. 1. Д. 105.
- Ляпунову С. М./1/. 1909. 6 апр. РО РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 694.
- Мельгунову С. П./3/. 1913–1915. РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1201.
- Мусоргскому М. П./1/. 1911. РО РНБ. Ф. 502. Оп. 1. Д. 165.
- Потехину П. А. 1878–1907. РГАЛИ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 28.
- Редакции газеты «Речь». РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 944. Л. 207.
- Римскому-Корсакову Н. А./3/. 1906–1907. РО РНБ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 992.
- Стасовым П. С., Н. В., А. В., В. О., Н. В., Е. Д., З. Д. 1859–1917. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 2. Д. 129–173; Оп. 4. Д. 3–25; Оп. 5. Д. 454–547.
- Суворину А. С. 1875–1908. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4076.
- Утину Б. И./1/. 1872. РГАЛИ. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 4.
- Финдейзену Н. Ф./31/. РО РНБ. Ф. 816. Оп. 2. Д. 1880.
- Шувалову П. А./3/. 1861. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 12.
- Энгельгардту В. П./37/. 1906–1915. Там же. Оп. 3. Д. 112.
- Юргенсону П. И./9/. РГАЛИ. Ф. 931. Оп. 1. Д. 105.

Письма Д. В. Стасову

- Андреевского С. А./3/. 1911. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 45.
- Арсеньева К. К./81/. 1859–1918. Там же. Д. 56, 57.
- Балакирева М. А./50/. 1860–1907. Там же. Оп. 3. Д. 190–191; РО РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142.
- Благосветлова Г. Е./1/. 1861. 9 нояб. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 73.
- Виардо П./2/. 1892. РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 144 (на фр. яз.).
- Герарда В. Н./3/. 1875, 1891. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 100.
- Герке А. А./8/. 1879–1901. Там же. Д. 101, 301.
- Гинцбурга И. Я./22/. 1887–1913. Там же. Д. 109.
- Грачевского М. Ф./1/. 1878. 15 дек. Там же. Д. 321.
- Григоровича Д. В./2/. 1874–1876. Там же. Д. 117.
- Жемчужникова В. М./4/. 1860–1871. Там же. Д. 135.
- Зарудного С. И./7/. 1860–1889. Там же. Д. 140.
- Кавелина К. Д./10/. 1859–1881. Там же. Д. 145.
- Кизеветтера А. А./2/. 1909. РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 772.
- Кони А. Ф./35/. 1873–1912. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 163. Письма/87/к П. С. и Д. В. Стасовым. 1895–1918. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Оп. 5. Д. 130.
- Корша В. Ф./2/. 1869. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 166.
- Кузнецова А. С./231/. 1861–1868. Там же. Оп. 6. Д. 192–197.
- Кузнецова А. С./2/. ГАРФ. Ф. 109 (секретный архив). Оп. 3. Д. 2201.
- Лемке М. К./3/. 1911. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 6. Д. 168; Оп. 8. Д. 70.
- Лермонтова Ф. Н./1/. 1877. 26 нояб. Там же. Оп. 4. Д. 326.
- Львова А. Ф./3/. 1857–1861. Там же. Д. 203.
- Люстига В. О./5/. 1880. Там же. Д. 307.
- Лядова А. К./1/. 1909. 13 нояб. Там же. Оп. 3. Д. 160.
- Ляпунова С. М./1/. 1908. 1 апр. Там же. Д. 161.
- Маковского К. Е./2/. 1869–1871. Там же. Оп. 4. Д. 185.

- Маршака С. Я./1/. 1915. 22 мая. Там же. Д. 191.
- Мокиевского-Зубка С. Б./3/. 1878. Там же. Д. 328.
- Оболенского Ю. А./2/. 1860. Там же. Оп. 3. Д. 220.
- Одоевского В. Ф./2/. 1859–1860. Там же. Д. 167.
- Павлова П. В./4/. 1862–1868. Там же. Оп. 4. Д. 216.
- Пассовера А. Я./3/. 1877–1908. Там же. Д. 217.
- Победоносцева К. П./5/. 1860. Там же. Д. 222.
- Потехина П. А./2/. 1904–1905. Там же. Д. 226.
- Романова Н. М./2/. 1905. 1906. Там же. Д. 461.
- Санд-Каламатты Л./1/. 1900. 30 июля. РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 776 (на фр. яз.).
- Спасовича В. Д./6/. 1891–1906. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 294; Оп. 5. Д. 236.
- Стасовых Е. Д., Н. В., А. В., П. С. 1861–1917. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 2. Д. 129–173; Оп. 2. Д. 154–170; Оп. 4. Д. 27–36, 315; Оп. 5. Д. 444–459.
- Стасюлевича М. М./4/. 1906. Там же. Оп. 8. Д. 82.
- Стасовой П. С. РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 431.
- Стояновского Н. И./3/. 1875–1991. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 259.
- Струве П. Б./1/. 1912. 4 февр. Там же. Оп. 8. Д. 84.
- Танеева А. С./1/. 1880. Там же. Оп. 4. Д. 316.
- Троицкого А. М./1/. 1860. 6 мая. Там же. Д. 272.
- Турчанинова А. Н./4/. 1876–1880. Там же. Д. 275, 317.
- Урусова А. И./1/. 1896. Там же. Д. 277.
- Утина Б. И./6/. 1860–1872. Там же. Д. 278.
- Финдзейна Н. Ф./20/. 1908–1911. Там же. Оп. 3. Д. 181.
- Халтулари К. Ф./1/. 1902. 2 мая. Там же. Оп. 4. Д. 282.
- Чайковского М. И./7/. 1903–1908. РО РНБ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 51.
- Чехихина-Ветринского В. Е./3/. 1909–1912. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 286.
- Шестаковой Л. И./34/. 1864–1903. Там же. Оп. 3. Д. 184; ЦГАЛИ. 1893. Ф. 238. Оп. 1. Д. 777.
- Энгельгардта В. П./91/. 1854–1911. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 111.

1.3.б) опубликованная

- Балакирев М. А. и Стасов В. В. Переписка / Под ред. А. С. Ляпунова: В 2 т. — Т. 1. — М., 1970. — 488 с.; Т. 2. — М., 1971. — 423 с.
- Балакирев М. А. Переписка с ногоиздательством П. Юргенсона. — М., 1958. — 420 с.
- Бородин Александр Порфирьевич, 1833–1887. Письма / Сост. Л. Ю. Шкляревский. — М., 1989. — 478 с.
- Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 26. М., 1962. — 543 с.
- Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. — Т. 1. — М., 1975. — С. 13; Т. 2 Б. — М., 1977. — С. 29–375.
- К истории поездки Чернышевского к Герцену в Лондон. Из неопубликованных писем А. Н. Пыпина / Публ. Б. П. Козьмина // Литературное наследство. — Т. 67. — С. 121–129.
- Комарова В. Д. Из стасовского архива // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. — Пг., 1922. — 322 с.

- Комарова В. Д. Неизданная записка Тургенева // А. Ф. Кони. Юбилейный сборник. Л., 1925. — С. 189–194.
- Кунин И. Ф. Милый Алексеевич Балакирев: Жизнь и творчество в письмах и документах. — М., 1967. — 144 с.
- Кюи Ц. А. Избранные письма. — Л., 1955. — 755 с.
- Лев Толстой и В. В. Стасов / Под ред. В. Д. Комаровой. — М., 1929. — 168 с.
- Легкий Д. М. И. С. Тургенев в воспоминаниях Д. В. Стасова // Исторический архив. М., 2001. — № 1. — С. 158–165.
- Ленин В. И. Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме // Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 9. — С. 171.
- Мусоргский М. П. Избр. письма / Под ред. М. С. Пекелиса. — М., 1953. — 238 с.
- Мусоргский М. П. Письма / Под ред. В. Гордеевой. — М., 1984. — 447 с.
- Мусоргский М. П. Письма и документы / Под ред. А. Н. Римского-Корсакова и В. Д. Комаровой. — М.; Л., 1932. — 283 с.
- Мусоргский М. П. Письма и документы / Под ред. В. Д. Комаровой. — М., 1932. — 184 с.
- Мусоргский М. П. Письма к Д. В. Стасову / Публ. В. Д. Комаровой // Радуга. — Пг., 1922. — С. 232–241.
- Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым / Под ред. В. Каренина (В. Д. Комаровой). — М., 1935. — 276 с.
- Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова: В 2 т. — Т. 1. — М., 1950. — 236 с.
- Письма А. П. Бородина / Под ред. С. А. Дианина. — Вып. 1. — М., 1927. — 179 с.; Вып. 3. — М.; Л. 1949. — 243 с.
- Письма Кавелина и Ив. Тургенева к Ал. Герцену / Ред. М. Драгоманов. — Женева, 1892. — 91 с.
- Письма М. П. Мусоргского к В. В. Стасову (1870–80). Сообщил Д. В. Стасов // Русская музыкальная газета. 1911. № 10. — С. 253.
- Письмо М. Ф. Грачевского к Д. В. Стасову / Публ. Н. А. Троицкого // Советские архивы. — 1979. — № 5. — С. 70–71.
- Репин И. Е. и В. В. Стасов. Письма: В 3 т. — Т. 1.– М.; Л., 1948. — 268 с.; Т. 2. — М., 1949. — 456 с.
- Репин И. Е. Избр. письма: В 2 т. — Т. 1. — М., 1969. — 454 с.
- Рубинштейн А. Г. Избр. письма. — М., 1954. — 103 с.
- Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: В 3 т. — Т. 2. Письма. 1850–1871. — М., 1984. — 221 с.; Т. 3. 1872–1894. — М., 1986. — 276 с.
- Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры: В 2 т. — Т. 1. — М., 1962. — 355 с.; Т. 2. М., — 1967. — 320 с.
- Стасов В. В. Письма к родным: В 3 т. / Подгот. к печати Е. Д. Стасова. — Т. 1, ч. 1–2. — М., 1953–1954. — 718 с.; Т. 2. — М., 1958. — 546 с.; Т. 3, ч. 1–2. — М., 1962. — 870 с.
- Стасюевич М. М. и его современники в их переписке. — Т. 3. — СПб., 1912. — 413 с.
- Товарищество передвижных художественных выставок: Письма, документы. 1869–1899 / Ред. Т. В. Моисеев. — М., 1987. — 668 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 18 т. — Т. 4. — М., 1987. — 766 с.

- Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. — Т. 14. — М., 1949. — 396 с.

Периодическая печать

1.4.а) судебные речи Д. В. Стасова

- Ведомости Одесского Градоначальства. — 1878. — № 144, 155–158.
- Голос. — 1867. — № 136.
- Новое время. — 1878. — № 882, 886.
- Петербургские ведомости. — 1867. — № 136; 1868. — № 258, 259, 343–344.
- Правительственный вестник. — 1871. — № 182, 200, 206.
- Судебный вестник. — 1866. — № 25; 1867. — № 12; 1868. — № 15–20, 102; 1869. — № 75, 227; 1871. — 24 июля; 1874. — 21 окт.

1.4.б) текущая информация

- Биржевые ведомости. — 1916. — 17 апр.
- Вечернее время. — 1916. — 16 апр.
- Вечерняя заря. — 1918. — 14 мая (№ 1).
- Всевидящее око. — 1918. — № 1.
- День. — 1916. — 17 апр.
- Искра. — 1901. — Вып. 1. — № 3.
- Колокол. — Вып. 4. — 1861. — 8 нояб. — М., 1962.
- Народная Воля. Социально-революционное обозрение. 14 января 1880; Листок «Народной воли». 20 августа 1880 // Литература партии «Народная Воля». — М., 1930.
- Наши ведомости. — 1918. — 14 мая.
- Новые ведомости. — 1918. — 13 мая (вечерний выпуск № 68).
- Новый вечерний час. — 1918. — 11 мая.
- Новый день. — 1918. — 12 мая.
- Огонек. — 1918. — № 12.
- Петербургская газета. — 1911. — 3 мая.
- Петербургская газета. — 1912. — 7 мая.
- Петербургский курьер. — 1914. — 20 нояб. (№ 297).
- Петербургский листок. — 1911. — 8 мая.
- Петроградская газета. — 1916. — 17, 18 апр.
- Правда. — 1918. — 29 апр.
- Русская музыкальная газета. — 1918. — № 11–12.
- Русские ведомости. — 1916. — 18 апр.
- Русское слово. — 1916. — 18 апр.
- Солнце России. — 1912. — №. 150–151.
- С. Петербургские ведомости. — 1912. — 10 дек. (№ 285).

Исследования

2.1) Дореволюционная историография

- Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–74 гг. — СПб., 1875. — 294 с.

- *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. — М., 1912. — 483 с.
- *Бородяевская-Ясевич В.* Надежда Васильевна Стасова. — СПб., 1899. — 15 с.
- *Бородин Д. Н.* Исторический очерк русской адвокатуры 1864–1914. — Ч. 1. — Пг., 1915. — 286 с.
- *Васьковский Е. В.* Организация адвокатуры // Адвокат в уголовном процессе / Сост. С. Н. Гаврилов; Ред. П. А. Лупинская. — М., 1997. — С. 11–185.
- *Ветринский Ч.* Герцен. — СПб., 1908. — 532 с.
- *Винавер М. М.* Очерки об адвокатуре. — СПб., 1902. — 216 с.
- *Винклер П. П.* Дворяне Стасовы. — СПб., 1893. — 86 с.
- *Гессен И. В.* Адвокатура // Право. — 1914. — № 47. — С. 3220–3225.
- *Гессен И. В.* Адвокатура, общество и государство (1864–1914). // История русской адвокатуры. — Т. 1. / Сост. С. Н. Гаврилов. — М., 1997. — 376 с.
- *Гессен И. В.* Судебная реформа. — СПб., 1905. — 267 с.
- *Глинский Б. Б.* Русское судебное красноречие. — СПб., 1897. — 106 с.
- *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. — СПб., 1913. Ч. 1. — 528 с.
- *Гогель К.* Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории русской культуры. — СПб., 1904. — 29 с.
- *Джаншиев Г. А.* Основы судебной реформы. — М., 1891. — 52 с.
- *Джаншиев Г. А.* Из эпохи великих реформ — СПб., 1892. — 716 с.
- *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ: исторические справки. — 10-е, посмерт., доп. изд. — СПб., 1907. — 855 с.
- *Жижиленко А. А.* А. Ф. Кони как криминалист // Анатолий Федорович Кони. 1844–1924. — Л., 1925. С. 24–39.
- *Жижиленко А. А.* Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 г. // Судебная реформа / Под. ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М., 1915. — С. 41–70.
- История русской адвокатуры. — Т. 1 (*Гессен И. В.* Адвокатура, общество и государство. 1864–1914). — М., 1914. — 623 с.
- *Кондаков Н. П.* В. В. Стасов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1907. — № 1. — С. 51–72.
- *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. К 50-летию Судебных Уставов. 1864–1914. — М., 1914. — 318 с.
- *Кони А. Ф.* Труды и задачи Петербургского юридического общества // Собр. соч.: В 8 т. — Т. 4. — М., 1968. — С. 293–317.
- *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. — М., 1993. — 446 с.
- *Ляховецкий Л. Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. — СПб., 1897. — 258 с.
- *Макалинский П. В.* Присяжный поверенный. С.-Петербургская присяжная адвокатура: деятельность С.-Петербургских Совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866–1888 гг.). — СПб., 1889. — 560 с.
- *Макалинский П. В.* С.-Петербургская присяжная адвокатура // Адвокат в уголовном процессе / Сост. С. Н. Гаврилова; Ред. П. А. Лупинской. — М., 1997. — С. 299–318.
- Памяти Надежды Васильевны Стасовой. — СПб., 1896. — 96 с.

- Пузыревский А. И. Императорское Русское Музыкальное Общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). — СПб., 1909. — 173 с.
- Пузыревский А. И., Саккетти Л. А. Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. — СПб., 1912.– 182 с.
- Смоленский Ст. О Литургии ор. 41 соч. Чайковского. — СПб., 1903. — 63 с.
- Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. — СПб., 1899. — 504 с.
- Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. — М., 1965. — 408 с.
- Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — Т. 1. — М., 1915. — 309 с.
- Тимофеев А. Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. — СПб., 1890. — 178 с.
- Тимофеев Г. Н. Владимир Васильевич Стасов. Очерк его жизни и деятельности // Вестник Европы. — 1908. — Кн. 2–5.
- Тун А. История революционных движений в России. — М., 1905. — 221 с.
- Филиппов М. А. Судебная реформа в России. — Т. 1. Судостроительство. — СПб., 1871. — 623 с.
- Финдезейн Н. Ф. Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества (1859–1909). — СПб., 1909. — 119 с.
- Хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. — М., 1999. — 272 с.

2.2) Советская историография

- Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности? // Вопросы истории. — 1991. — № 1. — С. 3–12.
- Базилева З. П. Архив семьи Стасовых как источник для изучения революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. — М., 1965. — С. 431–439.
- Базилева З. П. К истории первых артелей разночинцев (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. — М., 1961. — С. 196–213.
- Баренбаум И. Е. Из истории русских прогрессивных издательств 60–70-х годов XIX века // Книга. Исследования и материалы. — Сб. 11. — М., 1965. — С. 223–241.
- Богословская Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–61 годах. — Т. 6. — М., 1974. — С. 124–135.
- Богословская Л. П. Д. В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. — М., 1979. — С. 195–199.
- Викторов А. М. Д. В. Стасов — адвокат, общественный деятель (1828–1918) // Известия вузов. Правоведение. — 1990.– № 6. — С. 56–61.
- Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). — М., 1965. — 489 с.
- Виленский Б. В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. — Саратов, 1963. — 147 с.

- *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. — Саратов, 1969. — 400 с.
- Владимир Васильевич Стасов. 1824–1906. К 125-летию со дня рождения. — М., 1948. — 254 с.
- *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев. — М., 1976. — 347 с.
- *Высоцкий С. А.* Кони. — М., 1988. — 432 с.
- Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. — М., 1961. — Т. 2. — 480 с.; Т. 3. — 430 с.; Т. 4. — 302 с.
- *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. — М., 1932. — 144 с.
- *Гордеева Е. М.* Композиторы «Могучей кучки». — М., 1985. — 285 с.
- *Грузинский А. Е. И. С.* Тургенев (личность и творчество). — М., 1918. — 239 с.
- *Демченко А. А.* Из истории поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. — Вып. 7. — Саратов, 1975.
- *Демченко А. А.* Из истории размежевания революционных демократов с либералами (Чернышевский и Кавелин) // Освободительное движение в России. — Саратов, 1979. — С. 22–39.
- *Демченко А. А. Н. Г.* Чернышевский. — М., 1989. — 159 с.
- *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. — М., 1964. — 512 с.
- *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. — М., 1970. — 444 с.
- *Зорина А. П. А. П.* Бородин. — М., 1987. — 187 с.
- *Ильин Т., Сегал Е. А. П.* Бородин. 1833–1887. — М., 1957. — 365 с.
- *Исбах А. А.* Товарищ абсолют. Е. Д. Стасова. — М., 1973. — 82 с.
- История русской музыки: в 10 т. — Т. 5. — М., 1988. — 517 с.; Т. 6. — М., 1989. — 384 с.
- *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. — М., 1965. — 194 с.
- *Каренин Вл.* Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Ч. 1–2. — Л., 1927. — 727 с.
- *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции. Легенды и реальность. — М., 1991. — 272 с.
- *Китаев В. А.* «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х годов XIX века // «Эпоха Чернышевского». Революционная ситуация в России. — М., 1978. — С. 158–181.
- Книга в России. 1861–1881. Т. 1 / Ред. И. И. Фролова. — М., 1988. — 256 с.
- *Козьмин Б. П.* Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом // Литература и история. — М., 1982. — С. 42–43, 476–478.
- *Комарова В. Д.* (Вл. Каренин) Дмитрий Васильевич Стасов как музыкальный деятель // Музыка и революция. — 1928. — № 7–8.
- *Корнева Н. М.* Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // Правоведение. — 1985. — № 4. — С. 81–96.

- *Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. — Воронеж, 1989. — 185 с.
- *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования: Автореф. ... д-ра. ист. наук. — Л., 1990. — 42 с.
- *Коротков Ю. Н.* Господин, который был в субботу в Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 года)//Прометей. — 1971. — № 8. — С. 166–168.
- *Кунин И. Ф.* Милий Алексеевич Балакирев. — М., 1967. — 144 с.
- *Кунин И. Ф.* Николай Андреевич Римский-Корсаков. — М., 1988. — 156 с.
- *Лебедев А. К., Солодовников А. В. В. В. Стасов.* — М., 1982. — 288 с.
- *Лебедев А. К., Солодовников А. В.* Владимир Васильевич Стасов. — М., 1976. — 400 с.
- *Левашева О. Е.* Михаил Иванович Глинка: В 2 кн. — М., 1987. — 864 с.
- *Левидова С. М., Салита Е. Г.* Елена Дмитриевна Стасова. — Л., 1969. — 336 с.
- *Левин Ш. М.* Две демонстрации // Исторические записки. — М., 1955. — С. 261–275.
- *Левин Ш. М.* Общественное движение России в 60–70-е годы века. — М., 1958. — 512 с.
- *Леняшин В. А. В. А. Серов.* — Л., 1989. — 246 с.
- *Ливанова Т. Н.* Стасов и русская классическая опера. — М., 1957. — 259 с.
- *Липилин В. Г.* Абсолют (Документальный рассказ о Е. Д. Стасовой). — Л., 1990. — 270 с.
- *Литвак Б. Г.* Реформы и революции в России // История СССР. — 1991. — № 2.
- *Лощинин Н. П. Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев.* — Тула, 1982. — 184 с.
- *Лясковская О. А.* Илья Ефимович Репин: Жизнь и творчество. — М., 1982. — 478 с.
- *Маркевич А. П.* Стасов. Гражданин. Критик. Демократ. — Киев, 1969. — 308 с.
- *Назаров А. Ф.* Цезарь Антонович Кюи. — М., 1989. — 224 с.
- *Новикова Н. Н.* Снова о встрече Н. Г. Чернышевского с редакторами «Колокола» и ее значение для борьбы за единство революционных сил в России // Проблемы истории общественного движения и историографии. — М., 1971.— С. 170–183.
- *Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1961 г.* — М., 1981. — 320 с.
- *Оголевец А. С. В. В. Стасов (к 50-летию со дня смерти).* — М., 1956. — 133 с.
- *Оржеховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.). — Горький, 1973. — 93 с.
- *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. — М., 1982. — 207 с.
- *Орлова А. А.* Мусоргский в Петербурге. — Л., 1974. — 239 с.
- *Павлова Т. А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. — 1990. — № 2. — С. 37–59.
- *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. — М., 1988. — 269 с.

- *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. — М., 1986. — 343 с.
- *Пекелис М. А.* Даргомыжский и его окружение: В 3 т. — Т. 3. 1858–1869. — М., 1983. — 317 с.
- *Петров А. П.* Архитектор Василий Стасов. — Л., 1950. — 388 с.
- *Пилявский В. И.* Стасов архитектор. — Л., 1962. — 184 с.
- *Пирумова Н. М.* Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. — М., 1989. — 256 с.
- *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. — М., 1977. — 368 с.
- *Подлящук Н. И.* Богатырская симфония (документальная повесть о Е. Д. Стасовой). — М., 1984. — 270 с.
- *Полевая М. И.* Римский-Корсаков в Петербурге. — Л., 1989. — 240 с.
- *Потов И. П.* Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–61 гг. — Т. 6. — М., 1974. — С. 257–278.
- *Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. — Саратов, 1963. — 212 с.
- *Порох И. В.* История в человеке (Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40–80-х годов XIX в.). — Саратов, 1971. — 146 с.
- *Порох И. В.* Процесс Чернышевского и общественность России // Дело Чернышевского. — Саратов, 1968. — С. 1–68.
- *Порох И. В.* Тургенев и Милютин // Прометей. — 1967. — № 4. — С. 302–339.
- *Прибегина Г. А.* Петр Ильич Чайковский. — М., 1986. — 199 с.
- Революционеры и либералы в России / Под ред. Б. С. Итенберга, В. Я. Лаверьчева, Н. М. Пирумовой, В. А. Твардовской. — М., 1990. — 336 с.
- Революционная Россия и революционная Польша. — М., 1964. — 586 с.
- Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. М. В. Нечкиной. — М., 1978. — 440 с.
- Революционное движение 1860-х годов / Под ред. Б. И. Горева, Б. П. Козьмина. — М., 1932. — 262 с.
- *Рогинская Ф. С.* Товарищество передвижных художественных выставок: Исторические очерки. — М., 1989. — 256 с.
- Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов (Коллективная монография). — М., 1983. — 487 с.
- *Ручьевская Е. А.* Петр Ильич Чайковский (1840–1893). — Л., 1985. — 104 с.
- *Салита Е. Г.* Стасовы в Петербурге-Петрограде. — Л., 1982. — 368 с.
- *Салита Е. Г., Суворова Е. И.* Стасов в Петербурге. — Л., 1971. — 384 с.
- *Сарабьянов Д. В.* История русского искусства второй половины XIX века. — М., 1989. — 383 с.
- *Сашонко В. Н.* Кони в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. — Л., 1991. — 304 с.
- *Скрипильев Е. А.* Российская присяжная адвокатура в пореформенной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. — Воронеж, 1988.
- *Смолярчук В. И.* Адвокат Федор Плевако. — Челябинск, 1989. — 272 с.
- *Смолярчук В. И.* Анатолий Федорович Кони. — М., 1982. — 216 с.
- *Смолярчук В. И. В. Д.* Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. — 1982. — № 10.

- Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX– начала XX века). — М., 1984. — 272 с.
- Смолярчук В. И. Н. П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель / Советское государство и право. — 1983. — № 8.
- Снытко Т. Г. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 года // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи. — М., 1960. — С. 168–193.
- Стецовский Ю. И. Советская адвокатура. — М., 1989. — 303 с.
- Суворова Е. И. В. В. Стасов и русская передовая общественная мысль. — Л., 1956. — 151 с.
- Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. — М., 1969. — 240 с.
- Тишкин Г. А. Женский вопрос в России. — Л., 1984. — 238 с.
- Тишкин Г. А. Петербургские студентки-шестидесятницы // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. — М., 1986. — С. 58–67.
- Троицкий Н. А. Безумство храбрых (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.). — М., 1978. — 335 с.
- Троицкий Н. А. Дело «нечаевцев» // Освободительное движение в России. — Вып. 4. — Саратов, 1975. — С. 79–92.
- Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). — Саратов, 1983. — 424 с.
- Троицкий Н. А. «Один из самых преданных...» (судьба адвоката Г. В. Бардовского) // Освободительное движение в России. — Вып. 11. — Саратов, 1986. — С. 48–62.
- Троицкий Н. А. Корифеи русской адвокатуры первого призыва // Советское государство и право. — 1985. — № 2. С. 120–129; № 9. — С. 101–108.
- Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды. 1871–1874. — Саратов, 1991. — 312 с.
- Троицкий Н. А. Процесс «17-ти» // Советское государство и право. — 1983. № 6. — С. 99–107.
- Троицкий Н. А. Процесс «193-х» // Общественное движение в пореформенной России. — М., 1965. С. 314–335.
- Троицкий Н. А. Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1890) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. — Саратов, 1968. — С. 89–144.
- Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866–1895). — М., 1979. — 350 с.
- Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). — Саратов, 1976. — 406 с.
- Тыжненко Т. Е. Василий Стасов. — Л., 1990 — 190 с.
- Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев: [Основатель первой в Сибири картинной галереи]. Иркутск, 1990. — 344 с.
- Федосова Т. Ф. Польский комитет в Москве и революционное подполье 1863–1866 гг. // Революционная Россия и революционная Польша. — М., 1967. — С. 136–138;

- *Черкасова Н. В.* Формирование и развитие адвокатуры в России (60–80-е гг. XIX в.). — М., 1987. — 144 с.
- *Черкашина М. Р.* Александр Николаевич Серов. — М., 1985. — 168 с.
- *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма в середине 50-х до 80-х гг. XIX в. — Л., 1978. — 278 с.
- *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. — Л., 1989. — 208 с.
- *Чернышевский Д. В.* Карательная политика царизма. 1881–1894. — Саратов, 1990. — 36 с.
- *Чиряпкина Л. Н., Штейман А. А.* О некоторых итогах работы по воссозданию коллекции материалов по судебной работе 1864 г. в России (в фондах ГПБ) // Комплектование и использование книжных фондов крупных универсальных библиотек. — Л., 1978. — С. 42–59.
- *Чузунов Г. И.* Валентин Серов в Петербурге. — Л., 1990. — 253 с.
- *Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. — М., 1985. — 347 с.
- *Шлемин П. И.* Дневник К. К. Арсеньева // АЕ за 1977. — М., 1978. — С. 312–322.
- *Щеголев П. Е.* Алексеевский равелин / Сост. Е. В. Федотова. — М., 1989. — 380 с.
- *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. — М., 1984. — 317 с.
- *Эйдельман Н. Я.* К истории лондонской встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. — Сб. 8. — М., 1979. — С. 113–114.
- *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох. — М., 1985. — 350 с.

2.3) *Историография постсоветского периода*

- *Абакумов О. Ю.* «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н. А. Троицкого. — Вып. 20. — Саратов, 2001. — С. 11–27.
- *Абакумов О. Ю.* III отделение и политические преступления рубежа 1850–1860 гг. // Там же. С. 140–146.
- *Адвокат в уголовном процессе / Под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук, проф. П. А. Лупинской; сост. С. Н. Гаврилова.* — М., 1997. — 544 с.
- *Адвокатская деятельность / Под ред. В. Н. Буробина.* — М., 2003. — 624 с.
- *Барцевский М. Ю.* Организация и деятельность адвокатуры в России. — М., 2000. — 360 с.
- *Биюшкина Н. И.* Институт адвокатуры в дореволюционной России // Вестник Нижегородского госуниверситета. — Н. Новгород, 1996. — С. 38–53.
- *Бойков А. Д., Капинус Н. И.* Адвокатура России. — М., 2000. — 376 с.
- *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении. — М., 2000. — 401 с.
- *Варфоломеев Ю. В. А. С.* Зарудный: юрист и общественный деятель. — Саратов, 2002. — 119 с.
- *Варфоломеев Ю. В.* Закон и трепет: Очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. — Саратов, 2006. — 257 с.

- *Варфоломеев Ю. В.* Николай Константинович Муравьев: Адвокат, политик, человек. — Саратов, 2007. — 452 с.
- *Варфоломеев Ю. В.* Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). — Энгельс, 2009. — 188 с.
- *Варфоломеев Ю. В.* Очерки политических процессов в России первой четверти XX века (По материалам деятельности лидера «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева). — Саратов, 2007. — 298 с.
- *Васильев А. В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России / Под ред. С. А. Комарова. — СПб., 2004. — 224 с.
- *Воронихин А. В.* Адвокаты во власти (об участии присяжных поверенных в событиях февраля 1917–марта 1918 гг.). // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. В. С. Парсамова. — Вып. 20. — Саратов, 2003. — С. 208–213.
- *Гаврилов С. Н.* Адвокатура в Российской Федерации. — М., 2000. — 288 с.
- *Галоганов А. П.* Российская адвокатура: история и современность. М., 2003.
- *Гетманский А. Э.* Российский министр европейского типа (политические взгляды и государственная деятельность П. А. Валуева в 70–80-е годы XIX в.). — Тула, 2001. — 280 с.
- *Гоголевский А. В.* Очерки истории русского либерализма. XIX–начало XX века. — М., 1996. — 155 с.
- *Грезнева А. А.* Присяжные поверенные в политических процессах 1870-х годов // Вестник ПСТГУ. — 2004. — № 3. — «История». — С. 118–136.
- *Грезнева А. А.* Революционное движение в России 1870-х–начала 1880-х гг. в оценках присяжных поверенных: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2008. — 27 с.
- *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. — М., 2000. — 440 с.
- *Жалыбин С. М.* Правовое положение адвоката в уголовном судопроизводстве. — Алматы, 1998. — 125 с.
- *Жданов Ю. Н., Емелин А. С.* Судебные уставы России 1864 г. (Опыт истории и современность). — М., 1998. — 128 с.
- *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. — М., 2001. — 468 с.
- *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. — М., 1996. — 432 с.
- *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX–начало XX века. — М., 1996. — 427 с.
- *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. — М., 1995. — 382 с.
- *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С.* Реформы и контрреформы в России. — М., 1996. — 400 с.
- *Исаева Т. Б.* История политического терроризма (вторая половина XIX–начало XX в.). — Саратов, 1996. — 86 с.
- *Исаков В. А.* Радикальные социалисты России (1860–пер. пол. 1880-х гг.) о будущей власти // Вопросы истории. — 2004. — № 10. — С. 94–105.

- История русской музыки: В 10 т. Т. 7. 70–80-е гг. XIX века. — М., 1994. — 479 с.; Т. 8. 70–80-е гг. XIX века. Ч. 2. М., 1994. 534 с.; Т. 9. Конец XIX–начало XX века. — 452 с.
- История сыска в России: В 2 т. / Сост. П. А. Кошель. — Т. 1. — Минск, 1996. — 640 с.
- Карпачев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. В. С. Парсамова. — Вып. 20. — Саратов, 2003. — С. 78–88.
- Коваль С. Г. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в Центральной России (на примере Владимирской и Ярославской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иваново, 2006. — 27 с.
- Козбаненко В. А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906–1907. — М., 1996. — 240 с.
- Королева Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). — М., 1995. — 236 с.
- Кочукова О. В. К. Д. Кавелин и освободительное движение 1850–1860-х гг. // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н. А. Троицкого. — Вып. 19. — Саратов, 2001. — С. 247–254.
- Кошель П. А. История наказаний в России. История российского терроризма. — М., 1995. — 371 с.
- Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. — 270 с.
- Кучерена А. Г. Адвокатура. — М., 2004. — 351 с.
- Легкий Д. М. «Дело тверских мировых посредников» в дореформенном суде // Освободительное движение. — Вып. 17. — Саратов, 1999. — С. 95–98.
- Легкий Д. М. Д. В. Стасов в жизни И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского (по материалам семейного архива Стасовых) // Россия и Запад: диалог культур. — МГУ им. М. Ломоносова, 1996. — С. 546–556.
- Легкий Д. М. Д. В. Стасов в материалах семейного архива. // Историографический сборник. — Вып. 17. — Саратов, 1998. — С. 122–125.
- Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов. Исторический портрет // Вопросы истории. — 2003. — № 7. — С. 54–74.
- Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов — забытый автор судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. Известия вузов. — 2002. — № 3. — С. 201–217.
- Легкий Д. М. К истории лондонских переговоров А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского летом 1859 г. // История России. Диалог российских и американских историков. — Саратов, 1994. — С. 186–197.
- Легкий Д. М. К истории судебной реформы 1864 г. в России // Проблемы истории России и западноевропейских стран. — Нижневартовск, 1997. — С. 76–87.
- Легкий Д. М. Либерально-демократическая общественность Петербурга в 1860–70-е гг. // Отечественная история. — 2003. — № 3. — С. 14–20.
- Легкий Д. М. Общественная жизнь и присяжная адвокатура дореволюционной России в историографии (по материалам деятельности Д. В. Стасова) //

- Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии / Ред. Я. Г. Солодкин. — Ч. 2. — Нижневартовск, 2002. — С. 71–96.
- *Легкий Д. М.* Общественная жизнь и присяжная адвокатура дореволюционной России в историографии (по материалам деятельности Д. В. Стасова). Статья вторая // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. / Ред. Я. Г. Солодкин. — Ч. 2. — Нижневартовск, 2002. — С. 148–159.
 - *Легкий Д. М.* Первый председатель С.-Петербургского Совета присяжных поверенных // Правоведение. Известия вузов. — 2003. — № 3. — С. 5–19.
 - *Легкий Д. М.* Присяжная адвокатура пореформенной России: истоки формирования мировоззрения (по материалам о Д. В. Стасове) // Освободительное движение. — Вып. 18. — Саратов, 2000. — С. 118–123.
 - *Легкий Д. М.* Студенческое «Прошение на имя государя» осенью 1861 г. // Вопросы истории. — 2001. — № 10. — С. 144–150.
 - *Легкий Д. М.* Судопроизводство накануне Судебной реформы 1864 г. в России // Право и политика. 2002. — № 2. — С. 103–111.
 - *Легкий Д. М.* «Задача тяжелая, надо избавить человека от смерти» (дело ишутинцев и Каракозова в письмах адвоката Д. В. Стасова) // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 22/Под ред. проф. В. С. Парсамова. — Саратов, 2007. — С. 153–158.
 - *Легкий Д. М.* Адвокат на судебных политических процессах в Российской империи: от суда присяжных (процесс «нечаевцев») до суда ОПС (процесс «193-х») // Проблемы права. — 2007. — № 1. — С. 160–167.
 - *Легкий Д. М.* Александр Керенский — защитник национально-освободительного движения начала XX века // Мысль. — 2006. — № 9. — С. 83–85.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов — политический защитник // Государство и право. — 2001. — № 10. — С. 98–106.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов в историографии освободительного движения в России // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 19 / Под ред. проф. Н. А. Троицкого. — Саратов, 2001. — С. 269–279.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов в культурной жизни России // Россия и Запад: диалог культур. 2-я междунар. конф. — М., 1995. — С. 30.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов в эпоху русских революций начала XX века // Россия в XX веке: реформы и революция: В 2 т. / Под ред. Г. Н. Севастьянова; (сост. С. М. Исхаков). Т. 1. М., 2002. С. 229–232.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов как меценат и музыкальный деятель России // Россия и Запад: диалог культур. 3-я междунар. конф. М., 1996. — С. 36.
 - *Легкий Д. М.* Д. В. Стасов как публицист и литературный деятель // Россия и Запад: диалог культур. 4-я междунар. конф. М., 1998. — С. 48.
 - *Легкий Д. М.* Дореформенный суд и подготовка Судебной реформы 1864 г. в Российской империи. — Костанай, 2002. — 49 с.
 - *Легкий Д. М.* И. С. Тургенев в воспоминаниях Д. В. Стасова // Исторический архив. — 2001. — № 1. — С. 158–165.
 - *Легкий Д. М.* К вопросу о роли присяжной адвокатуры в общественном движении Российской империи // Мир на рубеже тысячелетий. Костанай, 2001. — С. 185–189.

- *Легкий Д. М.* Н. А. Ишутин и его адвокат на Каракозовском процессе // Основы государства и права. — 2001. — № 4. — С. 88–92.
- *Легкий Д. М.* Национальный вопрос и российская адвокатура 1860–1870 гг. // Национально-освободительное движение в Казахстане: история, методология, историография. — Костанай, 1994. — С. 75–78
- *Легкий Д. М.* Первый «кружок молодых юристов» накануне Судебной реформы 1864 г. в Российской империи // Правовая реформа в Казахстане. — 2007. — № 2. — С. 87–91.
- *Легкий Д. М.* Петербургский совет присяжных поверенных: страницы истории (статья) // Присяжный поверенный: период. сб. науч. тр. Вып. 1. — Саратов, 2005. — С. 47–57.
- *Легкий Д. М.* Петербургский совет присяжных поверенных: страницы истории (продолжение) // Присяжный поверенный: период. сб. науч. тр. — Вып. 2. — Саратов, 2006. — С. 16–27.
- *Легкий Д. М.* Присяжная адвокатура на процессах по «делам о печати» после Судебной реформы 1864 г. в России // Проблемы права.— 2006. — № 1. С. 125–128.
- *Легкий Д. М.* Присяжная адвокатура в культурной жизни Российской империи // Россия и Запад: диалог культур. 10-я юбилейная междунар. конф. — М., 2003. — С. 55.
- *Легкий Д. М.* Присяжная адвокатура в России и Казахстане: становление и развитие в общем историческом прошлом // Галым. — № 1. — 2007.
- *Легкий Д. М.* Просветительская деятельность Д. В. Стасова в «эпоху великих реформ» // Россия и Запад: диалог культур. 5-я междунар. конф. М., 1998. — С. 30.
- *Легкий Д. М.* Просветительская деятельность российской интеллигенции в «эпоху великих реформ» // Социально-экономическое и научно-техническое сотрудничество Казахстана и России в XXI в. — Рудный, 2000.
- *Легкий Д. М.* Процесс политических фальшивомонетчиков // Право и политика. — 2001. — № 5. — С. 98–101.
- *Легкий Д. М.* Русский адвокат под политическим надзором // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 22 / Под ред. проф. В. С. Парсамова. — Саратов, 2007. — С. 47–55.
- *Легкий Д. М.* Тайна рождения адвоката Федора Плевако: мифы и реальность // Саясат-Policy. — 2007. — № 5. — С. 49–51.
- Либеральный консерватизм: история и современность: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. И. Нарезный, В. В. Шелохаев. — М., 2001. — 384 с.
- *Лубшев Ю. Ф.* Адвокатура в России: учебник. — М., 2001.— 832 с.
- *Малев Е. В.* Первый председатель Санкт-Петербургских присяжных поверенных // Правоведение. — 1995. — № 1. — С. 95–101.
- *Мионов Б. Н.* Социальная история России: В 2 т. — Т. 2. — СПб., 2000. — 568 с.
- *Немытина М. В.* Российский суд присяжных. — М., 1995. — 218 с.
- *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX–начало XX вв. — Саратов, 1999. — 256 с.

- *Общественная мысль в России: мат-лы дискуссии.* — М., 1998. — 202 с.
- *Панов Н. Ю.* Терроризм и террор в России XIX–начала XX вв.: понятие и сущность // *История государства и права.* — 2001. — № 1. — С. 2–8.
- *Парфенов И. Д.* Методология исторической науки. — Саратов, 2001. — 175 с.
- *Перегудова З. И.* Политический сыск в России (1880–1970). — М., 2000. — 432 с.
- *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций. М., 2000. — 360 с.
- *Проблемы российской адвокатуры: сб. статей / Отв. ред. И. Л. Петрухин.* — М., 1997. — 252 с.
- *Развитие русского права во второй половине XIX–XX вв. / Отв. ред. Е. А. Скрипилев.* — М., 1997. — 368 с.
- *Реент Ю. А.* История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. — Рязань, 2002. — 208 с.
- *Реент Ю. А.* Общая политическая полиция России (1900–1917 гг.). — Рязань, 2001. — 286 с.
- *Российские консерваторы.* — М., 1997. — 384 с.
- *Российские либералы / Под ред. Б. С. Итенберга, В. В. Шелохаева.* — М., 2001. — 576 с.
- *Россия в XX веке: реформы и революция: В 2 т.: мат-лы междунар. науч. конф., апрель 2001) / Под ред. Г. Н. Севастьянова; [сост. С. М. Исхаков].* М., 2002.
- *Рудницкая Е. Л.* Русский радикализм // *Революционный радикализм в России: век девятнадцатый.* — М., 1997. — С. 7–23.
- *Русская художественная культура второй половины XIX века: Диалог с эпохой / Отв. ред. Г. Ю. Стернин.* — М., 1996. — 334 с.
- *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула.* — М., 2000. — 440 с.
- *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Шелохаев.* — М., 1999. — 567 с.
- *Руд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. — М., 1993. — 432 с.
- *Святоцький О. Д., Медведчук В. В.* Адвокатура: історія і сучасність. — Київ, 1997. — 320 с.
- *Святоцький О. Д., Михеєнко М. М.* Адвокатура України. — Київ, 1997. — 224 с.
- *Секиринский С. С.* Петр Александрович Валуев // *Российские консерваторы.* — М., 1997. — С. 137–189.
- *Сибиряков И. В.* Новый российский либерализм: опыт реконструкции социоморальной среды. — Челябинск, 1998. — 179 с.
- *Скрипилев Е. А. В. Д.* Спасович — король русской адвокатуры. — М., 1999. — 101 с.
- *Смирнов В. Н.* История адвокатуры Среднего Урала. — Екатеринбург, 1999. — 355 с.
- *Смоленский М. Б.* Адвокатская деятельность в России. — М.; Ростов н/Д, 2004. — 448 с.
- *Степанова А. В. А. И.* Урусов — юрист и судебный оратор: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Саратов, 2005. — 22 с.

- *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России второй половины XIX века. 70–80-е годы. — М., 1997. — 336 с.
- *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1864–1904 гг. — Тула, 2000. — 456 с.
- *Троицкий Н. А.* Адвокатура и общество в России (XIX–начало XX вв.) // История России: диалог российских и американских историков. — Саратов, 1994. — С. 165–175.
- *Троицкий Н. А. И. С.* Тургенев и русское освободительное движение 1870-х гг. // Исторические воззрения как форма общественного сознания. — Ч. 2. — Саратов, 1995. — С. 24–33.
- *Троицкий Н. А.* Корифеи российской адвокатуры. — М., 2006. — 415 с.
- *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. — Саратов, 2002. — 372 с.
- *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке: Курс лекций. — М., 1999. — 431 с.
- *Троицкий Н. А.* Судьбы российских адвокатов. — Саратов, 2003. — 138 с.
- *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Марксисты и русская революция. — М., 1996. — 386 с.
- *Хайлова Н. Б.* Партия демократических реформ // Политическая история России в партиях и лицах. — М., 1994. — С. 60–74.
- *Хайлова Н. Б.* Партия демократических реформ // Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева. — М., 2000. — С. 112–128.
- *Хорькова Е. П.* История предпринимательства и меценатства в России. — М., 1998. — 496 с.
- *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850–середина 1870-х гг.). — М., 2002. — 432 с.
- *Черкасов П. П., Чернышевский Д. В.* История императорской России. — М., 1994. — 448 с.
- *Чернышев В. Д.* Унковский. Жизнь и судьба тверского реформатора. — Тверь, 1998. — 222 с.
- *Яшин А. Н.* Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века // Вестник МГТУ. — Т. 11, № 4. — 2008. — С. 713–718.

Справочно-библиографические материалы

3.1) архивные

- Записная книжка Д. В. и П. С. Стасовых. 1862–1916. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 432.
- Приходо-расходная книга П. С. и Д. В. Стасовых. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 433.
- Стасов Д. В. Каталог его вещам, назначенным в продажу с аукциона после его смерти. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 5. Д. 433.
- Стасов Д. В. Книга с записями адресов разных лиц. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 8. Д. 22.

- Стасов Д. В. Списки судебных дел, которые он вел. 1861–1902. РО ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Д. 362.
- 3.2) *печатные*
- Балакирев М. А. Летопись жизни и творчества. — Л., 1967. — 386 с.
- Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. — Т. 1. — СПб., 1998. — 301 с.
- Глинка М. И. Летопись жизни и творчества / Сост. А. А. Орлова. — М., 1952. — 543 с.
- Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. — Т. 1, ч. 1. — М., 1928. — 278 с.
- Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. — М., 1989. — 832 с.
- История адвокатуры в России: присяжная адвокатура по Судебным уставам 1864 г. (1864–1917): Указатель литературы / Сост. С. Н. Гаврилов, Н. Н. Фарутина. — Вологда, 2000. — 60 с.
- Ленин В. И. Биографическая хроника. — Т. 4. — М., 1973. — С. 264.
- Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859–1864. — Т. 4. — М., 1983. — 704 с.
- Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: 1876–1883 / Сост. Н. Н. Мостовская; [отв. ред. Ю. Д. Левин, Н. Н. Скатов]. — СПб., 2003. — 624 с.
- Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. Т. 1 / Сост. А. А. Орлова. — М., 1978. — 288 с.
- Литература русского правоведения за 1859–1866 г. включительно. Т. 1 / Сост. В. И. Межов. — СПб., 1867. — 174 с.
- Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 246–248.
- Музыкальная энциклопедия. — Т. 4. — М., 1978. — 795 с.; Т. 5. — М., 1981. — 732 с.
- Политическая каторга и ссылка (справочник). — М., 1934. — 878 с.
- Политические партии России: конец XIX–первая треть XX века, Энциклопедия. — М., 1996. — 872 с.
- Систематический указатель к «Журналу Министерства юстиции» за 10 лет. 1894–1904. — СПб., 1904.
- Страницы жизни Н. А. Римского–Корсакова. Летопись жизни и творчества: В 4 т. / Авторы-сост. А. А. Орлов, В. Н. Римский–Корсаков. — Т. 1. — Л., 1969. — 264 с.; Т. 2. — Л., 1971. — 286 с.; Т. 3. — Л., 1972. — 352 с.; Т. 4. — Л., 1973. — 223 с.
- Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества / Сост. А. А. Орлова. — М., 1963. — 358 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI / Ред. К. К. Арсеньев. — М., 1900. — 468 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АЕ — Археографический ежегодник
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (М.)
ГЖУ — Губернское жандармское управление
ГИА СПб — Государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ИРА — История русской адвокатуры (М., 1914–1916. Т. 1–3)
МВД — Министерство внутренних дел
МЮ — Министерство юстиции
ОО — Особый отдел департамента полиции
ОППС — Особое присутствие Правительствующего Сената
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (М.)
РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.)
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РМО — Русское музыкальное общество
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (СПб.)
С. Е.И. В.К. — Собственная его императорского величества канцелярия

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Н. С.
Абакумов О. Ю.
Абрамов В. Ф.
Авраменко Е. К.
Аксаков И. С.
Алафаев А.
Александр II
Александр III
Александров П. А.
Александровская В. В.
Александровский А. А.
Алексеев П. А.
Альбертини Н. В.
Ангри
Андреев А. Р.
Андреевский Н. Е.
Андреевский С. А.
Анненков П. В.
Антокольский М. М.
Антонов В. Ф.
Апухтин А. Н.
Ареопагитский И. И.
Арсеньев И. А.
Арсеньев К. К.
Арцимович В. А.
Ахиезер А. С.
- Базанов В. Г.
Базилева З. П.
Бакунин А. А.
Бакунин М. И.
Бакунин Н. А.
Балакирев М. А.
Балашев И.
Балкашин С. М.
Баранников А. И.
Бардовский Г. В.
Баренбаум И. Е.
Бартенев П. И.
Барщевский М. Ю.
- Баскаков В. Н.
Бах И. С.
Бахметев Н. И.
Бахтин Н. И.
Бейлис М. Т.
Беленький И. Л.
Белинский В. Г.
Белоконский И. П.
Бенуа А. Н.
Бер Д. Б.
Берви (Берви-Флеровский) В. В.
Беренштам В. В.
Беренштам М. В.
Берлиоз Г.
Бернадт Г. Б.
Бетховен Л.
Биюшкина Н. И.
Благосветлов Г. Е.
Блинов И. А.
Блудов Д. Н.
Боборькин П. Д.
Бобрищев-Пушкин А. В.
Богданов-Бельский Н. П.
Богданович А. В.
Богословская Л. П.
Богучарский В. Я.
Бойков А. И.
Боков П. И.
Боровиковский А. Л.
Боровский К.
Бородаевская-Ясевич В.
Бородин А. П.
Бородин Д. Н.
Бороздин Н. А.
Боткин В. П.
Боханов А. А.
Бочаров И. П.
Брокгауз Ф. А.
Брюллов К. П.
Будницкий О. В.

- Булацель П. Ф.
 Буренин В. П.
 Буробин В. Н.
 Бурцев В. Л.
 Бутков В. П.
 Буцкевич М. Н.
 Буцковский Н. А.

 Вагнер Р.
 Валув П. А.
 Варфоломеев Ю. В.
 Васильев А. А.
 Васильчиков А. И.
 Васьковский Е. В.
 Вашкевич Г.
 Венгеров С. А.
 Венявский Г. И.
 Вересаев В. В.
 Верещагин А. В.
 Верещагин В. В.
 Вернадский И. В.
 Веселовский Б. Б.
 Ветошников П. А.
 Ветринский В. Е. см. Ч<ешихин>-
 Ветринский
 Вешторт С.
 Виардо П.
 Вильгорский (Вельгорский)
 М. Ю.
 Викторов А. М.
 Виленская Э. С.
 Виленский Б. В.
 Вилинская-Маркович М. А.
 Вильбоа (Вильбуа) К. П.
 Винавер М. М.
 Винберг А. И.
 Винклер П. П.
 Виташевский Н. А.
 Витт Н. И.
 Вишневский В. Г.
 Володин А. И.
 Волькенштейн Ф. А.
 Ворожейкин Е. М.
 Воронихин А. В.
 Высоцкий С. А.

 Гаврилов С. Н.
 Гаврилова А. В.
 Гагарин П. П.
 Гаевский В. П.
 Галоганов А. П.
 Гарибальди Д.
 Гаук А. В.
 Геворгиз А. А.
 Гендель Г. Ф.
 Герард В. Н.
 Герасименко Г. А.
 Герке А. А.
 Гернет М. Н.
 Герцен А. И.
 Гессен И. В.
 Гетманский А. Э.
 Гжегелевский
 Гинцбург Г. О.
 Гинцбург И. Я.
 Гирс А. И.
 Глазунов А. К.
 Глебов П. Н.
 Глинка М. И.
 Глинский Б. Б.
 Гогель К.
 Гоголевский А. В.
 Гоголь Н. В.
 Голенищев-Кутузов А. А.
 Голицын П. П.
 Голицын Ю. Н.
 Голубева О. Д.
 Гольдман Л. И.
 Гольдштейн М. Л.
 Гордеева Е. М.
 Городецкий Л. С.
 Горький А. М.
 Гофман Э. Т. А.
 Графский В. Г.
 Грачевский М. Ф.
 Грезнева А. А.
 Григорович Д. В.
 Грин И. В.
 Гросул В. Я.
 Гусятников П. С.
 Гюго В.

- Давыдов Н. В.
Даргомыжский А. С.
Дебогорий-Мокриевич В. К.
Дейч Л. Г.
Демченко А. А.
Деп, обер-секретарь Сената
Дервиз (Д. Г.?)
Джаншиев Г. А.
Диани С. А.
Дическуло Л. А.
Днепров Э. Д.
Добров И. И.
Добровольский И. И.
Добролюбов Н. А.
Долгов Н. С.
Дорн Б. Б.
Достоевский Ф. М.
Драгоманов М. П.
Дрентельн А. Р.
Дютур С. Н. (урожд. Серова)
- Емелин А. С.
Ефрон И. А.
- Жалыбин С. М.
Жданов Ю. Н.
Желеховский В. А.
Жемчужников В. М.
Жиганова Т. М.
Жижиленко А. А.
- Завадская Э.
Загорский Р.
Зайончковский П. А.
Замятнин Д. Н.
Зарудный А. С.
Зарудный С. И.
Засулич В. И.
Звягинцев А. Г.
Зильберман Е. Г.
Зиновьев Г. Е.
Золя Э.
- Ивакина Н. Н.
Иванов И. И.
- Игнатъев П. Н.
Ильин В. В.
Исаева Т. Б.
Исбах А. А.
Итенберг Б. С.
Иштугин Н. А.
- Кавелин К. Д.
Калиновский Б. Ф.
Кан Г. С.
Каншин Д. В.
Капинус Н. И.
Карабчевский Н. П.
Каренин Вл. см. Комарова В. Д.
Кармалин
Карпачев М. Д.
Карпинская Я.
Карякин Ю. Ф.
Катков М. Н.
Качалов В. И.
Качалова О. В.
Кашенко Н. Е.
Кедрин Е. И.
Кельнер В. Е.
Кельсиев В. И.
Керенский А. Ф.
Киборт М.
Кизеветтер А. А.
Кленов В. Д.
Клосс Б. М.
Книрим А. А.
Ковалев В. А.
Ковалевский М. М.
Коваль С. Г.
Ковальский И. М.
Кожанчиков Д. Е.
Козаченко И. Я.
Козьмин Б. П.
Коллонтай А. М.
Колмаков М. Н.
Кологривов В. А.
Колюбакин А. М.
Комаров А. В.
Комарова В. Д. (урожд. Стасова)
(Каренин Вл.)

- Конасевич А.
 Кони А. Ф.
 Кони Ф. А.
 Константин Николаевич, вел. кн.
 Корнева Н. М.
 Корнилов А. А.
 Королева Н. Г.
 Королицкий М.
 Коростылева С. Г.
 Коротких М. Г.
 Коротков Ю. Н.
 Корф М. А.
 Корш В. Ф.
 Костомаров Н. И.
 Котляровский П.
 Кошель П. А.
 Кошко А. Ф.
 Крамской И. Н.
 Красная Г. Н.
 Крестьянников Е. А.
 Кризандер Ф.
 Кровицкий Г. А.
 Кропоткин П. А.
 Кротонов П. В.
 Кудрявцев В. Н.
 Кузнецов А. С.
 Кузнецова П. С. см. Стасова П. С.
 Кузьмин-Караваев В. Д.
 Кукольник Н. В.
 Кунин И.
 Купер Ф.
 Курдюмов П. В.
 Курицын В. М.
 Кухаренко И.
 Куцова Э. Ф.
 Кучерена А. Г.
 Кюи Ц. А.

 Лаблаш Л.
 Лавров П. Л.
 Ланской П. П.
 Ларин А. М.
 Лассаль Ф.
 Лебедев А. К.
 Левашев Е.

 Левашов В. В.
 Левидова С. М.
 Левин Ш. М.
 Левин Ю. Д.
 Легкий Д. М.
 Ледерле М. М.
 Лейкина-Свирская В. Р.
 Лемке М. К.
 Ленин (Ульянов) В. И.
 Леонович А.
 Леонтович В. В.
 Лермонтов Ф. Н.
 Ливанова Т. Н.
 Линьков И. И.
 Лион С. Е.
 Липилин В. Г.
 Ломакин Г. Я.
 Лорис-Меликов М. Т.
 Лощинин Н. П.
 Лубшев Ю. Ф.
 Лупинской П. А.
 Луцкий К. Л.
 Львов А. Ф.
 Люстиг В. О.
 Лядов А. К.
 Ляпунов С. М.
 Ляпунова А. С.
 Ляховецкий Л. Д.

Макалинский П. В.
 Макаров А. А.
 Маклаков В. А.
 Маков Л. С.
 Маковский В. Е.
 Маковский К. Е.
 Малев Е. В.
 Малинин О. В.
 Марголис А. Д.
 Маркевич А. П.
 Марков А. Н.
 Марко-Вовчок см. Вилинская-Маркович М. А.
 Маркс К.
 Мартянов П. К.
 Маршак С. Я.

- Маршунов М. М.
Масанов И. Ф.
Матюшкин В. А.
Медведчук В. В.
Медушевский А.
Мезенцев Н. В.
Мельгунов С. П.
Меринг Ф.
Миклухо-Маклай Н. Н.
Миллер, обер-секретарь Сената
Милоголовкин М. Н.
Милютин Д. А.
Миронов Б. Н.
Миттермайер К.
Михайлов М. Л.
Михеэнко М. М.
Мокиевский-Зубок С. В.
Молас А. П.
Мордвинов Н. А.
Муравьев М. Н.
Муратов, генерал
Мусоргский М. П.
Мюллер-Стрибинг Г.
Мюссе А.
- Набоков Д. Н.
Наполеон I
Нарежный А. И.
Неведомский А.
Недзвецкий В. А.
Некрасов В. Ф.
Некрасов Н. А.
Немыгина М. В.
Нечаев С. Г.
Нечаева О. К.
Нечкина М. В.
Никитенко А. В.
Никитин Н. В.
Никитский К. Я.
Николай I
Николай II
Николай Михайлович, вел. кн.
Новикова Н. Н.
Нотович О. К.
- Оболенский Д. А.
Оболенский Ю. А.
Обручев В. А.
Овсянко Б.
Огарев Н. П.
Одесский М. П.
Одоевский В. Ф.
Окунев Н. А.
Ольденбург С. С.
Ольденбургский П. Г.
Ольхин А. А.
Ольхин С. А.
Ольхина М. С.
Оржиховский И. В.
Орлов Ю. Г.
Орлова А. А.
Орловский А. О.
Остен-Сакен
Островский А. Н.
Оуэн Р.
- Павлов П. В.
Павлова Т. А.
Павлюченко Э. А.
Панарин А. С.
Панин В. Н.
Панина С. В.
Панов Н. Ю.
Пантин И. К.
Парфенов И. Д.
Пассовер А. Я.
Пекелис М. С.
Перегудова З. И.
Перетц Г. Г.
Перетц Е. А.
Перовская С. Л.
Петров А. П.
Петрухин И. Л.
Пивоваров Ю. С.
Пилявский В. И.
Пирумова Н. М.
Писарев Д. И.
Плавский А. П.
Плевако Ф. Н.
Плимак Е. Г.

- Победоносцев К. П.
 Подлящук Н. И.
 Полевая М. И.
 Половцов А. А.
 Полянский Н. И.
 Пономарев А. А.
 Поплавский Я.
 Попов И. П.
 Порох И. В.
 Порфиртева А. В.
 Потапчук И. В.
 Потехин П. А.
 Прибылев А. В.
 Приленский В. И.
 Пугачев Е. И.
 Пузыревский А. И.
 Пушкин А. С.
 Пыпин А. Н.

 Радченко С. И.
 Раевский, столоначальник МЮ
 Реент Ю. А.
 Рейхель М. К.
 Репин И. Е.
 Римская-Корсакова Н. Н.
 Римский-Корсаков А. Н.
 Римский-Корсаков Н. А.
 Ровинский Д. А.
 Рогачев Д. М.
 Розанов А. С.
 Розин Н. Н.
 Россини Дж.
 Рубинштейн А. Г.
 Рубинштейн Н. Г.
 Рудницкая Е. Л.
 Рууд Ч. А.
 Рыжов Д. С.
 Рытоков, обер-секретарь Сената
 Рязанов Д. В.

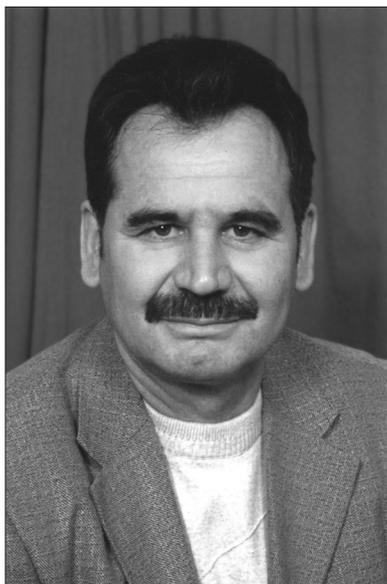
 Сабелькин В. И.
 Сабинаина Н. Д.
 Сабуров А. А.
 Саврасов А. К.
 Саккетти Л. А.

 Салита Е. Г.
 Салтыков-Щедрин М. Е.
 Самарский-Быховец В. В.
 Санд (Занд) Ж.
 Санд-Каламатта Л.
 Сантис М. Л.
 Сашонко В. Н.
 Свитыч В. С.
 Святоцкий О. Д.
 Секиринский С. С.
 Сераковский С.
 Серно-Соловьевич А. А.
 Серно-Соловьевич Н. А.
 Серов А. Н.
 Серов В. А.
 Сибиряков И. В.
 Сидорацкая А. Я.
 Скарятин В. Д.
 Скатов Н. Н.
 Скотт В.
 Скотти М. И.
 Скрипилев Е. А.
 Скрипицын В.
 Смоленский Ст.
 Смолярчук В. И.
 Снытко Т. Г.
 Соколовский Н. М.
 Соллогуб В. А.
 Соловьев А. К.
 Соловьев Н. А.
 Солодовников А. В.
 Сомов А. И.
 Сомов Л. П.
 Сорокин А. Ф.
 Сотников А. А.
 Спасович В. Д.
 Спиридович А.
 Стасов А. В.
 Стасов Б. Д.
 Стасов В. В.
 Стасов В. П.
 Стасов Н. В.
 Стасов С. Д.
 Стасова Е. Д.
 Стасова Н. В.

- Стасова П. С. (урожд. Кузнецова)
Стасюлевич М. М.
Стелловский Ф. Т.
Степанов С. А.
Степанов Ю. Г.
Степанова А. В.
Степанова Н. А.
Степняк-Кравчинский С. М.
Стернин Г. Ю.
Стецкевич С.
Стоу Б.
Стояновский Н. И.
Струве П. Б.
Суворин А. С.
Суворов А. А.
Суворова Е. И.
Суворов-Рымникский А. А.
Сучкова М. А.
- Таганцев Н. С.
Танеев В. И.
Танеев С. И.
Татищев С. С.
Твардовская В. А.
Телье В. И.
Тизенгаузен П. О.
Тимофеев А. Г.
Тимофеев Г. Н.
Тихомандрицкий А. Ф.
Тихомиров Л. А.
Тишкин Г. А.
Ткачев П. Н.
Толстой Д. А.
Толстой Л. Н.
Топильский М. И.
Топорков П. А.
Топоров А. В.
Тотлебен Э. И.
Трепов Ф. Ф.
Троицкий А. М.
Троицкий Н. А.
Трубников К. В.
Трубникова М. В.
Трюбнер Н.
Туган-Барановский М. И.
- Тун А.
Тургенев И. С.
Турчанинов А. Н.
Тхоржевский С.
Тыжненко Т. Е.
Тыныбеков С.
Тютчев Н. Н.
Тютчева А. Ф.
Тютюкин С. В.
- Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
Унковский А. М.
Урусов А. И.
Утевский Б. С.
Утин Б. И.
Утин Е. И.
- Фатьянов А. Д.
Федосеева В. А.
Федосюк Ю. А.
Федотова Е. В.
Фельдман Д. М.
Феоктистов Е. М.
Фет А. А.
Фигнер В. Н.
Филиппов М. А.
Филиппов Р. В.
Филиппова Т. А.
Философов В. Д.
Философова А. П.
Финдейзен Н. Ф.
Фицтум фон Экстедт А. И.
Флеровский В. В. см. Берви-Флеров-ский В. В.
Фойницкий И. Я.
Фортунато С. В.
Фролова И. И.
Фурье Ш.
- Хайлова Н. Б.
Халтулари К. Ф.
Харитонов К.
Хвостов, член юридического кружка
Холявин В. К.
Христофоров И. А.

- Худяков И. А.
Чайковский М. И.
Чайковский П. И.
Черкесов А. А.
Черкасова Н. В.
Чернуха В. Г.
Чернышев В. Д.
Чернышевская О. С.
Чернышевский Д. В.
Чернышевский Н. Г.
Чертков В. Г.
Чешихин-Ветринский
(Ч.-Ветринский) В. Е.
Чирипкина Л. Н.
Чистяков О. И.
Чудновский С. Л.
- Шакеев Е. А.
Шакеева М. А.
Шакеева О. А.
Шамшин И. И.
Шаховской М. Н.
Шацилло К. Ф.
Шварц В. Г.
Шекспир У.
Шелгунов Н. В.
Шелгунова Л. П.
Шелохаев В. В.
Шепелев Л. Е.
Шестакова Л. И.
Шестакова О. Д.
- Шилов А. А.
Шилов Д. Н.
Шириянц А. А.
Шириянц С. А.
Шлемин П. И.
Шостак П.
Штакеншнейдер Е. А.
Штейман А. А.
Штокгаузен
Штюрмер, военный цензор
Шубин, юрист
Шувалов П. А.
Шуман К.
Шустов, юрист
- Щапов А. П.
Щеголев П. Е.
Щербачев Н. В.
- Эдельштейн М. В.
Эйдельман Н. Я.
Элпидин М. К.
Энгельгардт В. П.
- Юргенсон П. И.
Юренев, столоначальник МЮ
- Языков А. И.
Ямпольский И. М.
Ястребцев В. В.
Яшин А. Н.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Легкий Дмитрий Максимович

Доктор исторических наук, профессор Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. Обучался на историко-педагогическом факультете Костанайского педагогического института им. 50-летия СССР. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского и прошел научную стажировку в Санкт-Петербургском государственном университете. Имеет 71 научную работу, в том числе статьи в 20 научных журналах: России — «Государство и право», «Исторический архив», «Историографический сборник», «Вопросы истории», «Освободительное движение в России», «Основы государства и права», «Отечественная история», «Правоведение», «Право и политика», «Присяжный поверенный», «Проблемы права»; Казахстана — «Вестник Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова», «Вестник Карагандинского университета», «Галым», «Евразийское сообщество», «Закон и время», «Мысль», «Правовая реформа в Казахстане», «Саясат», «Хабарши. Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева». Специализация: история государственных органов управления, история общественного, национально-освободительного движения. Предложения, замечания, пожелания: e-mail: legk_d@mail.ru

